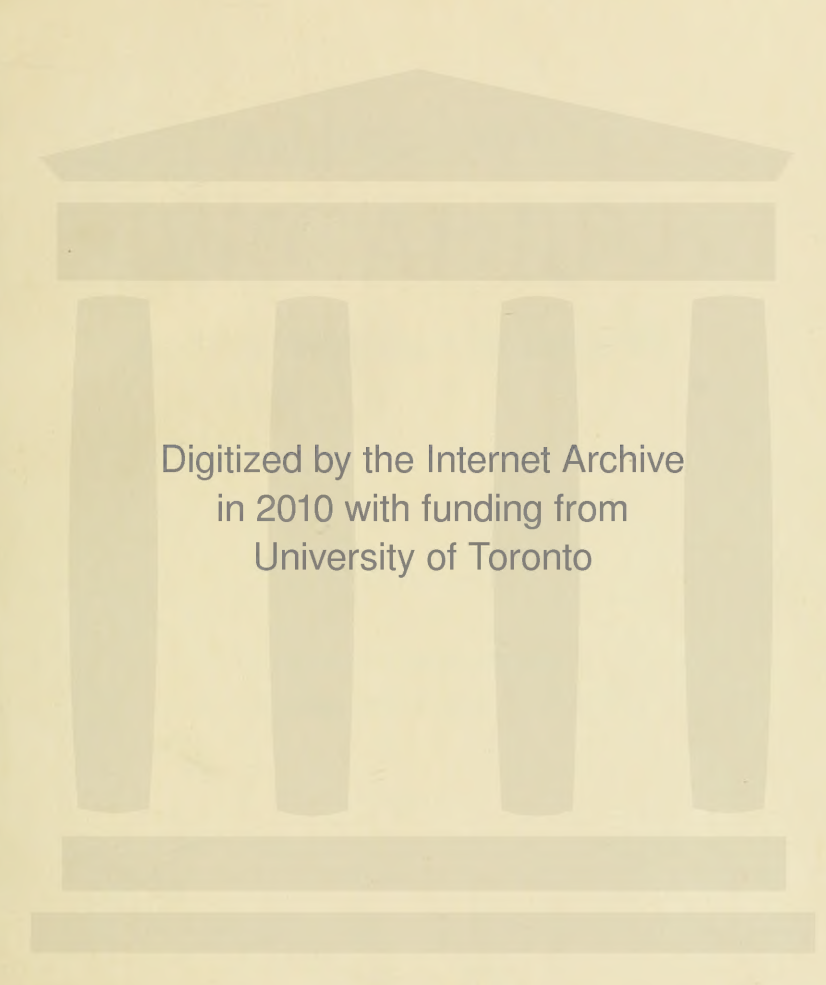

МАГАЗИНЪ
МОСКВА

Великій Князь Николай Михаиловичъ

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ I

ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ТЕКСТЪ и ПРИЛОЖЕНІЯ,
съ 19 таблицами портретовъ и рисунковъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ
1912

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ I

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

Императоръ Александръ I

Великій Князь Николай Михаиловичъ

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ I

ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ТЕКСТЪ и ПРИЛОЖЕНІЯ,
съ 19 таблицами портретовъ и рисунковъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ
1912

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ нашемъ новомъ трудѣ мы не намѣрены излагать исторіи царствованія Александра Благословеннаго.

Мы стремимся дать опытъ историческаго изслѣдованія характера и дѣятельности Александра Павловича, не только какъ Государя и повелителя земли русской, но и какъ человѣка. Задача наша не изъ легкихъ—мы это сознаемъ: во-первыхъ, потому, что многіе источники отсутствуютъ, благодаря систематическому истребленію ихъ Императоромъ Николаемъ I; другіе хотя и существуютъ, но съ большими пробѣлами, какъ, напримѣръ, вся переписка Императрицы Маріи Ѳеодоровны съ сыномъ-первенцомъ; во-вторыхъ, мы не могли воспользоваться полностью всѣми иностранными архивами, несмотря на широкую любезность архивовъ иностранныхъ дѣлъ: французскаго, австрійскаго и прусскаго; наконецъ, доступъ къ нѣкоторымъ частнымъ архивамъ, какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ, еще не открытъ. Главными источниками, которыми мы могли вполнѣ свободно пользоваться, были документы и рукописи Собственной Его Императорскаго Величества библіотеки и Государственнаго архива, а также матеріалы, находящіеся въ Архивѣ Канцеляріи Военнаго Министерства, помѣщающемся въ Петропавловской крѣпости.

Повторяемъ, мы не старались дать исторію царствованія Императора Александра I. До сихъ поръ имѣется въ Россіи только сочиненіе Николая Карловича Шильдера. Эта интереснѣйшая книга написана съ вдохновеніемъ, увлекательно и талантливо, но, строго говоря, трудъ Шильдера нельзя назвать серьезной исторической работой. Она читается легко и, какъ историческій романъ, каждому, занимающемуся этой эпохой, необходима, но въ ней чувствуется какая-то незаконченность, много весьма досадныхъ пробѣловъ, недомолвокъ и неточностей. Покойный историкъ имѣлъ желаніе написать подробную исторію царствованія своего любимаго героя; онъ успѣлъ подготовить обширнѣйшій матеріалъ для этой цѣли, нынѣ находящійся въ Императорской Публичной библіотекѣ, но преждевременная кончина прервала благія намѣренія Николая Карловича. Смѣемъ выразить надежду, что къ столѣтію кончины Императора Александра I, то-есть къ 1925 году, найдутся молодыя силы, которыя посвятятъ себя этой работѣ.

Наша же задача гораздо скромнѣе: мы давали и даемъ матеріалы, которыми будущіе русскіе историки могутъ воспользоваться. Не намъ, также, рѣшать вопросъ, возвеличитъ или понизитъ предлагаемое историческое изслѣдованіе образъ Благословеннаго монарха.

Думаемъ, что, какъ правитель великой страны, Александръ I займетъ первенствующее мѣсто въ лѣтописяхъ общей исторіи; какъ Русскій Государь, онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ блестящихъ дарованій лишь въ годину Отечественной войны, въ другіе же періоды двадцатичетырехлѣтняго царствованія интересы Россіи, къ сожалѣнію, отходили на второй планъ. Что же касается личности Александра Павловича, какъ человѣка и простого смертнаго, то врядъ ли обликъ его, такъ сильно очаровывавшій современниковъ, чрезъ сто лѣтъ безпристрастный изслѣдователь признаетъ столь же обаятельнымъ.

Считаю своимъ долгомъ выразить мою признательность за оказанное содѣйствіе: С. М. Горяинову, В. В. Щеглову, В. И. Саитову, А. А. Голомбіевскому, члену французской академіи Фредерику Массону, князю Ѳ. Лихтенштейну, г. Шлиттеру, профессору Шиману и г. Байльё.

Н. М.

Оглавленіе.

Списокъ иллюстрацій.

Великій Князь Павелъ Петровичъ съ супругою и сыновьями,
Александромъ и Константиномъ

ГЛАВА I.

Годы колебаній.

1801—1807.

„Il serait difficile d'avoir plus d'esprit que n'en a l'Empereur Alexandre, mais je trouve qu'il y manque une [illegible], et il m'est impossible de découvrir [illegible]"

(Мнѣніе объ Императорѣ А[illegible], [illegible]занное Наполеономъ [illegible] Меттернихомъ.)

Кончина отца, столь драматичная, застала Александра, когда ему было 23 года и 3 мѣсяца отъ роду. Онъ былъ уже молодой человѣкъ и шесть лѣтъ женатъ, душой и тѣломъ вполнѣ развитъ. Слѣдовательно, ему было возможно наблюдать, размышлять и взвѣшивать всѣ событія. Два лица имѣли въ дѣтскомъ возрастѣ преобладающее на него вліяніе. То были: великая его бабка Екатерина II и швейцарецъ-воспитатель Лагарпъ. Екатерина служила живымъ примѣромъ, какъ нужно царствовать и управлять народомъ. Лагарпъ преподалъ тѣ рецепты, которые, по его мнѣнію, наиболѣе были подходящи и современны для роли монарха обширной имперіи.

Александръ многое усвоилъ, такъ какъ былъ воспріимчивъ, но усвоилъ поверхностно и не вдумываясь въ суть дѣла, и не стараясь понять духа русскаго человѣка. Потому его рѣшенія были тороплины и необдуманны, недоставало прочнаго фундамента.

По свидѣтельству стараго его дядьки Протасова, юноша былъ умный и даровитый, но лѣнивый и безпечный; онъ быстро схватывалъ всякую мысль, но скоро забывалъ, не умѣлъ сосредоточиться, мало читалъ, предпочитая другія развлеченія, и особенно интересовался военными упражненіями. Такъ было, когда въ 16 лѣтъ его женили, такъ оно и осталось въ годъ смерти Павла. Эти недостатки характера какъ нельзя болѣе наглядно сказались въ той роли, которую сыгралъ Александръ въ событіяхъ, доведшихъ его до престола въ мартѣ 1801 года, а также въ предшествовавшихъ интригахъ къ завершенію этой драмы. Люди, съ которыми приходилось ежедневно сталкиваться, были или придворные, или офицеры. Кромѣ нихъ, при строгостяхъ Павловскаго режима, Александру не съ кѣмъ было встрѣчаться. Ему было хорошо извѣстно, какъ многіе критиковали дѣятельность Государя, какъ боялись Павла одни и какъ ненавидѣли его другіе, что недовольство и ропотъ слышались не только въ столицѣ, но и внѣ Петербурга, что такого рода отношеніе къ его отцу не предвѣщало ничего отраднаго, и что все это могло довести до печальной развязки. Между тѣмъ, Александръ, слыша о ропотѣ и недовольствѣ, продолжалъ усердно и безпечно свои любимыя военныя занятія при любезномъ посредничествѣ опытнаго и старательнаго артиллерійскаго офицера Аракчеева; иногда вздыхалъ дома наединѣ съ своей супругой и ничѣмъ не выражалъ своихъ истинныхъ чувствъ, покорно покоряясь судьбѣ и не дѣлая никакихъ попытокъ сблизиться съ батюшкой, чтобы раскрыть ему глаза или уберечь его отъ готовящейся грозы.

А было надъ чѣмъ призадуматься. При извѣстной встрѣчѣ въ банѣ съ графомъ Панинымъ, Никита Петровичъ, еще почти за годъ, т.-е. въ 1800 году, прозрачно намекнулъ Александру на возможность заговора.

Нѣтъ сомнѣнія, что и другія лица говорили ему то же самое. Рядомъ съ этимъ, Александру было извѣстно, что въ послѣдніе

годы своей жизни Екатерина хотѣла лишить наслѣдства на престолъ сына, отдавъ это наслѣдство въ руки любимаго ея внука. 16 сентября 1796 года въ разговорахъ съ Александромъ престарѣлая Императрица лично изъявила свое желаніе передать непосредственно Всероссійскій престолъ въ руки возлюбленнаго ея внука, лишивъ престола Павла Петровича. Недѣлю спустя, Александръ письменно благодарилъ бабушку за оказанное ему довѣріе *).

По этому поводу Шильдеръ старается доказать, что письмо, написанное Александромъ бабушкѣ, было послано съ вѣдома Павла Петровича. Говоря далѣе объ этомъ вопросѣ, историкъ Александра до того увлекается, что допускаетъ въ области исторической науки право „отгадывать и возстановлять—въ особенности отгадывать“ **).

Не можемъ допустить такой теоріи, потому что такого рода догадки только уклоняются отъ истины. Увлекаясь дальше, Шильдеръ сопоставляетъ даты писемъ Александра къ Аракчееву и Александра къ Екатеринѣ, и совсѣмъ голословно приходитъ къ заключенію, что свидѣтелемъ какой-то „присяги былъ Аракчеевъ“, что будто бы „необъяснимая дружба“ между Александромъ Павло-

*) *Le 24 septembre 1796.* Votre Majesté Impériale!

Jamais je ne pourrais exprimer ma reconnaissance pour la confiance dont V. M. a bien voulu m'honorer et la bonté qu'elle a daigné avoir de faire de sa main un écrit servant d'intelligence aux autres papiers. J'espère que V. M. verra, par mon zèle à mériter ses précieuses bontés que j'en sens tout le prix. Je ne pourrais, il est vrai, jamais assez payer même par mon sang tout ce qu'Elle a daigné et veut faire encore pour moi. Ces papiers confirment évidemment toutes les réflexions que V. M. a bien voulu me communiquer tantôt et qui, s'il m'est permis de le dire, ne peuvent être plus justes. C'est en mettant encore une fois aux pieds de V. M. I. les sentiments de ma plus vive reconnaissance que je prends la liberté d'être, avec le respect le plus profond et l'attachement le plus inviolable,

de Votre Majesté Impériale le très humble et très soumis sujet et petit-fils

Alexandre.

Едва ли Павелъ Петровичъ и Марія Феодоровна могли участвовать въ составленіи такой записки, гдѣ сказано, что „toutes les reflexions ne peuvent être plus justes“.

**) См. Шильдера, т. I, стр. 130 и 131.

вичемъ и Аракчеевымъ кроется въ этой присягѣ, данной Наслѣдникомъ отцу въ присутствіи гатчинскаго капрала. Все это требовало бы какихъ-либо доказательствъ, но они отсутствуютъ. Единственное свидѣтельство о происшедшей въ царской семьѣ размолвкѣ по поводу намѣренія Императрицы Екатерины лишить Павла престола находится въ приложеніяхъ къ I тому исторіи Шильдера, а именно: „Записка великой княгини Анны Павловны“, изъ матеріаловъ и бумагъ, собранныхъ М. А. Корфомъ для жизнеописанія Императора Николая. Великая княгиня, много лѣтъ спустя, кому-то разсказала, что „dans un de ces moments d'effusion de confiance, ma mère conta à mon mari que, pendant qu'elle était en couches de mon frère Nicolas (слѣдовательно въ іюнѣ 1796 года, а вовсе не въ Сентябрѣ, т. к. Николай Павловичъ родился 25 іюня того же года), l'Impératrice Catherine lui avait fait communiquer un papier dans lequel il était question d'exiger de mon père une renonciation de ses droits à la couronne en faveur de mon frère Alexandre, insistant que ma mère signât ce papier en guise d'adhésion à l'acte que l'Impératrice voulait obtenir. Ma mère en ressentit une juste indignation et refusa de signer. L'Impératrice Catherine en fut très irritée et la froideur qu'elle lui montra était la conséquence d'avoir vu son projet déjoué. Plus tard mon père eut connaissance de ce papier retrouvé parmi ceux de l'Impératrice à sa mort. L'impression qu'il eut de ce que ma mère eût pu même être consultée sur un acte pareil fut si fâcheuse, qu'elle influa sur ses rapports avec elle et prépara bien des épreuves à maman“. И это свидѣтельство подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію. Едва ли Императрица Екатерина могла безпокоить свою невѣстку послѣ родовъ такого рода откровеніемъ. Въ годъ смерти Николая Павловича королевѣ Нидерландской было 60 лѣтъ и, если она лично и разсказывала что-либо подобное барону Корфу, то память могла ей измѣнить, ибо въ 1796 году Аннѣ Павловнѣ минуло всего годъ жизни. Что касается мыслей, волновавшихъ душу Александра, то это

дѣйствительно останется загадкой, такъ какъ онъ ни съ кѣмъ не говорилъ объ этомъ, крайне щекотливомъ для него, вопросѣ. Если вѣрить тому, что Александръ писалъ въ то время Лагарпу, покинувшему Россію за годъ до этого событія, то могло казаться, что юноша былъ глубоко смущенъ всѣмъ происшедшимъ и даже намѣревался удалиться навсегда съ женой за границу *). Но писать одно, а рѣшать другое дѣло, и мы затрудняемся опредѣленно высказаться, какія чувства преобладали въ сердцѣ Александра.

Льстецовъ при дворахъ не оберешься. Люди, дрожавшіе при видѣ Павла, поддѣлывались одновременно и къ Александру. Лучшій примѣръ тому Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Другой любимецъ Императора Павла, Ростопчинъ, пока былъ въ фаворѣ, не только искалъ ласки Наслѣдника, но старался понравиться и Елисаветѣ Алексѣевнѣ, съ которой часто имѣлъ случай бесѣдовать. Что же сказать объ остальныхъ придворныхъ? Да всѣ дѣлали то же.

Изъ офицеровъ Александръ болѣе зналъ семеновцевъ, состоя шефомъ этого полка. Князь П. М. Волконскій былъ тогда его личнымъ и шефскимъ адъютантомъ. Многіе другіе офицеры Семеновскаго полка были впослѣдствіи особо отличены Александромъ, а нѣкоторые осчастливлены аксельбантами **). Молва гласила, что изъ пѣхотныхъ гвардейскихъ частей семеновцы были наиболѣе

*) Изъ дневника А. С. Пушкина 21 мая 1834 года. „Въ Александрѣ было много дѣтскаго. Онъ писалъ однажды Лагарпу, что, давъ свободу и конституцію землѣ своей, онъ отречется отъ трона и удалится въ Америку". Полетика сказалъ по этому поводу: „L'Empereur Nicolas est plus positif; il a des idées fausses, comme son frère, mais il est moins visionnaire". Кто-то сказалъ о Государѣ Николаѣ Павловичѣ: „Il y a beaucoup du praporchtchique en lui et un peu du Pierre-le-Grand".

**) За все царствованіе было 5 семеновцевъ пожаловано флигель-адъютантами, а именно: 29 сентября 1802 г., штабсъ-капитаны Петръ Андреевичъ Кикинъ и Александръ Алексѣевичъ Ржевскій; 20 іюля 1811 г., штабсъ-капитанъ Николай Мартьяновичъ Сипягинъ (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ); 6 января 1819 г., полковникъ Леонтій Осиповичъ Гурко, и 8 іюля 1820 г., штабсъ-капитанъ Василій Петровичъ Бибиковъ.

озлоблены на царившіе порядки. Вскорѣ это наглядно подтвердилось.

До разыгравшейся трагедіи, Александръ много знавалъ князя Адама Чарторыжскаго, имѣвшаго на него значительное вліяніе, тоже проявившееся гораздо позднѣе. Но съ 1799 года Чарторыжскій былъ въ Италіи, а его другъ Новосильцовъ въ Англіи, у графа С. Р. Воронцова. Въ разсматриваемые дни оставались въ Петербургѣ и часто видѣли Наслѣдника: графъ П. А. Строгановъ, графъ Х. А. Ливенъ, графъ Комаровскій, Уваровъ, шефъ кавалергардовъ, и князь П. П. Долгорукій. Послѣ удаленія въ Москву Ростопчина, а Аракчеева въ Грузино, снова появились въ столицѣ братья Зубовы, которыхъ Александръ постоянно встрѣчалъ при дворѣ своей бабки за послѣднее время ея управленія. При дворѣ же его отца теперь появилась новая личность, назначенная Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ. То былъ графъ П. А. Паленъ, извѣстный своимъ желѣзнымъ характеромъ и твердой волей. Благодаря этимъ качествамъ, Императоръ Павелъ и поручилъ ему наблюденіе за столицей, въ виду разныхъ тревожныхъ слуховъ, доходившихъ до душевно разстроеннаго вѣнценосца. Несомнѣнно, что Паленъ произвелъ глубокое впечатлѣніе и на Наслѣдника престола. Они видѣлись ежедневно и вели продолжительныя бесѣды *). Паленъ не скрывалъ отъ сына, что положеніе изо дня въ день дѣлается болѣе серьезнымъ и тревожнымъ, что необходимъ какой-либо выходъ, что ему, Александру, грозитъ постоянная опасность быть заключеннымъ, словомъ, дѣйствовалъ на вообра-

---

*) *Récit verbal du comte Pahlen à Langeron:* „On avait donné à l'Empereur quelque soupçon sur mes liaisons avec le grand-duc Alexandre; nous ne l'ignorions pas. Je ne pouvais paraître chez ce jeune prince, nous n'osions parler longtemps de suite malgré les relations que nos places nous donnaient: c'était donc par des billets (chose, je l'avoue, imprudente et dangereuse, mais indispensable) que nous nous communiquions nos pensées et les arrangements nécessaires à prendre. Ces billets étaient remis au comte Panine: le grand-duc Alexandre y répondait par d'autres billets que Panine me remettait; nous les lisions, nous y répondions et nous les brûlions sur-le-champ".

женіе юноши умѣло и искусно *). Александръ, самъ отлично зная, что гроза неминуема, ни на что опредѣленное не рѣшался, опасаясь неожиданныхъ послѣдствій, но въ концѣ концовъ далъ Палену carte blanche дѣйствовать по его усмотрѣнію. Что это означало? Да просто согласіе Наслѣдника на исполненіе заговора (подробности котораго не входятъ въ нашу задачу). Разъ заговоръ былъ рѣшенъ, началась серія жуткихъ дней, потому что безъ вѣдома Александра графъ Паленъ дѣйствовать не собирался.

Нагляднѣйшимъ примѣромъ ихъ отношеній служитъ слѣдующій эпизодъ, подтвержденный и самимъ Паленомъ **), и другими заговорщиками въ бесѣдахъ и запискахъ о минувшемъ событіи. Ночное наступленіе на Михайловскій замокъ было рѣшено предварительно въ ночь съ 9 на 10 марта. Когда о семъ было доложено Александру, онъ замѣтилъ Палену, что 9 марта было бы рисковано дѣйствовать, ибо въ дворцовомъ караулѣ находятся преданные Государю преображенцы, а что молъ съ 11 на 12 марта будетъ тамъ по очереди караулъ отъ 3 батальона семеновцевъ, за преданность которыхъ ему, Александру, онъ ручается.

---

*) *Même source.* „......il me paraissait impossible d'y parvenir sans avoir le consentement et même la *coopération* du grand-duc Alexandre. Je le sondai sur ce sujet, mais d'abord légèrement, vaguement et me contentant de jeter quelques mots sur les dangers du caractère de son père. Alexandre m'écoutait, soupirait et ne répondait rien. Ce n'est pas ce que je voulais. Je me décide enfin à rompre la glace et à lui dire ouvertement et franchement ce qu'il me [illegible] indispensable de faire....... Je parvins à ébranler sa piété filiale et même à le décider à [illegible] avec Panine et moi les moyens de parvenir à un dénouement, dont lui-même ne pouvait se dissimuler l'urgence. Mais je dois à la vérité de dire que le grand-duc Alexandre ne [illegible] à rien avant d'exiger de moi la *parole la plus sacrée que l'on attenterait point aux [illegible] son père;* je la donnai", etc., etc.

**) *Même source.* „Lorsque le grand-duc fut décidé à agir de concert [illegible] grand point de gagné, mais ce n'était pas encore tout. Il m'avait répondu de son régiment de [illegible] nofsky .... J'engageais le grand-duc à frapper dès le lendemain même le coup [illegible] (c.-à-d. dans la nuit du 9 au 10 mars); il me força de différer jusqu'au 11 [illegible] 3e bataillon de Sémenofsky, dont il était plus sûr encore que des autres [illegible] consentis avec peine et ne fus pas sans inquiétude pendant ces deux jours"

Приводимъ цѣликомъ приказъ по л.-гв. Семеновскому полку.

Воскресеніе 10 марта 1801 года.

Завтра въ караулы батальонъ (3) генералъ-майора Депрерадовича *).

Въ Главный: капитанъ Воронковъ, поручикъ Полторацкій, прапорщикъ Ивашкинъ.

Къ С.-Петербургскимъ воротамъ подпоручикъ Усовъ 2-й.

Къ Новымъ воротамъ поручикъ Жиленковъ.

Дежурный по карауламъ полковникъ Ситманъ.

Главнымъ рундомъ и парадировать капитанъ Мордвиновъ.

Визитеръ рундомъ и парадировать подпоручикъ Леонтьевъ 2-й.

Изъ разсказовъ одного изъ офицеровъ, бывшихъ въ ту ночь въ караулѣ, поручика Полторацкаго, мы могли почерпнуть такія подробности:

„Le 10 mars il y avait réunion à la Cour. Paul se promenait au milieu des militaires tremblants et rangés par régiments.

J'étais avec les Sémenofsky. Le grand-duc Alexandre, qui était notre chef, m'approcha et me dit: „Demain vous monterez la garde

---

*) Полкъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Павловича.
3-й батальонъ генералъ-майора Депрерадовича.

Генералъ-майоръ Леонтій Ивановичъ Депрерадовичъ; полковники: Иванъ Ивановичъ *Ситманъ* и Яковъ Егоровичъ Вадковскій; капитаны: Гавріилъ Ивановичъ *Воронковъ* и Дмитрій Михайловичъ *Мордвиновъ;* штабсъ-капитаны: Василій Ивановичъ Мельниковъ и Николевъ 2-й; поручики: Алексѣй Петровичъ Шубинъ, Константинъ Марковичъ *Полторацкій,* Матвѣй Трофимовичъ *Жиленковъ,* Никита Ивановичъ Кожинъ, Дмитрій Петровичъ Горихвостовъ, Александръ Алексѣевичъ Кологривовъ и Петръ Николаевичъ Усовъ 1-й; подпоручики: Александръ Николаевичъ *Усовъ 2-й,* Владиміръ Алексѣевичъ *Леонтьевъ 2-й,* Василій Николаевичъ Соймоновъ, Аѳанасій Гавриловичъ Завалишинъ и Алексѣй Егоровичъ Деденевъ; прапорщики: Дмитрій Ивановичъ *Ивашкинъ,* Ѳедоръ Васильевичъ Ридигеръ, Дмитрій Ивановичъ Текутьевъ 1-й, Григорій Ивановичъ Текутьевъ 2-й и Михаилъ Алексѣевичъ Леонтьевъ 3-й.

Роты въ батальонѣ генералъ-майора Депрерадовича именовались:

Генералъ-майора Депрерадовича, полковника Вадковскаго, капитана Мордвинова, капитана Воронкова и полковника Ситмана.

au Palais Michel“. Je m'inclinai, mais cela me contrariait.... de monter la garde sans que cela fût mon tour.... Le lendemain je me costumai d'après l'ordre établi; je pris de l'argent, comme on faisait alors, car on n'était jamais sûr de ne pas être expédié du Palais en Siberie, et je me rendis au Palais Michel avec le capitaine Woronkoff et le sous-lieutenant Ivachkine. Nous montions la garde dans la cour intérieure du Palais et nous nous tenions dans une espèce de galerie.... Nous ne savions rien de ce qui se préparait; le général Depreradowitch, qui devait me le confier à la fin de la journée, oublia complètement de le faire, au milieu des agitations qui lui tournaient la tête. La nuit était froide et pluvieuse. Nous étions fatigués. Woronkoff sommeillait sur une espèce de canapé, Ivachkine sur une chaise, et moi j'étais étendu devant la cheminée de la première chambre où se tenaient les soldats. Un laquais de la Cour accourt en criant: „On assassine l'Empereur!“ Réveillés en sursaut, tremblants et effrayés, nous ne savions ce que nous devions faire. Woronkoff s'enfuit. Je restai le plus ancien, etc., etc.

J'adorais le grand-duc Alexandre, j'étais heureux de son avènement; j'étais jeune, étourdi, et, sans rien consulter, je courus dans ses appartements“.

Графъ Паленъ не сразу согласился отложить назначенное предпріятіе и заявилъ Наслѣднику „qu'il y va de vos jours“, и что весь заговоръ можетъ быть раскрытъ за эти два дня.

Но Александръ стоялъ на своемъ, и Паленъ, признавъ доводы основательными, согласился отложить злополучное дѣло до ночи 11 марта. Тѣмъ не менѣе и Паленъ оказался отчасти правымъ, такъ какъ 10 марта Александръ, вмѣстѣ съ братомъ Константиномъ, были арестованы во дворцѣ домашнимъ арестомъ. Словомъ, для каждаго ясно, что готовилось что-то необычное, но для современниковъ и въ частности для Александра надвигались тревожные часы. Очевидно, что и онъ сознавалъ вполнѣ всю серьезность переживаемаго момента, но, благодаря свойственной ему безпеч-

ности и не задумываясь глубоко о возможныхъ послѣдствіяхъ, Александръ, давъ согласіе, пребывалъ въ состояніи полудремоты до окончанія заговора.

Это нравственное состояніе двадцатитрехлѣтняго юноши мало понятно для насъ, пишущихъ эти строки, но описываемая полудремота въ тѣ дни глубокой драмы стоила Александру, съ годами, ряда невыносимыхъ мученій совѣсти. Совѣсть заговорила скоро, уже съ первыхъ дней вступленія его на престолъ *), и не умолкла до гроба. Выходило такое невиданное положеніе вещей.

Наслѣдникъ престола зналъ всѣ подробности заговора, ничего не сдѣлалъ, чтобы предотвратить его, а, напротивъ того, далъ свое обдуманное согласіе на дѣйствія злоумышленниковъ, какъ бы закрывая глаза на несомнѣнную вѣроятность плачевнаго исхода, т.-е. насильственную смерть отца. Вѣдь трудно допустить слѣдующее предположеніе, а именно, что Александръ, давъ согласіе дѣйствовать, могъ сомнѣваться, что жизни отца грозитъ опасность. Характеръ батюшки былъ прекрасно извѣстенъ сыну, и вѣроятіе на подписаніе отреченія безъ бурной сцены или проблесковъ самозащиты врядъ ли допустимо. И это заключеніе должно было постоянно приходить на умъ въ будущемъ, тревожить совѣсть Александра, столь чуткаго по природѣ, и испортить всю послѣдующую его жизнь на землѣ. Оно такъ и было въ дѣйствительности, что подтвердили всѣ современники Благословеннаго монарха.

*) Де Сангленъ пишетъ: „Новый Императоръ шелъ медленно, колѣни его какъ будто подгибались, волосы на головѣ были распущены, глаза заплаканы; смотрѣлъ прямо передъ собой, рѣдко наклонялъ голову, какъ будто кланялся; вся поступь его, осанка изображали человѣка, удрученнаго грустью и растерзаннаго неожиданнымъ ударомъ рока. Казалось, онъ выражалъ на своемъ лицѣ: „Они всѣ воспользовались моею молодостью, неопытностью; я былъ обманутъ, не зналъ, что, исторгая скипетръ изъ рукъ Самодержца, я неминуемо подвергалъ жизнь его опасности“.

(Описаніе перваго выхода въ Зимнемъ дворцѣ 12 марта 1801 г.)

Мало понятна также сцена, происшедшая между Императрицей Маріей Θеодоровной и сыномъ послѣ катастрофы.

Мать точно сомнѣвалась въ участіи сына и, убѣдившись въ невиновности своего первенца, бросилась ему въ объятія. Никто, конечно, не присутствовалъ при этой сценѣ, и можно судить о ней только по догадкамъ. Психологія Маріи Θеодоровны, намъ кажется, была не вполнѣ та, которую приписали ей историки этой эпохи. Хотя послѣ кончины мужа и перваго порыва отчаянія Марія Θеодоровна явно хотѣла взять бразды правленія *), но она сознавала, что это немыслимо при популярности Александра, а внѣшнія проявленія ея властолюбія были сдѣланы болѣе для эффекта и впечатлѣнія на сына, чѣмъ обдуманы заранѣе. Гораздо труднѣе опредѣлить, знала ли Императрица сама о готовящемся заговорѣ или не подозрѣвала этого; современники и историки безмолвствуютъ насчетъ заданнаго предположенія, а дневники Маріи Θеодоровны, могущіе раскрыть свѣтъ на эти событія, сожжены Императоромъ Николаемъ I, тотчасъ же послѣ смерти матери **).

Лично мнѣ мнится, что слухи о возможности заговора должны были быть извѣстны Маріи Θеодоровнѣ, а что Императоръ опасался такого исхода, то объ этомъ она могла судить потому, что потаенная дверь, ведущая въ ея аппартаменты, была изнутри заперта на ключъ, но остается не выясненнымъ, по

---

*) Свидѣтельство Беннигсена.

**) Въ дневникѣ поэта А. С. Пушкина мы читаемъ: „Государыня Александра Θеодоровна пишетъ свои записки. Дойдутъ ли онѣ до потомства? Елисавета Алексѣевна писала свои: онѣ были сожжены ея фрейлиной; Марія Θеодоровна также. Государь Николай Павловичъ сжегъ ихъ, по ея приказанію. Какая потеря! Елисавета хотѣла завѣщать свои записки Карамзину (слышалъ отъ Катерины Андреевны)“ (т.-е. супруги Карамзина).

Въ письмѣ отъ 12/24 марта 1826 года цесаревичъ Константинъ благодаритъ Ф. П. Опочинина за сообщеніе (по приказанію Государя Николая Павловича), что найденъ ящикъ съ любопытными бумагами, „въ числѣ которыхъ многіе воломы, написанные карандашемъ рукою покойнаго Государя“.

Въ томъ же письмѣ онъ поручаетъ Опочинину испросить соизволеніе Государя на пересылку „тетрадей, которыя писаны карандашемъ покойнымъ Государемъ“, на время.

распоряженію кого именно. Всѣ описывавшіе подробности ночной драмы единогласно свидѣтельствуютъ, что дверь была заперта со стороны лѣстницы, и что, когда Павелъ бросился къ ней, онъ не могъ отворить ее. Это одно уже доказываетъ, что и въ новомъ дворцѣ вѣрили въ возможность нападенія, если не императорская семья, то приближенные или прислуга. Вѣроятно, слѣдовательно, то, что до кончины Павла ни мать, ни сынъ не говорили между собой о заговорѣ и врядъ ли говорили часто объ этомъ событіи и позже.

Говорили о заговорщикахъ и о ихъ роляхъ, это не подлежитъ сомнѣнію, но не о самомъ заговорѣ, такъ какъ эта тема была едва-ли пріятна Александру, а мать избѣгала всегда раздражать сына, чтобы не терять желаннаго вліянія.

Чтобы кончить съ этими гипотезами, упомяну о цесаревичѣ Константинѣ, который ничего не вѣдалъ ни о заговорѣ, ни о переговорахъ брата съ Паленомъ, и про котораго говорили, что онъ сказалъ знаменательную фразу „qu'il ne voulait pas monter au trône souillé par le sang de son Père“.

Гораздо труднѣе было Александру разсчитаться послѣ своего воцаренія съ лицами, возведшими его такъ возмутительно нагло на престолъ предковъ.

И тутъ мы встрѣтимся съ цѣлымъ рядомъ необъяснимыхъ противорѣчій, которыя трудно окончательно разгадать и выяснить. Главы перваго и второго заговоровъ, графы Панинъ и Паленъ, удалены навсегда изъ Петербурга.

Панинъ жилъ въ своихъ угодьяхъ Дугинѣ и Марѳинѣ до самой кончины (1837 г.) и только при Николаѣ Павловичѣ получилъ разрѣшеніе наѣзжать въ Москву.

Паленъ до смерти жилъ въ своемъ родовомъ имѣніи „Eckau“, Курляндской губ., и въ Ригѣ (скончался въ 1826 г.). Но кары, собственно говоря, не было наложено никакой ни на главарей, ни на прочихъ исполнителей кроваваго дѣянія. Явленіе это

скорѣе понятно, потому что ни для кого не было выгодно затѣвать шумнаго судебнаго процесса, а тѣмъ болѣе для воцарившагося Александра, такъ необдуманно вплетеннаго въ замыслы Палена и заговорщиковъ. Тѣ изъ нихъ, которымъ молва приписывала активное воздѣйствіе въ памятную ночь 11 марта, удалились въ свои деревни.

Говоримъ о князѣ Яшвилѣ, Скарятинѣ и Татариновѣ, а также о Гордановѣ, Мансуровѣ, Аргамаковѣ и Маринѣ. Впрочемъ, трое послѣднихъ и не думали оставлять службы.

Братья Зубовы окончательно удалились со сцены, живя въ своихъ имѣніяхъ, и вскорѣ одинъ за другимъ сошли въ могилу. Талызинъ, бывшій командиромъ преображенцевъ, на квартирѣ котораго собирались заговорщики до шествія во дворецъ, внезапно умеръ въ маѣ 1801 года. Увѣряли, что онъ отравился или его отравили, но слухъ остался слухомъ.

Командиръ семеновцевъ Депрерадовичъ вышелъ въ отставку только въ 1807 году и жилъ въ большой нищетѣ до глубокой старости.

Беннигсенъ, послѣ временного удаленія, оставался на военной службѣ и участвовалъ виднымъ дѣятелемъ во всѣхъ Наполеоновскихъ кампаніяхъ. Его берегли и цѣнили, какъ способнаго генерала. Но при дворѣ избѣгали его приглашать, и имя его почти никогда не встрѣчается на страницахъ камеръ-фурьерскаго журнала. Временами его звѣзда восходила, особенно во время похода 1807 года и послѣ Прейсишъ-Эйлау и Фридланда, затѣмъ онъ сыгралъ видную роль въ Отечественную войну и въ слѣдующихъ кампаніяхъ. Но, повторяю, съ Беннигсеномъ не прекращали отношеній; бывали случаи, что и Государь, и вдовствующая Императрица его принимали у себя и писали ему дѣловыя письма. Между тѣмъ, его роль при вступленіи на престолъ забыть было бы трудно; онъ занималъ выдающееся положеніе именно тогда, и его сухая и высокая фигура должна была глубоко врѣзаться въ

воображеніи, если желали вспоминать злополучную ночь тревоги и ужаса.

Думается, что если на эту личность смотрѣли сквозь пальцы, то, благодаря тому только, что онъ былъ иностранецъ, родомъ изъ Ганновера, и цѣнили его военныя дарованія. Между тѣмъ, онъ никогда не скрывалъ своей дѣятельности въ ту эпоху, любилъ даже бесѣдовать съ друзьями о быломъ и оставилъ подробныя записки, гдѣ оправдывалъ свое возмутительное поведеніе. Генералъ Фокъ (Александръ) многое записалъ съ его словъ, а послѣ его смерти нѣмецъ Бернгарди издалъ въ Германіи часть записокъ Беннигсена. Но Александръ все-таки не прощалъ ему прошлаго и не далъ ему фельдмаршальскаго жезла *), такъ легко доставшагося двумъ другимъ нѣмцамъ, Витгенштейну и Ф. В. Сакену, заслуги которыхъ были менѣе крупны. Оригинальная участь выпала на долю Уварова. Будучи раньше при Павлѣ генералъ-адъютантомъ, но потерявъ вслѣдствіе немилости это званіе, Уваровъ былъ первый назначенъ генералъ-адъютантомъ при воцареніи Александра. Съ нимъ Александръ совершалъ свои обычныя прогулки по столицѣ пѣшкомъ и верхомъ въ первые годы царствованія. Онъ почти ежедневно былъ званъ къ столу Государя, а также былъ „persona grata“ у Маріи Θеодоровны, что еще поразительнѣе. Вѣроятнѣе всего, что, благодаря его счастливому характеру и ничтожности его личности, на него смотрѣли сквозь пальцы, или Уварову удалось скрыть свою настоящую роль въ тѣхъ событіяхъ обычными шуточками и каламбурами, на которые онъ былъ мастеромъ, подъ личиной постояннаго благодушія и вѣчнаго коверканія французскаго языка, обычнаго тогда для всей аристократіи, но плохо усвоеннаго Уваровымъ. Словомъ, онъ оставался l'enfant gâté царской семьи

---

*) Изъ записокъ Ланжерона: „Vingt ans après, lorsque Bennigsen eut à se plaindre d'Alexandre, il me dit à Odessa: „L'ingrat, il a oublié que j'ai bravé l'échafaud pour lui“.

до своей кончины въ 1824 году, и не мудрено, что ехидный грузинскій временщикъ такъ зло сострилъ на его похоронахъ *).

Каково было участіе другого царскаго приближеннаго, князя Петра Михайловича Волконскаго, установить трудно. Вѣроятно, роль его, какъ молодого офицера, ограничивалась сочувствіемъ къ заговору, раздѣляемымъ большинствомъ тогдашней гвардейской молодежи, но, какъ шефскій адъютантъ Семеновскаго полка, онъ не могъ относиться безучастно къ разыгравшимся событіямъ. Во всякомъ случаѣ, князь Волконскій остался другомъ царской семьи за всю свою жизнь, а слѣдовательно, не было поводовъ оказывать ему недовѣріе, и мы готовы допустить, что активнаго участія онъ и не принималъ въ мартовскомъ эпилогѣ.

Ни записокъ, ни воспоминаній Петръ Михайловичъ не оставилъ, такъ что его личное свидѣтельство отсутствуетъ, но имя его, тѣмъ не менѣе, встрѣчается въ ходившихъ тогда спискахъ заговорщиковъ **). О людяхъ меньшаго калибра мы не будемъ распространяться, но многимъ изъ участниковъ удалось выдвинуться на послѣдующей службѣ. Примѣромъ можетъ служить Сергѣй Маринъ, назначенный флигель-адъютантомъ и получавшій позднѣе неоднократно довѣрительныя порученія Государя. Онъ умеръ въ 1813 году. Если приходится распространяться о личностяхъ, то потому именно, что нѣкоторые историки ищутъ въ составѣ удалившихся или удаленныхъ заговорщиковъ ту среду дворянства,

*) Изъ дневника А. С. Пушкина: „На похоронахъ Уварова покойный Государь слѣдовалъ за гробомъ. Аракчеевъ сказалъ громко (кажется, А. Орлову): „Одинъ царь здѣсь его провожаетъ, каково-то другой тамъ его встрѣтитъ?“ Уваровъ одинъ изъ цареубійцъ 11 Марта“.

**) Въ запискахъ Вельяминова-Зернова мы читаемъ слѣдующее: „Семеновскій полкъ шелъ такъ медленно, что когда голова его показалась въ воротахъ дворца со стороны Садовой улицы, то князь Петръ Михайловичъ Волконскій, какъ шефскій адъютантъ этого полка, *бывшій при наслѣдникѣ,* подскакалъ верхомъ къ батальону и закричалъ: „Помилуйте, Леонтій Ивановичъ, вы всегда опаздываете“, и, не слушая отговорокъ Депрерадовича, прибавилъ: „Ну, теперь все равно — поздравляю съ новымъ Императоромъ“.

Далѣе въ тѣхъ же запискахъ Вельяминова-Зернова: „Волконскій и Маринъ [illegible] не потеряли своей карьеры“.

гдѣ образовалась оппозиція къ мѣропріятіямъ Александра Павловича; такъ, въ книжкѣ Ю. Карцова и К. Военскаго „Причины войны 1812 года“, на стр. 24 сказано: „Обманутые въ честолюбивыхъ надеждахъ, заговорщики разсѣялись по лицу Россіи. Своими разсказами про роковую ночь 11 марта и про немилостивое отношеніе къ нимъ Государя они положили начало общественному недовольству, съ которымъ Александръ долженъ былъ бороться вплоть до самаго 1812 года“. Врядъ ли это вѣрно, и вотъ почему: подверглись полнѣйшей опалѣ только тѣ, которые завѣдомо считались убійцами, какъ князь Яшвиль *), Татариновъ, Скарятинъ **), и то не всѣ; остальные же продолжали свою службу, и никто ихъ никогда, ничѣмъ не тревожилъ. Поэтому мы не допускаемъ мысли, чтобы эти немногіе могли „положить начало общественному недовольству“, съ которымъ

*) Изъ записокъ Дениса Давыдова: „Во время умерщвленія Павла, князь В. М. Яшвиль, человѣкъ весьма благородный, и Татариновъ задушили его, для чего шарфъ былъ съ себя снятъ и поданъ Я. Ѳ. Скарятинымъ“.

**) Изъ неизданныхъ еще записокъ поэта А. С. Пушкина, находящихся у его сына А. А. Пушкина. На стр. 16 рукописи:

„Третьяго дня обѣдалъ у австрійскаго посланника. Я сдѣлалъ нѣсколько промаховъ: 1) Пріѣхалъ въ 5 час., вмѣсто 5½, и ждалъ нѣкоторое время хозяйку; 2) пріѣхалъ въ сапогахъ, что сердило меня все время. Сидя втроемъ, съ посланникомъ и его женой, разговорились объ 11 марта. Недавно на балѣ у него былъ цареубійца Скарятинъ. (Посланникъ) Фикельмонъ не зналъ за нимъ этого грѣха. Онъ удивляется странностямъ нашего общества. Но Александръ Павловичъ былъ окруженъ убійцами своего отца. Вотъ причина, почему при жизни его никогда не было суда надъ молодыми заговорщиками, погибшими 14 декабря. Онъ услышалъ бы слишкомъ жестокія истины. *NB.* Государь, нынѣ царствующій (т.-е. Николай I), первый у насъ имѣлъ право и возможность казнить цареубійцъ или помышленія о цареубійствѣ, его предшественникъ долженъ былъ терпѣть и прощать“.

Далѣе изъ „Дневника“ 17 января 1834 года. „Третьяго дня балъ у графа Шувалова. На балъ явился цареубійца Скарятинъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ говорилъ множество каламбуровъ“.

8 марта 1834 г. „Жуковскій пойманъ на дняхъ на балѣ у Фикельмона (куда я не явился, потому что всѣ были въ мундирахъ) съ цареубійцей Скарятинымъ; заставилъ его разсказывать 11 марта. Они сѣли. Въ эту минуту входитъ Государь съ графомъ Бенкендорфомъ и застаетъ наставника своего сына, дружелюбно бесѣдующаго съ убійцей его отца. Скарятинъ снялъ съ себя шарфъ, прекратившій жизнь Павла I“.

долженъ былъ бороться Государь. Дѣйствительно, недовольство существовало въ средѣ дворянства, но причины были иныя, и главнымъ образомъ до 1812 года — опасеніе за либеральныя реформы, угрожавшія крѣпостному праву, а также союзъ съ Наполеономъ, сыномъ великой революціи, и съ Франціей вообще, какъ разсадницей передовыхъ идей, весьма мало имѣвшихъ поклонниковъ изъ дворянъ. Впрочемъ, авторы „причинъ войны 1812 г.“, на той же страницѣ, выставляютъ и указанныя нами только-что причины недовольства, но почему связывать это съ событіемъ 11 марта 1801 г., — мы недоумѣваемъ.

Одинъ князь Яшвиль дерзнулъ написать Императору Александру вызывающее письмо, никѣмъ не читанное въ ту эпоху, и только *).

Намъ неизвѣстно, дошло ли это письмо до Государя; если бы и дошло, то оно, конечно, не сохранилось въ офиціальныхъ архивахъ.

Это письмо князя Яшвиля, хранившееся у его потомковъ, характерно, какъ плодъ настроенія нѣкоторыхъ изъ заговорщи-

---

*) Письмо князя Яшвиля къ Императору Александру I:

„Государь, съ той минуты, когда несчастный безумецъ, Вашъ отецъ, вступилъ на престолъ, я рѣшился пожертвовать собою, если нужно будетъ для блага Россіи, которая со времени Великаго Петра была игралищемъ временщиковъ и, наконецъ, жертвою безумія.

Отечество наше находится подъ властью самодержавною, самою опасною изъ всѣхъ властей, потому что участь милліоновъ людей зависитъ отъ великости ума и души одного человѣка. Петръ Великій несъ со славою бремя Самодержавія, и подъ мудрымъ его вниманіемъ отечество отдыхало. Богъ правды знаетъ, что наши руки обагрялись кровью не изъ корысти. Пусть жертва не безполезна.

Поймите Ваше великое призваніе: будьте на престолѣ, если возможно, честнымъ человѣкомъ и русскимъ гражданиномъ! Поймите, что для отчаянія есть всегда средство, и не доводите отечество до гибели. Человѣкъ, который жертвуетъ жизнію для Россіи, въ правѣ Вамъ это сказать. Я теперь болѣе великъ, чѣмъ Вы, потому что ничего не желаю и, если бы даже нужно было для спасенія Вашей славы, которая такъ для меня дорога только потому, что она слава и Россіи, я готовъ былъ бы умереть на плахѣ; но это безполезно, вся вина падетъ на насъ, и не такіе поступки покрываетъ царская мантія! Прощайте, Государь! передъ Государемъ я спаситель Отечества, передъ сыномъ — убійца отца! Прощайте! Да будетъ благословеніе Всевышняго на Россію и Васъ, ея земного кумира! Да не постыдится она его вовѣки!“

ковъ въ ту годину *). Но были и другіе изъ видныхъ дѣятелей этой драмы, которые до конца своихъ дней несли убѣжденіе въ правотѣ дѣйствій на столь незавидномъ поприщѣ и даже гордились сыгранной ролью. Мы говоримъ и о графѣ Паленѣ, и о генералѣ Беннигсенѣ, современники коихъ одинаково свидѣтельствуютъ, что они оба считали себя чуть ли не спасителями Россіи отъ сумасбродства тирана. Остальные ихъ соучастники были гораздо скромнѣе и предпочитали не вспоминать, во всю остальную жизнь, о сомнительныхъ подвигахъ юности.

Неугомонный Лагарпъ, примчавшійся въ Петербургъ по вызову своего бывшаго питомца, счелъ своимъ долгомъ высказать личное мнѣніе о возможной расправѣ съ заговорщиками и 30 октября 1801 года написалъ по этому поводу довольно-таки безтактное письмо Государю, особенно безтактное потому, что Лагарпъ былъ иностранецъ и долженъ былъ знать, что на Руси и Государь, и всѣ подданные никогда не терпѣли такого рода вмѣшательствъ. Впрочемъ, Александръ Павловичъ пропустилъ мимо ушей непрошенные совѣты, поступивъ мудро и логично по сложнымъ обстоятельствамъ того времени.

*) Изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя сохранились въ воспоминаніяхъ потомковъ, неизвѣстно, было ли передано письмо князя Яшвиля Государю, но предполагали, что Александръ Павловичъ читалъ его, и преданіе гласило, что именно за это письмо, а главнымъ образомъ за фразу: „Помните, что для отчаянія есть всегда средство", Яшвиль былъ удаленъ въ деревню, съ воспрещеніемъ появляться въ обѣихъ столицахъ. Въ 1812 году онъ командовалъ ополченіемъ, выставленнымъ дворянствомъ Калужской губерніи, гдѣ находилось его имѣніе, принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и распоряжался удачно. Но и послѣ этого, несмотря на ходатайства, не получилъ разрѣшенія бывать въ Петербургѣ и Москвѣ. Онъ скончался въ селѣ Муромцовѣ, Калужской губ., принадлежащемъ теперь А. С. Ермолову. Жизнь князя Яшвиля въ имѣніи своемъ Муромцовѣ была скорѣе сумрачная и полная тревогъ, потому что его мучила мысль о возможномъ арестѣ или высылкѣ въ мѣста отдаленныя, а всякій колокольчикъ заставлялъ вздрагивать, что не фельдъегерь ли это изъ Петербурга. По свидѣтельству одного изъ его потомковъ, знававшаго лично старушку, бывшую приживалку князя В. М. Яшвиля, онъ страдалъ маніей преслѣдованія, какъ послѣдствіе тяжелой обстановки въ юношескіе годы. Потомки князя В. М. Яшвиля существуютъ и нынѣ, а по женской линіи произошли отъ него Извольскіе и Ермоловы.

Вотъ полный текстъ Лагарповскаго посланія *).

St-Pétersbourg, le 30 octobre 1801.

Sire, Je prends la liberté d'adresser à V. M. I. quelques réflexions produites par Sa dernière conversation **).

Une nation poussée à bout par des rigueurs peut assurément réagir contre ceux qui les occasionnent. Cette vérité de sentiment n'a besoin d'aucune démonstration, et c'est pour cela qu'il est superflu d'en faire l'objet d'une stipulation expresse. Celle-ci ne peut même avoir que de fâcheux résultats, *la nécessité seule,* bien constatée, pouvant légitimer l'usage qu'on en fait.

Que votre nation, Sire, ait été réduite à cette nécessité, c'est ce qui n'est malheureusement que trop réel. Pour prévenir les suites funestes qu'eût entraînées la réaction d'une pareille masse, des remèdes prompts et sûrs étaient indispensables. Ceux dont on avait fait usage dans d'autres pays étaient certainement applicables à la situation de votre patrie, et vos qualités d'Héritier Présomptif, de fils et de citoyen vous faisaient un devoir de recourir à ces remèdes. C'est là, Sire, ce que vous avez dû vouloir, et c'est aussi, en effet, ce que vous avez voulu.

Mais les hommes chargés de mettre à l'exécution ce projet légitime ont abusé de votre confiance et désobéi à vos ordres. Cette *désobéissance formelle* désigne des coupables. Ceux-là, sans doute, ne l'étaient pas d'abord qui entrèrent dans l'appartement de l'Empereur, conformément au plan convenu; mais tous le devinrent en protégeant les assassins. Non seulement ceux-là sont coupables qui frappèrent l'Empereur et qui le firent expirer au milieu des tourments d'une longue agonie; ceux-là furent aussi leurs complices qui permirent ces atrocités lorsqu'il était de leur devoir de tirer l'épée contre les

---

*) См. Рукописный отдѣлъ Собственной Его Величества библіотеки, № 361.

**) Cet excellent Prince m'avait exposé dans le plus grand detail tout ce qui avait amené, accompagné et suivi la catastrophe. *(Прим. Лагарпа).*

assassins *) et d'obéir strictement aux instructions données. Comment trois hommes seuls auraient-ils commis un pareil attentat au milieu de seize autres, s'ils n'eussent pas été soutenus par d'autres? Et que penser d'hommes qui virent froidement étrangler leur Empereur, qui réclamait en vain leur secours et qui ne succomba qu'après une résistance prolongée? Il m'est donc impossible, Sire, de ne pas croire qu'on vous a caché à dessein la vérité! Je n'affligerai point votre cœur par le récit des détails qui m'ont été répétés depuis Paris jusqu'à St-Pétersbourg. Quelle que soit la concordance de ces récits, ils sont, sans doute, exagérés, mais cette concordance même sur des hommes regardés partout comme acteurs principaux ne permet pas de les regarder comme innocents avant qu'ils se soient lavés. La renommée, qui débite tant de mensonges, répand aussi des vérités.

Il ne suffit pas que V. M. I. ait une conscience pure, ou que ceux qui ont l'honneur de La connaître soient convaincus qu'Elle n'a cédé qu'à la nécessité: il faut qu'on sache que, si Elle a dû consentir, après une longue résistance, à entreprendre pour le bien de Son pays ce qu'on avait exécuté légitimement et avec succès ailleurs **), sa loyauté et sa confiance ont été indignement trompées; il faut qu'on apprenne qu'Elle punit le crime dès qu'Elle le reconnaît, partout où il se trouve.

L'assassinat d'un Empereur au milieu de son Palais, dans le sein de sa famille, ne peut demeurer impuni sans fouler aux pieds les lois divines et humaines, sans compromettre la dignité impériale, sans exposer la nation à devenir la proie des mécontents assez audacieux pour se venger du monarque, disposer de son trône, et forcer son successeur à leur accorder l'impunité.

*) On avait réussi à persuader l'Empereur que trois scélérats seuls avaient porté leurs mains sur son père, que diverses circonstances malheureuses, l'obscurité, le désordre, etc., avaient provoqué des complications qu'on n'avait pu ni prévoir, ni prévenir.

**) Par exemple, en Portugal, en Danemarck et même en Angleterre.

C'est à vous, Sire, qui n'êtes monté sur le trône qu'à regret, qu'il appartient d'affermir désormais celui de la Russie, que des révolutions successives ont ébranlé. Mais en attendant que les institutions que vous préparez lui rendent ce service, c'est à la justice d'en garder les sanctions. Elle punit d'une mort cruelle le vol de grand chemin, commis par des hommes que la misère a peut-être poussés au crime, et elle souffrirait autour de Votre Personne ceux que la voix publique accuse d'avoir participé à l'assassinat de l'Empereur, et qui ont été, du moins, en société avec les assassins! Sire! C'est par une justice impartiale, publique, sévère et prompte, que de pareils attentats peuvent et doivent être réprimés. Il faut faire cesser en Russie le scandale de régicides constamment impunis, souvent même récompensés, rôdant autour du Trône prêts à recommencer leurs forfaits.

Si V. M. I. me demandait donc mon avis, je lui répondrais qu'il n'y a que deux partis à prendre. Le premier consisterait à admettre que les hommes qui entrèrent dans l'appartement de l'Empereur avec les trois assassins ne purent les prévenir: l'explication bénévole, qui, en atténuant la faute de ces hommes, pourrait engager V. M. I. à les éloigner simplement de Sa Personne, ce qu'ils auraient dû faire d'eux-mêmes depuis longtemps.

Le deuxième parti serait de laisser aux lois leur libre cours.

Si V. M. I. adoptait ce dernier parti, *le seul peut-être qui convienne à Sa dignité,* je Lui dirais: 1) Faites examiner *isolément* d'abord, puis confronter, en présence d'hommes intègres, ceux qui appartenaient à l'escouade qui pénétra dans l'appartement de l'Empereur; c'est le seul moyen de connaître la vérité, que vous n'apprendrez point par d'autres voies, la crainte ou la malveillance corrompant tous les canaux par lesquels elle pourrait vous arriver d'ailleurs. 2) Faites mettre en jugement les barbares qui étranglèrent l'Empereur, et leurs complices qui en furent les témoins ou qui le souffrirent, si vous n'aimez mieux les éloigner. 3) Veillez à ce que la justice soit rendue avec promptitude et impartialité, et prenez les mesures telles que les

créatures des accusés ne puissent user de leurs moyens pour troubler le cours de la justice.

Je soumets ces réflexions à V. M. I., en lui observant que Son devoir, Sa sûreté et Sa gloire exigent d'Elle de ne pas renvoyer trop à se prononcer. Elle peut compter sur tous les gens de bien qui Lui feront un bouclier de leurs personnes, lorsqu'ils verront que l'indulgence et l'affabilité ne L'empêchent pas d'être sévère et juste exécuteur des lois.

Agréez, Sire, l'assurance de mon respect et de mon inaltérable dévouement.

La Harpe.

Не легко жилось и Александру Павловичу въ первые годы послѣ воцаренія *). Стараясь заглушить тревоги душевныя и угрызенія совѣсти, онъ искалъ въ воображеніи отвода этихъ мыслей и нашелъ облегченіе, а также нравственное успокоеніе, начавъ съ рвеніемъ предаваться порывамъ къ введенію новыхъ реформъ.

Приблизивъ къ себѣ своихъ сверстниковъ и единомышленниковъ въ лицѣ князя Адама Чарторыжскаго, графа Виктора

*) Изъ неизданныхъ записокъ Греча: „Но образъ вступленія на престолъ оставилъ въ душѣ Александра невыносимую тяжесть, съ которой онъ пошелъ въ могилу. Онъ былъ кротокъ и нѣженъ душой, чтилъ и уважалъ всѣ права, всѣ связи, семейныя и гражданскія, а на него пало подозрѣніе въ ужаснѣйшемъ преступленіи—отцеубійствѣ. Всѣмъ извѣстно, что онъ былъ совершенно чистъ въ этомъ отношеніи".

Въ другомъ мѣстѣ Гречъ говоритъ слѣдующее:

„Можно вообразить себѣ ужасъ и омерзеніе Александра, когда онъ узналъ объ этомъ дѣлѣ (т.-е. объ убійствѣ отца). Сначала онъ не хотѣлъ было принимать короны, потомъ согласился исполнить долгъ свой, но ужасное сознаніе участія его въ замыслахъ, имѣвшихъ такой неожиданный для него, терзательный исходъ, не изгладилось изъ его памяти и совѣсти до конца его жизни, не могло быть заглушено ни громомъ славы, ни рукоплесканіями Европы своему освободителю. У него остались на прекрасномъ, привѣтливомъ лицѣ тяжелыя воспоминанія этой пагубной ночи въ морщинахъ между бровями, которыя появлялись при малѣйшемъ душевномъ движеніи. Онъ могъ снести всѣ лишенія, всѣ оскорбленія, только воспоминаніе о смерти отца, мысль о томъ, что его могутъ подозрѣвать въ соучастіи съ убійцами, приводила его въ изступленіе; Наполеонъ Бонапартъ обязанъ своимъ паденіемъ оскорбленію въ немъ этого чувства".

Кочубея, графа Павла Строганова и Николая Новосильцова. Александръ положилъ начало засѣданіямъ такъ называемаго негласнаго комитета. Нами были изданы протоколы этихъ засѣданій, изъ архивовъ графовъ Строгановыхъ.

Три года продолжалось это увлеченіе, и временами казалось, что Александръ, дѣйствительно, увлекался въ той же мѣрѣ, какъ и его сотрудники, имѣвшіе счастіе не только работать съ Государемъ, но и неоднократно обѣдать у Ихъ Величествъ и продолжать бесѣды послѣ трапезъ. Говоримъ „казалось“, потому что молодой Императоръ, лично предсѣдательствуя, руководилъ преніями, интересуясь всѣми мелочами разнообразныхъ проектовъ, внесенныхъ на обсужденіе и подчасъ старался умѣрить пылъ избранныхъ имъ же новаторовъ. Но одновременно съ этими занятіями, не подлежитъ сомнѣнію, Александръ находилъ время, прогуливаясь съ генералъ-адъютантами, слушать и ихъ возраженія, и отголоски общественнаго мнѣнія. Уваровъ, князь П. М. Волконскій, графъ Е. Комаровскій и особенно князь П. П. Долгорукій служили этими отголосками мнѣній партіи именитыхъ дворянъ, не одобрявшихъ реформаторской горячки, и, конечно, не пропускали случая освѣдомлять о томъ Государя. Въ то же время и Императрица-мать всѣми средствами старалась удержать сына отъ пагубныхъ увлеченій, предсказывая ему самыя тяжелыя послѣдствія, но все это, и рѣчи матери, и сплетни лицъ свиты, Александръ пропускалъ мимо ушей и упорно продолжалъ начатую работу, какъ бы вовсе не внимая предостереженіямъ.

Въ эти первые годы сказалась уже основная черта характера Александра, а именно блеснуть лучезарной идеей, быть вдохновителемъ этой идеи, но всю тяжесть работы переносить на другихъ, внимательно прислушиваясь къ общественному мнѣнію, но ни на минуту не подавая даже вида, что въ глубинѣ души его симпатіи уже ослабѣваютъ къ предпринятому дѣлу. Совершенно вѣрно замѣчаетъ по этому поводу г. Кизеветтеръ въ этюдѣ объ Арак-

чеевѣ, напечатанномъ въ „Русской Мысли“ (ноябрь 1910 г.): „Александръ навсегда избралъ главнымъ оружіемъ въ жизненной борьбѣ виртуозную способность строить свои успѣхи на чужой довѣрчивости, онъ возбуждалъ къ себѣ эту довѣрчивость той видимой готовностью къ уступкамъ, той видимой склонностью признавать чужое превосходство надъ собою и легко очаровываться чужими достоинствами, которыя были принимаемы за чистую монету столь многими современниками и позднѣйшими историками. Баронъ М. А. Корфъ, имѣвшій возможность черпать свѣдѣнія объ Александрѣ изъ разсказовъ людей, превосходно его знавшихъ, пишетъ объ этомъ Императорѣ: „Подобно Екатеринѣ, Александръ въ высшей степени умѣлъ покорять себѣ умы и проникать въ души другихъ, *утаивая собственные ощущенія и помыслы*“.

Въ предисловіи ко II тому „Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ“ (1903 г.) мы уже обратили вниманіе на странныя свойства характера Александра Павловича. Приходится привести дословно, что писалъ я тогда: „Говорятъ и повторяютъ, что всѣ преобразованія, надъ которыми такъ много потрудились въ первые годы XIX столѣтія, исходили отъ Александра I. Согласно съ этимъ, укоряютъ и клянутъ перемѣну, будто бы происшедшую позже во взглядахъ и намѣреніяхъ старшаго внука Екатерины II. Это не столько недоумѣніе, какъ большая ошибка. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Императоръ Александръ, вслѣдъ за воцареніемъ, многимъ былъ недоволенъ, многое желалъ измѣнить, даже исправить, какъ равнымъ образомъ несомнѣнно, что ни одна изъ произведенныхъ въ это время реформъ *не исходила отъ него лично,* что всѣ онѣ были не безъ труда внушаемы ему, при чемъ его согласіе добывалось нерѣдко съ большими усиліями. Императоръ Александръ I никогда не былъ реформаторомъ, а въ первые годы своего царствованія онъ былъ консерваторъ болѣе всѣхъ окружавшихъ его совѣтниковъ“.

Далѣе мы обращали вниманіе на оцѣнку графомъ П. А. Строгановымъ характера занятій негласнаго комитета и отношенія къ нимъ Государя. Графъ Строгановъ быстро догадался объ истинныхъ намѣреніяхъ Александра и „de son caractère mou et indolent“, служившемъ помѣхой для правильныхъ занятій. Тогда два вопроса особенно занимали юныхъ сотрудниковъ и Государя: конституція и освобожденіе крестьянъ, но о конституціи Александръ скоро пересталъ и думать, хотя продолжалъ говорить, а освобожденіе крестьянъ было сведено на устройство свободныхъ хлѣбопашцевъ.

Горячка и непослѣдовательность Александра и его сотрудниковъ по дѣламъ внутренняго благоустройства Россіи сказывались во всѣхъ мѣропріятіяхъ. Не было замѣтно и тѣни какой-либо опредѣленной системы. Все дѣлалось быстро, необдуманно, скачками. Молодые товарищи Государя, увлеченные имъ же на почву преобразованій, сами не замѣчали, что такое отношеніе къ серьезному дѣлу не могло рано или поздно не отрезвить рвенія монарха. Хотя многіе изъ дѣятелей прежнихъ царствованій открыто ворчали и не одобряли нововведеній, но нѣкоторыхъ изъ нихъ юные новаторы все же сумѣли вовлечь въ лихорадочное стремленіе ко всеобщей ломкѣ. Такимъ образомъ, люди, уже не молодые и наученные опытомъ, стали неожиданными сотрудниками ими же критикуемыхъ реформаторовъ. Графъ А. Р. Воронцовъ, Беклешовъ, Трощинскій, Н. С. Мордвиновъ, Завадовскій и Державинъ увлеклись преобразованіями *) и, сами того не замѣчая, только содѣйствовали скороспѣлымъ разрѣшеніямъ самыхъ важныхъ и существенныхъ вопросовъ. Когда 8 сентября 1802 г. были учреждены впервые министерства, то рядомъ съ именами князя Чарторыжскаго, графа Кочубея, Н. Н. Новосильцова и графа П. А. Строганова появились назначенія и такихъ видныхъ вельможъ,

*) Не увлекались сознательно весьма немногіе, и между ними особенно здраво смотрѣлъ на все происходившее графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, представившій подробную записку, гдѣ отразилось его предпочтеніе англійскому строю.

какъ графъ А. Р. Воронцовъ, Н. С. Мордвиновъ, Державинъ и графъ Завадовскій, занявшихъ посты министровъ иностранныхъ дѣлъ, морскихъ силъ, юстиціи и народнаго просвѣщенія.

Молодые же сотрудники Императора скромно заняли мѣста товарищей министра, кромѣ Кочубея, взявшаго не безъ удовольствія и съ чувствомъ удовлетвореннаго самолюбія отвѣтственный постъ министра внутреннихъ дѣлъ. До этого, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, графъ Кочубей управлялъ внѣшней политикой послѣ опалы графа Н. П. Панина, но не скрывалъ своего недовольства, занимая эту должность.

Останавливаемся особо на перемѣщеніи В. П. Кочубея и потому, что именно онъ выдвинулъ М. М. Сперанскаго, взявъ его себѣ въ главные сотрудники. Здѣсь впервые Сперанскій доказалъ особую прозорливость, бросивъ благодѣтеля своего Трощинскаго, которому повелѣно было наименоваться министромъ удѣловъ, другими словами, занять второстепенное мѣсто.

Замѣчательно, что молодой Государь, заставляя работать всѣхъ его окружающихъ, отлично разбирался между разнообразными личностями и умѣлъ вò-время выдвигать того или другого дѣятеля, оставаясь лично какъ бы въ сторонѣ и не оказывая наружнаго предпочтенія любимцу данной минуты. Этотъ особый даръ Александра Павловича сказался уже съ первыхъ же годовъ вступленія его на престолъ и остался ему присущимъ и въ позднѣйшее время. Кипучая дѣятельность въ области внутренней политики отвлекала Государя отъ всего того, что могло тревожить его душу и можно только дивиться, какъ разумно онъ сумѣлъ создать себѣ увлекавшую его работу, чтобы не предаваться горечи пережитого при восшествіи на престолъ *).

---

*) Н. И. Гречъ дѣлаетъ такую характеристику этого времени.

„Первые годы царствованія Александра были самые счастливые и благодатные. Вообще царствованіе можетъ дѣлиться на слѣдующіе періоды: 1) отъ вступленія на престолъ до Аустерлица; 2) отъ Аустерлица до Фридланда; 3) отъ Тильзита до начала Отечественной войны;

Что же сказать о внѣшней политикѣ за тотъ же періодъ? Имѣлъ ли Александръ ясное и опредѣленное воззрѣніе, какъ ему слѣдовало вести дѣла сношеній съ иностранными государствами? Едва ли и на этой почвѣ, до Тильзита, у монарха былъ какой-либо опредѣленный планъ, а все дѣлалось ощупью, подъ минутными впечатлѣніями и безъ всякой системы.

Не довѣряя еще себѣ, Александръ предпочелъ обсуждать дѣла внѣшней политики въ засѣданіяхъ негласнаго комитета, разрѣшая своимъ сотрудникамъ полную свободу слова. Лѣтомъ 1801 года, за іюль и августъ, нѣкоторыя засѣданія были почти исключительно посвящены внѣшней политикѣ. Первоначальныя рѣшенія на этой почвѣ казались мудрыми. Было рѣшено, сохраняя достоинство Россіи, не вмѣшиваться, конечно, по возможности, въ чужеземныя дѣла и держать себя совсѣмъ самостоятельно, избѣгая какихъ-либо договоровъ. Александръ лично не выражалъ пока предпочтенія какой-либо державѣ, и врядъ ли правъ Шильдеръ, написавъ, что „Государь выступалъ на политическое поприще съ нѣкоторыми симпатіями къ главѣ французскаго правительства, первому консулу Бонапарту“ *).

Если это заключеніе сдѣлано вслѣдствіе любезнаго пріема Дюрока, посланнаго первымъ консуломъ для первоначальнаго сношенія съ воцарившимся Государемъ, то мнѣніе это мало обосновано. Вѣдь Александръ всегда былъ привѣтливъ, а особенно,

4) отъ Отечественной войны до Троппаускаго и Лайбахскаго конгрессовъ; 5) отъ конгрессовъ до кончины его. Въ эти періоды характеръ и дѣйствія Александра измѣнялись чувствительнымъ образомъ. Съ 1801 до 1805 г. было царствованіе тишины, мира, кротости и благодати. Въ это время послѣдовали многія важныя и благодѣтельныя государственныя постановленія, о которыхъ я буду говорить пространно впослѣдствіи.

„Россія была совершенно спокойна и счастлива. Литература воскресла отъ благотворныхъ лучей свободы. Все веселилось и танцовало. Государь не участвовалъ въ шумныхъ удовольствіяхъ, но допускалъ и поощрялъ ихъ“. Эта выдержка не была напечатана въ изданныхъ запискахъ Греча. Что касается дѣленія на періоды, то мы придержались немного другой точки зрѣнія.

*) См. Шильдеръ: „Исторія царств. Имп. Александра I“, т. I, стр. 3.

будучи юношей, обладалъ врожденнымъ даромъ любезности и, если онъ не безъ удовольствія бесѣдовалъ съ Дюрокомъ, прогуливаясь съ нимъ даже въ Лѣтнемъ саду, то это обстоятельство еще вовсе не означало его симпатій къ Бонапарту. Напротивъ того, первые шаги Александра при вступленіи на престолъ скорѣе выражали склонность заключить соглашеніе съ Англіей, что и было наглядно подчеркнуто въ заключенной конвенціи съ этой страной 5 іюня 1801 года. Графъ С. Р. Воронцовъ былъ снова назначенъ посломъ въ Лондонъ, а для Парижа, на смѣну Колычева, былъ избранъ графъ Арк. Ив. Морковъ, оказавшійся далеко не подходящимъ человѣкомъ, чтобы снискать довѣріе и расположеніе Бонапарта. Австрійское правительство и, особенно, Прусское поспѣшили завязать съ Россіей, при перемѣнѣ правленія, наилучшія отношенія, стараясь скорѣе заручиться доброжелательствомъ со стороны Россіи и ея новаго повелителя. Эти стремленія обѣихъ сосѣднихъ державъ были знаменательны, и намъ кажется, что вскорѣ они и увѣнчались неожиданнымъ успѣхомъ, конечно, болѣе для нихъ, чѣмъ для русскихъ интересовъ. По удаленіи графа Н. П. Панина, Государь поручилъ графу Кочубею, несмотря на его протесты, завѣдываніе дѣлами иностранной коллегіи. Выборъ этотъ объясняется не только дружескими ихъ отношеніями, но и тѣмъ, что Кочубей былъ уже представителемъ Россіи въ Константинополѣ и не новичкомъ въ дипломатіи. Но Викторъ Павловичъ по характеру своему, крайне осторожному и выдержанному, очевидно не желалъ себя компрометировать на столь отвѣтственномъ посту, потому и подчинился царскому рѣшенію, нехотя. Будучи всегда и вездѣ себѣ на умѣ, Кочубей замѣтно избѣгалъ брать на себя какія-либо рѣшенія, предпочитая вносить дѣла на обсужденіе негласнаго комитета, но на дѣлѣ выходило нѣчто совсѣмъ другое.

Онъ вполнѣ подпалъ подъ вліяніе своего друга, князя Адама Чарторыжскаго, вліявшаго на него исподволь и добивавшагося черезъ уста Кочубея проводить свои идеи. Такого рода воздѣй-

ствіе не ускользнуло отъ наблюдательности Александра, и, когда создались министерства, Кочубей перекочевалъ на другое поприще; канцлеромъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ сталъ престарѣлый графъ А. Р. Воронцовъ, а его товарищемъ князь Адамъ.

Le tour a été bien joué. Но кто кого обманывалъ? Въ данный моментъ, очевидно, Александръ Павловичъ. Доказательствомъ этого, и весьма нагляднымъ, служитъ Мемельское свиданіе, происшедшее 29 мая (10 іюня) 1802 г. съ прусской королевской четой. Свиданіе это оказалось чревато послѣдствіями. Оно было рѣшено безъ вѣдома и Кочубея, и Чарторыжскаго, а когда оба они, узнавъ о путешествіи, осмѣлились спросить о цѣли, то получили уклончивые отвѣты.

Правда, имъ было завѣрено, „что поѣздка не имѣетъ никакой дипломатической цѣли", но оба остались въ недоумѣніи и врядъ ли были довольны проявленіемъ, для нихъ неожиданнымъ, такой самостоятельности въ характерѣ Императора. И князь Чарторыжскій никогда не забылъ Мемельской поѣздки, и при случаѣ ссылался на эту необдуманную выходку, какъ на особую черту Русскаго Государя—рѣшаться по обстоятельствамъ на самыя невѣроятныя комбинаціи. Не мудрено, поэтому, что въ апрѣлѣ 1806 г. князь Адамъ вернулся къ темѣ объ этомъ свиданіи въ одномъ изъ писемъ къ Александру: „L'amitié intime qu'au bout de quelques jours de connaissance V. M. I. y contracta (à Memel) avec le roi fit qu'Elle ne considéra plus dans la Prusse un Etat politique, mais une personne qui lui était chère et envers laquelle Elle croyait avoir des obligations particulières à remplir" *).

Это напоминаніе могло бы казаться злымъ или остроумнымъ въ словахъ польскаго магната и патріота, но дѣло-то въ томъ, что Александръ именно подчеркнулъ Мемельскимъ свиданіемъ, что Пруссія есть „un Etat politique", и въ этомъ и заключается все

*) Alexandre I et le prince Czartoryski. Correspondance et conversations. Paris, 1865.

значеніе встрѣчи. Покойный Шильдеръ былъ вполнѣ правъ, когда выразился насчетъ свиданія слѣдующимъ образомъ: „Именно въ Мемелѣ было положено прочное основаніе дружбѣ Александра съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, дружбѣ, которой король впослѣдствіи былъ обязанъ сохраненіемъ своей монархіи; но, къ сожалѣнію, для достиженія этой великодушной цѣли сохраненія, а потомъ и возстановленія прусскаго могущества потребовались потоки русской крови“ *). Остается догадаться, по какимъ именно причинамъ Императоръ Александръ увлекся вполнѣ сознательно и предрѣшилъ встрѣчу съ прусской королевской семьей.

Здѣсь сказалось нравственное давленіе Императрицы-матери, тяготѣвшей ко всему нѣмецкому, а также желаніе лично познакомиться съ потомкомъ Фридриха Великаго, поглядѣть на прусскихъ гренадеръ, словомъ, проявилась страсть къ военной муштровкѣ, столь любимой имъ еще во времена гатчинскихъ вахтъ-парадовъ. Вѣдь эта страсть была отличительной чертой не только Александра Павловича, но и остальныхъ его братьевъ.

Камеръ-фурьерскій журналъ, эта безцѣнная справочная книжка и хроника жизни Ихъ Величествъ, свидѣтельствуетъ о количествѣ разводовъ и всякихъ парадовъ за время съ 1801 по 1804 годъ. О томъ же, хотя и со скорбью въ душѣ, повѣствуетъ молодая Императрица Елисавета въ письмахъ къ матери. Словомъ, несмотря на наружный интересъ къ дѣламъ внутреннимъ и внѣшнимъ, врожденное влеченіе ко всему военному брало верхъ, и страсть эта сказалась особенно за первый періодъ правленія. Вращаясь ежедневно въ обществѣ своихъ генералъ-адъютантовъ, совершая прогулки то съ однимъ, то съ другимъ изъ счастливыхъ избранниковъ, дневные часы удѣляя докладамъ, а вечера друзьямъ по дѣламъ негласнаго комитета, Александръ сразу окунулся въ сложныя обязанности правителя Россіи.

*) Шильдеръ, т. I, стр. 87.

Почтенный графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ не даромъ писалъ князю Чарторыжскому: „Unissons-nous donc à faire tout ce qui dépendra de nous pour conserver l'excellent souverain que Dieu nous a donné. Empêchons qu'il n'abîme sa santé et ne périsse victime de son travail immodéré“.

И лондонскій Воронцовъ не былъ одинокъ въ такихъ сужденіяхъ о Государѣ. Ему вторили и другіе старцы, какъ родной его братъ, графъ А. Р. Воронцовъ, Мордвиновъ и Шишковъ. и вообще всѣ тѣ, которые цѣнили вѣкъ Екатерины.

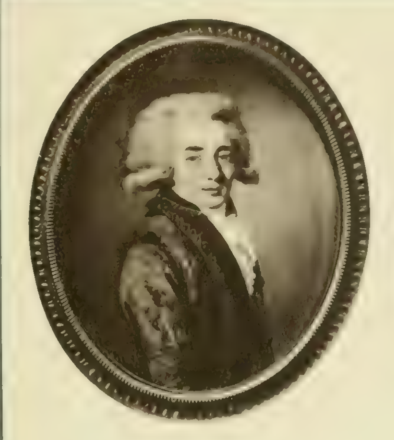
Дѣйствительно, Александръ находилъ время то побесѣдовать съ однимъ, то приласкать другого, то оказать вниманіе третьему. Многіе приглашались къ трапезѣ, гдѣ также имѣли возможность видѣть и наблюдать Его Величество. Иногда, въ послѣобѣденные часы, нѣкоторые были удостоиваемы бесѣдой, и не одни юные сотрудники пользовались этой исключительной милостью. Въ общеніи съ разнообразными людьми Александръ изучалъ ихъ и впослѣдствіи могъ дѣлать тотъ или другой выборъ. Замѣчательно, что, когда были созданы министерства, и привлечены къ работѣ многіе заслуженные и умудренные опытомъ сановники, то все-таки эти лица не были допущены на засѣданія негласнаго комитета. Ихъ только запрашивали и просили письменнаго изложенія мнѣнія каждаго изъ нихъ. Въ архивѣ графовъ Воронцовыхъ сохранились разныя записочки, свидѣтельствующія о порядкѣ сношеній между лицами, приглашенными на занятія. Такъ, 18 сентября 1802 г., Н. Н. Новосильцовъ писалъ канцлеру графу Александру Романовичу Воронцову: „Государь Императоръ высочайше повелѣть мнѣ изволилъ сообщить вашему сіятельству, чтобы вы, милостивый государь, наканунѣ каждаго комитета, назначеннаго по вторникамъ и пятницамъ, благоволили присылать ко мнѣ краткія записки о тѣхъ предметахъ, о которыхъ предлагать намѣрены, для предварительнаго донесенія Его Императорскому Величеству. Завтра комитету Государь назначилъ быть въ 5 часовъ;

ежели имѣете что предлагать, то записку прошу прислать заранѣе, завтра поутру". И старцы безмолвно подчинялись этимъ требованіямъ. То же происходило въ области военной, гдѣ молодыя лица государевой свиты разсылались по всей Россіи для контроля надъ дѣйствіями старыхъ военноначальниковъ; эти лица, хотя и подчинялись, но почти открыто ворчали.

Какъ всегда почти случается, не всѣ изъ сотрудниковъ Государя обладали въ одинаковой мѣрѣ тактомъ, а потому на нихъ и сѣтовали вполнѣ основательно. Къ разряду этихъ личностей принадлежалъ одинъ изъ самыхъ видныхъ новаторовъ той эпохи. Мы говоримъ о князѣ Адамѣ Чарторыжскомъ. Ему, какъ поляку, было нелегко нести щекотливыя обязанности товарища министра иностранныхъ дѣлъ. Къ чести его надо сказать, что онъ вполнѣ это сознавалъ и даже въ своихъ запискахъ, говоря о лестномъ назначеніи, отмѣтилъ „que c'était une de ces fantaisies que l'Empereur Alexandre s'entêtait à mettre en exécution". Но на дѣлѣ онъ часто бывалъ заносчивъ, гордъ и требователенъ, и никогда не забывалъ подчеркнуть, что онъ полякъ. Тонкій и наблюдательный сардинскій посланникъ, графъ Жозефъ де-Мэстръ, доносилъ своему правительству обо всемъ, происходившемъ при русскомъ дворѣ. Донесенія эти особенно мѣтки. Вотъ что онъ писалъ о князѣ Адамѣ, когда канцлеръ графъ А. Р. Воронцовъ удалился на покой, и князю было приказано его замѣнить. „Воронцовъ удалился въ Москву. Чарторыжскій будетъ всемогущъ. Онъ высокомѣренъ, коваренъ и производитъ впечатлѣніе довольно отталкивающее. Сомнѣваюсь, чтобы полякъ, имѣвшій притязаніе на корону, могъ быть хорошимъ русскимъ" *).

Де-Мэстръ, хотя былъ иностранецъ, но вѣрно оцѣнилъ этотъ выборъ человѣка, которому поручалось вести дѣла внѣшней политики. Но первые два года царствованія вмѣшивался почти во

*) Mémoires politiques et correspondance diplomatique de J. de Maistre, Paris, 1859.

Графъ Н. П. Панинъ

Графъ П. А. Паленъ

Графъ Л. Л. Беннигсенъ

Ѳ. П. Уваровъ

все и бывшій наставникъ Александра, швейцарецъ Лагарпъ. Относительно его вмѣшательства въ русскія дѣла всѣ были одного мнѣнія, и вскорѣ Лагарпу пришлось вернуться во-свояси, довольно-таки сконфуженнымъ неудачнымъ своимъ появленіемъ въ русской столицѣ. Де-Мэстръ и здѣсь проявилъ наблюдательность. Говоря о царившемъ настроеніи лѣтомъ 1803 года, сардинскій посланникъ замѣчаетъ: „Россія, принявъ положеніе болѣе угрожающее и повысивъ голосъ, легко могла бы до нѣкоторой степени возстановить равновѣсіе въ Европѣ; но попробуйте внести такія мысли въ голову, настроенную Лагарпомъ. У Русскаго Императора только два помышленія: миръ и бережливость“.

Говоря объ Александрѣ, де-Мэстръ отзывается о немъ съ симпатіей. „Если Государь встрѣчаетъ кого-либо на Набережной, онъ не хочетъ, чтобы выходили изъ экипажа, и довольствуется поклономъ. Къ несчастію, эта простота въ обращеніи, быть-можетъ умѣстная въ странахъ южныхъ, гдѣ умѣютъ цѣнить безыскусственное величіе, повидимому, не производитъ такого же впечатлѣнія въ Россіи. Личное уваженіе очень ослабѣло. Не всякій народъ способенъ оцѣнить всякую добродѣтель. Нужно, однако, преклоняться предъ такою любовью къ людямъ и къ своему долгу“. Когда канцлеръ графъ А. Р. Воронцовъ рѣшился, вслѣдствіе недуговъ, покинуть свое мѣсто, онъ выражался тоже одобрительно, въ письмахъ къ племяннику Михаилу Семеновичу, о молодомъ Императорѣ. „Il faut que vous sachiez que je ne puis assez me louer de lui, et que c'est vraiment à regret que je le quitte..... J'ai reçu hier un rescript très flatteur de l'Empereur où il me marque sur quel pied il consent à mon absence...... Je vous avoue encore que c'est avec le plus sincère regret que je quitte le Souverain qui m'a comblé de marques d'amitié et de bonté“.

О простотѣ обращенія съ окружающими свидѣтельствуютъ также отношенія Александра къ графу Павлу Александровичу Строганову. Когда графъ Строгановъ, погорячившись на одномъ

изъ засѣданій, пишетъ ему извинительное письмо, то получаетъ немедленно милостивый отвѣтъ. Отвѣтъ этотъ особенно знаменателенъ, какъ образчикъ того блаженнаго состоянія, въ которомъ находился такъ недавно воцарившійся Государь. „Mon cher ami, je crois que vous êtes devenu tout à fait fou! Comment est-il possible de relever et de vous accuser d'une chose qui est la meilleure preuve de votre intérêt pour moi et votre amour pour le bien public? Croyez que je ne vous ai jamais méconnu, et tout en me disputant avec vous, je vous dois justice aux sentiments qui vous animent. De grâce, plus de ces explications qui cadrent si peu avec l'amitié qui nous unit. Ce qui ne convient pas en public peut très bien trouver place quand nous sommes seuls, et la plus grande preuve d'amitié que vous pouvez me donner, c'est de me gronder bien comme il faut quand je le mérite. Adieu, mon cher".

Мы останавливаемся на всѣхъ этихъ подробностяхъ, кажущихся мелочахъ, чтобы лучше выяснить личность Александра за раннюю эпоху его правленія. Что сказать про женское вліяніе?

Оно почти отсутствовало въ первые годы. Императрица-мать была еще слишкомъ удручена всѣми происшедшими событіями, чтобы сосредоточить вниманіе на сынѣ; она, удалившись въ Гатчину и Павловскъ, окружила себя людьми и предметами, которые были любы Павлу, и если временами и старалась удержать сына отъ горячки всеобщей ломки, то дѣлала это неумѣло и безъ успѣха. Супруга Александра показала большое мужество и самообладаніе въ дни восшествія его на престолъ и отнеслась настолько любовно и сердечно къ мужу, что онъ никогда не забывалъ этого, даже въ худшіе годы размолвки. Но усиленныя занятія не позволяли Государю удѣлять достаточно времени для своей супруги, и видѣлись они только урывками. До 1804 года все шло благополучно, и согласіе между ними было полное. Какъ и Александръ, Елисавета ненавидѣла всякій этикетъ и церемонію; она любила жить просто, и тогда получала

полное удовлетвореніе. Это не нравилось Маріи Өеодоровнѣ, и часто происходили, вслѣдствіе принятаго образа жизни, недоразумѣнія между ней и молодыми супругами. Утомительны были лишь коронація и поѣздки въ Москву и обратно. Послѣ этого все шло покойно и тихо, если не считать праздничныхъ дней и безконечныхъ церковныхъ богослуженій. Въ теченіе 1803 года Государь еще аккуратнѣе собиралъ негласный комитетъ, хотя интересъ его значительно ослабѣлъ ко всѣмъ дѣламъ внутренняго управленія. Но съ ноября этого года прекратились и самыя засѣданія комитета. Причины тому были двоякія. Съ одной стороны, вниманіе Императора отвлекалось все болѣе къ дѣламъ внѣшней политики, съ другой стороны, произошли перемѣны въ составѣ перваго министерства, и впервые пришлось натknуться на неожиданныя препоны, вредно повліявшія на характеръ Александра. Мы говоримъ о столкновеніи съ Сенатомъ вслѣдствіе предложенія другого поляка, состоящаго на русской службѣ, графа Северина Потоцкаго. Все это дѣло закончилось изданіемъ крайне неопредѣленнаго указа 21 марта 1803 года, мало кого удовлетворившаго, но результатъ борьбы съ сенаторами не только опечалилъ, но и глубоко раздражилъ монарха, не любившаго вообще всякихъ шумныхъ столкновеній.

Говорить и толковать о либерализмѣ Александръ тогда очень любилъ, но, когда дѣло доходило до конфликта, немедленно проявлялось желаніе настоять на своемъ, другими словами, подчеркнуть самодержавную власть.

Тѣмъ не менѣе, за прошедшіе два года, несмотря на быстроту и разнообразность занятій, кое-что было создано, и какъ это ни странно, но болѣе всего подвинулось впередъ дѣло народнаго просвѣщенія. Конечно, не графъ Завадовскій, бездарный и лѣнивый, какъ министръ этого вѣдомства, могъ совершить такой подвигъ, но у него былъ дѣльный товарищъ, тайный совѣтникъ М. Н. Муравьевъ, и такой энергичный сотрудникъ, какъ В. Н. Каразинъ.

Основались одинъ за другимъ три университета: въ Казани, Харьковѣ и Дерптѣ; вскорѣ въ Петербургѣ былъ учрежденъ педагогическій институтъ; Россію раздѣлили на шесть учебныхъ округовъ; появились гимназіи, уѣздныя училища, словомъ, все оживилось на почвѣ просвѣщенія. И справедливость требуетъ отдать должное Александру, который оказывалъ постоянную поддержку благому почину, нравственно и матеріально. Здѣсь, можетъ-быть, всего нагляднѣе сказалось вліяніе Лагарпа, если вообще допустить, что какія-либо вліянія оставляли продолжительный слѣдъ на дѣйствіяхъ Александра Павловича.

Изъ Каменноостровскаго дворца, Государь, отвѣчая Лагарпу на его замѣчанія относительно образованія министерствъ и лицъ, избранныхъ на посты министровъ, сообщалъ:

.... „Vos regrets sur la nomination de Zavadovsky à la place de ministre de l'instruction publique seraient diminués si vous étiez au fait de l'organisation de son ministère. Il est nul: c'est un conseil composé de Mouravieff, Klinger, Czartoryski, Novossilzoff, etc., etc., qui régit le tout. Il n'y a pas un papier qui ne soit travaillé par eux. La fréquence de mes rapports avec les deux derniers surtout, empêche le ministre d'opposer le moindre obstacle au bien que nous tâchons de faire. Au reste, nous avons rendu Zavadowsky coulant au possible, un vrai mouton: enfin il est nul, et n'est dans le ministère que pour ne pas crier s'il en eût été exclu“ (7 іюля 1803) *).

Упоминая о перемѣнахъ въ министерствахъ, мы говорили о замѣнѣ Мордвинова и Державина адмираломъ Чичаговымъ и княземъ Лопухинымъ, а также о порученіи должности оберъ-прокурора Свят. Синода личному другу Государя, князю Александру Николаевичу Голицыну. Менѣе всего порядка было въ военномъ вѣдомствѣ, гдѣ послѣ Павловскаго режима наступила полная путаница, и, несмотря на благія намѣренія военнаго

---

*) Собственная Его Императорскаго Величества библіотека.

министра генерала Вязьмитинова, ему не удавалось возстановить расшатаннаго. Духъ войскъ былъ прекрасный, дисциплина была строгая, но генералы были, въ большинствѣ, бездарные и безтолковые. Весной 1803 года Государь приказалъ вернуться изъ Грузина Аракчееву и снова вступить инспекторомъ всей артиллеріи.

Шильдеръ, къ сожалѣнію, не даетъ никакого объясненія этому внезапному возвращенію, говоря, „что это останется навсегда загадкой при психологическомъ разборѣ характера Александра", но прибавляетъ въ своемъ повѣствованіи рядъ весьма ѣдкихъ замѣчаній по адресу Грузинскаго отшельника. Между тѣмъ, объясняется появленіе Алексѣя Андреевича очень просто. Государю нуженъ былъ человѣкъ, преданный ему и близкій, чтобы серьезно заняться приведеніемъ арміи въ подобающій видъ. Онъ и вызвалъ Аракчеева единственно для этой цѣли, въ чемъ оказался вполнѣ правъ, такъ какъ за это время Аракчеевъ всецѣло предался своей спеціальности артиллеріи, которую вскорѣ и привелъ въ блестящее состояніе, а въ дѣла государственныя онъ тогда и не помышлялъ вмѣшиваться.

Гораздо сложнѣе были различные ходы, сдѣланные Россіей за разсматриваемое время въ сферѣ внѣшней политики. Всякія вліянія дѣйствовали на Государя, а у него лично еще не выработался опредѣленный планъ.

Во Франціи, Бонапартъ сдѣлался пожизненнымъ первымъ консуломъ. Условія Амiенскаго соглашенія между Франціей и Англіей ни къ чему иному не привели, какъ только къ новому и окончательному разрыву между этими государствами. Канцлеръ графъ А. Р. Воронцовъ, благодаря вліянію брата изъ Лондона, открыто стремился закрѣпить узы съ Англіей. Графъ Морковъ велъ себя вызывающимъ образомъ въ Парижѣ и настолько навлекъ неудовольствіе перваго консула, что Бонапартъ написалъ Русскому Императору конфиденціальное письмо 17/29 іюля 1803 года, прося его отозвать русскаго представителя. Это желаніе было

исполнено, но только въ концѣ года, и 14/26 ноября графъ Морковъ выѣхалъ изъ Франціи, получивъ знаки ордена св. Андрея Первозваннаго. Дѣлами посольства былъ оставленъ завѣдывать Убри. Первый консулъ предложилъ Императору Александру роль посредника въ своихъ неладахъ съ Англіей. Русскій Государь хотя былъ скорѣе польщенъ такимъ лестнымъ для него предложеніемъ, но отклонилъ его, поставивъ въ свою очередь новыя условія для компромисса. Нашъ планъ заключался въ слѣдующемъ: кабинетамъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ было предложено: Франціи немедленно очистить Гановеръ, Голландію, Швейцарію и верхнюю и нижнюю Италію; Франція сохранитъ за собою Піемонтъ; Россія предложила спорящимъ сторонамъ временно занять островъ Мальту русскими войсками, что же касается возврата Англіи потерянныхъ въ предыдущую войну колоній и судовъ, то объ этомъ не говорилось ни слова. Такого рода странныя предложенія одинаково не встрѣтили одобренія ни во Франціи, ни въ Великобританіи.

Такія предложенія были только возможны, когда внѣшнія дѣла обсуждались коллегіально, и не было настоящаго главы, руководившаго твердо и умѣло русской политикой. Для Александра, впрочемъ, это была отличная школа для будущаго, и, при наблюдательности его ума, первые промахи послужили ему на пользу. Хотя Бонапартъ всячески старался заручиться симпатіями Русскаго Императора, несмотря на рядъ неудачъ, но чаша и его терпѣнія вскорѣ переполнилась. Дѣло въ томъ, что русское правительство и особенно Александръ находили полезнымъ привлекать къ работѣ всякихъ авантюристовъ и сомнительныхъ людей, всего больше изъ среды французскихъ эмигрантовъ. Такъ Вернегъ засѣдалъ въ Римѣ въ папскихъ владѣніяхъ, Дантрегъ въ Саксоніи и Кристинъ во Франціи. Эта страсть къ содѣйствію сомнительныхъ личностей продолжалась во все время правленія Александра, и, что удивительно, нѣкоторымъ изъ нихъ удалось дойти до высшихъ степеней довѣрія, какъ, напримѣръ, ловкому Поццо-ди-Борго довелось

быть русскимъ посломъ! Въ общемъ, эти люди едва ли приносили пользу: они путали, интриговали, и только; иногда же попадались, и изъ-за нихъ происходили вовсе нежелательныя недоразумѣнія. Такъ, Кристинъ, именно въ 1803 г., былъ схваченъ во Франціи и посаженъ въ тюрьму Temple за разныя происки съ легитимистами, занимавшимися заговорами противъ перваго консула. Когда его заключили, гр. Морковъ обидѣлся и заступился за Кристина, что окончательно взбѣсило Бонапарта.

Между тѣмъ, дѣла все осложнялись, и все предвѣщало образованіе коалиціи противъ пожизненнаго перваго консула. Такая коалиція вскорѣ и составилась изъ трехъ державъ: Россіи, Англіи и Австріи, при чемъ душой этой комбинаціи были императоръ Францъ и австрійскій кабинетъ. Недоставало только Прусскаго королевства. Фридрихъ-Вильгельмъ уже тогда началъ свою двойную игру, угождая Бонапарту и Александру и не обнаруживая открыто своихъ симпатій въ ту или другую сторону. Въ составѣ русскаго кабинета онъ имѣлъ заклятаго врага пруссаковъ, князя Адама Чарторыжскаго, ничего не жалѣвшаго, чтобы возстановлять Государя противъ этой монархіи. Одинъ нѣмецкій историкъ назвалъ даже планы князя Адама „ein Mordplan wider Preussen". Насколько Императоръ Александръ мало поддавался такого рода вліянію князя Чарторыжскаго, мы вскорѣ увидимъ.

9/21 марта 1804 года случилось событіе, взволновавшее всю монархическую Европу. На Баденской границѣ былъ схваченъ герцогъ Ангіенскій (duc d'Enghien), привезенъ въ Парижъ, приговоренъ военнымъ судомъ къ смертной казни и разстрѣлянъ въ Венсенскомъ паркѣ (parc de Vincennes). Буря негодованія разразилась и въ Петербургѣ.

Жозефъ де-Местръ такъ описалъ петербургское настроеніе при извѣстіи о разстрѣляніи герцога Ангіенскаго: „Негодованіе достигло высшихъ предѣловъ. Добрыя императрицы прослезились, великій князь Константинъ въ бѣшенствѣ, а Его Величество

огорченъ не менѣе глубоко. Членовъ французскаго посольства не принимаютъ, даже не говорятъ съ ними. ....Императоръ облекся въ трауръ, и повѣстки о семидневномъ траурѣ были разосланы всему дипломатическому корпусу, генералу Эдувиль, какъ и прочимъ. Сегодня заупокойная служба въ католической церкви. На нее отправляются многія здѣшнія дамы, такъ же, какъ и англійскій посолъ. Никогда не видалъ я мнѣнія, столь единодушно и рѣзко выраженнаго".

17 апрѣля былъ собранъ экстренно совѣтъ *), на которомъ разбиралось, что предпринять въ видѣ протеста на этотъ возмутительный произволъ Бонапарта. Единогласно рѣшили, что русскій дворъ наложитъ трауръ по разстрѣлянному. Касательно того, что дѣлать дальше, возникъ рядъ преній. Князь А. Чарторыжскій, уже замѣнившій больного канцлера, удалившагося на покой, настаивалъ на принятіи самыхъ энергичныхъ мѣръ и на отозваніи Убри изъ Парижа, т.-е. на разрывѣ съ Франціей.

Большинство приняло это мнѣніе, но нашлись двое, графъ Н. П. Румянцевъ и графъ П. В. Завадовскій, которые увѣщевали не торопиться, а главное, не давать хода чувствительности, помня, что интересы Россіи выше, чѣмъ изліянія сентиментальности, и что, собственно говоря, честь нашего Государя вовсе не была затронута этимъ драматическимъ событіемъ. Александръ Павловичъ согласился съ мнѣніемъ большинства, и Убри было поручено передать негодованіе Императора французскому кабинету. 12 мая Убри исполнилъ порученіе, а одновременно было предписано французскому представителю, генералу Эдувиль (Hédouville) покинуть Петербургъ. Бонапартъ, въ свою очередь, возмутился нѣкоторыми выраженіями ноты и приказалъ Талейрану отвѣтить въ томъ же

*) Въ засѣданіи участвовали: Государь, гр. П. В. Завадовскій, гр. В. А. Зубовъ, кн. Александръ Куракинъ, гр. Н. П. Румянцевъ, гр. А. И. Васильевъ, генералъ С. К. Вязьмитиновъ, князь П. В. Лопухинъ, гр. В. П. Кочубей, гр. Арк. И. Морковъ, Д. П. Трощинскій, баронъ А. Будбергъ и князь Ад. Чарторыжскій.

тонѣ, но пересолилъ. Въ отвѣтѣ было прямо сказано, что, когда въ Петербургѣ былъ умерщвленъ Императоръ Павелъ по проискамъ Англіи, никто изъ заговорщиковъ не былъ наказанъ. Этотъ намёкъ Наполеона никогда не былъ ему прощенъ, несмотря на всѣ лобзанія въ Тильзитѣ и въ Эрфуртѣ.

6/18 мая 1804 г. Бонапартъ былъ провозглашенъ императоромъ.

Пожизненное консульство продолжалось не долго. Взоры всего міра сосредоточились на замѣчательномъ корсиканцѣ, въ нѣсколько лѣтъ достигшемъ престола Франціи. Это событіе стало логическимъ эпилогомъ великой французской революціи!

Послѣ происшедшихъ инцидентовъ борьба была неминуема. Но цѣлый годъ еще тянулись переговоры между коалиціонными державами, писались новые союзные договоры, сочинялись всякія сложныя комбинаціи, словомъ, терялось дорогое время, а Наполеонъ принималъ смѣлыя рѣшенія и дѣйствовалъ. Кто же въ Россіи былъ руководителемъ внѣшней политики въ это сложное время?

Правой рукой Государя сталъ его пріятель, полякъ, князь Ад. Чарторыжскій. Лучшимъ мѣриломъ для сужденія о дѣйствіяхъ управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ можетъ быть то, что онъ откровенно написалъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Лично князь Адамъ былъ благороденъ, безкорыстенъ и честнѣйшихъ правилъ, но, по его неоднократному заявленію, онъ оставался патріотомъ, т.-е. мыслилъ и дѣйствовалъ, какъ заядлый полякъ. И этотъ человѣкъ былъ избранъ Александромъ въ ближайшіе сотрудники! Вотъ что записалъ князь Адамъ: „En acceptant, j'étais décidé à ne rien faire qui pût exercer une fâcheuse influence sur les destinées futures de ma patrie; mais je n'avais aucune idée nette, aucun plan arrêté quant à la nature des services que je pouvais être appelé à rendre à la Pologne dans ma nouvelle position" *).

*) Mémoires du prince Adam Czartoryski. Paris, 1887, I, pages 321, 361 et 372

Сказано ясно и откровенно. Когда идетъ рѣчь о положеніи Россіи въ 1804 году, Чарторыжскій пишетъ:

„Les russes m'ont toujours soupçonné de vouloir faire pencher la politique de la Russie vers un lien intime avec Napoléon; cela était bien loin de ma pensée, car il m'était évident que *toute entente entre les deux empires* ne pouvait manquer d'être *funeste aux intérêts de la Pologne*". И дальше: „Mon système, par son principe fondamental de réparer toutes les injustices, conduisait nécessairement au *rétablissement* de la *Pologne*. Mais, afin de ne pas heurter de front les difficultés que devait rencontrer une diplomatie si contraire aux idées reçues, j'avais évité de prononcer le nom de la Pologne; l'idée de son rétablissement se trouvait implicitement comprise dans l'esprit même de mon travail et dans la tendance que je voulais donner à la politique russe".

Мнѣ кажется, что какіе-либо комментаріи излишни къ такому откровенію. Оно благородно съ точки зрѣнія человѣческой, патріотично для поляка и его родины, но цинично и даже преступно для руководителя русскихъ интересовъ. Если польскій князь считалъ, что „c'était une de ces fantaisies d'Alexandre à laquelle j'ai fini de me soumettre", то не лучше ли было бы, а главное, не честнѣе ли, вовсе не принимать такой отвѣтственной должности.

Въ сентябрѣ 1804 года Александру Павловичу пришло на умъ тѣмъ или другимъ способомъ повліять на Англію, чтобы создать европейское посредничество, для обузданія замысловъ Наполеона. Для этой цѣли былъ выбранъ Н. Н. Новосильцовъ, котораго послали въ Англію для воздѣйствія на англійскихъ государственныхъ людей, давъ ему двѣ инструкціи, одну официальную, другую секретную *), скрѣпленную подписями Императора Александра и князя Адама **). Миссія Новосильцова не увѣнчалась

---

*) Инструкціи подписаны 11 сентября 1804 года.

**) Удивительно, что Шильдеръ въ своей „Исторіи Александра I" ни полъ-слова не сказалъ о миссіи Новосильцова!

успѣхомъ, что можно было бы предвидѣть и что весьма наглядно описано въ донесеніи графа де-Мэстра сардинскому королю.

„Novossilzoff part demain. L'opinion n'est pas pour cette mission, et il me l'a dit lui-même. On dit que l'Empereur s'abaisse en s'avançant ainsi; on pourrait dire une infinité de choses sur cet article, je me borne à une phrase: Si Novossilzoff va demander la paix, sa mission est vile; s'il va offrir la paix ou la guerre, elle est noble. Il faudrait donc savoir ce qu'on a déterminé ici. En voyant une puissance aussi soupçonneuse que l'Angleterre remettre ses intérêts entre les mains d'une autre (la Russie) dont elle se défie visiblement, j'ai peine à croire qu'elle compte sérieusement sur un traité où le négociateur russe stipulera pour l'Angleterre. La négociation n'aboutira à rien; Novossilzoff me l'a dit sans détour, et le prince Czartoryski plus ouvertement encore, s'il est possible. Il m'a ajouté: „Il y a beaucoup de gâchis“, en voulant parler des jalousies qui commencent. En effet, Sire, non seulement les Anglais ont conçu sur l'introduction des Russes dans la Méditerranée des craintes qu'ils n'ont pas su dissimuler, mais ce sentiment a même gagné les Bourbons.

„Qui pourrait le croire, et cependant rien n'est plus vrai! Beau commencement! Le prince m'a ajouté: „L'Empereur cependant ne se décourage point“. La haine de l'Angleterre est encore un singulier phénomène du moment, et qui peut nuire infiniment au succès de la cause qu'ils défendent. J'observe, j'écoute et je vois avec terreur qu'ils ne sont aimés que d'eux-mêmes. Quelquefois j'aurais voulu être puissant pour leur dire: „Mais, au nom de Dieu, messieurs, soyez aimables! écoutez un peu le bon sens étranger; on ne traite pas les cabinets comme vous traitez les filles: au lieu d'offrir l'argent avec un air rustique, faites l'amour...“ mais je ne suis pas fait pour prêcher sur ce ton“ *).

---

*) Mémoires politiques de Joseph de Maistre, par Albert Blanc, 3e edition. Paris, 1863. 1er volume.

Если князь Чарторыжскій и Новосильцовъ относились скептически къ означенной миссіи, то кѣмъ была внушена она Императору Александру? Намъ не удалось, несмотря на всѣ поиски въ архивахъ, разъяснить этой загадки! Возможно, что Государю лично принадлежала инициатива такого хода, и это самое вѣроятное, такъ какъ князь Адамъ сказалъ де-Мэстру „que l'Empereur ne se décourage point". Мы отмѣчаемъ вообще весь этотъ инцидентъ, какъ одно изъ первыхъ проявленій самостоятельныхъ рѣшеній у Александра въ дѣлахъ внѣшней политики. Вскорѣ обнаружились и другія.

25 октября/6 ноября 1804 г. была заключена секретная конвенція съ Австріей, служащая началомъ къ дѣйствіямъ противъ Франціи, 2 января 1805 г. заключенъ союзный договоръ съ Швеціей, а 30 марта — съ Англіей, къ которому окончательно примкнула и Австрія 28 іюля/9 августа 1805 года. Какъ видно, недоставало одной Пруссіи, черѣзъ владѣнія которой должны были проникнуть части русскихъ войскъ, а согласія на это никакъ нельзя было добиться отъ нерѣшительнаго прусскаго короля, чему способствовалъ также всѣми силами и князь Адамъ Чарторыжскій.

Русскія войска сосредоточивались на западной границѣ, одни должны были совмѣстно съ австрійцами дѣйствовать противъ французовъ, другія предназначались противъ пруссаковъ. Большихъ подробностей относительно силъ, количества и назначенія нашихъ войскъ мы не касаемся, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу. Все это подробно изложено у многихъ историковъ той эпохи. Въ сентябрѣ Императоръ Александръ, сопровождаемый тріумвирами (кромѣ графа Кочубея) и нѣсколькими лицами свиты, направился, черезъ Могилевъ и Брестъ-Литовскъ, на театръ военныхъ дѣйствій. По пути предполагалось посѣтить родителей князя Адама въ Пулавахъ, куда и прибыли въ ночь на 18 сентября 1805 года.

Тогда восторгу поляковъ не было границъ; говорилось о намѣреніи посѣтить Варшаву, что будто тамъ, послѣ торжественной

встрѣчи, Государь провозгласитъ себя польскимъ королемъ; князь Іосифъ Понятовскій былъ главнымъ распорядителемъ всѣхъ приготовленій для пріема высокаго гостя въ Варшавѣ и у себя, въ замкѣ Вилановѣ, словомъ, вся Польша жила надеждами и чаяла давно ожидаемыхъ благъ. Но незамѣтно для кого-либо, и даже для зоркихъ очей князя Чарторыжскаго, Императоръ Александръ послалъ изъ Бреста своего преданнаго и пылкаго генералъ-адъютанта, князя П. П. Долгорукаго, съ секретнымъ порученіемъ къ королю Фридриху-Вильгельму, въ Берлинъ. И вдругъ, 4 октября, Его Величество объявилъ, что ѣдетъ прямо въ Козеницы, главную квартиру генерала Михельсона, даже не останавливаясь въ Варшавѣ, а тѣмъ болѣе въ замкѣ князя Понятовскаго, а оттуда прямо въ Берлинъ. Не надо забывать, что пребываніе въ Пулавахъ продолжалось уже цѣлыя двѣ недѣли, и что ничто не предвѣщало такого крутого поворота въ намѣреніяхъ.

Что же случилось? Да ничего особеннаго. Князь Петръ Долгорукій успѣшно исполнилъ только свое порученіе. Онъ прекратилъ колебанія прусскаго короля, подлилъ масла въ огонь, когда Фридрихъ-Вильгельмъ узналъ, что его пріятели французы нарушили нейтралитетъ и перешли черезъ его владѣнія въ Анспахѣ *). Король пришелъ въ негодованіе и далъ разрѣшеніе русскимъ войскамъ войти немедленно въ предѣлы его королевства. Коалиція обогатилась еще однимъ, если не союзникомъ, то явнымъ доброжелателемъ, а всѣ надежды и планы какъ князя Адама, управлявшаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Россіи, такъ и остальныхъ поляковъ рухнули. Это было поистинѣ un coup de théâtre, никѣмъ не жданный, и здѣсь уже Александръ вполнѣ наглядно проявилъ свою собственную волю. Свиданіе въ Мемелѣ 1802 года дало нежданные плоды, а вліянію польскаго магната

---

*) См. „Князья Долгорукіе“, Великаго Князя Николая Михаиловича. Петербургъ, 1902, стр. 12—14.

было нанесено первое пораженіе, которое онъ, съ болью въ сердцѣ и со скрытой злобой, молча, проглотилъ. Что разочарованіе князя Чарторыжскаго было полное, о томъ весьма прозрачно свидѣтельствуютъ его записки, гдѣ все разсказано подробно и очень картинно. Этотъ осенній эпизодъ 1805 года надо считать началомъ проявленія у Александра проблеска самостоятельнаго почина во внѣшней политикѣ.

Блестящая и торжественная встрѣча была оказана Русскому Императору въ Берлинѣ 13 октября 1805 года. Изліяніямъ любви и преданности королевской семьи не было конца. Произошла умилительная сцена ночью въ Потсдамѣ, у гробницы Фридриха Великаго, воспроизведенная на извѣстной гравюрѣ. Наконецъ, была подписана условная конвенція о присоединеніи Пруссіи къ коалиціи, при чемъ эта держава заручилась согласіемъ на присоединеніе къ ней Ганновера.

Тѣмъ временемъ Наполеонъ не дремалъ и, принудивъ австрійскую армію подъ Ульмомъ къ капитуляціи, шелъ съ своими войсками на Вѣну. Остальное извѣстно.

Все закончилось полнѣйшимъ пораженіемъ русско-австрійскихъ силъ подъ Аустерлицемъ, постыднымъ миромъ для Австріи и возвращеніемъ русскихъ войскъ на родину; Пруссія заключила договоръ съ Наполеономъ и получила въ даръ желанный Гановеръ. Это не помѣшало Александру Павловичу писать дружескія письма Фридриху-Вильгельму и оставить русскіе корпуса въ его полное распоряженіе. Вотъ до чего въ немъ глубоко засѣла привязанность къ Пруссіи и Гогенцоллернамъ. Но эта привязанность и это довѣріе пошли еще дальше въ слѣдующемъ 1806 году. Политическій горизонтъ былъ болѣе, чѣмъ когда-либо, пасмурнымъ, и можно было ожидать разнородныхъ вспышекъ для новыхъ недоразумѣній. Въ эту минуту князь Чарторыжскій самымъ энергичнымъ образомъ убѣждалъ Государя бросить заигрываніе съ Пруссіей и войти въ какое-либо соглашеніе съ Франціей.

Но Александръ оставался глухъ ко всѣмъ доводамъ избраннаго имъ же совѣтника, и всѣ рѣшенія Императора шли въ разрѣзъ съ образомъ мыслей князя Адама; тѣмъ не менѣе, князь Чарторыжскій представилъ на усмотрѣніе Его Величества двѣ подробныя записки, гдѣ все было ясно и обстоятельно изложено. Одна озаглавлена: „Mémoire sur les rapports de la Russie et de la Prusse" (17 janvier 1806), другая: „Mémoire sur la nécessité d'ouvrir des négociations de paix avec Napoléon". Обѣ записки были составлены очень обдуманно и не лишены извѣстной логики. Первую можно признать особенно разумной, хотя въ ней и прозрачно сквозитъ ненависть къ Пруссіи, вторая написана гораздо позднѣе, когда война съ Наполеономъ уже была въ полномъ разгарѣ, но обѣ свидѣтельствуютъ о недюжинныхъ способностяхъ польскаго вельможи. Оригинально, что почти одновременно Императрица-мать увѣщавала Александра однородными совѣтами прекратить довѣрчивыя сношенія съ Пруссіей, но вмѣстѣ съ тѣмъ настаивала на скорѣйшемъ удаленіи отъ дѣлъ самого Чарторыжскаго.

Вотъ, что писала Императрица Марія Ѳеодоровна сыну 18 апрѣля 1806 года *):

„Celui qui est le plus en butte à la haine publique est le prince Czartoryski. Deux raisons se réunissent pour exciter cette haine, celle qu'il est polonais et celle des malheurs de l'automne passé. Si je m'arrête plus longuement sur ce point, c'est que je me dois à moi-même et à vous, cher Alexandre, de l'analyser plus en détail. Vous vous rappelez de ma douleur profonde à la nomination du prince Czartoryski au ministère, de toutes les représentations que je vous ai adressées, des prédictions que je vous ai faites sur les suites qui en résulteraient. Vous nommâtes cependant le prince au ministère"... Далѣе идетъ подробное изложеніе фактовъ и, наконецъ, заключеніе: „Il vous appartient présentement à vous, cher Alexandre, de juger,

---

*) См. Великій Князь Николай Михаиловичъ. Русскій Архивъ, январь 1911.

par le degré de confiance que vous accordez au prince Czartoryski et à ses lumières, s'il est de l'intérêt de votre service de le laisser lutter contre des sentiments aussi prononcés, et, en ce cas, il faut le soutenir, ou, si votre confiance n'est pas plénière en lui, s'il est plus utile au bien de l'Etat de lui accorder la retraite qu'il vous a demandée déjà plusieurs fois, comme vous l'avez dit vous-même". Теперь относительно Пруссіи Императрица пишетъ сыну 14 марта 1807 г. слѣдующее: „.... Vous vous doutez que je veux vous parler de la Prusse. Je ne puis me lasser de vous répéter que l'attachement de votre grand-père à la Cour de Berlin a causé sa perte, celui de votre père pour cette même Cour lui a été bien funeste et le vôtre, cher Alexandre, l'a été suffisamment jusqu'à ce moment.... Je me bornerai à vous conjurer de donner toute votre attention à ce qu'on ne puisse vous accuser de lui sacrifier les intérêts et la gloire de votre pays. Il est certain que vous avez repris les armes pour aider et finalement pour sauver la Prusse, mais il n'en est pas moins vrai non plus que, par cette série de circonstances, nous avons vu nos frontières menacées et que vous avez été obligé à demander à votre nation des secours considérables et inconnus jusqu'à ce moment dans les annales de la Russie.... Il faut donc que dans votre marche politique vous persuadiez la nation que vous n'agissez que pour sa gloire et son repos, et que l'influence prussienne n'existe pas et vous ne lui accordez que protection et soutien, que vous ferez la paix non pas quand la Prusse le voudra, mais lorsque vous le voudrez et le croirez glorieux et nécessaire à votre Etat".

Пристрастіе Александра къ прусскому королевскому дому поражаетъ еще потому, что у него не было кровнаго родства съ Гогенцоллернами, и то что понятно и объяснимо для Николая Павловича, женатаго на прусской принцессѣ, а также и для Императора Александра II, намъ кажется, что это пристрастіе Александра было лишь результатомъ какого-то рыцарскаго чувства его къ королевѣ Луизѣ, иначе трудно найти другое болѣе подходящее объясненіе.

На этотъ разъ Александръ внялъ увѣщаніямъ матушки, но только относительно увольненія князя Чарторыжскаго, котораго онъ самъ уже не цѣнилъ, какъ прежде, и съ которымъ рѣзко разошелся по большинству вопросовъ. 17 іюля 1806 года князь Адамъ былъ уволенъ, а министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ баронъ Андрей Будбергъ, балтійскій нѣмецъ, лишенный какихъ-либо дарованій. Но между назначеніемъ барона и уходомъ поляка произошелъ невѣроятный инцидентъ, о которомъ мы писали подробно въ книгѣ „Графъ П. А. Строгановъ" (т. III). Виновникомъ инцидента былъ другой нѣмецъ, Убри. Заведенная Государемъ привычка посылать особыхъ избранниковъ для политическихъ цѣлей укоренилась въ немъ прочно, при постоянномъ недовѣріи къ людямъ. Мы уже говорили о посылкахъ Новосильцова въ Лондонъ и князя Долгорукаго въ Берлинъ; теперь въ Лондонѣ былъ посломъ графъ П. А. Строгановъ, а въ Парижѣ -Убри, съ особыми инструкціями *). Позднѣе неоднократно командировались другіе, особенно А. И. Чернышевъ, и система эта не прекращалась во всю Наполеоновскую эпоху къ понятному раздраженію россійскихъ пословъ. Убри, уже раньше знакомый съ Парижемъ, казался подходящимъ лицомъ для веденія переговоровъ, но онъ не оправдалъ оказаннаго ему довѣрія. Его послали съ опредѣленными инструкціями для разрѣшенія вопроса о Каттаро и для урегулированія размѣна плѣнныхъ послѣ Аустерлицкой кампаніи. Между тѣмъ, подъ гипнозомъ величія и мощи Наполеона, Убри подписалъ самовольно форменный мирный договоръ съ Франціей 8/20 іюля 1806 года и немедленно повезъ этотъ документъ для ратификаціи въ Петербургъ. Что Убри самъ догадывался, что совершилъ какую-то передержку, въ этомъ нѣтъ и тѣни сомнѣнія. Предупреждая графа Строганова, находившагося въ Лондонѣ, о

---

*) Шильдеръ опять только вскользь упоминаетъ объ инцидентѣ Убри, а также С. Татищевъ въ книгѣ „Alexandre I et Napoléon" удѣляетъ лишь нѣсколько строкъ этому дѣлу.

совершенномъ имъ актѣ, Убри писалъ графу: „Je trouve nécessaire de songer à ma justification à St-Pétersbourg pour avoir fait l'opposé des ordres dont j'étais muni. Je m'y rends aujourd'hui pour présenter et mon ouvrage et ma tête pour me punir si j'ai mal fait". Когда Убри явился въ Петербургъ, то заключенный имъ договоръ поразилъ и ошеломилъ не только Императора, но и пославшаго его князя Чарторыжскаго, уже смѣненнаго барономъ Будбергомъ. И было отъ чего прійти въ недоумѣніе. Дѣло показалось столь серьезнымъ, что немедленно былъ собранъ совѣтъ, гдѣ единогласно было постановлено ни подъ какимъ видомъ не давать ратификаціи договору. Результатомъ этого высокаго совѣщанія было изданіе манифеста 30 августа/11 сентября 1806 года, гдѣ подчеркивалась увѣренность Государя, что всѣ русскіе соединятъ свои усилія, если того потребуютъ обстоятельства для безопасности Россіи, а тогдашній Сенатъ даже обратился къ Его Величеству съ рѣчью: „Чего жъ не можно ожидать отъ Россовъ!... что единая безопасность отечества, святость Твоихъ союзовъ и спасеніе Европы призываютъ Тебя къ ополченію". Пресловутый мирный договоръ, подписанный Убри, является перломъ, до чего могла дойти растерянность русскаго посланнаго, и какъ мало онъ радѣлъ объ интересахъ Россіи. Въ этомъ договорѣ даровалась независимость Рагузской республикѣ, любезно разрѣшалось русскимъ имѣть гарнизонъ на островѣ Корфу, разрѣшалась независимость и Черногоріи, обѣщались Балеарскіе острова наслѣднику изгнаннаго короля Неаполитанскаго, и все это заканчивалось обѣщаніемъ мира съ Россіей. Наполеонъ явно подшутилъ надъ наивнымъ представителемъ Александра, очевидно, самъ не вѣря, что такого рода договоръ получитъ ратификацію въ Петербургѣ.

А что еще замѣчательнѣе, что нашлись недоброжелатели, которые распускали слухи, что будто бы Убри дѣйствовалъ по секретному порученію Государя. Слухамъ этимъ придавали вѣру, вѣроятно, потому, что Убри не понесъ кары, а удалился въ деревню

на продолжительное время *). С. А. Тучковъ въ запискахъ прямо-таки говоритъ, что „въ бытность мою (т.-е. Тучкова) въ Петербургѣ возвратился извѣстный Убри съ подписаннымъ отъ Наполеона мирнымъ трактатомъ. Но только былъ оный объявленъ верховному совѣту, какъ въ первый и послѣднiй разъ его правленiя, дерзнули члены онаго тому воспротивиться: они представили Государю весь вредъ, могущiй послѣдовать отъ того невыгоднаго договора. Хотя многимъ извѣстно было, что Убри поступилъ во всемъ согласно съ наставленiями, данными ему Государемъ, но послѣднiй всю вину возложилъ на Убри". Это сплошная клевета на Александра Павловича, и самъ Убри никогда о томъ ничего подобнаго не разглашалъ, признавая откровенно свою вину.

Гораздо удачнѣе было исполнено порученiе графомъ П. Строгановымъ въ Лондонѣ, гдѣ онъ сумѣлъ показать свои блестящiя способности, какъ дипломатъ и вполнѣ русскiй государственный мужъ. Несмотря на щекотливое положенiе молодого графа въ сношенiяхъ съ графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ, убѣленнымъ сѣдинами, почтеннаго возраста и снискавшимъ опытомъ и долгой службой всеобщее уваженiе, Строгановъ проявилъ тактъ и умѣнiе въ обхожденiи со старцемъ. Графъ Воронцовъ искренно полюбилъ Павла Александровича и оказалъ ему полное довѣрiе, перешедшее съ годами въ дружбу, тѣмъ болѣе, что Строгановъ былъ прiятелемъ единственнаго сына графа, Михаила, впослѣдствiи извѣстнаго правителя Новороссiйскаго края и Кавказа. За время пребыванiя графа Строганова въ Лондонѣ, сошелъ въ могилу Питтъ (Pitt), самый заклятый противникъ Наполеона, и его замѣнилъ Фоксъ (Fox), придерживавшiйся гораздо болѣе умѣренной политики относительно Францiи.

---

*) Убри позже вернулся на службу и былъ послѣдовательно посланникомъ при разныхъ мелкихъ европейскихъ дворахъ.

Но графу Строганову удалось и Фокса убѣдить въ поддержкѣ Англіи, хотя только денежной и нравственной, въ предстоящей, неминуемой борьбѣ съ Наполеономъ. Узнавъ, что въ Петербургѣ произошли перемѣны, что друзья его сошли со сцены, графъ Строгановъ принялъ рѣшеніе покинуть навсегда гражданскую службу и поступилъ волонтеромъ въ дѣйствующія войска, чтобы принять участіе въ предстоящей кампаніи. Такимъ образомъ Императоръ Александръ лишился много обѣщавшаго дипломата, а обстоятельства удалили вѣрнаго друга отъ ближайшаго съ нимъ общенія. Событія шли быстро. Пруссія, только успѣвъ заключить союзный договоръ съ Франціей, уже разочаровалась въ новой союзницѣ, потому что въ Парижѣ и слышать не хотѣли о созданіи сѣверо-германскаго союза, придуманнаго Гаугвицомъ, и намѣревались снова передать злополучный Гановеръ Англіи. Картина была жалкая и смѣшная, но единственная въ своемъ родѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ заключилъ одновременно два союза, одинъ съ Франціей, другой съ Россіей, и такого рода фокусъ считался выгоднымъ, такъ какъ въ Парижѣ и въ Петербургѣ тогда еще не знали этого коварства, а король могъ во всякое время разсчитывать на поддержку той или другой изъ враждующихъ державъ. На дѣлѣ вышло, однако, все крайне прискорбно для Пруссіи и ея короля. Въ концѣ сентября Фридрихъ-Вильгельмъ объявилъ войну Франціи, а 15/27 октября Наполеонъ былъ уже въ Берлинѣ, разбивъ нà-голову пруссаковъ при Іенѣ и Ауерштетѣ, при чемъ крѣпости сдались безъ выстрѣла непріятелю. Тогда, очевидно, взоры Пруссіи были обращены на Россію и на благородныя чувства Императора Александра. Они и оправдались безъ выгоды для Пруссіи, но съ явнымъ ущербомъ для интересовъ Россіи. Это поняла даже такая послѣдовательная нѣмка, какъ Императрица Марія Өеодоровна, но ни мольбы матери, ни совѣты друзей не помогли, и Александръ рѣшился во второй разъ сразиться съ Наполеономъ, все еще не вѣря въ геніальность

французскаго полководца и не сознавая неподготовленности русскихъ войскъ, а еще болѣе русскихъ генераловъ къ такой неравной борьбѣ на чужой территоріи. Въ 1805 году все кончилось Аустерлицемъ, теперь же, послѣ мнимаго успѣха подъ Прейсишъ-Эйлау, завершилось пораженіемъ подъ Фридландомъ (2/14 іюня 1807 года).

Ослѣпленіе Императора Александра было полное. Принимая къ сердцу несчастіе прусскаго короля и королевы Луизы, и вообще погромъ Пруссіи, Его Величество рѣшилъ самъ отправиться въ апрѣлѣ 1807 года въ дѣйствующую армію, силы которой доходили до 150.000 штыковъ, отъ прусскихъ же войскъ оставалось лишь 14.000 человѣкъ. Опять въ Мемелѣ, Императоръ нашелъ пріютившуюся тамъ на клочкѣ своихъ оставшихся владѣній королевскую чету. Чтобы умилостивить Русскаго Государя, Фридрихъ-Вильгельмъ замѣнилъ Гаугвица Гарденбергомъ, считавшимся другомъ Россіи и угоднымъ видамъ нашего правительства. Это мнѣніе было тоже ни на чемъ не основано, такъ какъ, тотчасъ же по открытіи военныхъ дѣйствій, въ главной квартирѣ у Бартенштейна этотъ Гарденбергъ состряпалъ невѣроятную конвенцію, утвержденную Россіей 14 апрѣля 1807 года, гдѣ всѣ выгоды были исключительно разсчитаны для Пруссіи. И такого рода соглашеніе было одобрено Русскимъ Императоромъ, съ явнымъ ущербомъ для интересовъ Россіи, тогда какъ ни Австрія, ни Англія и слышать не хотѣли о предложенныхъ Гарденбергомъ условіяхъ. Но судьба и тутъ выручила Россію: послѣ Фридландскаго сраженія послѣдовало Тильзитское свиданіе, которое все перевернуло.

Разбирая всѣ эти событія, волновавшія Европу, спрашиваемъ, что же дѣлалось на Руси, гдѣ въ первые три года царствованія Александра Павловича такъ ретиво взялись за внутреннія преобразованія и реформы обновленія? Начиная съ середины 1804 года все мало-по-малу какъ будто застыло. Прекративъ

засѣданія негласнаго комитета, Александръ еще аккуратно посѣщалъ Комитетъ министровъ, но и тутъ стало замѣтно отсутствіе обычнаго вниманія. Мысли и помышленія Государя были отвлечены всецѣло дѣломъ внѣшнимъ, и если еще вспоминалось, что существовала комиссія для пересмотра и составленія законовъ, состоявшая подъ мнимымъ предсѣдательствомъ князя П. В. Лопухина, что нѣкоему Розенкампфу было поручено выработать проектъ какой-то конституціи, то только для того, чтобы все это положить подъ сукно. Съ того же 1804 года завязались первыя сношенія Государя съ красивой полькой, Маріей Антоновной Нарышкиной, которыя тоже отнимали не мало времени. При окончательномъ заключеніи объ эпохѣ 1801—1807 годовъ, надо сознаться, что она была самой неопредѣленной изъ всего царствованія, почему мы и назвали ее „эпохой колебаній“. Началось съ проблесковъ какого-то возрожденія, кончилось погромомъ русскаго оружія. Показались новыя силы въ лицѣ юныхъ и неопытныхъ новаторовъ, были привлечены нѣкоторые почтенные дѣятели вѣка Екатерины, но сдѣлано было такъ мало, что какъ будто работа и не начиналась. Въ мірѣ военномъ не сумѣли оцѣнить Кутузова и Багратіона, а привлекали или бездарности, или неопытныхъ генераловъ и еще менѣе способныхъ главнокомандующихъ, какъ графа М. Ѳ. Каменскаго, Михельсона, Буксгевдена и даже самого Беннигсена, слава котораго была создана нѣмцами.

Предстояла нелегкая работа организовать армію, привлечь способныхъ генераловъ и офицеровъ, привести въ порядокъ часть интендантскую, обозы и всякаго рода запасы. Къ работѣ вскорѣ и было приступлено, и на этой почвѣ Аракчеевъ сдѣлалъ много. Остается добавить, что, не будь уроковъ подъ Аустерлицемъ и Фридландомъ, не было бы ни Бородина, ни Лейпцига. Но объ этомъ мы уже подробно говорили въ предисловіи къ III тому „Графа П. А. Строганова“.

ГЛАВА II.

Союзъ съ Наполеономъ.

1807 — 1812.

„Bonaparte prétend que je ne suis qu'un sot. Rira le mieux qui rira le dernier! et moi je mets tout mon espoir en Dieu".
(Sept. 1808, lettre d'Alexandre à sa sœur Catherine).

Вотъ интереснѣйшее время, которое подробнѣе всѣхъ остальныхъ періодовъ царствованія Императора Александра I разработано историками. Въ Россіи, Шильдеръ и Татищевъ употребили все стараніе подробно изложить происшедшее, и сдѣлали это добросовѣстно; во Франціи, Вандаль и Сорель разработали во всѣхъ деталяхъ сложныя сношенія между двумя императорами, при чемъ первый проявилъ особый талантъ неподражаемаго разсказчика, владѣя перомъ мастерски, а второй далъ намъ образецъ критическаго труда, гдѣ изложена суть дѣла такъ наглядно и просто, что здѣсь и кроется вся заслуга этого симпатичнаго и ученаго историка *). Всѣ четверо уже сошли, къ глубокому сожалѣнію, преждевременно въ могилу, но труды ихъ не пропадутъ и останутся краеугольнымъ камнемъ для изслѣдователя Наполеоновской

*) Шильдеръ: „Императоръ Александръ I", 4 тома, 1897.
Татищевъ: „Alexandre et Napoléon", 1 v., 1891. Paris.
Albert Vandal: „Napoléon et Alexandre", 2 v. Paris, 1894.
Albert Sorel: „L'Europe et la Révolution Française", 8 v. Paris, 1903—1905.

эпохи. Слава Богу, здравствуетъ еще одинъ, единственный въ своемъ родѣ, неутомимый труженикъ, посвятившій всю свою жизнь Наполеону и работающій исключительно для выясненія фигуры своего героя, его семьи и всѣхъ обстоятельствъ его бурной жизни. Мы говоримъ о Фредерикѣ Массонѣ, уже написавшемъ и издавшемъ цѣлую серію томовъ для этой цѣли и сумѣвшемъ выяснить многое, что казалось еще загадкой. Поэтому, врядъ ли мы будемъ въ состояніи прибавить что-либо новое въ этой главѣ, тѣмъ болѣе, что въ I томѣ „Дипломатическихъ сношеній Россіи и Франціи", въ предисловіи къ этому тому, мы уже подробно изложили отношенія Русскаго Государя къ французскому послу Коленкуру.

Тѣмъ не менѣе, приходится еще разъ разобрать эпоху союза. Александру Павловичу суждено было впервые столкнуться лицомъ къ лицу съ Наполеономъ и, благодаря первой встрѣчѣ между ними, Тильзитское свиданіе пріобрѣтаетъ особенное значеніе.

Когда Императоръ Александръ узналъ 4 іюня 1807 года о пораженіи подъ Фридландомъ, онъ находился въ мѣстечкѣ Олита, почти въ тылу арміи.

Денисъ Давыдовъ, бывшій тогда адъютантомъ у князя Багратіона, описалъ въ своихъ „запискахъ" то, что онъ видѣлъ въ главной квартирѣ генерала Беннигсена: „Я прискакалъ 6 іюня въ главную квартиру, которую составляла толпа различнаго рода людей. Тутъ были: англичане, шведы, пруссаки, французы-роялисты, русскіе военные и гражданскіе чиновники, разночинцы, чуждые службы, и военной и гражданской, тунеядцы, интриганы, словомъ, это былъ рынокъ политическихъ и военныхъ спекуляторовъ, обанкрутившихся въ своихъ надеждахъ, планахъ и замыслахъ.... Все было въ полной тревогѣ, какъ будто черезъ полчаса должно было наступить свѣтопреставленіе. Одинъ Беннигсенъ оставался неизмѣннымъ; онъ, видимо, страдалъ, но скорбію безмолвной".

При такихъ условіяхъ, нужно было подумать о мирныхъ переговорахъ. Александръ, скрѣпя сердце, поручилъ это дѣло генералу князю Д. И. Лобанову-Ростовскому.

10 іюня было подписано обоюдно перемиріе, послѣ поѣздки князя Лобанова въ Тильзитъ къ Наполеону и генерала Дюрока въ главную квартиру къ Беннигсену. Александръ Павловичъ 12 іюня переѣхалъ въ мѣстечко Пиктупäненъ, гдѣ принималъ Дюрока, а того же числа князь Лобановъ вторично съѣздилъ къ Наполеону. Наконецъ, 13/25 іюня произошла самая встрѣча, а также подписаніе мирнаго договора, articles séparés et secrets, и союзнаго договора (traité d'alliance), за подписями князей Лобанова и Куракина съ русской стороны и Таллейрана съ французской. Кромѣ того, князь Д. Лобановъ и маршалъ Бертье скрѣпили своими подписями добавочное соглашеніе (convention additionnelle), продиктованное имъ лично Наполеономъ.

Обращаемъ вниманіе на лицъ, избранныхъ Императоромъ Александромъ для такого акта. То были два вельможи, оба вѣка Екатерины, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, другъ Императрицы-матери, и князь Дмитрій Лобановъ-Ростовскій. Выборъ былъ не случайный: нашъ Государь хотѣлъ показать Наполеону, что въ этотъ разъ онъ не намѣренъ ему представлять какихъ-либо молокососовъ, въ родѣ князя Петра Долгорукаго или Убри, а что для переговоровъ избраны имъ уже вполнѣ созрѣвшіе мужи, носящіе древнія фамиліи на Руси.

Еще знаменательнѣе было исчезновеніе министра иностранныхъ дѣлъ, барона Будберга, котораго Государь вовсе не допустилъ до переговоровъ.

Такого рода ходы были свойственны Александру, поражали современниковъ, но показывали наглядно, насколько Императоръ обладалъ даромъ наблюденія и умѣлъ, когда обстоятельства того требовали, настоять на своемъ, несмотря ни на какія постороннія вліянія. Что же должны были думать несчастные Фридрихъ-

Вильгельмъ и королева Луиза, присутствовавшіе вблизи при заключеніи мирнаго и союзнаго договора съ повелителемъ Европы?!

Авторъ интересной книги „Histoire des cabinets de l'Europe pendant le Consulat et l'Empire" Лефебръ пишетъ слѣдующее:

„Le roi de Prusse assistait aux réunions des deux Empereurs, mais il y assistait comme un témoin *incommode* et malheureux. En sa présence, ils s'imposaient une réserve absolue, et toujours ils attendaient qu'il se fût retiré pour se livrer à leurs plus secrets épanchements. Napoléon ressentit pour ce prince une insurmontable aversion, et il se donnait le tort de la laisser paraître".

Въ „Mémoires de la comtesse Potocka" (publiés par C. Stryienski. Paris, 1902), графиня говоритъ: „Quant au roi de Prusse, sa nullité le rendit muet. Il avait fait la guerre pour satisfaire les désirs ambitieux de la reine, il fit la paix, heureux de reprendre ses habitudes paisibles, sans trop se rendre compte de ce qu'il aurait pu perdre ou de ce qu'il aurait pu gagner".

Многострадальная королева Луиза то плакала съ Наполеономъ, то заливалась слезами съ Александромъ. Оба императора ее утѣшали, какъ могли, но Русскій повелитель иногда возносилъ глаза къ небу и шопотомъ говорилъ: „Все это къ лучшему", „вѣрьте въ будущее" и тому подобныя загадочныя полуфразы. Тонкій умъ Александра особенно изощрялся въ женскомъ обществѣ, а бѣдная королева была тронута и польщена вниманіемъ безподобнаго монарха, „ce grand charmeur", какъ часто тогда называли Императора. Почти невозможно вполнѣ точно опредѣлить, что происходило въ его душѣ при Тильзитской встрѣчѣ, тѣмъ болѣе, что ни съ кѣмъ Государь не бывалъ откровененъ. Но сохранились нѣсколько словъ, написанныхъ къ любимой сестрѣ, Екатеринѣ Павловнѣ, съ которой онъ не стѣснялся и часто писалъ то, что думалъ. Эти слова гласятъ: „Dieu nous a sauvés: au lieu de sacrifices, nous sortons de la lutte avec une sorte de lustre. Mais que direz-

vous de tous ces événements?! *Moi, passer mes journées avec Bonaparte,* être des heures entières en tête à tête avec lui? Je vous demande un peu si tout cela n'a pas l'air d'un rêve! Il est minuit passé, et il ne fait que sortir de chez moi. Oh! que je voudrais que vous soyez invisiblement témoin de tout ce qui se passe. Adieu, chère amie, je vous écris rarement, mais, d'honneur, je n'ai pas un moment pour respirer".

Записочка эта помѣчена: „Тильзитъ, 17 іюня 1807 года".

Очевидно, мысли Государя смѣнялись быстро одна другой, мозгамъ и сердцу приходилось работать усиленнымъ темпомъ; обобщать всего не удавалось сразу, требовалось напряженіе всѣхъ способностей, чтобы распредѣлить послѣдовательно все то, что приходило на умъ, и, дѣйствительно, это походило на тревожный сонъ.

Но, скажемъ мы, шесть словъ говорили больше, чѣмъ что-либо другое, написанное перомъ въ ту годину. Вотъ эти слова: „Moi, passer mes journées avec Bonaparte".

Если вдуматься въ ихъ значеніе, то поймешь многое. Да, потомку Петра и Екатерины пришлось вести бесѣды съ сыномъ революціи, съ маленькимъ корсиканцемъ, и слушать внимательно его рѣчи, отгадывать его помышленія и даже стараться съ нимъ сблизиться.

Никогда Александръ Павловичъ, во всю свою жизнь, не могъ переварить этого свиданія, чувства его достоинства были черезчуръ уязвлены, и самолюбіе Державнаго повелителя Россіи приходилось приносить въ жертву обстоятельствамъ.

Почти одновременно Наполеонъ писалъ Жозефинѣ: „Mon amie, je viens de voir l'empereur Alexandre: j'ai été fort content de lui; c'est un fort beau, bon et jeune empereur; il a de l'esprit plus que l'on ne pense communément". Дѣйствительно, у него было больше ума, чѣмъ предполагалъ даже Наполеонъ, а еще больше утонченной хитрости и безподобной вкрадчивости. Въ чемъ же

состояли подписанныя условія между обоими императорами? Статей было 45, изъ которыхъ 7 отдѣльныхъ — секретныхъ, и 9 наступательныхъ и оборонительныхъ союзнаго договора.

Характерная фраза была отмѣчена самимъ Наполеономъ относительно прусскихъ владѣній: „Par égard pour Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies", а то бы Пруссія исчезла съ лица земли и была бы раздѣлена *)!

Пруссіи возвращались Померанія, Бранденбургъ, Старая Пруссія, верхняя и нижняя Силезіи. Что касается пріобрѣтеннаго ею раздѣломъ Польши, то все это отпадало. Къ сожалѣнію, Императоръ Александръ не пожелалъ пріобрѣсти предложенныхъ ему Наполеономъ польскихъ земель до Нѣмана и Вислы, какъ говоритъ Татищевъ, „изъ чувства деликатности къ своему бывшему союзнику".

Вмѣсто того сочинили герцогство Варшавское, никому не нужное, отдавъ его королю саксонскому. Новое герцогство никого не удовлетворило, менѣе всего поляковъ, разсчитывавшихъ на возстановленіе царства Польскаго. Графиня Потоцкая отмѣтила это событіе слѣдующими словами: „Il ne résulta pour nous que la création du modeste duché de Varsovie. C'était moins que ne faisaient présager nos espérances et nos efforts. Mais on pensa à l'avenir, afin de supporter le présent". Объ этомъ будущемъ не подумали ни Александръ, ни его совѣтники, и, какъ увидимъ, напрасно. Городъ Данцигъ былъ объявленъ свободнымъ, на подобіе Гамбурга, и отданъ подъ протекторатъ Пруссіи и Саксоніи. Изъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ домовъ были лишены земель: Нассау, Гессенъ-Кассель, Брауншвейгъ и Ангальтъ-Цербстъ. Эти страны вошли во вновь созданное королевство Вестфальское, а младшій братъ Наполеона, Іеронимъ, объявленъ королемъ этихъ владѣній. Ему же намѣревались передать Гановеръ. Благодаря родственнымъ

*) Этого обстоятельства и теперь еще не любятъ вспоминать въ Берлинѣ.

связямъ съ Русскимъ Императорскимъ домомъ, остались неприкосновенными герцогства Ольденбургское, Мекленбургъ-Шверинское и Кобургское. Это была особая любезность Наполеона къ новому союзнику. Бѣлостокская область переходила во владѣніе Россіи.

Были выработаны двоякія посредничества: Россіи въ заключеніи мира между Франціей и Англіей; Франціи между Россіей и Турціей. Эти вопросы были подробно разработаны дополнительными статьями, которыя оставались секретными. Іосифъ, старшій братъ Наполеона, былъ признанъ Россіей королемъ неаполитанскимъ, а какъ только найдется мѣсто, куда сослать бывшаго короля Фердинанда IV, то и королемъ обѣихъ Сицилій. Вотъ сущность того, что было рѣшено и подписано между Россіей и Франціей въ Тильзитѣ.

Раньше чѣмъ перейдти къ послѣдующимъ событіямъ, остановлюсь на одномъ вопросѣ, получившемъ неожиданное рѣшеніе, а именно на вопросѣ польскомъ. Въ апрѣлѣ 1806 года, т.-е. за годъ до Тильзита, князь Адамъ Чарторыжскій представилъ Государю подробную записку, въ формѣ письма, о политическомъ положеніи вообще и въ частности о судьбѣ Польши. Императоръ Александръ немедленно написалъ князю, при чемъ уклонился отъ прямого отвѣта относительно Польши, но на остальное далъ вполнѣ категоричные отзывы. Письмо это настолько интересно, что приведу его цѣликомъ, несмотря на то, что оно было напечатано въ перепискѣ Императора Александра съ княземъ Чарторыжскимъ, изданной Шарлемъ де-Мазадомъ, правда давно, еще въ 1865 году, и не было воспроизведено позднѣйшими историками.

Письмо гласило слѣдующее: „J'ai reçu le papier que vous avez jugé à propos de m'adresser. Vous désirez une discussion, je suis prêt à l'accorder, mais je ne puis m'empêcher de vous dire que je crois qu'elle ne servira à rien, *les bases desquelles nous partons se trouvant si diamétralement opposées.*

„Après l'énumération de la position critique dans laquelle se trouve la Russie et des maux qu'elle a à craindre, les seuls moyens que vous proposez se réduisent à peu près à ces deux:

„1) de me déclarer roi de Pologne;

„2) de changer les individus qui se trouvent à la tête des départements de la guerre et de l'extérieur *).

„Il serait trop long d'entrer dans la discussion du premier article, mais je suis prêt à énoncer ma manière de voir et les raisons qui guident ma conduite. Quant au second, je déclare être content des services que me rendent les deux ministres chargés des départements ci-dessus énoncés. De plus, je ne vois personne pour les remplacer. Quel est donc ce ministre consommé qui réunisse tous les suffrages? Est-ce le général Suchtelen? J'énonce hautement que je ne le regarde pas comme possédant les qualités requises pour un ministre de la guerre, et qu'entre les deux je ne balance pas un instant de donner la préférence au général Wiasmitinoff. Pour d'autres, je ne vois même pas qui pourrait être proposé. De même je ne vois personne pour les affaires étrangères; est-ce des Panine, des Morkoff? Il faut que j'estime ceux avec qui je travaille et ce n'est qu'ainsi que je puis leur donner ma confiance. Je m'embarrasse peu des clameurs, elles ne sont ordinairement que l'effet de l'esprit de parti. Vous-même n'êtes-vous pas un exemple et n'avez-vous pas été exposé à la critique, à l'animosité de tout le public? etc., etc."

Генерала Вязьмитинова Государь, дѣйствительно, сохранилъ военнымъ министромъ до 1808 года, а князя Адама уволилъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Курьезно, что въ изданной Мазадомъ перепискѣ князя Чарторыжскаго не имѣется ни одного письма князя къ Государю за 1807 и за 1808 года; между тѣмъ переписка продолжалась, и въ 1809 году была особенно оживленна. Или наслѣдники не пожелали обнародовать письма за эти года,

*) Генералъ С. К. Вязьмитиновъ и князь Адамъ Чарторыжскій.

что болѣе всего вѣроятно, или же князь Адамъ былъ настолько возмущенъ Тильзитскими рѣшеніями, что на два года прекратилъ съ Александромъ всякую переписку. Едва ли могло это быть въ дѣйствительности *).

Въ теченіе 1806 года, какъ видно, Александръ еще не помышлялъ создать подъ своимъ скипетромъ польскаго королевства, хотя неоднократно заигрывалъ съ поляками.

Памятно также постоянное вліяніе всесильной польки, Маріи Антоновны Нарышкиной, рожденной княжны Четвертинской **).

Созданіе же новаго герцогства Варшавскаго принадлежало изобрѣтенію Наполеона и Таллейрана, чтобы имѣть на востокѣ, на границѣ Россіи, возможную базу на случай разрыва съ союзникомъ. Вообще польскій вопросъ былъ однимъ изъ тѣхъ, къ которому приходилось постоянно возвращаться и во времена дружбы съ Франціей, и послѣ окончательнаго паденія Наполеона. Здѣсь мы положительно расходимся съ Шильдеромъ, утверждавшимъ, что „истиннымъ творцомъ Варшавскаго герцогства былъ не Наполеонъ, а Александръ". Что Русскій Императоръ не принялъ предложенія присоединить къ Россіи прусско-польскія владѣнія,

---

*) Въ изданіи переписки князя Адама Чарторыжскаго съ Императоромъ Александромъ I: „Alexandre I et le prince Czartoryski, Correspondance particulière 1801—23, publiée par le prince Ladislas Czartoryski avec une introduction par Mazade, Paris, 1865, *выпущены* нѣкоторыя письма какъ Государя, такъ и князя, но мнѣ удалось найти эти письма въ Собственной Е. И. В. библіотекѣ, и мы даемъ ихъ въ приложеніяхъ. Читатель увидитъ причину, отчего наслѣдники князя Адама Чарторыжскаго не напечатали этихъ писемъ.

**) У сына Маріи Антоновны, Эммануила Дмитріевича Нарышкина, свято хранились всѣ письма и записки Императора Александра къ его матери.

Говорятъ, будто бы часть переписки была уничтожена Э. Д. Нарышкинымъ до его кончины, но его вдова, Александра Николаевна, урожденная Чичерина, мнѣ лично передавала, что остальную часть переписки она сожгла. Не смѣя не вѣрить такому заявленію, мы считаемъ, если дѣйствительно вся эта переписка уничтожена, почти у насъ на глазахъ, сто лѣтъ спустя,—такого рода отношеніе къ рукописямъ вандализмомъ и неуваженіемъ къ исторической старинѣ. Если бы потомки или родственники жгли письма самой Маріи Антоновны,—это было ихъ правомъ, но такъ поступать съ записками Императора Александра Павловича едва ли правильно, а надо было ихъ передать, по кончинѣ Эммануила Дмитріевича, царствующему Государю.

мы уже объяснили чувствомъ деликатности къ Фридриху-Вильгельму, а что касается герцогства Варшавскаго, то Александръ предпочелъ временно вовсе отдѣлаться отъ назойливости поляковъ. Это не помѣшало Россіи присоединить къ своимъ владѣніямъ всю Бѣлостокскую область.

Прощаніе и отъѣздъ союзныхъ императоровъ послѣдовали 27 іюня (9 іюля) 1807 года. Представителемъ Франціи былъ посланъ въ Петербургъ генералъ Савари, герцогъ Ровиго, а русскимъ — заслуженный генералъ графъ Петръ Александровичъ Толстой, братъ оберъ-гофмаршала и постояннаго спутника Государя, отправленный въ Парижъ немного позже. Оба выбора не были удачны. Савари былъ слишкомъ замѣшанъ въ дѣлѣ разстрѣла герцога Ангіенскаго и не отличался качествами дипломата; Толстой открыто возражалъ на союзъ съ Франціей, упорно отказывался отъ такого назначенія и тоже мало понималъ въ дипломатическихъ дѣлахъ. Оба союзника просто поторопились, назначая такого рода представителей, и черезъ годъ ихъ обоихъ отозвали, какъ не пригодныхъ для этихъ ролей. Барона Будберга уволили тотчасъ же по возвращеніи Государя въ Петербургъ. При назначеніи на постъ министра иностранныхъ дѣлъ, выборъ палъ на графа Николая Петровича Румянцева, франкофила, занимавшаго должность министра коммерціи. Окончательно утвержденъ онъ на новомъ мѣстѣ 12 февраля 1808 года. Это былъ лучшій выборъ, который могъ сдѣлать Александръ Павловичъ.

Въ Россіи новый союзъ не былъ популяренъ, и особенно ворчала Москва. Нападки эти не прекращались до самаго разрыва, но Александръ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на недовольство сановниковъ и общественнаго мнѣнія. Онъ продолжалъ твердо итти по пути, имъ избранному, и заставилъ покориться не только одно столичное общество, но и ближайшихъ родственниковъ въ царской семьѣ. Вскорѣ въ Петербургъ явился новый французскій посолъ, генералъ Коленкуръ, пріѣхавшій на Рождество

Графъ В. П. Кочубей

Н. Н. Новосильцовъ

Князь А. А. Чарторыжскій

Графъ П. А. Строгановъ

1807 года, а въ Парижъ былъ назначенъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, пробывшій нѣсколько мѣсяцевъ до этого русскимъ представителемъ въ Вѣнѣ.

Сношенія Императора Александра съ французскимъ посломъ были нами подробно разобраны въ „Дипломатическихъ сношеніяхъ Франціи и Россіи“, а также роль князя Куракина при дворѣ императора Наполеона была нами достаточно освѣщена.

Обратимся къ дѣламъ внутреннимъ за періодъ союза. На этой почвѣ закипѣла снова работа, и такая, которая оставила крупные слѣды на долгія времена. Мы говоримъ о дѣятельности М. М. Сперанскаго и его сближеніи съ Государемъ, которыя явились неожиданными для современниковъ и возбудили въ публикѣ самые противоположные толки, а при дворѣ вызвали зависть, клевету и цѣлый рядъ разнообразныхъ интригъ.

Императоръ Александръ давно слыхалъ фамилію Сперанскаго, знавалъ его лично, но мало, и видалъ урывками, начиная съ первыхъ лѣтъ царствованія, и позднѣе. О немъ говорили Государю Беклешовъ, братья Куракины, князь Лопухинъ, Трощинскій и, особенно много, Кочубей. Всѣмъ этимъ сановникамъ Сперанскій былъ нуженъ въ различныя времена, и всѣ они пользовались имъ и его перомъ для всякихъ работъ и проектовъ, пользовались и всѣ цѣнили умъ и работоспособность Михаила Михайловича. Извѣстно, что онъ былъ сынъ бѣднаго священника, семинаристъ, которому хорошо знакома была царившая тогда розга, но эти розги не помѣшали ему прекрасно учиться при его недюжинныхъ способностяхъ, а главное еще лучше усвоить все то, чему его учили.

Духовная карьера не прельщала Сперанскаго, и онъ предпочелъ гражданскую службу. Здѣсь улыбнулось ему счастье. Онъ попалъ учителемъ въ домъ князей Куракиныхъ; зная отлично древніе языки, а также французскій, онъ въ особенности хорошо умѣлъ говорить и писать на родномъ языкѣ.

Учительскимъ дѣломъ, однако, его карьера не ограничилась. Князь Алексѣй Куракинъ, бывъ генералъ-прокуроромъ, взялъ его къ себѣ въ канцелярію, гдѣ онъ быстро занялъ столь выдающееся положеніе, что при смѣнѣ князя Куракина другими лицами, его оцѣнили и князь Лопухинъ, и Беклешовъ. Уже тогда враги его, и особенно нѣмцы, распускали про Сперанскаго всякія нелѣпости, конечно, больше изъ зависти, а главное, упрекали его въ лести и низкопоклонствѣ. Если это и было отчасти справедливо, то едва ли бѣдному семинаристу возможно было пролагать себѣ служебную дорогу, не покривя, хоть изрѣдка, душой. Трощинскій относился къ нему менѣе благосклонно, но отдавалъ ему должную справедливость; при учрежденіи министерствъ въ 1802 году Сперанскій перешелъ въ вѣдомство внутреннихъ дѣлъ, сразу попавъ въ особую милость такого царскаго пріятеля, какъ графъ Викторъ Павловичъ Кочубей.

Будущее Михаила Михайловича стало сразу обезпеченнымъ. Когда Кочубей представлялъ разные проекты въ секретномъ комитетѣ, удивлялъ многихъ своей находчивостью и увлекалъ вниманіе самого Государя, то мало кто подозрѣвалъ, что вдохновителемъ Кочубея, а нерѣдко и выразителемъ его мнѣній на бумагѣ былъ не кто иной, какъ Сперанскій. Но это зналъ Александръ Павловичъ, а главное, не забылъ. Когда потребовался ему новый сотрудникъ, а много обѣщавшіе именитые дворяне реформаторы сошли, нехотя, со сцены, то естественно Государь обратилъ свои взоры на скромнаго труженика Сперанскаго. Не даромъ Аракчеевъ, въ минуту злобы, сказалъ, что „если бы у меня была треть ума Сперанскаго, я былъ бы величайшимъ человѣкомъ“. И вотъ, когда въ 1808 году Новосильцовъ окончательно удалился, то докладчикомъ у Государя сдѣлался Сперанскій, „по особымъ дѣламъ, состоящимъ“, какъ было сказано при его назначеніи. До этого онъ уже раньше неоднократно имѣлъ случаи представлять доклады Императору, въ промежуткѣ

послѣ ухода Кочубея и до замѣны его княземъ Алексѣемъ Куракинымъ. Доклады эти нравились Государю по ясности изложенія, и Александръ скоро привыкъ къ новому для него человѣку. Это сближеніе совпало съ назначеніемъ Аракчеева военнымъ министромъ, чего не пожелали оттѣнить многіе историки этого времени, а, казалось, слѣдовало бы обратить на это вниманіе. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ возвращенія изъ Тильзита и еще до поѣздки въ Эрфуртъ, Александръ Павловичъ привлекъ именно двухъ противоположныхъ людей: одного для приведенія къ извѣстной системѣ внутренняго строя, другого для реорганизаціи арміи. Работая поочередно съ ними, онъ сумѣлъ въ началѣ не показывать особаго предпочтенія ни тому, ни другому, что бѣсило Аракчеева, но вовсе не смущало Сперанскаго.

Если вдуматься въ характеръ Александра, то такія сочетанія при выборѣ сотрудниковъ ему всегда нравились, и вотъ почему: Его Величество отдавалъ себѣ отчетъ въ своихъ собственныхъ человѣческихъ слабостяхъ; онъ сознавалъ, что часто могъ увлечься или какой-либо идеей или лицомъ, къ нему близкимъ, вліянію котораго онъ легко поддавался. Въ данномъ случаѣ Сперанскій былъ то лицо, которымъ онъ увлекался и который умѣлъ на него воздѣйствовать; Аракчеевъ же былъ необходимымъ тормазомъ для всякаго рода увлеченій.

Когда была рѣшена поѣздка въ Эрфуртъ на второе свиданіе съ Наполеономъ, Сперанскому было повелѣно сопровождать Государя. Ему суждено было не только видѣть геніальнаго полководца и замѣчательнаго человѣка, но и посчастливилось бесѣдовать съ нимъ.

Какъ это ни странно, но Наполеонъ въ Эрфуртѣ оказалъ бо́льшее вліяніе на Сперанскаго, чѣмъ на Александра, и послѣдствія такого впечатлѣнія обнаружились очень скоро.

Какъ мы уже упомянули, еще въ 1803 году было возложено на министра юстиціи князя Лопухина и нѣкоего барона

Розенкампфа при особой комиссіи, въ которую они оба входили, сперва составленіе законовъ, а впослѣдствіи барону поручили написать и проектъ конституціи. Князь Лопухинъ хотя былъ предсѣдателемъ комиссіи, но ровно ничего не сдѣлалъ, а Розенкампфъ хотя и занимался, но самъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что отъ него хотятъ. Когда же ему предложили заняться проектомъ конституціи, то онъ долго отказывался отъ этой чести, но послѣ протестовъ все-таки согласился и что-то сочинилъ. Гораздо позднѣе имъ была написана на нѣмецкомъ языкѣ брошюра, которую онъ назвалъ: „Uebersicht der russischen Gesetzgebung seit der Regierung Peters des Grossen bis zum Tode Alexander I". То были наброски какой-то конституціи, гдѣ все было перепутано, многое пропущено и забыто, какъ поземельный вопросъ, и его записки никто не читалъ, кромѣ товарища министра Козодавлева и Сперанскаго. Послѣдній отнесся къ ней съ большимъ пренебреженіемъ и ничего изъ предложеннаго не одобрилъ, на что баронъ ужасно обидѣлся. Это высказано съ полнымъ откровеніемъ въ его автобіографіи *).

Вскорѣ послѣ Эрфурта, а именно 15 декабря 1808 года, Сперанскій былъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи на мѣсто Козодавлева. На Михаила Михайловича было возложено веденіе дѣлъ по составленію законовъ, именно то, надъ чѣмъ безуспѣшно работалъ несчастный Розенкампфъ. Но въ частыхъ разговорахъ Императора со Сперанскимъ все это дѣло стало расширяться, и результатомъ такихъ бесѣдъ явилась мысль приступить къ плану всеобщаго государственнаго образованія, т.-е. къ коренной ломкѣ всего существующаго строя. Затѣя была обширная и крайне заманчивая для такого человѣка, какъ Сперанскій. Для него открылось широкое поле дѣятельности,

*) См. статьи П. Майкова, „Русская Старина", октябрь и ноябрь, 1904 года, гдѣ приложена автобіографія барона Розенкампфа.

о которой онъ всегда мечталъ, и онъ приступилъ къ работѣ съ неимовѣрнымъ рвеніемъ. Тому, что вышло изъ-подъ его талантливаго пера, не суждено было осуществиться при его жизни, кромѣ созданія Государственнаго Совѣта, т.-е. именно того, къ чему Сперанскій относился всего менѣе восторженно. Другими словами, на дѣлѣ вышло, что гора родила мышь!

Случилось это, конечно, не по винѣ самого Сперанскаго, а вслѣдствіе нерѣшительности Александра и крайне невыгодно сложившихся обстоятельствъ, приведшихъ Россію къ войнѣ съ Франціей.

Работа была закончена во всѣхъ подробностяхъ къ ноябрю 1809 года, т.-е. какъ разъ ко времени охлажденія отношеній между союзниками. Основаніемъ всего проекта послужили Кодексъ Наполеона (Code Napoléon) и отчасти французская конституція de l'an VIII (1799 г.). Вотъ въ чемъ наглядно обнаружилось вліяніе Наполеона на Сперанскаго, а также и на Александра, но въ меньшей степени. Государь не рѣшался разомъ провести все въ жизнь, и, конечно, онъ былъ правъ, такъ какъ Россія врядъ ли была подготовлена къ такой коренной ломкѣ. Сперва онъ рѣшилъ только отложить выработанныя реформы до болѣе удобнаго времени, но послѣ борьбы съ Наполеономъ въ Русскомъ Императорѣ произошла полная перемѣна воззрѣній, и вся работа Сперанскаго была не только положена подъ сукно, но и забыта. О ней вспоминали въ годы преобразованій царствованія Александра II, а также и въ наши дни. Слѣдовательно, труды Сперанскаго даромъ не пропали, что и дѣлаетъ его памяти великую честь. О самомъ проектѣ мы не будемъ распространяться. Все извѣстно изъ книги Шильдера и изъ статей В. А. Тимирязева *). Мысль, положенная Сперанскимъ въ основаніе своего труда, была централизація власти. Отъ власти Самодержца Императора, черезъ Государственный

*) См. „Историческій Вѣстникъ", октябрь, 1897 г., статья В. А. Тимирязева: Александръ I и его эпоха.

Совѣтъ, который былъ какъ бы посредникомъ между царской властью и прочими управленіями, дѣла переходили въ три главныя учрежденія: Государственную Думу (Законодательное), Министерства (Управленіе) и Судебный Сенатъ (Судебное учрежденіе). Отъ этихъ главныхъ учрежденій шли развѣтвленія по нисходящимъ степенямъ; такъ, послѣ Государственной Думы должны были образоваться на мѣстахъ думы: губернская, окружная и волостная.

То же относительно министерствъ и суда.

Сперанскій хотѣлъ раздѣлить Россію на губерніи, округа и волости, и между ними распредѣлить власти законодательныя, административныя и судебныя. Какъ видно, работа была бы сложная и кропотливая, нужны были силы на мѣстахъ, но Сперанскій былъ одинъ, единомышленниковъ его было мало, а способныхъ и убѣжденныхъ людей еще меньше. Изъ всего этого увидѣлъ свѣтъ лишь Государственный Совѣтъ, торжественно открытый 1 января 1810 года. Графъ Аракчеевъ записалъ на прокладныхъ листахъ Грузинскаго напрестольнаго Евангелія: „Января 1-го 1810 года. Въ сей день сдалъ званіе военнаго министра. Совѣтую всѣмъ, кто будетъ имѣть сію книгу послѣ меня, помнить, что честному человѣку всегда трудно занимать важныя мѣста государства“. Сперанскій надѣялся къ десятилѣтію царствованія, т.-е. въ 1811 году, провести остальную часть реформы, но въ 1811 году уже шли колоссальныя приготовленія къ борьбѣ съ Наполеономъ, и все кануло въ воду. Позднѣе, изъ пермской ссылки, Сперанскій писалъ Государю относительно постепенности реформъ слѣдующее: „Ваше Величество предпочли твердость блеску и признали лучшимъ терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія, *нежели все вдругъ перемѣнить,* основавшись на одной теоріи. Сколько предусмотрѣніе сіе ни было основательно, но впослѣдствіи оно сдѣлалось источникомъ ложныхъ страховъ и неправильныхъ понятій. Не зная плана правительства, судили намѣреніе его по

отрывкамъ, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, устрашились вредныхъ уновленій".

Итакъ, послѣ эрфуртскаго свиданія у Александра Павловича обнаружилось какъ будто стремленіе вернуться на путь внутренняго упорядоченія Россіи, но стремленіе, столь желательное и логичное, продлилось не долго. Политика продолжала поглощать все вниманіе, а благія намѣренія замерзали почти при пробужденіи. Застольныя бесѣды съ французскимъ посломъ Коленкуромъ затягивались и послѣ обѣда, какъ въ былое время съ друзьями молодости. Посолъ былъ польщенъ до нельзя, благодаренъ, вѣрилъ въ искренность сердечныхъ изліяній и доносилъ Наполеону о непоколебимой дружбѣ его обворожительнаго союзника. Тѣмъ временемъ къ Рождеству 1808 года, прибыли въ Петербургъ король и королева прусскіе съ двумя принцами, братомъ и дядей Фридриха-Вильгельма. Ихъ потянуло въ гостепріимную Россію, несмотря на всѣ перенесенныя невзгоды.

Они пробыли въ столицѣ около мѣсяца, и пребываніе сопровождалось разнообразными чествованіями, столь утомлявшими Елисавету Алексѣевну, но развлекавшими вдовствующую Императрицу мать отъ ежедневной скуки Гатчины и Павловска. Послѣ пруссаковъ появился, въ концѣ января, австріецъ князь Шварценбергъ, чтобы подготовить Русскаго Государя къ возможности возобновленія военныхъ дѣйствій между Вѣной и Парижемъ. Александръ отнесся съ порицаніемъ къ воинственному пылу австрійцевъ, но все таки далъ понять посланному, что едва ли Россія втянется въ новую войну. Другими словами, это значило: Понимай, какъ хочешь. И князь Шварценбергъ понялъ, что Александръ и пальцемъ не шевельнетъ, чтобы активно помочь своему союзнику. Въ Вѣнѣ только этого и желали. А одновременно Государь передавалъ чуть ли не въ тотъ же день свои разговоры съ австрійцемъ Коленкуру, конечно, à sa façon, и французскій посолъ сообщилъ Наполеону, что русскія войска къ его услугамъ во всякую минуту.

Впрочемъ, Александръ не скрывалъ отъ Коленкура своихъ заботъ о благополучномъ и скорѣйшемъ окончаніи войны съ Швеціей, для которой были отвлечены значительныя русскія силы. Но дѣла въ Финляндіи шли успѣшно. Наши военноначальники, въ лицѣ князя Багратіона, Кульнева и другихъ, наносили послѣдовательно пораженія шведамъ, такъ что въ мартѣ 1809 года Александръ лично направился въ Финляндію, предпославъ туда же для обозрѣнія и общаго руководства военнаго министра графа Аракчеева. 16 марта послѣдовало открытіе сейма въ Борго. Его Величество осмотрѣлъ Гельсингфорсъ, Свеаборгъ и Або, остался отмѣнно доволенъ всѣмъ видѣннымъ и, вернувшись въ Петербургъ, узналъ, что Австрія объявила войну Наполеону. Австрійскія войска начали наступленіе съ трехъ сторонъ, а именно въ Баварію, Италію и герцогство Варшавское. Коленкуръ настойчиво требовалъ отъ графа Румянцева исполненія обѣщанной поддержки со стороны Россіи.

Государь, въ свою очередь, завѣрялъ посла, что русскія войска уже на границѣ Галиціи, вполнѣ готовыя къ выступленію *). До извѣстной степени завѣреніе было правильное, такъ какъ 70 тысячъ войска были тамъ сосредоточены, подъ начальствомъ князя С. Ѳ. Голицына, но войска эти стояли на мѣстѣ и долго не двигались впередъ. Когда же часть ихъ въ концѣ мая и перешла австрійскую границу, то Наполеонъ уже дрался на берегахъ Дуная. 24 іюня (6 іюля) 1809 года война закончилась Ваграмскимъ сраженіемъ, вторично напомнившимъ Австріи Аустерлицкую катастрофу. Только послѣ Ваграма русскія войска заняли безъ выстрѣла Краковъ, и эта война не стоила Россіи ни одной капли крови. Вотъ когда Коленкуръ догадался, что его обошли въ Петербургѣ, но было уже поздно, и посолъ заслужилъ изрядную головомойку отъ Наполеона, и подѣломъ. Тогда и у Наполеона

*) См. Предисловіе къ I тому „Дипломатическихъ сношеній Россіи и Франціи“ Великаго Князя Николая Михаиловича, 1905 г.

прояснились глаза на ходы тильзитскаго и эрфуртскаго союзника. Можно сказать, что эра дружбы послѣ австрійской кампаніи 1809 года миновала окончательно, и началась другая эра: взаимнаго недовѣрія и приготовленія къ борьбѣ. Союзъ оставался еще только на бумагѣ. Россія выгадала отъ безкровной войны только пріобрѣтеніе Тарнопольскаго округа; представители Александра отсутствовали во время мирныхъ переговоровъ Франціи и Австріи въ мѣстечкѣ Альтенбургѣ; Александръ подчеркнулъ этимъ свой дружескій нейтралитетъ, а Наполеонъ передалъ Галицію, наперекоръ желанію своего союзника, герцогству Варшавскому; этимъ было подчеркнуто благоволеніе императора французовъ къ Польшѣ, что очень оцѣнено поляками.

Шильдеръ замѣчаетъ, что „не подлежитъ сомнѣнію, что болѣе рѣшительный образъ дѣйствій Россіи въ продолженіе войны съ Австріей доставилъ бы ей всю Галицію, а можетъ-быть, и болѣе". Эта догадка ничѣмъ не доказана. Александръ не хотѣлъ ссориться съ сосѣдкой Австріей раньше времени; возможно, что Государь ошибся въ расчетахъ, но для насъ пріобрѣтеніе „всей Галиціи" остается весьма сомнительнымъ, даже при активномъ вмѣшательствѣ Россіи. Мы выиграли на другомъ фронтѣ присоединеніемъ Финляндіи, отошедшей къ Россіи по Фридрихсгамскому мирному договору 5/17 сентября 1809 года. Еще въ Тильзитѣ Наполеонъ обратилъ вниманіе Александра на оголенность Петербурга съ сѣвера и сказалъ ему: „Il ne faut plus que les belles de Pétersbourg soient jamais troublées par le canon suédois". Императоръ Всероссійскій вспомнилъ это напоминаніе и присоединилъ Финляндію, два года спустя послѣ разговора. Умалять такого акта намъ не приходится, напротивъ того, мы подчеркиваемъ государственную мудрость Александра, сумѣвшаго отлично воспользоваться обстоятельствами для завершенія дѣла, достойнаго его предка, Петра Великаго. Не знаю, имѣло ли бы присоединеніе Галиціи то же значеніе.

Не слѣдуетъ забывать, что въ теченіе 1809 года Россія еще вела войну на Балканахъ и не особенно удачно, благодаря старости и дряхлости главнокомандующаго, князя Прозоровскаго. Его смѣнили скоро, замѣнивъ княземъ Багратіономъ, имѣвшимъ частные успѣхи. Затѣмъ былъ назначенъ главнокомандующимъ юный и талантливый Н. М. Каменскій, который сразу поставилъ дѣло на твердую ногу, и можно было надѣяться на скорое окончаніе войны съ Турціей.

Но Наполеонъ не желалъ еще ссориться съ союзникомъ и всячески хотѣлъ загладить невыгодное впечатлѣніе Шёнбрунскаго договора. Коленкуръ передалъ Русскому Императору желаніе своего повелителя даже вычеркнуть наименованіе Польши изъ офиціальной переписки, и что, молъ, передача части Галиціи герцогству Варшавскому вовсе не обозначала мысли о возстановленіи Польши. Такія завѣренія мало дѣйствовали на Александра, и онъ отлично сознавалъ и понималъ ловкую игру Наполеона. Знаменитая рѣчь, произнесенная 21 ноября/3 декабря во французскомъ законодательномъ собраніи, начинавшаяся словами: „Mon allié et ami, l'Empereur de Russie“... была понята у насъ, какъ фейерверкъ пышныхъ фразъ, и только. Но не такъ понялъ эту рѣчь князь Адамъ Чарторыжскій, все еще управлявшій Виленскимъ учебнымъ округомъ въ качествѣ польскаго, а не русскаго попечителя. Онъ немедленно явился въ Петербургъ, чтобы узнать истинныя помышленія Александра.

Опять пошли нескончаемыя бесѣды, мало удовлетворившія польскаго князя, какъ видно изъ его же воспоминаній.

Императоръ жаловался на поведеніе поляковъ за границей, особенно въ Парижѣ, и на ихъ интриги противъ Россіи. Всѣ получаемыя донесенія подтверждали эти факты. На многіе вопросы Чарторыжскаго Государь не пожелалъ отвѣчать, отмалчивался, перемѣнялъ разговоръ, на что досадовалъ князь Адамъ. Въ заключеніе Государь сказалъ ему, что конечно, если возгорѣлась бы

война съ Наполеономъ, онъ провозгласилъ бы себя королемъ Польши, но это окончательно разбѣсило князя Адама, имѣвшаго смѣлость отвѣтить, что тогда будетъ уже поздно.

Чарторыжскій былъ главнымъ образомъ озадаченъ рѣчью французскаго министра Монталиве (Montalivet), гдѣ говорилось: „Le duché de Varsovie s'est agrandi d'une portion de la Galicie. Il eût été facile à l'Empereur Napoléon de réunir à cet Etat la Galicie tout entière; mais il n'a rien voulu faire qui pût donner de l'inquiétude à son allié l'Empereur de Russie. La Galicie de l'ancien partage est restée presque tout entière au pouvoir de l'Autriche. Sa Majesté n'a jamais eu en vue le rétablissement de la Pologne. Ce que l'Empereur a fait pour la nouvelle Galicie lui a été commandé moins par la politique que par l'honneur: il ne pouvait abandonner à la vengeance implacable d'un prince les peuples qui s'étaient montrés avec tant d'ardeur pour la cause de la France".

Другими словами, князь Чарторыжскій оказался въ положеніи между двухъ огней. Было еще рано слѣдовать влеченію сердца и итти въ объятія Франціи, а съ Русскимъ государствомъ нужда заставляла еще кокетничать. Такъ и дѣйствовали не только князь Чарторыжскій, но и большинство его неутѣшныхъ соотечественниковъ. Ихъ игра въ 1810 и въ 1811 годахъ стала еще сложнѣе, но къ ней мы еще вернемся.

Что касается двухъ другихъ окраинъ, Финляндіи и Кавказа, то здѣсь правительство не проявило особой послѣдовательности. Благодаря проискамъ Густава Армфельда, ему удалось настроить Александра болѣе чѣмъ любовно и доброжелательно къ вновь пріобрѣтенному владѣнію. Даже было особо подчеркнуто, что Финляндія не губернія, а государство, въ которомъ введены конституціонныя начала, и для округленія этого новаго государства къ нему была придана Выборгская губернія, сто лѣтъ находившаяся подъ скипетромъ Россіи. Императоръ желалъ какъ бы особо подчеркнуть, что ему любо дѣлать опыты либерализма

въ качествѣ Великаго Князя Финляндіи и ограничить свою власть. Эта система была болѣе чѣмъ ошибочна: она создала рядъ сложныхъ затрудненій для его преемниковъ и повлекла за собой, до нашихъ дней, рядъ недоразумѣній и постоянныхъ треній, трудно разрѣшимыхъ.

О кавказскихъ дѣлахъ думали сравнительно мало и почти ими не интересовались. Послѣ присоединенія Грузіи въ 1801 году, на этой окраинѣ управлялъ умѣло и толково лишь князь Циціановъ, убитый вѣроломно персомъ въ 1806 году. Послѣдующіе генералы были мало способны какъ для управленія, такъ и для военныхъ дѣйствій, до назначенія на Кавказъ генерала Ермолова въ 1816 году. Эти лица оставались тамъ не долго, торопясь покинуть далекую окраину и, очевидно, не успѣвали, даже при желаніи, оставить какіе-либо плодотворные слѣды своей дѣятельности. Мы разумѣемъ графа Гудовича, Тормасова, маркиза Паулуччи и Ртищева. Всѣ эти господа только показали полную неспособность и неумѣніе управлять разнородными племенами Кавказа.

1810 и 1811 годы надо считать расцвѣтомъ довѣрія Государя къ Сперанскому и періодомъ силы и вліянія на дѣла этого государственнаго человѣка, по всѣмъ отраслямъ внутренняго управленія Россіи. Но въ этихъ отношеніяхъ Александра и Сперанскаго, ежедневныхъ, откровенныхъ и полныхъ любовной довѣрчивости, надо искать корень вскорѣ случившихся недоразумѣній, закончившихся опалой.

Показывая такую исключительную милость одному лицу, давъ ему самыя обширныя полномочія, поставивъ Сперанскаго во главѣ разнообразнѣйшихъ отраслей правленія, начиная съ государственнаго секретаря и кончая канцлеромъ Абовскаго университета, Императоръ Александръ навлекъ неудовольствіе всѣхъ окружающихъ его людей, почти безъ исключенія. Сперанскій оказался вполнѣ одинокъ. Не было друзей, а враги окружали

его всюду. А онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на враговъ *), не искалъ друзей, а весь свой талантъ, всю творческую силу, всѣ способности отдавалъ одному Государю, вѣря твердо въ его покровительство и не допуская возможности утраты этого довѣрія. Два года все шло безъ задоринки, все подчинялось и преклонялось передъ царскимъ избранникомъ, бывшимъ семинаристомъ и сыномъ бѣднаго священника. Сперанскій, дѣйствительно, управлялъ тогда Россіей.

Говоря о торжественномъ открытіи Государственнаго Совѣта, Шильдеръ даетъ подробный текстъ вступительной рѣчи Императора Александра и добавляетъ, „что эта рѣчь была исполнена чувствомъ достоинства и такихъ идей, о которыхъ никогда еще не говорили Россіи съ престола“. Эта оцѣнка вполнѣ правильна. Не подлежитъ также сомнѣнію, что вся рѣчь была дѣломъ пера Сперанскаго и лишь мѣстами исправлена Государемъ. Вообще открытіе Государственнаго Совѣта на новый 1810 годъ было цѣлымъ событіемъ и не только для Петербурга, но и для самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Россіи. Но успѣхъ одного человѣка уже тогда возбудилъ самыя дурныя чувства въ сановникахъ и особенно чувство зависти. Затѣмъ, всѣ свои старанія Сперанскій приложилъ къ новому раздѣленію дѣлъ въ исполнительномъ порядкѣ. Онъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ несовершенствѣ созданныхъ на скорую руку министерствъ въ 1802 году. Это было выражено въ манифестѣ отъ 25 іюля 1810 года, гдѣ подробно говорилось о вѣдѣніи каждаго министерства отдѣльно, а также главныхъ управленій. Сперанскій точно постарался опредѣлить недостатки существовавшихъ министерствъ въ особой запискѣ, поданной Государю. Вотъ этотъ перечень: 1) недостатокъ отвѣтственности министровъ. Отвѣтственность не должна состоять только на словахъ,

*) Покойный А. Н. Пыпинъ вѣрно оцѣнилъ Сперанскаго: „У него не было умѣнія бороться съ интригой, отъ которой онъ и палъ, не было желанія устранять враговъ“.

но быть вмѣстѣ и существенной. 2) Недостатокъ точности въ распредѣленіи дѣлъ, основанномъ на случайномъ соединеніи прежнихъ вѣдомствъ, а не на естественныхъ отрасляхъ государственнаго управленія. 3) Отсутствіе твердой внутренней организаціи министерствъ, т.-е. „недостатокъ самыхъ учрежденій", какъ выражался Сперанскій. Ошибкой Михаила Михайловича было желаніе все совершить разомъ, не имѣя подъ рукой ни вѣрныхъ ему помощниковъ, ни доброжелателей. Нашъ почтенный историкъ Н. Дубровинъ когда-то писалъ: „Работая безъ устали, онъ одинъ, безъ всякой посторонней помощи, въ два года написалъ и частію осуществилъ планъ всеобщаго государственнаго управленія, положеніе о Государственномъ Совѣтѣ, Сенатѣ, общее учрежденіе министерствъ, наказъ министрамъ и, несмотря на упреки въ заимствованіи изъ французскихъ уставовъ, далъ имъ такое направленіе, которое, съ незначительными измѣненіями, сохранилось почти до нашихъ дней. Выдающійся организаторъ, Сперанскій предлагалъ Императору избѣгать всякой торопливости, открывать новыя учрежденія только тогда, когда все образованіе будетъ готово, переходъ отъ старыхъ учрежденій къ новымъ дѣлать постепенно, такъ, чтобы имѣть возможность остановиться и сохранить въ силѣ старый порядокъ, если для введенія новаго встрѣтились неодолимыя препятствія. Но для всего этого необходимо было время, твердость, упорство и настойчивость. Александръ же постоянно колебался между мыслію и дѣйствительнымъ ея исполненіемъ".

Ничего не можемъ добавить къ такому выводу и заключеніямъ покойнаго Дубровина. Все выражено вѣрно и мѣтко *).

Не буду распространяться о многихъ другихъ второстепенныхъ мѣропріятіяхъ, проведенныхъ за годы вліянія Сперанскаго, скажу одно, что часто и мелочныя распоряженія приводили въ негодованіе разные слои общества.

*) См. „Русская Жизнь въ началѣ XIX вѣка"; „Русская Старина", октябрь, 1901 года.

Такъ, еще въ 1809 году вышелъ указъ о придворныхъ званіяхъ, отнявшихъ у нихъ право на чины IV и V классовъ, а другой вводилъ экзамены на гражданскіе чины. Несмотря на то, что было извѣстно, что первый изъ этихъ указовъ былъ изданъ по иниціативѣ Государя, весь гнѣвъ придворныхъ и столичнаго общества обрушился на Сперанскаго.

Вотъ именно отъ совокупности раздраженія даже по поводу всякихъ мелочей и кончилось могущество даровитаго труженика въ началѣ 1812 года. Но пока тучи только все больше и больше сгущались на горизонтѣ.

За тѣ же годы другой человѣкъ тоже имѣлъ возможность часто видѣть, говорить и писать Александру, то былъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Но его часъ еще не насталъ. Изучивъ гораздо ближе натуру своего повелителя, до тонкости прослѣдивъ всѣ странности характера Александра, Аракчеевъ оказался лучшимъ сердцевѣдомъ, чѣмъ Сперанскій. Не торопясь, онъ подготовлялъ себѣ твердую почву и терпѣливо ждалъ, когда на него обратится царская милость. Бывали вспышки, но онѣ были обдуманны. Такъ, обидѣвшись, что Его Величество не посвятилъ его во всѣ детали готовящейся реформы учрежденія Государственнаго Совѣта, Аракчеевъ уѣхалъ въ Грузино и письмомъ просилъ Государя уволить его въ отставку. Александръ Павловичъ тотчасъ же отвѣтилъ ему съ укоризной и призывалъ Грузинскаго помѣщика къ чувству преданности къ нему и къ родинѣ. Оба письма напечатаны у Шильдера.

Аракчеевъ, правда, смилостивился и остался на службѣ, но все таки, не медля, сдалъ Барклаю-де-Толли должность военнаго министра. Несмотря на такое упрямство, вполнѣ обдуманное и занесенное на страницы Грузинскаго Евангелія рукою Аракчеева, Государь снова подчеркнулъ ему всегдашнюю милость и довѣріе, назначивъ его предсѣдателемъ Департамента военныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта. Эта должность была отвѣтственная и давала

возможность вмѣшиваться во все, что касалось арміи. Аракчеевъ сумѣлъ воспользоваться новымъ положеніемъ, но въ то время велъ себя съ большимъ тактомъ и не дѣлалъ промаховъ. Наоборотъ, онъ горой стоялъ за своего преемника и всячески превозносилъ достоинства Барклая.

Мы нарочно сопоставили отношенія Александра къ Аракчееву и Сперанскому, чтобы оттѣнить врожденную способность Александра приближать къ себѣ совсѣмъ разнородные элементы и работать съ ними одновременно. Такіе примѣры продолжались въ теченіе всего его царствованія.

Г. С. Батенковъ оставилъ оригинальныя показанія насчетъ совѣтовъ, данныхъ ему Сперанскимъ при поступленіи его, Батенкова, на службу къ графу Аракчееву. Онъ пишетъ: „Сперанскій далъ мнѣ слѣдующіе приказанія и совѣты: 1) Ничего никогда съ нимъ не говорить о военныхъ поселеніяхъ. 2) Ежели не хочу быть замѣшаннымъ въ хлопоты, вести себя у графа совершенно по службѣ и избѣгать всѣхъ домашнихъ связей. 3) Никогда не дать графу замѣтить, а лучше и не думать, что я могу, кромѣ того, имѣть къ Государю другіе пути".

Затѣмъ, Батенковъ дѣлаетъ такое сравненіе между Аракчеевымъ и Сперанскимъ:

„Осмѣливаюсь здѣсь сдѣлать отступленіе, представивъ кратко параллель между сими лицами:

Аракчеевъ страшенъ физически, ибо можетъ въ жару гнѣва надѣлать множество бѣдъ; *Сперанскій* страшенъ морально, ибо прогнѣвить его — значитъ уже лишиться уваженія. *Аракчеевъ* зависимъ, ибо самъ писать не можетъ и не ученъ. *Сперанскій* холодитъ тѣмъ чувствомъ, что никто ему не кажется нужнымъ.

Аракчеевъ любитъ приписывать себѣ всѣ дѣла и хвалиться силою у Государя всѣми средствами. *Сперанскій* любитъ критиковать старое, скрывать свою значимость и всѣ дѣла выставлять легкими.

Аракчеевъ приступенъ на всѣ просьбы къ оказанію строгостей и труденъ слушать похвалы: все исполняетъ, что обѣщаетъ. *Сперанскій* приступенъ на всѣ просьбы о добрѣ, охотно обѣщаетъ, но часто не исполняетъ: злорѣчія не любитъ, а хвалитъ рѣдко.

Аракчеевъ съ перваго взгляда умѣетъ разставить людей сообразно ихъ способностямъ; ни на что постороннее не смотритъ. *Сперанскій* нерѣдко смѣшиваетъ и увлекается особыми уваженіями.

Аракчеевъ рѣшителенъ и любитъ наружный порядокъ. *Сперанскій* остороженъ и часто наружный порядокъ ставитъ ни во что.

Аракчеевъ ни къ чему принужденъ быть не можетъ. *Сперанскаго* характеръ сильный можетъ заставить исполнить свою волю.

Аракчеевъ въ обращеніи простъ, своеволенъ, говоритъ безъ выбора словъ, а иногда и неприлично; къ подчиненнымъ совершенно искрененъ и увлекается всѣми страстями. *Сперанскій* всегда является въ приличіи, дорожитъ каждымъ словомъ и кажется неискреннимъ и холоднымъ.

Аракчеевъ съ трудомъ можетъ перемѣнить видъ свой по обстоятельствамъ. *Сперанскій*, при появленіи каждаго новаго лица, можетъ легко перемѣнить свой видъ.

Аракчеевъ богомолъ, но слабой вѣры. *Сперанскій* набоженъ и добродѣтеленъ, но мало исполняетъ обряды.

Мнѣ оба они нравились, какъ люди необыкновенные; но Сперанскаго любилъ душою".

1809 годъ можно считать апогеемъ славы и могущества Наполеона. Все трепетало передъ однимъ его именемъ, все преклонялось передъ нимъ, а въ Германіи владѣтельныя особы безчисленныхъ нѣмецкихъ княжествъ особенно старались получить благоволеніе Бонапарта и заискивали передъ нимъ, какъ могли, одинъ за другимъ наѣзжая въ Парижъ. Наполеонъ, въ свою очередь, осыпалъ милостями германскихъ принцевъ: были созданы

короли, гросъ-герцоги и герцоги, донынѣ сохранившіе пожалованные имъ титулы. Кромѣ того, брачными узами Наполеонъ старался закрѣпить эту преданность. Братъ его Іеронимъ женился на принцессѣ вюртембергской и сталъ въ свойствѣ съ Императрицей Маріей Ѳеодоровной; принцъ Евгеній Богарне и маршалъ Бертье женились на баварскихъ принцессахъ, Баденскій великій герцогъ вступилъ въ бракъ съ Стефаніей, близкой родственницей императрицы Жозефины.

Братья Наполеона и родственники занимали престолы Испаніи, Голландіи, Вестфаліи, Неаполя, словомъ, мощь корсиканца достигла высшихъ предѣловъ.

Не доставало только прямого наслѣдника. Жозефина была безплодна. Тогда Наполеонъ рѣшается на разводъ и ищетъ себѣ невѣсту. Взоры его сперва обращаются на Россію. Коленкуру поручено просить руки великой княжны Анны Павловны.

На это предложеніе Александръ отвѣчаетъ не сразу, онъ тронутъ, по крайней мѣрѣ, наружно, но медлитъ, ибо ему нужно запросить матушку и получить ея согласіе. Императрица-мать, въ свою очередь, совѣтуется съ другою изъ дочерей, великой княгиней Екатериной Павловной. На всѣ эти переговоры тратится много времени, Наполеонъ же не скрываетъ своего нетерпѣнія и торопитъ Коленкура получить скорѣе отвѣтъ. Хотя вопросъ между Маріей Ѳеодоровной и сыномъ давно предрѣшенъ, но опредѣленнаго отвѣта Александръ все-таки не даетъ. Наполеонъ, предчувствуя отказъ, быстро перемѣняетъ фронтъ и черезъ Меттерниха обращается къ Австріи.

Здѣсь дѣло рѣшается быстро: Императоръ Францъ даетъ согласіе на бракъ дочери Маріи-Луизы.

Пока ѣдетъ еще съ курьеромъ отказъ Александра относительно его младшей сестры, бракъ Наполеона уже всенародно объявленъ съ австрійской эрцгерцогиней, а 20 марта/1 апрѣля 1810 года отпраздновано въ Парижѣ и бракосочетаніе.

Въ Петербургѣ смущены и обижены. Затѣмъ, въ теченіе десятаго и одиннадцатаго годовъ начинаются недоразумѣнія съ Россіей и такъ не прекращаются до самаго разрыва.

Поводовъ къ разладу много, но главный споръ о герцогствѣ Ольденбургскомъ и относительно свободы русскихъ портовъ для торговли съ Англіей. Никакія старанія ни Коленкура, ни князя Куракина распутать эти вопросы не приводятъ ни къ какому результату. Наполеонъ негодуетъ на Коленкура и замѣняетъ его генераломъ Лористономъ; Александръ недоволенъ своимъ посломъ, но оставляетъ его въ Парижѣ, найдя другія средства для ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ во Франціи.

Для этой цѣли командируется дважды ловкій флигель-адъютантъ полковникъ Чернышевъ, посылающій свои донесенія прямо Императору, помимо посла; одновременно, совѣтникъ русскаго посольства въ Парижѣ Нессельроде пишетъ, помимо князя Куракина, государственному секретарю Сперанскому. Р. А. Кошелевъ находится въ непосредственной перепискѣ съ русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, графомъ Г. О. Штакельбергомъ и австрійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Сенъ-Жюльеномъ (Saint-Julien), опять-таки помимо канцлера, и все докладывается Кошелевымъ непосредственно Императору *). Способъ особый, но онъ присущъ Императору Александру.

Добавимъ, что не только посолъ ничего не зналъ о перепискѣ между подчиненнымъ и Сперанскимъ, но и самъ канцлеръ, графъ Румянцевъ, тоже ничего не вѣдалъ объ этомъ фактѣ. Дѣла же Наполеона впервые постигла неудача. Война съ Англіей не прекращалась, а въ Испаніи пришлось испытать рядъ пораженій, борьба приняла ожесточенный характеръ и затягивалась. Разводъ съ Жозефиной былъ исходной точкой всѣхъ невзгодъ. Какъ бываетъ съ крупными игроками, такъ случилось и съ Наполеономъ,

---

*) См. въ приложеніяхъ письма графа Штакельберга и Сенъ-Жюльена къ Р. А. Кошелеву.

il perdait sa mascotte. Нуженъ былъ выходъ изъ затруднительнаго положенія. Выходъ этотъ въ глазахъ Наполеона былъ война съ Россіей, единственной державой, оказавшей препоны его властолюбію, и къ этой цѣли направились всѣ его стремленія. Начался цѣлый рядъ громадныхъ приготовленій къ затѣянной борьбѣ, такъ какъ Наполеонъ уже болѣе не сомнѣвался, что его союзникъ, Александръ, готовился упорно къ возможности скораго разрыва, несмотря на всѣ завѣренія сперва Коленкура, а теперь Лористона, что Русскій Государь настроенъ миролюбиво. Передъ однимъ изъ пріемовъ французскаго посла Лористона Александръ написалъ Р. А. Кошелеву такого рода записку: „Avec les sentiments que mon âme professe, personne plus que moi n'apprécie l'impulsion qui vous a guidé. Continuez à vous livrer avec abandon et confiance, persuadez-vous que je saurai toujours vous comprendre. Tranquillisez-vous sur les inquiétudes que peuvent vous donner les propositions de Napoléon: *je suis très fermement décidé à ne pas me prêter à aucune et à rester inébranlable dans ma marche"* *). Вотъ въ общихъ чертахъ та обстановка, при которой прошелъ 1811 годъ. Въ то время взоры Александра были обращены на всѣ детали, чтобы подготовить себѣ почву для отчаянной борьбы.

Въ донесеніяхъ графа Сенъ-Жюльена графу Меттерниху, австрійскій уполномоченный передаетъ цѣлый рядъ интереснѣйшихъ разговоровъ, которые онъ имѣлъ неоднократно за 1811 и начало 1812 года какъ съ самимъ Императоромъ Александромъ, такъ и съ графомъ Румянцевымъ и Кошелевымъ. Русскій Государь входилъ во всѣ мелочи политики, столь сложной, гдѣ главное велось черезъ посредство Кошелева, минуя канцлера графа Румянцева, которому сообщалось лишь то, что считалось маловажнымъ, или когда нельзя было обойтись безъ его вмѣшательства. Сенъ-Жюльену было трудно лавировать между Кошелевымъ

*) Собственная Его Величества библіотека.

и канцлеромъ, но онъ блистательно для австрійскихъ интересовъ велъ свое дѣло, обходя ловко и умѣло всѣ затрудненія, созданныя методомъ Александра вести дѣла внѣшней политики. Донесенія австрійца удивляютъ освѣдомленностью русскихъ обстоятельствъ, знаніемъ людей, вѣрной ихъ оцѣнкой и умѣніемъ пользоваться услугами то одного, то другого. Сравнивая донесенія и письма Коленкура, и особенно Лористона, можно только дивиться, насколько ихъ австрійскій коллега лучше понялъ свое назначеніе при русскомъ дворѣ, и какъ онъ умѣлъ пользоваться знаніемъ тогдашней обстановки въ петербургскомъ обществѣ. Когда Государь началъ приглашать къ себѣ Сенъ-Жюльена, сперва для бесѣдъ съ нимъ въ аппартаментахъ графа Н. А. Толстого, а потомъ мало-по-малу звать къ обѣду, то ловкій австріецъ сразу подмѣтилъ сходность пріемовъ обращенія съ французскими представителями. Ясно сознавая преимущество Коленкура, попавшаго чуть ли не въ положеніе царскаго друга, Сенъ-Жюльенъ и не думалъ искать такого же отношенія къ себѣ; но когда появился неопытный и наивный Лористонъ, то австріецъ занялъ положеніе уѣхавшаго Коленкура и сталъ persona gratissima у Александра Павловича. Всѣ разговоры съ Государемъ переданы почти дословно Меттерниху, съ разными мѣткими замѣчаніями, которыя отсутствовали въ донесеніяхъ французовъ. Сенъ-Жюльенъ изучилъ до тонкости характеръ Александра, вполнѣ къ нему примѣнился и отдавалъ должное его дипломатическимъ способностямъ, ставя Государя гораздо выше его сотрудниковъ, какъ Румянцева, такъ и Кошелева, и угадавъ слабости обоихъ. Для Россіи, въ концѣ концовъ, были достигнуты болѣе или менѣе желанные результаты, такъ какъ Австрія секретно обязалась при вторженіи Наполеоновскихъ полчищъ въ русскіе предѣлы играть со своими войсками по возможности нейтральную роль, схожую съ игранной Россіей въ теченіе кампаніи 1809 года.

Пока Наполеонъ подписывалъ союзные договоры съ Пруссіей и Австріей (12/24 февраля и 2/14 марта 1812 года).

Александръ былъ въ оживленной перепискѣ съ наслѣднымъ принцемъ шведскимъ Бернадоттомъ и подготовлялъ съ нимъ союзъ, вскорѣ заключенный. Но Александра Павловича озабочивала Польша. Онъ желалъ какими-либо путями привлечь поляковъ на сторону Россіи. Въ приложеніяхъ читатель найдетъ нѣсколько интереснѣйшихъ писемъ Государя и князя Чарторыжскаго на эту тему. Всѣ эти письма не были напечатаны въ корреспонденціи, изданной Мазадомъ. Въ концѣ февраля 1811 года князь Адамъ обратился — какъ онъ выразился: „C'est pour la première fois de ma vie que je m'adresse à V. M. I. pour une affaire d'argent" съ денежной просьбой къ Русскому Императору *). Александръ не замедлилъ исполнить желаніе бывшаго друга. Банкиру Ралль, которому задолжали польскій магнатъ и его отецъ, была дана ссуда въ восемьсотъ тысячъ рублей! — Остальныя письма посвящены исключительно вопросу о роли Польши, въ случаѣ разрыва съ Франціей.

Въ письмѣ своемъ къ князю отъ 31 января 1811 года Государь возбуждаетъ прямо, безъ запинокъ, вопросъ о положеніи, которое приметъ Польша при готовящемся конфликтѣ **). Условія Императора Александра заключались въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ: 1) Que le royaume de Pologne soit *à jamais réuni* à la Russie, dont l'empereur portera, dorénavant, le titre d'empereur de Russie et roi de Pologne;

2) Une assurance formelle et positive d'une unanimité de dispositions et de sentiments dans les habitants du Duché pour produire ce résultat, qui doit être garanti par la signature des individus les plus marquants. Maintenant je vais essayer de diminuer vos craintes sur l'insuffisance des moyens militaires qu'on a à mettre en action.

*) Понятно, что наслѣдники постѣснились напечатать это письмо.

**) Это письмо напечатано у Мазада, но отвѣта Чарторыжскаго уже нѣтъ, а прямо слѣдуетъ письмо Государя отъ 1 апрѣля 1812 года.

Далѣе Александръ подробно исчисляетъ русскія военныя силы, ихъ расположеніе, назначеніе и т. д. Характерна еще одна фраза: „Il est hors de doute que Napoléon tâche de provoquer la Russie à une rupture avec lui, espérant que je ferai la faute d'être l'agresseur. Cela en serait une, dans les circonstances actuelles, et je suis décidé à ne pas la commettre“.

Приходилось отвѣчать на такія ясно выраженныя требованія. Князь Чарторыжскій отвѣтилъ 28 февраля, и замѣтно изъ его письма, что всякое въ немъ слово было обдумано и взвѣшено. Письмо отправлено изъ Варшавы. Князь старается изложить различныя теченія въ польскомъ обществѣ и выясняетъ настроеніе своихъ соотечественниковъ. Есть мѣста въ письмѣ, заслуживающія особаго вниманія. Такъ: „On ne saurait se familiariser que peu à peu avec l'idée que la Russie puisse jamais vouloir du bien à la Pologne, et lui offrir sincèrement sa régénération. Tout en reconnaissant les qualités qui distinguent V. M., on s'imagine qu'il faut séparer sa personne de la politique de son cabinet et de l'esprit qui règne dans son armée. Ces derniers, on les suppose à jamais hostiles au nom polonais...“ Все сводится къ возвращенію Польши къ ея границамъ до перваго раздѣла и возстановленію конституціи 3 мая 1791 года. Чарторыжскій не скрываетъ симпатій большинства къ Наполеону и вѣры въ непобѣдимость его оружія. Эта мысль преслѣдуетъ и его лично, и онъ умоляетъ Государя уволить его окончательно отъ всякой службы и дать отставку. Князь Адамъ чувствуетъ, что скоро очутится въ весьма неловкомъ положеніи, и въ этомъ случаѣ его помышленія чисты и благородны. Теперь же онъ намѣренъ уѣхать изъ Польши за границу, на минеральныя воды въ Австрію, чтобы не компрометировать себя дома. Такое рѣшеніе было умно и показывало крайнюю осторожность бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ въ Россіи.

Онъ выжидалъ на всякій случай лучшихъ дней для Польши; ему было выгодно занять нейтральное положеніе въ средѣ поляковъ.

ни во что не вмѣшиваться и спокойно смотрѣть на возгоравшуюся борьбу. Если сила окажется на сторонѣ Наполеона, то покончить разъ навсегда всѣ счеты съ Россіей при содѣйствіи и покровительствѣ Франціи, если побѣда склонится подъ русскія знамена, то смягчить заслуженный гнѣвъ земли Русской и ея повелителя и найти modus vivendi съ могучей Россіей. Расчеты польскаго князя оказались правильными, его послѣдующая роль послѣ окончанія Отечественной войны это покажетъ.

Дальнѣйшія приготовленія Россіи къ грядущей бѣдѣ мы постараемся подробно разсмотрѣть въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА III.

Борьба съ Наполеономъ.

1812—1815.

„Je m'engage sur l'honneur à ne plus traiter de la paix jusqu'au jour où le sol de la Russie sera entièrement purgé de la présence de l'ennemi".

(**Изъ письма Императора Александра къ императору Наполеону, переданнаго Балашовымъ**).

Н. М. Лонгиновъ, секретарь Императрицы Елисаветы Алексѣевны, такъ описалъ въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову русское правительство и людей, стоящихъ въ ту годину у власти *).

„Письмо сіе назначается для Васъ единственно.... Коль скоро правительство составлено изъ частей, не согласныхъ между собою, нельзя ожидать, чтобы оное могло поддерживать себя иначе какъ интригами; а сіи, распространяясь повсюду, наполняютъ всѣ мѣста, зависящія отъ онаго. Такимъ образомъ стоитъ только упомянуть имена министровъ нашихъ, чтобы все понять и всѣхъ оцѣнить, какъ должно.

„Графъ Румянцевъ одинъ, можно сказать, наибольше имѣлъ вліянія на всѣ мѣры правительства. Если не купленъ Франціей,

*) См. XXIII книгу Архива князя Воронцова.

то только изъ-за своей глупости и неспособности; всегда такъ дѣйствовалъ, какъ бы на жалованіи Бонапарта, до того, что если бывали когда минуты добраго расположенія Государя къ доброму дѣлу, то оное не иначе исполнялось, какъ мимо него. При всемъ томъ, онъ вообразилъ и заставилъ многихъ о себѣ думать, что онъ Макіавель, хотя голова его нисколько не похожа на сего умнаго софиста въ политикѣ....

„Козодавлевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, есть его креатура, подлѣйшій изъ подлецовъ, знающій порядокъ и теченіе обыкновенныхъ дѣлъ и ничего, и никогда не значившій, много препятствовалъ сближенію Россіи съ Англіей и постоянно показывалъ себя врагомъ послѣдней. Сей глупый педантъ никакого, никогда вліянія, даже понятія о политической системѣ нашей, если то можно назвать системой, не имѣлъ....

„Барклай, выведенный изъ ничтожества Аракчеевымъ, который думалъ управлять имъ, какъ секретаремъ, когда вся армія возненавидѣла его самого, показалъ, однакоже, характеръ, коего Аракчеевъ не ожидалъ, и съ самаго начала взялъ всю власть и могущество, которыя Аракчеевъ думалъ себѣ одному навсегда присвоить, но ошибся, присвоивъ ихъ мѣсту, а не себѣ, и Барклай ни на шагъ не уступилъ ему, когда вступилъ въ министерство. Сколько я могу судить, Барклай есть честный и тяжелый нѣмецъ, съ характеромъ и познаніями, кои, однакожъ, не достаточны для министра. При томъ, не имѣя ни связей, ни могущихъ друзей, Барклай одинъ стоялъ противъ всѣхъ бурь, пока, наконецъ, Ольденбургскіе и Сперанскій, какъ утверждаютъ, приняли его подъ свое покровительство.

„Траверсе, по сходству положенія своего съ Барклаемъ, нашелъ въ немъ одномъ, можно сказать, товарища и друга; но въ дѣлахъ никогда, ничего не значилъ. Гурьевъ, человѣкъ съ хорошими правилами и довольно честный, но пренеспособный къ мѣсту и дѣламъ, поддерживаемый Н. А. Толстымъ, А. Н. Голицынымъ и

другими придворными, часто боролся со Сперанскимъ, но устоялъ, не имѣвъ почти никакихъ сношеній съ прочими товарищами своими, и въ дѣлахъ, кромѣ своей части, никогда голоса не имѣлъ. Алексѣй Разумовскій, начальникъ и покровитель московскихъ мартинистовъ, зарывшись въ ботанику и метафизику, былъ и есть находкой для всякихъ педантовъ, подъ именемъ ученыхъ, кои все могли дѣлать, лишь бы не нарушали его лѣности и покоя, и вездѣ въ ученыхъ обществахъ ввели правила такія, кои въ одной Франціи покровительствуемы.

„.... Сперанскій глубоко проникнулъ и для достиженія своей цѣли разсудилъ, что надо революцію начать съ образованія юношества безъ разбора, по своимъ правиламъ, въ предосужденіе дворянству и заслугамъ предковъ. Ему надобно было не Завадовскаго, а того, кто бы ему не мѣшалъ. Разумовскій выполнилъ сію цѣль, въ прочихъ дѣлахъ не участвуя.

„Дмитріевъ, піита, человѣкъ прямой и честный, немного мартинистъ, шелъ своей дорогой, не входя въ большія связи, кромѣ какъ съ старинными пріятелями, Балашовымъ и Разумовскимъ; съ прочими онъ мало знался и дѣлалъ одни свои дѣла. Министерство, такъ составленное, не могло почти дѣйствовать. Для него надобна была душа; нашлась она въ Сперанскомъ, къ несчастію Россіи. Креатура Кочубея; самъ Кочубей, вывезшій изъ Парижа знаменитый планъ совѣта, правительства, всеобщаго образованія, сталъ у него секретаремъ и исполнителемъ. Самъ Румянцевъ, при всей своей гордости, былъ у ногъ его. Сперанскій преобразовалъ правительство, воспитаніе, армію, финансы. Сенатъ остановилъ его, тогда какъ разрушеніе онаго было начертано, и великій творецъ онаго забытъ....

„Описавъ такимъ образомъ корень зла, можно удобнѣе приступить къ отраслямъ, кои не меньше имѣли вліянія и на нашу армію. Нѣкто Фуль, который принятъ изъ прусской въ нашу службу генералъ-майоромъ, былъ творцомъ нашего плана войны.

Человѣкъ сей имѣетъ большія математическія свѣдѣнія, но есть не иное что, какъ нѣмецкій педантъ, и совершенно имѣетъ видъ пошлаго дурака. Онъ самый начертилъ планъ Іенской баталіи и разрушенія Пруссіи. Барклай и Ольденбургская фамилія покровительствовали ему, какъ нѣмцу, Сперанскій — какъ человѣку нужному, или по крайней мѣрѣ ни въ чемъ ему немѣшающему"....

Картина, вышедшая изъ-подъ пера Лонгинова, не лестная, скорѣе безотрадная, но, къ счастію, здѣсь многое преувеличено, многое невѣрно, однако, это показаніе цѣнно потому, что изъ него видно, насколько ненависть къ Сперанскому была распространена, и даже затмила человѣка скромнаго, наблюдательнаго, какимъ былъ Лонгиновъ.

Что же было сдѣлано для защиты Русскаго государства отъ нашествія иноплеменниковъ?

Приготовленія начались уже съ 1810 года. Въ области военной два человѣка сдѣлали очень многое. То были Барклай и Аракчеевъ. Они неустанно работали для приведенія въ порядокъ всѣхъ отраслей русской арміи. Работа была не изъ легкихъ. Многіе открыто выражали недовольство, но желѣзная воля Алексѣя Андреевича и методичный и спокойный Барклай сдѣлали, что могли, не обращая вниманія на критику и интриги. Еще въ октябрѣ 1811 года графъ Аракчеевъ представилъ въ Государственный Совѣтъ собственноручно написанное мнѣніе „по дѣлу о наборѣ рекрутъ въ государствѣ". Приводимъ это мнѣніе цѣликомъ, какъ образчикъ Аракчеевскихъ резолюцій.

„Департаментъ Государственнаго Совѣта военныхъ дѣлъ къ разсужденію своему основалъ изъ сего дѣла два вопроса: сколько собрать рекрутъ, и на какихъ правилахъ оный сборъ произвесть.

„Къ разсмотрѣнію перваго вопроса департаментъ разсуждалъ, что когда сборомъ происшедшаго года трехъ человѣкъ съ пятисотъ армія и безъ важныхъ въ нынѣшнемъ году военныхъ

дѣйствій къ наступающему 1812 году только получать одно укомплектованіе, безъ всякаго остатка для запаса, то изъясняемыя военнымъ министромъ военныя обстоятельства, конечно, требуютъ уже рекрутъ не только для одного укомплектованія арміи, но и для непредвидимыхъ случаевъ въ значительномъ запасѣ. Обращаясь потомъ ко второму вопросу, состоящему въ правилахъ пріема рекрутъ, разсуждалъ что:

1) хотя производимый послѣдній пріемъ рекрутъ признается весьма строгимъ и для общества тягостнымъ, потому что по мѣрѣ строгаго набора въ пріемѣ поступаемыхъ людей на службу должно ожидать уменьшенія вышеисчисленной въ запискѣ военнаго министра годовой обыкновенной убыли въ арміи, простирающейся до 71/т. человѣкъ и составляющей десятую часть всей арміи; но самая сія строгость пріема должна, кажется, уменьшить наборъ оныхъ, хотя впослѣдствіи времени, ибо вышеприведеннымъ исчисленіемъ Военнаго министерства годичная обыкновенная убыль въ арміи составляетъ десятую часть. Слѣдовательно, таковая убыль арміи, происходящая отъ слабости поступающихъ на службу людей, производитъ не только уменьшеніе общаго народосчисленія, но и вредъ самой арміи. Потому на семъ расчетѣ армія не можетъ имѣть большого количества старыхъ солдатъ, которые, безъ сомнѣнія, полезнѣе молодыхъ.

2) конечно, изъ числа такой значительной убыли въ арміи большая часть оныхъ выбываетъ по неспособности отставкой, но какъ сіи люди на вышеписанномъ расчетѣ должны выбывать изъ службы въ молодыхъ лѣтахъ и оставаться во все время праздными и обществу безполезными, то и они составляютъ собою въ государственномъ составѣ ни что иное, какъ ту же общую убыль въ людяхъ.

„Сіи общія разсужденія Военнаго департамента о строгости пріема и убыли въ арміи людей обратили департаментъ къ изъясненію такихъ способовъ облегченія въ пріемѣ рекрутъ, которые

не дѣлали бы ни малѣйшаго вліянія на здоровіе и крѣпость отдаваемыхъ на службу людей. А, дѣлая облегченія сей необходимой государственной повинности, уменьшали бы вмѣстѣ съ онымъ и случающіяся при этомъ злоупотребленія“ *).

За тотъ же октябрь 1811 года имѣется другая записка графа, озаглавленная: „Голосъ графа Аракчеева въ Государственномъ Совѣтѣ о продажѣ рекрутскихъ квитанцій изъ казны за двѣ тысячи пятьсотъ (2500) рублей“.

„Мѣра, предполагаемая о выпускѣ отъ казны за деньги рекрутскихъ квитанцій, представлена въ благодѣтельномъ видѣ *народнаго облегченія,* но въ то же самое время и въ знатномъ сборѣ денежной суммы на расходы Государственнаго Казначейства, почему, разсуждая о народномъ облегченіи, должно разсмотрѣть слѣдующее:

„Повинность рекрутская въ государствѣ есть, безъ сомнѣнія, тягостнѣйшая изъ всѣхъ повинностей, но облегчается собственнымъ разсужденіемъ каждаго вѣрноподданнаго, что она основана на вѣрныхъ и истинныхъ исчисленіяхъ нуждъ государственной защиты и отправляется всѣми сравнительно; а предлагаемая продажа квитанцій освобождаетъ однихъ богатыхъ людей отъ сей необходимой повинности, существенно разстраиваетъ вышеписанныя каждаго объ ней заключенія и возродитъ въ народѣ общее сомнѣніе въ мѣрахъ исчисленія сей повинности на государственную защиту.

„Вотъ неудобство ея въ общемъ обозрѣніи оной, но, представляя сходно сему предположенію, что сія продажа есть благодѣяніе правительства для богатыхъ, не должна ли возродить сія мѣра большое уныніе духа въ бѣдныхъ, когда они изъ онаго ясно увидятъ, что и самое правительство печется нынѣ неуравнительно о всѣхъ сословіяхъ, а открываетъ благодѣянія свои за деньги, не заботясь о томъ, что состояніе бѣднаго передъ богатымъ уже есть и безъ онаго тягостно.

---

*) Архивъ канцеляріи Военнаго Министерства.

„Правда, сія мѣра неуравнительнаго благодѣянія прикрывается вербованіемъ вольныхъ людей, но можетъ ли сія вербовка представиться достовѣрной каждому, когда находящіеся и нынѣ вербуемые въ армію полки затрудняются въ наполненіи себя людьми; да и положивъ, что назначенное число оныхъ наполнится предполагаемыми въ семъ представленіи бродягами, то не будутъ ли они въ тягость арміи въ нынѣшнемъ ея расположеніи, и не разстроятся ли всѣ до сего сдѣланныя распоряженія въ арміи?!

„Наконецъ, должно обратиться къ заключительнымъ разсужденіямъ: что если бы умственно предполагаемая вербовка впослѣдствіи оказалась по какому-либо случаю неудобноспособною мѣрою, то какимъ другимъ образомъ правительство можетъ выполнить наполненіе сихъ людей, кромѣ прибавки числа онаго въ предыдущемъ рекрутскомъ наборѣ, и тогда уже каждому ясно откроется, что предполагаемое благодѣяніе богатымъ есть угнетеніе для бѣдныхъ. Слѣдовательно, это должно назваться не облегченіемъ, а народною тягостью.

„Касательно наполненія Государственнаго Казначейства суммою, то также, кромѣ невѣрности въ числѣ оной, по неизвѣстному еще числу желающихъ искупить квитанціи, за сію столь знатную сумму, кажется, оный сборъ сдѣлаетъ въ народѣ неблаговидный толкъ, представляющійся въ видѣ продажи людей изъ государственной службы".

Заключенный миръ съ Турціей (16/28 марта 1812 г.) и все бòльшее сближеніе съ Швеціей гарантировали Россіи южный и сѣверный фронты. Вскорѣ съ послѣдней былъ подписанъ союзный договоръ. Шведскій наслѣдный принцъ Бернадоттъ, честолюбивый и подвижный по своей натурѣ гасконца, давно искалъ сближенія съ Александромъ. Между ними завязалась оживленная переписка, часть которой недавно только издана. Именно Бернадоттъ первый указалъ Русскому Государю на способъ веденія войны съ Наполеономъ — избѣгать сраженій и стараться втягивать полчища

врага все болѣе въ глубь страны *). Того же взгляда держался другой иностранецъ, нѣмецъ Фуль, недавно (1806 г.) перешедшій на русскую службу и сразу ставшій ненавистнымъ всѣмъ почти русскимъ военнымъ, смотрѣвшимъ на него, какъ на бездарнѣйшаго стратега и педанта **). Если Александръ Павловичъ такъ настойчиво заявлялъ всѣмъ и каждому, что онъ ни за что первый не откроетъ враждебныхъ дѣйствій противъ Наполеона, то эта настойчивость объясняется вполнѣ созрѣвшимъ у него въ головѣ планомъ борьбы. Основная идея уже была намѣчена и нашла поддержку въ средѣ многихъ изъ нашихъ генераловъ, а особенно въ осторожномъ Барклаѣ.

Здѣсь умѣстно вспомнить и подчеркнуть, что обдуманные ходы Русскаго Государя стали его отличительной чертой вскорѣ послѣ Тильзита, когда произошелъ первый замѣтный переломъ въ его характерѣ, замѣтный для насъ, но скрытый отъ большинства его современниковъ и скрытый нарочно, обдуманно, съ замѣчательной послѣдовательностью и настойчивостью.

Обращаемъ еще разъ вниманіе на удивительное письмо Государя изъ Эрфурта, отъ 25 августа 1808 года, къ его матушкѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Вотъ тѣ мѣста этого письма, которыя заслуживаютъ быть отмѣченными: „....Моментъ, выбранный для свиданія, именно таковъ, что налагаетъ на меня обязанность не избѣгать его. *Наши интересы* послѣдняго времени *заставили* насъ заключить тѣсный союзъ съ Франціей; мы *сдѣлаемъ* все, чтобы доказать ей искренность, благородство нашего образа дѣйствій....

„...Мы спокойно увидимъ его паденіе, если на то воля Провидѣнія, и болѣе чѣмъ правдоподобно, что государства Европы,

*) „Correspondance inédite de l'Empereur Alexandre et de Bernadotte pendant l'année 1812“ par X., 1909.

**) Императоръ Александръ писалъ Фулю 12 декабря 1813 г.: „C'est vous qui avez conçu le plan qui, avec l'aide de la Providence, a eu pour suite le salut de la Russie et aussi celui de l'Europe“.

Императрица
Елисавета Алексѣевна

Великая Княгиня
Екатерина Павловна

М. А. Нарышкина

Баронесса Ю. Крюденеръ

уставъ отъ бѣдствій, которымъ они подвергались такое долгое время, и не подумаютъ начинать борьбы съ Россіей изъ мести за то только, что она была союзницей Наполеона въ то время, когда каждое изъ нихъ стремилось къ тому же.... Если Провидѣніе опредѣлило паденіе этого колоссальнаго государства, сомнѣваюсь въ томъ, чтобы оно могло быть внезапнымъ, но даже, если это произойдетъ вдругъ, было бы благоразумнѣе *подождать* этого паденія и тогда только принять мѣры. Таково мое мнѣніе....

„....Въ моемъ политическомъ поведеніи я могу только слѣдовать указаніямъ *моей совѣсти,* моему *главному убѣжденію,* моему желанію, которое меня никогда не покидаетъ, быть полезнымъ отечеству. Вотъ что, матушка, счелъ я долгомъ отвѣтить Вамъ на Ваше письмо; признаюсь, мнѣ тяжело видѣть, что, когда я имѣю въ виду только интересы Россіи, чувства, которыя составляютъ дѣйствительную силу моего образа дѣйствій, могутъ быть такъ непонятны“.

Слѣдовательно, еще осенью 1808 года Александръ совершенно ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ предпринятыхъ имъ дѣйствіяхъ. Нужно было еще разъ укрѣпить, хоть наружно, союзныя отношенія съ Наполеономъ, усыпить его, а самому только готовиться и наблюдать, когда настанетъ та желанная минута, что союзникъ его окажется зрѣлымъ для крушенія своего могущества и славы. Въ Эрфуртѣ этого не понялъ Сперанскій. Онъ былъ ослѣпленъ геніальностью Наполеона и думалъ, что его Державный покровитель испытывалъ тѣ же чувства. Для Сперанскаго это было роковой ошибкой. Но другой человѣкъ, весьма пронырливый и умный, понялъ Александра, хотя еще не вполнѣ.

То былъ герцогъ Беневентскій Таллейранъ. Они имѣли случай вторично встрѣтиться и обмѣняться взглядами, сдѣлать другъ другу нѣкоторые намёки, которые впослѣдствіи обоимъ очень пригодились. Изъ Веймара, въ 1808 году, т.-е. въ ту же эпоху Эрфурта, Александръ писалъ сестрѣ Екатеринѣ: „Bonaparte prétend que je

ne suis qu'un sot. *Rira le mieux qui rira le dernier!* et moi je mets tout mon espoir en Dieu". Мы могли бы къ этому добавить, что надежда Александра была не только на одного Бога, но и на свои собственныя способности и силу воли. Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что Государь велъ строго обдуманную линію; интересъ, проявленный въ Тильзитѣ къ личности Наполеона, давно остылъ, тутъ исчезла „la curiosité" видѣть и говорить съ Бонапартомъ, а явилось опредѣленное желаніе обойти и сломать мощь непрошеннаго союзника.

1809 годъ далъ блестящія доказательства политики Александра; открылъ глаза Австріи на истинныя намѣренія Русскаго Императора и разочаровалъ во многомъ Наполеона, не ждавшаго такой двойной игры. Это разочарованіе шло послѣдовательно отъ Шёнбрунскаго мирнаго договора до отказа въ рукѣ русской великой княжны, и только тогда Наполеонъ созналъ свои ошибки и круто перемѣнилъ тактику. Но было уже поздно. Нѣкоторые грѣхи въ политикѣ не проходятъ даромъ.

Болѣе извинительны французскіе послы, пребывавшіе въ тѣ годы въ Петербургѣ, особенно Лористонъ, никогда не бывшій дипломатомъ. Что же касается Коленкура, то о немъ еще не сказано послѣднее слово. Если онъ началъ уже измѣнять въ бытность его посломъ, то скорѣе безсознательно *), но что сказать о перепискѣ его съ Александромъ послѣ отъѣзда изъ Россіи, перепискѣ, которая шла черезъ руки Сперанскаго и Нессельроде!? Къ сожалѣнію, нѣтъ еще надежды на обнародованіе этихъ писемъ, потому что наслѣдники Коленкура, господа д'Эпёиль (d'Espeuilles) и Кергорлэ (Pierre de Kergorlay), не только сами не дѣлаютъ попытокъ напечатать имѣющіеся у нихъ богатые матеріалы, но никого не допускаютъ до Коленкуровскаго архива,

*) *L'Europe et la Révolution française* par Albert Sorel, voir page 512, T. VII. „L'aimable Caulaincourt, préoccupé d'effacer les impressions du mariage, ne découvre partout que loyauté, désir de plaire, amour de la paix. Il le croit, il l'écrit à Paris".

несмотря на неоднократныя къ нимъ обращенія. Лично я дважды получилъ категорическіе отказы отъ обоихъ представителей наслѣдниковъ герцога Виченцскаго (duc de Vicence), такъ какъ мужеское потомство Коленкура прекратилось. Между тѣмъ извѣстно, что Коленкуръ на досугѣ, во времена реставраціи, написалъ обширные мемуары, и что въ его архивѣ хранятся не только переписка съ Александромъ, но и письма Наполеона, полученныя за его пребываніе въ Петербургѣ и позже. Такіе пробѣлы досадны, но съ ними надо мириться.

Пока шла постепенная подготовка къ предстоящему столкновенію съ Наполеономъ, большинство въ Россіи критиковало дѣятельность Государя и правительства. Начиная съ 1807 года, заключенный союзъ съ корсиканцемъ никогда не былъ популяренъ *), вторичная поѣздка въ Эрфуртъ еще болѣе подверглась нареканіямъ, а когда послѣ 1809 года обнаружились первыя недоразумѣнія между союзными императорами, то критика еще усилилась. Упрекали за мнимое легкомысліе не одного Александра Павловича, но и его ближайшихъ сотрудниковъ, въ лицѣ Сперанскаго и графа Н. П. Румянцева, подозрѣвая обоихъ въ желаніи болѣе соблюдать интересы Франціи, чѣмъ Россіи.

Говоръ о ихъ дѣяніяхъ и клевета только росли, и обоихъ прямо таки обвиняли въ измѣнѣ, особенно Сперанскаго. Эти слухи доходили до Государя въ теченіе двухъ предшествовавшихъ разрыву годовъ, но, видимо, Александръ оставался глухъ къ такого рода сплетнямъ, и союзъ не прекращался. Но съ средины 1811 года возбужденіе возрастало все болѣе и болѣе, несмотря на неотъемлемыя доказательства, что русское правительство стало открыто уже готовиться къ войнѣ.

Молва гласила, что Императоръ окруженъ измѣнниками, и клевета дошла до крайнихъ предѣловъ. Къ началу 1812 года

*) См. Записку Н. М. Карамзина 1807 года въ приложеніяхъ.

враги Сперанскаго, въ лицѣ Аракчеева, Балашова, Шишкова, шведа Армфельда и великой княгини Екатерины Павловны, нашли моментъ подходящимъ, чтобы тѣми или другими средствами сломать ему шею. Имъ удалось, не безъ труда, поколебать довѣріе Александра и вселить сомнѣніе въ его душу. Исторія паденія Сперанскаго, выразившаяся неожиданно 17 марта 1812 г. увольненіемъ его отъ всѣхъ должностей и ссылкой, стала слыть за легендарную сказку, покрытую какой-то таинственной завѣсой. Но дѣло обстояло гораздо проще, и мы въ немъ тщетно искали даже тѣни таинственности.

Когда струны общественнаго мнѣнія натянуты до-нéльзя, особенно въ минуту опасности и полной неизвѣстности, какъ то было до начала Отечественной войны, то для возбужденной толпы требуется жертва искупленія. Этой жертвой и сдѣлался несчастный М. М. Сперанскій. Онъ и не думалъ измѣнять ни Россіи, ни ея Государю; онъ былъ просто неостороженъ, самоувѣренъ, одинокъ и слишкомъ необузданъ въ разговорахъ. Ему случалось критиковать и Государя, и его распоряженія или отсутствіе оныхъ; эти-то толки дошли до Александра, но уже въ формѣ неопровержимыхъ доказательствъ, которыя ему передавались вышеозначенными лицами на словахъ или путемъ перлюстраціи. Вѣрилъ ли имъ безусловно Александръ? Врядъ ли это допустимо, но Государь понялъ главное, что нужна жертва для успокоенія встревоженныхъ умовъ.

И тогда станетъ понятнымъ выраженное Государемъ сужденіе о Сперанскомъ, что „онъ никогда не измѣнялъ Россіи, но измѣнялъ исключительно лично мнѣ“. Другими словами, Сперанскій осмѣливался критиковать Императора за его спиною, а иногда и острить насчетъ Александра. Вотъ въ чемъ заключалась личная измѣна. Тогда Благословенный монархъ рѣшился выдать Сперанскаго его врагамъ, съ грустью и болью въ сердцѣ, со слезами на глазахъ, но выдалъ, зная, однако, что онъ не виновенъ и не

предатель. Подробности опалы Сперанскаго разсказаны на всѣ лады и его біографомъ, барономъ М. А. Корфомъ, и Шильдеромъ, и въ безчисленныхъ воспоминаніяхъ и запискахъ. Всѣ чего-то добивались, чего-то искали, и ничего не нашли, но придумали самыя фантастическія предположенія. Суть дѣла была гораздо менѣе сложна. Враги, найдя время удобнымъ для всеобщей атаки на ненавистнаго имъ царскаго любимца, представили слѣдующія обвиненія: возбужденіе народныхъ массъ налогами, разореніе финансовъ и недоброжелательные отзывы о правительствѣ. Но, видя, что такое обобщеніе обвиненій мало смущаетъ Александра, они раскрыли цѣлый будто бы затѣянный заговоръ для освѣдомленія Наполеона. Дѣло въ томъ, что Сперанскому было поручено вести переписку съ Нессельроде, гдѣ главные французскіе государственные дѣятели были обозначены подъ выдуманными именами *). Но Сперанскій не ограничился этими свѣдѣніями и самовластно, безъ разрѣшенія свыше, требовалъ, чтобы ему передавали вообще всѣ секретныя бумаги и донесенія изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, очевидно, безъ вѣдома канцлера графа Румянцева. Нашлось нѣсколько довѣрчивыхъ чиновниковъ, которые безпрекословно исполняли его желаніе. То были дѣйствительный статскій совѣтникъ Бекъ и экспедиторъ его канцеляріи Жерве.

Это все оказалось сущей правдой, но Балашовъ, какъ министръ полиціи, при посредствѣ разныхъ низшихъ агентовъ и клевретовъ, сумѣлъ настолько сгустить краски, что это обвиненіе подѣйствовало весьма непріятно на Государя. А такъ какъ почва уже была подготовлена многочисленными недоброжелателями Сперанскаго, то обвиненіе подѣйствовало. Кромѣ того, во время послѣдней поѣздки Александра въ Тверь къ сестрѣ Екатеринѣ, историкъ Н. М. Карамзинъ лично представилъ Императору записку

*) Такъ, Таллейранъ — mon ami Henry; Коленкуръ — Holtschinsky; Императоръ Александръ — Louise и т. д.

„О древней и новой Россіи“ и въ разговорахъ съ Александромъ убѣждалъ его остановиться на пути реформъ, безполезныхъ и приносящихъ только одинъ вредъ родинѣ. Одновременно еще усиленно агитировали противъ любимца два иностранца: шведъ Армфельдъ и сардинецъ Жозефъ де-Мэстръ, видя въ лицѣ фаворита только вреднѣйшаго революціонера, подкапывающагося подъ основы всѣхъ государственныхъ началъ и старавшагося всѣми способами дискредитировать царскую власть.

Самый фактъ опалы разсказанъ сжато и ясно барономъ М. А. Корфомъ. Привожу дословно это описаніе: „17 марта 1812 г., въ воскресеніе, Сперанскій за обѣдомъ получилъ черезъ фельдъегеря приказаніе явиться къ Государю въ 8 часовъ вечера. Эти приглашенія случались часто, и Сперанскій спокойно поѣхалъ въ Зимній дворецъ. Въ секретарской комнатѣ дожидались дежурный генералъ-адъютантъ и два министра, но государственный секретарь былъ позванъ прежде ихъ. Цѣлыхъ два часа продолжалась аудіенція. Наконецъ, дверь отворилась, и Сперанскій вышелъ, блѣдный и взволнованный. Торопливо уложивъ въ портфель бумаги и простясь съ министрами, онъ отправился домой *). Здѣсь уже ожидалъ его министръ полиціи Балашовъ. Кабинетъ его былъ опечатанъ. У Сперанскаго не хватило духа проститься съ семействомъ. Поздно ночью онъ выѣхалъ изъ Петербурга, въ сопровожденіи частнаго пристава, въ ссылку, мѣстомъ которой былъ назначенъ Нижній-Новгородъ. Его ближайшій пріятель Магницкій, впослѣдствіи такъ храбро перешедшій въ другой лагерь **), былъ тоже арестованъ ночью и сосланъ“. О смущеніи и скорби Александра существуютъ различныя свидѣтельства, которымъ можно вѣрить. Самое правдивое — князя Александра Николаевича Голицына, видѣвшаго Государя 18 марта, и которому было сказано Его Величествомъ:

*) По другой версіи Сперанскій прямо изъ дворца заѣзжалъ къ Магницкому, но не засталъ его дома, такъ какъ онъ уже былъ арестованъ.

**) Т.-е. къ Аракчееву.

„Если бы у тебя отсѣкли руку, ты, вѣрно, кричалъ бы и жаловался, что тебѣ больно: у меня въ прошлую ночь отняли Сперанскаго, а онъ былъ моей правой рукой!“

Но существовала и другая версія. Говорили, что Александръ, въ пылу негодованія на своего любимца, хотѣлъ будто бы примѣнить къ нему высшую кару, другими словами смертную казнь. Мы придаемъ мало вѣры такому слуху, ходившему вслѣдствіе извѣстнаго письма проректора Дерптскаго университета Паррота, который легко поддавался настроенію минуты и часто преувеличивалъ событія. Этотъ скучнѣйшій балтійскій нѣмецъ имѣлъ страсть давать совѣты Государю по различнымъ вопросамъ въ безконечныхъ посланіяхъ; въ данномъ случаѣ, онъ видѣлъ Александра за два дня до паденія Сперанскаго, и, вѣроятно, въ разговорѣ о немъ Государь выражался рѣзко. Тогда Парротъ, 16 марта, т.-е. наканунѣ катастрофы, написалъ письмо Императору, стараясь смягчить гнѣвъ его на Михаила Михайловича. Письмо написано съ обычнымъ паѳосомъ по-французски. Даемъ выдержку изъ него въ переводѣ:

„Одиннадцать часовъ ночи. Вокругъ меня глубокая тишина. Сажусь писать моему возлюбленному, моему боготворимому Александру, съ которымъ не хотѣлъ бы никогда разлучаться. Уже сутки прошли со времени нашего прощанья, но сердце влечетъ меня еще разъ возобновить его на письмѣ... Въ минуту, когда Вы вчера довѣрили мнѣ горькую скорбь Вашего сердца объ измѣнѣ Сперанскаго, я видѣлъ Васъ въ первомъ пылу страсти и надѣюсь, что теперь Вы уже далеко откинули отъ себя мысль разстрѣлять его. Не могу скрыть, что слышанное мною отъ Васъ набрасываетъ на него большую тѣнь; но въ томъ ли Вы расположеніи духа, чтобы взвѣсить справедливость этихъ обвиненій, а если бъ и были въ силахъ нѣсколько успокоиться, то Вамъ ли его судить; всякая же комиссія, наскоро для того наряженная, могла бы состоять только изъ его враговъ. Не забудьте, что Сперанскаго

ненавидятъ за то, что Вы слишкомъ его возвысили. Никто не долженъ стоять надъ министрами, кромѣ Васъ самихъ. Не подумайте, чтобы я хотѣлъ ему покровительствовать: я не состою съ нимъ ни въ какихъ сношеніяхъ, и знаю даже, что онъ нѣсколько ревнуетъ меня къ Вамъ. Но если бы и предположить, что онъ точно виновенъ, чего я еще вовсе не считаю доказаннымъ, то все же опредѣлить его вину и наказаніе долженъ законный судъ, а у Васъ въ настоящую минуту нѣтъ ни времени, ни спокойствія духа, нужныхъ для назначенія такого суда. По моему мнѣнію, совершенно достаточно будетъ удалить его изъ Петербурга и надсматривать за нимъ такъ, чтобы онъ не имѣлъ никакихъ средствъ сноситься съ непріятелемъ. Послѣ войны, всегда еще будетъ время выбрать судей изъ всего, что около васъ найдется правдивѣйшаго. Мои сомнѣнія въ дѣйствительной виновности Сперанскаго подкрѣпляются между прочимъ и тѣмъ, что въ числѣ второстепенныхъ доносчиковъ на него находится одинъ отъявленный негодяй, уже однажды продавшій другого своего благодѣтеля. Докажите умѣренностью Вашихъ распоряженій въ этомъ дѣлѣ, что Вы не поддаетесь тѣмъ крайностямъ, которыя стараются Вамъ внушить. Отъ находящихъ свой интересъ слѣдить за Вашимъ характеромъ не укрылась, я это знаю, свойственная Вамъ черта подозрительности, и ею-то и хотятъ на Васъ дѣйствовать. На нее же, вѣроятно, разсчитываютъ и непріятели Сперанскаго, которые не перестанутъ пользоваться открытою ими слабою струною Вашего характера, чтобы овладѣть Вами“ *).

Единственно, въ чемъ и самъ Сперанскій признавалъ себя виновнымъ, это въ самовольномъ присвоеніи себѣ права читать дипломатическую перлюстрацію. Въ письмѣ изъ Перми къ Государю онъ чистосердечно сознается въ этомъ проступкѣ. Письмо напечатано у Шильдера, а самое въ немъ интересное мѣсто

---

*) Письмо напечатано у барона М. А. Корфа, II, 13 и 14.

заключается въ словахъ: „...... что тутъ могло быть легкомысліе, но никто никогда не въ силахъ превратить сего въ государственное преступленіе. Со всѣмъ тѣмъ, и прежде, и теперь я повергаю себя единственно на Ваше великодушіе и желаю еще лучше быть прощеннымъ, нежели во всемъ правымъ".

Въ Государственномъ Архивѣ (Разрядъ VI, № 557) сохранилась анонимная копія разговора, происшедшаго между Императоромъ Александромъ и Н. Н. Новосильцовымъ въ Свенцянахъ, въ началѣ 1812 года. Этотъ разговоръ правдоподобенъ (Шильдеръ помѣстилъ его въ приложеніяхъ къ III тому) и заслуживаетъ вниманія.

„Le croyez-vous traître?" dit-il à Nowossiltzow. „Rien moins que cela; il n'est réellement coupable qu'envers moi seul, coupable d'avoir payé ma confiance et mon amitié par l'ingratitude la plus noire, la plus abominable. Mais cela ne m'aurait pas encore porté à recourir à des mesures rigoureuses, si des personnes qui se sont donné la peine de suivre depuis quelque temps ses paroles et ses actions n'y avaient pas entrevu et dénoncé des circonstances qui faisaient soupçonner les intentions les plus malveillantes. Le temps, la situation dans laquelle se trouvait le pays, ne me permirent pas de m'occuper d'un strict et rigoureux examen des dénonciations qui me parvenaient à cet égard. Aussi lui ai-je dit en l'éloignant de ma personne:

„En tout autre temps j'aurais employé deux années pour vérifier avec la plus scrupuleuse attention tous les renseignements qui me sont parvenus concernant votre conduite et vos actions. Mais le temps, les circonstances ne me le permettent pas en ce moment: l'ennemi frappe à la porte de l'Empire, et, dans la situation où vous ont placé les soupçons que vous avez attirés sur vous par votre conduite et les propos que vous vous êtes permis, il m'importe de ne pas paraître coupable aux yeux de mes sujets, en cas de malheur, en continuant de vous accorder ma confiance, en vous conservant même la place que vous occupez. Votre situation est telle que je vous conseillerais de ne pas rester à Pétersbourg ou dans la proximité de cette ville.

Choisissez vous-même le lieu de votre séjour ultérieur jusqu'à la fin des événements qui approchent; je joue gros jeu, et plus il est gros, d'autant plus vous risqueriez en cas de non-réussite, vu le caractère du peuple auquel on a inspiré de la méfiance et de la haine pour vous".

Вотъ вкратцѣ вся эпопея Сперанскаго. Замѣчательно, что парижскій его корреспондентъ, Нессельроде, вернувшійся еще въ концѣ октября 1811 года въ Петербургъ, былъ назначенъ въ награду за всѣ присылаемыя свѣдѣнія статсъ-секретаремъ, что всю жизнь приписывалъ рекомендаціи Сперанскаго. Императоръ Александръ назначилъ Нессельроде вскорѣ затѣмъ завѣдывающимъ его политической перепиской, а потомъ—смѣнивъ графа Румянцева—и управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Вышло это все неожиданно для самого Нессельроде, который былъ убѣжденъ, что паденіе Сперанскаго повлечетъ и его опалу. Но Нессельроде ошибся. Надо ему отдать справедливость, что онъ всегда оправдывалъ Сперанскаго, жалѣлъ о постигшей его немилости, которую приписывалъ интригамъ Балашова и Армфельда.

Приводимъ выдержку изъ интереснаго донесенія австрійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Сенъ-Жюльена (Saint-Julien) о паденіи М. М. Сперанскаго. Курьезно, что французскій посолъ, генералъ Лористонъ, сообщалъ только поверхностно Наполеону объ этомъ событіи, тогда какъ австріецъ сообразилъ всю важность опалы Сперанскаго и, благодаря своей близости къ Кошелеву, къ Мордвинову и къ графу Литтѣ, могъ узнать многія подробности этого дѣла, поэтому письмо Сенъ-Жюльена къ графу Меттерниху пріобрѣтаетъ цѣну и только подтверждаетъ вышеприведенныя подробности.

„Dans la nuit du 29 au 30 mars de notre style on fit partir le secrétaire d'Empire Spéranski, accompagné d'un major de police et, à ce que quelques-uns prétendent, de deux soldats de police sur le devant de la voiture, le sabre à la main, pour une destination inconnue;

on dit que c'est Nijni-Nowgorod, ville de l'intérieur du pays; d'autres croient qu'il est relégué en Sibérie. Sa Majesté, qui n'avait pas fait de travail avec lui pendant plusieurs semaines, en eut un très long le même jour, à la fin duquel, dit-on, Elle lui présenta un papier qui constatait son délit; au sortir du cabinet de l'Empereur, Spéranski parut très troublé, dut se faire aider pour ranger ses papiers dans son portefeuille, et serra la main au prince Galitzine attaché à la personne de l'Empereur, en lui disant *Adieu!* du ton d'un homme qui prend congé pour toujours. Il se rendit d'abord chez le secrétaire d'état Magnitzki, avec lequel il fut toujours très lié, mais il y trouva sa femme en pleurs, le scellé apposé à tous les papiers et Magnitzki déjà emmené par un officier de police. Spéranski ne dit que ces mots: „Quoi, déjà!“ et se fit conduire au logis. Là il trouva le ministre de police Balaschoff qui mit également le scellé sur tous les papiers; il demanda la permission d'écrire à sa belle-mère et à sa fille, qu'il ordonna de ne pas éveiller, les recommanda à son médecin et monta en voiture avec beaucoup de calme. Les avis sur cette arrestation inopinée, et qui a fait la plus grande sensation, sont très partagés. Il y a des personnes qui lui imputent un délit de haute trahison; effectivement il est difficile de concevoir que l'homme de confiance de Sa Majesté, qui a été sa propre créature, qui avait le secret de l'Etat, qui vient récemment d'être décoré d'un second cordon, puisse être traité en criminel d'Etat, à moins d'une grande suspicion d'un délit des plus graves. D'autres, parmi lesquels plusieurs des employés subalternes qui partageaient avec Monsieur de Spéranski ses opinions sur une régénération complète de la constitution de ce pays, sur la liberté des paysans, la création d'un tiers-état, etc., prétendent qu'il fut la victime du mécontentement général que la noblesse, jalouse de ses droits, et qui déjà se voyait lésée par différents plans d'administration qui commençaient à s'introduire, témoignait hautement, et que l'Empereur dans la crise actuelle croyait devoir ménager. Une troisième version disculpe entièrement Spéranski, mais impute

à Magnitzki, son intime ami, un complot d'assassinat contre Sa Majesté. Enfin, depuis quelques jours, on assure que l'Empereur a nommé une commission pour examiner les coupables; plusieurs personnes parmi les subalternes ont été arrêtées depuis.

„Il est de fait que Sa Majesté, en parlant à Leurs Majestés les Impératrices et même à Madame de Narischkine, de Spéranski, les a rassurées en disant qu'il n'était nullement question d'intelligence avec la France. Spéranski avait tant d'ennemis que tout le monde travailla à sa perte. Armfeldt fut un des chefs de file; des femmes même s'en mêlèrent, et on ménagea à une dame de ma connaissance, marquante par sa beauté, ses bizarreries et sa haine contre tout ce qui est français, mais vivant isolée, éloignée de la cour et sans nulle influence, une entrevue avec l'Empereur chez Madame de Narischkine, pour lui ouvrir les yeux sur les dangers qu'il courrait en gardant sa confiance à Spéranski. Le comité de surveillance secrète travaillait depuis longtemps à lui casser le cou; et le haut clergé, révolté de la protection qu'il avait accordée à ce professeur Fessler qu'il avait fait venir d'Allemagne et qui eut l'imprudence d'émettre des opinions de déisme et toutes anti-chrétiennes, n'a pas peu contribué à sa chute.

„Le maréchal Soltykoff s'est prononcé vouloir insister auprès de Sa Majesté qu'Elle instruise le public du genre du délit des coupables, pour faire taire les bruits si contradictoires que dans la ville on se permet à ce sujet. Monsieur de Spéranski prévoyait si peu le coup qui l'attendait qu'il avait dit à une personne de ma connaissance de l'aller trouver le surlendemain du jour de son arrestation, pour lui parler de ses affaires, dont il lui promit de s'occuper avec chaleur. On assure qu'on a donné de fortes récompenses aux dénonciateurs; un M. Gervais, ami de Spéranski, chef d'une des trois sections du bureau des Affaires étrangères et bras droit de M. le comte de Romanzoff, est remplacé par un prince Kozlowsky, qui accompagne le chancelier et aura la correspondance secrète.

„Depuis cette époque, il y a un revirement complet dans l'administration supérieure. Le grand conseil est dissous: il ne se tient plus qu'un comité de tous les ministres et des trois présidents de section. Ce comité est présidé par le vieux maréchal Soltykoff; il s'est rassemblé le 7 avril/26 mars pour la première fois: tout le monde admire la manière dont le vieux maréchal se montra à la hauteur du poste que l'Empereur vient de lui confier. Les résultats de ce comité seront, de séance à séance, envoyés au quartier-général pour être soumis à la décision de Sa Majesté".

Продолжимъ картину приготовленій Россіи и Франціи къ разрыву. Переговоры конца 1811 года были одной комедіей, и правъ Альбертъ Сорель, говоря о нихъ, что „ces négociations ne furent qu'un jeu d'ombres diplomatiques".

Пруссія болѣе чѣмъ когда-либо изощрялась въ излюбленной ею двойной игрѣ. Пока Шарнгорстъ, подъ чужимъ именемъ, мчится въ Петербургъ, чтобы увѣрить Русскаго Императора въ содѣйствіи Пруссіи, Наполеонъ продолжаетъ запугивать короля. Привожу опять слова Сореля: „La Prusse avait signé la tête basse, sous le canon de Davoust; elle déchirera le traité, brutalement, sous le canon russe". Когда все уже потеряно, и союзъ съ Франціей заключенъ, Фридрихъ-Вильгельмъ посылаетъ къ Александру полковника фонъ-Кнезебека (Knesebeck) съ собственноручнымъ письмомъ, полнымъ словъ отчаянія, но живѣйшей дружбы навѣки. Написанныя строки заслуживаютъ вниманія: „Si la guerre éclate, nous ne nous ferons de mal que ce qui sera d'une nécessité stricte; nous rappellerons toujours que nous serons *unis*, que *nous devons un jour redevenir alliés* et, tout en cédant à une fatalité irrésistible, nous conserverons la liberté et la sincérité de nos sentiments, etc., etc." (31 mars 1812). Русскій Государь отнесся къ Пруссіи съ обычнымъ благоволеніемъ, вѣря и въ изліянія дружбы, и въ рокъ судьбы. Дѣла съ Австріей были тоже закончены съ наилучшимъ успѣхомъ при трудныхъ обстоятельствахъ. Эта держава гарантировала, что австрійскій

корпусъ князя Шварценберга, силою въ 30/т. человѣкъ, входившій въ составъ великой арміи, будетъ почти бездѣйствовать. 25 апрѣля австрійскій представитель въ Петербургѣ Лебцельтернъ (Lebzeltern) въ наисекретнѣйшей нотѣ своего правительства, которую по полученіи было приказано, не медля, сжечь, сообщалъ, что Австрія приметъ участіе въ войнѣ „de pure apparence“ и, что если Россія сама не дастъ плодовъ къ разногласію, то „la Russie n'a rien à craindre“. А 14 марта, т.-е. за мѣсяцъ до этого, Австрія уже была принуждена тоже заключить союзъ съ Наполеономъ, но при такихъ условіяхъ, которыя мало его удовлетворили, несмотря на родственныя узы съ императоромъ Францомъ.

5 апрѣля былъ заключенъ Россіей окончательный союзный договоръ съ Швеціей, при чемъ Александръ собственноручно написалъ замѣчательное письмо русскому уполномоченному, генералу Сухтелену, выяснявшее цѣлую программу. „Le grand plan sur la réunion des slaves pour faire une diversion contre l'Autriche et les possessions françaises de l'Adriatique; armer les déserteurs allemands, les déserteurs slaves; des grands armements maritimes dans l'Adriatique et la Baltique; une attaque à fond en Portugal et en Espagne *), tandis que Napoléon sera engagé entre la Vistule et le Niémen; diversion à Naples; blocus de Corfou; inquiéter toutes les côtes; des expéditions en Zélande et en Danemark. *La guerre qui va éclater en est une pour l'indépendance des nations*. Le rôle de l'Angleterre est d'y contribuer par les armements maritimes et en faisant *le caissier*“ (24 mars 1812) **).

Эта „indépendance des nations“ стала скоро Leitmotif'омъ многихъ. Но еще 29 марта/10 Апрѣля 1812 года Александръ Павловичъ завѣрялъ Лористона, что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія

*) Испанскими дѣлами вѣдалъ также Р. А. Кошелевъ. Въ приложеніяхъ напечатана его переписка съ Зеа де-Бермудесъ (Zea de Bermudez), испанцемъ, часто бывавшимъ въ Петербургѣ и бывшимъ представителемъ интересовъ короля Фердинанда VII.

**) См. Мартенса „Traités de la Russie“.

затѣвать войны, а 8/20 апрѣля Государь выѣхалъ въ Вильну, „pour une tournée d'inspection des troupes", какъ еще думалъ наивный французскій посолъ.

Тѣмъ временемъ Наполеонъ не дремалъ; закончивъ быстро всѣ дѣла въ Парижѣ, онъ направился 9 мая въ Дрезденъ. Прекрасно описалъ покойный историкъ Сорель все то, что теперь грезилось Наполеону. „Le 9 mai il partit pour Dresde, et jeté, dès lors, dans l'entreprise, il ne vit plus, dans le travail quotidien, que le premier plan, la marche des armées, travail précis, minutieux, méthodique, à base solide, au but déterminé, qui l'apaisait. La marche à l'abîme, avec chevaux et équipages; sur la chaussée, à perte de vue, les cavaleries, les artilleries, l'immensité du train, les colonnes sans fin des fantassins, absorbaient sa pensée; elle se fixait aux étapes et, comme les arbres empêchent de voir la forêt, le déroulement continuel des hommes, des bêtes et des machines cachait le gouffre où ils s'enfonceraient. Puis dans les heures de détente, dans l'intervalle des calculs positifs, les percées sur l'horizon où son imagination l'avait toujours entraîné, le devançant toujours, si loin qu'il se portât".

Одновременно послѣдовала ратификація мира съ Турціей; Россія сохранила Бессарабію и очистила отъ своихъ войскъ Молдавію и Валахію (16/28 мая). Наполеонъ отправилъ своего адъютанта Нарбонна 6/18 мая къ Александру съ послѣдними увѣщаніями мира. Ему было повторено, что „я никогда первый не подыму меча и буду ждать васъ на моей границѣ", и, указавъ на лежащую на столѣ карту, нашъ Государь сказалъ Нарбонну: „Если Наполеонъ будетъ воевать, и счастіе ему улыбнется, вопреки справедливымъ цѣлямъ, преслѣдуемымъ русскими, ему придется подписывать мирныя условія у Берингова пролива". Узнавъ, что императоръ французовъ перешелъ Нѣманъ, Александръ послалъ ему письмо съ генералъ-адъютантомъ Балашовымъ: „Que Votre Majesté consente à retirer ses forces du territoire russe, je regarderai ce qui s'est passé comme non avenu. Au cas contraire, je m'engage

sur l'honneur à ne plus traiter de la paix jusqu'au jour où le sol de la Russie sera entièrement purgé de la présence de l'ennemi". Въ устахъ Александра первая часть записки звучала фальшиво, такъ какъ онъ отлично зналъ и понималъ, что Наполеону поздно было перемѣнять рѣшенія; что же касается второй части, — она дышала достоинствомъ и величіемъ.

Чтобы поднять народный духъ, возбудить любовь къ дорогой родинѣ и возвышенно настроить всю Россію въ борьбѣ съ нашествіемъ иноплеменниковъ, Александръ сдѣлалъ все, что могъ. Пламенные манифесты и возванія къ русскому народу чередовались одинъ за другимъ и были написаны мастерски, понятнымъ для каждаго языкомъ, ясно, твердо и внушительно. Для Москвы былъ избранъ графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, въ качествѣ главнокомандующаго древней столицы, на мѣсто престарѣлаго и дряхлаго фельдмаршала графа Гудовича. Выборъ былъ весьма удачный. Ростопчинъ сумѣлъ въ короткое время наэлектризовать все населеніе цѣлымъ рядомъ удачныхъ мѣръ, дѣйствовавшихъ на воображеніе москвичей и простого народа. Замѣнившій въ должности государственнаго секретаря Сперанскаго адмиралъ А. С. Шишковъ прекрасно владѣлъ перомъ, и ему было поручено составленіе манифестовъ. Русскія войска раздѣлены на три арміи: первая западная дана военному министру Барклаю-де-Толли, вторая западная — князю Багратіону, наконецъ, третья генералу Тормасову, и къ нему шли на соединеніе войска адмирала Чичагова, изъ Молдавіи. Первоначальное рѣшеніе Государя было находиться при дѣйствующихъ войскахъ, но эту мимолетную ошибку Его Величество быстро исправилъ.

Пріѣхавъ въ Вильну 14/26 апрѣля съ многочисленной свитой, въ составѣ которой изъ прежнихъ лицъ находились лишь князь П. М. Волконскій, графъ Н. А. Толстой и докторъ Вилліе, Александръ былъ теперь окруженъ самой пестрой толпой ненавистниковъ Наполеона. Рядомъ съ разочарованнымъ Румянцевымъ и

всегда выдержаннымъ Кочубеемъ, здѣсь встрѣтились всѣ недавніе враги Сперанскаго, въ лицѣ Аракчеева, Балашова, Шишкова и Армфельда; затѣмъ копошились обиженные Бонапартомъ нѣмцы, какъ Штейнъ и Фуль, съ другими нѣмцами, носившими русскіе мундиры, какъ Беннигсенъ, Дибичъ и Толь; потомъ всякіе англичане, шведы, итальянцы, приверженцы разныхъ павшихъ Бурбоновъ, въ родѣ Вильсона, Паулуччи, Мишо и Сенъ-При. Всѣ горѣли нетерпѣніемъ, при помощи *русскихъ* штыковъ, сразить владычество тирана, сына великой революціи, давали совѣты, вмѣшивались во все и только тормозили работу. Истинно русскіе воины скорбѣли и негодовали, чему служитъ нагляднымъ доказательствомъ переписка Багратіона, Ермолова, Д. Давыдова, Раевскаго и другихъ. Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ Вильнѣ, Александръ поѣхалъ черезъ Свенцяны въ укрѣпленный лагерь у Дриссы, гдѣ пробылъ довольно долго, но вскорѣ, внявъ совѣтамъ Шишкова и Балашова, при условной поддержкѣ Аракчеева, рѣшился покинуть армію и направиться въ Москву. Восторгъ населенія, при появленіи Александра въ Москвѣ, былъ неимовѣрный. Все это подробно и живо разсказано у Шильдера. Недѣльное пребываніе Государя въ Первопрестольной столицѣ оставило глубокое впечатлѣніе не только на жителяхъ Москвы, но и на самомъ Государѣ, только тогда сознавшемъ всю мощь русскаго народа, на которую онъ часто возлагалъ надежды, но не всегда вѣрилъ. Отнынѣ восторженное настроеніе Александра шло, повышаясь съ каждымъ днемъ; послѣдовало что-то въ родѣ Божественнаго откровенія, и душа его всецѣло отдалась Провидѣнію, завѣты котораго ему открылись, и сердце повелителя Россіи, его умъ, его помышленія стали какъ-бы даромъ небесъ; то, что прежде было покрыто мракомъ, теперь прояснилось, благодаря благословенію Всевышняго. По крайней мѣрѣ, Александръ Павловичъ именно такъ объяснялъ себѣ это настроеніе и впослѣдствіи неоднократно говорилъ и писалъ о душевномъ

переворотѣ, происшедшемъ съ нимъ въ Москвѣ лѣтомъ 1812 года. Вотъ когда явились первые зачатки мистицизма и тѣхъ чувствъ, которыя привели къ идеѣ Священнаго союза. Мы особенно настаиваемъ на этомъ выводѣ, такъ какъ онъ намъ кажется правильнымъ и логичнымъ.

Покинувъ Москву, Александръ 22 іюля заѣхалъ въ Тверь къ любимой сестрѣ и вернулся въ Петербургъ уже въ обликѣ новаго Александра. Тутъ ему встрѣтилась госпожа Сталь (Staël), проѣздомъ въ Швецію, которую Государь безъ труда очаровалъ, получивъ отъ нея потоки комплиментовъ и поощреній въ начатой борьбѣ. Такого рода изліянія превратятся вскорѣ въ обычное явленіе, но на первыхъ порахъ эти изліянія дѣйствовали ободрительно на Александра, удовлетворяя чувство самолюбія и пріятно отражаясь на его воображеніи.

Здѣсь же, на Каменноостровской дачѣ, было рѣшено и подписано назначеніе фельдмаршала М. И. Кутузова главнокомандующимъ арміями, столь давно желанное и необходимое, для сосредоточенія управленія войсками въ однѣхъ рукахъ. Александръ не любилъ Михаила Иларіоновича, не забывъ ему Аустерлица, и мало уважалъ его, какъ человѣка. Императоръ сумѣлъ, однако, побороть нехорошія чувства, и въ этомъ заключается его главная заслуга.

Что назначеніе Кутузова (8 августа) послѣдовало своевременно, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Нелады между Барклаемъ и Багратіономъ дошли до высшихъ предѣловъ и дѣйствовали особенно пагубно на духъ нашихъ войскъ. Здѣсь умѣстно привести два письма князя Багратіона къ Аракчееву, дающія ясную картину происходившаго.

Первое безъ даты, но, вѣроятно, писано въ іюлѣ, второе— на маршѣ, 7 августа, изъ села Михайловки.

1) „Милостивый Государь, графъ Алексѣй Андреевичъ, я ни въ чемъ не виноватъ! Растянули меня, какъ кишку, сперва по кордонному. Непріятель ворвался къ намъ безъ выстрѣла, мы

начали отходить, не вѣдаю за что. Никого не увѣришь ни въ арміи, ни въ Россіи, чтобы мы не были проданы; я одинъ всю Россію защищать не могу. 1-я армія тотчасъ должна отойти и наступать къ Вильнѣ непремѣнно, чего боятся. Я весь окруженъ и куда проберусь, заранѣе сказать не могу, что Богъ дастъ, и дремать не стану, развѣ здоровье мое мнѣ измѣнитъ, уже нѣсколько дней очень чувствую. Я васъ прошу непремѣнно наступать на непріятеля, а то худо будетъ и отъ непріятеля, и, можетъ-быть, и дома, шутить не должно, и русскіе не должны бѣжать. Это хуже пруссаковъ мы стали. Я найду себѣ пунктъ продраться, конечно, и съ потерею. Но вамъ стыдно, имѣвши взадъ укрѣпленный лагерь, фланги свободны, а противъ васъ слабые корпуса, надо атаковать. Мой хвостъ всякій день теперь въ дракѣ, и на Минскъ, и на Вилейку мнѣ не можно пройти отъ лѣсовъ, болотъ и мерзкихъ дорогъ. Я не имѣю покоя и не живу для себя, Богъ свидѣтель, радъ все дѣлать, но надо имѣть совѣсть и справедливость. Вы будете отходить назадъ, а я все пробивайся! Ежели для того, что фигуру мою истрепать, то лучше избавить меня *отъ ерма, которое на шеѣ* моей, а пришли другого командовать. Не за что войска мучить, безъ цѣли, безъ продовольствія. Совѣтую наступать тотчасъ, не слушаясь никого. Пуля баба, штыкъ молодецъ: такъ, я думаю, остроуміе господина Фуля, что дѣлаетъ насъ бабой.

„Пожалѣйте Государя и Россію! Зачѣмъ предаваться законамъ непріятельскимъ тогда, когда мы можемъ ихъ побѣдить весьма легко. Можно сдѣлать, приказать двинуться все впередъ, сдѣлать сильную рекогносцировку кавалеріей и наступленіе цѣлой арміи. Вотъ и честь, и слава, иначе, я васъ увѣряю, вы не удержитесь и въ укрѣпленномъ лагерѣ; онъ на васъ не нападетъ въ лобъ, но обойдетъ. Наступайте, ради Бога, войска ободрятся; уже нѣсколько приказовъ дали, чтобы драться, а мы бѣжимъ! Вотъ вамъ моя откровенность и привязанность къ Государю моему и Отечеству

моему. Если не нравится, избавьте меня, а я не хочу быть свидѣтелемъ худыхъ послѣдствій. Хорошо ретироваться 100 верстъ, а не 500! Видно есть злодѣи Государя и Россіи, что гибель намъ предлагаютъ. Итакъ, прошеніемъ я вамъ все сказалъ, какъ русскій русскому, но если умъ мой иначе понимаетъ, прошу простить.

Б.“ *)

2) „Я думаю, что министръ (т.-е. Барклай) уже рапортовалъ объ оставленіи непріятелю Смоленска; больно, грустно, и вся армія въ отчаяніи. Что самое важное мѣсто понапрасну бросили, я, съ моей стороны, просилъ лично его убѣдительнѣйшимъ образомъ, наконецъ, и писалъ, но ничто его не согласило. Я клянусь вамъ моею честію, что Наполеонъ былъ въ такомъ *мѣшкѣ*, какъ никогда, и онъ бы могъ потерять половину арміи, но не взять Смоленска. Войска наши такъ дрались и такъ дерутся, какъ никогда. Я сдержалъ съ 15/т. болѣе 35 часовъ и билъ ихъ, но онъ не хотѣлъ остаться и 14 часовъ! Это стыдно, и пятно для арміи нашей, а ему самому, мнѣ кажется, и жить на свѣтѣ не должно. Ежели онъ доноситъ, что потеря велика — неправда, можетъ-быть, около 4 тыс., не болѣе, но и того нѣтъ. Хотя бы и десять, какъ быть войнѣ! Но зато непріятель потерялъ бездну. Наполеонъ какъ ни старался и какъ жестоко ни форсировалъ, и даже давалъ и обѣщалъ большія суммы начальникамъ, только бы ворваться, но вездѣ опрокинуты были. Артиллерія наша, кавалерія моя, истинно такъ дѣйствовали, что непріятель сталъ въ пень. Что бы стоило еще остаться два дня, по крайней мѣрѣ, — они бы сами ушли, ибо не имѣли воды напоить людей и лошадей. Онъ далъ слово мнѣ, что не отступитъ, но вдругъ прислалъ диспозицію, что они въ ночь уходятъ. Такимъ образомъ воевать не можно, и можемъ непріятеля привести скоро въ Москву.

*) Военно-Ученый Архивъ Главнаго Штаба, отдѣлъ I, № 693.

Въ такомъ случаѣ не надо медлить Государю. Гдѣ что есть новаго войска, тотчасъ собирать въ Москву, какъ изъ Калуги, Тулы, Орла или изъ Твери, гдѣ они только есть, и быть московскимъ въ готовности. Я увѣренъ, что Наполеонъ не пойдетъ въ Москву скоро, ибо онъ усталъ, кавалерія его тоже, и продовольствіе его не хорошо.

„Но на сіе смотрѣть не должно, а надо спѣшить непріятелю готовить людей по крайней мѣрѣ сто тысячъ, съ тѣмъ, что если онъ приблизится къ столицѣ, всѣмъ народомъ на него повалиться, или побить, или у стѣнъ отечества лечь. Вотъ какъ я сужу иначе нѣтъ способа. Слухи носятся, что вы думаете о мирѣ. Чтобы помириться, Боже сохрани, на сіе все же пожертвовали и послѣ такихъ сумасбродныхъ отступленій сдаться!? Вы поставите всю Россію противъ себя, и всякій изъ насъ за стыдъ поставитъ мундиръ носить. Ежели уже такъ пошло, надо драться, пока Россія можетъ, и пока люди на ногахъ. Ибо война теперь не обыкновенная, а *національная,* и надо поддержать честь свою и всю славу манифестовъ и приказовъ данныхъ! Надо командовать одному надъ двумя. Вашъ министръ, можетъ, хорошій по министерству, но генералъ не то что плохой, но дрянной, а ему отдали судьбу всего нашего отечества! Я право съ ума схожу отъ досады и, простите меня, дерзко пишу; видно, тотъ не любитъ Государя и желаетъ гибели намъ всѣмъ, кто совѣтуетъ заключить миръ и командовать арміею министру!

„Итакъ, я пишу вамъ правду, готовьтесь ополченіемъ, ибо министръ самымъ мастерскимъ образомъ ведетъ въ столицу за собою гостя. Большое подозрѣніе подаетъ всей арміи флигель-адъютантъ Вольцогенъ; онъ, говорятъ, болѣе Наполеона, нежели... и онъ все совѣтуетъ министру. Министръ Барклай на меня жаловаться не можетъ: я не токмо учтивъ противъ него, но и повинуюсь, хотя и старше его. Это больно, но, любя моего благодѣтеля и Государя, повинуюсь. Только жаль Государя, что ввѣряетъ

такимъ славную армію! Вообразите, что нашей ретирадой мы потеряли людей отъ усталости и въ госпиталяхъ болѣе 15/т., а ежели бы наступали, того бы не было! Скажите, ради Бога, что намъ Россія, наша Мать, скажетъ, что такъ страшимся, и за что такое доброе и усердное отечество отдается сволочамъ и вселяетъ въ каждаго подданнаго ненависть и посрамленіе? Чего трусить и кого бояться. Я не виноватъ, что министръ нерѣшимъ, трусъ, безтолковъ, медлителенъ, имѣетъ всѣ худыя качества. Вся армія плачетъ совершенно и ругаетъ его насмерть. Бѣдный Паленъ отъ грусти въ горячкѣ умираетъ, Кноррингъ кирасирскій умеръ вчерась, ей Богу бѣда, и все отъ досады и грусти съ ума сходятъ!

„Спѣшите прислать намъ больше людей на укомплектованіе, милицію лучше раздать намъ въ полки, мы ихъ перемѣшаемъ, и гораздо лучше, а ежели однихъ пустить, плохо будетъ, давайте и конныхъ нужна кавалерія. Вотъ мое чистосердечіе! Завтра я буду съ арміей въ Дорогобужѣ и тамъ остановлюсь. И первая армія за мною тащится. Не посмѣла она остаться съ 90/т. у Смоленска.

„Охъ грустно, больно, никогда мы такъ обижены и огорчены не были, какъ теперь. Вся надежда на Бога! Я лучше пойду солдатомъ въ сумѣ воевать, нежели быть главнокомандующимъ и съ Барклаемъ. Вотъ я вашему сіятельству всю правду описалъ, яко старому министру, а нынѣ дежурному генералу и всегдашнему доброму пріятелю. Простите.

Всепокорный слуга князь Багратіонъ".

7 августа 1812 г.,
на маршѣ -село Михайловка.

Хотя Багратіонъ былъ родомъ грузинъ, но разсуждалъ, какъ русскій человѣкъ, можетъ-быть, ошибался, какъ воинъ, а чувствовалъ вѣрно. То же думали многіе другіе, и это своевременно понялъ Государь, честь ему и слава!

Почти одновременно, т.-е. 2 августа, Алексѣй Петровичъ Ермоловъ написалъ князю Багратіону замѣчательное письмо, полное

чувствъ самой оживленной любви къ родинѣ, которое наглядно показываетъ, какъ въ трудную годину Отечественной войны были настроены нѣкоторые генералы, и какъ они понимали свой долгъ на службѣ въ ту тяжелую пору.

Ермолову было всего 35 лѣтъ, онъ всегда отличался вполнѣ русскими чувствами и старался держать высоко знамя всего русскаго, что впослѣдствіи на дѣлѣ показалъ на Кавказѣ.

Вотъ его письмо: „Несправедливо вините вы меня, благодѣтель мой, будто бы я началъ писать дипломатическимъ штилемъ. Я вамъ говорю, какъ человѣку, имя котораго извѣстно всѣмъ и всюду, даже въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ Россіи, тому, на котораго, не безъ основанія, отечество полагаетъ надежду свою, человѣку, высокоуважаемому Государемъ и пользующемуся его довѣріемъ. Вы соглашаетесь на предложеніе военнаго министра; не хочу сказать, чтобы вы ему повиновались, но пусть будетъ такъ! Въ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся, я на колѣняхъ умоляю васъ, ради Бога, ради отечества, писать Государю и объясниться съ нимъ откровенно. Вы этимъ исполните обязанность свою относительно Его Величества и оправдаете себя передъ Россіей.

„Я молодъ; мнѣ не станутъ вѣрить; если же буду писать — не заслужу вниманія; буду говорить — почтутъ недовольнымъ и охуждающимъ все; повѣрьте, ваше сіятельство, это меня не устрашаетъ. Когда гибнетъ все, когда отечеству грозитъ не только срамъ, но и величайшая опасность, тамъ нѣтъ ни боязни частной, ни выгодъ личныхъ. Я не боюсь и не скрою отъ васъ, что писалъ; но молчаніе, слишкомъ долго продолжающееся, служитъ уже доказательствомъ, что мнѣніе мое почитается мнѣніемъ молодого человѣка. Однако, я не робѣю; буду еще писать; изображу все, что вы сдѣлали, и въ чемъ встрѣчены вами препятствія. Я люблю васъ слишкомъ горячо; вы всегда благодѣтельствовали мнѣ; а потому я спрошу у Его Величества, писали ли вы къ нему

или хранили виновное молчаніе? Въ послѣднемъ случаѣ, достойнѣйшій начальникъ, вы будете кругомъ виноваты.

„Если вы уже не хотите, какъ человѣкъ, постигающій ужасное положеніе, въ которомъ мы теперь находимся, продолжать командованіе арміей, я, при всемъ уваженіи моемъ къ вамъ, буду называть и считать васъ не великодушнымъ.

„Принесите ваше самолюбіе въ жертву погибающему отечеству нашему; уступите другому и ожидайте, пока не назначится человѣкъ, какого требуютъ обстоятельства.

„Пишите, ваше сіятельство, или молчаніе ваше будетъ ужасно обвинять васъ".

Въ срединѣ августа произошла встрѣча Александра въ Або съ Бернадоттомъ, „это составляло истинное дипломатическое торжество Государя, исключительно ему одному принадлежащее", говоритъ Шильдеръ, „потому что обезпечивало неприкосновенность Финляндіи и успѣхъ дальнѣйшей борьбы съ Наполеономъ". За мѣсяцъ до этого были подписаны союзный договоръ съ Испаніей и мирный трактатъ съ Англіей въ Эребро. Мы не будемъ описывать подробностей Отечественной войны—это не входитъ въ нашу задачу. Вскорѣ, а именно 26 августа, произошло Бородинское побоище. Побѣда не осталась ни на чьей сторонѣ, но въ виду того, что русскія войска отступили, Наполеонъ приписалъ побѣду себѣ. Кутузовъ отступилъ за Можайскъ. Послѣдовалъ знаменательный военный совѣтъ въ Филяхъ. Рѣшенія его извѣстны. Приходилось сдать Москву непріятелю. Ростопчинъ негодовалъ, но покорился судьбѣ, предавъ городъ огню и разоренію. Впечатлѣніе о въѣздѣ въ оставленную Москву Наполеона удручило Россію и Александра. Но правъ былъ старикъ Кутузовъ, писавшій въ донесеніи Государю, что „вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи. Напротивъ того, съ арміей дѣлаю я движенія на Тульской дорогѣ. Сіе приведетъ меня въ состояніе прикрывать пособія, въ обильнѣйшихъ нашихъ губерніяхъ заго-

товленныя. Всякое другое направленіе пресѣкло бы мнѣ оныя и связь съ арміями Тормасова и Чичагова, и т. д.". Чаша раздраженія Русскаго Императора дошла до высшаго предѣла. Полковнику Мишо приказано передать Кутузову и войскамъ, что борьба будетъ продолжаться съ новымъ ожесточеніемъ и безъ всякаго милосердія, пока хоть одинъ французъ останется на русской землѣ. Тому же Мишо была сказана извѣстная фраза: „Наполеонъ или я; я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать; *я научился понимать его, онъ болѣе не обманетъ меня*".

Письмо Бонапарта, что не онъ виноватъ въ сожженіи Москвы, осталось безъ отвѣта, а Бернадотту Александръ, между прочимъ, сообщивъ о паденіи Первопрестольной столицы и о письмѣ Наполеона, прибавилъ, говоря о письмѣ, „qu'elle ne contenait d'ailleurs que des fanfaronnades". И Татищевъ замѣчаетъ: „Mot dur, il se peut, mais il rend bien le sentiment qui, désormais, remplissait seul l'âme d'Alexandre envers celui dont l'amitié lui avait paru un jour un bienfait des dieux".

Намъ кажется, что если у Александра сорвалось когда-либо подобное выраженіе—„le bienfait des dieux", то оно было лишь одной „fanfaronnade", то-есть именно тѣмъ, чѣмъ Александръ въ данную минуту заклеймилъ своего соперника. Но истинной дружбы (amitié) никогда не было и быть не могло.

О томъ, какъ судили современники о взятіи Москвы, можно, между прочимъ, видѣть изъ тогдашней переписки военныхъ съ ихъ семьями; нѣкоторые приходили въ отчаяніе, другіе, напротивъ того, разсуждали здраво.

Такъ, гр. П. А. Строгановъ писалъ своей женѣ отъ 13 сентября изъ Красной Пахры: „Certainement, l'occupation de Moscou par l'ennemi est affreuse, néanmoins s'il est possible de mettre de côté le triste spectacle de notre antique capitale prostituée aux souillures du monstre qui l'occupe et de considérer cette calamité du point de vue militaire abstrait, on en tirera de consolantes conclusions.

Je crois que ce succès, loin de lui avoir été favorable, l'a mis dans des embarras qu'il ignorait auparavant. Cela vaut la peine d'être approfondi, et voilà comment je l'explique: cet homme a cru fermement, et il a persuadé toute son armée, à la faveur de cette illusion, que toutes les fatigues dont il les a accablés jusqu'à ce jour prenaient un terme, que Moscou était le but final, que c'est à Moscou qu'il trouverait la paix et l'abondance, que de là il partirait agrandi pour subjuguer les parties de l'Europe qui lui résistaient encore. Il y est arrivé, mais il n'a trouvé que des monceaux de cendre, débris d'incendies; le tout allumé de nos propres mains. Personne ne lui parle de paix et, de même qu'un père qui tuerait plutôt sa fille que de la voir déshonorée, nous anéantissons Moscou au moment où nous ne pouvions plus la défendre. Il n'était guère habitué à de pareilles réceptions dans les autres capitales de l'Europe; même celle d'Espagne a été plus aimable, et le voilà terriblement désappointé"... *).

А вотъ и голосъ не военнаго, Н. М. Лонгинова, въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову, случайно отъ того же 13 сентября 1812 года **):

„Увы, Москва не спасена, несмотря на 26 августа, стоившее намъ до 30.000 героевъ! Богъ знаетъ, что впередъ случится... Ваше сіятельство еще до полученія сего узнаете о вступленіи французовъ въ Москву. Сіе случилось вслѣдствіе военнаго совѣта, который былъ созванъ и въ коемъ Беннигсенъ и Коновницынъ предлагали защищать Москву; прочіе всѣ были за то, чтобы оставить оную, въ томъ числѣ и князь Кутузовъ, несмотря на то, что при отъѣздѣ отсюда и по прибытіи въ армію онъ объявилъ, что непріятель не иначе вступитъ въ сію древнюю столицу, какъ по его мертвому трупу ***). Видно, были важныя причины, кои

*) См. „Гр. П. А. Строгановъ", т. III.

**) См. Русскій Архивъ, 1882 г., т. II, стр. 177.

***) Едва ли Кутузовъ могъ такъ опрометчиво выражаться, въ бытность свою въ Петербургѣ. Онъ былъ слишкомъ остороженъ и врядъ ли говорилъ эти слова.

заставили отступить и не привести въ дѣйствіе первоначальнаго плана защищать ее, какъ Сарагоссу. Если то справедливо, что сначала Кутузовъ отступилъ 15 верстъ по Рязанской и Тульской дорогамъ, а теперь опять лѣвымъ крыломъ занялъ Можайскъ, то можетъ статься, что непріятель обойденъ и долженъ выйти, чтобъ открыть себѣ путь, ибо Нижегородская, Ярославская, Костромская, Владимірская и другія милиціи могутъ ему попрепятствовать итти далѣе со всѣми силами, особливо имѣя въ тылу цѣлую армію, недавно съ успѣхомъ сражавшуюся подъ Можайскомъ...

„Многія письма, кои я самъ видѣлъ, полагаютъ, что дѣла наши черезъ отдачу Москвы много выиграли“...

Немного позже, изъ Лондона, графъ С. Р. Воронцовъ сообщалъ свои впечатлѣнія въ слѣдующихъ словахъ: „Quelle nation! comme elle a été peu connue, non seulement des étrangers, mais même de son propre gouvernement, qui croit que nous avons *besoin des Allemands* et que sans les Finnois, les Prussiens et les Wurtembergeois, qui remplissent la Cour et tous les départements, la Russie serait perdue!“ *).

Если обратиться къ свидѣтельству самого Императора Александра, то необходимо вернуться къ достопамятному письму его къ сестрѣ Екатеринѣ отъ 18 сентября 1812 года. Цѣликомъ мы приводить его не будемъ, но должны обратить вниманіе на нѣкоторыя мѣста этого замѣчательнаго откровенія съ лицомъ, которому Александръ менѣе всего стѣснялся излагать свои истинныя чувства и намѣренія **).

„...Que peut faire un homme plus que de suivre sa meilleure conviction? C'est elle seule qui m'a guidé. C'est elle qui m'a fait nommer Barclay au commandement de la 1-re armée sur la réputation

*) См. Архивъ кн. Воронцова, т. VIII.

**) См. „Переписка Императора Александра I съ сестрой великой княгиней Екатериной Павловной“, Петербургъ, 1910.

qu'il s'était faite pendant les guerres passées contre les Français et les Suédois. C'est elle encore qui m'a fait penser qu'il était supérieur en connaissances à Bagration. Quand cette conviction s'est encore augmentée par les fautes capitales que ce dernier a faites pendant cette campagne et qui ont amené en partie nos revers, moins que jamais je l'ai cru propre à commander les deux armées réunies sous Smolensk. Quoique peu content de ce que j'ai été dans le cas de voir de Barclay, je le croyais moins mauvais que l'autre en fait de stratégie, dont l'autre n'a aucune idée. Enfin je n'en avais pas un meilleur à y mettre, dans cette même conviction, alors...

„A Pétersbourg, j'ai trouvé tous les esprits prononcés pour la nomination du vieux Koutouzoff au commandement en chef: c'était le cri général. La connaissance que j'ai de cet homme m'y a fait répugner d'abord, mais quand, par la lettre du 5 août, Rostoptchine m'a mandé que tout Moscou désire que Koutouzoff commande, trouvant Barclay et Bagration tous les deux incapables de le faire, et, sur ces entrefaites, comme exprès, Barclay n'ayant fait que sottises sur sottises auprès de Smolensk, je n'ai pu faire autre chose que céder aux vœux unanimes, et j'ai nommé Koutouzoff... J'en viens maintenant à un article qui me tient de plus près: c'est sur mon honneur personnel. Je vous avoue, chère amie, qu'il m'est plus pénible encore de toucher cette corde et que, du moins à vos yeux, je le croyais intact. Je ne puis pas même croire que, dans votre lettre, il soit question de ce courage personnel que chaque simple soldat sait avoir et auquel je n'attache aucun mérite... Mais ce que je ne puis comprendre, c'est que vous qui, dans vos lettres à Georges à Vilna, vouliez me faire partir de l'armée, vous qui, dans celle du 5 août, me dites: „Pour Dieu, n'adoptez pas le parti de vouloir commander vous-même, car il faut sans perte de temps un chef en qui la troupe ait confiance, et, sous ce rapport, vous n'en pouvez inspirer aucune; d'ailleurs, si l'échec vous arrivait à vous-même, ce serait un mal irréparable pour le sentiment qu'il causerait", après

avoir ainsi posé pour fait que *je ne puis inspirer aucune confiance,* je ne puis comprendre, dis-je, ce que vous voulez me dire dans votre dernière lettre par: „Sauvez votre honneur qui est attaqué. Votre présence peut vous ramener les esprits“. Est-ce ma présence à l'armée que vous entendez par là? Et comment concilier ces deux avis si opposés entre eux?

„Après avoir porté en sacrifice à l'utilité mon amour-propre personnel en quittant l'armée, parce qu'on prétendait que j'y étais nuisible, que j'ôtais toute responsabilité aux généraux, que je n'inspirais aucune confiance aux troupes, que des revers imputés à moi étaient plus fâcheux que ceux imputés à mes généraux, jugez vous-même, ma bonne amie, combien il doit m'être douloureux d'entendre que mon honneur se trouve attaqué, quand je n'ai fait que ce qu'on a voulu en quittant l'armée tandis que je n'avais pas d'autre désir que d'y rester, et que j'étais fermement résolu d'y retourner avant la nomination de Koutouzoff, et quand je n'y ai renoncé qu'après cette nomination, en partie par le souvenir de ce que le caractère courtisan de cet homme avait produit à Austerlitz et en partie en suivant vos propres conseils et ceux de plusieurs autres du même avis que vous.

„Si vous me demandez pourquoi je ne suis pas allé à Moscou, je vous dirai que jamais je n'ai pris d'engagements, ni n'ai donné de promesse d'y venir. Rostoptchine m'a beaucoup prié dans ses lettres de le faire, mais c'était avant la retraite de Smolensk, par conséquent quand, par mon voyage en Finlande, j'étais dans l'impossibilité de le faire. Par contre, après, dans sa lettre du 14 août, il me dit: „Maintenant, Sire, j'en viens au plus important, c'est-à-dire à votre voyage ici. Il n'y a aucun doute que votre présence ici n'excite encore plus d'enthousiasme, mais si, avant votre arrivée, les événements ne sont pas à notre avantage, votre personne augmenterait encore l'inquiétude générale, et, comme il ne vous convient pas de courir des risques en vous exposant, il serait mieux que vous preniez la résolution de retarder votre départ de Pétersbourg jusqu'à

la réception de quelques nouvelles qui changeraient en bien l'état actuel des choses.

„A présent examinons un peu si je pouvais venir à Moscou? Dès qu'une fois on avait posé pour principe que ma personne à l'armée faisait plus de mal que de bien, l'armée se rapprochant de Moscou après sa retraite de Smolensk, pouvais-je décemment me trouver à Moscou?....

„Quant à moi, chère amie, tout ce dont je puis répondre, c'est de mon cœur, de mes intentions et de mon zèle pour tout ce qui peut tendre au bien et à l'utilité de ma patrie, d'après ma meilleure conviction. Quant au talent, peut-être je puis en manquer, mais il ne se donne pas: c'est un bienfait de la nature et personne ne se l'est jamais procuré. Secondé aussi mal que je le suis, manquant d'instruments dans toutes les parties, menant une machine si énorme, dans une crise terrible et contre un antagoniste infernal, qui à la plus horrible scélératesse joint le talent le plus éminent et se trouve secondé par toutes les forces de l'Europe entière et par une masse d'hommes à talents qui se sont formés pendant 20 ans de guerre et de révolution, on sera obligé de convenir, si on veut être juste, qu'il n'est pas étonnant que j'éprouve des revers. Vous vous rappelez que souvent nous les avons prévus en causant avec vous deux; la perte même des deux capitales a été crue possible, et c'est la *persévérance seule* qui a été jugée devoir être le remède aux maux de cette cruelle époque. Loin de me décourager malgré tous les déboires dont je me trouve abreuvé, je suis résolu plus que jamais à persévérer dans la lutte, et tous mes soins sont employés à ce but"...

Здѣсь, какъ нельзя яснѣе, Александръ высказалъ не только вполнѣ опредѣленные взгляды на военноначальниковъ, но и на свою роль въ пережитыхъ событіяхъ. Все было взвѣшено, соображено и рѣшено на столько мудро, на сколько требовали обстоятельства даннаго момента. Если сопоставить письма графа П. А. Строганова, Лонгинова, графа С. Р. Воронцова и раньше приведенныя

письма князя Багратіона и Ермолова, выражавшихъ, каждый по своему, обстановку и настроеніе, то намъ кажется, что лучше ихъ всѣхъ разсуждалъ самъ Государь.

Система, принятая Его Величествомъ и княземъ Кутузовымъ, не отвѣчать болѣе на предложенія Наполеона и избѣгать излишнихъ столкновеній въ полѣ, дала вскорѣ благіе результаты.

6/18 октября началось отступленіе великой арміи, и 9/21 уже всѣ французы покинули Москву. Ихъ бѣдствія не замедлили проявиться. Скоро настали холода, зима обѣщала быть особенно суровой, пошли морозы, дороги испортились, русскія войска тревожили непріятеля со всѣхъ сторонъ, при чемъ болѣе остальныхъ отличались донскіе казаки и партизанскіе отряды. Тѣснимый отовсюду, Наполеонъ приближался къ берегамъ Березины съ окончательно разстроенной арміей или, лучше сказать, съ остатками недавно еще блестящаго полчища. Русскіе забрали большое количество плѣнныхъ, орудій, провіанта, а непріятель, лишенный какихъ-либо удобствъ и припасовъ, уныло продолжалъ отступленіе. Голодъ, болѣзни и морозы доконали непобѣдимыя войска, и въ концѣ ноября Россія очистилась отъ непрошенныхъ гостей.

Если такой блестящій результатъ отнести къ славѣ русскаго оружія и генію русскаго народа, равно какъ и къ суровому климату Россіи, то главнымъ руководителемъ и организаторомъ состоявшагося погрома былъ Императоръ Александръ I. Въ эту годину онъ созналъ народную мощь, всегда существовавшую на Руси, и сплотился съ ней. И эту крупную заслугу помнила Россія и всегда вспомнитъ съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія Благословеннаго монарха.

Тридцатипятилѣтній Государь оправдалъ надежды своихъ подданныхъ, и это время было лучшимъ изъ всѣхъ годовъ его царствованія.

Теперь явилось новое желаніе, а именно окончательно сокрушить владычество Бонапарта, и при помощи не только русскаго,

но и чужеземнаго оружія, покончить съ нимъ навсегда. Отнынѣ всѣ стремленія Александра обратятся къ намѣченной цѣли и будутъ такими же упорными до конца освободительныхъ войнъ.

Нѣкоторые изъ русскихъ тогда еще осмѣлились критиковать Государя, что онъ, изгнавъ непріятеля изъ нашихъ границъ, продолжалъ борьбу и задался цѣлью освободить Европу. Такого мнѣнія придерживались болѣе старики, какъ Кутузовъ, Ростопчинъ и Шишковъ; намъ кажется, что они были правы, и съ точки зрѣнія интересовъ Россіи казалось выгоднѣе не вмѣшиваться въ дѣла Европы. Будущее показало весьма скоро, что такое мнѣніе имѣло свои основанія, и что Россіи послѣдующія войны принесли мало пользы, а скорѣе даже вредъ.

Первые шаги Александра къ устройству коалиціи противъ Наполеона и Франціи начались еще до окончанія Отечественной войны.

Не только велись оживленные переговоры съ Англіей и съ Швеціей, но были посланы уполномоченные, какъ князь Ливенъ, Бутягинъ и другіе, для успокоенія прусскаго и австрійскаго кабинетовъ. Пруссакамъ гарантировали прощеніе за участіе въ полчищахъ враговъ при ихъ нашествіи, и не только прощеніе, но и земельныя вознагражденія; австрійцамъ выражали благодарность за почти пассивное участіе и также обѣщали обширныя пріобрѣтенія.

Но Пруссія колебалась до конца, страхъ передъ Наполеономъ затмилъ всѣ чувства, особенно у такихъ людей, какъ самъ король и Гарденбергъ; они метались во всѣ стороны, боясь принять какое-либо твердое рѣшеніе, но ихъ неожиданно спасла самовольная выходка генерала Іорка. Этотъ прусскій вояка, получая изъ Берлина только сбивчивыя и неопредѣленныя инструкціи, отступалъ съ прусскими войсками въ аріергардѣ корпуса маршала Макдональда. Русскій же авангардъ, подъ командой генерала Дибича, тѣснилъ пруссаковъ. Между ними завязалась переписка по

Императрица Марія Өеодоровна

иниціативѣ Рижскаго военнаго губернатора маркиза Паулуччи, и вотъ 12/24 декабря Іоркъ и Дибичъ встрѣтились на аванпостахъ; зашла бесѣда, Дибичъ увѣрялъ, что ему приказано считать пруссаковъ друзьями, и что русскіе генералы имѣли полномочія завести переговоры. Цѣлые шесть дней Іоркъ обдумывалъ, на что рѣшиться, а такъ какъ изъ Берлина приказанія отсутствовали, то 18/30 онъ принялъ предложеніе подписать конвенцію въ мѣстечкѣ Таурогенѣ. Эта извѣстная конвенція была подписана шестью лицами, изъ которыхъ три, т.-е. Дибичъ, Клаузевицъ и графъ Дона (Dohna), были на русской службѣ, а графъ Іоркъ, полковникъ Рёдеръ и маіоръ Зейдлицъ на прусской. Другими словами, условія были полюбовно приняты и скрѣплены подписями шести кровныхъ пруссаковъ! И все это получило благословеніе командующаго русскими войсками князя Витгенштейна, еще одного нѣмца! По Таурогенской конвенціи, прусскія войска Іорка признавались нейтральными на пространствѣ между Мемелемъ и Тильзитомъ. Это лишало въ самую важную минуту маршала Макдональда содѣйствія свѣжихъ и сохранившихся 16 тысячъ прусскихъ штыковъ, съ 50 орудіями. Неожиданный успѣхъ такого рода былъ на руку Императору Александру и имѣлъ весьма важныя послѣдствія.

Что касается австрійской политики, то здѣсь колебаній было хотя меньше, но самая игра оказалась тоньше и сложнѣе въ рукахъ такого дипломата, какъ Меттернихъ. Онъ отлично понималъ, что удивительные успѣхи Россіи дадутъ ей преобладающее вліяніе въ Европѣ, а также повліяютъ на ростъ и значеніе Пруссіи въ Германіи. Слѣдовательно, требовалось помѣшать такого рода случайностямъ, во что бы то ни стало, Австріи занять выжидательное положеніе, избѣгая крутого разрыва съ Наполеономъ, и дѣйствовать исключительно, смотря по обстоятельствамъ. Извѣстный Генцъ (Gentz) опредѣлилъ эту политику такими, ему свойственными, выраженіями: „Nous avons dû établir notre système sur des *nuances intermédiaires*, qui nous dispensent à la fois de nous ranger

en pure perte au nombre des ennemis de la France et nous brouiller sans retour avec les puissances liguées contre elle" *).

Надо сознаться, что все это было задумано очень ловко.

Какъ только въ Польшѣ увидѣли, что дѣло Наполеона проиграно, что всѣ надежды опять рухнули, уныніе смѣнило восторги, месть Россіи казалась естественной, и невѣроятное волненіе овладѣло всей страной. Это волненіе передалось и князю Адаму Чарторыжскому, и онъ снова обратился къ перу, чтобы развѣдать истинныя намѣренія Русскаго Императора. И было надъ чѣмъ призадуматься. Вѣдь когда война была объявлена, то въ Варшавѣ собрался сеймъ, подъ предсѣдательствомъ отца князя Адама, и сеймъ этотъ провозгласилъ возстановленіе Польскаго королевства, призывая польскій народъ къ оружію, а всѣмъ полякамъ, находившимся на русской службѣ, было предписано немедленно бросить русскіе мундиры и стать въ ряды польскихъ войскъ, вошедшихъ въ великую армію Наполеона. Но князь Адамъ старался вести себя достойно, не измѣняя ни Польшѣ, ни своему русскому покровителю **).

Такъ, еще въ письмѣ къ Государю отъ 22 іюня/4 іюля 1812 года Чарторыжскій заявляетъ: „La Pologne a été solennellement proclamée par une confédération générale, à la tête de laquelle mon père est placé. Le nom de Pologne sortant de sa bouche, et une fois prononcé, est décisif pour moi... Mais en partant pour les eaux de Bohême je dois répéter mes instantes sollicitations, et porter encore une fois aux pieds de V. M. I. ma demande formelle de démission"...

Въ письмѣ отъ 4/16 августа, изъ Карлсбада, князь жалуется, что не удостоился получить отвѣта, что понятно въ виду другихъ

*) См. Alb. Sorel: L'Europe et la Révolution Française, т. VIII.

**) Въ перепискѣ Императора Александра съ кн. Чарторыжскимъ, изданной Мазадомъ въ 1865 году, выпущено 6 писемъ, а именно: за 1811 годъ три, отъ 28 II/12 III, 21 III/2 IV, 12/24 VII; письмо Императора Александра, отъ сентября 1812 г.; за 1812 годъ письмо 23 V/4 VI и часть письма 15/27 XII.

заботъ Александра Павловича. Наконецъ, два мѣсяца спустя, т.-е. 9 октября, князь опять пишетъ Государю, не получивъ отвѣта на оба предыдущія посланія. Въ этомъ письмѣ обращаетъ на себя вниманіе такое выраженіе: „Votre silence, Sire, équivaudrait enfin à un consentement"...

Проходятъ еще два мѣсяца; Императоръ Александръ продолжаетъ систему молчанія, а Чарторыжскій 6 и 15 декабря посылаетъ еще два письма, уже послѣ погрома французской арміи.

Послѣднее письмо напечатано въ „Correspondance d'Alexandre et du prince Czartoryski" опять съ большими пропусками (оно возстановлено цѣликомъ въ приложеніяхъ). Здѣсь, снова князь Адамъ умоляетъ уволить его въ отставку (je réitère encore avec instance la très humble prière pour ma démission absolue) и взываетъ къ чувствамъ великодушія Александра къ его несчастной родинѣ Польшѣ. Князь писалъ краснорѣчиво и убѣдительно: „Si V. M. I., au moment où la nation polonaise s'attend à la vengeance d'un conquérant, lui tend la main et lui offre de plein gré ce qui pour elle faisait l'objet du combat, l'effet en sera magique, c'est de quoi je vous réponds, Sire; il surpassera votre attente, vous en serez étonné et touché"... И далѣе: „C'est à V. M. I., à présent, à donner l'impulsion, à expliquer ses désirs, à indiquer les moyens de s'entendre; en un mot, à finir l'œuvre. Je pense avoir tout fait, comme Polonais, pour la préparer"...

Только 13 января 1813 года Императоръ отвѣтилъ польскому князю на потоки его чернилъ. Хотя все письмо замѣчательно, но мы приведемъ только нѣкоторыя, особенно интересныя мѣста: „...La vengeance est un sentiment qui m'est inconnu, et ma plus douce jouissance est de payer le mal par le bien. Les ordres les plus sévères sont donnés à mes généraux d'agir en conséquence et de traiter les Polonais en amis et en frères.

„Je vais vous parler avec toute franchise; pour faire réussir mes idées favorites sur la Pologne, j'ai à vaincre quelques difficultés,

malgré le brillant de ma position actuelle. *D'abord l'opinion en Russie.* La manière dont l'armée polonaise s'est conduite chez nous, les sacs de Smolensk, de Moscou, la dévastation de tout le pays a ranimé les anciennes haines! Secondement, dans le moment actuel, une publicité donnée à mes intentions sur la Pologne *jetterait complètement l'Autriche et la Prusse dans les bras de la France,* résultat qu'il est très essentiel d'empêcher, d'autant plus que ces puissances me témoignent déjà les meilleures dispositions"... Затѣмъ идетъ убѣдительное напоминаніе: *„N'oubliez pas que la Lithuanie, la Podolie et la Volhynie se regardent* jusqu'ici comme *provinces russes,* et qu'aucune logique au monde ne pourra persuader à la Russie de les voir sous la domination d'un autre souverain que celui qui régit la Russie!"

Послѣ такихъ категорическихъ заявленій весьма характеренъ конецъ этого письма, въ видѣ post-scriptum'a: „Si, à l'issue de tous les événements, je pouvais me retrouver un moment au sein de votre famille, cela me causerait un plaisir fou. Tout à vous de cœur et d'âme".

Слѣдовательно, польскій вопросъ былъ отложенъ, чтобы не тревожить Берлинскій и Вѣнскій кабинеты, но въ сущности уже предрѣшенъ, такъ какъ Александръ считалъ герцогство Варшавское собственностью Россіи, пріобрѣтенною мечемъ и кровью.

11/23 декабря 1812 года Александръ Павловичъ торжественно вступилъ въ Вильну, покинутую имъ весной при трудныхъ обстоятельствахъ. Маститый князь Кутузовъ встрѣтилъ Его Величество съ подобающимъ почетомъ, окруженный героями Отечественной войны.

Въ Вильнѣ Государь пробылъ болѣе двухъ недѣль, совѣтуясь съ генералами о планѣ предстоящей кампаніи, организуя всѣ детали сложнаго вторженія въ Германію и давая инструкцію за инструкціей русскимъ уполномоченнымъ, равно и случайнымъ агентамъ, для скорѣйшаго вовлеченія Пруссіи и Австріи въ замышляемую имъ коалицію.

Здѣсь же, въ Вильнѣ, узнали о Таурогенской конвенціи, заключенной генераломъ Іоркомъ, а 28 декабря главныя силы уже направились изъ Вильны къ Нѣману. Государь рѣшилъ лично оставаться при штабѣ князя Кутузова, чтобы не терять общаго руководства *). Съ этого момента началось вполнѣ ненужное для русскихъ интересовъ освобожденіе Германіи отъ ига Наполеона. Русскія войска вступили въ Польшу. Покойный Шильдеръ даетъ наглядную картину этого шествія. „Въ герцогствѣ Варшавскомъ никто, однако, не встрѣчалъ русскихъ, какъ своихъ избавителей. Одни евреи каждаго мѣстечка, лежавшаго по дорогѣ, гдѣ проходили войска, выносили разноцвѣтныя хоругви, съ изображеніемъ на нихъ вензеля Государя; при приближеніи русскихъ они били въ барабаны и играли на трубахъ. Иногда показывались поляки, которые, по обыкновенію своему, сами не знали, чего хотѣли; одни говорили, что имъ наскучило иго французовъ, другіе же смотрѣли на русскихъ съ сердитыми лицами, какъ вслѣдствіе вкоренившихся въ нихъ къ Россіи чувствъ, такъ и потому, что каждый шагъ русской арміи впередъ отодвигалъ часъ возстановленія Польши. Впрочемъ, полякамъ нельзя было жаловаться: войска наши соблюдали величайшій порядокъ".

Наши войска двигались непрерывно впередъ и въ февралѣ 1813 года уже дошли до береговъ Одера, а главная квартира находилась въ Калишѣ.

Тутъ сосредоточились всѣ переговоры о коалиціи, а также появился князь Адамъ Чарторыжскій, чтобы лично подчеркнуть свою преданность Александру и возобновить его любовныя чувства къ Польшѣ **).

---

*) Для облегченія Государю общаго руководства генералъ-адъютантъ князь П. М. Волконскій былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба всѣхъ армій.

**) Шильдеръ неправильно говоритъ, что „успѣхи русскаго оружія побудили князя Ад. Чарторыжскаго возобновить съ Императоромъ прерванную событіями переписку". Мы уже говорили, что, начиная съ іюня 1812 года, князь Чарторыжскій не переставалъ писать Государю, но только не получалъ отвѣтовъ. См. въ приложеніяхъ донесеніе Лебцельтерна отъ 6 апрѣля 1813 г., изъ Калиша.

Почти въ то же время король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ перебрался изъ Потсдама въ Бреславль, отчасти вслѣдствіе совѣтовъ Меттерниха изъ Вѣны, а еще болѣе изъ опасенія быть арестованнымъ у себя же въ столицѣ маршалами Ожеро (Augereau) и Неемъ (Ney).

Никогда несчастный король не показалъ столько нерѣшительности, какъ за эти дни, и даже Гарденбергъ занесъ это обстоятельство на страницы своего дневника. Эти колебанія закончились, наконецъ, подписаніемъ въ Калишѣ 16 февраля союзнаго договора съ Россіей. Но чего только не выдумывали до этого рѣшенія и король, и его безтолковые совѣтники! Еще 6 и 21 января Императоръ Александръ лично писалъ и увѣщавалъ Фридриха-Вильгельма въ чистосердечіи своихъ намѣреній относительно Пруссіи. Въ одномъ изъ писемъ слышалась глубокая иронія: „J'espère que le général York a agi dans le sens des intentions de Votre Majesté", а Іоркъ былъ отрѣшенъ отъ командованія за произвольно подписанную конвенцію! Въ другомъ, такая рекомендація прусскаго патріота Штейна, перешедшаго на русскую службу, а теперь присвоившаго себѣ роль Александрова эмиссара въ дѣлѣ освобожденія Германіи:

„J'ai revêtu de mon plein pouvoir un *dignitaire russe,* mais un des plus fidèles sujets de Votre Majesté, le baron Stein. J'espère avoir donné par là une preuve à V. M., combien la conservation de ses Etats à leur légitime souverain me tient au cœur". Одновременно, за подписью князя Кутузова, составленная нашимъ Государемъ, прокламація была обращена къ нѣмецкому народу. Казалось, чего еще колебаться? а между тѣмъ король послалъ въ Калишъ Кнезебека съ невѣроятнымъ предложеніемъ о желаніи Пруссіи получить цѣликомъ все герцогство Варшавское. На такого рода требованіе Кнезебекъ получилъ рѣзкій отказъ изъ устъ самого Императора Александра, сказавшаго ему, что если желаютъ пріобрѣтеній, то пусть лучше отнимутъ что-либо

у Саксоніи, показавшей излишнюю преданность Наполеону. Историкъ Сорель замѣчаетъ по этому поводу, не безъ остроты: „Dépouiller un roi, en vertu du droit de la guerre, est un acte dont un roi de Prusse ne s'est jamais embarrassé“.

Очевидно, Калишскій договоръ не удовлетворилъ прусскіе аппетиты, но событія шли такъ быстро, что не оставалось ничего больше, какъ соглашаться на требованія Россіи. Въ подписанныхъ условіяхъ, скрѣпленныхъ подписями князя Кутузова и Гарденберга, обращаемъ вниманіе читателя на слѣдующія строки: „En conduisant ses troupes victorieuses hors de ses frontières, le premier sentiment de S. M. l'Empereur de toutes les Russies fut celui de rallier à la belle cause que la Providence a si visiblement protégée ses anciens et plus chers alliés, afin d'accomplir avec eux des destinées auxquelles tiennent et le repos et le bonheur des peuples épuisés par tant de commotions et tant de sacrifices. Le *temps arrivera* où les traités ne seront plus des trèves, où ils pourront de nouveau être observés avec *cette foi religieuse, cette inviolabilité sacrée* auxquelles tiennent la considération, la force et la conservation des empires“.

Впервые мы встрѣчаемъ такое опредѣленное воззваніе къ Провидѣнію и Божьему Промыслу въ офиціальномъ документѣ, но съ этихъ поръ такого рода парадоксъ сталъ пріобрѣтать права гражданства и былъ основаніемъ новыхъ политическихъ вѣяній, сложившихся въ умѣ Александра I и затмившихъ у него вскорѣ чувства къ собственной его родинѣ — къ Россіи, съ которой онъ только-что успѣлъ сродниться въ годину Отечественной войны.

Когда Берлинъ былъ занятъ русскими войсками, Александръ поѣхалъ въ Бреславль на свиданіе съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, и оба монарха могли снова предаться обычнымъ изліяніямъ дружбы. 4/16 марта Пруссія объявила войну Наполеону. Здоровье князя Кутузова настолько пошатнулось, что онъ окончательно слегъ

въ постель въ Бунцлау и скончался 16/28 апрѣля 1813 года *). Его замѣстилъ въ качествѣ главнокомандующаго князь Витгенштейнъ, а вскорѣ послѣ того Барклай.

Что касается императора Наполеона, то, вернувшись въ Парижъ (6/18 декабря 1812 г.), онъ усиленно сталъ готовиться къ продолженію борьбы. Положеніе его было не изъ легкихъ. Во время его отсутствія произошелъ заговоръ генерала Мале (Malet), кончившійся ничѣмъ, но оставившій непріятное впечатлѣніе у парижанъ. Во Франціи большинство устало отъ постоянныхъ войнъ, и все больше слышались голоса о прекращеніи потоковъ крови; финансы страны были ослаблены, а тутъ еще понадобились новые наборы солдатъ. Наполеонъ сознавалъ трудность своей задачи и обратилъ особенное вниманіе на Австрію. Ему казалось, что императоръ Францъ, какъ отецъ Маріи-Луизы и дѣдъ ея ребенка, не могъ остаться безучастнымъ къ ихъ дальнѣйшей участи. Но за нимъ стоялъ Меттернихъ и зорко слѣдилъ за событіями. Теперь началась та игра, о которой Меттернихъ давно мечталъ, и, какъ въ шахматномъ искусствѣ, имъ были пущены ходы, маскирующіе истинныя намѣренія игрока. Меттернихъ хотѣлъ поставить Австрію въ положеніе посредника, тянуть переговоры съ Наполеономъ, для которыхъ былъ командированъ въ Парижъ Бубна, а тѣмъ временемъ постепенно сближаться съ Россіей, не давая ей перевѣса въ дѣлахъ рѣшенія судьбы Европы. Какъ ни грустно сознаться,

---

*) Ланжеронъ оставилъ въ запискахъ такую характеристику князя Смоленскаго: „On ne pouvait avoir plus d'esprit que Koutouzoff, on ne pouvait avoir moins de caractère, on ne pouvait réunir plus d'adresse à plus d'astuce, on ne pouvait posséder moins de véritables talents et plus d'immoralité. Une mémoire prodigieuse, une grande instruction, une rare amabilité, une conversation aimable et intéressante, une bonhomie un peu factice, à la vérité, mais agréable à ceux qui voulaient bien en être la dupe, voilà les agréments de Koutouzoff. Une grande violence, une grossièreté d'un paysan lorsqu'il s'emportait ou lorsqu'il n'avait pas à craindre la personne à qui il s'adressait; une bassesse envers les personnes qu'il croyait en faveur, portée au point le plus avilissant, une paresse insurmontable, une apathie qui s'étendait à tout, un égoïsme rebutant, un libertinage aussi crapuleux que dégoûtant, peu de délicatesse pour les moyens à se procurer de l'argent, voilà les inconvénients de ce même homme".

но Меттернихъ съ успѣхомъ добился желанныхъ результатовъ и вскорѣ достигъ преслѣдуемыхъ цѣлей, завершивъ все то, что имъ было мастерски намѣчено. Наполеона ему удалось обойти сравнительно легко, но съ Александромъ не обошлось безъ цѣлаго ряда крупныхъ недоразумѣній.

Князю Шварценбергу было дано разрѣшеніе заключить перемиріе съ русскими въ Цейсѣ (Zeycs), что дало австрійскому корпусу возможность отступать безъ выстрѣла. Тѣмъ временемъ, австрійскій министръ всячески старался увѣрить Наполеона въ самомъ доброжелательномъ отношеніи къ Франціи, чему онъ мало придавалъ довѣрія. Адъютантъ императора французовъ Нарбоннъ поѣхалъ въ Вѣну для переговоровъ, и съ тою же цѣлью князь Шварценбергъ направился въ Парижъ. Это происходило въ первыхъ числахъ апрѣля 1813 года, а 16/28 Наполеонъ уже былъ въ Веймарѣ, гдѣ принялъ руководство надъ своей арміей. Приблизительно въ тѣхъ же числахъ, а именно 12/24 апрѣля, Императоръ Александръ и король прусскій торжественно въѣхали въ Дрезденъ, гдѣ народъ германскій, наконецъ, имѣлъ возможность лицезрѣть того, который дѣлался освободителемъ Германіи *). Но уже 17/29 апрѣля разыгрался кровопролитный бой подъ Люценомъ, гдѣ оба союзные Государя лично присутствовали, что не помѣшало Наполеону выиграть сраженіе. Тогда, чтобы воспользоваться добытымъ успѣхомъ, Наполеонъ намѣревался послать Коленкура къ Императору Александру и вступить съ нимъ въ переговоры помимо Австріи. Но нашъ Государь не пожелалъ видѣть посланнаго, Коленкуръ не былъ допущенъ, а ему было передано, что Александръ не желаетъ вести какихъ-

*) Частное письмо баронессы Вертернъ (v. Werthern) къ своимъ родителямъ: „...Nicht beschreiben kann ich Euch, beste Eltern, meine Wonne, als der Retter Deutschland's so ganz in seiner Schöne über dieselbe Treppe hinauf stieg, die am 27 April dieses Jahres der Tyrann von unserem Vaterland noch mit stolzer Mine, die Malice im Auge, betrat; heute wurde der Zutritt jedem erlaubt, der sich gern an dem Anblick der Retter des Vaterlandes weiden wollte"..

(Письмо написано позже, изъ Веймара, 11/23 октября 1813 г.).

либо разговоровъ отдѣльно отъ Австріи. Другими словами, восторжествовала опять идея коалиціи, но не прямые интересы Россіи. Мы это подчеркиваемъ.

Въ первыхъ числахъ мая (8/20) разыгрался новый двухдневный бой подъ Бауценомъ, ознаменовавшійся еще одной побѣдой для французскаго оружія, а русско-прусскія войска принуждены были отступить къ Рейхенбаху. Послѣ этого союзные монархи согласились на предложенное Наполеономъ перемиріе, условія котораго были выработаны въ мѣстечкѣ Плейсвицъ (Pleiswitz). Русскимъ комиссаромъ былъ назначенъ генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, прусскимъ — генералъ Клейстъ, а французскимъ — Коленкуръ. Послѣдній всѣми силами старался вести переговоры наединѣ съ графомъ Шуваловымъ и возобновлялъ, но напрасно, ходатайства черезъ Нессельроде о личномъ свиданіи съ Императоромъ Александромъ.

Чтобы вернуться къ роли Коленкура въ эти дни, не надо забывать, что онъ всегда былъ persona gratissima у Александра и послѣ своего отъѣзда, два года назадъ, изъ Петербурга, и что до разрыва съ Россіей герцогъ Виченскій оставался въ постоянныхъ письменныхъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ русскихъ. Историкъ Сорель, всегда корректный и благородный въ своихъ сужденіяхъ, старается вполнѣ обѣлить Коленкура. „On ne saurait cependant confondre Caulaincourt dans la troupe des partisans de l'empire sans l'empereur, ni mettre en doute le „loyalisme“ de son dévouement personnel à Napoléon, tant de fois déclaré et avec tant de chaleur“. Мы же продолжаемъ сомнѣваться въ *безусловномъ* „лойялизмѣ“ Коленкура и главное потому, что его бумаги еще не увидѣли свѣта, чтобы окончательно разъяснить поведеніе герцога Виченскаго и въ 1813, и въ 1814 годахъ. Тотъ же Альберъ Сорель говоритъ нѣсколькими строками раньше:

„Depuis Erfurt, le duc de Vicence paraît chez les alliés, pour subir l'influence de Talleyrand et servir ses desseins. Il était entré

en relations avec Nesselrode, alors conseiller d'ambassade de Russie à Paris et qui adressait une correspondance secrète au Tzar par l'entremise de Spéransky".

Разъ доказано, что Коленкуръ находился подъ вліяніемъ Таллейрана, то допустимо предполагать многое. Но Коленкуру теперь всетаки не удалось видѣть и бесѣдовать съ Русскимъ Императоромъ.

Перемиріе продолжалось отъ 4/16 іюня до 8/20 іюля и носило исключительно характеръ военный, въ немъ не было высказано ничего политическаго. Наполеонъ, согласившись на эту комбинацію, впослѣдствіи разочаровался, признавъ за собой ошибку и промахъ. Ошибкой это было потому, что дало возможность новому русскому главнокомандующему Барклаю (назначенному послѣ Бауцена) привести въ порядокъ усталыя и затрепанныя войска, а промахомъ, еще болѣе крупнымъ, было то, что за это время австрійцы передумали и сговорились съ союзниками для общаго плана военныхъ дѣйствій. Вскорѣ послѣ этого, Австрія, дѣйствительно, вошла въ коалицію.

Гораздо болѣе чревато послѣдствіями было вмѣшательство Англіи и ея присоединеніе къ коалиціоннымъ державамъ; это случилось вскорѣ послѣ Калишскаго соглашенія, и въ главную квартиру былъ командированъ лордъ Каткартъ (Cathcart), для переговоровъ съ Императоромъ Александромъ, и Стюартъ (Stewart) съ королемъ прусскимъ. Переговоры завершились въ Рейхенбахѣ*), при чемъ Англія обязалась уплатить крупныя военныя издержки Россіи и Пруссіи, а въ договоръ была внесена статья, по которой ни одна изъ упомянутыхъ державъ не могла принимать рѣшеній въ переговорахъ, безъ согласія Великобританіи. „La Russie et la Prusse s'engagent à ne point négocier séparément avec leurs ennemis communs, à ne signer ni paix, ni trève, ni convention quelconque autrement que d'un commun accord".

*) Martens, T. III. Notice sur les traités de Reichenbach.

Такого рода уговоръ, въ теченіе всего періода войнъ съ Наполеономъ, только стѣснялъ коалицію, но былъ выгоденъ для англичанъ. Послѣдствія показали, насколько англійская политика была вѣрно разсчитана. Весь іюнь и іюль 1813 года прошли въ нескончаемыхъ спорахъ и переговорахъ между разными уполномоченными союзниковъ, сперва въ Рейхенбахѣ, потомъ въ Прагѣ. Всякій тянулъ въ свою сторону, желая выгадать побольше, и первую скрипку безспорно игралъ выдержанный и хитроумный графъ Меттернихъ, что совершенно вѣрно отмѣтилъ Альберъ Сорель.

„Metternich se montra supérieur par la maîtrise de soi-même, la suite, la dextérité, la souplesse dans les défilés. Cet homme du monde, ce dandy politique, à la main blanche et nerveuse, déploya le sang-froid, le coup d'œil et l'énergie d'un vieux pilote". Не менѣе работалъ и Русскій Государь, находя время входить во всѣ мелочи политики и военныхъ комбинацій и ведя обширную переписку съ матерью, супругою, сестрой Екатериной и княземъ А. Н. Голицынымъ. Но, несмотря на всѣ старанія и утонченные пріемы, многое ускользало отъ вниманія Александра, и часто тщеславіе затемняло лучшіе порывы сердца и ума. Къ этому прибавилось еще душевное настроеніе, увлекавшее Государя все больше и больше на пути угадыванія завѣтовъ Провидѣнія и приведшее скоро къ непонятному мистицизму. Изъ переписки съ великой княгиней Екатериной Павловной видно, что это настроеніе росло, но пока не мѣшало пускаться на всѣ средства, чтобы вовлечь безповоротно Австрію въ дѣло коалиціи, при чемъ подвижная и неугомонная сестра приняла живѣйшее участіе во всѣхъ закулисныхъ интригахъ.

Для болѣе нагляднаго пониманія истиннаго настроенія Александра за эти тревожные дни, приведу нѣкоторыя выдержки изъ его письма къ князю А. Н. Голицыну. Еще изъ Калиша, 16 марта, Государь писалъ ему:

„Vous aurez pu voir par ma lettre après ma communion que ma pensée m'a porté vers vous et que j'ai eu un vrai besoin de vous exprimer l'émotion avec laquelle je me suis acquitté cette fois-ci du devoir sacré. Votre lettre du même jour m'a fait un plaisir extrême. Le passage que vous aviez copié pour moi a été vivement senti, et je vous dirai même que depuis Pétersbourg aucun jour ne se passe sans que je ne lise l'Ecriture Sainte. Cette lecture m'attache de plus en plus, et si Dieu me ramène sain et sauf auprès de vous, j'aurai à vous citer beaucoup de circonstances dans le genre de la réception de ma lettre au sortir de votre église“.

17 апрѣля, послѣ въѣзда въ Дрезденъ на Св. Пасху, встрѣчаются въ письмѣ такія описанія:

„C'est samedi 12, après la messe, par conséquent après *Воскресни Боже* que nous avons fait notre entrée à Dresde, et à minuit nous avons chanté sur les bords de l'Elbe *Христосъ Воскресе!* Il me serait difficile de vous rendre l'émotion dont je me sentais pénétrer en repassant tout ce qui s'était passé depuis un an, et où la Providence Divine nous avait conduits“... *).

Вотъ живые слѣды того возвышеннаго настроенія, въ которомъ пребывалъ человѣкъ, стоявшій во главѣ коалиціи для освобожденія Европы отъ ига того, кого Государь часто называлъ „ce diable d'homme“.

Послѣ Рейхенбахскаго перемирія состоялся конгрессъ въ Прагѣ, продлившійся цѣлый мѣсяцъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ, конечно, Меттернихъ, который еще до его открытія успѣлъ посѣтить лично Наполеона въ Дрезденѣ и имѣлъ съ нимъ наединѣ двухчасовой разговоръ. Единственнымъ результатомъ этой встрѣчи было то, что австрійскій министръ убѣдился, что передъ нимъ находится не полководецъ побѣдоносныхъ дней Аустерлица и Ваграма, а уже другой человѣкъ, испытавшій всѣ прелести похода

*) Собственная Его Императорскаго Величества библіотека.

въ Москву; что же касается окружавшихъ Наполеона маршаловъ и генераловъ, то всѣ они пріуныли и оказались усталыми и разочарованными. Съ такими впечатлѣніями Меттернихъ отправился 27 іюня/9 іюля въ за́мокъ Трахенбергъ (Trachenberg), гдѣ пребывали Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ, чтобы сообщить имъ о видѣнномъ и слышанномъ въ Дрезденѣ. Оттуда Меттернихъ для проформы заѣхалъ къ императору Францу въ другой за́мокъ, Брандейсъ (Brandeis), стараясь его убѣдить скорѣе примкнуть къ союзникамъ, но и Францъ оказался столь же нерѣшительнымъ, какъ прусскій король. Затѣмъ начались пражскіе переговоры съ французскими уполномоченными Коленкуромъ и Нарбонномъ, а также и съ Нессельроде и Гумбольдомъ (прусскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ). Въ сущности все, что произошло въ Прагѣ, было одной комедіей, и вотъ почему: Наполеону предлагались для заключенія мира такія унизительныя условія, на которыя онъ никогда не согласился бы, и на это можно было съ увѣренностью разсчитывать. Собственно говоря, за кулисами дѣйствовала Англія съ ея представителями лордомъ Каткартомъ и Нугентомъ (Nugent), которые выработали и настаивали именно на условіяхъ унизительныхъ, а слѣдовательно, непріемлемыхъ. Французскіе представители говорили и дѣйствовали въ весьма примирительномъ тонѣ, также и Нессельроде, но англичане устами того же Меттерниха не давали никому сговориться и только затягивали переговоры. Наконецъ, Австрія рѣшилась предъявить 28 іюля / 9 августа ультиматумъ Наполеону, готовому уже принять главную часть австрійскихъ условій, на чемъ особенно настаивали и Коленкуръ, и Маре (герцогъ Бассано). Но тогда Императоръ Александръ заявилъ, что не желаетъ болѣе даже слышать о какихъ-либо новыхъ мирныхъ предложеніяхъ. Въ тотъ же день, а именно 4/16 августа, Коленкуръ выѣхалъ изъ Праги, а Австрія, наконецъ, примкнула къ коалиціи. Планъ Русскаго Императора увѣнчался полнѣйшимъ успѣхомъ, но не безъ содѣйствія Англіи, а для Меттерниха происшедшій

разрывъ Австріи съ Наполеономъ едва ли можно считать за побѣду, потому что вся иниціатива снова переходила въ руки Александра. Но это временное полуфіаско Меттернихъ постарался исправить въ будущемъ.

Временное прекращеніе военныхъ дѣйствій дало возможность подойти русскимъ резервамъ, организовать русскую армію; Пруссія поставила на ноги новые полки; къ союзникамъ присоединился Бернадоттъ съ шведами; а Австрія, входя въ коалицію, давала свѣжія силы *). Словомъ, всѣ выгоды отъ перемирія получили союзники.

При такихъ условіяхъ война возобновилась и болѣе не прекращалась до занятія Парижа. Къ этому времени относится пріѣздъ генерала Моро (Moreau) въ главную квартиру союзныхъ армій. Несмотря на самый радушный пріемъ со стороны Императора Александра, активной роли ему не пришлось играть, зато внимательно слушали его совѣты о способѣ борьбы съ Наполеономъ. Эти совѣты послужили впрокъ. Сущность заключалась въ томъ, чтобы избѣгать столкновеній тамъ, гдѣ руководилъ лично Наполеонъ, а стараться бить отдѣльно его маршаловъ, разбросанныхъ съ корпусами на разныхъ пунктахъ театра войны. Если же связываться съ Бонапартомъ, то не иначе какъ съ громаднымъ превосходствомъ силъ, „en tâchant de l'envelopper". Для француза такіе совѣты считаемъ преступными, потому что Моро отлично зналъ слабыя стороны боевыхъ товарищей, но союзникамъ они безспорно послужили въ пользу. Впрочемъ, въ первой же битвѣ Моро былъ убитъ. Битва эта произошла подъ Дрезденомъ и длилась двое сутокъ—14/26 и 15/27 августа. Наполеонъ остался побѣдителемъ, но безъ практическихъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе, первый успѣхъ смутилъ союзныя стороны, и пошли опять переговоры. Но частные успѣхи снова подняли духъ войскъ коалиціи.

---

*) По настоянію австрійцевъ князь Шварценбергъ былъ назначенъ генералиссимусомъ союзныхъ армій.

Въ теченіе августа мѣсяца—подъ Кульмомъ былъ взятъ въ плѣнъ Вандаммъ (Vandamme), и его корпусъ уничтоженъ; подъ Кацбахомъ Макдональдъ разбитъ Блюхеромъ, и Удино (Oudinot) подъ Гросбереномъ (Grossbeeren).

Переговоры велись въ Тёплицѣ (Tœplitz) и завершились новыми договорами между Россіей и Австріей, и Россіей и Пруссіей. То было лишь подтвержденіемъ рейхенбахскихъ и пражскихъ соглашеній. Самый договоръ состоялъ изъ четырехъ статей и двухъ дополнительныхъ. Обращаемъ вниманіе на четвертый пунктъ: „Un arrangement à l'amiable entre les trois cours, de Russie, d'Autriche et de Prusse—sur le sort futur du duché de Varsovie".

Въ Тёплицѣ Александръ занялъ главенствующее положеніе.

Сорель писалъ: „Alexandre joua ici un personnage supérieur. C'est alors qu'il se montra le régulateur, ou, comme on commençait à dire dans le jargon classique du temps, le roi des rois, l'Agamemnon de la nouvelle Iliade". И дальше: „Il sut, de loin, charmer et gagner les Français, répétant et faisant répéter sans cesse qu'il séparait de la cause de Napoléon la cause de leurs libertés et celles de leurs frontières: propos politique simple et profond".... И, наконецъ, Сорель заканчиваетъ: „...Enfin et surtout il dicta les traités très politiques dressés sur le modèle qui avait prévalu à Kalisch, et qui tous tendaient à cet objet: *réserver les disputes* en réservant les prétentions de chacun sur les conquêtes communes. Prenons d'abord, chacun ensuite reconnaîtra ses prises!"

Мы затруднились бы добавить что-либо къ такому блестящему резюме покойнаго французскаго историка и вполнѣ согласны съ его выводами. Но, изучая послѣдовательно роль и помышленія нашего Государя, мы, къ сожалѣнію, принуждены часто прерывать повѣствованіе о ходѣ событій, для яснаго пониманія обстановки, и вставлять цитаты или письма, поясняющія наши выводы. Такъ, изъ Тёплица Александръ сообщалъ князю А. Н. Голицыну о кончинѣ Моро и писалъ такого рода соображенія: „J'aurais voulu

graver en lettres d'or la dernière page de votre lettre du 2 septembre *), mon cher ami, et la placer dans le cœur de tout vrai chrétien. C'est exactement la manière dont j'ai envisagé le malheureux événement arrivé au général Moreau, et la meilleure preuve que je puis vous en donner, c'est que, de Prague encore, j'ai écrit à Pétersbourg que malheur à nous si nous nous imaginons que, puisque Moreau est avec nous, tout est dit, que c'est Dieu seul, et non Moreau ou un autre, qui peut conduire l'œuvre à bonne fin; aussi, sur moi, cet événement, laissant le regret amer pour la personne du général, n'a produit d'autre effet que de me raffermir dans la croyance que Dieu se réserve à Lui seul le soin de conduire le tout et que *ma confiance en Lui est plus forte que dans tous les Moreau de la terre*. Chez nous les choses continuent à aller à merveille. Tout à vous de cœur et d'âme".

A Töplitz, le 16 septembre 1813.

Вѣра въ Провидѣніе и въ Божій Промыслъ все больше росла и укрѣплялась въ душѣ Александра Павловича.

22 декабря 1813 г./3 января 1814 г. Государь сообщалъ Лагарпу свои впечатлѣнія:

„.... Laissez-moi vous dire que si, à côté de l'œuvre de la Providence, quelque persévérance et énergie que j'ai eu l'occasion de déployer depuis deux ans ont été utiles à la cause de l'indépendance de l'Europe, c'est à vous et à vos instructions que je le dois. Votre souvenir, dans les moments difficiles, a été constamment présent à ma pensée, et le désir d'être digne de vos soins, de mériter votre estime m'a soutenu. Nous voici, des bords de la Moskva sur ceux du Rhin que nous allons franchir ces jours-ci. Si près de vous, je nourris la douce consolation que je pourrai vous serrer dans mes bras et vous réitérer de bouche toute la gratitude que mon

*) Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти этого письма князя Голицына къ Государю.

cœur vous portera jusqu'au tombeau. Ce sera un des jours les plus heureux de ma vie"... *).

Какъ мило и просто написаны эти строки. Сколько душевной благодарности, сколько деликатнаго вниманія къ своему старому наставнику выражено въ немногихъ словахъ. Александръ, на порогѣ Франціи, не забылъ высказать Лагарпу, что происходило въ глубинѣ его сердца.

Въ кровопролитномъ двухдневномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ (4/16 и 5/17 октября) союзники, наконецъ, разбили армію Наполеона. Послѣ этого пошли опять разговоры о мирныхъ переговорахъ, при чемъ всякій думалъ лишь о выгодахъ своей страны. Въ глубинѣ души ни императоръ Францъ, ни Меттернихъ еще не предполагали о замѣнѣ династіи во Франціи, имъ была люба мысль о возможности имѣть вліяніе, притомъ преобладающее, въ случаѣ регентства Маріи-Луизы. Императоръ Александръ держался другого образа мыслей, главное, не желая еще предрѣшать чего-либо. На этой почвѣ онъ никакъ не могъ столковаться съ Меттернихомъ, у котораго теперь нашелся подъ руками французскій представитель въ Веймарѣ, Сентъ-Эніанъ (Saint-Aignan), шуринъ Коленкура, тоже одинъ изъ вѣрныхъ клевретовъ Таллейрана.

Изъ Франкфурта этого француза командировали къ Наполеону съ цѣлой серіей предложеній, извѣстныхъ подъ именемъ франкфуртскихъ.

Суть предложеній сводилась къ тому, чтобы Франція сохранила за собой естественныя свои границы (limites naturelles), которыя послужили бы основой для подготовки мира (bases de la paix définitive). Въ такомъ духѣ Сентъ-Эніанъ составилъ свое предложеніе. Но все это было выражено въ такой неопредѣленной формѣ, что могло служить лишь къ новымъ недоразумѣніямъ;

*) Собственная Его Величества библіотека.

предѣлы Альпъ, Пиренеевъ и Рейна, такъ называемые естественные, едва ли могли удовлетворить Наполеона, а, кромѣ того, встрѣтили сильную оппозицію со стороны Англіи, въ лицѣ ея министра Касльри (Castlereagh). Въ его корреспонденціи мы читаемъ отъ 7 декабря 1813 г. слѣдующее: „Je ne puis pas vous cacher le malaise du gouvernement à la lecture du mémoire de Saint-Aignan, et très certainement, un pareil document, s'il est publié par l'ennemi sans un contre-document de notre part, excitera des impressions pénibles dans ce pays" (l'Angleterre). Въ Парижѣ, гдѣ большинство только и мечтало о мирѣ, всѣ салоны ухватились за эти bases de Francfort, и Сентъ-Эніанъ былъ всѣми радушно встрѣченъ, всѣми, кромѣ самого Наполеона. Хотя о возстановленіи Бурбоновъ мало кто и думалъ — они были почти забыты во Франціи, но, благодаря проискамъ Англіи, открыто принявшей ихъ сторону, главные политическіе дѣятели, какъ Таллейранъ, Дальбергъ и другіе, уже были посвящены въ эти планы и готовились исподволь къ такой перспективѣ. Приблизительно въ то же время Наполеонъ узналъ объ измѣнѣ Мюрата, перешедшаго на сторону коалиціи, благодаря вліянію Меттерниха. Союзники же продолжали подозрѣвать Русскаго Императора въ его симпатіяхъ къ Бернадотту. Несмотря на всѣ доводы различныхъ историковъ, доказывающихъ серьезность этихъ симпатій со стороны Александра, мы склонны думать, что врядъ ли у Государя былъ какой-либо созрѣвшій взглядъ, кого именно возвести на французскій престолъ, а если говорятъ о вліяніи пріѣхавшаго въ главную квартиру Лагарпа, то оно въ дѣйствительности уже не существовало.

При такихъ условіяхъ вскорѣ открылся конгрессъ въ Шатильонѣ (Châtillon), своего рода походный конгрессъ, потому что военныя дѣйствія не прекращались. Нельзя описать всѣ интриги, которыя произошли во время этихъ преній: то былъ раздѣлъ добычи между коршунами, пока жертва еще пребывала въ предсмертныхъ судорогахъ. Не даромъ повторялась на всѣ лады фраза

Таллейрана, что „c'est le commencement de la fin", а недавно пожалованный въ князья Меттернихъ всѣмъ и каждому говорилъ, что не стоитъ жертвовать Наполеономъ, чтобы въ угоду Императору Александру замѣнить его Бернадоттомъ. Словомъ, когда наставало время дѣлежа, и чувствовалась близость Парижа, то мало кто могъ сдерживать пылъ своихъ страстей. Но къ этому моменту появился новый актеръ въ лицѣ англичанина Касльри (Castlereagh) *), лично пріѣхавшій, чтобы высоко держать знамя Великобританіи и принять участіе въ эпилогѣ переговоровъ. Его безпокоили два лица: Александръ и Меттернихъ. Съ австрійцемъ онъ скоро сговорился, а съ Русскимъ повелителемъ игра была труднѣе.

Не могу удержаться, чтобы не привести выдержку изъ Сореля, настолько она типична **):

„Castlereagh arriva le 18 janvier (1814) à Fribourg. C'est un personnage qui paraît sur la scène quand le drame touche à sa fin; il va dès lors rester sur les premiers rangs; il contribuera puissamment, et de son caractère de représentant de l'Angleterre et de sa personne même, à préparer le dénouement.

„.... Il exécrait la Révolution en elle-même, et parce qu'elle était française et tournait à la grandeur de la France. Anéantir la Révolution, ramener la France à ses anciennes limites, voilà toute sa politique.... Castlereagh ne voulait ni la ruine totale et l'effacement de la France, ni le triomphe et *la prépondérance de la Russie*. Ces vues l'éloignaient d'Alexandre. Alexandre l'inquiéta toujours sans le séduire jamais; tout, en ce slave insaisissable, l'induisait en méfiance; cette comète bouleversait son système. Metternich, sans lui inspirer plus de confiance, le rassurait par sa méthode: il louvoyait dans les mêmes eaux"....

*) Министръ иностранныхъ дѣлъ Англіи.

**) Sorel: L'Europe et la révolution française, т. VIII, pp. 248 et 249.

Кастльри былъ главнымъ приверженцемъ возстановленія Бурбоновъ, и ему приходилось побороть оппозицію со стороны Россіи и Австріи къ этому замыслу. Въ числѣ окружающихъ Александра были въ то время самые различные типы иностранцевъ.

Корсиканецъ Поццо-ди-Борго, недавно пріѣхавшій изъ Лондона, гдѣ онъ успѣлъ сговориться съ англійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, открыто поддерживалъ въ главной квартирѣ кандидатуру Бурбоновъ, при содѣйствіи француза роялиста маркиза Рошешуара (Rochechouart), состоявшаго съ 1811 года въ званіи флигель-адъютанта Русскаго Императора. Бывшій воспитатель Государя, Лагарпъ, тоже находившійся при особѣ Александра, тянулъ въ сторону Бернадотта, мечтая о созданіи французской республики съ первымъ консуломъ во главѣ и находя шведскаго наслѣднаго принца подходящимъ для этой роли.

Но Императоръ Александръ не поддавался такого рода интригамъ, желая предоставить выборъ главы правительства самимъ французамъ, а Меттернихъ добивался возможно дольше оттянуть переговоры, чтобы установить регентство Маріи-Луизы.

Кастльри доносилъ еще 18/30 января лорду Ливерпулю: „По моему мнѣнію, въ настоящее время намъ всего опаснѣе рыцарское настроеніе Императора Александра. Въ отношеніи къ Парижу его личные взгляды не сходятся ни съ политическими, ни съ военными соображеніями. Русскій Императоръ, кажется, только ищетъ случая вступить во главѣ своей блестящей арміи въ Парижъ, по всей вѣроятности, для того, чтобы противопоставить свое великодушіе опустошенію собственной его столицы“.

Наконецъ, у Александра терпѣніе лопнуло, и было рѣшено возможно скорѣе двигаться на Парижъ, занять столицу Франціи и тамъ уже обсудить дальнѣйшее.

По этому поводу пруссакъ Гарденбергъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Vu le roi (т.-е. Фридриха-Вильгельма) et l'Empereur de Russie. Discussion sur le plan d'operations et mesentendus. Intrigue de

Stein pour aller droit sur Paris, ce que veut aussi l'Empereur Alexandre. Le parti autrichien y est contraire; d'autres ne savent ce qu'ils veulent". Это намекъ на короля Прусскаго. А Сорель дѣлаетъ такого рода замѣчаніе:

„Ce roi fit, ce jour-là, ce qu'il faisait depuis la fameuse visite au tombeau du Grand Frédéric, à Potsdam, en Novembre 1805: il céda au prestige de l'Empereur Alexandre et se jeta dans ses bras". Тѣмъ временемъ уполномоченные державъ все еще продолжали спорить въ Шатильонѣ и въ общемъ не могли спѣться. 28 января/9 февраля графъ Андрей Разумовскій, представитель Россіи, получилъ приказаніе изъ главной квартиры, перешедшей на другой день въ Труа (Troyes), отъ Нессельроде, прервать переговоры.

Военныя дѣйствія возобновились цѣлымъ рядомъ кровопролитныхъ сраженій при Шампоберѣ (Champaubert), при Монмирайлѣ и Шато-Тьерри, гдѣ снова успѣхъ временно перешелъ на сторону Наполеона, но послѣ неудачныхъ для него дѣлъ при Арсисѣ на Оби (Arcis-sur-Aube) и при Ферѣ-Шампенуа, все было потеряно, и 19/31 марта союзники вошли въ Парижъ. За то же время въ Шомонѣ (Chaumont) происходили окончательные переговоры между представителями державъ, которые закончились союзнымъ актомъ между Россіей, Австріей, Пруссіей и Англіей. Этотъ актъ періодически возобновлялся въ будущемъ въ Вѣнѣ (1815), въ Парижѣ (1815) и въ Аахенѣ (1818) и послужилъ основаніемъ Священнаго союза (la Sainte Alliance), руководившаго дѣлами Европы почти до 1848 года. Тѣмъ не менѣе, покуда искренности было мало, и въ дѣйствительности не существовало никакого дружелюбія, а одно соперничество между подписавшими договоръ.

Заключеніе Сореля даетъ истинное освѣщеніе этому акту: „Le traité était signé, mais, pour s'être engagés avec cette solennité, les alliés n'avaient pas abjuré leurs dissentiments et leurs rivalités: à l'arrière-plan, pour la paix générale, la question de Pologne et la

question de la suprématie russe; au premier plan, la question de la paix avec Napoléon ou de la déchéance de l'empire".

Князь А. Н. Голицынъ сказывалъ, что во время послѣднихъ совѣщаній передъ занятіемъ Парижа Александръ Павловичъ ему говорилъ о тѣхъ чувствахъ, которыя имъ овладѣли въ эту минуту:

„Въ глубинѣ моего сердца затаилось какое-то смутное и неясное чувство ожиданія, какое-то непреоборимое желаніе передать это дѣло въ полную волю Божію. Совѣтъ продолжалъ заниматься, а я на время оставилъ засѣданіе и поспѣшилъ въ собственную комнату; тамъ колѣни мои подогнулись сами собой, и я излилъ передъ Господомъ все мое сердце". Послѣ этого Александръ вернулся въ засѣданіе и объявилъ о намѣреніи итти немедленно на Парижъ. 19 марта совершился знаменитый въѣздъ въ столицу Франціи.

Фигура освободителя Европы привлекла вниманіе парижанъ, и восторги смѣнялись оваціями толпы, взоры которой обращались къ привлекательному образу Русскаго Государя. Александръ сіялъ на своемъ сѣромъ конѣ (когда-то подаренномъ ему Наполеономъ), въ ореолѣ блеска и славы. Выраженіе его лица и особенно глазъ показывало то настроеніе, въ коемъ онъ пребывалъ, озаренный лучами Божественнаго Провидѣнія и завершенія его завѣтной мечты. Онъ былъ, дѣйствительно, великолѣпенъ и по простотѣ формы одежды, въ вицъ-мундирѣ Кавалергардскаго полка, и по той величавой осанкѣ, которая ему была всегда присуща.

Но теперь предстояло сказать послѣднее слово и рѣшить вопросъ, какой образъ правленія предоставить Франціи. Вопросъ былъ сложный, надо было считаться съ требованіями союзниковъ и съ желаніемъ французскаго народа.

Въ этотъ моментъ главнымъ двигателемъ всего въ Парижѣ и неподражаемымъ актеромъ на аренѣ всѣхъ интригъ явился Таллейранъ. У него-то въ домѣ, на улицѣ Сенъ-Флорентенъ (Saint-Florentin), остановился Русскій Императоръ, такъ какъ была

пущена въ ходъ ловко задуманная басня, что будто бы подъ стѣнами Елисейскаго дворца заложены мины, и тамъ опасно жить Его Величеству. Не подлежитъ сомнѣнію, что и эта выдумка была устроена не безъ участія князя Беневентскаго, потому что ему было лестно и выгодно имѣть Государя подъ своей кровлей. Таллейранъ, успѣвшій уже столковаться и съ англичанами, и со всѣми агентами Бурбоновъ, быстро созвалъ находящихся въ Парижѣ сенаторовъ, и эти господа постановили огромнымъ большинствомъ изъ числа присутствующихъ на экстренномъ засѣданіи сената, призвать на престолъ Франціи единственнаго законнаго претендента, Людовика XVIII.

Все это было удивительной комедіей, въ виду отсутствія всякаго значенія сената, почти никогда не собиравшагося въ года имперіи, но для перваго впечатлѣнія ничего другого не требовалось. Очевидно, Александръ былъ озадаченъ такимъ постановленіемъ всякаго сброда людей, составлявшихъ эту коллегію, гдѣ было не мало и такихъ личностей, которыя голосовали за казнь Людовика XVI, а временное правительство Франціи, въ которомъ Таллейранъ былъ главнымъ воротилой, заявило о своемъ уваженіи къ постановленію сената. Тѣмъ временемъ Наполеонъ засѣдалъ въ Фонтенбло и помышлялъ освободить Парижъ отъ непрошенныхъ гостей, но предварительно ему нужно было завязать непосредственныя сношенія съ Александромъ. Для этой цѣли имъ были избраны Коленкуръ, какъ лицо пользовавшееся довѣріемъ Государя, и два маршала, Ней и Макдональдъ. Они явились къ Государю и были немедленно имъ приняты, къ великому смущенію временного правительства.

Бесѣда затянулась; Александръ сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы успокоить и обворожить посланныхъ Наполеона; Коленкуръ и маршалы, въ свою очередь, обратились къ великодушію Александра, умоляя его поддержать идею регентства, съ императрицей Маріей-Луизой во главѣ. На Александра Павловича это прямое обращеніе бывшаго союзника произвело извѣстное впе-

чатлѣніе, и онъ обѣщалъ маршаламъ повліять на временное правительство и сенатъ въ желанномъ для нихъ смыслѣ. Такого рода перемѣны въ образѣ мыслей Государя случались нерѣдко, подъ впечатлѣніемъ минуты, а въ данномъ случаѣ еще помогало чувство глубокой антипатіи къ Бурбонамъ. Сейчасъ же послѣ посланныхъ изъ Фонтенбло явились къ Русскому Императору лица временного правительства. Таллейранъ и Дальбергъ настаивали на прежнемъ рѣшеніи сената и убѣждали Александра въ невозможности принятія идеи какого-либо регентства.

Хотя Александръ былъ поставленъ этими разговорами, столь противоположными, въ довольно неловкое положеніе, но Его Величество объявилъ Таллейрану, что дастъ на другое утро свое окончательное рѣшеніе.

Вдругъ случилось неожиданное событіе, сразу перемѣнившее всю обстановку. Маршалъ Мармонъ измѣнилъ Наполеону и перешелъ съ ввѣренными ему войсками за рѣчку Эссонъ, т.-е. къ непріятелю.

5 апрѣля Александръ потребовалъ посланныхъ Наполеона рано по утру къ себѣ и объявилъ имъ, что предложеніе о регентствѣ отвергнуто союзниками, но что павшій владыка Франціи остается его другомъ въ несчастіи, что ему будетъ предоставленъ островъ Эльба, какъ мѣсто жительства, и что Наполеонъ можетъ разсчитывать на слово Русскаго Императора.

Таллейранъ торжествовалъ, англичане были въ восторгѣ, Меттернихъ радовался неудачѣ русскихъ замысловъ, одни французы, въ массѣ, оставались безучастными къ возвращенію своихъ законныхъ королей изъ дома Бурбоновъ.

Но былъ ли доволенъ первыми результатами отреченія Наполеона владыка земли Русской? Намъ кажется, что его волновали самыя разнообразныя чувства.

Не вѣрится, чтобы послѣ удовлетвореннаго самолюбія и паденія соперника у Александра оставалось еще чувство злобы

къ Наполеону, какъ это часто бываетъ вообще съ людьми послѣ нравственнаго успѣха, а особенно послѣ гибели противника, является что-то въ родѣ сожалѣнія или состраданія къ судьбѣ побѣжденнаго. Такое чувство долженъ былъ испытывать Александръ, а къ этому примѣшалось великодушіе побѣдителя.

Кромѣ того, Русскій Государь только-что исполнилъ обрядъ христіанина и говѣлъ на Страстной недѣлѣ Великаго поста. Св. Пасха приходилась въ 1814 году на 29 марта/10 апрѣля, одновременно съ католической.

Слѣдовательно, большинство разговоровъ происходило именно во время говѣнія. Тотъ же пріятель (confident) Государя, князь А. Н. Голицынъ, свидѣтельствуетъ, что настроеніе Александра въ ту пору было самое возвышенное.

Александръ Павловичъ ему передавалъ при первой ихъ встрѣчѣ послѣ Парижа, что „...я и здѣсь повторяю то же, что, если кого Милующій Промыслъ начнетъ миловать, тогда бываетъ безмѣренъ въ Божественной своей изобрѣтательности. И вотъ, въ самомъ началѣ моего говѣнія добровольное отреченіе Наполеона, какъ будто нарочно, поспѣшило въ радостномъ для меня благовѣстіи, чтобы совершенно уже успокоить меня и доставить мнѣ всѣ средства начать и продолжать мое хожденіе въ церковь“ *).

Начало говѣнія, т.-е. 23 марта/4 апрѣля, понедѣльникъ Страстной недѣли, совпало именно съ днемъ измѣны Мармона и съ отреченіемъ Наполеона. Кромѣ того, весьма оригинально, что Государь говѣлъ вмѣстѣ съ другимъ своимъ пріятелемъ, А. А. Аракчеевымъ, только-что смиренно отказавшимся отъ фельдмаршальскаго жезла. Алексѣй Андреевичъ, видимо, придавалъ особое значеніе этому факту совмѣстнаго говѣнія и записалъ въ своемъ журналѣ за 1814 годъ: „Государь изволилъ говѣть и пріобщаться

*) Шильдеръ, III т., стр. 222.

Св. Тайнъ, равномѣрно и графъ Аракчеевъ". Потому мы относимся весьма осторожно къ разнымъ свидѣтельствамъ иностранцевъ въ ихъ воспоминаніяхъ этой эпохи, и особенно къ тѣмъ изъ нихъ, которые старались опредѣлить роль Александра и догадаться объ истинныхъ его помышленіяхъ.

Такъ Пакье (Pasquier), бывшій тогда префектомъ полиціи въ Парижѣ, записалъ въ своихъ мемуарахъ ту рѣчь, которую сказалъ Русскій Императоръ представителямъ Парижа передъ вступленіемъ союзниковъ въ столицу: „Je n'ai qu'un ennemi en France, et cet ennemi est l'homme qui m'a trompé de la manière la plus indigne, qui a abusé de ma confiance, qui a trahi avec moi tous les serments, qui a porté dans mes Etats la guerre la plus inique, la plus odieuse. Toute réconciliation entre lui et moi est désormais impossible, mais je le répète, je n'ai en France que cet ennemi. Tous les Français, hors lui, sont bien vus de moi. J'estime la France et les Français, et je souhaite qu'ils me mettent dans le cas de leur faire du bien... Dites donc, messieurs, aux Parisiens que je n'entre pas dans leurs murs en ennemi, et qu'il ne tient qu'à eux de m'avoir pour ami; mais dites aussi que j'ai un ennemi unique en France, et qu'avec celui-là je suis irréconciliable".

Эта рѣчь только доказала тактъ и пониманіе Александромъ истиннаго положенія дѣлъ во Франціи, а тирады по адресу Наполеона были исключительно разсчитаны на эффектъ.

Когда послѣдовала встрѣча нашего Государя съ королемъ Людовикомъ XVIII, то она произвела отталкивающее впечатлѣніе на Александра, и холодность въ обращеніи была обоюдная.

Послѣ этого, Александръ старался показать еще бо́льшее вниманіе всѣмъ тѣмъ, кто былъ связанъ семейными узами съ павшимъ императоромъ, что доказали неоднократныя его посѣщенія императрицы Жозефины и ея дочери, королевы Гортензіи. Несмотря на всѣ протесты многихъ изъ союзниковъ и въ особенности Меттерниха, Александръ настоялъ, чтобы островъ Эльба

былъ предоставленъ во владѣніе Наполеона, и командировалъ своего генералъ-адъютанта графа П. А. Шувалова, чтобы сопровождать его при проѣздѣ чрезъ Францію. Интересно, что при заключеніи окончательнаго мирнаго договора 18/30 мая не было ни слова сказано о судьбѣ Польши. Относительно этого вопроса у Александра составился вполнѣ опредѣленный планъ.

Князь Чарторыжскій, зорко слѣдившій за ходомъ событій, поспѣшилъ явиться въ главную квартиру союзниковъ въ Шомонѣ и, вмѣстѣ съ остальными, прибылъ въ Парижъ. Появленіе его могло бы пройти незамѣченнымъ въ той пестрой свитѣ, которая окружала союзныхъ монарховъ. Лагарпъ, Жомини, Поццо, Штейнъ привлекали бо̀льшее вниманіе, но пріѣздъ польскаго князя былъ весьма непріятенъ для Меттерниха и Гарденберга. Они не безъ основанія боялись его вліянія, а такъ какъ польскій вопросъ особенно тревожилъ Австрію и Пруссію, то, несмотря на всѣ прочіе интересы, пришлось слѣдить за дѣйствіями непрошеннаго новаго гостя.

Чарторыжскаго видѣли во всѣхъ салонахъ Парижа, гдѣ онъ былъ радушно принятъ. Благодаря его проискамъ, на одномъ изъ баловъ старикъ Костюшко былъ представленъ Императору Александру и удостоенъ крайне любезной бесѣдой. Желаніе старика вернуться на свою родину и умереть въ Польшѣ было принято къ свѣдѣнію, и дано обѣщаніе удовлетворить это ходатайство. Въ то же время цесаревичъ Константинъ восхищался польскими войсками и, по словамъ Шильдера, пилъ за здравіе польской націи на завтракѣ у графа Красинскаго. Александръ, въ свою очередь, принялъ двухъ представителей польскихъ войскъ, безпокоившихся о дальнѣйшей судьбѣ ихъ, и они также были обласканы Русскимъ Государемъ. Словомъ, всѣ предварительные ходы были мастерски разсчитаны для дальнѣйшей работы на почвѣ сближенія, но Александръ избѣгалъ открывать свои карты, а только обвораживалъ поочередно видѣнныхъ имъ поляковъ. Изъ переписки князя Чарторыжскаго съ Н. Н. Новосильцовымъ видно,

что князь Адамъ былъ удовлетворенъ и остался убѣжденнымъ, что Александръ не измѣнилъ взглядовъ на дорогой ему польскій вопросъ.

Дальнѣйшее о судьбѣ Варшавскаго герцогства рѣшено было обсудить на конгрессѣ въ Вѣнѣ.

Въ концѣ мая 1814 года Императоръ Александръ поѣхалъ въ Англію, куда давно его звала любимая сестра Екатерина *), уже раньше прибывшая въ Лондонъ. Опять блестящая свита сопровождала Высокаго посѣтителя и его спутника, короля прусскаго. Здѣсь, кромѣ Барклая и Платова, англичане могли увидѣть Блюхера и Іорка, а также и князя Чарторыжскаго, ловко проскользнувшаго въ число лицъ государевой свиты.

Вся Англія встрѣтила, какъ нельзя болѣе радушно, освободителя Европы. На этомъ единодушномъ настроеніи такой дисциплинированной страны, какъ Великобританія, можно было, при желаніи, сдѣлать многое и завязать прочныя сношенія между обѣими націями. Къ сожалѣнію, Александръ подпалъ всецѣло подъ вліяніе своей взбалмошной сестры Екатерины, не обратилъ никакого вниманія на суть дѣла и возможныя выгоды своего пребыванія для интересовъ Россіи, а отдался лишь внѣшнимъ проявленіямъ любезности при радушіи такого пріема. Государь уже начиналъ поддаваться тому религіозному настроенію, которое оказало впослѣдствіи роковые результаты; внутренняя борьба не мѣшала ему предаваться чувствамъ тщеславія и даже какъ будто веселиться на нескончаемыхъ балахъ и вечерахъ, устроенныхъ въ честь его лондонской аристократіей. Все это весьма живо и рельефно разсказано въ воспоминаніяхъ княгини Ливенъ, супруги русскаго посла **). Словомъ, мѣсяцъ, проведенный въ Англіи, далъ лишь

*) Великій Князь Николай Михаиловичъ, „Переписка Императора Александра I съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной". Петербургъ, 1910.

**) См. Переписка Императора Александра съ сестрой Великой Княгиней Екатериной Павловной, стр. 225—247.

обратные результаты. Регентъ (впослѣдствіи король Георгъ IV), его министры, часть общества, вся офиціальная Англія остались недовольны и возмущались заигрываніемъ Александра и его сестры съ оппозиціей, а пока шли увеселенія, за спиной Русскаго Императора уже образовалось враждебное звено въ лицѣ лорда Касльри и князя Меттерниха, которое вскорѣ на Вѣнскомъ конгрессѣ привело къ печальнымъ послѣдствіямъ.

Путешествіе, отъ котораго такъ много ожидали всѣ искренно желавшіе сближенія между Россіей и Англіей, не привело ни къ чему, а дало лишь поводы къ недовольству и злобѣ. Посѣтивъ, на обратномъ пути, мимолетно Голландію и супругу свою въ Бруксалѣ, гдѣ съѣхалась для встрѣчи вся баденская родня, Его Величество вернулся въ Петербургъ 13 іюля 1814 года. Полтора мѣсяца провелъ Государь въ столицѣ, но это кратковременное посѣщеніе родины дало себя знать во многихъ распоряженіяхъ и перемѣнахъ въ личномъ составѣ сотрудниковъ.

Шильдеръ съ болью въ сердцѣ говоритъ: „Быстрыми шагами приближалось то печальное время, когда усталый побѣдитель Наполеона долженъ былъ скрыться за мрачной фигурой гатчинскаго капрала“ *). Намъ кажется, что рано еще говорить объ усталости „побѣдителя Наполеона“; это состояніе обнаружилось гораздо позже, т.-е. послѣ Ватерло и вторичнаго возвращенія въ Россію. Теперь же настроеніе явилось иное, и вѣрнѣе было бы опредѣлить его періодомъ броженія, борьбы внутренней, постояннаго недовольства собой и окружающими, но объ усталости еще не было и помина. Послѣдовательно были уволены отъ должностей: канцлеръ графъ Румянцевъ, государственный секретарь Шишковъ и главнокомандующій Москвы графъ Ростопчинъ.

Относительно первыхъ двухъ это было логично, такъ какъ оба давно хворали и оказались неспособными къ работѣ; Румян-

*) Шильдеръ, III т., стр. 250.

цева уже de facto, съ конца 1812 года, замѣнилъ Нессельроде. Шишковъ, больной, не могъ сопутствовать Императору ни въ Парижъ, ни въ Англію, и лѣчился въ Германіи. Вмѣсто него, былъ назначенъ 30 августа 1814 г. А. Н. Оленинъ.

Что же касается увольненія графа Ростопчина, то надобность въ немъ прекратилась съ Отечественной войной; онъ былъ всегда антипатиченъ Александру, а въ ту пору была сдѣлана уступка общественному мнѣнію. Ѳедоръ Васильевичъ глубоко обидѣлся и оскорбился такимъ явнымъ невниманіемъ къ его особѣ, болѣе не принималъ участія въ дѣлахъ до кончины (1826), не посѣщалъ засѣданій Государственнаго Совѣта, переселился за границу и истощалъ свое остроуміе то въ парижскихъ салонахъ, то въ перепискѣ съ немногими друзьями.

Вернувшись въ Россію, Александръ Павловичъ пожелалъ письменнымъ обращеніемъ къ населенію засвидѣтельствовать свою благодарность всѣмъ сословіямъ. Для этой цѣли 30 августа 1814 г. былъ обнародованъ обширный манифестъ, написанный Шишковымъ, но со многими измѣненіями, сдѣланными рукою Александра. Въ своихъ воспоминаніяхъ Шишковъ записалъ слѣдующее: „По написаніи сего манифеста, неоднократно читалъ я оный Государю, и всегда въ присутствіи графа Аракчеева, чего при прежнихъ чтеніяхъ писанныхъ мною бумагъ никогда не бывало. При первомъ чтеніи, Государь съ нѣкоторою суровостью спросилъ у меня: Для чего дворянство я поставилъ выше воинства? (ибо такъ у меня сперва было). Я отвѣчалъ, что дворянство есть первое государственное сословіе, снабжающее войско изъ среды себя полководцами, военноначальниками, ратниками и, словомъ, всѣми потребными силами; а потому, яко цѣлое, долженствуетъ преимуществовать передъ частью самого себя. — „Вотъ“, сказалъ мнѣ съ насмѣшкой Государь, „стану я равнять такого-то съ такимъ-то!“ (онъ назвалъ здѣсь два лица по имени). На это отвѣчалъ я: „Государь! сравненіе двухъ частныхъ лицъ не даетъ справедливаго

заключенія о двухъ сословіяхъ, происходящихъ одно отъ другого". — Я хотѣлъ продолжать еще дальше мои доводы, но Государь не слушалъ меня, повелительнымъ голосомъ приказалъ мнѣ статью о воинствѣ поставить выше статьи о дворянствѣ, и я въ первый разъ, увидя его гнѣвнаго, принужденъ былъ замолчать. На другой день, переписавъ бумагу, принесъ я ему оную для подписанія. Прочиталъ еще разъ. Онъ взялъ перо; но вдругъ остановился, оттолкнулъ отъ себя бумагу и сказалъ: „Я не могу подписать того, что противно моей совѣсти, и съ чѣмъ я ни мало не согласенъ". Я съ удивленіемъ взглянулъ на него и, увидя, что онъ отъ досады весь покраснѣлъ, сказалъ ему съ твердостью: „Государь, Вы нигдѣ при чтеніяхъ моихъ не изволили сдѣлать замѣчанія Вашего, и потому я не знаю, какое мѣсто или слово противно мнѣнію и волѣ Вашего Величества". Онъ указалъ мнѣ на статью о помѣщикахъ и крестьянахъ, гдѣ о существующей между ними связи сказано: *„...на обоюдной пользѣ основанная"*. Выраженіе сіе находилъ онъ съ мнѣніемъ своимъ несогласнымъ и несправедливымъ. Я хотѣлъ объяснить ему, что всякая связь между людьми, изъ которыхъ одни повелѣваютъ, а другіе повинуются, на семъ токмо основаніи нравственна и благотворна; что самая вѣра и законы предписываютъ сіе правило, и что помѣщики, не наблюдающіе онаго, лишаются власти управлять своими подчиненными; но онъ, не допустивъ меня ни до какихъ объясненій, вычернилъ одно только сіе выраженіе, оставя все прочее, то же самое подтверждающее, и отдалъ мнѣ бумагу назадъ для переписанія. Сіе несчастное въ Государѣ предубѣжденіе противъ крѣпостного права въ Россіи, противъ дворянства и противъ всего прежняго устройства и порядка внушено ему было находившимся при немъ Лагарпомъ и другими, окружавшими его, молодыми людьми, воспитанниками французовъ, отвращавшими глаза и сердце свое отъ одежды, отъ языка, отъ нравовъ, словомъ, отъ всего

Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ

Князь М. И. Кутузовъ

Князь П. И. Багратіонъ

П. В. Чичаговъ

русскаго“ *). Свидѣтельство такого человѣка, какъ Шишковъ, для насъ цѣнно, но вовсе не по причинамъ, выставленнымъ покойнымъ Н. К. Шильдеромъ, видѣвшимъ здѣсь уже выдвигающееся вліяніе Аракчеева, которое въ данномъ случаѣ мы отрицаемъ.

Александру Павловичу дворянство было всегда ненавистно, и корень ненависти скрывался не въ крѣпостномъ правѣ, а въ роли дворянства въ кровавомъ событіи 11 марта 1801 года, не забытомъ Государемъ въ теченіе всей его жизни.

Присутствіе же Аракчеева при разговорѣ съ Шишковымъ объясняется просто желаніемъ имѣть свидѣтеля при переговорахъ о такомъ важномъ манифестѣ; Шишкову же, вѣроятно, измѣнила память, когда онъ писалъ свои записки. Вѣдь, при паденіи Сперанскаго, разговоры его съ Аракчеевымъ и Балашовымъ были совмѣстны, также и тогда, когда понадобилось добиться удаленія Александра изъ дѣйствующей арміи, въ 1812 году; для избранной цѣли именно Шишковъ настаивалъ тогда, чтобы Аракчеевъ сталъ докладчикомъ ихъ взаимнаго соглашенія, что и было на самомъ дѣлѣ. Что въ настоящемъ случаѣ Аракчеевъ присутствовалъ, „но хранилъ глубокое молчаніе“, то это скорѣе потому, что и онъ хотѣлъ догадаться о причинахъ гнѣва Государя и о его истинныхъ намѣреніяхъ. А при нѣкоторомъ сомнѣніи, естественно, что Аракчеевъ предпочелъ молчать. Слова же манифеста „надѣемся, что продолженіе мира и тишины подастъ намъ способъ не токмо содержаніе воиновъ привесть въ лучшее и обильнѣйшее прежняго, но даже дать осѣдлость и присоединить къ нимъ и семейства“, есть весьма прозрачный намёкъ на идею военныхъ поселеній; въ этомъ Шильдеръ правъ, но сама мысль исходила изъ головы Государя, а вовсе не отъ Аракчеева, бывшаго противникомъ такого учрежденія. Шишкову же было поручено составленіе манифеста, какъ государственному секретарю и какъ человѣку, прекрасно

*) Записки, мнѣнія и переписка А. С. Шишкова. Изданіе Н. Киселева и Ю. Самарина. Берлинъ, 1870 г., т. I, стр. 308.

владѣвшему перомъ, но это былъ его послѣдній актъ, потому что именно 30 августа онъ былъ замѣненъ Оленинымъ и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Лучшимъ свидѣтельствомъ настроенія Императора при возвращеніи въ Петербургъ (въ 1814 году) служитъ показаніе князя А. Н. Голицына. Вотъ что онъ говорилъ: „...Наконецъ, Государь возвратился къ намъ въ Петербургъ. Я уже давно летѣлъ въ мысляхъ своихъ къ нему навстрѣчу; чаянія и ожиданія мои были велики. Я не ошибся въ нихъ! Я не могъ довольно насмотрѣться на возлюбленнаго Александра: онъ весь былъ проникнутъ смиреніемъ и самоотверженіемъ; въ пылу неумолкающихъ плесковъ народныхъ, онъ все воздавалъ Господу силъ и Ему только одному усвоивалъ побѣду. Любовность его, столь ему всегда свойственная, взяла характеръ какого-то типичнаго равнодушія, изъ глубины, однакожъ, котораго выказывалась *воля энергичная, воля всепоборающая*"....

Но болѣе всего Государя занималъ въ разсматриваемое время вопросъ польскій, и когда Его Величество отправился 1/13 сентября на Вѣнскій конгрессъ, то рѣшилъ заѣхать на пути въ имѣніе князей Чарторыжскихъ Пулавы, чтобы этимъ показать наяву незыблемое расположеніе къ полякамъ, несмотря на ихъ враждебную роль въ минувшую Отечественную войну. По дорогѣ въ Пулавы, въ мѣстечкѣ Бялы, встрѣтила Государя польская депутація, во главѣ съ княземъ Сулковскимъ, а также Н. Н. Новосильцовъ, какъ членъ временного управленія герцогства Варшавскаго. Александръ Павловичъ принялъ поляковъ любезно и сказалъ имъ краткую рѣчь, гдѣ всякое слово было обдумано. Новосильцовъ писалъ своему другу, графу П. А. Строганову, по поводу сказаннаго: „Le discours qu'il leur a tenu était si fort de raison, si logique et en même temps si mesuré et si adroit que les bras me sont tombés d'étonnement. Il n'a rien promis, il ne s'est engagé à rien et a tout demandé".

Насъ удивляетъ не то, что счелъ нужнымъ сказать Государь, а удивленіе Новосильцова, который долженъ былъ неоднократно работать съ державнымъ покровителемъ поляковъ и могъ успѣть привыкнуть къ способамъ и взглядамъ, имъ проводимымъ. Но послѣ распаденія тріумвирата, Новосильцова постигла опала за рядъ всякихъ промаховъ и его чрезмѣрную самонадѣянность; когда онъ снова былъ привлеченъ къ работѣ, то произошло это исключительно по ходатайству его же друзей, Строганова и Чарторыжскаго. Онъ былъ близкій сотрудникъ монарха, и странно изъ его устъ слышать, что „les bras me sont tombés d'étonnement". Это только до очевидности показываетъ, насколько мало знали Александра Павловича не только современники вообще, но и приближенные.

Шильдеръ, преслѣдуемый idée fixe, что вліяніе Аракчеева чувствовалось во всемъ, въ примѣчаніяхъ къ III тому говоритъ: „Императоръ Александръ даже въ Пулавахъ вспомнилъ графа Аракчеева, находившагося въ то время въ своемъ любезномъ Грузинѣ, и не упустилъ случая обрадовать его слѣдующими дружескими строками, написанными 6 сентября, передъ отъѣздомъ: „Благодарю тебя, любезный Алексѣй Андреевичъ, за твои желанія отъ 5 числа; ты знаешь, сколь искренно я тебя люблю. Сейчасъ ѣду дальше". Недоумѣваемъ, что было особеннаго въ томъ, что въ Пулавахъ Императоръ вспомнилъ пріятеля и отвѣтилъ ему двумя словами на поздравленіе съ днемъ Ангела Государыни Елисаветы Алексѣевны (5 сентября). Смѣемъ высказать какъ разъ обратное мнѣніе, а именно, что Аракчеева Государь не взялъ съ собой на конгрессъ, какъ элементъ, ему тамъ не нужный, и что это было сдѣлано не случайно, а потому, что Александръ считалъ его присутствіе болѣе полезнымъ въ Россіи. Въ дни же конгресса въ Вѣнѣ, едва ли Александръ часто вспоминалъ Алексѣя Андреевича, а предавался болѣе сложнымъ заботамъ. Нѣсколько дней, проведенныхъ въ лонѣ семьи Чарторыжскихъ, наканунѣ конгресса, были не только актомъ вѣжливости, но, очевидно, имѣли

и политическій характеръ. Это прекрасно поняли наши сосѣди, австрійцы и пруссаки, и приготовились къ ходамъ борьбы относительно судьбы Польши въ Вѣнѣ.

Хотя въ сентябрѣ весь европейскій ареопагъ былъ уже почти въ сборѣ въ столицѣ Австріи, но самый конгрессъ еще долго не открывался, а шли предварительныя работы и частныя спѣвки между различными представителями державъ. Русскими уполномоченными были графъ Нессельроде, князь Андрей Разумовскій и русскій посолъ въ Вѣнѣ гр. Штакельбергъ. Къ нимъ были прикомандированы Поццо-ди-Борго, Каподистріа, Анстетъ, и въ качествѣ illustre étranger — князь Адамъ Чарторыжскій, но онъ никакого прямого участія въ переговорахъ не принималъ.

Отмѣтимъ, что въ числѣ уполномоченныхъ Россіи и приданныхъ имъ сотрудниковъ находился только одинъ коренной русскій — князь Разумовскій, остальные были три нѣмца, корсиканецъ, грекъ и, въ качествѣ outsider'a, полякъ. Руководителями же всѣхъ этихъ господъ былъ самъ Государь, написавшій собственноручно краткую программу занятій, озаглавленную: „Points sommaires de l'instruction“.

Въ журналѣ Михайловскаго-Данилевскаго за 1815 годъ отмѣчено, между прочимъ: „Императоръ употреблялъ теперь генераловъ и дипломатовъ, не какъ своихъ совѣтниковъ, но какъ исполнителей своей воли; они его боятся, какъ слуга своего господина“. (Это свидѣтельство заслуживаетъ нѣкотораго вниманія: Данилевскій былъ флигель-адъютантомъ и находился въ Вѣнѣ въ числѣ лицъ свиты.) Не подлежитъ сомнѣнію, что руководство всѣми дѣлами во времена конгресса было сосредоточено въ рукахъ Александра, который по очереди находилъ время, при безконечныхъ празднествахъ, бесѣдовать равно и со своими сотрудниками, и съ иностранцами. Рѣдко приходилось такъ трудно и сложно обо всемъ подумать, ничего не упустить, не увлекаясь деталями, и опредѣленно держать намѣченную линію. И надо отдать должное

работоспособности монарха, постоянно отвлекаемаго отъ занятій то родственниками, какъ русскими *), такъ и иностранными, то устраиваемыми развлеченіями. Описать всего, происходившаго на Вѣнскомъ конгрессѣ, почти невозможно, но насъ интересуютъ лишь главныя фигуры тѣхъ, которые орудовали на этомъ единственномъ въ своемъ родѣ съѣздѣ, напоминавшемъ какую-то международную ярмарку, съ самыми разнородными стремленіями, сдѣлавшуюся игралищемъ всѣхъ страстей и самыхъ невѣроятныхъ интригъ.

Кромѣ Императора Александра, два лица обращали на себя всеобщее вниманіе: Таллейранъ и Меттернихъ. Кто былъ ловчѣе, трудно опредѣлить, но французъ проявилъ все свое вѣроломство, всю гибкость своей фальшивой натуры, величаво прикрытую чувствами патріота несчастной Франціи; австріецъ, снѣдаемый тщеславіемъ, безподобно умѣвшій пользоваться слабостями людей, вообще, и обстановкой, въ частности, хитрый и вкрадчивый, желалъ стать во главѣ всѣхъ комбинацій и вырвать изъ рукъ повелителя Россіи руководство въ преніяхъ. Оба часто видѣлись, часто сходились во взглядахъ, какъ дѣльцы, но въ душѣ другъ друга презирали и ненавидѣли.

Таллейрана никто не жаловалъ, но всѣ боялись; Меттерниха боялись одинаково, но многое прощали, такъ какъ онъ былъ нуженъ большинству пріѣхавшихъ дѣлить Наполеоново наслѣдство. Поццо-ди-Борго, нашедшій уже для своихъ замысловъ отличное помѣщеніе собственной особы въ качествѣ русскаго посла при Бурбонахъ и генералъ-адъютанта **) Александра I, говоря о Таллейранѣ охарактеризовалъ его въ одномъ изъ писемъ къ Нессельроде очень мѣтко: „C'est un homme qui ne ressemble à aucun autre, il gâte, il arrange, il intrigue, il gouverne de cent manières différentes

*) Въ Вѣнѣ находились: Императрица Елисавета, цесаревичъ Константинъ, великія княгини Марія и Екатерина Павловны.

**) Поццо-ди-Борго назначенъ генералъ-адъютантомъ 2/14 апрѣля 1814 года.

par jour. Son intérêt pour les autres est proportionné au besoin qu'il en a dans le moment". Въ данномъ случаѣ, въ Вѣнѣ, Таллейранъ, стараясь держать высоко знамя Франціи, умѣло перессорилъ союзниковъ.

Два вопроса встрѣтили особенныя затрудненія и повлекли къ нескончаемымъ преніямъ, это вопросы о судьбѣ Польши и Саксоніи. Россія требовала получить всѣ тѣ земли, которыя именовались герцогствомъ Варшавскимъ *); Пруссія намѣревалась захватить всю Саксонію, но тому и другому противилась Австрія, въ лицѣ Меттерниха, не желавшаго слишкомъ большого роста земельныхъ пріобрѣтеній на восточной границѣ Австріи и территоріальнаго увеличенія владѣній Пруссіи, могущихъ дать этой державѣ первенствующее вліяніе въ Германіи. Самое трудное было Александру столковаться съ своимъ союзникомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, несмотря на всѣ взаимныя любовныя изліянія, выразившіяся въ ихъ перепискѣ **) и личныхъ разговорахъ. Вожделѣнія Пруссіи не ограничивались только желаніемъ пріобрѣсти Саксонію, но и часть польскихъ земель по Вислѣ.

Къ протестамъ Австріи присоединились также англичане, поддерживаемые и Таллейраномъ ***).

12 октября Кальри обратился съ письмомъ къ Императору Александру, оспаривая притязанія Россіи на герцогство Варшавское; 30 октября Государь отвѣтилъ англійскому представителю въ довольно раздраженной формѣ, присоединивъ къ письму особую объяснительную записку, составленную княземъ Чарторыжскимъ.

*) Пруссіи соглашались уступить въ крайнемъ случаѣ Познань (Posen) до линіи, проведенной отъ Торна до Пейзерна и оттуда вдоль Просны до границы Силезіи, и Кульмскій округъ до Древенца, за исключеніемъ района вокругъ Торна.

**) Bailleu: Lettre d'Alexandre à Frédéric-Guillaume du 2 août 1814 et celle de Frédéric-Guillaume à Alexandre du 19 août 1814.

***) Это повело къ тайному соглашенію между этими тремя державами, т.-е. Австріей, Англіей и Франціей, заключенному въ Вѣнѣ 9/21 декабря 1814 года и направленному противъ Россіи и Пруссіи.

Но и это не удовлетворило Кальри, и 4 ноября онъ написалъ Государю новое посланіе въ болѣе мягкомъ тонѣ, на которое 21 ноября Императоръ отвѣтилъ еще болѣе категорично меморандумомъ, написаннымъ Каподистрія. Невиданная полемика, въ видѣ частной переписки, окончательно разсердила Русскаго Государя, и Александръ потребовалъ прекратить такой способъ переговоровъ.

Неоднократно переговоры принимали такой острый характеръ, что можно было опасаться разрыва и прекращенія преній, но неожиданная высадка Наполеона 23 февраля 7 марта 1815 года повліяла благотворно, и соглашеніе все-таки было достигнуто. (Оно ознаменовалось подписаніемъ заключительнаго трактата 27 мая 8 іюня 1815 г. между Россіей, Франціей, Пруссіей, Австріей, Англіей, Испаніей, Швеціей и Португаліей.) Въ главныхъ чертахъ, то, чего такъ настойчиво добивался Русскій Государь, было достигнуто. Россія навсегда присоединила герцогство Варшавское, но Познань, Бромбергъ и Торнъ отошли къ Пруссіи, въ видѣ компенсаціи за то, что Саксонія все же осталась королевствомъ и не была окончательно раздѣлена; кромѣ того, Тарнопольская область, уступленная Россіи въ 1809 году, была возвращена Австріи, а Краковъ сталъ вольнымъ городомъ. Эти уступки были сдѣланы, главнымъ образомъ, въ виду появленія Наполеона, и Александру пришлось пожертвовать земельными вознагражденіями, чтобы не мѣшать солидарности коалиціи. Идея Александра Павловича возсоздать подъ своимъ скипетромъ Польское королевство, съ особой конституціей, не встрѣчала никакого сочувствія не только въ средѣ русскихъ людей, но даже и чужеземцевъ, какъ Поццо-ди-Борго. Знаменательно и то, что графъ Нессельроде, а также В. С. Ланской, изъ Варшавы, умоляли Государя не создавать этой роковой ошибки. Александръ остался глухъ ко всѣмъ увѣщаніямъ и шелъ къ намѣченной цѣли твердо и опредѣленно. Въ этомъ вопросѣ у него проявилось какое-то рыцарское чувство не только къ другу дѣтства и юности князю Чарторыжскому, но и вообще къ

полякамъ, которымъ онъ не переставалъ вѣрить; онъ надѣялся на полное ихъ сліяніе съ русскими при умѣломъ и самостоятельномъ управленіи Польшей *). Заблужденіе шло такъ далеко, что смущало всѣхъ его сотрудниковъ, знавшихъ, что такого рода рѣшенія уже походили на упрямство, съ которымъ бороться было немыслимо.

Ланской, человѣкъ обыкновенныхъ способностей, но хорошо знавшій условія Польскаго края, выражался въ письмѣ къ Государю не столько смѣло, сколько трогательно. Письмо кончалось словами: „....Государь, простите русскому, открывающему передъ тобою чувства свои и осмѣливающемуся сблизить съ нимъ народъ и вообще войско польское, коего прежнее буйное поведеніе и сообразныя оному наклонности противны священнымъ нашимъ правиламъ; и потому, если я не ошибаюсь, то въ формируемомъ войскѣ питаемъ мы змія, готоваго всегда изліять ядъ свой на насъ. Болѣе не смѣю говорить о семъ и, какъ сынъ отечества, какъ вѣрный подданный Вашему Императорскому Величеству, не имѣю другой цѣли въ семъ донесеніи, кромѣ искренняго увѣренія, что ни въ какомъ случаѣ считать на поляковъ не можно“ *(4 мая 1815 года).*

Письмо не имѣло ни малѣйшаго успѣха. Свидѣтельство Поццо-ди-Борго еще поразительнѣе. Встрѣтившись въ Вѣнѣ черезъ семнадцать лѣтъ послѣ конгресса, въ 1832 году, съ барономъ П. К. Мейндорфомъ, на вопросъ барона, правда ли, что онъ, Поццо, предсказалъ польскую революцію 1831 года, старикъ корсиканецъ ему отвѣтилъ:

„Cela m'a valu la disgrâce de Sa Majesté, et il ne me l'a jamais pardonné. Dans le fait, Alexandre m'avait fait venir ici pour défendre ses intérêts et le représenter au congrès comme plénipo-

*) Dębicky, Puławy, т. II. Письмо князя Адама Чарторыжскаго къ его отцу отъ 1 (13), X, 1814 г.—Князь Адамъ удивлялся настойчивости Александра и восторгался дѣйствіями Государя по польскому вопросу.

tentiaire. Quand j'arrivai, il me fit venir dans son cabinet, et là il me tint pendant deux heures me parlant d'abord du ton d'un inspiré et „le sang dans l'œil“ des injustices commises depuis si longtemps envers cette pauvre Pologne, de la nécessité de réparer cette injustice en rétablissant la Pologne et en lui rendant ses anciennes provinces conquises par la Russie. Après avoir longtemps déclamé là-dessus, il me dit qu'il m'avait choisi pour travailler à la charte de Pologne. Tout d'abord je jugeai dans quelle fausse route il cheminait et lui fis comprendre que ce serait non seulement une faute, mais un crime envers la Russie de faire ressusciter par elle son plus cruel ennemi; que la Pologne ainsi rétablie serait pour les affaires intérieures de la Russie un cancer, comme pour ses relations extérieures, et que les ennemis de la Russie dirigeraient toute leur action et toutes leurs espérances sur la Pologne; enfin, que le mal qu'on avait fait n'était plus humainement réparable et que dans tous les cas on ne pouvait, pour arriver à ce but, faire un nouveau mal; que les anciennes provinces polonaises avaient été acquises à la Russie par l'Impératrice Catherine, et que la nation ne lui pardonnerait jamais de disposer ainsi d'une chose qu'elle regarderait comme ne lui appartenant pas“ ... *).

Не надо забывать, что Поццо былъ иностранецъ и въ 1815 году состоялъ еще недолго на русской службѣ. Тѣмъ болѣе его взглядъ поражаетъ своей ясностью и прозорливостью. Торжествовалъ одинъ князь Адамъ Чарторыжскій. Труды столькихъ лѣтъ и всѣ его заботы для блага соотечественниковъ не пропали даромъ. Онъ могъ гордиться справедливо и гордился не только тогда, но и въ глубокой старости, когда, сидя въ Парижѣ, послѣ двухъ польскихъ революцій 1831 и 1863 годовъ, князь окончательно порвалъ всѣ связи свои съ Россіей. Чувство глубокой благодарности къ другу дѣтства сквозитъ всюду въ его воспо-

*) Изъ неизданныхъ бумагъ барона Петра Казимировича Мейендорфа, см. статью Великаго Князя Николая Михаиловича въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1910 г.

минаніяхъ, и онъ до могилы чтилъ память Александра I, несмотря на всю ненависть къ его преемнику Императору Николаю и къ русскимъ, вообще.

Князь Адамъ не брезгалъ никакими средствами и ни передъ чѣмъ не останавливался, чтобы добиться осуществленія своей завѣтной мечты, т.-е. возстановленія Польши, какъ отдѣльной государственной величины.

Зная, что въ 1814 году, въ Лондонѣ, Государь видѣлся съ знаменитымъ писателемъ и законовѣдомъ Іереміей Бентамомъ, котораго самъ польскій князь частенько посѣщалъ за лондонское пребываніе, Чарторыжскій постарался завести отношенія между Императоромъ и Бентамомъ. По его внушенію, Бентамъ написалъ два письма, въ 1814 и 1815 годахъ, Александру Павловичу (эти письма были напечатаны въ 1869 году въ „Вѣстникѣ Европы" покойнымъ Пыпинымъ), изъ которыхъ второе было ему передано въ Вѣнѣ Чарторыжскимъ. Въ сношеніяхъ съ Бентамомъ Государь интересовался пересмотромъ законовъ, когда-то порученнымъ барону Розенкампфу, потомъ Сперанскому, а потомъ забытымъ. Насъ тутъ интересуетъ тотъ фактъ, что Александръ въ 1814 году вспомнилъ вообще объ этихъ пересмотрахъ законовъ, когда мысли его были направлены совсѣмъ въ другую сторону. Это объясняется просто: князю Чарторыжскому понадобился кодексъ законовъ для возстановленнаго Польскаго королевства; тогда сталъ ему нуженъ и Бентамъ, а въ бесѣдахъ въ Лондонѣ и Вѣнѣ съ Государемъ на его излюбленную тему, онъ весьма легко заинтересовалъ Александра вопросомъ о законахъ. Но въ данномъ случаѣ вовсе не думали о пересмотрѣ русскихъ законовъ, а исключительно польскихъ; поэтому Государь и отвѣтилъ любезно на первое письмо Бентама, гдѣ говорилось много о Польшѣ; на второе же письмо не послѣдовало отвѣта, такъ какъ англичанинъ очень подробно коснулся вопроса о Россіи и пересмотра именно русскаго законодательства въ нескончаемо длинномъ посланіи, а въ планы Импера-

тора въ 1815 году не входило никакихъ преобразованій на этой почвѣ. На этихъ двухъ письмахъ Бентама къ Государю и одномъ письмѣ Александра къ англичанину и прекратились ихъ сношенія, къ великому огорченію и разочарованію самого Бентама, которыя еще усугубились, когда онъ узналъ, что не князь Чарторыжскій былъ назначенъ вице-королемъ Польши, а совсѣмъ неизвѣстный ему генералъ Заіончекъ, въ роли намѣстника.

Письмо Александра къ Бентаму гласило:

Вѣна, 10/22 апрѣля 1815 года.

„Съ большимъ интересомъ я прочелъ письмо и находящіяся въ немъ предложенія содѣйствовать вашими познаніями законодательнымъ трудамъ, имѣющимъ цѣлью доставить моимъ подданнымъ новый кодексъ законовъ. Это дѣло слишкомъ близко моему сердцу, и я придаю ему такое высокое значеніе, что не могу не желать воспользоваться, при его совершеніи, вашими знаніями и опытностью. Я предпишу комиссіи, на которую возложено исполненіе этого дѣла, прибѣгать къ вашему содѣйствію и обращаться къ вамъ съ вопросами". (Мимоходомъ скажемъ, что никакихъ вопросовъ Бентаму не было предложено, потому что въ 1815 году комиссія существовала только номинально и бездѣйствовала.) Иначе звучало письмо князя Адама, отправленное также изъ Вѣны 25 апрѣля 1815 года: „М. Г. Постоянныя путешествія, которыя совершилъ Его Императорское Величество послѣ того, какъ оставилъ Англію, и великіе интересы, занимавшіе его въ послѣднее время, только теперь позволили мнѣ представить Его Императорскому Величеству письмо ваше, ему адресованное. При семъ я съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшу передать вамъ отвѣтъ Императора. Я не перестаю питать къ вамъ высокое уваженіе и льщу себя надеждой, что вы не откажете дать ваши совѣты и *намъ* во всемъ томъ, что можетъ имѣть отношеніе къ законодательству, которое Его Императорское Величество *удостоитъ*

даровать Польшѣ. Когда придетъ время, я не премину обратиться къ вамъ и напомнить дружескія обѣщанія, которыя вы были такъ добры мнѣ дать въ этомъ отношеніи.

А. Чарторыжскій".

Остается только дивиться изобрѣтательности польскаго магната!

Когда въ Вѣнѣ, весною 1815 года, судьба герцогства Варшавскаго окончательно опредѣлилась, то Александръ Павловичъ не замедлилъ написать два письма: одно предсѣдателю польскаго сената графу Островскому, другое, позднѣе — князю Чарторыжскому.

Графу Островскому Государь писалъ: „En prenant le titre de roi de Pologne, j'ai voulu satisfaire aux vœux de la nation. Le royaume de Pologne sera uni à l'empire de Russie par les titres de sa propre constitution, sur laquelle je désire de fonder le bonheur du pays. Si le grand intérêt du repos général n'a pas permis que *tous* les polonais fussent réunis sous le même sceptre, je me suis efforcé du moins d'adoucir, autant que possible, les rigueurs de leur séparation et de leur obtenir partout la jouissance possible de leur *nationalité* (18/30 avril 1815)".

Значитъ, Императоръ Александръ преслѣдовалъ двѣ цѣли:

1) соединить всю Польшу, до раздѣловъ ея, въ однѣхъ рукахъ, подъ державной властью Россіи. Этого достигнуть не удалось;

2) чтобы вездѣ поляки могли свободно пользоваться своими гражданскими правами. Кажется, и это пожеланіе не получило въ дѣйствительности полнаго примѣненія и осталось скорѣе несбыточной мечтой.

Князю Чарторыжскому было написано слѣдующее: „Pendant le temps que vous avez passé auprès de moi *), vous avez eu l'occasion de connaître mes intentions sur les institutions que je veux établir en Pologne, et sur les améliorations que je désire introduire dans ce

*) Т.-е. въ Вѣнѣ, на конгрессѣ.

pays. Vous aurez soin de ne jamais le perdre de vue dans les délibérations du conseil et d'y attirer toute l'attention de vos collègues, afin que la marche du gouvernement et les réformes qu'il est chargé d'opérer soient d'accord avec ma manière de voir. Vous n'omettrez pas, si le besoin se présentait, de prendre à cet égard l'initiative pour hâter les résultats et présenter des projets conformes au système adopté. Comme vous n'êtes pas moins instruit de mes idées sur l'esprit dans lequel je prétends que le choix de divers employés se fasse, vous ne manquerez pas de veiller à ce qu'il soit dirigé dans ce sens. Dans un pays ballotté depuis si longtemps par tant de dérangements et de révolutions, il est de la plus grande importance que l'on suive une marche uniforme bien combinée. Voilà ce que j'ai voulu vous rappeler encore une fois par cet écrit, que je vous permets même d'exhiber afin de donner plus de foi à ce que vous aurez à dire pour satisfaire à mes intentions (13/25 mai 1815)".

Поражаетъ повелительный тонъ этого посланія: вполнѣ опредѣленныя инструкціи, ясность изложенія и личный оттѣнокъ отданныхъ повелѣній. Слѣдовательно, у Государя сложился зрѣлый планъ образа дѣйствій въ новомъ королевствѣ, планъ, основанный на ложныхъ утопіяхъ, на который потребовались годы размышленій для введенія такого порядка. Императоръ продолжалъ смотрѣть глазами либерализма и на Финляндію, и на Польшу, то, что не было ему угодно вводить въ Россіи, казалось естественнымъ испытать на ближайшихъ окраинахъ.

Зарождающееся зерно мистицизма не помѣшало Александру даровать своеобразную конституцію Польшѣ и Финляндіи. Такое смѣшеніе понятій все же легко объяснимо.

Идеи, привитыя въ юности Лагарпомъ, оставили слѣды и въ зрѣлые годы; общеніе съ людьми разныхъ вѣяній хотя смутило Александра относительно своевременности общей ломки и реформъ въ Россіи, но совмѣстная работа съ такимъ человѣкомъ, какъ Сперанскій, все-таки дала результаты. То, что было отложено

въ долгій ящикъ для Россіи, гдѣ народъ пребывалъ еще въ невѣроятной тьмѣ, казалось возможнымъ примѣнить на окраинахъ. Мы увидимъ, что, несмотря на совершившійся переломъ въ характерѣ Александра вскорѣ послѣ Вѣнскаго конгресса, онъ продолжалъ относиться съ уваженіемъ къ конституціоннымъ началамъ, введеннымъ въ Финляндіи и Польшѣ, и даже, когда въ послѣднія времена жизни реакція свирѣпствовала на Руси, обѣихъ окраинъ не трогали и почти не стѣсняли *). Государь произносилъ неоднократно рѣчи въ Варшавѣ при открытіяхъ сейма, подготовлялъ и обдумывалъ заблаговременно эти рѣчи и, видимо, симпатизировалъ такому порядку. Эта подготовка его вовсе не утомляла, а, напротивъ того, развлекала, и онъ со вниманіемъ относился ко всему, что касалось Польши и Финляндіи. Такой складъ ума, очевидно, смущалъ современниковъ, затруднялъ работу его сотрудниковъ,

---

*) Въ запискахъ Греча мы читаемъ: „Побѣда и слава растворили его мягкое сердце, зачерствѣвшее было въ трудахъ, опасностяхъ и особенно въ союзѣ съ Наполеономъ: союзы съ Бонапартомъ и его исчадіями всегда были пагубны для державъ Европы. Въ Александрѣ проснулись и либеральныя идеи, очаровавшія начало его царствованія. Въ 1814 году онъ побудилъ Людовика XVIII дать французамъ хартію, а на Вѣнскомъ конгрессѣ хлопоталъ о дарованіи германскимъ державамъ представительнаго образа правленія. Въ Вѣнѣ окружили его поляки, Чарторыжскій, Костюшко, Огинскій и другіе, напомнили ему прежнія его обѣщанія и исторгли у него честное слово, что онъ употребитъ всѣ свои силы, чтобы возстановить Польшу и дать ей конституцію. Европа видѣла въ этомъ требованіи замыслы властолюбія и распространенія предѣловъ и увеличенія силъ Россіи. Австрія и Пруссія опасались вліянія этой конституціи на свои польскія области. Англія и Франція не хотѣли, чтобы Россія въѣхала клиномъ въ Европу.

„Всѣ русскіе министры возстали противъ этого, даже бывшіе въ ея службѣ иностранцы — Штейнъ, Каподистрія и Поццо-ди-Борго. Нессельроде впалъ было въ немилость государеву; употребленъ былъ дипломатъ-писарь Анштетъ, которому все было нипочемъ, лишь бы онъ могъ ѣсть страсбургскіе паштеты. Иностранцы, особенно австрійцы и пруссаки, соглашались и на присоединеніе Варшавскаго герцогства къ Россіи, только бы въ немъ не было представительнаго правленія. Александръ настоялъ на своемъ и получилъ герцогство съ небольшими уступками сосѣдямъ, назвалъ его королевствомъ въ Европѣ и царствомъ въ Россіи. Поляки негодовали на это наименованіе тѣмъ болѣе, что въ полномъ титулѣ „Царь Польскій“ постоянно былъ подлѣ „Сибирскаго“. Русскіе были огорчены дарованіемъ исконнымъ врагамъ нашимъ правъ, которыхъ мы сами не имѣли, награждены были люди, лѣзшіе на стѣны Смоленска и грабившіе Москву, а защитники Россіи, вѣрные сыны ея, оставлены были безъ вниманія: имъ заплатили варяго-русскими манифестами Шишкова“.

но приходилось всѣмъ примѣняться къ характеру Государя. Все, всегда принимая открыто на свою отвѣтственность въ дѣлахъ польскихъ и финляндскихъ и предоставляя исключительно себѣ инициативу дѣйствій, когда вопросъ касался русскихъ дѣлъ, наоборотъ, Государь какъ бы старался прикрыть себя другими лицами, что мы вскорѣ наглядно увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Что же произошло послѣ высадки Наполеона у гольфа Жуана и торжественнаго шествія его до Парижа? Вѣнскій конгрессъ самъ собой распался, страхъ передъ Бонапартомъ затмилъ всѣ прочія чувства и прекратилъ недоразумѣнія и распри. Надо было прежде всего сокрушить окончательно общаго врага. Упреки многихъ, съ княземъ Меттернихомъ во главѣ, посыпались на Императора Александра, считая его виновникомъ возможности бѣгства Наполеона съ острова Эльбы, такъ какъ это мѣсто жительства было избрано, только благодаря великодушію Александра Павловича. Но обстоятельства сложились такъ, что было не до упрековъ, а понадобилась заручка, что Россія снова станетъ во главѣ коалиціи. Тогда возобновился договоръ 30 мая 1814 года между Россіей, Пруссіей, Австріей и Англіей. Первыя три державы должны были выставить арміи, каждая въ 150/т. штыковъ, а Англія обязалась уплатить субсидію въ размѣрѣ пяти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Союзники объявили декларацію, въ видѣ обращенія ко всѣмъ народамъ Европы 1/13 марта 1815 года, гдѣ Императоръ Наполеонъ былъ поставленъ внѣ закона (hors la loi). На поляхъ Ватерло закончилась драма побѣдой армій Веллингтона и Блюхера. Снова всѣ иностранцы поспѣшили въ Парижъ рѣшать дальнѣйшую судьбу Наполеона и Франціи. Императоръ Александръ, покинувъ Вѣну 13/25 мая, прибылъ 23-го въ Гейльброннъ, гдѣ рѣшилъ дождаться прибытія русскихъ войскъ. Здѣсь произошло знаменитое свиданіе съ баронессой Крюденеръ, и послѣ этого свиданія сталъ замѣтенъ новый переломъ въ его характерѣ. 28 іюня Императоръ

вторично въѣхалъ въ Парижъ, но на этотъ разъ въѣздъ уже былъ не тотъ, и впечатлѣніе всего получилось другое. Мѣстомъ жительства былъ избранъ Елисейскій дворецъ, а въ сосѣдствѣ помѣстилась, въ отелѣ Моншеню, назойливая баронесса, не желавшая выпустить изъ своихъ сѣтей новаго своего послѣдователя.

Настроеніе Государя, во время вторичнаго пребыванія на берегахъ Сены, было крайне нервное, а временами и унылое. Ему были противны вернувшіеся Бурбоны: онъ ихъ презиралъ глубоко; успѣхи и лавры Веллингтона также были ему непріятны; фигура Таллейрана опротивѣла болѣе, чѣмъ когда-либо; огорчали денежныя претензіи пруссаковъ и намѣреніе ихъ, и англичанъ, обездолить французскіе музеи въ пользу собственныхъ; наконецъ, ежедневныя посѣщенія госпожи Крюденеръ едва ли вліяли успокоительно, даже при усиленномъ чтеніи Библіи на дому, въ минуты отдохновенія. Между тѣмъ, приходилось и на этотъ разъ проявить твердость воли и послѣдовательность. А еще въ Вѣнѣ Государю была показана копія секретнаго договора между Франціей, Австріей и Англіей, направленнаго противъ Россіи, переданная Коленкуромъ Бутягину и найденная между забытыми Бурбонами бумагами, послѣ ихъ бѣгства изъ Парижа.

Извѣстно, какой разговоръ произошелъ также въ Вѣнѣ между Александромъ и Меттернихомъ, въ присутствіи Штейна, по поводу этого договора, и то, что было сказано австрійскому министру: „Пока мы оба живы, объ этомъ предметѣ никогда не должно быть разговора между нами. Намъ предстоятъ теперь другія дѣла. Наполеонъ вернулся, и поэтому союзъ нашъ долженъ быть тѣснѣе, чѣмъ когда-либо“.

Каково было рѣшать важнѣйшія дѣла съ человѣкомъ, вѣроломство котораго такъ наглядно было обнаружено, да не съ нимъ однимъ, а еще съ тѣми же Таллейраномъ и Касльри!! А въ дѣйствительности все было какъ будто забыто; съ Меттернихомъ произошло полное примиреніе на почвѣ созданія пресловутаго

Священнаго союза, и примиреніе это продолжалось до самой кончины Александра.

Теперь предстояло отстоять цѣлость Франціи, которой угрожали ненасытные аппетиты побѣдителей англо-германской расы. Пруссаки проявляли особую страстность и жадность, точно предвкушая пятимилліардную контрибуцію 1871 года. Сорель говоритъ: „Ce n'est plus contre la personne de Napoléon que l'Allemagne s'acharne, c'est contre la France même". Немного дальше онъ дѣлаетъ прекрасную характеристику Александра Павловича въ эти дни смуты и страстей: „Alexandre se montra tout à la fois ce qu'il était et ce qu'il voulait paraître, politique et magnanime. Jusqu'alors, le politique l'avait emporté dans son personnage. Cette grandeur d'âme dont il se sentait capable, dont il se faisait depuis sa jeunesse un idéal, il l'avait plutôt mise en scène et s'en était plutôt donné le spectacle en 1814 qu'il n'en avait éprouvé l'efficace et opéré l'action. En 1815, il vit de haut, il vit clair, il vit loin, et il agit avec autant de simplicité et de droiture que d'énergie et d'habileté".

Александръ Павловичъ пробылъ въ Парижѣ почти три мѣсяца, и чего только не пришлось ему видѣть и испытать за это время!

Сперва вернувшійся король Людовикъ XVIII управлялъ при сотрудничествѣ такихъ людей, какъ Фуше и Таллейранъ, думая угодить извѣстнымъ слоямъ общества; потомъ пошла расправа съ людьми, наиболѣе замѣшанными при возвращеніи Бонапарта: судили и казнили маршала Нея *) и полковника Лабедоера (La Bédoyère), другихъ осуждали заочно, третьихъ подвергли ссылкѣ, словомъ, свирѣпствовалъ такъ называемый бѣлый терроръ, при безмолвіи иностранныхъ пришельцевъ и даже Русскаго самодержца. 29 августа 10 сентября произошелъ знаменитый смотръ войскамъ у лагеря при Вертю, закончившійся тостомъ Александра на большомъ обѣдѣ за миръ Европы и благоденствіе народовъ.

*) Ней былъ разстрѣлянъ только 25 ноября/7 декабря 1815 года.

Наконецъ, 14/26 сентября былъ заключенъ Священный союзъ между тремя монархами: Россіи, Пруссіи и Австріи; къ нимъ примкнула Англія. Было рѣшено всѣ вопросы рѣшать на періодичныхъ конгрессахъ, уподобившихся своего рода верховнымъ судилищамъ Европы.

Въ тотъ же день произошла смѣна французскаго министерства, и король пригласилъ герцога Ришельё, бывшаго благодѣтеля Одессы, сформировать новое, изъ котораго выбылъ злоязычный Таллейранъ, и тутъ сострившій насчетъ герцога: „C'est le français qui connaît le mieux la Crimée“ *). Во Франціи были временно оставлены оккупаціонныя войска, ввѣренныя Веллингтону. Въ ихъ числѣ было оставлено около 30 тысячъ русскихъ воиновъ, подъ начальствомъ графа Михаила Семеновича Воронцова. Въ серединѣ сентября выѣхалъ Императоръ Александръ и направился на Брюссель, потомъ чрезъ Дижонъ въ Швейцарію, на Базель и Боденское озеро, и далѣе чрезъ Баварію въ Берлинъ, куда прибылъ только въ концѣ октября. Оттуда путь слѣдовалъ черезъ новое Польское королевство въ Варшаву.

Окончательный же мирный договоръ былъ подписанъ только 8/20 ноября 1815 года; на основаніи его Франція должна была уплатить 700 милліоновъ франковъ контрибуціи недавнимъ врагамъ и содержать оккупаціонныя войска до того срока (максимумъ пять лѣтъ), когда союзныя державы найдутъ подходящимъ ихъ вернуть. Такъ окончилась великая борьба Европы съ Наполеономъ.

---

*) Между Государемъ и Ришельё произошелъ курьезный разговоръ: Александръ разложилъ карту и показалъ на ней всѣ требованія земельныхъ вознагражденій, предъявленныхъ союзниками. „Voilà la France telle que mes alliés voulaient la faire; il n'y manque que ma signature, et je *vous promets* qu'elle y manquera *toujours*“.

ГЛАВА IV.

Эпоха конгрессовъ.

1816 — 1822.

Мистицизмъ. — Военныя поселенія.

„Я вполнѣ отдаюсь Его предрѣшеніямъ, и Онъ одинъ всѣмъ руководитъ, такъ что я слѣдую только Его путями, ведущими къ завершенію общаго блага".

(Изъ письма Императора Александра князю Голицыну.)

„Государь Императоръ, принявъ въ уваженіе долговременное содержаніе въ крѣпости рядовыхъ (такихъ-то), равно и бытность въ сраженіяхъ, Высочайше повелѣть соизволилъ, избавя ихъ отъ безчестнаго кнутомъ наказанія, прогнать шпицъ-рутенами каждаго черезъ батальонъ 6 разъ и потомъ отослать въ рудники".

(Изъ приговора суда по дѣлу л.-гв. Семеновскаго полка.)

Чтобы понять все то, что произошло въ духовномъ настроеніи Императора Александра и привело его къ различнымъ заблужденіямъ въ области политики и управленія Россіей послѣ Наполеоновскихъ войнъ, необходимо оглянуться немного назадъ. Когда мысли Государя еще были сосредоточены на приготовленіяхъ къ борьбѣ съ Наполеономъ до Отечественной войны, ему приходилось часто бесѣдовать съ пріятелемъ дѣтства, княземъ А. Н. Голицынымъ, уже ставшимъ убѣжденнымъ поборникомъ православія и давно управлявшимъ, въ качествѣ министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, всѣми дѣлами Церкви и Св. Синода, котораго онъ былъ оберъ-прокуроромъ.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ спросилъ какъ-то разъ Государя, читаетъ или читалъ ли онъ Евангеліе. Александръ

ему простодушно отвѣтилъ, что слушалъ Евангеліе при богослуженіяхъ, но на дому не читалъ священнаго писанія вообще, не имѣя на то времени.

Когда Голицынъ настоятельно просилъ Государя сдѣлать ему удовольствіе—все же почитать Евангеліе, Александръ ему любезно обѣщалъ это сдѣлать. Тогда князь не замедлилъ подарить ему Библію, но присовокупилъ, что пока проситъ читать только одно Евангеліе и апостольскія посланія, оставивъ Апокалипсисъ и Библію для позднѣйшаго времени. Лѣтомъ 1812 года Александръ Павловичъ ѣздилъ въ Финляндію на свиданіе съ Бернадоттомъ и въ теченіе долгихъ передвиженій въ экипажахъ сталъ просматривать и читать св. писаніе. Вернувшись въ Петербургъ, Александръ сказалъ Голицыну, что онъ восхищенъ отъ чтенія, но что не удержался, чтобы не прочесть также мѣста изъ Апокалипсиса: „Тамъ, братецъ, только и твердятъ объ однихъ ранахъ и зашибаніяхъ (il n'y a que plaies et bosses); мнѣ кажется, что будто новый міръ открывается для меня; право, я тебѣ очень благодаренъ за твой совѣтъ“ *). Такъ, мало-по-малу Александръ началъ ежедневно прочитывать по одной главѣ изъ Евангелія, по одной изъ апостольскихъ посланій, а иногда почитывалъ и Апокалипсисъ, который впослѣдствіи сталъ привлекать все его вниманіе. Касательно Ветхаго Завѣта Голицынъ повѣствуетъ такую версію, которая намъ кажется весьма правдоподобной. Читая одно изъ посланій апостола Павла, гдѣ говорится о плодахъ вѣры, и что эта вѣра „низлагаетъ внѣшнихъ враговъ, какъ побѣждаетъ миромъ супротивныя силы“, Александръ замѣтилъ указаніе на Библію въ этомъ посланіи, сталъ искать цитаты, а потомъ терпѣливо прочелъ и всю Библію. Это совпало съ вторичной поѣздкой Государя въ Вильну, а вообще чтеніе св. писанія сильно повліяло на обнародованные за 1812 годъ воззванія и манифесты.

---

*) См. записки Ю. Н. Бартенева: „Разсказы князя А. Н. Голицына“, Русскій Архивъ, 1886 г.

За періодъ Отечественной войны, слѣдовательно, произошла первая перемѣна въ привычкахъ Александра, т.-е. онъ, читая св. писаніе, сталъ религіознымъ, что до этого замѣчалось мало.

Съ этихъ же поръ завязалась постоянная переписка между Императоромъ и княземъ Голицынымъ на почвѣ христіанской, не прекращавшаяся до конца жизни Его Величества *).

Для дальнѣйшаго пониманія переработки въ характерѣ Александра, необходимо остановиться на тѣхъ личностяхъ, которыя способствовали этому перерожденію. То были князь А. Н. Голицынъ и Р. А. Кошелевъ. О нихъ мы и постараемся поговорить и дать ихъ характеристику. Къ сожалѣнію, въ нашей литературѣ мало свѣдѣній объ обоихъ; особенно мало о Кошелевѣ, о Голицынѣ же все-таки кое-что появлялось въ печати **).

Родіонъ Александровичъ Кошелевъ родился въ 1749 году, былъ записанъ десяти лѣтъ въ Конную гвардію, произведенъ въ корнеты въ 1769 г., назначенъ адъютантомъ (къ кому, неизвѣстно) въ 1777 г., потомъ изъ ротмистровъ пожалованъ, при Павлѣ, въ камергеры и назначенъ 26 ноября 1796 г. чрезвычайнымъ посланникомъ въ Копенгагенъ; отъ этой должности вскорѣ уволенъ и вышелъ въ отставку. Много странствовалъ по Европѣ, гдѣ завелъ сношенія съ Сенъ-Мартеномъ (Saint-Martin), Сведенборгомъ, Эккартсгаузеномъ, Лафатеромъ и поступилъ въ масонство. При воцареніи Александра I сталъ дѣятельнымъ членомъ Библейскаго общества; назначенъ предсѣдателемъ Комиссіи прошеній, 1 января 1810 г. членомъ Государственнаго Совѣта, позднѣе былъ оберъ-гофмейстеромъ.

---

*) Князь А. Н. Голицынъ до своей кончины въ Гаспрѣ, въ Крыму, въ 1844 году, хранилъ всѣ письма и записки Александра. Они-то и попали послѣ его смерти въ Собственную Его Величества библіотеку, но, вѣроятно, часть ихъ была уничтожена.

**) На нѣмецкомъ языкѣ книга *Gartze:* „Fürst Galitzin und seine Zeit“ и на русскомъ *Н. Стеллецкаго:* „Князь А. Н. Голицынъ и его церковно-государственная дѣятельность“. Кіевъ, 1901 г.

Въ 1811 году, несмотря на то, что Кошелевъ никакихъ служебныхъ отношеній не имѣлъ съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, Государь поручилъ ему вести переписку отъ его имени, помимо канцлера графа Румянцева, съ русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, графомъ Густавомъ Оттоновичемъ Штакельбергомъ, а также и съ австрійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ Сенъ-Жюльеномъ (Saint-Julien) *). Повидимому, Кошелева и графа Штакельберга связывала дружба и на почвѣ масонства, такъ какъ въ нѣкоторыхъ письмахъ графа говорится о какихъ-то личностяхъ съ подставными фамиліями, которыхъ опредѣлить не удалось, но по смыслу дѣло и идетъ о масонахъ, и въ связи съ ними о политикѣ.

Въ 1812 году Кошелеву было поручено, совмѣстно съ нѣкоторыми другими лицами, разсмотрѣть бумаги сосланнаго Сперанскаго, и въ томъ же году онъ уволенъ, по прошенію, отъ всѣхъ дѣлъ, съ сохраненіемъ въ видѣ пенсіи получаемаго оклада. Съ тѣхъ поръ его зрѣніе стало сильно слабѣть, и Кошелевъ предался исключительно мистицизму, пропагандируя свои идеи въ петербургскомъ обществѣ. Съ первыхъ годовъ царствованія онъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Александру Павловичу и состоялъ съ нимъ въ перепискѣ. Кошелевъ былъ женатъ на В. И. Плещеевой и скончался 78 лѣтъ, въ 1827 году.

Князь А. Н. Голицынъ познакомился съ Кошелевымъ въ 1811 г. въ Совѣтѣ, а сблизился съ нимъ послѣ одной произнесенной имъ, Голицынымъ, рѣчи въ Совѣтѣ о защитѣ христіанства и православія въ отвѣтъ на рѣчь Сперанскаго, когда большинство Совѣта высказалось противъ Голицына. Послѣ засѣданія Кошелевъ подошелъ къ князю и сказалъ ему: „Почтенный князь, вы такъ превосходно защищали права христіанства, такое раскрыли чистое ревнованіе вашего сердца, что мнѣ было бы очень пріятно покороче съ вами

*) Переписку смотри въ приложеніяхъ.

познакомиться; мало этого, мнѣ бы даже хотѣлось заслужить вашу пріязнь и дружбу". Съ тѣхъ поръ Голицынъ сталъ часто бывать у Кошелева и съ нимъ окончательно подружился, сильно подпавъ подъ его вліяніе. Государь же частенько проводилъ съ ними время, втроемъ, бесѣдовалъ на религіозныя темы и часто съ ними переписывался, а иногда въ письмахъ къ Голицыну приказывалъ ему передавать ихъ на прочтеніе и Кошелеву. Кошелевъ жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ имѣлъ помѣщеніе.

Несомнѣнно и то, что именно Кошелевъ привлекъ, при посредствѣ еще нѣкоторыхъ единомышленниковъ, Голицына къ мистицизму, несмотря на то, что князь считался убѣжденнымъ сыномъ Православной церкви.

Князь Александръ Николаевичъ былъ младшій сынъ князя Николая Сергѣевича Голицына отъ третьяго его брака съ А. А. Хитрово (впослѣдствіи вышедшей замужъ за Кологривова). Родился онъ 8 декабря 1773 г., а спустя нѣсколько дней послѣ его рожденія, его батюшка скончался. Александра Николаевича опредѣлили въ Пажескій корпусъ, откуда онъ поступилъ въ Преображенскій полкъ, но вскорѣ оставилъ военную службу, не имѣя къ ней наклонности. Какъ товарища дѣтскихъ игръ великаго князя Александра, Императрица Екатерина, при женитьбѣ внука, опредѣлила Голицына къ великокняжескому двору камеръ-юнкеромъ, а 26 лѣтъ онъ получилъ званіе камергера, оставаясь при великомъ князѣ Александрѣ. По воцареніи Павла, Голицына сперва не тревожили, но потомъ, какъ водилось, безъ всякой причины, приказали переѣхать въ Москву, гдѣ онъ и жилъ до восшествія на престолъ Александра. Императоръ встрѣтилъ его съ радостью и, неожиданно для Голицына, назначилъ его оберъ-прокуроромъ въ Сенатъ, для дальнѣйшей подготовки. По свидѣтельству самого Александра Николаевича, онъ велъ тогда самую безпутную жизнь, мало чему вѣрилъ, считался вольтеріанцемъ, но не увлекся съ прочими сверстниками на почвѣ либеральныхъ реформъ, а оставался убѣжденнымъ

„монархистомъ“, какъ его величали товарищи. Горячка преобразованій его не прельщала, чего онъ не скрывалъ и отъ Александра, а когда у Государя ослабѣла страсть къ преобразованіямъ, то Его Величество ему предназначилъ мѣсто оберъ-прокурора Св. Синода, на мѣсто Яковлева. Какъ Голицынъ ни отказывался отъ высокой чести этого назначенія, Государь настоялъ на своемъ, и тридцатилѣтнему молодому человѣку пришлось засѣдать съ почтенными пастырями церкви *). Опять-таки, по его же собственнымъ показаніямъ, Голицынъ только тогда впервые прочелъ Евангеліе и сталъ отвыкать отъ распутной жизни, чтобы нести бремя новой должности съ достоинствомъ. Въ 1810 году А. Н. Голицынъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а также главноуправляющимъ дѣлами иностранныхъ вѣроисповѣданій, оставаясь оберъ-прокуроромъ Св. Синода. За эти пять лѣтъ Голицынъ уже окончательно переродился, сталъ не номинальнымъ, а дѣйствительнымъ главой своего вѣдомства, при чемъ обратилъ особое вниманіе на образованіе духовенства, основавъ три новыя духовныя академіи. Въ разсматриваемую эпоху, т.-е. въ 1816 году, князь былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, а съ 1818 года носилъ званіе вновь учрежденнаго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Словомъ, въ его рукахъ сосредоточилась самая важная отрасль народнаго и духовнаго образованія, а оберъ-прокурорство Синода было передано князю Б. С. Мещерскому. Новое министерство состояло изъ двухъ департаментовъ: духовныхъ дѣлъ, директоромъ котораго былъ А. И. Тургеневъ, и просвѣщенія — В. М. Поповъ. Приблизительно къ тому же времени (6 декабря 1812 г.) относится учрежденіе „Русскаго Библейскаго общества“, однимъ изъ основателей котораго былъ Голицынъ, также Кошелевъ, а Государь принялъ званіе почетнаго члена общества.

---

*) Князь А. Н. Голицынъ былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода 21 октября 1803 г.

15 февраля 1813 г., изъ Калиша, Александръ далъ свое согласіе на это званіе въ письмѣ къ Голицыну: „J'accepte avec plaisir une place entre les membres de la Société de la Bible“.

Еще 25 января 1813 года, изъ Плоцка, Государь сообщалъ князю Голицыну: „...Ваше послѣднее письмо, гдѣ вы мнѣ сообщаете объ открытіи Библейскаго общества, меня заинтересовало и тронуло. Да ниспошлетъ Всевышній благословеніе на это учрежденіе; я придаю ему величайшее значеніе и вполнѣ согласенъ съ вашимъ взглядомъ, что святое писаніе замѣнитъ пророковъ (les Prophètes). Вообще эта всеобщая тенденція къ сближенію съ Христомъ Спасителемъ для меня составляетъ дѣйствительное наслажденіе. Можете располагать всѣми необходимыми денежными средствами для печатанія Библіи“. Образовался комитетъ для управленія дѣлами общества. Предсѣдателемъ общества былъ избранъ князь Голицынъ, вице-предсѣдателями: графъ В. П. Кочубей, графъ А. К. Разумовскій, Р. А. Кошелевъ и нѣкоторые другіе. Секретарями общества избраны В. М. Поповъ и А. И. Тургеневъ. Его Величество приказалъ отпустить 25 тысячъ рублей единовременно для нуждъ общества и на будущее время производить субсидію по 10 тысячъ рублей ежегодно. Очевидно, Англійское Библейское общество (British and Foreign Bible Society) приняло во всемъ этомъ живѣйшее участіе, командировавъ въ Петербургъ своего агента, пастора Патерсона, а однимъ изъ директоровъ вновь образованнаго Библейскаго общества попалъ другой англичанинъ, пасторъ Питтъ *). Слѣдовательно, иниціатива, собственно говоря, шла отъ англичанъ, а не отъ русскихъ, что мы и отмѣчаемъ.

---

*) Нашъ маститый историкъ-изслѣдователь А. Н. Пыпинъ высказалъ такого рода соображенія по поводу возникновенія у насъ Библейскаго общества, которыя сохранили всю силу и понынѣ, а онъ писалъ въ 1868 году: „Россійское Библейское общество представляетъ одно изъ любопытнѣйшихъ явленій въ русской общественной жизни времени Императора Александра I. Какъ и многое другое въ этой, еще столь недавней, жизни, исторія Библейскаго общества почти неизвѣстна нынѣшнимъ поколѣніямъ“.

Новое Русское Библейское общество проявило большую энергію и занялось переводами Библіи и священныхъ писаній, распространившимися по Россіи въ массѣ экземпляровъ. Если мы обращаемъ вниманіе на возникновеніе на Руси такого рода общества, то для того, чтобы показать, до чего доходила вообще вѣротерпимость. Эта черта особенно отличала князя Александра Николаевича и его ближайшихъ сотрудниковъ, А. И. Тургенева и В. М. Попова, а также нѣкоторыхъ іерарховъ, въ числѣ которыхъ особенно отличался архимандритъ Филаретъ (Дроздовъ), ректоръ духовной академіи, и митрополиты Петербургскій Амвросій и Кіевскій Серапіонъ, изъ которыхъ Филаретъ былъ членомъ Библейскаго комитета, а оба митрополита — вице-президентами общества *). Но были уже тогда нѣкоторыя лица изъ среды духовенства, которыя осуждали эту вѣротерпимость и со временемъ вступили въ открытую борьбу съ княземъ Голицынымъ. Личность князя была далеко не заурядная; это былъ выдающійся государственный дѣятель, который успѣлъ сдѣлать многое на своемъ сложномъ и трудномъ поприщѣ. Конечно, близость князя къ Государю и возможность личныхъ докладовъ еще усугубляли его значеніе, что особенно возбуждало ревность Аракчеева. Но, въ теченіе многихъ лѣтъ, довѣріе Александра къ Голицыну было неограниченное, и его врагамъ не удавалось подорвать этого довѣрія до 1822 года.

Князь Голицынъ отличался рѣдкой работоспособностью, добросовѣстностью, всегда ровнымъ и привѣтливымъ обращеніемъ съ подчиненными и умѣніемъ вести занятія съ своимъ покровителемъ Государемъ. Терпимость Александра Павловича не только къ сектантству, но и къ масонству была всѣмъ извѣстна, а князь Голицынъ и Р. А. Кошелевъ широко пользовались милостивымъ

*) Вице-президентами общества еще числились засѣдавшіе въ Св. Синодѣ епископы Черниговскій Михаилъ и Тверской Серафимъ; оба впослѣдствіи были Петербургскими митрополитами.

отношеніемъ монарха на этой почвѣ. Къ сожалѣнію, о характерѣ Кошелева, о его частной жизни и о его дѣятельности намъ не удалось собрать достаточно данныхъ. Въ 1814 году, при посѣщеніи Англіи, Императоръ Александръ познакомился съ видными квэкерами Алленъ (Allen) и Грилле (Grillet), имѣя съ ними продолжительные разговоры. Немного позднѣе, возвращаясь изъ Великобританіи и Голландіи, Государь заѣхалъ въ Бруксалъ (въ Баденѣ), гдѣ пребывала супруга его, Императрица Елисавета. Здѣсь ему былъ представленъ извѣстный Юнгъ-Штиллингъ. Знакомство произошло черезъ фрейлину Р. А. Стурдзу (впослѣдствіи графиню Эдлингъ), къ которой былъ расположенъ Императоръ. Черезъ неё же, годъ спустя, въ Гейльброннѣ (Heilbronn) достигла, наконецъ, и баронесса Крюденеръ давно желаннаго свиданія. Князь Голицынъ, передавая въ своихъ разсказахъ объ этой встрѣчѣ, говоритъ: „Многія причины располагали Государя съ нетерпѣливымъ удовольствіемъ встрѣтить Криднершу. Съ одной стороны, собственное настроеніе сердца царева къ ощущеніямъ религіознымъ и твердое самопреданіе въ волю Божію; съ другой—увидѣть женщину, носившую, такъ сказать, въ себѣ живое слово Божіе, проходящую по юнымъ и невѣрственнымъ поколѣніямъ Европы какъ бы съ званіемъ какого-то апостола, увидѣть такую женщину, которую и предупреждала, и сопровождала громкая молва народная; наконецъ, знать, что сія женщина есть и русская подданная: все это, можетъ-быть, заставило Государя нетерпѣливо пожелать свиданія съ Криднершею... Въ это самое время Государь получилъ отъ Р. А. Кошелева извѣстную книжку подъ названіемъ: „Облако надъ святилищемъ, или нѣчто такое, о чемъ гордая философія и грезить не смѣетъ“, переводъ съ нѣмецкаго А. Лабзина, которую Государь, хотя и читалъ, но никакъ не понималъ содержанія книги. Призванная Криднерша, по точнымъ увѣреніямъ Александра, умѣла растолковать и объяснить ему трудныя и непонятныя доселѣ мѣста этого сочиненія“.

Вся эта постепенность встрѣчъ и разговоровъ едва ли случайна: она подготовлялась цѣлой плеядой лицъ, заинтересованныхъ не одной личностью освободителя Европы, но и личными интересами и побужденіями. Не надо забывать, что такіе умные и убѣжденные люди, какъ Кошелевъ и Лабзинъ *), состояли или въ перепискѣ съ тѣмъ же Юнгъ-Штиллингомъ, квэкерами, различными моравскими братьями и т. п., или, какъ Лабзинъ, переводили на русскій языкъ всю эту литературу. Лабзинъ представляетъ любопытную и своеобразную фигуру въ кругу дѣятелей Александровскаго царствованія, перемѣнчивыя настроенія котораго ярко и рельефно отразились на его службѣ. Широкое и разностороннее образованіе, большой умъ, недюжинныя духовныя силы и изумительную энергію Лабзинъ израсходовалъ на пропаганду своихъ мистическихъ воззрѣній. Искренно преданный идеямъ христіанства, истинно православный, онъ стремился къ отысканію вѣчныхъ истинъ и къ созданію той мистической „внутренней" церкви, въ которой онъ видѣлъ залогъ людского счастія на землѣ, прообразъ Церкви Небесной. Надѣленный отъ природы всѣми качествами, необходимыми для руководства другими, властолюбивый, Лабзинъ гипнотически дѣйствовалъ на людей, входившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Съ виду гордый, надменный, онъ былъ добръ съ людьми бѣдными и угнетенными, но съ тѣми, кто былъ выше его, обращался сухо, съ преувеличенной суровостью, которой не было въ существѣ его характера; напротивъ, онъ любилъ шутку, былъ остроуменъ, и бесѣда съ нимъ была пріятна. Постоянная борьба съ такими же, какъ онъ самъ, фанатиками, но противной его партіи, озлобила его, непріятныя стороны его характера рѣзче

*) Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ (1766—1826), окончилъ въ 1784 г. Московскій университетъ, служилъ одно время въ Иностранной коллегіи, конференцъ-секретарь Академіи Художествъ, а съ 1818 г. вице-президентъ этой Академіи. Извѣстный мистикъ, масонъ, переводчикъ мистическихъ сочиненій на русскій языкъ, издатель журнала „Сіонскій Вѣстникъ", пріятель Кошелева и князя Голицына.

и чаще выступали наружу, и были причиной его крушенія *).
Интриги, если такъ можно выразиться, велись обдуманно и тонко. За всѣмъ происходящимъ зорко слѣдила баронесса Крюденеръ, слѣдила и приняла всѣ мѣры, чтобы знакомство ея съ Государемъ состоялось.

Мы не высоко цѣнимъ достоинства этой особы, а ея убѣжденность болѣе, чѣмъ сомнительна. Побужденія мнимо восторженной баронессы стояли на болѣе реальной почвѣ. Она была стѣснена недостаткомъ денежныхъ средствъ и всегда, во всемъ, испытывала нужду. Кромѣ чувствъ тщеславія, случая сыграть видную роль, дѣйствовала и алчность. Вѣдь и въ наше время встрѣчаются личности, проникнутыя чувствомъ особой набожности (la haute dévotion), не рѣдко скрывая подъ этой завѣсой совсѣмъ другія побужденія. Такъ было и съ лифляндской баронессой. Не даромъ выдала она свою дочь, Юлію, за барона Беркгеймъ, братъ котораго былъ министромъ въ Карлсруэ и близокъ къ Баденской великогерцогской семьѣ, и не даромъ этотъ Беркгеймъ перешелъ на русскую службу. Въ записочкахъ Императора Александра къ князю Голицыну постоянно встрѣчаются анонимныя денежныя вспомоществованія; они разсыпались щедрою рукой и на г-жу Крюденеръ, и на ея родню. Слезливая проповѣдница имѣла способность говорить увлекательно, страстно, съ какой-то жестокой откровенностью, но все это было разсчитано и прикрыто вѣжливой формой въ изысканной манерѣ самой рѣчи. Въ началѣ своего желаннаго знакомства, т.-е. въ Гейдельбергѣ и въ Парижѣ (1815 г.), она, дѣйствительно, обворожила Императора, произвела на него необходимый ей эффектъ, такъ что впечатлительный Александръ оказался подъ ея вліяніемъ и еще больше углубился въ религіозное чтеніе и въ анализъ собственной тревожной души. Но такое исключительное вліяніе продолжалось очень недолго, всего годъ,

---

*) См. Великій Князь Николай Михаиловичъ, „Русскіе портреты“, т. I, 46.

не болѣе; вскорѣ баронесса просто надоѣла державному послушнику, который хотя съ ней еще и переписывался, но писала больше она одна нескончаемыя посланія, полныя витіеватыхъ выраженій, туманныхъ заключеній, голословныхъ цитатъ изъ священнаго писанія, а въ общемъ несущихъ лишь оттѣнокъ неподражаемой скуки и однообразныхъ повтореній. Читая эти письма (которыя найдутъ въ приложеніяхъ), поражаешься монотонностью, тяжелымъ слогомъ, удручающимъ однообразіемъ, несуразностью, а главное, отсутствіемъ чистосердечія и искренности.

Многіе историки приписали г-жѣ Крюденеръ возрожденіе идеи Священнаго союза (la Sainte Alliance), другіе—вліянію на Русскаго Государя Меттерниха. Мы же убѣждены, что эта идея плодъ долгой работы и воображенія, всецѣло принадлежитъ лично Императору Александру. Но тотъ фактъ, что могло произойти недоразумѣніе между историками на этой почвѣ, вполнѣ возможенъ. Пока Александръ еще только соображалъ и намѣчалъ себѣ общую программу такого религіознаго союза, онъ имѣлъ частое общеніе сперва съ Меттернихомъ, на конгрессѣ въ Вѣнѣ, а потомъ, въ 1815 году, въ Парижѣ проводилъ почти всѣ вечера у баронессы Крюденеръ. Поэтому, весьма легко было предположить, что идея Священнаго союза была внушена ему кѣмъ-либо изъ названныхъ лицъ. Но не надо забывать, что всѣ подробности акта новаго союза были набросаны лично Государемъ на бумагѣ, и что онъ читалъ вслухъ свое произведеніе баронессѣ за нѣсколько дней до отъѣзда изъ Парижа. Это чтеніе могло дать поводъ къ догадкѣ, что г-жа Крюденеръ или продиктовала Государю, или дала ему мысль объ идеѣ союза. Два свидѣтельства въ пользу нашего предположенія заслуживаютъ вниманія: одно исходитъ отъ короля прусскаго, Фридриха-Вильгельма, неоднократно повторявшаго фразу, относящуюся до обожаемаго имъ союзника: „Si le Bon Dieu bénit nos projets, nous pourrons un jour dans l'avenir glorifier le Seigneur devant tout l'univers“; другое идетъ отъ обычнаго спутника

баронессы Крюденеръ, швейцарца Эмпейтазъ (Empaytaz), „qu'il était intéressant de voir cet homme (Alexandre), entouré de tant de gloire, de toutes les grandeurs du trône, chercher avec nous ainsi la force et le secours de l'Eternel". Эти „force et secours de l'Eternel" именно и искалъ Александръ для своего вдохновенія.

Кромѣ того, всѣ послѣдующія мѣропріятія свидѣтельствуютъ о непреклонной волѣ Государя провести въ жизнь свою излюбленную идею о религіозномъ союзѣ. Такъ, 25 декабря 1815 г., былъ обнародованъ манифестъ, подтверждавшій созданіе Священнаго союза, и было отдано повелѣніе прочесть этотъ актъ во всѣхъ православныхъ церквахъ, а 18 марта 1816 года Государь сообщилъ собственноручно русскому послу въ Лондонѣ, графу Х. А. Ливену, о томъ же событіи:

St-Pétersbourg, le 18 mars 1816.

Monsieur l'ambassadeur comte de Lieven, Ayant jugé nécessaire de donner une entière notoriété à l'acte d'alliance fraternelle et chrétienne conclu le 14 septembre de l'année dernière avec mes alliés, Sa Majesté l'Empereur d'Autriche et Sa Majesté le Roi de Prusse, je me suis réservé d'en faire connaître l'esprit et le véritable point de vue aux personnes revêtues de ma confiance et chargées, comme vous l'êtes, d'être les interprètes de mes intentions auprès des monarques amis ou alliés de la Russie. Les développements que je vous transmets par la présente ne laissent rien à désirer sur le contenu de l'acte en lui-même, et sur le manifeste qui en a annoncé la conclusion à mes peuples.

L'ensemble des notions qui me sont parvenues jusqu'à ce jour relativement aux fausses interprétations données à ce gage d'union et d'harmonie démontre l'importance d'une explication plus précise des motifs qui l'ont cimenté. Le génie du mal, terrassé par l'action supérieure d'une Providence qui dispose à son gré des souverains et des peuples, semble faire de nouveaux efforts pour prêter à cette

stipulation des vues politiques aussi peu compatibles avec la pureté des intentions qui l'ont dictée, que contraires au but salutaire qu'elle est destinée à remplir.

Mes alliés et moi, pénétrés de la grande pensée qui a présidé aux événements de la dernière lutte européenne, avons eu en vue d'appliquer plus efficacement aux relations civiles et politiques des états les principes de paix, de concorde et d'amour qui sont le fruit de la religion et de la morale du christianisme.

En conséquence, nous nous sommes plu à considérer un acte de cette nature comme étant le meilleur moyen de nous pénétrer plus intimement nous-mêmes de ces préceptes conservateurs, trop longtemps relégués dans la sphère étroite des rapports individuels, de les faire apprécier aux autres et d'en rendre par là la pratique plus active, plus étendue et plus uniforme.

Dès longtemps tout homme impartial a dû être frappé de l'extrême circonspection à laquelle se trouvaient réduits ces principes salutaires, et n'a pu qu'attribuer à cette cause l'enchaînement des calamités qui ont affligé le monde depuis nombre d'années. La base sur laquelle repose la sainteté du serment une fois ébranlée, les préceptes de fraternité et d'amour, vraie source de toute liberté civile, devenus secondaires, on ne pouvait se flatter de travailler utilement au salut des peuples sans un retour absolu vers ces mêmes principes, sans un aveu solennel qui servît à en fixer l'époque et qui assujettît à cette règle invariable les rapports mutuels des souverains et des nations qui leur sont confiées.

Telle étant l'intention qui a suggéré cet acte, le but unique et exclusif de l'alliance ne peut être que le maintien de la paix et le ralliement de tous les intérêts moraux des peuples que la Divine Providence s'est plu à réunir sous la bannière de la croix.

Un acte de cette nature ne saurait renfermer en soi aucune vue hostile à l'égard des peuples qui n'ont point le bonheur d'être chrétiens. Il n'a pour objet que de favoriser la prospérité intérieure de chaque état et le bien général de tous, qui doit résulter de l'amitié entre

Цесаревичъ
Константинъ Павловичъ

Князь
М. Б. Барклай-де-Толли

Графъ И. И. Дибичъ

Графъ М. А. Милорадовичъ

leurs souverains, rendue d'autant plus indissoluble qu'elle est indépendante des causes accidentelles.

Un acte qui porte ce caractère peut encore moins se référer à des projets de conquête, attendu que son but ne saurait être atteint par la force des armes. Ce n'est que par l'ascendant de l'exemple et la séduction pacifique du bonheur dont jouiront les nations chrétiennes sous les auspices tutélaires de leur religion, que l'on peut espérer de voir sa lumière consolante se répandre indistinctement sur toutes les nations.

Tels sont les développements que j'ai désiré vous faire connaître sur la teneur et l'objet de l'acte du 14 septembre, ainsi que sur le motif de sa publication. Il n'est que l'expression simple et précise des sentiments gravés dans le cœur de mes frères d'armes et alliés, ainsi que dans le mien. Leurs Majestés partagent donc sans doute l'intention qui m'a porté à le rendre public, et c'est dans cette conviction intime, ainsi que pour contribuer au maintien de la paix dont l'Europe goûte actuellement les douceurs, que je me propose de notifier l'énoncé de ces sentiments à tous les gouvernements étrangers au christianisme et que la malveillance aurait pu indisposer contre cette alliance éminemment pacifique, parce qu'elle est conforme au véritable esprit de la religion.

D'après la teneur des explications énoncées ci-dessus, que je vous charge de communiquer au Prince Régent et à lord Castlereagh, vous êtes autorisé à les prévenir que mon intention est d'adresser à la Sublime Porte, par l'organe de mon envoyé, une démarche conçue dans le même sens et propre à dissiper toutes les inquiétudes. Vous ajouterez qu'il me serait agréable de voir ces explications amicales vis-à-vis de la Porte appuyées par celles du cabinet de Sa Majesté Britannique.

Намъ кажется вполнѣ естественнымъ, что развивавшійся въ душѣ Александра мистицизмъ, начиная съ годины Отечественной войны, довелъ его до созданія Священнаго союза, а потому нечего искать постороннихъ вдохновителей ни въ лицѣ г-жи Крюденеръ, ни въ князѣ Меттернихѣ, или вообще въ комъ-либо другомъ. Вѣдь, право, нельзя же отнять у Александра I инициативы

и силы воли, которыя онъ проявлялъ такъ часто во многихъ случаяхъ своего бурнаго царствованія. Если кто и имѣлъ на него постоянное вліяніе, то, несомнѣнно, этими лицами были князь А. Н. Голицынъ и Р. А. Кошелевъ, но современники (или весьма немногіе изъ нихъ) и историки этой эпохи едва ли знали о перепискѣ его съ княземъ Голицынымъ и не подозрѣвали о корреспонденціи съ Кошелевымъ. Что же касается до переписки Государя съ баронессой Крюденеръ, то о ней знали и въ Россіи, и въ Европѣ, благодаря ей самой, такъ какъ это служило для нея рекламой. Письма баронессы сохранились, и то не всѣ, а письма Александра къ ней были полностью вручены г-жей Крюденеръ князю А. Н. Голицыну въ 1821 году и переданы имъ Его Величеству.

Эти письма, къ сожалѣнію, не сохранились и были, вѣроятно, уничтожены, либо самимъ Александромъ Павловичемъ, либо преданы сожженію его братомъ, Императоромъ Николаемъ, систематичнымъ истребителемъ многихъ безцѣнныхъ бумагъ и рукописей. Примѣромъ того, до какихъ предѣловъ доходило довѣріе Императора Александра къ Кошелеву, можетъ служить письменная передача такой тайны, какъ задуманная рѣчь при открытіи сейма въ Варшавѣ, въ 1818 году, на критику Родіона Александровича, а также впечатлѣнія Государя, переданныя ему же послѣ прочтенія этой рѣчи *). Потому и досадно, что ничего цѣльнаго до насъ не доходитъ, а почти всегда лишь отрывочныя части. Нѣкоторыя письма и записки Государя къ Кошелеву сохранились, и мы все найденное даемъ въ приложеніяхъ, равно какъ и письма самого Кошелева къ Александру; вѣдь, о его личности осталось такъ мало данныхъ въ нашей исторической литературѣ. Когда Кошелевъ скончался, 26 ноября 1827 года, то безжалостный ханжа, архимандритъ Юрьевскаго монастыря Фотій высказалъ про покойнаго такого рода тираду: „Я сижу во глубинѣ безмолвія и уединенія

*) См. письма Государя отъ 7 января 1818 года изъ Москвы и 19 марта того же года изъ Варшавы.

и молю Господа, да изведетъ въ свое время на дѣло свое человѣка Божія подкопомъ взорвати дно глубинъ сатанинскихъ, содѣянныхъ въ тайныхъ вертепахъ тайныхъ обществъ вольтеріанцевъ, франкмасоновъ, мартинистовъ, и сокрушитъ главу седмиглаваго змія треклятаго иллюминатства, его же жрецъ или магъ недавно, въ день святаго Георгія, двадесять шестого дня Ноемврія, позванъ на судъ къ Господу". Очевидно, что пронырливый архимандритъ и всегдашній другъ Аракчеева отлично сознавалъ, что со сцены сошелъ человѣкъ, который долгое время, совмѣстно съ княземъ Голицынымъ, Лабзинымъ и многими другими, былъ бѣльмомъ въ глазу у Фотія въ Александровскія времена.

Что вліяніе Кошелева шло послѣдовательно и не прерывалось, это можно заключить изъ ряда записокъ Императора Александра, адресованныхъ Родіону Александровичу, за разные годы, въ періодъ отъ 1811 до 1815 года и позднѣе:

Въ мартѣ 1811 года, на Страстной недѣлѣ: „....благодарю васъ за выраженныя чувства и, какъ вы, я тоже возлагаю всю мою надежду на Промыслъ Божественнаго Существа. Когда увидимся, поговоримъ съ вами о содержаніи присланныхъ мнѣ вами отдѣльныхъ листовъ"....

Изъ Плоцка, 25 января 1813 года: „....Какъ мнѣ пріятно узнать, что вы меня поняли. Моя вѣра чиста и ревностна. Съ каждымъ днемъ эта вѣра во мнѣ растетъ и крѣпнетъ, давая такого рода наслажденіе, которое было невѣдомо для меня. Но не думайте, что это только результатъ послѣднихъ дней. То рвеніе, которое я испытываю, происходитъ отъ добросовѣстнаго исполненія завѣтной воли нашего Спасителя.... Теперь нѣсколько словъ по поводу пріѣзда въ Петербургъ М. А. Нарышкиной. Надѣюсь, что вы слишкомъ хорошо освѣдомлены о моемъ душевномъ состояніи, чтобы безпокоиться на мой счетъ. Скажу вамъ больше, если я еще считалъ бы себя свѣтскимъ человѣкомъ, то, право, здѣсь нѣтъ заслуги остаться равнодушнымъ къ особѣ, послѣ

всего того, что она сотворила“ *). Отъ 25 апрѣля 1813 года, изъ Дрездена: „Глубокое спасибо за присылку чудной книги, которую я прочитываю съ жадностью. Я молю Создателя, чтобы это чтеніе сдѣлало меня болѣе достойнымъ ко всѣмъ милостямъ Провидѣнія“.

Наконецъ, 13 декабря 1815 года: „Прочелъ ваше письмо съ глубокимъ волненіемъ и спѣшу благодарить васъ за выраженныя чувства. Я обязанъ вамъ многимъ, потому именно, что вы меня навели на тотъ путь, по которому я теперь слѣдую убѣжденно, что привело къ достигнутому успѣху затѣяннаго дѣла при содѣйствіи Всевышняго. Но то, что еще осталось мнѣ сотворить для родины, вѣроятно, гораздо труднѣе достижимо, но это меня не пугаетъ, ибо, при помощи нашего Спасителя, я теперь считаю все возможнымъ и полагаюсь вполнѣ на Него“...

Обратимся къ дальнѣйшей судьбѣ баронессы Крюденеръ. Проскитавшись въ теченіе трехъ лѣтъ по разнымъ мѣстамъ Германіи и Швейцаріи, имѣя мало успѣха отъ своихъ проповѣдей, нуждаясь въ деньгахъ, но помня приглашеніе Государя въ 1815 году заѣхать въ Петербургъ, баронесса рѣшилась въ 1818 году перекочевать къ себѣ на родину, въ Лифляндію. На пропускъ въ Россію ея различныхъ спутниковъ было дано разрѣшеніе, но Рижскій генералъ-губернаторъ, маркизъ Паулуччи, дѣлалъ имъ различныя затрудненія, что дало поводъ къ недоразумѣніямъ. Вслѣдствіе этого, 9 мая 1818 года, Императоръ Александръ написалъ маркизу письмо слѣдующаго содержанія:

„...Съ сожалѣніемъ вижу, что вы не вполнѣ поняли содержаніе разговора, который имѣли мы съ вами объ этомъ предметѣ въ Царскомъ Селѣ. Къ чему нарушать спокойствіе существъ, занимающихся только молитвами къ Предвѣчному и никому не дѣлающихъ зла? Чѣмъ болѣе въ такихъ случаяхъ розысковъ и надзору, тѣмъ прибавляется только важности для зѣвакъ. Оставьте

*) Государь убѣдился въ ея невѣрности.

госпожу Крюденеръ и другихъ пользоваться совершеннымъ спокойствіемъ, потому что, какое вамъ до того дѣло, кто какъ молится Богу! Каждый отвѣчаетъ Ему въ томъ по своей совѣсти. Лучше, чтобы молились какимъ бы то ни было образомъ, нежели вовсе не молились".

Государь и въ этомъ случаѣ обнаружилъ полную вѣротерпимость. Въ Петербургѣ г-жа Крюденеръ появилась только въ 1821 году, когда Императоръ былъ еще на Лайбахскомъ конгрессѣ, но она дождалась его возвращенія. Здѣсь она усиленно агитировала въ пользу возставшихъ грековъ, вступивъ въ оживленныя сношенія съ вожаками греческаго возстанія. Такая дѣятельность противорѣчила намѣреніямъ Александра, и за баронессой былъ установленъ негласный надзоръ. Но у ней бывали многіе, и особенно ревностно князь А. Н. Голицынъ, несмотря на запрещеніе посѣщать баронессу. Государь получалъ донесенія полиціи о посѣщеніяхъ, но, очевидно, разрѣшалъ Голицыну её видѣть и даже поощрялъ его въ этомъ. Впрочемъ, самъ Голицынъ неоднократно разсказывалъ Ю. Бартеневу о такого рода странномъ методѣ отношеній къ проповѣдницѣ. Наконецъ, терпѣніе Александра лопнуло, и Его Величество ей написалъ лично, требуя прекращенія агитаціи въ пользу оказанія помощи грекамъ и прося не вмѣшиваться не въ свои дѣла. Письмо было отправлено къ ней съ А. И. Тургеневымъ на прочтеніе и привезено обратно. Тогда обиженная баронесса вернулась въ Лифляндію, а оттуда отправилась въ Крымъ, гдѣ пріобрѣла маленькое имѣніе и провела остатокъ дней въ обществѣ своей дочери Беркгеймъ, княгини Анны Сергѣевны Голицыной (сестры Софіи Сергѣевны Мещерской) *)

---

*) Княгиня А. С. Голицына была замужемъ за камергеромъ княземъ И. А. Голицынымъ, но не жила съ нимъ. Она жила долго въ Крыму, въ принадлежавшемъ ей имѣніи Кореизъ и погребена около церкви въ Гаспрѣ (нынѣ имѣніе Вел. Кн. Александра Михаиловича); скончалась въ 1838 году. Послѣдніе годы своей жизни князь А. Н. Голицынъ прожилъ рядомъ съ ней и умеръ 6 лѣтъ спустя послѣ нея, въ Крыму же; погребенъ въ Балаклавскомъ монастырѣ.

и другихъ послушницъ ея религіознаго экстаза. Скончалась г-жа Крюденеръ въ Крыму 25 декабря 1824 года.

По поводу ея кончины, тотъ же архимандритъ Фотій написалъ такого рода филиппику, не лишенную остроумія:

„Криднеръ была женщина зловѣрія лжехристіанскаго, какой-то западной ереси, съ дарованіями острыми, лѣтъ уже преклонныхъ. Она выдавала себя за вдохновенную свыше. Молва разнеслась отъ нѣкоторыхъ ея учениковъ столь быстро о ней, что весь Петербургъ подвигся, какъ новое чудо, видѣть и слышать госпожу Криднеръ. Женка сія, въ разгоряченности ума и сердца, отъ бѣса вдыхаемой, не говоря никому противнаго похотямъ плоти, обычаямъ міра и дѣламъ вражіимъ, такъ нравиться умѣла всѣмъ во всемъ, что, начиная съ первыхъ столбовыхъ боляръ, жены, мужи, дѣвицы спѣшили, какъ оракула нѣкоего дивнаго, послушать женку Криднеръ. Нѣкоторые почитатели ея, изъ обольщенія ли своего или изъ ругательства надъ святынею христіанскихъ догматовъ, портреты изобразили Криднерши, издавали въ свѣтъ ее съ руками, къ сердцу прижатыми, очи на небо имѣющую, и Святаго Духа съ небесъ, какъ на Христа, сходящаго во Іорданѣ или на Дѣву Богородицу при Благовѣщеніи архангельскомъ. Въ сѣтяхъ Татариновой и Криднерши самъ министръ духовныхъ дѣлъ весь увязалъ. Его любимцы съ нимъ одно творили".

Гораздо любопытнѣе было почти одновременное появленіе въ Петербургѣ другой коренной русской проповѣдницы, Екатерины Филипповны Татариновой. Ея мать, Буксгевденъ, вдова полковника, была няней великой княжны Маріи, старшей изъ умершихъ въ младенчествѣ дочерей Императора Александра († въ 1800 г.); Буксгевденъ была оставлена квартира въ Михайловскомъ замкѣ въ числѣ немногихъ лицъ изъ штата придворныхъ, жившихъ въ этомъ зданіи послѣ кончины Императора Павла. Екатерина Филипповна воспитывалась въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и

вышла замужъ за офицера Измайловскаго полка Ив. Мих. Татаринова, тяжело раненаго подъ Бородинымъ.

Съ 1815 г. Е. Ф. Татаринова, послѣ смерти мужа, умершаго отъ послѣдствій раны, переселилась также къ матери въ Михайловскій замокъ. Какъ многіе въ ту эпоху, она особенно интересовалась религіозными вопросами, искала „всемірной истины" на почвѣ объединенія различныхъ духовныхъ убѣжденій и обобщенія обрядовъ богослуженія. Пока другіе увлекались піэтизмомъ, масонствомъ, разными сектантскими толками, Татаринова сосредоточила свою дѣятельность исключительно на помощи бѣднымъ, нищимъ и бродягамъ, а также посѣщала „корабли" (собранія) скопцовъ, участвовала на ихъ „страдахъ" (пѣніяхъ) и духовныхъ плясках (радѣніяхъ). Въ день св. Архангела Михаила, 8 ноября 1817 г., Екатерина Филипповна перешла изъ лютеранства въ православіе и почувствовала въ себѣ съ тѣхъ поръ даръ пророчества. Ею заинтересовался князь А. Н. Голицынъ и, по отъѣздѣ матери ея въ Лифляндію, испросилъ у Государя разрѣшеніе ей продолжать жить во дворцѣ и выдавать ей, въ теченіе 20 лѣтъ, пенсію въ размѣрѣ 6 т. рублей въ годъ. Получивъ высокомилостивую поддержку, Татаринова стала собирать у себя кружокъ избранныхъ лицъ, гдѣ происходили бесѣды на религіозныя темы, чтеніе священнаго писанія, пѣніе кантатъ на простонародной рѣчи, и т. д. Собранія происходили въ началѣ въ одной изъ дворцовыхъ залъ Михайловскаго замка, куда появлялись также лица, занимавшія видное положеніе, какъ, напримѣръ, князь Голицынъ и Кошелевъ; обо всемъ этомъ было извѣстно Петербургскому митрополиту Михаилу, оказывавшему негласную поддержку такого рода сходкамъ*).

Наконецъ, Татаринова удостоилась быть принятой самимъ Государемъ, пожелавшимъ её видѣть лично; бесѣда была продолжительная, и пріемъ оказался болѣе чѣмъ радушнымъ.

---

*) Изъ воспоминаній митрополита Филарета. „Правосл. Обозрѣніе", 1865 г., № 8.

Но милость Государя не ограничилась однимъ пріемомъ проповѣдницы, потому что былъ еще принятъ одинъ изъ главныхъ ея послѣдователей, Никита Ѳедоровъ, музыкантъ 1-го кадетскаго корпуса, награжденный чиномъ 14 класса. Увѣряли, что будто бы Александръ Павловичъ писалъ Кошелеву, что онъ „пламенѣетъ любовію къ Спасителю всегда, когда только читаетъ въ письмахъ Родіона Александровича объ обществѣ госпожи Татариновой въ Михайловскомъ замкѣ“, и что „симъ обществомъ надѣюсь я истребить ереси — и скопцовъ, и масоновъ!“ *). Этого письма мы не нашли въ перепискѣ Кошелева, но возможно, что кое-что подобное и было написано Государемъ. Пять лѣтъ Татаринова продолжала безпрепятственно свою дѣятельность; въ 1821 году ей было повелѣно выѣхать изъ дворца, переименованнаго въ Инженерный зáмокъ, для помѣщенія тамъ Инженернаго училища, а, какъ извѣстно, 1 августа 1822 года всѣ тайныя общества были закрыты.

Вышло, что удаленіе Татариновой совпало съ отъѣздомъ въ Крымъ баронессы Крюденеръ, и это совпаденіе, опять-таки не случайное, а слѣдствіе новой перемѣны въ теченіяхъ мыслей и въ намѣреніяхъ Императора Александра.

Было бы пробѣломъ съ нашей стороны не упомянуть о пріѣздѣ въ 1819 и въ 1820 годахъ двухъ извѣстныхъ баварскихъ экзальтированныхъ проповѣдниковъ, Линдля и Госнера; одинъ говорилъ въ мальтійской церкви Пажескаго корпуса, другой — въ особомъ помѣщеніи на Большой Морской. Ихъ рѣчи пользовались успѣхомъ у всевозможныхъ вздыхателей въ поискахъ истины и у тѣхъ, которые считали это дѣло моднымъ и выгоднымъ для себя, въ смыслѣ карьеры. Но по таланту они, конечно, уступали православнымъ проповѣдникамъ, какъ митрополиту Михаилу, такъ и краснорѣчивому Филарету. Вскорѣ Линдля любезно выпроводили

---

*) См. „Девятнадцатый Вѣкъ“. Москва, 1872 г., книга I: „О духовномъ союзѣ Е. Ф. Татариновой“, Юрія Толстого.

въ Одессу, а Госнера отправили за границу за его книгу: „Geist des Lebens“ только въ 1824 году, при паденіи князя Голицына.

Гораздо интереснѣе по своей дѣятельности былъ англичанинъ Вальтеръ Веннингъ, членъ Лондонскаго общества попеченія о тюрьмахъ, основатель и директоръ подобнаго же общества въ Петербургѣ, учрежденнаго 19 іюля 1819 года.

Эта личность была весьма почтенная, вовсе не занимавшаяся пропагандой мистицизма или проповѣдями, а посвятившая всю дѣятельность исключительно своей спеціальности—тюрьмамъ.

Его записка о положеніи въ Россіи тюремнаго быта, представленная Веннингомъ Государю, произвела на Александра сильное впечатлѣніе и вызвала въ немъ сочувствіе къ тюремному обществу, такъ что, когда Веннингъ скончался въ 1821 году, Императоръ выразилъ глубокое сожалѣніе о смерти его въ одной изъ записокъ къ князю Голицыну.

Мы постарались въ краткихъ чертахъ описать главныхъ дѣятелей того религіозно-душевнаго состоянія, которое принято называть мистицизмомъ. Въ чемъ же оно состояло? Главное заключалось въ стремленіи приблизиться къ истинѣ, путемъ невидимаго общенія съ Божьимъ Промысломъ, и стараніи разгадать свое собственное „я“. Другими словами, мистицизмъ представляетъ извѣстный типъ душевной дѣятельности въ порывахъ сближенія и единенія съ Творцомъ вселенной *). Мистицизмъ появился въ

---

*) Сохранилась въ Собственной Его Величества библіотекѣ молитва, написанная рукой Императора Александра. Молитва эта была, вѣроятно, составлена или княземъ А. Н. Голицынымъ, или Кошелевымъ, и находилась въ бумажникѣ Государя.

Копія.

O mon Grand Dieu! prends-nous en ta sacrée garde et aye compassion et pitié de nous.

Fais que nous ne démarchions et détournons jamais du chemin de l'honneur et de la vertu, fais que nous nous en écartions jamais pas pour un instant, guide-nous, ô mon Grand Dieu! par ce chemin et fais que nous nous en écartions jamais.

Nous te remercions, ô mon Grand Dieu! pour toutes les bontés et bienfaits que tu as et que tu as eu pour nous. O mon grand Dieu! nous te prions, continue de les répandre sur nous et tous ceux qui nous sont chers, et sur toute l'humanité, et fais que tous nous tâchions de nous

Россіи еще въ царствованіе Екатерины, но тогда всѣ эти общества считались противоправительственными, въ связи съ тайными организаціями, масонствомъ, и ихъ преслѣдовали и тогда, а въ царствованіе Павла еще болѣе. При правленіи же Александра дѣятельность всѣхъ тайныхъ и явныхъ обществъ особенно оживилась, а послѣ Отечественной войны и борьбы съ Наполеономъ почти всѣ были заражены страстью къ какой-то таинственности. Одни стали мистиками, другіе масонами, что не мѣшало имъ быть одновременно и тѣми, и другими. Наглядный примѣръ мы видимъ на Кошелевѣ и Лабзинѣ; первый былъ убѣжденный масонъ, но относился любовно къ мистицизму; второй принадлежалъ скорѣе къ мистикамъ, но не брезгалъ и масонствомъ. Даже въ средѣ духовенства такіе выдающіеся пастыри церкви, какъ Филаретъ (впослѣдствіи знаменитый митрополитъ Московскій), какъ митрополитъ С.-Петербургскій Михаилъ (преемникъ Амвросія), открыто сочувствовали мистикамъ, но всѣ одинаково осуждали масонство *).

---

en rendre de jour en jour plus dignes et de les mériter par notre conduite et en tâchant de nous rendre de jour en jour réellement meilleurs, et faites aussi que nous y réussissions autant qu'il est en notre pouvoir de le faire et que réellement nous devenions de jour en jour meilleurs en tout.

Daignez nous seconder et nous faciliter les moyens.

Pardonnez-nous, ô mon Grand Dieu! tous nos péchés, toutes nos fautes et toutes nos inadvertances. Pardonnez-nous les, ô mon Grand Dieu! et faites que nous nous en corrigions de jour en jour davantage, de même que nos défauts, et que nous en commettions de jour en jour moins.

O mon Grand Dieu! épargne à nous, préserve-nous, détourne de nous et garantis-nous de toutes les épreuves, tous les malheurs, chagrins, peines, déplaisirs, ennuis, maladies, incommodités, inquiétudes, embarras, difficultés, empêchements, désagréments et de toutes les choses désagréables, contrariétés, contraintes et contre-temps.

O mon grand Dieu! épargne-nous les, détourne-les de nous, garantis-nous en, et préserve-nous en, mais par contre fais aussi que s'ils s'en présentent, nous nous en tirions avec noblesse de sentiments et grandeur d'âme et fais aussi que nous ayons du courage et de l'espérance en toi.

Rends-nous heureux, ô mon Grand Dieu!

(Рукописн. отд. Собственной Его Величества библіотеки, № 441, шк. I, п. 3, к. 10).

*) Изъ дневника В. Л. Боровиковскаго 23 августа 1819 г.: „Слухъ носится, что князь Голицынъ съ Филаретомъ хотятъ составить новое христіанское сословіе, въ противность масонамъ".

Зная, что и Императоръ Александръ предавался глубокимъ колебаніямъ на почвѣ религіозной, ища успокоенія душѣ своей, то въ чтеніи священнаго писанія, то въ общеніи съ моравскими братьями, квэкерами и такими восторженными проповѣдницами, какъ г-жи Крюденеръ и Татаринова, все русское общество увлекалось, если не въ равной степени, то все таки слѣдило со вниманіемъ за всѣми толками, сектами и проповѣдниками, какъ православными (Филаретъ, Фотій), такъ и сектантскими.

Очевидно, что болѣе фанатическая часть православнаго духовенства не одобряла этихъ увлеченій, и когда дѣло зашло слишкомъ далеко, то въ средѣ пастырей обнаружилось понятное желаніе прекратить такой порядокъ, угрожавшій, по ихъ убѣжденіямъ, основамъ Православной церкви. Къ этимъ лицамъ относились С.-Петербургскій митрополитъ Серафимъ (преемникъ Михаила и ставленникъ Аракчеева), Кіевскій митрополитъ Евгеній и Юрьевскій архимандритъ Фотій. Послѣдній былъ самымъ ярымъ противникомъ всѣхъ сектъ, а еще болѣе мистиковъ; оба митрополита были менѣе суровы и болѣе сообразовались съ обстоятельствами, а изъ свѣтскихъ людей къ нимъ присоединились Шишковъ и, въ особенности, Аракчеевъ. Они восторжествовали только за три года до кончины Государя, но борьбу повели гораздо раньше и исподволь. Пыпинъ говоритъ: „Голосъ этого духовенства имѣлъ за себя и всѣ ультра-консервативные элементы, всѣхъ людей“, которымъ всякое нововведеніе съ самаго начала казалось „развратомъ“ и подкопомъ подъ церковь, престолъ и отечество. Самому Аракчееву, вѣроятно, не было ни малѣйшаго дѣла до Библейскаго общества, но ненависть къ обществу отъ приверженцевъ старины показалась Аракчееву удобнымъ средствомъ для низверженія князя Голицына“ *).

Характернымъ эпизодомъ этой борьбы мистиковъ съ извѣстною частью духовенства служитъ инцидентъ съ книгой нѣкоего

*) См. „Вѣстникъ Европы“, 1868 г., ноябрь. Пыпинъ: „Русское Библейское общество“.

Станевича: „Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души“, пропущенная цензоромъ архимандритомъ Иннокентіемъ, въ 1818 году. Въ этой книгѣ встрѣчались прозрачные намёки на дѣйствія мистиковъ, власти вообще, и выражалось все въ рѣзкой и оскорбительной формѣ. Книга была показана княземъ Голицынымъ Государю, пришедшему въ негодованіе. Иннокентію былъ сдѣланъ строгій выговоръ, и въ видѣ почетной ссылки его назначили епископомъ въ Оренбургъ и только, благодаря его нездоровью, перевели въ Пензу, гдѣ онъ черезъ годъ и скончался (1819). Архимандритъ Фотій считалъ себя ученикомъ Иннокентія, пришелъ въ ярость отъ постигшей Иннокентія кары и поклялся отомстить князю Голицыну при удобномъ случаѣ, что и исполнилъ съ успѣхомъ. Между тѣмъ князю Александру Николаевичу, Лабзину, Кошелеву, Филарету, словомъ всѣмъ главнымъ дѣятелямъ министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, болѣе всѣхъ вредили ихъ же главные сотрудники, игравшіе или двойную роль, какъ А. И. Тургеневъ, или старавшіеся подорвать къ нимъ довѣріе общества разными мѣрами строгости и несправедливости. Къ этимъ послѣднимъ принадлежали извѣстные своей подлостью Руничъ и, особенно, Магницкій, также ловко проникшіе въ Библейское общество, которому они старались придать лишь мрачную форму обскурантства; одновременно и тотъ, и другой поддѣлывались къ Фотію и Аракчееву, все имъ доносили, а передъ княземъ Голицынымъ разыгрывали роль самыхъ преданныхъ ему людей. Поэтому неудивительно, что при этихъ господахъ самоуправство цензуры дошло до такихъ предѣловъ, что не только возмущало А. С. Пушкина, Жуковскаго, но и Дмитріева, и даже Карамзина. Н. М. Карамзинъ писалъ Дмитріеву, что „князь Голицынъ хорошій человѣкъ... но я къ нему совсѣмъ не близокъ и съ Кошелевымъ не знакомъ; даже текстами не промышляю. Иногда смотрю на небо, но не въ то время, когда другіе на меня смотрятъ...“ Оказывается, что и Карамзинъ никогда не видалъ Р. А. Кошелева,

а между тѣмъ Кошелевъ жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, который частенько посѣщалъ историкъ Государства Россійскаго. Не удивительно потому, что, когда Голицына постигла немилость, радовались даже назначенію престарѣлаго Шишкова его преемникомъ. Но рѣчь обо всемъ этомъ впереди.

Если православное духовенство, въ большинствѣ, не сочувствовало ни мистицизму, ни Россійскому Библейскому обществу, состоящему почти изъ однихъ и тѣхъ же дѣятелей, то еще болѣе въ Европѣ возстали противъ такихъ проявленій католическое духовенство и папа. У насъ эта борьба ознаменовалась двумя актами: 20 декабря 1816 года, по Высочайшему указу, были высланы изъ Петербурга всѣ монахи іезуитскаго ордена, а 13 марта 1820 года они были изгнаны и изъ Россіи. Также въ 1816 году папа Пій VII (Chiaramonti) издалъ запрещеніе противъ польской Библіи, изданной Русскимъ Библейскимъ обществомъ, а въ 1824 году запрещеніе было повторено его преемникомъ папой Львомъ XII (Annibale de la Genga) *).

Что̀, конечно, ожесточало въ Россіи многихъ противъ дѣйствій и помышленій русскихъ мистиковъ, стоявшихъ у власти, это отсутствіе и невозможность критики, такъ какъ цензура была сосредоточена въ тѣхъ же рукахъ князя А. Н. Голицына и его сотрудниковъ, и единомышленниковъ.

Кромѣ того, несмотря на всю свою вѣротерпимость, самъ Государь не любилъ, чтобы обсуждали или критиковали одобренныя имъ мѣропріятія. Это соотвѣтствовало тѣмъ странностямъ его характера, гдѣ крайній иногда либерализмъ немедленно заглушался проявленіями такого же крайняго приступа самодержавія, что одинаково смущало его друзей и недоброжелателей. Въ 1847 году въ Парижѣ была напечатана Н. И. Тургеневымъ книга подъ заглавіемъ: „La Russie et les Russes". Авторъ этого изданія, между

*) См. „Вѣстникъ Европы", 1868 годъ. Пыпинъ: „Россійское Библейское общество".

прочимъ, дѣлаетъ такое оригинальное заключеніе: „Въ русской жизни, гдѣ все дѣлается таинственно и по интригѣ, гдѣ солнце гласности освѣщаетъ только результаты, никогда не углубляясь до причинъ, репутація человѣка зависитъ не столько отъ него самого, сколько отъ тѣхъ, которые берутся составить ему таковую“.

Если такое заключеніе можетъ казаться преувеличеннымъ вообще, то въ частности въ разсматриваемую эпоху оно подмѣчено вѣрно и примѣнимо ко многимъ дѣятелямъ Александровскаго времени. Достойно вниманія, что даже представители иностранныхъ державъ доносили о вѣротерпимости Русскаго Государя и посвящали донесенія этому вопросу. Такъ, 4 марта 1817 года, французскій посланникъ, графъ Ноайль (comte de Noailles), докладывалъ: „...Un rescrit de S. M. I. adressé le 21 décembre 1816 au gouverneur de Kherson et publié en dernier lieu dans le „Journal de St-Pétersbourg“ mérite d'être remarqué par les principes de tolérance religieuse qui y sont établis. Ce rescrit a pour objet la secte des „Douchoborzi“. Les individus qui la composent se trouvent réunis dans le district de Mélitopol (gouvernement de Tauride), et, d'après les ordres de l'Empereur et au mépris des dénonciations dirigées contre eux, ne doivent être troublés en aucune manière pour leur croyance religieuse, mais au contraire traités et protégés comme les autres sujets de S. M. I., la persécution n'étant jamais un moyen bon et chrétien de ramener à la véritable église. C'est ainsi que s'exprime ce rescrit...“ 30 мая 1817 года Ноайль пишетъ: „...L'Empereur semble se délasser des soins du Gouvernement en se livrant aux sentiments religieux qui remplissent son cœur et dominent son esprit; il continue à porter le plus grand intérêt à la Société Biblique.

„Le bref du Pape (Pie VII), adressé à l'archevêque polonais de Gnesne et dirigé contre cette société, le refus qu'on dit avoir été fait par le Saint Père d'accéder à la Sainte Alliance ont irrité l'Empereur Alexandre contre l'Eglise Romaine. S. M. I. a donné

vingt mille roubles à M-r Stourdza, grec d'origine, jeune homme remarquable par l'étendue de son esprit et de ses connaissances, pour faire imprimer à Weimar un ouvrage renfermant une apologie de *l'Eglise orthodoxe* et des attaques virulentes contre l'église d'occident *). Je n'ai pas lu cet ouvrage, on le dit écrit avec talent, il produit un grand effet dans le monde et devient un sujet de triomphe pour les Grecs, qui, comme vous le savez, tiennent beaucoup à leur religion, encore plus peut-être par orgueil national que par profonde conviction..." **).

Для насъ особенно цѣнны эти донесенія, свидѣтельствующія о значеніи, которое придавали иностранцы проявленію у Государя такой вѣротерпимости къ сектантамъ, и о дѣятельности Россійскаго Библейскаго общества, не ускользнувшей отъ вниманія убѣжденнаго легитимиста, француза Ноайль, перваго представителя Франціи въ Петербургѣ послѣ воцаренія короля Людовика XVIII.

Донесеніе Ноайль подтверждается вполнѣ другимъ свидѣтельствомъ. Въ путешествіи по югу Россіи въ 1818 году сопровождалъ Государя въ числѣ другихъ лицъ свиты статсъ-секретарь В. Р. Марченко. Вотъ что онъ повѣствуетъ въ своей автобіографіи: „Въ Кіевѣ, когда Государь уже садился въ коляску, отправляясь въ дальнѣйшій путь, къ Варшавѣ, предстали передъ нимъ до 30 мужиковъ съ просьбой. Спѣша отъѣздомъ, Государь приказалъ мнѣ переговорить съ ними, а самъ уѣхалъ. Это были посланные отъ молоканъ и духоборцевъ, которые поселены на Молочныхъ Водахъ, въ Таврической губерніи, между нагайцами и колонистами. Они жаловались на притѣсненія генералъ-губернатора графа Ланжерона....

---

*) „Considérations philosophiques et morales sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe". Stuttgard et Tubingue, Cotta, 1816.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ опроверженіе было издано сочиненіе подъ заглавіемъ: „L'église catholique justifiée contre les attaques d'un écrivain qui se dit orthodoxe", par M—. Lyon et Paris, Rusand, 1822, при чемъ это сочиненіе приписывалось графинѣ Екатеринѣ Петровнѣ Ростопчиной, рожденной Протасовой.

**) Archives du Quai d'Orsay (Ministère des affaires étrangères à Paris).

„По пріѣздѣ въ Варшаву, я доложилъ Государю обо всемъ и представлялъ опасенія мои насчетъ развитія вредныхъ правилъ духоборцевъ. „Я давно знаю о нихъ“, сказалъ Государь, „и потому поселилъ ихъ между нагаями и нѣмцами: тамъ они не могутъ никого совратить. Ихъ ученіе вредно и опасно; но я не хочу порабощать совѣсть. Они отреклись признавать во мнѣ Государя, я имъ дозволилъ это—только бы исполняли обязанности гражданскія. Они отреклись присягать, я велѣлъ брать съ нихъ одно честное слово. Во время войны они не хотѣли стрѣлять, опираясь на заповѣдь: „Не убій“, и на представленія, что ихъ ведутъ противъ враговъ отечества, отвѣчали, что Моисеевъ законъ, дозволяя защищать себя, нигдѣ не говоритъ объ отечествѣ. Тогда только я принужденъ былъ приказать разстрѣлять двухъ или трехъ изъ нихъ“.

„Между тѣмъ бумаги, поступившія отъ графа Ланжерона, подтвердили, что онъ, по настоянію духовенства, дѣйствительно, хотѣлъ принудить духоборцевъ къ повиновенію Церкви и государственнымъ постановленіямъ.

„Поэтому Государь повелѣлъ сообщить Ланжерону, чтобы духовныя власти и земская полиція не вмѣшивались въ дѣла духоборцевъ, а бумаги были отправлены къ министру духовныхъ дѣлъ князю Голицыну“.

Хронологически мы прервали наше повѣствованіе послѣ окончанія Вѣнскаго конгресса, удѣливъ первую часть настоящей главы мистицизму. Возвращаемся къ событіямъ 1815 года. Александръ Павловичъ изъ Берлина направился въ созданное имъ, новое королевство Польское. Чтобы подчеркнуть свое благоволеніе къ полякамъ, Его Величество облекся въ польскій мундиръ и 31 октября черезъ Мокотовскую заставу совершилъ верхомъ торжественный въѣздъ въ Варшаву. Польская аристократія чествовала своего благодѣтеля увеселеніями и балами, на которыхъ Государь всѣхъ сумѣлъ обворожить милостивымъ обхожденіемъ, но часть поль-

скаго общества все же не была удовлетворена, находя, что новое королевство недостаточно округлено земельными пріобрѣтеніями, и желала видѣть Волынь, Подолію и Литву въ предѣлахъ своихъ владѣній. Представитель литовскихъ губерній (Вильно, Гродно и Минскъ), князь Огинскій, явился съ депутаціей въ Варшаву привѣтствовать Государя, какъ короля польскаго. Пріемъ этой депутаціи былъ благосклоненъ, а въ бесѣдахъ съ княземъ Огинскимъ ему ничего не было сказано положительнаго, не дано опредѣленныхъ обѣщаній, а сдѣлано много намековъ на будущее, на довѣріе, конечно, личное къ нему, Государю, и взываніе къ терпѣнію, чтобы неосторожными шагами не скомпрометировать будущихъ предначертаній. 15 ноября была подписана въ Варшавѣ конституціонная хартія Польскаго королевства, а намѣстникомъ назначенъ заслуженный генералъ польскихъ войскъ при Наполеонѣ—Заіончекъ.

Никто не ожидалъ такого назначенія, а менѣе всѣхъ князь Адамъ Чарторыжскій, съ увѣренностью разсчитывавшій получить желанное званіе намѣстника, въ переводѣ на иностранные языки вице-короля, что такъ пріятно звучало бы и льстило тщеславнымъ замысламъ царскаго друга. Не подлежитъ сомнѣнію, что разочарованіе князя Адама не поддавалось описанію, а наружно приходилось все скрывать и страдать молча и съ достоинствомъ, довольствуясь кресломъ въ польскомъ сенатѣ. Оказалось, что ни поѣздка въ главную квартиру союзныхъ войскъ, ни въ Парижъ, ни въ Лондонъ, ни визиты къ Іереміи Бентаму (Bentham), ни присутствіе въ Вѣнѣ на конгрессѣ не помогли князю Чарторыжскому. Ему пришлось на сей разъ еще болѣе разочароваться въ царственномъ покровителѣ, чѣмъ въ дни Мемеля (1802 г.), Аустерлица (1805 г.) и Тильзита (1807 г.), когда кончилось счастливое время негласнаго комитета и управленія иностранной политикой Россіи. Достовѣрно неизвѣстно, что именно произошло между Императоромъ и княземъ, но, вѣроятно, займы 1811 года, а иногда рѣзкости

въ письмахъ князя Адама, привели къ такому неожиданному результату. Словесныхъ пререканій, очевидно, не было; это не соотвѣтствовало характеру отношеній Государя вообще къ его сотрудникамъ, — а просто назначеніе Чарторыжскаго на постъ намѣстника было признано не подходящимъ.

Императоръ Александръ вернулся въ Петербургъ 2 декабря 1815 года, а въ новый годъ (1816 г.) появился знаменитый благодарственный манифестъ, вызвавшій много толковъ какъ въ Россіи, такъ и за границей, но въ общихъ чертахъ выражавшій то религіозно-государственное настроеніе, приводившее въ смущеніе современниковъ и вызывавшее опасенія за новыя вѣянія, овладѣвшія повелителемъ Россіи.

Здѣсь опять, къ сожалѣнію, мнѣ придется разойтись со взглядами покойнаго Шильдера, развивавшаго на страницахъ IV тома исторіи Александра I мысли о роли Аракчеева и о его вліяніи въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Благословеннаго монарха.

Такъ, уже въ началѣ своего повѣствованія Шильдеръ дѣлаетъ такое заключеніе: „Можно утвердительно сказать, что въ это время Аракчеевъ сдѣлался первымъ или, лучше сказать, единственнымъ министромъ; всѣ прочіе сановники имперіи утратили силу и вліяніе на дѣла государственныя". Такое голословное сужденіе мало обосновано, и въ предыдущихъ строкахъ мы видѣли обратное, а именно вліяніе и другихъ людей, въ лицѣ князя Голицына и Кошелева, и частое проявленіе царской инициативы. Если бы Шильдеръ ограничился своимъ выводомъ относительно Государственнаго Совѣта, утратившаго въ тѣ года всякое значеніе, и въ засѣданіяхъ котораго имѣлъ первенствующее вліяніе Аракчеевъ, то это было бы правильно. Произошло такое смѣшеніе понятій у историка Александра отчасти потому, что въ цѣлой серіи главъ IV тома Шильдеръ исключительно ссылается на неизданныя записки Михайловскаго-Данилевскаго. Эти записки заслуживаютъ, по нашему мнѣнію, мало вниманія, такъ какъ Михай-

ловскій часто уклоняется отъ истины и освѣщаетъ всѣ событія черезъ узкую призму придворнаго выскочки, старавшагося выслужиться и заискивавшаго то у князя П. М. Волконскаго, то у А. И. Чернышева, то у графа А. Х. Бенкендорфа. Описанія и заключенія, которыя дѣлаетъ Михайловскій, до того предвзяты и односторонни, что его свидѣтельствами прямо-таки неудобно пользоваться, а тѣмъ болѣе основывать выводы на такого рода воспоминаніяхъ *). 1816 годъ ознаменовался еще назначеніемъ князя П. В. Лопухина предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, взамѣнъ умершаго князя Н. И. Салтыкова, и отправленіемъ на Кавказъ, вмѣсто бездарнаго Ртищева, славнаго воина и вполнѣ русскаго человѣка А. П. Ермолова, въ качествѣ командира отдѣльнаго Грузинскаго корпуса **) и управляющаго одновременно гражданской частью на Кавказѣ. Это назначеніе стало для окраины важно своими послѣдствіями, и нельзя не признать, что лучшій выборъ для такого отвѣтственнаго мѣста трудно было сдѣлать. И здѣсь опять нѣтъ никакого вліянія Аракчеева; напротивъ, былъ

*) Государственный секретарь Василій Романовичъ Марченко въ своей автобіографіи даетъ, между прочимъ, слѣдующую характеристику Михайловскаго-Данилевскаго. „Послѣднее сочиненіе генерала Михайловскаго-Данилевскаго, которому, по Высочайшей волѣ, открыты были всѣ архивы, должно быть вѣрнѣе прочихъ; только я, грѣшный, при полномъ уваженіи къ достоинствамъ М.-Д., не полагаюсь на правдивость его, видя, что онъ выставляетъ себя какимъ-то близкимъ дѣйствующимъ лицомъ у фельдмаршала Кутузова и Императора Александра, и болѣе, что онъ черезчуръ уже льститъ нѣкоторымъ вельможамъ...... Мнѣ доподлинно извѣстно, что до 1830 года не былъ онъ фаворитомъ ни князя П. М. Волконскаго, ни графа А. И. Чернышева...... А на счетъ 1812—1815 годовъ скажу, что въ 1812 году вступилъ М.-Д. въ ополченіе и былъ зачисленъ въ канцелярію главнокомандующаго...... Спрашивается, когда-же и отчего могъ М.-Д., молодой мальчикъ, близкимъ быть къ Кутузову, у котораго были Коновницынъ, Толь и др....... Весь 1813 годъ М.-Д. былъ въ канцеляріи князя П. М. Волконскаго, которою управлялъ полковникъ Селявинъ; на Вѣнскомъ конгрессѣ и до вторичнаго пріѣзда въ Парижъ, М.-Д. находился при князѣ Волконскомъ по дворцовой части, завѣдывалъ расходомъ денегъ и драгоцѣнныхъ вещей; да и въ 1816 году былъ не больше, какъ капитанъ. По этимъ должностямъ и чинамъ можно судить о хвастовствѣ Михайловскаго-Данилевскаго". (Русская Старина, мартъ, 1896 года: „Автобіографическая записка гос. секр. В. Р. Марченко", В. А. Бильбасова).

**) Переименованнаго въ Кавказскій корпусъ въ 1819 году, по настоянію Ермолова, находившаго наименованіе Грузинскимъ не подходящимъ.

назначенъ человѣкъ, ему ненавистный за свою самостоятельность, какимъ былъ Ермоловъ.

Въ августѣ того же года Александръ предпринялъ путешествіе по Россіи и, начавъ съ Москвы, далѣе посѣтилъ Тулу, Калугу, Рославль, Черниговъ, Кіевъ, Житоміръ и Варшаву, какъ было сказано, „для обозрѣнія губерній, наиболѣе пострадавшихъ отъ войны, и чтобы ускорить своимъ присутствіемъ исполненіе сдѣланныхъ распоряженій". Шильдеръ прибавляетъ такое замѣчаніе: „Государь какъ бы хотѣлъ заглушить овладѣвшее имъ мрачное настроеніе духа безпрестанной перемѣной мѣстъ и впечатлѣній". Это замѣчаніе было бы вполнѣ умѣстно послѣ исторіи въ Семеновскомъ полку, т.-е. послѣ 1821 года, вплоть до кончины Александра, когда, дѣйствительно, наступилъ полный маразмъ въ характерѣ Государя, но въ 1816 году настроеніе вовсе не было мрачнымъ, а только возвышенно-религіознымъ. Первопрестольная столица оказала самый радушный пріемъ своему Царю, и все населеніе Москвы было пропитано этими чувствами, не исключая тогда еще и дворянства, которому Государь посвятилъ особо прочувствованную рѣчь. Михайловскій-Данилевскій удивляется, что въ годовщину Бородина Александръ не посѣтилъ поля сраженія и не служилъ даже панихиды въ Москвѣ по убіеннымъ, а, вмѣсто того, былъ на балу у графини Орловой-Чесменской 26 августа, что будто бы Государь не любилъ вспоминать Отечественной войны вообще въ разговорахъ, а между тѣмъ ѣздилъ изъ Вѣны на поля Ваграма и изъ Брюсселя въ Ватерло. Относительно бала у графини Орловой, надо сказать, что онъ былъ не 26, а 24 августа; въ день же годовщины Бородина никакого бала въ Москвѣ не было. Что же касается воспоминаній объ Отечественной войнѣ, то въ высказанномъ Михайловскимъ мнѣніи есть нѣкоторая доля правды, такъ какъ другія свидѣтельства подтверждаютъ это мнѣніе. Однако, мы затрудняемся сдѣлать по этому поводу какое-либо заключеніе; возможно, что мысль о крово-

пролитіи и столькихъ жертвахъ войны была непріятна впечатлительному сердцу Александра Павловича. Въ день его тезоименитства 30 августа 1817 года послѣдовалъ указъ о М. М. Сперанскомъ и Магницкомъ, вызвавшій величайшее недоумѣніе и смутившій весьма многихъ.

„Передъ начатіемъ войны въ 1812 году, при самомъ отправленіи моемъ къ арміи, доведены были до свѣдѣнія моего обстоятельства, важность коихъ принудила меня удалить отъ службы тайнаго совѣтника Сперанскаго и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго, къ чему во всякое другое время не приступилъ бы я безъ точнаго изслѣдованія, которое, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, дѣлалось невозможнымъ. По возвращеніи моемъ, приступилъ я къ внимательному и строгому разсмотрѣнію поступковъ ихъ и не нашелъ убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ. Потому, желая преподать имъ способъ усердною службою очистить себя въ полной мѣрѣ, всемилостивѣйше повелѣваю: тайному совѣтнику Сперанскому быть пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а дѣйствительному статскому совѣтнику Магницкому воронежскимъ вице-губернаторомъ“.

Какая-то иронія звучала въ соединеніи фамиліи Сперанскаго съ этимъ Магницкимъ, слѣпымъ выполнителемъ всякаго „чего изволите“ и „какъ прикажете“.

Какъ ни прискорбно сознаться для памяти Сперанскаго, но проявленіе первой милости, послѣ пяти лѣтъ опалы, не обошлось безъ содѣйствія Аракчеева, которому Сперанскій не только писалъ, но и посѣтилъ его въ Грузинѣ, въ теченіе 1816 года. Объ этомъ можно заключить изъ письма Михаила Михайловича отъ 28 мая 1820 г., находящагося въ числѣ прочихъ бумагъ Аракчеева въ Архивѣ канцеляріи Военнаго министерства (№ 33): „Я иду прямымъ путемъ и не озираюсь въ сторону, исполняю тѣмъ совѣтъ одного добраго пустынника, еще въ 1816 году въ обители его, Грузинѣ, мнѣ данный, и оправдываю его мнѣніе, всегда для меня драгоцѣнное“.

Выѣхавъ изъ Москвы 31 августа и посѣтивъ въ теченіе путешествія вышеозначенные города, Государь остался въ Варшавѣ немного болѣе двухъ недѣль (отъ 18 сентября до 5 октября 1817 г.), чтобы повидаться съ братомъ Константиномъ, обсудить совмѣстно польскія дѣла, осмотрѣть войска. Его Величество все время былъ въ отличномъ расположеніи духа. Въ томъ же 1817 году состоялось бракосочетаніе великаго князя Николая Павловича съ принцессой Шарлоттой Прусской, дочерью короля Фридриха-Вильгельма Прусскаго, и закладка въ Москвѣ, на Воробьевыхъ горахъ, храма въ память Отечественной войны. Затѣмъ, въ мартѣ 1818 года, изъ Москвы, Государь снова направился въ Варшаву, гдѣ произнесъ знаменательную рѣчь при открытіи перваго Польскаго сейма. Эта рѣчь, какъ видно, долго озабочивала Александра и привлекала все его вниманіе. Шильдеръ увѣряетъ, что только за два дня до произнесенія ея, Императоръ призвалъ къ себѣ графа Каподистріа (Capo d'Istria) *), привлеченнаго съ 1816 года въ качествѣ статсъ-секретаря къ работамъ по министерству иностранныхъ дѣлъ и помогавшаго гр. Нессельроде въ его занятіяхъ по этому вѣдомству. Оригинально, что опять чужеземецъ, грекъ, былъ призванъ для такихъ сложныхъ занятій, точно такъ же, какъ въ былое время — полякъ, князь Чарторыжскій, при канцлерѣ А. Р. Воронцовѣ, въ началѣ царствованія.

Императрица Елисавета Алексѣевна дала такую характеристику графа Каподистріа: „Ce comte Capo d'Istria est un caractère que je ne puis débrouiller encore, malgré qu'il fait depuis longtemps un objet d'étude pour moi. Quelquefois j'ai cru y voir clair et je me sentais vraiment attirée à lui avec toute la confiance que mériterait une réunion de talents et de belles qualités. Mais tout à coup il se présente en lui des revers qui contredisent ce que vous aviez cru

*) Въ т. III Сборника И. Русск. Ист. общества напечатанъ разсказъ графа Каподистріа: „Aperçu de ma carrière politique depuis 1798 jusqu'à 1822", но приведеннаго ниже Шильдеромъ разговора тамъ не имѣется.

solidement établi, et vous êtes rejeté à cent lieues en arrière. Beaucoup de finesse fait, je crois, le fond de ce caractère, et le sol sur lequel il marche la favorise encore davantage: c'est d'ailleurs le caractère national grec, et de la finesse à la duplicité il n'y a pas loin. Or, il n'y a pas de barrière plus sûre pour mon caractère que celle de la duplicité; partout où je la vois, je m'arrête et je retourne sur mes pas" *).

Разсказъ, приведенный Шильдеромъ, слѣдующій: Государь, призвавъ къ себѣ Каподистріа, сказалъ ему: „Вотъ моя рѣчь", прочиталъ ее и, передавая графу, добавилъ: „Даю вамъ полное право расположить фразы, согласно грамматикѣ, разставить точки и запятыя, но не допущу другихъ измѣненій". Но Каподистріа, исполнивъ порученіе, написалъ свой проектъ, не имѣвшій никакого успѣха у Государя, который настоялъ оставить свой. Переводъ этой рѣчи на русскій языкъ былъ сдѣланъ княземъ П. А. Вяземскимъ, служившимъ тогда въ Варшавѣ въ канцеляріи Н. Н. Новосильцова.

Между тѣмъ, изъ переписки съ Кошелевымъ видно, что единственнымъ вдохновителемъ и цензоромъ указанной рѣчи былъ не кто иной, какъ Кошелевъ, что было тайной для современниковъ, а также неизвѣстно и Шильдеру. Рѣчь была написана самимъ Государемъ и прочитана въ засѣданіи сейма государственнымъ секретаремъ на французскомъ языкѣ. Это одно изъ либеральнѣйшихъ произведеній, вышедшихъ изъ-подъ пера Александра Павловича, гдѣ конституціонные принципы были поставлены въ основу всего управленія Польскимъ королевствомъ. Очевидно, и здѣсь не было и тѣни вліянія Аракчеева, или Шишкова, а скорѣе воспоминаніе Лагарповскихъ проповѣдей, отлично усвоенныхъ его воспріимчивымъ ученикомъ.

Конечно, рѣчь привела въ восторгъ поляковъ, но была осуждена въ Россіи и подверглась критикѣ цесаревича Константина, хотя и засѣдавшаго въ польскомъ сеймѣ, въ качествѣ депутата

---

*) Великій Князь Николай Михаиловичъ, „Императрица Елисавета Алексѣевна", т. II, 645.

отъ предмѣстья Варшавы, Праги, но никогда не сочувствовавшаго вообще либеральнымъ началамъ. Изъ письма же Императора Александра къ Кошелеву видно, что Государь остался очень доволенъ и рѣчью, и сдѣланнымъ на поляковъ впечатлѣніемъ, объяснивъ все это особенною милостью Божьяго Промысла. Но довольство не раздѣлялось большинствомъ русскихъ, а особенно въ средѣ военныхъ, гдѣ пребываніе Государя въ Варшавѣ и милостивое вниманіе, оказанное полякамъ, вызывали критику и опасеніе за будущее. Князь И. Ѳ. Паскевичъ повѣствуетъ въ своихъ запискахъ, что какъ-то разъ во время этого пребыванія въ Варшавѣ, въ присутствіи Милорадовича, гр. Остерманъ-Толстой на вопросъ его, Паскевича: „Что изъ этого будетъ“, отвѣтилъ: „А вотъ что будетъ, что ты черезъ десять лѣтъ будешь ихъ штурмомъ брать“. Графъ Остерманъ ошибся лишь на три года въ предсказаніи *). А. А. Закревскій сообщалъ П. Д. Киселеву: „Рѣчь Государя, на сеймѣ говоренная, прекрасная, но послѣдствія для Россіи могутъ быть ужаснѣйшія, что ты изъ смысла оной легко усмотришь“ **). Графъ Ростопчинъ писалъ графу С. Р. Воронцову: „...Le discours de l'Empereur à Varsovie, ses préférences marquées aux polonais et l'insolence de ceux-là ont monté les têtes; des jeunes gens lui demandent la constitution. Tout cela finira par le renvoi d'une douzaine des plus bavards; car on sait crier, mais pas se révolter, et il n'y a que les langues qui s'insurgent. On regarde comme une constitution la liberté des paysans, qui est contre le vœu de la noblesse, mais on ne voudra pas restreindre son pouvoir et se mettre sous l'empire de la justice et de la raison“ ***).

Также разсуждали и думали не только Ростопчинъ, Закревскій и Остерманъ, но и Ермоловъ, и Киселевъ, и всѣ лучшіе русскіе люди того времени.

---

*) Князь Щербатовъ, „Генералъ-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ“, 1888 г., Петербургъ.

**) Сборникъ И. Р. И. О., т. LXXVIII, стр. 192. Шильдеръ, т. IV, стр. 95.

***) Архивъ князя Воронцова, книга VIII, стр. 363.

Конечно, послѣ Варшавскаго пребыванія Александръ Павловичъ не замедлилъ, 18 апрѣля 1818 г., посѣтить въ Пулавахъ семью князя Чарторыжскаго. Это новое вниманіе Государя къ князю Адаму едва ли загладило скрытую досаду, что другимъ лицамъ, а не ему, было суждено играть выдающуюся роль въ новомъ королевствѣ, но самолюбіе тщеславнаго пана все же получило удовлетвореніе. Затѣмъ Государь направился въ длинное путешествіе по югу Россіи; начавъ съ Бессарабіи, онъ чрезъ Тирасполь, пріѣхалъ въ Одессу. По дорогѣ къ нему присоединился гр. Аракчеевъ, вернувшійся съ осмотра военныхъ поселеній. Въ Одессѣ произошло увольненіе Беннигсена отъ должности главнокомандующаго второй арміей и замѣна его фельдмаршаломъ кн. Витгенштейномъ. Управленіе Новороссійскимъ краемъ находилось въ рукахъ графа Ланжерона, преемника герцога Ришельё *), который проявлялъ не меньше рвенія, чѣмъ его предшественникъ, но не обладалъ его дарованіями. Тѣмъ не менѣе, оба француза сдѣлали много для города Одессы, оставили по себѣ добрую память и очень облегчили задачу будущему благодѣтелю этого края, графу М. С. Воронцову, находившемуся тогда еще во Франціи съ оккупаціонными корпусами **).

Покинувъ Одессу, Государь послѣдовательно посѣтилъ Вознесенскъ, Николаевъ, Херсонъ, Перекопъ, Симферополь, Керчь, весь южный берегъ Крыма, Байдарскую долину и Севастополь, гдѣ осмотрѣлъ сперва военныя поселенія графа Витта, потомъ флотъ, дивился прелестямъ Крымскаго побережья, посѣщая живописные монастыри, и, наконецъ, въ Севастополѣ осматривалъ строящіяся укрѣпленія и сдѣлалъ смотръ Черноморскому флоту. Послѣ десятидневнаго путешествія по Крыму, путь былъ взятъ изъ Перекопа

*) Изъ Одессы Императоръ Александръ съ фельдъегеремъ послалъ въ Парижъ знаки ордена св. Андрея Первозваннаго герцогу Ришельё въ благодарность за время его правленія.

**) Приблизительно въ это время скончался фельдмаршалъ Барклай, а командованіе 1-й арміей перешло къ генералу Ф. В. Сакенъ.

на Новочеркасскъ, Таганрогъ, Ростовъ, Нахичевань и затѣмъ чрезъ Воронежъ, Липецкъ и Рязань; 1 іюня Его Величество вернулся въ Москву, оставшись отмѣнно доволенъ всѣмъ видѣннымъ. Здѣсь произошла встрѣча короля прусскаго 3 іюня, затѣмъ съ гостями дворъ переѣхалъ въ Царское Село и Петергофъ, гдѣ были устроены всякія увеселенія до отъѣзда короля въ Берлинъ (5 іюля), а 27 августа Государь выѣхалъ за границу, чтобы слѣдовать на конгрессъ въ Аахенъ. Въ Берлинѣ, конечно, была остановка для свиданія съ прусской королевской семьей, и здѣсь Государь имѣлъ продолжительныя бесѣды на религіозныя темы съ прусскимъ епископомъ Эйлертомъ; бесѣда эта сдѣлала обоюдно большое впечатлѣніе на собесѣдниковъ. Эйлертъ услыхалъ впервые изъ устъ Русскаго Государя развитіе идеи Священнаго союза и откровеніе по поводу той нравственной метаморфозы, которая произошла въ чувствахъ Александра. Нѣмецкій епископъ былъ глубоко пораженъ и удовлетворенъ разговорами съ Русскимъ Царемъ, что отразилось въ его показаніяхъ впослѣдствіи, гдѣ онъ выразился, говоря про Государя, что „er sprach mit orientalischer Begeisterung".

Очевидно, епископъ поспѣшилъ подѣлиться впечатлѣніями съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, который посовѣтовалъ ему немедленно все слышанное записать для назиданія потомства, что Эйлертъ и сдѣлалъ. Между тѣмъ обаятельная личность Русскаго Императора не только интересовала, но и пугала извѣстную часть австро-нѣмецкаго общественнаго мнѣнія. Нѣкоторые германскіе мыслители и военные волновались при мысли, что, избавившись отъ ига Наполеона, легко попасть въ сѣти побѣдоносной Россіи и ея повелителя, съ его либеральными заигрываніями съ сынами революціи, для привлеченія ихъ на дѣло общаго христіанскаго блага. Особенно въ Австріи, князь Меттернихъ подозрительно относился къ политическимъ ходамъ Александра на почвѣ Священнаго союза, желавшаго привлечь и мелкія государства къ

этому союзу, что вовсе не входило въ планы австрійскаго кабинета. Выразителемъ мыслей Меттерниха служилъ извѣстный политическій пройдоха Генцъ (Gentz), записавшій много интереснаго изъ эпизодовъ той эпохи. Генцъ весьма мѣтко подмѣчалъ политику Императора Александра, но не могъ отдѣлаться въ сужденіяхъ отъ вліянія своего покровителя—Меттерниха.

Вотъ что писалъ Генцъ въ тѣ дни о нашемъ Государѣ:

„Русскій Императоръ есть единственный государь, который въ состояніи осуществить самыя обширныя предпріятія. Онъ въ челѣ единственной въ Европѣ арміи, которою можно располагать. Ничто не устоитъ передъ ударомъ этой арміи. Никакія препятствія, останавливающія другихъ государей, для него не существуютъ, какъ, напримѣръ, конституціонныя формы, общественное мнѣніе и прочее. Задуманное нынче онъ можетъ осуществить завтра.

„Говорятъ, что онъ непроницаемъ, и, однако, всѣ позволяютъ себѣ судить объ его намѣреніяхъ. Онъ чрезвычайно дорожитъ добрымъ о себѣ мнѣніемъ, быть-можетъ болѣе, чѣмъ собственно такъ называемой славой. Названія умиротворителя, покровителя слабыхъ, возстановителя своей имперіи имѣютъ для него болѣе прелести, чѣмъ названіе завоевателя. Религіозное чувство, въ которомъ нѣтъ никакого притворства, съ нѣкотораго времени сильно владѣетъ его душой и подчиняетъ себѣ всѣ другія чувства. Государь, въ которомъ добро и зло перемѣшаны такимъ удивительнымъ образомъ, долженъ необходимо подавать поводъ къ большимъ подозрѣніямъ, и безразсудно было бы утверждать, какъ онъ поступитъ въ томъ или другомъ случаѣ. Но когда я его вижу въ отношеніяхъ данныхъ и положительныхъ, то, мнѣ кажется, не будетъ безразсуднымъ предположить, что онъ сдѣлаетъ и чего онъ не сдѣлаетъ.

„Онъ смотритъ на себя, какъ на основателя Европейской федераціи, и хотѣлъ бы, чтобы на него смотрѣли, какъ на ея вождя. Въ продолженіе двухъ лѣтъ (1816—1818) онъ не написалъ

ни одного мемуара, ни одной дипломатической бумаги, гдѣ бы эта система ни была представлена славою вѣка и спасеніемъ міра. Возможно ли, чтобы послѣ того передъ общественнымъ мнѣніемъ, которое онъ уважаетъ и котораго боится, передъ религіей, которую онъ чтитъ, онъ бросился въ предпріятія несправедливыя для разрушенія дѣла, отъ котораго онъ ждетъ для себя безсмертія? Если многіе думаютъ, что все это съ его стороны комедія, то я попрошу доказательствъ...“

Нельзя отказать Генцу въ большой дозѣ наблюдательности, многое схвачено вѣрно и мѣтко.

16 сентября 1818 года Императоръ Александръ прибылъ въ Аахенъ, гдѣ уже находились его союзники, императоръ Францъ и король Фридрихъ-Вильгельмъ. Тутъ обнаружились съ самаго начала различные принципы, выраженные державами. Россія настаивала на идеѣ общаго, великаго союза, основаннаго на братствѣ народовъ и на христіанствѣ, къ которому должны бы были примкнуть всѣ государства Европы; Австрія и Англія желали сохраненія лишь союза четырехъ первоначальныхъ державъ, то-есть ихъ самихъ, Россіи и Пруссіи.

С. М. Соловьевъ, описывая Аахенскій конгрессъ, говоритъ: „Обнаружилась тѣсная связь между кабинетами Лондонскимъ и Вѣнскимъ; главною причиною этой связи были ревность, страхъ, возбужденные колоссальнымъ величіемъ Россіи, вмѣшательствомъ ея кабинета во всѣ европейскія отношенія. Было замѣчено съ русской стороны, что Англія и Австрія стремились, во-первыхъ, чтобъ держать Францію въ продолжительномъ несовершеннолѣтіи; во-вторыхъ, слѣдовать той же политикѣ и относительно Испаніи; въ-третьихъ, держать Нидерланды и Португалію въ зависимости отъ Англіи; въ-четвертыхъ, государства Итальянскія держать въ такой же зависимости отъ Австріи; въ-пятыхъ, вооружить германскую конфедерацію для удержанія Россіи въ завоевательныхъ замыслахъ; въ-шестыхъ, установить прямыя сношенія между Гер-

маніею и Оттоманскою Портою, съ цѣлью дѣйствовать на Россію, не нарушая, повидимому, четверного союза; въ-седьмыхъ, вмѣшиваться въ отношенія сѣверныхъ государствъ; въ-восьмыхъ, вмѣшиваться также въ отношенія Россіи къ Персіи и Турціи" *).

Но опасенія князя Меттерниха и Касльри не оправдались. Какъ они оба ни старались подмѣтить въ Александрѣ коварные замыслы, имъ не удалось на этотъ разъ уличить Русскаго Государя въ коварствѣ. Тѣмъ не менѣе, князь Меттернихъ, успокоившись насчетъ замысловъ самого Государя, продолжалъ безпокоиться, потому что у него твердо засѣло въ головѣ и сложился вполнѣ опредѣленный взглядъ, что Россія и завоевательная политика понятія нераздѣльныя. Тогда вся подозрительность австрійскаго канцлера сосредоточилась на строгомъ наблюденіи за дѣйствіями русскихъ агентовъ, которыми кишѣла въ тѣ года и Австрія, и Германія. Собственно говоря, торжествовалъ только въ полной мѣрѣ наблюдательный Генцъ, записавшій слѣдующее: „Всѣ безпокойства исчезли... Императоръ Александръ изложилъ свои чувства и свои политическіе виды съ удивительною искренностью, ясностью и точностью. Узнали, что онъ не имѣлъ никогда ни малѣйшаго расположенія сближаться съ Франціею насчетъ своихъ тѣсныхъ сношеній съ союзниками, что онъ считаетъ преступленіемъ, измѣною противъ Европы одну мысль о разрушеніи четверного союза; что онъ желаетъ сохраненія мира, договоровъ, поддержанія системы, которой три года слѣдуютъ великія державы. Эти рѣчи, подкрѣпляемыя выраженіями самаго благороднаго энтузіазма къ общему благу, нравственности, религіи, чести, ко всему, что̀ есть самаго возвышеннаго въ дѣлахъ человѣческихъ, произвели впечатлѣніе самое быстрое и могущественное. Исчезли боязнь и недоумѣніе. Поздравляли себя съ тѣмъ, что не отказались отъ конгресса, который приносилъ величайшую пользу

---

*) Императоръ Александръ I, политика-дипломатія. Петербургъ, 1877 г.

Европѣ уже тѣмъ однимъ, что повелъ къ этимъ объясненіямъ. Императоръ Александръ остался вѣренъ своимъ заявленіямъ. Его поведеніе во все время конференціи отличалось мудростью, добросовѣстностью, умѣренностью. Исторія Аахенскаго конгресса сосредоточивается около его Августѣйшей особы; онъ былъ его двигателемъ, направителемъ, героемъ".

Одной изъ задачъ Аахенскаго конгресса было также разрѣшеніе вопроса относительно участія Франціи въ дѣлахъ Священнаго союза. Согласно настояніямъ Русскаго Императора, Франція, наконецъ, освобождалась отъ опеки четырехъ державъ, и иностранныя войска получили приказаніе очистить ея территорію. Но и здѣсь, Англія и Австрія дѣлали всевозможныя затрудненія, не желая, чтобы Франція присоединилась къ прочимъ союзнымъ государствамъ, для рѣшенія европейскихъ дѣлъ. Относительно будущихъ конгрессовъ, мысль о періодическихъ ихъ созывахъ была оставлена, а рѣшено собираться по мѣрѣ надобности и согласно обстоятельствамъ. По окончаніи конгресса, Александръ Павловичъ поѣхалъ во Францію, чтобы сдѣлать смотръ русскимъ войскамъ въ Валансьеннѣ и Мобёжѣ и навѣстить короля Людовика XVIII. Пребываніе Государя въ Парижѣ на этотъ разъ было самое кратковременное, и оттуда Его Величество вернулся опять въ Аахенъ; когда дѣла на конгрессѣ приближались къ концу, Государь посѣтилъ сестру Анну Павловну въ Брюсселѣ, супругу свою въ Карлсруэ и матушку въ Штутгартѣ, оттуда поѣздка продолжилась въ Веймаръ къ сестрѣ Маріи и чрезъ Богемію въ Вѣну, гдѣ пребываніе ограничилось всего десятью днями.

Изъ Вѣны послѣдовало возвращеніе въ Россію, черезъ Ольмюцъ, Тешенъ, Ланхутъ, Сеняву, гдѣ была остановка въ лонѣ семьи князя Чарторыжскаго и изліяніе обычныхъ формъ вѣжливости къ родителямъ князя Адама. Потомъ путь Высочайшаго слѣдованія шелъ на крѣпость Замостье, Брестъ-Литовскъ и Минскъ. Въ предѣлахъ Польскаго королевства Государя сопровождалъ

цесаревичъ Константинъ, а 22 декабря Его Величество вернулся въ Царское. Почти одновременно возвратилась изъ-за границы Императрица-мать. Вскорѣ пришло извѣстіе о внезапной кончинѣ жизнерадостной великой княгини Екатерины Павловны, скончавшейся отъ послѣдствій простуды послѣ рожистаго воспаленія 28 декабря 1818 года.

Эта потеря глубоко потрясла державнаго брата усопшей, съ которой онъ былъ особенно друженъ и относился къ ней болѣе любовно, чѣмъ къ прочимъ сестрамъ. Лѣтомъ 1819 года совершилась новая поѣздка по Россіи. На этотъ разъ Государь посѣтилъ сѣверную часть имперіи, съ совсѣмъ ограниченной свитой, такъ какъ, кромѣ князя П. М. Волконскаго, его сопровождали только врачъ Вилліе и фельдъегерь Соломка. Александръ Павловичъ иногда тяготился всякимъ лишнимъ лицомъ во время путешествій; онъ стремился уединяться, если былъ озабоченъ или чѣмъ-либо разстроенъ, часто предпочиталъ быть съ такими людьми, при которыхъ онъ могъ вовсе не стѣсняться. Въ данномъ случаѣ такъ и было, потому что онъ грустилъ по скончавшейся Екатеринѣ Павловнѣ и намѣренно искалъ другихъ впечатлѣній и уединенія. Потому странно, что Шильдеръ старается подчеркнуть исключеніе изъ поѣздки флигель-адъютанта Михайловскаго-Данилевскаго. „На этотъ разъ“, говоритъ историкъ Александра, „Михайловскій-Данилевскій не участвовалъ въ путешествіи; завистникамъ и недоброжелателямъ его удалось, наконецъ, съ успѣхомъ оклеветать и отстранить многолѣтняго спутника Государя отъ непосредственной близости къ монарху“.

Такое освѣщеніе только даетъ поводъ къ историческимъ неточностямъ и недоразумѣніямъ. Смѣемъ завѣрить, что никогда Михайловскій-Данилевскій не былъ ни довѣреннымъ лицомъ, ни особенно отличаемымъ флигель-адъютантомъ; едва ли онъ могъ имѣть даже завистниковъ, потому что нечему было и завидовать, а Государь относился къ нему привѣтливо, какъ къ прочимъ лицамъ

свиты, но вполнѣ безразлично. Вся дальнѣйшая тирада Шильдера на трехъ страницахъ заимствована цѣликомъ изъ записокъ Михайловскаго и доказываетъ лишь малоправдоподобную болтовню ихъ автора. Если бы все это относилось до Аракчеева, котораго тоже не удостоили взять въ путешествіе, то это было бы еще понятно, но зачѣмъ было распространяться о мнимой опалѣ такой третьестепенной личности, какъ Михайловскій, мы недоумѣваемъ.

Предпринятый путь шелъ чрезъ рѣдко посѣщаемыя мѣстности, чрезъ Лодейное поле, Вытегру и Каргополь на Архангельскъ *). Поражаетъ скорость ѣзды для тѣхъ временъ: Государь, выѣхавъ изъ Царскаго Села 23 іюля, 28 былъ уже въ Архангельскѣ; затѣмъ Его Величество посѣтилъ Петрозаводскъ, Олонецъ и переѣхалъ въ Финляндію, осмотрѣвъ такія малолюдныя мѣста, какъ Сердоболь, Куопіо, Каяны, Улеаборгъ и даже Торнео. Настроеніе Государя было все время самое благодушное и привѣтливое, очаровавшее одинаково какъ жителей сѣверныхъ окраинъ, такъ и обитателей Финляндіи. Несмотря на отсутствіе юркаго Михайловскаго-Данилевскаго, путешествіе это было описано и издано капитаномъ главнаго штаба финляндскихъ войскъ Грипленбергомъ и составляетъ теперь библіографическую рѣдкость **).

Насколько странствованіе въ Архангельскъ и Олонецкую губернію совершено было быстро, настолько осмотръ Финляндіи продолжался сравнительно долго; Александръ Павловичъ вкушалъ

---

*) Посѣщеніе Архангельска ознаменовалось различными милостями; между прочимъ, крестьянамъ уѣздовъ Архангельскаго, Кемскаго и Кольскаго прощено 67/т. рублей разнаго рода недоимокъ. На населеніе посѣщеніе Государя произвело тѣмъ бóльшее впечатлѣніе, что болѣе ста лѣтъ, со времени Петра Великаго (1694 г.), русскіе государи не бывали въ этой мѣстности.

**) „Описаніе путешествія Императора Александра I изъ станціи Нисселэ въ городъ Каяну во время послѣдняго вояжа Его Величества въ Великое Княжество Финляндское лѣтомъ 1819 года", изданное Севастьяномъ Гриппенбергомъ. С.-Петербургъ, 1828 г.

О пребываніи Государя въ сѣверномъ краѣ существуетъ брошюра: „О Высочайшихъ посѣщеніяхъ Олонецкой губерніи Августѣйшими особами въ XIX столѣтіи. Петрозаводскъ, 1877. Есть также литографія: Государь Императоръ Александръ I на Валаамѣ въ августѣ 1819 г. Царское Село, 1858 г.

Н. Н. Раевскій

А. П. Ермоловъ

А. С. Шишковъ

А. Д. Балашовъ

всѣ прелести суроваго ландшафта этого края и наслаждался тишиной и величіемъ финляндской природы. Возвратившись въ Петербургъ всего на нѣсколько дней, 6 сентября Государь отбылъ въ новгородскія военныя поселенія, а оттуда въ Варшаву, гдѣ его присутствіе потребовалось вслѣдствіе крупныхъ недоразумѣній между Новосильцовымъ и княземъ Чарторыжскимъ, а также неудовольствій противъ управленія цесаревича Константина. Вообще, дѣла въ новосозданномъ Польскомъ королевствѣ шли далеко не успѣшно, и новые порядки мало удовлетворяли поляковъ, а со стороны русскихъ, самыхъ различныхъ направленій, слышалось одно порицаніе чрезмѣрному довѣрію Государя, оказанному полякамъ. Несмотря на всеобщую критику, на увѣщанія Н. М. Карамзина, представившаго отдѣльную записку: „Мнѣніе русскаго гражданина“ о дѣлахъ польскихъ, Александръ продолжалъ слѣдовать по намѣченному имъ пути. Кромѣ того, въ Варшавѣ засѣдала особая комиссія подъ предсѣдательствомъ Новосильцова, образованная послѣ сейма 1818 года, которой была поручена разработка проекта конституціи для русскаго государства. Новосильцовъ призвалъ къ этому дѣлу иностраннаго юриста, француза Дешанъ (Deschamps), оказавшагося не на высотѣ порученнаго ему сотрудничества. Переложеніе на русскій языкъ дано было князю П. А. Вяземскому, а самый проектъ удостоился громкаго наименованія „Государственной уставной грамоты Россійской Имперіи“. Князь Вяземскій, имѣвшій случай лично докладывать о ходѣ работъ Государю, свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Александръ Павловичъ показывалъ большой интересъ къ этому дѣлу, что „Государь надѣется привести непремѣнно это дѣло къ желанному окончанію, что на эту пору одинъ недостатокъ въ деньгахъ, потребныхъ для подобнаго государственнаго оборота, замедляетъ приведеніе въ дѣйствіе мысли, для него *священной;* что онъ знаетъ, сколько преобразованіе сіе встрѣтитъ затрудненій, препятствій, противорѣчій въ людяхъ“,

и т. д. *). Свидѣтельство князя П. А. Вяземскаго, конечно, важно, но едва ли Государь имѣлъ серьезное намѣреніе довести свою мысль до конца, если вспомнить работы на ту же тему комиссій Розенкампфа, потомъ Сперанскаго и снова того же Розенкампфа, которыя, дѣйствительно, собирались и засѣдали, но не имѣли ни малѣйшаго практическаго результата и, собственно говоря, мало интересовали Государя при его тогдашнемъ расположеніи духа.

Извѣстно, насколько въ разговорахъ Императоръ Александръ умѣлъ обворожить собесѣдника, такъ было и съ княземъ П. А. Вяземскимъ и съ исторіографомъ Карамзинымъ, и со всѣми тѣми, которые получали Высочайшія аудіенціи. Но, повторяемъ, разговоры одно, а проведеніе ихъ въ жизнь—другое, а въ тѣ дни только два вопроса возбуждали интересъ не наружный, а положительный въ мысляхъ Государя: бесѣды на религіозныя темы и военныя поселенія, къ которымъ мы вернемся скоро. Конечно, современники становились втупикъ отъ самыхъ неожиданныхъ мѣропріятій и рѣшеній, а потому и получалась не только путаница въ настроеніи общественнаго мнѣнія, но и полная расшатанность въ дѣйствіяхъ правительственныхъ органовъ. Не мудрено, что срывались такія бесѣды, какъ, напримѣръ, съ Карамзинымъ, гдѣ, потерявъ терпѣніе, исторіографъ могъ говорить Государю: „Sire, vous avez beaucoup d'amour-propre... Je ne crains rien. Nous sommes tous égaux devant Dieu. Ce que je vous dis, je l'aurais dit à votre père... (Сомнѣваемся въ этомъ.) Sire, je méprise les libéralistes du jour; je n'aime que la liberté, qu'aucun tyran ne peut m'ôter... Je ne demande plus votre bienveillance. Je vous parle peut-être pour la dernière fois“ (29 дек. 1819 г.) **). И что же? Александръ выслушивалъ и такія тирады одинаково терпѣливо, благодушно улыбаясь, и, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же Карамзинъ, „онъ не требовалъ

*) См. Шильдеръ, Александръ I, т. IV, стр. 151 и 152.

**) См. Русскій Архивъ, № 8, 1911 г. Н. М. Карамзинъ (по поводу памятника ему въ селѣ Остафьевѣ).

моихъ совѣтовъ, однакоже, слушалъ ихъ, хотя имъ, большею частью, и не слѣдовалъ" . . . Въ данномъ случаѣ Карамзинъ считалъ своимъ долгомъ говорить правду въ глаза царю, какъ русскій человѣкъ, и дѣлалъ это безстрашно. Однако, и Карамзинъ не зналъ характера вѣнценосца, потому что тогда врядъ ли онъ терялъ бы время на подобныя откровенія, ничего не дававшія для пользы дѣла. Непослѣдовательность Александра касалась не только одних дѣлъ благоустройства Россіи, но и выражалась въ назначеніяхъ, изъ которыхъ одни были удачны, но поражали неожиданностью, а другія ничѣмъ не могли быть объяснены. Къ первому роду мы отнесли уже отправленіе Ермолова на Кавказъ въ 1816 году, а теперь посылка М. М. Сперанскаго генералъ-губернаторомъ въ Сибирь (вмѣсто зловреднаго И. Б. Пестеля), при весьма лестномъ письмѣ, вполнѣ обѣлившемъ павшаго любимца; ко второму назначенія генерала Меллера-Закомельскаго, а потомъ А. И. Татищева военными министрами, не обладавшихъ никакими особенными качествами по опытности или дарованіямъ. Вмѣсто умершаго Козодавлева (1819 г.), министромъ внутреннихъ дѣлъ снова былъ назначенъ графъ В. П. Кочубей, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ новаторовъ начала царствованія, но почти уже отказавшійся отъ либеральныхъ увлеченій и сумѣвшій ладить даже съ Аракчеевымъ, о чемъ свидѣтельствуетъ ихъ переписка.

Министерство полиціи съ кончиной С. К. Вязьмитинова (преемника Балашова) было упразднено, а полицейскія дѣла перешли въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго отпалъ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, присоединенный къ министерству финансовъ. Въ то же время посѣтили Россію англійскіе квэкеры Алленъ и Грилле, представленные еще въ 1815 году Государю въ Лондонѣ, а теперь имъ любезно принятые въ русской столицѣ; они были также приняты митрополитомъ Михаиломъ, епископомъ Филаретомъ и княземъ А. Н. Голицынымъ. Квэкеры были тронуты и остались весьма довольны

посѣщеніемъ Россіи. Одновременно произошли крупные безпорядки въ военныхъ поселеніяхъ, въ Чугуевѣ, которые были быстро прекращены желѣзнымъ графомъ Алексѣемъ Андреевичемъ и его исполнительными помощниками.

1818 и 1819 годы, такимъ образомъ, ознаменовались цѣлой серіей самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ событій. Чего только не произошло за эти два года: посѣщеніе Варшавы и знаменательная рѣчь Государя при открытіи сейма, Аахенскій конгрессъ, возвращеніе русскаго оккупаціоннаго корпуса изъ предѣловъ Франціи, поѣздки Его Величества по Польшѣ, на югъ Россіи и въ Крымъ, пребываніе въ Москвѣ и Варшавѣ, путешествія по сѣвернымъ окраинамъ и Финляндіи, наконецъ, всякія новыя назначенія и образованіе комиссіи съ самыми обширными затѣями. Эта горячка по всѣмъ отраслямъ внутренней и внѣшней политики поражаетъ и невольно наводитъ на грустныя мысли. Душевное безпокойство Русскаго Государя передавалось и подданнымъ, и даже чужеземцамъ. Повидимому, Александръ Павловичъ поставилъ въ основу всѣхъ мѣропріятій то религіозное откровеніе, которое, по его понятіямъ, освѣтило его умъ и сердце, не только какъ человѣка, но и какъ правителя. Согласно такому убѣжденію, проводились идеи внѣшней политики: возстановленіе царства Польскаго на самыхъ либеральныхъ началахъ; покровительство мистицизму, сектантству, квэкерамъ... но какъ сопоставить съ вышеприведенными вожделѣніями какой-то нервный интересъ къ военнымъ поселеніямъ, интересъ, затемнявшій все остальное по дѣламъ внутренняго управленія и не ослабѣвавшій до самой кончины Александра. Какъ это ни странно, но мы склонны видѣть связь между идеей устройства военныхъ поселеній и религіознымъ настроеніемъ Благословеннаго монарха. Вѣдь основой введенія такого рода поселеній было желаніе облегчить участь солдатъ въ мирное время, дать имъ возможность жить съ семьями, надѣлить ихъ земельной собственностью, другими словами, самая мысль была высоко гуманная,

пропитанная великодушными стремленіями. Чтеніе Библіи и свящ. писанія, столь усердное и постоянное послѣ годины Отечественной войны, вошло въ плоть и кровь, и стало любимымъ препровожденіемъ времени въ свободныя минуты Императора Александра *). Поэтому кажущаяся неправдоподобность нашего предположенія является въ дѣйствительности логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ думъ, которыя невольно должны были приходить на умъ Государю и волновать его душу. Разъ Александръ рѣшилъ произвести на дѣлѣ опытъ военныхъ поселеній, то и дальнѣйшее его упорство въ осуществленіи этой мѣры вовсе не надо объяснять однимъ упрямствомъ, но послѣдствіемъ строго обдуманнаго плана. Возможно также, какъ говоритъ Шильдеръ, что статья генерала Сервана (Servan): „Sur les forces frontières des états“ могла породить первоначальную мысль о военныхъ поселеніяхъ. Но это одна догадка почтеннаго историка, основанная на томъ, что на поляхъ этой брошюры Его Величество „начерталъ свои мысли о поселеніи нашей арміи“. Вполнѣ правдоподобно, что брошюра Сервана усугубила намѣренія Государя, но едва ли она была источникомъ самаго преобразованія. Шильдеръ, съ грустью въ сердцѣ, долженъ согласиться, что сама мысль неотъемлемо принадлежала Александру Павловичу, а не Аракчееву, но для утѣшенія самого себя исторіографъ говоритъ, что „документальныхъ доказательствъ о несочувствіи Аракчеева“ не удалось найти. Между тѣмъ они имѣются въ воспоминаніяхъ современниковъ и сотрудниковъ графа Алексѣя Андреевича. Покойный Дубровинъ, знатокъ этой эпохи, писалъ: „Всѣмъ было извѣстно, что многія лица, стоявшія во главѣ администраціи, въ томъ числѣ и графъ Аракчеевъ, были противъ устройства военныхъ поселеній; что Аракчеевъ предлагалъ сократить

*) Еще въ 1815 году князь Меттернихъ въ письмѣ къ императору Францу сдѣлалъ такую характеристику Александра Павловича: „Il est incapable de persévérer dans le même ordre d'idées.... Depuis 1815, Alexandre a quitté le jacobinisme pour se jeter dans le mysticisme.... Aujourd'hui, les Droits de l'homme ont fait place aux lectures de la Bible....“

срокъ службы нижнимъ чинамъ, назначивъ его, вмѣсто 25-лѣтняго, восьмилѣтнимъ, и тѣмъ усилить контингентъ арміи“ *).

Совершенно вѣрно замѣчаетъ А. А. Кизеветтеръ: „И вопреки распространенному мнѣнію о томъ, что Александръ по слабости характера уступилъ вліянію Аракчеева, отказываясь отъ собственныхъ плановъ, на самомъ дѣлѣ Аракчеевъ съ его военными поселеніями самъ входилъ цѣликомъ въ эти планы царственнаго мечтателя, умѣвшаго, какъ никто, связывать въ своихъ фантазіяхъ самые противоположные элементы. Извѣстно, что мысль о военныхъ поселеніяхъ принадлежала лично Александру, и Аракчеевъ, не одобрявшій этой мысли и возражавшій противъ нея, сталъ во главѣ военныхъ поселеній только изъ угожденія волѣ Государя“ **).

Далѣе Шильдеръ картинно рисуетъ создавшееся положеніе: „Тщетно“, говоритъ онъ, „насильно облагодѣтельствованные крестьяне сочиняли впослѣдствіи просьбы Царю „о защитѣ хрещеннаго народа отъ Аракчеева“, тщетно нѣкоторыя приближенныя лица осмѣливались возражать противъ учрежденія поселеній, Александръ оставался неумолимъ и сказалъ, что „они будутъ во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу отъ Петербурга до Чудова“. Въ другомъ случаѣ Александръ сказалъ: „J'ai déjà maté des choses bien plus difficiles et je veux être obéi dans celle-ci“. Вышеприведенныя слова Государя мало правдоподобны, особенно первая цитата, неизвѣстно откуда взятая историкомъ. Относительно второй въ примѣчаніи сказано: „Dresdener Staatsarchiv: депеша изъ Петербурга отъ 30 октября 1817 года“. Опять приходится отмѣтить, что такого рода анонимныя свидѣтельства только затемняютъ суть дѣла; вѣдь Александру не были присущи рѣзкости, особенно въ словахъ, и едва ли онъ могъ кого-либо увѣрять, что „онъ трупами уложитъ дорогу“, выра-

*) См. Русская Старина, Апрѣль, 1904, стр. 15.

**) Русская Мысль, 1910 г., статья А. Кизеветтера: „Аракчеевъ“.

женіе столь мало соотвѣтственное его характеру, а что касается иностраннаго корреспондента, то, вѣроятно, онъ сообщилъ въ Дрезденъ слышанную имъ сплетню.

Между тѣмъ, военныя поселенія вводились исподволь, годами и весьма осторожно, хотя Государь и придерживался строго обдуманной системы. Первый опытъ былъ сдѣланъ еще въ формѣ указа отъ 5 августа 1815 года къ новгородскому губернатору съ повелѣніемъ расположить второй батальонъ гренадерскаго графа Аракчеева полка на рѣкѣ Волховѣ, въ Высоцкой волости, Новгородскаго уѣзда. Для этой цѣли солдатами были вырублены обширные лѣса, сами они размѣщены по деревнямъ крестьянъ, обращенныхъ въ военныхъ поселянъ, и приступлено къ постройкѣ прочныхъ домовъ для житья, извѣстнаго типа, сохранившихся и донынѣ тамъ, гдѣ были военныя поселенія. Графу Аракчееву было поручено неотступно наблюдать за новымъ дѣломъ и за постройками, что графъ и исполнялъ добросовѣстно и аккуратно, донося Государю о всѣхъ мелочахъ предпринятыхъ работъ. Этотъ первый опытъ со вторымъ батальономъ Елецкаго графа Аракчеева полка послужилъ основнымъ типомъ для всѣхъ послѣдующихъ поселеній, открытыхъ въ теченіе 1816 и 1817 годовъ, а также и позднѣе. Когда такихъ военныхъ поселеній накопилось уже значительное число, Императоръ сформировалъ изъ нихъ отдѣльный корпусъ, который былъ подчиненъ тому же Аракчееву *). Изъ писемъ Алексѣя Андреевича къ Государю за девятилѣтній (1816—1825) періодъ читатель можетъ убѣдиться, что главной темой переписки были военныя поселенія. Аракчеевъ доносилъ положительно о всемъ, о всякихъ мелочахъ и подчеркивалъ свое усердіе въ этомъ дѣлѣ только въ виду интереса, проявленнаго Государемъ, и чтобы доставлять ему, елико возможно, удовольствіе

---

*) Въ концѣ царствованія, корпусъ состоялъ изъ 90 батальоновъ новгородскаго поселенія и 36 батальоновъ слободско-украинскаго (харьковскаго), екатеринославскаго и херсонскаго поселеній съ 249 эскадронами кавалеріи.

въ любимомъ, созданномъ имъ дѣтищѣ. Постоянно встрѣчаются такія выраженія: „Я, кажется, не напрасно жилъ здѣсь, успѣлъ сдѣлать въ новомъ и необыкновенномъ дѣлѣ хорошее начало, послѣ чего, кажется, вездѣ пойдетъ легко и успѣшно"; „утѣшаюсь въ упованіи томъ, что Вашему Величеству будетъ пріятно"; „можетъ-быть, сіи бездѣлки развлекутъ вашу работу"; „люди прекрасные, здоровые, веселые и съ самымъ яснымъ на лицахъ душевнымъ усердіемъ"; „истинно я всякое отъ васъ мнѣ поручаемое дѣло принимаю себѣ высшей наградой и считаю для себя удовольствіемъ быть вамъ, батюшка, хоть мало въ чемъ полезнымъ". Словомъ, лучшаго исполнителя своихъ предначертаній въ дѣлѣ поселеній, чѣмъ Аракчеевъ, Александру Павловичу нельзя было и найти, а потому понятно, что при созданіи военныхъ поселеній выборъ Государя палъ на Аракчеева, какъ на идеальнаго руководителя всего имъ задуманнаго.

Правда, крестьяне относились въ большинствѣ съ недовѣріемъ къ новшеству, подавали прошенія вдовствующей Императрицѣ, великому князю Николаю Павловичу, но вначалѣ не замѣчалось особаго ропота. Впослѣдствіи часто отношенія обострялись, больше ради мелочей, какъ приказанія брить бороды, носить казенные мундиры, а иногда, вслѣдствіе излишней строгости или безтактности мѣстнаго, подчасъ слишкомъ ретиваго, начальства. Но въ общемъ крестьянство не обнаруживало того негодованія, которое старались изобразить впослѣдствіи въ литературѣ. Болѣе критически относились къ этой мѣрѣ государственные дѣятели, видя въ военныхъ поселеніяхъ корень ненавистнаго могущества Аракчеева, а также многіе генералы, видя вредъ въ поселеніяхъ для военнаго дѣла вообще. Самую обстоятельную записку противъ системы военныхъ поселеній представилъ фельдмаршалъ Барклай, но и она не произвела желаннаго дѣйствія на Государя, несмотря на глубокое уваженіе къ ея автору, скончавшемуся уже въ 1818 году. Замѣчательна была еще черта характера въ намѣ-

реніяхъ и распоряженіяхъ относительно вообще крестьянства, которую Государь обнаруживалъ во всѣ дни царствованія. Онъ строго раздѣлялъ въ своихъ понятіяхъ русскаго мужика отъ балтійскаго хлѣбопашца и даже отъ польскаго крестьянина; такъ, одной рукой Александръ закрѣпощалъ поселянъ, подвергая ихъ суровѣйшей дисциплинѣ, а другою, еще въ маѣ 1816 года, освободилъ эстляндскихъ крестьянъ. Но при освобожденіи эстовъ лично, земля ихъ отходила въ собственность помѣщиковъ-дворянъ; это походило на личину милосердія, но, собственно говоря, сводилось къ вопіющей несправедливости. На дѣлѣ вышло, что освобожденный крестьянинъ оказался болѣе закабаленнымъ, чѣмъ прежде. Между тѣмъ эффектъ получился значительный, мѣра была понята тогда большинствомъ такъ, что она только служитъ первымъ шагомъ для такой же реформы и во всей Россіи. Всюду повторялись милостивыя слова Государя, обращенныя къ эстляндскому дворянству: „Радуюсь, что дворянство оправдало мои ожиданія. Вашъ примѣръ достоинъ подражанія. Вы дѣйствовали въ духѣ времени и поняли, что *либеральныя начала* одни могутъ служить основою счастія народовъ".

Такая рѣчь лишь дала поводъ къ недоразумѣніямъ, и таковыя прежде всѣхъ обнаружились въ дѣйствіяхъ петербургскаго дворянства. Во главѣ съ генералъ-адъютантомъ И. В. Васильчиковымъ петербургскіе дворяне постановили обратить своихъ крестьянъ въ обязанныхъ поселянъ, на основаніи существовавшихъ уже постановленій.

Былъ составленъ актъ, за подписью 65 дворянъ-помѣщиковъ, просившихъ чрезъ Васильчикова поднести оный на Высочайшее утвержденіе. На этой почвѣ произошелъ наихарактерный инцидентъ. Когда Васильчиковъ явился съ актомъ къ Государю, Его Величество спросилъ его: „По твоему мнѣнію, кому въ Россіи принадлежитъ законодательная власть?" Князь отвѣчалъ: „Безъ сомнѣнія, Вашему Императорскому Величеству самодержцу

Имперіи".—„Въ такомъ случаѣ", отвѣчалъ Александръ, „предоставь мнѣ право издавать тѣ законы, которые я считаю наиболѣе полезными для подданныхъ моихъ". Послѣ сего послѣдовало приказаніе уничтожить актъ, что привело многихъ въ великое огорченіе. Стали не безъ основанія говорить, что Государь оказываетъ чужеземцамъ предпочтеніе передъ русскими, и критика долго не умолкала.

Въ это же время, подъ впечатлѣніемъ ожидаемыхъ благъ для крестьянства, флигель-адъютантъ полковникъ П. Д. Киселевъ представилъ Государю интересную записку: „О постепенномъ уничтоженіи рабства въ Россіи" (27 августа 1816 г.). Записка была положена подъ сукно, хотя была составлена толково и написана съ воодушевленіемъ, но она дала поводъ впослѣдствіи къ еще болѣе подробнымъ обсужденіямъ идеи освобожденія крестьянъ для тѣхъ, которые стали извѣстны подъ именемъ декабристовъ, послѣ событія 14 декабря 1825 года. Такимъ образомъ на дѣлѣ вышло весьма странное положеніе, а именно, что введеніе военныхъ поселеній какъ бы оживило надежды на прекращеніе крѣпостного права въ Россіи. Едва ли это входило въ намѣченную Императоромъ Александромъ программу и вовсе не приходило въ голову любезнѣйшему графу Аракчееву.

По поводу этого Н. Дубровинъ писалъ: „Въ то время общество было слишкомъ малочисленно, чтобы думать объ устройствѣ какихъ-либо своихъ административныхъ органовъ. Все ограничивалось одними разговорами и предположеніями. Среди этихъ разговоровъ стало извѣстно, что Императоръ Александръ поручилъ графу Аракчееву составить проектъ объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, но съ тѣмъ, чтобы проектъ этотъ не вызывалъ никакихъ стѣснительныхъ мѣръ для помѣщиковъ и не имѣлъ ничего насильственнаго, при исполненіи со стороны правительства. Напротивъ, Государь желалъ, чтобы освобожденіе совершилось съ выгодой для помѣщиковъ, возбудило въ нихъ

самихъ желаніе содѣйствовать видамъ правительства и сознаніе, что, сообразно духу времени и успѣхамъ образованности, такое освобожденіе необходимо какъ для самихъ владѣльцевъ, такъ и для крѣпостныхъ людей. Въ этомъ направленіи Императоръ Александръ, во время своего путешествія на югъ Россіи и пріема дворянства, намекалъ ему, но не встрѣтилъ сочувствія".

Графъ же Аракчеевъ не находилъ другого способа, какъ пріобрѣсти покупкою въ казну всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей, съ надѣломъ ихъ двумя десятинами земли на каждую ревизскую душу.

Онъ указывалъ подробно на средства къ приведенію въ исполненіе этой мѣры, которой, впрочемъ, не суждено было осуществиться, вслѣдствіе сопротивленія дворянства и за измѣненіемъ политическихъ взглядовъ самого Императора Александра. Тѣмъ не менѣе, порученіе, данное Государемъ графу Аракчееву, стало скоро извѣстно въ обществѣ, и въ томъ же 1818 году появилось нѣсколько проектовъ объ освобожденіи крестьянъ. Кромѣ Киселева, нѣкто А. Ѳ. Малиновскій предлагалъ объявить свободными всѣхъ обоего пола дѣтей, рожденныхъ послѣ 1817 года, въ ознаменованіе заслугъ, оказанныхъ крестьянами въ Отечественную войну.

Говоря о военныхъ поселеніяхъ, мы намѣренно остановились на такого рода неожиданныхъ соображеніяхъ, которыя въ тѣ годы врядъ ли могли на дѣлѣ кого-либо смущать, но, противъ всякихъ ожиданій, оказались чреваты послѣдствіями. Въ началѣ лѣта 1820 года Государь снова покинулъ Петербургъ и на этотъ разъ надолго, такъ какъ отсутствіе продолжилось около года. Сперва Его Величество посѣтилъ Грузино, а потомъ поѣздка имѣла главною цѣлью посѣщеніе военныхъ поселеній, процвѣтаніе которыхъ стало какой-то idée fixe Александра Павловича, и заботы о нихъ были любимымъ предметомъ занятій. Несмотря на неограниченное его довѣріе къ желѣзному графу, Александръ все-таки предпочиталъ лично и на мѣстахъ провѣрять работу въ созданныхъ

поселеніяхъ. Считаемъ эту черту характера достойной вниманія изслѣдователей. На дѣлѣ выходило, что хотя довѣріе къ Аракчееву и было велико, но провѣрка его дѣйствій казалась Императору тѣмъ не менѣе необходимой. Современники объясняли это желаніемъ почаще и подольше проводить время съ единственнымъ лицомъ, которое всегда и вездѣ обнаруживало слѣпую преданность и какую-то буквальную исполнительность; мы же склонны думать, что постоянныя поѣздки по поселеніямъ обнаруживали скорѣе врожденное недовѣріе Александра ко всѣмъ сотрудникамъ, не исключая и графа Алексѣя Андреевича. Къ тому же въ 1819 году, въ Чугуевѣ, произошли весьма крупные безпорядки, близко напоминавшіе бунтъ.

Безпорядки эти были быстро прекращены при личномъ содѣйствіи Аракчеева, какъ всегда, очень крутыми мѣрами, которыя графъ и не скрывалъ въ донесеніяхъ и письмахъ къ Государю, одобрившему эти суровыя мѣропріятія. Вотъ и причина посѣщенія военныхъ поселеній лѣтомъ 1820 года. Проѣхавъ только послѣ Грузина черезъ Тверь и Москву, Государь подробно осмотрѣлъ всѣ южныя поселенія. Но въ это время умерла мать Аракчеева, и въ Чугуевѣ, и въ Вознесенскѣ Императоръ Александръ пребывалъ безъ него, съ небольшой свитой, обнаруживая интересъ къ мельчайшимъ подробностямъ быта поселянъ. Многимъ остался доволенъ, но сдѣлалъ рядъ замѣчаній графу Витту и генералу Клейнмихелю по тѣмъ отраслямъ хозяйства, которыя считалъ неудовлетворительными. Въ письмахъ къ графу хвалилъ и благодарилъ его за труды. „Я нашелъ здѣсь много порядка", писалъ Государь изъ Чугуева, „и начала весьма удовлетворительныя. Все обѣщаетъ наилучшихъ успѣховъ. Искренно благодарю тебя за всѣ труды твои въ семъ полезномъ дѣлѣ и крайне соболѣзную о причинѣ, помѣшавшей тебѣ быть со мною здѣсь". И въ другомъ письмѣ: „Много очень сдѣлано, но многое нужно еще поправить и улучшить". Врачъ Д. К. Тарасовъ подробно описы-

ваетъ въ своихъ воспоминаніяхъ тѣ поѣздки, гдѣ онъ участвовалъ, сопровождая барона Виллie. О пребываніи въ Чугуевѣ Тарасовъ сообщаетъ: „Въ это время военныя поселенія стали только устраиваться, и городъ Чугуевъ былъ обращенъ въ военный городъ, гдѣ сосредоточилось главное управленіе Украинскаго военнаго поселенія. Мѣстнымъ военнымъ начальникомъ былъ генералъ Саловъ, извѣстный своими жестокими мѣрами въ Чугуевѣ при водвореніи военнаго поселенія, на которое мирные жители Украйны очень неохотно соглашались. При видѣ, какъ въ самое короткое время совершено преобразованіе края въ военное положеніе, и жители приняли военную форму, нельзя не удивляться твердости воли главнаго учредителя военныхъ поселеній. Но, съ другой стороны, нельзя не ужасаться, слышавъ отъ очевидцевъ, какія жертвы принесены жителями при обращеніи ихъ въ военные поселяне!!“

15 августа 1820 года Императоръ прибылъ въ Варшаву на сессію сейма и оставался два мѣсяца въ столицѣ возлюбленнаго Польскаго королевства. На этотъ разъ впечатлѣнія оказались уже иными, потому что господа депутаты систематически отклоняли всѣ правительственные законопроекты, что повлекло къ закрытію сейма ранѣе срока, такъ какъ Александръ уяснилъ себѣ, что съ такого рода составомъ представителей дальнѣйшая работа невозможна. Тонъ рѣчей, произнесенныхъ Государемъ, былъ тоже другой и отличался отъ розовыхъ надеждъ 1818 года, проскользнули въ словахъ и угрозы, и увѣщанія, и, конечно, нота умиротворенія, для смягченія всего высказаннаго.

Настроеніе Его Величества замѣтно начало портиться. Причины тому были разнообразныя. Разладъ съ поляками быстро разнесся по Европѣ и обрадовалъ дружескіе кабинеты Вѣны и Берлина, съ волненіемъ слѣдившіе за либеральнымъ сліяніемъ Русскаго царя съ его польскими подданными. Въ февралѣ, въ Парижѣ, былъ умерщвленъ герцогъ Беррійскій; еще за годъ

до этого убитъ въ Германіи извѣстный Коцебу, слывшій тамъ за агента русскаго правительства; замѣчалось броженіе умовъ на революціонной почвѣ въ Италіи и въ Испаніи; другими словами, обнаружились со всѣхъ сторонъ грозные симптомы, смущавшіе заправилъ Священнаго союза. Рѣшено созвать новый конгрессъ, по иниціативѣ Императора Александра. Снова собрались въ Троппау союзные монархи и ихъ обычные совѣтники, въ лицѣ гр. Нессельроде, Каподистріа и гр. Головкина, со стороны Россіи, князя Меттерниха, гр. Гарденберга, гр. Бернсдорфа и Стюарта отъ Австріи, Пруссіи и Англіи, и, наконецъ, двухъ французовъ, посланниковъ въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ, графа Ла-Ферронэ (La Ferronays) и маркиза Карамана (Caraman). Въ срединѣ октября 1820 года всѣ уже были въ сборѣ, и конгрессъ начался при продолжительныхъ и ежедневныхъ бесѣдахъ Императора Александра съ княземъ Меттернихомъ, обратившихъ на себя всеобщее вниманіе. На этотъ разъ взгляды ихъ сошлись по всѣмъ вопросамъ, и австрійскій дипломатъ воспользовался въ полной мѣрѣ, чтобы настроить Русскаго Государя въ соотвѣтствіе со своими планами управленія Европой. Англія не пожелала участвовать въ конгрессѣ; лордъ Касльри считалъ вмѣшательство державъ въ итальянскія дѣла, а въ частности въ судьбы Неаполитанскаго королевства, излишнимъ, а предписалъ лишь присутствовать на конгрессѣ англійскому представителю въ Вѣнѣ, Стюарту, которому написалъ характерную инструкцію. Приводимъ выдержку изъ этого письма:

„Если бы я былъ Меттернихомъ“, писалъ Касльри, „то не согласился бы впутывать своего дѣла въ эту паутину двоедушія и неискренности, которыми изобилуетъ жизнь короля неаполитанскаго Фердинанда. Я остаюсь при мнѣніи, что Меттернихъ существенно ослабилъ свое положеніе, сдѣлавши изъ австрійскаго вопроса европейскій. Онъ скорѣе привлекъ бы на свою сторону общественное мнѣніе (особенно у насъ, въ Англіи), если бы

просто настаивалъ на опасномъ характерѣ карбонарскаго правительства для каждаго итальянскаго государства, чѣмъ спустивши свой корабль въ безграничный океанъ. Но нашъ другъ Меттернихъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, предпочитаетъ сложную негоціацію смѣлому и быстрому удару". Дѣло въ томъ, что Меттерниху пришло на умъ пригласить на конгрессъ короля Фердинанда, но въ виду его старости и чтобы облегчить путешествіе, предложилъ перенести конгрессъ южнѣе, въ Лайбахъ. „Если король пріѣдетъ, то мы заставимъ его играть роль, исполненную благородства и приличія; мы сдѣлаемъ его посредникомъ между конгрессомъ и неаполитанскимъ народомъ. Если его не пустятъ, то мы засвидѣтельствуемъ, что онъ лишенъ свободы, и тогда намъ ничего не останется дѣлать, какъ итти освобождать его". Такова была затѣя австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, получившая одобреніе Россіи и Пруссіи, но смутившая французовъ и англичанъ. Когда, 23 октября, конгрессъ открылся подъ предсѣдательствомъ Меттерниха, на обсужденіе былъ представленъ Австріей мемуаръ, встрѣтившій противодѣйствіе француза Ла-Ферронэ и одного изъ представителей Россіи графа Каподистріа. Графы же Нессельроде и Головкинъ поддерживали предложеніе Австріи. Эта двойственность мнѣній русскихъ дипломатовъ была только на руку Меттерниху. Возраженія Ла-Ферронэ клонились къ тому, чтобы Австрія не вводила своихъ войскъ въ Италію, такъ какъ въ виду ненависти итальянцевъ ко всему австрійскому, смута должна только увеличиться, а, кромѣ того, для Франціи было не желательно доминирующее вліяніе Австріи въ итальянскихъ владѣніяхъ.

Въ виду разногласій, 19 ноября былъ подписанъ протоколъ Россіей, Австріей и Пруссіей дѣйствовать въ случаѣ надобности оружіемъ, для прекращенія революціи въ Неаполѣ, а также пригласить короля Фердинанда на конгрессъ въ Лайбахъ. Что же касается двухъ другихъ державъ, Англіи и Франціи, то имъ

протоколъ препровождался для свѣдѣнія, съ просьбой высказаться по этому вопросу. Такой способъ удивилъ и раздражилъ представителей Англіи и Франціи, послуживъ темой для нескончаемыхъ споровъ, продолжавшихся въ Лайбахѣ, гдѣ новый конгрессъ открылся въ январѣ 1821 года. Въ концѣ концовъ восторжествовалъ одинъ князь Меттернихъ, переманивъ на свою сторону маркиза Карамана и русскаго посла въ Парижѣ, Поццо-ди-Борго, пріѣхавшаго также въ Лайбахъ. Результатомъ всего этого было, что австрійскія войска вступили въ Папскую область, а о дальнѣйшей судьбѣ Неаполитанскаго королевства споры еще продолжались долго. Въ это время вспыхнуло еще возстаніе въ Пьемонтѣ, напугавшее лицъ, засѣдавшихъ на конгрессѣ. Хотя эта новая революціонная вспышка была быстро подавлена и закончилась восшествіемъ на сардинскій престолъ Карла-Феликса, но Меттерниху удалось окончательно запугать всѣхъ гидрой революціоннаго движенія и заставить согласиться представителей державъ, что привело къ сравнительно быстрому закрытію конгресса въ Лайбахѣ, послѣдовавшему 26 февраля. Собственно говоря, результаты дѣятельности тайныхъ обществъ—итальянскія революціи, были уничтожены, но не уничтожены были тайныя общества, быстро распространявшіяся по всей Европѣ и повсюду имѣвшія однѣ разрушительныя цѣли. Это карбонарство окончательно напугало Императора Александра, произведя на него громадное впечатлѣніе, еще болѣе усилившееся послѣ разговоровъ съ Меттернихомъ, сумѣвшимъ такъ настроить Русскаго Государя, какъ ему было угодно для его дальнѣйшихъ цѣлей, для борьбы съ революціей въ Европѣ. Переломъ, совершившійся за эти дни Троппау и Лайбаха въ Александрѣ Павловичѣ, былъ настолько силенъ, что болѣе не прекращался до его кончины, а разыгравшаяся въ Петербургѣ исторія въ л.-гв. Семеновскомъ полку довершила послѣднее перерожденіе въ его характерѣ. Раньше, чѣмъ перейдемъ къ дѣлу Семеновскаго полка, приведемъ

письмо Александра къ князю А. Н. Голицыну, написанное въ Лайбахѣ, и дающее ясное понятіе о томъ настроеніи, въ которомъ онъ находился *).

„Милый другъ, уже очень давно я собирался вамъ написать длинное и подробное письмо, въ отвѣтъ на ваши отъ 31 декабря, 14 и 19 января. Улучивъ сегодня свободную минуту, я берусь за перо, обращаясь къ Спасителю, чтобы Онъ наставилъ меня изложить вамъ все такъ, какъ мнѣ диктуетъ любовь, равно къ вамъ и къ истинѣ.

„Но эта правда, когда я ее чувствую въ своей душѣ, не дозволяетъ мнѣ дѣлать сравненій, потому что сама истина есть частица Божества. Изъ писемъ вашихъ и Кошелевскихъ порученій я усматриваю критику той политической системы, коей я нынче придерживаюсь. Не могу я допустить, что это порицаніе могло у васъ появиться послѣ того, какъ въ 6 мѣсяцевъ принципъ разрушенія привелъ къ революціи въ трехъ странахъ и грозитъ распространиться по всей Европѣ. Вѣдь нельзя, право, спокойно сего допускать. Едва ли ваше сужденіе можетъ разойтись съ моей точкой зрѣнія, потому что эти принципы разрушенія, какъ враги престоловъ, направлены еще болѣе противъ христіанской вѣры, и что главная цѣль, ими преслѣдуемая, идетъ къ достиженію сего, на что у меня имѣются тысячи и тысячи неопровержимыхъ доказательствъ, которыя я могу вамъ представить. Словомъ, это результатъ, на практикѣ примѣненный, доктринъ, проповѣданныхъ Вольтеромъ, Мирабо, Кондорсе, и всѣми такъ называемыми энциклопедистами.

„А потому ваше порицаніе можетъ быть объяснено развѣ только страхомъ и тревогой, что борьба, нами предпринятая, не будетъ имѣть успѣха. Но когда внутренній голосъ намъ подсказываетъ, что это твореніе врага, то опасеніе за разрѣшеніе игры

---

*) Начато 8 и окончено 15 февраля 1821 г. Оригиналъ письма на французскомъ языкѣ.

со зломъ не умѣстно. Не есть ли это долгъ христіанина бороться противъ врага и его дьявольскаго творенія всѣми тѣми средствами, которыя даны намъ Божьимъ Промысломъ? Безпокойство неудачи не должно волновать насъ. Тутъ-то и проявится вѣра въ Божественную помощь. Не писалъ ли мнѣ неоднократно Кошелевъ въ теченіе 1812, 1813 и 1814 годовъ, что надо мнѣ бороться до конца?! Теперь мы находимся приблизительно въ такомъ же положеніи, а я вамъ говорю, что въ еще болѣе опасномъ, потому что тогда борьба велась противъ разрушительнаго деспотизма Наполеона, а настоящія доктрины куда болѣе могуче дѣйствуютъ на толпу, чѣмъ то военное иго, которымъ онъ держалъ ее въ рукахъ. Въ моихъ ежедневныхъ духовныхъ чтеніяхъ я только-что закончилъ книгу Юдиѳи. Очевидно, что жители Бетуліи не могли противиться полчищамъ Олоферна. Они, вѣдь, могли сдѣлать то же, что и остальные народы, т.-е. подчиниться, а не сопротивляться. И что же? Жители Бетуліи поняли, что подчиниться Набукодоносору значило отчаиваться въ могуществѣ Бога и въ той помощи, которую Онъ оказываетъ тѣмъ, кто довѣряется Ему одному.

„Здѣсь сомнѣвались въ возможности пріѣзда короля неаполитанскаго (на конгрессъ въ Лайбахѣ), а я, напротивъ того, надѣялся, что пріѣздъ состоится, и вотъ почему: король съ самаго начала революціи вступилъ въ тайную переписку съ императоромъ австрійскимъ.

„Мнѣ препроводили всю эту корреспонденцію по пріѣздѣ моемъ въ Троппау. Я убѣдился изъ этой переписки, что свѣдѣнія газетъ о мнимомъ согласіи короля на всѣ перемѣны въ королевствѣ были ложны, а что король находился, подъ угрозою кинжала, во власти карбонаровъ; что все время онъ долженъ былъ уступать острію стилетовъ, что протестовалъ онъ и письменно, но только въ письмахъ къ австрійскому императору, такъ какъ иначе онъ рисковалъ бы жизнью. Въ одномъ изъ его писемъ меня поразило изреченіе короля. Онъ пишетъ, что находится во

власти враговъ и ихъ кинжаловъ, что ему неоткуда ждать помощи, но что *упованіе на Бога его не оставляло, и что то, что невозможно для людей, возможно для Бога*, а что, сохранивъ *вѣру въ Него*, онъ сохранялъ и надежду, что *Всевышній его не оставитъ*. И вотъ, съ этого момента, мнѣ пришла мысль пригласить короля въ Лайбахъ; несмотря на всѣ шансы, что поѣздка неосуществима, я лично все же надѣялся на успѣхъ. Какъ вы сами говорите, Господь благословляетъ наши начертанія, потому что они были чисты и основаны на вѣрѣ въ Создателя. Но я бы уклонился отъ истины, которая должна пребывать въ рѣчахъ нашихъ и помышленіяхъ, если бы промолчалъ по поводу вашихъ догадокъ о дѣйствіяхъ австрійскаго кабинета.

„Развѣ у васъ имѣются данныя, чтобы возводить такія обвиненія? А развѣ вы не отвѣтственны передъ этимъ Богомъ Правоты за несправедливые нападки на ближняго, безъ всякихъ доказательствъ?

„Дѣло въ томъ, что въ Троппау австрійскій кабинетъ далъ намъ неоспоримое завѣреніе въ отсутствіи какихъ-либо съ его стороны намѣреній относительно земельныхъ пріобрѣтеній (въ Италіи), которыя измѣнили бы настоящее положеніе и все то, что гарантировано подписанными трактатами. На такой почвѣ мы и работали все это время, и скажу больше: вообще въ Европѣ болѣе немыслимы какія-либо земельныя пріобрѣтенія послѣ тѣхъ узъ, которыми связаны державы, и ни одна изъ нихъ не допуститъ измѣненія нынѣшнихъ владѣній. Теперь вы видите, что обвиненія ваши были напрасны. А я вамъ дамъ еще новое доказательство этого: Австрія распространила свою деликатность до того, что прочла декларацію на самой конференціи. Австрія не только не требуетъ денежнаго вознагражденія за теперешнія ея вооруженія, но она бы и не приняла таковыхъ.

„Всѣ прочіе кабинеты одобрили эту декларацію, а, слѣдовательно, это означаетъ лишь совершившійся актъ, который вамъ еще разъ покажетъ всю ложность вашихъ предположеній.

„Вы меня убѣждаете проповѣдывать между монархами Европы подчиненіе ихъ сердецъ Всевышнему. Это заставляетъ меня вамъ отвѣтить, что король прусскій и императоръ австрійскій религіозны до глубины души, что они оба откровенно признаютъ волю Творца и всенародно объ этомъ заявляютъ. А потому, для меня нѣтъ ни малѣйшей заслуги ихъ убѣждать, ибо давно принята между нами привычка бесѣдъ на эту тему. Но послѣ высказаннаго могу добавить, что, конечно, существуютъ оттѣнки въ нашихъ воззрѣніяхъ, благодаря различнымъ тремъ вѣроисповѣданіямъ, присущимъ каждому изъ насъ, а потому немыслимо, чтобы одинъ изъ трехъ дѣлался безусловнымъ судьей двухъ другихъ. Да благословитъ, лучше, Господь всѣхъ милостей, разрѣшивъ всѣмъ тремъ на занимаемыхъ ими престолахъ такъ дружно и откровенно спѣться по самымъ различнымъ вопросамъ, основаніемъ чего послужила любовь къ Всевышнему. Предадимся же съ вѣрою Его предначертаніямъ и Его руководительству, и постараемся не портить *вина* и *елея* *) чужими примѣсями человѣчества. Вотъ моя исповѣдь, я ее чувствую до глубины души, а потому я не имѣю права уклоняться въ сторону, не нарушивъ вѣры въ Того, Кому я всецѣло отдался. Здѣсь вы найдете примѣненіе того способа, вами настойчиво рекомендованнаго, для *пресѣченія собственной воли*. Повѣрьте, что къ этой цѣли идутъ всѣ мои стремленія, насколько моя слабая человѣческая оболочка мнѣ это дозволяетъ. Я вполнѣ отдаюсь *Его предрѣшеніямъ* и Онъ одинъ всѣмъ *руководитъ*, такъ что я слѣдую только Его путями, ведущими лишь къ завершенію общаго блага. Вы мнѣ совѣтуете признаваемую мною въ бесѣдахъ съ вами мою *единственную поддержку въ Спасителѣ* громко исповѣдывать. Но развѣ я придерживаюсь другого языка послѣ 1812 года, когда я особенно

---

*) Апокалипсисъ, глава VI, ст. 6: „И слышалъ я голосъ посреди четырехъ животныхъ, говорящій: хиниксъ пшеницы за динарій, и три хиникса ячменя за динарій; *елея же и вина не повреждай*".

чувствовалъ въ сердцѣ своемъ Его призваніе. Позволяю себѣ обратиться ко всѣмъ государямъ, кто бы они ни были, съ вопросомъ, проповѣдывалъ ли я другія доктрины, и если этого вамъ мало, то обратитесь къ моей перепискѣ съ ними.

„Министрамъ своимъ я твержу то же самое; если не вѣрите, спросите каждаго изъ нихъ, что они слышали изъ моихъ устъ; а что касается обращенія къ народамъ, то лучшими документами служатъ мои манифесты, лишь подтверждающіе тождественныя мысли. Потрудитесь только прочесть всѣ манифесты съ 1812 года по сегодняшній день. Слѣдовательно, никогда боязнь общественнаго мнѣнія не была для меня помѣхой; я только заботился о судилищѣ собственной души, которая вся въ Богѣ. Вы меня убѣждаете слѣдовать по пути, намѣченному послѣ 1812 года *до моего отъѣзда въ Вѣну*. Это намекъ на то, что пребываніе мое тамъ измѣнило что-либо въ моихъ помышленіяхъ!? Относится ли намекъ къ первому пребыванію въ Вѣнѣ, продолжавшемуся восемь мѣсяцевъ, въ 1814 году? Въ такомъ случаѣ вы просто забыли, что идея Священнаго союза была мнѣ внушена въ Вѣнѣ, что я вамъ неоднократно повторялъ, для того, чтобы закрыть конгрессъ. Возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы, случившееся въ концѣ вѣнскаго пребыванія, заставило меня отложить осуществленіе идеи Священнаго союза, съ помощью Провидѣнія, до окончанія борьбы.

„Наконецъ, въ Парижѣ, когда, благодаря Божьему Промыслу, Наполеонъ былъ вторично сокрушенъ, Господь надоумилъ меня осуществить намѣченную еще въ Вѣнѣ идею Священнаго союза, изложенную мною на бумагѣ въ Парижѣ и хорошо вамъ извѣстную.

„Какъ только я вернулся въ Петербургъ, появился манифестъ, возвѣщавшій актъ Священнаго союза, и немного позднѣе, 1 января 1816 года, былъ изданъ другой, гдѣ были перечислены всѣ ниспосланныя милости Божіи въ ту эпоху. Надѣюсь, что я васъ

теперь убѣдилъ, послѣ всего вышеприведеннаго, что восьмимѣсячное пребываніе ничуть не измѣнило моихъ религіозныхъ чувствъ предъ лицомъ всего міра. Напротивъ того, послѣ этого времени наша политика основалась на началахъ Священнаго союза со всѣми кабинетами, а особенно между тремя, которые первые усвоили себѣ эту идею, какъ ключъ къ хранилищу, которое не удалось побороть ни революціоннымъ либераламъ, ни радикаламъ, ни международнымъ карбонаріямъ. Прошу не сомнѣваться, что всѣ эти люди соединились въ одинъ общій заговоръ, разбившись на отдѣльныя группы и общества, о дѣйствіяхъ которыхъ у меня всѣ документы налицо, и мнѣ извѣстно, что всѣ они дѣйствуютъ солидарно. Съ тѣхъ поръ, какъ они убѣдились, что новый курсъ политики кабинетовъ болѣе не тотъ, чѣмъ прежде, что нѣтъ надежды насъ разъединить и ловить въ мутной водѣ, или что нѣтъ возможности разссорить правительства между собою, а главное, что принципомъ для руководства стали основы христіанскаго ученія, съ этого момента всѣ общества и секты, основанныя на антихристіанствѣ и на философіи Вольтера и ему подобныхъ, поклялись отомстить правительствамъ. Такого рода попытки были сдѣланы во Франціи, Англіи и Пруссіи, но не удачно, а удались только въ Испаніи, Неаполѣ и Португаліи, гдѣ правительства были низвергнуты. Но всѣ революціонеры еще болѣе ожесточены противъ ученія Христа, которое они особенно преслѣдуютъ. Ихъ девизомъ служитъ: убить...*), я даже не рѣшаюсь воспроизвести богохульство, слишкомъ извѣстное изъ сочиненій Вольтера, Мирабо, Кондорсе и имъ подобныхъ.

„Чтобы вернуться къ вашимъ письмамъ, не могу допустить, что, дѣлая намёки на мой выѣздъ изъ Вѣны, вы подразумѣвали нѣсколько дней, проведенныхъ тамъ въ 1818 году, при проѣздѣ изъ Аахена. Тогда вѣдь тамъ ничего не обсуждалось;

*) L'infâme.

все было окончено въ Аахенѣ, согласно принципамъ единенія и соглашенія между кабинетами. Здѣсь, Франція была допущена, по случаю окончанія срока военной оккупаціи, препятствовавшей ей работать съ нами до этого въ томъ же дружескомъ сообществѣ. Еще менѣе правдоподобно предположеніе о Вѣнѣ, если оно относится къ нынѣшнему проѣзду: я провелъ тамъ всего нѣсколько дней, а вся работа закончилась въ Троппау и Лайбахѣ, что вамъ хорошо извѣстно. Потому, откровенно говоря, я не понялъ, что̀ вы подразумѣвали подъ *Вѣнскимъ отъѣздомъ*, а еще менѣе—какія вліянія вы подозрѣвали тамъ? Я могу васъ увѣрить, что всѣ ваши предположенія голословны и неправдоподобны, ибо никто и не пробовалъ подорвать моихъ религіозныхъ убѣжденій. Вполнѣ согласенъ съ вами, что вся адова преисподняя обрушилась на наши предпріятія. Это вполнѣ естественно и сходится съ тѣмъ, что изложено выше. Очевидно, всѣ они ополчились на насъ, видя, какъ открыто мы объявили себя послѣдователями ученія Христова, каждый по своему убѣжденію, въ чемъ я ручаюсь за насъ троихъ. Сами вы пишете, что „адъ не можетъ сокрушить моей вѣры, потому что она уже закоренѣла въ душѣ моей“. Это ваше выраженіе. Дай-то Богъ, чтобы вы оказались правымъ, и я возлагаю всю мою надежду на помощь Спасителя, какъ и во всемъ остальномъ. А въ другомъ письмѣ вы говорите, что „Кошелевъ обреченъ на молчаніе до того момента, когда избранникъ начнетъ свои дѣйствія съ бо̀льшей надеждой и вѣрой“. Какъ мнѣ согласовать такого рода изреченія? Только могу положительно васъ увѣрить, что я поступаю исключительно по *своей вѣрѣ*, а невозможно руководствоваться вѣрою другого. Вотъ истина, которую недостаточно сознаютъ. Если бы я дѣйствовалъ по вѣрѣ другого, и она не совпадала съ моей вѣрой, то я бы былъ преступникомъ. Я осмѣливаюсь заявить, что это подтвердилъ апостолъ Павелъ. Святое писаніе передо мною, я искалъ въ немъ означенное мѣсто, и мои

глаза остановились на Посланіи къ римлянамъ, глава VIII, ст. 22, до конца главы *).

„Это не то мѣсто, что я искалъ, но такъ какъ то, что открылось, вполнѣ аналогично, то прочтите главу. Цитата относительно *вѣры* находится въ Посланіи къ римлянамъ, глава XIV, въ послѣднемъ ст. 23: „Онъ осужденъ, ибо поступалъ противъ убѣжденія, а все, что дѣлается противъ убѣжденія, грѣхъ“. Вообще слѣдовало бы прочесть всю XIV главу, потому что она поясняетъ обоюдныя отношенія, основанныя на вѣрѣ. По-моему, я лично еще далекъ отъ осторожности, мудрости, обдуманности и т. д., но я чувствую, что во мнѣ таится откровеніе святого, священнаго дѣла. Но подорвать это дѣло я не долженъ и не могу, а тѣмъ паче быть причиной недоразумѣній. Св. Павелъ говоритъ римлянамъ въ главѣ XIV, ст. 13: „Не будемъ осуждать другъ друга, потому что не надо давать случая брату во Христѣ къ паденію“. Вы говорите, что Коше-

*) Ст. 22. Ибо знаемъ, что вся тварь совокупно стенаетъ и мучится донынѣ. Ст. 23. И не только она, но и мы сами, имѣя начатокъ Св. Духа, и мы въ себѣ стенаемъ, ожидая усыновленія: искупленія тѣла нашего. Ст. 24. Ибо мы спасены въ надеждѣ. Надежда же, когда видитъ, не есть надежда: ибо если кто видитъ, то чего ему и надѣяться. Ст. 25. Но когда надѣемся того, чего не видимъ, тогда ожидаемъ въ терпѣніи. Ст. 26. Также и Духъ подкрѣпляетъ насъ въ немощахъ нашихъ: ибо мы не знаемъ, о чемъ молимся, какъ должно, но самъ Духъ ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизреченными. Ст. 27. Испытующій же сердце знаетъ, какая мысль у Духа, потому что онъ ходатайствуетъ за святыхъ, по волѣ Божіей. Ст. 28. Притомъ знаемъ, что любящимъ Бога, призваннымъ по Его изволенію, все содѣйствуетъ ко благу. Ст. 29. Ибо кого Онъ предузналъ, тѣмъ и предопредѣлилъ быть подобными образу Сына Своего, дабы Онъ былъ первороднымъ между многими братьями. Ст. 30. А кого Онъ предопредѣлилъ, тѣхъ и призвалъ; а кого призвалъ, тѣхъ и оправдалъ, тѣхъ и прославилъ. Ст. 31. Что же сказать на это? Если Богъ за насъ, кто противъ насъ? Ст. 32. Тотъ, который Сына Своего не пощадилъ, но предалъ Его за всѣхъ насъ, какъ съ Нимъ не даруетъ намъ и всего? Ст. 33. Кто будетъ обвинять избранныхъ Божьихъ? Богъ оправдываетъ ихъ. Ст. 34. Кто осуждаетъ? Христосъ Іисусъ умеръ, но и воскресъ: Онъ и одесную Бога, Онъ и ходатайствуетъ за насъ. Ст. 35. Кто отлучитъ насъ отъ любви Божіей: скорбь или тѣснота, или гоненіе, или голодъ, или нагота, или опасность, или мечъ? Какъ написано. Ст. 36. За Тебя умерщвляютъ насъ всякій день, считаютъ насъ за овецъ, обреченныхъ на закланіе (псал. 43, 23). Ст. 37. Но все сіе преодолѣваетъ силою Возлюбившаго насъ. Ст. 38. Ибо Я увѣренъ, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее. Ст. 39. Ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.

левъ видитъ отсутствіе гармоніи въ сообществѣ! Откуда онъ это взялъ? Никто болѣе меня не желалъ такой гармоніи и не молился такъ усердно, чтобы добиться оной. Я увѣряю васъ, что я всегда дѣлалъ все для сохраненія этой гармоніи, кромѣ того, что внутреннее чувство мнѣ запрещало. Повторяю, не отъ меня зависитъ побороть влеченіе сердца, а когда оно заговоритъ, то нѣтъ человѣческой силы, чтобы меня переубѣдить противъ моего внутренняго влеченія. Но чтобы вернуться къ Родіону Александровичу, въ чемъ же видитъ Кошелевъ нарушеніе этой гармоніи? Можетъ-быть, онъ это высказалъ по поводу г-жи Бушъ? Вѣдь это единственный пунктъ нашего съ нимъ разлада. Ну и что же, вѣрный принципу истины, когда я пишу, я убѣжденъ, что въ проповѣдяхъ г-жи Бушъ много человѣческаго, вы это знаете изъ нашихъ разговоровъ, моя душа глубоко это сознаетъ. Развѣ я хочу измѣнить такого рода взглядъ? Очевидно, нѣтъ...“ (Остальную часть письма читатель найдетъ въ первоначальномъ французскомъ текстѣ въ приложеніяхъ). Когда я далъ прочесть письмо Государя и отвѣтъ на него князя Голицына (см. приложенія) одной старушкѣ, послѣдовательницѣ ученія Пашкова и лорда Рэдстока, она выразилась такъ: „Galitzine était un converti, mais Alexandre pas du tout“. Такое мнѣніе намъ кажется весьма близкимъ къ истинѣ.

Эти строки, написанныя князю Голицыну изъ Лайбаха, какъ нельзя болѣе наглядно передаютъ то душевное состояніе, въ которомъ обрѣтался повелитель земли Русской. Мы затрудняемся дать вѣрную оцѣнку этого психоза, приближавшагося скорѣе къ какому-то общему сумбуру разума и мыслей, чѣмъ къ иной формѣ мышленія. Въ строкахъ письма чувствуется разладъ духовный, и тщетно ищешь того душевнаго спокойствія, о которомъ не разъ говоритъ самъ писавшій это посланіе. Ссылки на Библію, на Апокалипсисъ, на Посланія апостола Павла къ римлянамъ поражаютъ, какъ плодъ болѣзненнаго мечтанія нравственно разстроеннаго человѣка. Сравненія съ Юдифью, съ Олоферномъ

и съ Набуходоносоромъ и примѣненіе ихъ къ положенію короля Фердинанда Неаполитанскаго —болѣе походятъ на бредъ сумасшедшаго, чѣмъ на что-либо другое. Поражаетъ еще нервное отношеніе Государя къ критикѣ его дѣйствій въ области внѣшней политики, которую позволили себѣ его духовные собратья, Голицынъ и Кошелевъ, всегда смѣло и откровенно говорившіе ему обо всемъ томъ, что соприкасалось съ религіозными темами. Надо сознаться, что защита своего образа дѣйствій не вполнѣ удалась Александру Павловичу, и замѣтны явные признаки передержки въ его оправдательныхъ аргументахъ. Вообще, его письмо, писанное въ теченіе цѣлой недѣли, носитъ отпечатокъ какой-то внутренней борьбы и необычайной нервности. Если сопоставить даты, то такое настроеніе можно себѣ объяснить впечатлѣніемъ исторіи, случившейся въ концѣ октября 1820 года въ Семеновскомъ полку, въ связи со всѣми донесеніями о возгоравшемся революціонномъ движеніи въ Италіи и въ Испаніи, т.-е. съ возродившимся карбонарствомъ. Чтобы вполнѣ уяснить себѣ послѣдовательность внутренняго перерожденія души Русскаго Государя, необходимо подробно остановиться на дѣлѣ бунта въ Семеновскомъ полку. Командовалъ въ ту пору семеновцами полковникъ Шварцъ, безтактный и крутой по характеру нѣмецъ, ставленникъ Аракчеева. Онъ былъ причиной, почти единственной, вспышки безпорядковъ, а если безпорядки сразу не прекратились, то вина за это падаетъ на нераспорядительность и растерянность гвардейскаго начальства. Всѣ потеряли голову, особенно въ виду отсутствія Государя, и если внимательно прочесть письма И. В. Васильчикова и графа Милорадовича, ихъ донесенія офиціальныя, а также и частныя письма, то легко убѣдиться, что начальство было не на высотѣ своего призванія. Александръ Павловичъ нѣжно любилъ семеновцевъ, еще будучи Наслѣдникомъ, состоя ихъ шефомъ, всегда особенно отличалъ полкъ и выдѣлялъ офицеровъ, изъ которыхъ пять человѣкъ состояли у него флигель-адъютантами. Происше-

ствіе въ любимомъ полку поразило и огорчило Государя до крайнихъ предѣловъ. Цѣлыя недѣли прошли послѣ этого въ самой оживленной перепискѣ по этому дѣлу; а на мѣстѣ, въ Троппау, гдѣ 28 октября 1820 года было получено печальное извѣстіе, Александръ изливалъ свою горечь не только князю П. М. Волконскому и приближеннымъ, но посвятилъ во всѣ детали и случившагося здѣсь князя Меттерниха. Хитрому австрійцу все это пришлось болѣе, чѣмъ кстати, и Меттернихъ не переставалъ убѣждать Русскаго Императора въ прямой связи этого бунта съ дѣйствіями революціонныхъ обществъ въ Европѣ. Ни завѣренія Васильчикова и Закревскаго, что въ безпорядкахъ не было и тѣни политической подкладки, ни даже убѣжденіе графа Аракчеева, что „нижніе чины всѣхъ менѣе виновны", не могли переубѣдить Государя. Лучше всего выразилось истинное настроеніе Александра въ письмахъ къ Аракчееву, Милорадовичу и Васильчикову (всѣ напечатаны у Шильдера), а также въ письмахъ къ частнымъ лицамъ. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ княгинѣ Софіи Сергѣевнѣ Мещерской:

„Nous sommes occupés ici à une besogne des plus importantes, mais des plus difficiles. Il s'agit de porter remède contre *l'empire du mal* qui s'étend avec célérité et par tous les *moyens occultes* dont se sert *le génie satanique* qui le dirige. Ce remède que nous cherchons, hélas! est au-dessus de notre chétif pouvoir humain. Le Sauveur seul, par le pouvoir de Sa parole Divine, peut fournir ce moyen. Invoquons-Le donc de toute la plénitude, de toute la ferveur de nos cœurs, pour qu'Il daigne répandre Son Esprit Saint sur nous et nous faire marcher dans la voie qui seule peut Lui plaire et qui seule peut nous conduire au salut".

Такимъ образомъ, въ умѣ Государя сложилось опредѣленное понятіе „о злѣ" и „о геніи сатаны", съ которыми онъ рѣшилъ бороться до послѣдней крайности. Въ связи съ этимъ, неудивительно, что имъ уже было отдано повелѣніе о вооруженномъ вмѣшательствѣ въ итальянскія дѣла (армія предполагалась

численностью до 100/т. войскъ, составленныхъ изъ Литовскаго, 3 пѣхотнаго и 4 резервнаго кавалерійскаго корпусовъ), которое къ счастію не было приведено въ исполненіе.

Что же касается исторіи, случившейся въ Семеновскомъ полку, то Александръ Павловичъ держался особаго мнѣнія, вѣря твердо, что зло пришло извнѣ, отъ какихъ-то карбонаріевъ и, несмотря на почти единогласное противное мнѣніе петербургскаго высшаго военнаго начальства, пребывалъ въ этомъ заблужденіи. Если обратиться къ свидѣтельствамъ такихъ людей, какъ А. А. Закревскій, то должна бы исчезнуть послѣдняя тѣнь сомнѣнія въ томъ, кто былъ истиннымъ виновникомъ случившагося.

Такъ, 19 октября 1820 года Закревскій писалъ князю П. М. Волконскому: „Происшествіе, случившееся въ Семеновскомъ полку, всѣхъ огорчило здѣсь, но должно вамъ сказать, что сему не иная есть причина, какъ совершенное остервенѣніе противу полковника Шварца, и другихъ побочныхъ причинъ совершенно никакихъ нѣтъ, развѣ военный судъ, назначенный надъ первымъ батальономъ, не откроетъ ли чего....“

Мѣсяцъ спустя, Закревскій писалъ еще (19 ноября 1820 г.):

„.... Увѣренъ, что сіе происшествіе васъ еще болѣе трогаетъ, потому что вы сами въ этомъ полку служили.... Будьте увѣрены, почтеннѣйшій князь, что происшествіе, въ Семеновскомъ полку бывшее, совершенно не имѣетъ побочныхъ причинъ, какъ только единственно ненависть къ Шварцу....“

Въ приложеніяхъ мы даемъ подробное донесеніе генералъ-адъютанта И. В. Васильчикова, къ которому приложены „секретныя замѣчанія собственно для свѣдѣнія одного Васильчикова“, написанныя рукой Императора Александра. Изъ нихъ ясно видно, какое значеніе Государь придавалъ этому печальному случаю, и въ какія мельчайшія подробности онъ считалъ нужнымъ входить. Еще замѣчательнѣе собственноручная замѣтка Его Величества на приговоръ суда и резолюціи, писанныя рукою графа Аракчеева

на поляхъ приговора. Поражаютъ строгость и суровая жестокость въ примѣненномъ наказаніи надъ нѣкоторыми нижними чинами, признанными судомъ зачинщиками бунта. Лишь для немногихъ сдѣлано смягченіе наказанія противъ рѣшенія военнаго суда, а главарямъ, несмотря на боевыя ихъ отличія и бытность въ кампаніяхъ, кара увеличена до прогнанія шесть разъ сквозь строй черезъ тысячу человѣкъ батальона шпицрутенами. Вотъ текстъ самой записки Его Величества, приложенной къ дѣлу *).

„Разсмотрѣвъ съ должнымъ вниманіемъ производство военныхъ судовъ надъ нижними чинами, бывшими въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку, и надъ полковымъ командиромъ онаго, полковникомъ Шварцомъ, нахожу:

1) Зачинщиками неповиновенія, происшедшаго въ семъ полку, восемь рядовыхъ, поименованныхъ въ спискѣ подъ №№ 1 и 3.

2) 1-ю Гренадерскую роту виновную въ непозволительномъ выходѣ на перекличку безъ повелѣнія отъ начальниковъ, въ непослушаніи фельдфебелю, приказавшему имъ разойтись по камерамъ, въ принесеніи начальству жалобъ на притѣсненіе полкового командира, оказавшихся ложными, по строгому изслѣдованію комиссіи военнаго суда, надъ симъ послѣднимъ учрежденной, и, наконецъ, въ умышленномъ утаеніи именъ зачинщиковъ неповиновенія.

3) Нижнихъ чиновъ, поименованныхъ въ спискѣ № 2, виновными участниками явнаго возмущенія противу начальства и продолженія неповиновенія до отвода ихъ въ крѣпость.

4) Нижнихъ чиновъ, поименованныхъ въ спискѣ подъ №№ 5, 6, 7 и 8, равномѣрно содѣйствовавшими въ неповиновеніи, но оказавшими менѣе умысла къ оному.

5) Нижнихъ чиновъ, поименованныхъ въ спискѣ подъ №№ 3, 4 и 9, менѣе виновными прочихъ, но не умѣвшими воспротивиться силою пагубному дѣйствію товарищей своихъ.

---

*) Изъ бумагъ гр. А. А. Закревскаго.

6) Рядового Сергѣя Торохова виновнымъ въ дерзкомъ ослушаніи противу дежурнаго генерала въ день выступленія.

7) Наконецъ, полковника Шварца виновнымъ въ несообразномъ выборѣ времени для ученія и въ нерѣшимости лично принять должныя мѣры для прекращенія неповиновенія въ ввѣренномъ ему полку.

„Вслѣдствіе. сего, сообразя приговоры комиссіи военныхъ судовъ и желая уменьшить, елико возможно, число наказуемыхъ, обратя должную строгость законовъ единственно на виновнѣйшихъ, повелѣваю:

„Означенныхъ здѣсь въ § 5 распредѣлить наравнѣ съ нижними чинами 2 и 3 баталіоновъ въ армейскіе полки, составляющіе 3-й корпусъ.

„Означенныхъ въ § 4 распредѣлить безъ наказанія въ полки, составляющіе Кавказскій корпусъ.

„Означенныхъ въ § 3, какъ болѣе виновныхъ, въ полки и баталіоны, составляющіе Сибирскій корпусъ, безъ наказанія.

„Означенныхъ въ § 2 распредѣлить въ полки и баталіоны, составляющіе Оренбургскій корпусъ, равномѣрно безъ наказанія.

„Въ 1-мъ и 6-мъ §§ упомянутыхъ рядовыхъ, какъ настоящихъ зачинщиковъ, въ примѣръ другимъ прогнать спицъ-рутенами сквозь баталіонъ по 6 разъ, съ отсылкою въ рудники.

„Назначеннымъ для распредѣленія по корпусамъ Сибирскому и Оренбургскому быть зрителями при наказаніи.

„Полковника Шварца отставить отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не опредѣлять, избавляя его отъ строжайшаго наказанія во уваженіе къ прежней долговременной и усердной службѣ, храбрости и отличію, оказаннымъ имъ на полѣ сраженія.

„При разсмотрѣніи сего дѣла, найдя, что командующій 1-ю Гренад. ротою капитанъ Кашкаровъ, что нынѣ Бородинскаго полка подполковникъ, не представилъ ни начальству, ни военному суду записки, поданной ему фельдфебелемъ въ самый вечеръ про-

нешествія, случившагося въ его ротѣ, и въ коей означены были имена зачинщиковъ, и тѣмъ самымъ сокрыть отъ начальства настоящихъ виновниковъ происшествія;

„Равномѣрно найдя, что полковникъ же Вадковской, командовавшій тогда 1-мъ баталіономъ, слабымъ и несообразнымъ съ долгомъ службы своимъ поведеніемъ далъ усилиться безпорядку, повелѣваю обоихъ предать военному суду. Комиссіи же военнаго суда, производившей дѣло о нижнихъ чинахъ, сдѣлать строгій выговоръ за безпорядочное и съ законами несогласное производство дѣла. Оберъ-аудитора Бѣляева за неисполненіе своей обязанности посадить въ крѣпость на мѣсяцъ, отставя отъ службы".

Въ тѣхъ-же бумагахъ Закревскаго имѣются еще слѣдующіе документы:

„Дежурный генералъ Главнаго Штаба Вашего Величества генералъ-адъютантъ Закревскій и совѣтникъ Аудиторіатскаго департамента Пащенко полагаютъ:

Роты Вашего Величества:

Рукою Аракчеева:	Рядовыхъ:	
Сквозь строй чрезъ батальонъ 6 разъ, съ отсылкою въ рудники.	1. Николая Степанова. 2. Якова Хрулева. 3. Ивана Дурницына, по списку № 3.	Какъ зачинщиковъ происшествія, выключа изъ воинскаго званія, бить кнутомъ, давъ Степанову и Хрулеву по 50, а Дурницыну 40 ударовъ; сослать въ каторжную работу.
Въ Оренбургскій корпусъ безъ наказанія.	Той же роты рядовыхъ 166 человѣкъ, по списку № 3.	Снявъ съ тѣхъ, кто имѣетъ, знаки отличія, наказать шпицъ-рутеномъ, каждаго чрезъ батальонъ по одному разу, разослать въ армейскіе полки, со строгимъ за поведеніемъ ихъ мѣстному начальству смотрѣніемъ и внушеніемъ.
Въ 7-ю пѣхотную дивизію.	1. Дмитрія Петрова. 2. Алексѣя Лаптева. 3. Венедикта Семенова, по списку № 3.	За чистосердечное признаніе и открытіе зачинщиковъ безъ наказанія отослать въ армейскіе полки.

Производ. въ подпоручики.	Фельдфебеля Брагина, по списку № 10.	Какъ по суду оказавшагося невиннымъ и содѣйствовавшаго къ обнаруженію виновныхъ, отъ суда и ареста освободя, отослать тѣмъ же званіемъ въ армейскіе полки, безъ всякаго наказанія.
Безъ наказанія въ Кавказскій корпусъ, кромѣ унт.-офиц. Мягкова, котораго, разжаловавъ, отослать въ Оренбургскій корпусъ.	Унт.-офицеровъ 14 человѣкъ, по списку № 10.	Какъ не содѣйствовавшихъ къ удержанію рядовыхъ отъ противозаконнаго ихъ поступка, снявъ, кто имѣетъ, знаки отличія и разжаловавъ въ рядовые, отослать въ армейскіе полки.
Въ 7 дивизію, кромѣ Глухова.	Рядовыхъ 14 человѣкъ, по списку № 9.	По невинности ихъ, отъ суда и ареста освободя, распредѣлить въ армейскіе полки.

А генералъ-аудиторъ Булычевъ, не будучи на сіе согласенъ, въ особенности полагаетъ:

	Рядовыхъ: Степанова. „ Хрулева. „ Дурницына.	Наказать чрезъ батальонъ шпицъ-рутеномъ, первыхъ двухъ по три раза, а Дурницына одинъ разъ, съ отсылкою въ дальніе гарнизоны.
	Той же роты рядовыхъ 166 человѣкъ, по списку № 3.	Вмѣнивъ имъ въ наказаніе судъ и девятимѣсячное въ казематахъ содержаніе, разослать въ армейскіе полки.
	Фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ сей же роты 14 человѣкъ, по списку № 10.	Освободя ихъ отъ суда, разослать на службу тѣмъ же званіемъ въ армейскіе полки.

Затѣмъ единогласно полагаютъ:

1-й Фузилерной роты

	Рядовыхъ:	
	1. Никифора Кузнецова, по списку № 1.	Какъ зачинщика, бить кнутомъ, давъ 30 ударовъ, сослать въ каторжную работу.
Чрезъ батальонъ 6 разъ и въ рудники.	2. Никифора Петрова, по списку № 1.	Наказать шпицъ-рутеномъ чрезъ тысячу человѣкъ два раза, отослать въ дальнѣйшій гарнизонъ.
Безъ наказанія въ Сибирскій корпусъ.	3. Той же роты 164 человѣка, по списку № 2.	По жеребью десятаго бить кнутомъ, давъ каждому по 25 ударовъ, сослать въ каторжную работу, а остальные затѣмъ

Графъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій

		148 человѣкъ, по снятіи знаковъ отличія, прогнать шпицъ-рутеномъ каждаго чрезъ батальонъ по три раза, потомъ, приведя на вѣрность службы вновь къ присягѣ, разослать въ дальніе полки, съ строгимъ за ними мѣстному начальству смотрѣніемъ и внушеніемъ.
Безъ наказанія въ Кавказскій корпусъ.	4. Фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ сей роты 14 человѣкъ, по списку № 10.	Освободя отъ суда и ареста, тѣми же чинами разослать въ армейскіе полки.
Въ 7-ю дивизію.	5. Рядовыхъ той же роты 18 человѣкъ, по списку № 9.	По невинности ихъ, отъ суда и ареста освободя, распредѣлить въ армейскіе полки.

2-й Фузилерной роты

	Рядовыхъ:	
Чрезъ батальонъ 6 разъ и въ рудники.	1. Харитона Павлова. 2. Никифора Чистякова. 3. Ларіона Васильева, по списку № 1.	Какъ зачинщиковъ происшествія, бить кнутомъ, давъ Павлову 50, а послѣднимъ по 40 ударовъ, сослать въ каторжную работу.
Безъ наказанія въ Сибирскій корпусъ.	Той же роты 52 человѣка, по списку № 2.	Изъ нихъ по жеребью десятаго бить кнутомъ, давъ каждому по 25 ударовъ, сослать въ каторжную работу, а остальныхъ затѣмъ 47 человѣкъ, прогнавъ шпицъ-рутеномъ каждаго чрезъ батальонъ по три раза и потомъ приведя на вѣрность службы къ присягѣ, разослать въ армейскіе полки, съ строгимъ при томъ за ними мѣстному начальству смотрѣніемъ и внушеніемъ.
Въ Кавказскій корпусъ.	Той же роты 69 человѣкъ, по спискамъ №№ 5 и 6.	Во уваженіе долговременнаго ихъ содержанія въ казематахъ, разослать въ армейскіе полки, съ строгимъ мѣстному начальству за поведеніемъ ихъ смотрѣніемъ.
Въ 7-ю дивизію.	Сей же роты 61 человѣкъ, по спискамъ №№ 4 и 9.	Какъ не участвовавшихъ въ происшествіи съ прочими нижними чинами, отъ суда и ареста освободя, распредѣлить въ армейскіе полки.
Въ Кавказскій корпусъ.	Фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ той же роты 14 человѣкъ, по списку № 10.	Освободя отъ суда и ареста, отослать на службу тѣми же чинами въ армейскіе полки.

	3-й Фузилерной роты	
Въ Кавказскій корпусъ.	Рядовыхъ 147 человѣкъ, по спискамъ №№ 7 и 8.	Замѣня имъ судъ и арестъ, въ наказаніе разослать въ армейскіе полки.
Въ 7-ю дивизію. 147 = 216 69 134 ——— 350	39 человѣкъ, по списку № 9.	Какъ они въ происшествіи съ прочими не участвовали, то, отъ суда и ареста освободя, распредѣлить въ армейскіе полки.
Въ 7-ю дивизію.	Фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ той же роты 12 человѣкъ, по списку № 10.	Освободя отъ суда и ареста, тѣми же чинами отослать на службу въ армейскіе полки.
	5-й Фузилерной роты	
Черезъ батальонъ 6 разъ и въ рудники.	Рядовой Сергѣй Тороховъ, по списку № 1.	Выключа изъ воинскаго званія и наказавъ плетьми, давъ 50 ударовъ, сослать въ крѣпостную работу.
Комиссіи строгій выговоръ, а Бѣляева на мѣсяцъ въ крѣпость и отставить отъ службы.	Насчетъ комиссіи военнаго суда, производившей дѣло о нижнихъ чинахъ, полагаютъ генералъ-адъютантъ Закревскій и совѣтникъ Пащенко: чтобы презусу и асессорамъ за упущеніе сдѣлать выговоръ, а производителя того дѣла оберъ-аудитора 6-го класса Бѣляева, арестовавъ, посадить на четыре мѣсяца въ крѣпость, потомъ отставить отъ службы.	

Напротивъ того, генералъ-аудиторъ Булычевъ, не находя упущенія со стороны военнаго суда, заключаетъ, что дѣло произведено съ отличнымъ тщаніемъ.

Приговоръ окончательно выраженъ былъ такъ:

„По военному суду, произведенному надъ нижними чинами, составлявшими 1 баталіонъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, нижеозначенные рядовые оказались виновными въ слѣдующемъ: роты Его Величества Николай Степановъ и Яковъ Хрулевъ: они первые, ходя въ вечеру 16 октября 1820 года по холостымъ артелямъ, подговорили солдатъ собраться въ коридоръ, подъ видомъ переклички, для принесенія жалобы на отягощеніе службы, гдѣ люди по выходѣ сдѣлали ослушаніе противъ своего фельдфебеля, ибо, по приказанію его, изъ коридора не разошлись и не допустили ему самому итти къ капитану для объявленія о таковомъ непозволительномъ сборищѣ, и въ разнорѣчивыхъ въ судѣ и при

слѣдствіи показаніяхъ, коими, закрывая себя и настоящее происшествіе, не инако доведены до признанія, какъ уже по явномъ ихъ въ томъ отъ другихъ изобличеніи.

За каковыя преступленія по суду приговаривались: выключа ихъ, Степанова и Хрулева, изъ воинскаго званія и снявъ медали, вмѣсто смерти, бить кнутомъ, давъ каждому по 50-и ударовъ, сослать въ каторжную работу.

Но Государь Императоръ, принявъ въ уваженіе долговременное Степанова и Хрулева содержаніе въ крѣпости, равно и бытность въ сраженіяхъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: избавя ихъ отъ безчестнаго кнутомъ наказанія, прогнать шпицъ-рутенъ каждаго чрезъ баталіонъ по 6 разъ и потомъ отослать въ рудники".

Иванъ Дурницынъ: онъ, слѣдуя внушенію означенныхъ Степанова и Хрулева, первый закричалъ въ верхнемъ этажѣ на перекличку, по поводу котораго люди, выйдя въ коридоръ, произвели противозаконное дѣйствіе, и за сіе по суду приговаривался, выключа его, Дурницына, изъ воинскаго званія, бить кнутомъ, давъ сорокъ ударовъ, сослать въ каторжную работу.

Но Государь Императоръ, Всемилостивѣйше избавляя его, Дурницына, отъ положеннаго ему наказанія, Высочайше повелѣть соизволилъ, прогнавъ его шпицъ-рутеномъ сквозь баталіонъ 6 разъ, отослать въ рудники.

2-й Фузилерной роты. Харитонъ Павловъ: онъ первый, придя ночью 17 октября изъ нижняго коридора въ верхній, объявилъ рядовому жъ Чистякову и прочимъ товарищамъ своимъ, которые тогда еще не спали, что людей роты Его Величества увели въ крѣпость, и что надобно за нихъ заступиться и выручить; потомъ, получа отъ рядового Ларіона Васильева въ томъ согласіе, произвелъ то, что Чистяковъ вдругъ выбѣжалъ въ коридоръ и, закрича на перекличку, вызвалъ людей, предъ коими сей Павловъ кричалъ: Нѣтъ Государевой роты, она погибаетъ. За каковыя дѣйствія по

суду приговаривался: Павлова, выключа изъ воинскаго званія, бить кнутомъ, давъ 50 ударовъ, сослать въ каторжную работу.

Но Государь Императоръ, Всемилостивѣйше избавляя его отъ приговореннаго наказанія, Высочайше повелѣть соизволилъ: Павлова прогнать шпицъ-рутеномъ сквозь баталіонъ 6 разъ, съ отсылкою въ рудники".

Такія измѣненія были сдѣланы и по другимъ пунктамъ, въ отношеніи всѣхъ виновныхъ.

Продолжительное пребываніе въ предѣлахъ Австріи кончилось отъѣздомъ Его Величества 1 мая 1821 года изъ Лайбаха въ обратный путь, ознаменовавшійся посѣщеніемъ въ Офенѣ могилы старшей сестры, великой княгини Александры Павловны, супруги эрцъ-герцога палатина. Оттуда, чрезъ Венгрію и Галицію, Государь прослѣдовалъ въ Варшаву, а 24 мая прибылъ въ Царское Село. Здѣсь, тотчасъ же послѣ возвращенія, онъ узналъ о доносѣ, полученномъ въ его отсутствіе, о политическомъ заговорѣ, съ приложеніемъ списка всѣхъ лицъ, замѣшанныхъ въ немъ. По версіи Шильдера, извѣстилъ Государя обо всемъ этомъ командиръ гвардейскаго корпуса И. В. Васильчиковъ, и Государь отвѣтилъ ему: „Mon cher Wassiltchikoff, vous qui êtes à mon service depuis le commencement de mon règne, vous savez que j'ai partagé et encouragé ces illusions et ces erreurs". Затѣмъ послѣдовало нѣкоторое молчаніе и Государь добавилъ: „Ce n'est pas à moi à sévir". Возможно и правдоподобно, что такой разговоръ былъ въ дѣйствительности, но внѣ сомнѣнія, что Государь уже былъ освѣдомленъ обо всемъ, еще будучи за границей. За это говоритъ и записка А. Х. Бенкендорфа, поданная въ томъ же 1821 году и найденная въ письменномъ столѣ Александра Павловича въ Царскомъ Селѣ, послѣ его кончины, тѣмъ же Бенкендорфомъ, при разборкѣ бумагъ. Вложивъ найденную записку, на которой не было ни одной помѣтки, въ конвертъ, Бенкендорфъ написалъ на немъ: „Le papier en question retrouvé l'année 25, dans le cabinet de

l'Empereur Alexandre à Zarskoé Sélo, donné l'année 21", а на запискѣ Александръ Христофоровичъ сдѣлалъ такую надпись: „Remis à l'Empereur Alexandre l'année 21, 4 ans avant l'événement du 14 décembre 1825".

На этомъ фактѣ приходится остановиться, но объяснить его логично мы затрудняемся, по слѣдующимъ причинамъ. Если сопоставить строгости по приговору Семеновскаго полка и всю переписку по этому дѣлу, гдѣ Государь упорно искалъ причинъ политическихъ, не обнаруженныхъ ни слѣдствіемъ, ни судомъ, то какъ допустить полнѣйшую индифферентность къ запискѣ Бенкендорфа и къ сообщенному на словахъ Васильчиковымъ?! Какъ разгадать, отчего Государь чуть было не вмѣшался активно въ итальянскія дѣла, чтобы бороться съ карбонарствомъ, а у себя дома, на Руси, ничего не предпринималъ, чтобы пресѣчь надвигавшуюся бѣду, и сказалъ такую фразу: „Ce n'est pas à moi à sévir!" Неужели возможно, что, настроенный Меттернихомъ къ самой отчаянной борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ Европы, Александръ могъ равнодушно относиться къ однороднымъ проявленіямъ въ Россіи? А въ дѣйствительности это было такъ, хотя и не совсѣмъ. Говоримъ не совсѣмъ, потому, что душевно изстрадавшійся монархъ нашелъ, однако, то лицо, которое должно было его замѣнить по всѣмъ дѣламъ внутренняго правленія Россіей, и которому онъ не только добровольно, но вполнѣ обдуманно, сдалъ бразды управленія родиной. Это лицо былъ Аракчеевъ.

Заблужденіе Государя шло настолько далеко, что онъ предполагалъ исцѣлить Россію отъ революціоннаго настроенія во многихъ слояхъ общества и арміи не чѣмъ другимъ, какъ распоряженіями избраннаго имъ для этихъ цѣлей замѣстителя, въ лицѣ грубаго и необразованнаго исполнителя его же велѣній, Аракчеева. И такое заблужденіе вошло въ плоть и кровь Александра Павловича. Онъ вообразилъ, что Аракчеевымъ онъ какъ бы прикрылъ

себя отъ всякой отвѣтственности, и вотъ до какихъ предѣловъ дошли результаты мистицизма и религiознаго экстаза, приведшiе Государя къ такому плачевному исходу.

А проблески зародившейся фантазiи прикрывать себя Аракчеевымъ, гдѣ только возможно, проявлялись постепенно, и мы ихъ нашли и на поляхъ приговора по семеновской исторiи, и въ другихъ документахъ. Такъ, въ дѣлахъ Военно-Ученаго архива сохранилось черновое письмо, писанное цѣликомъ рукою Императора Александра еще 20 февраля 1820 года по частному дѣлу и адресованное Рижскому генералъ-губернатору маркизу Паулуччи. Письмо это было переписано Аракчеевымъ и отправлено маркизу отъ его, Аракчеева, имени. Оно гласило: „Милостивый государь мой, маркизъ Филиппъ Осиповичъ. Получа письмо Ваше со вложенiемъ прошенiя на Высочайшее имя Государя Императора, по довольно внимательному разсмотрѣнiю, рѣшился я онаго не вручать Его Величеству и при семъ оное Вамъ возвращаю.

„Причины, побудившiя меня къ сему, суть слѣдующiя: время, въ кое дозволено подавать просьбы объ увольненiи отъ службы, уже миновало съ 1 января, и не прежде какъ 1 сентября оныя принимаются. Во-вторыхъ, искренно долженъ вамъ признаться, что я не нахожу повода вамъ приступать къ подобной рѣшительности; ибо, бывъ облагодѣтельствованы милостями Государя, касательно чина, въ которомъ вы находитесь, сверхъ онаго лестнаго званiя генералъ-адъютанта и довольно достаточнаго состоянiя, исправляя должность, которая уже доказываетъ довѣренность Государя къ особѣ Вашей, я не понимаю, чего еще Вы можете желать? Имѣвъ весьма часто случай бесѣдовать съ Государемъ, я могу Васъ увѣрить, что ни его мнѣнiе, ни довѣренность къ Вамъ ни въ чемъ не перемѣнились и послѣ всего вышесказаннаго, если Вы вспомните, что Вы изъ чужой службы поступили въ россiйскую въ 1807 году, и въ теченiе 13 лѣтъ достигли степени, до которой многiе изъ товарищей Вашихъ употребили болѣе 25 лѣтъ

службы ихъ, то съ справедливостью должны будете согласиться, что жаловаться Вамъ невозможно. Извините мое чистосердечіе, оно въ моемъ нравѣ, и я привыкъ имъ руководствоваться.

Аракчеевъ".

Все, что изложено въ этомъ письмѣ, правильно, и Паулуччи вполнѣ заслужилъ такую отповѣдь. Тѣмъ не менѣе, отвѣтъ Аракчеева долженъ былъ невольно поразить зазнавшагося иностранца, незнавшаго даже русскаго языка, и которому, вѣроятно, перевели на французскій языкъ Аракчеевское посланіе.

Слѣдовательно, если Паулуччи былъ неудовлетворенъ отвѣтомъ, то его гнѣвъ долженъ былъ обрушиться на Аракчеева, такъ какъ маркизъ не могъ ни секунды подозрѣвать, что вся отповѣдь была сочинена самимъ Государемъ. То же самое и въ дѣлѣ семеновцевъ: вся проявленная строгость и жестокость были отнесены вліянію Аракчеева, между тѣмъ онъ вовсе не вмѣшивался во всю процедуру этого судебнаго разбирательства вообще и подчеркивалъ свое невмѣшательство въ письмахъ къ Императору, предпочитая сидѣть въ Грузинѣ, либо въ военныхъ поселеніяхъ, за время разбора семеновской исторіи. И вотъ приходится недоумѣвать, почему Александръ Павловичъ счелъ необходимымъ проявить такую строгость къ нижнимъ чинамъ любимаго имъ полка, а оставилъ даже безъ замѣтки поданную ему записку Бенкендорфа, которая обнаружила гораздо болѣе грозные симптомы среди офицерства и части общества. Не мудрствуя лукаво, постараемся объяснить это явленіе возможно проще, на основаніи характера Императора Александра. Онъ былъ шефомъ семеновцевъ, еще будучи Наслѣдникомъ, онъ помнилъ роль полка при восшествіи на престолъ въ 1801 году, онъ гордился боевыми подвигами возлюбленнаго полка на поляхъ брани, и вдругъ, именно въ Семеновскомъ полку случилось такого рода происшествіе, гдѣ уваженіе къ шефу, къ начальству было забыто, а дисциплина *нахально* нарушена.

Чувство обиды и горечь разочарованія привели не только къ строгости, но и къ жестокости!

Что же касается разоблаченій Бенкендорфа и Васильчикова, то они затронули другую больную струну, а именно другое разочарованіе, касавшееся самого себя, своей личности, своихъ заблужденій молодости, всѣхъ либеральныхъ мечтаній въ различные періоды царствованія, и привели къ вполнѣ естественному упадку духа и снисходительности къ прегрѣшеніямъ ближняго, согласно ученію любви во Христѣ. Совѣсть должна была мучить монарха и заставила его отнестись милостиво къ заблужденіямъ другихъ (меньшей братіи), и не хватило ни мужества карать ихъ, ни желанія бичевать себя.

Предоставлялось силамъ небеснымъ, а не разуму человѣка, бороться на этой почвѣ, а неумолимый рокъ, вѣроятно чудомъ, намѣтилъ для излѣченія недуга именно раба Божьяго Алексѣя Андреевича Аракчеева.

ГЛАВА V.

Общее разочарованіе.

(1822—1825).

„O mon grand Dieu! prends-nous en Ta sacrée garde et aie compassion et pitié de nous".

(Изъ молитвы, писанной рукой Императора Александра I).

На стѣнахъ собора въ Грузинѣ и теперь еще виситъ большой барельефъ Императора Павла, и надъ нимъ виднѣется надпись, изображенная золотыми буквами: „Сердце мое чисто и духъ правъ предъ Тобою". Въ этихъ немногихъ словахъ мы видимъ разгадку отношеній Александра I съ Алексѣемъ Андреевичемъ Аракчеевымъ. Вѣдь обликъ того человѣка, который былъ задержанъ, по приказанію графа Палена, у петербургскихъ заставъ 11 марта 1801 года, а своимъ появленіемъ въ столицѣ могъ предупредить трагическую развязку мрачной ночи этого достопамятнаго дня, долженъ былъ врѣзаться въ память тогда еще совсѣмъ молодого Государя, вступившаго на Всероссійскій престолъ. Впечатлѣніе это должно было укрѣпиться тѣмъ болѣе сильно и глубоко, что характеръ и нравъ Аракчеева были очень хорошо извѣстны Александру. Трудно себѣ представить, что произошло бы, если бы Аракчееву удалось во-время предупредить катастрофу, такъ ловко обдуманную графомъ Паленомъ и съ цинизмомъ доконченную генераломъ Беннигсеномъ!

Между тѣмъ, на первое время послѣ воцаренія Александра Павловича Аракчеевъ какъ бы намѣренно стушевался, скрывшись въ Грузинѣ и почти не появляясь въ Петербургѣ. Въ пору гатчинскихъ экзерцицій, Наслѣдникъ престола уже былъ знакомъ съ ревностнымъ служакой, артиллерійскимъ офицеромъ, и не разъ этотъ артиллеристъ, съ вѣчно холоднымъ выраженіемъ лица, ограждалъ юношу отъ порывовъ гнѣва его батюшки. Такого рода людей помнятъ, и воспоминаніе о нихъ не стушевывается съ годами. Императоръ Александръ и не думалъ забывать вѣрнѣйшаго слугу своего родителя и столь же преданнаго ему служаку. Черезъ девять лѣтъ послѣ восшествія на престолъ, Александръ впервые посѣтилъ Грузино 7 іюня 1810 года, на обратномъ пути изъ Твери, отъ великой княгини Екатерины Павловны. На листахъ напрестольнаго Евангелія Аракчеевымъ записаны подробности перваго пребыванія его благодѣтеля. Сказано: „Изволилъ войти съ графомъ въ церковь, гдѣ встрѣтило его духовенство съ крестомъ и святой водой и проводило въ церковь. Государь изволилъ осмотрѣть всю церковь, а изъ оной изволилъ съ графомъ пойтить въ садъ...“

При вторичномъ посѣщеніи, 8 іюля 1816 года, Государь снова былъ въ соборѣ. „При входѣ въ соборъ, Его Величество по обыкновенію былъ встрѣченъ священно-церковно-служителями съ крестомъ и святой водой. Послѣ чего и по вступленіи въ церковь, тотчасъ началась божественная литургія, въ продолженіе которой Государь изволилъ стоять противъ образа св. апостола Андрея Первозваннаго, у праваго клироса, и по окончаніи божественной литургіи изволилъ осмотрѣть памятники въ соборѣ Императору Павлу I и убіеннымъ офицерамъ графа Аракчеева полка“. Весьма правдоподобно, что при этихъ посѣщеніяхъ собора взоры Государя должны были остановиться и на барельефѣ Павла, висящемъ на лѣвой стѣнѣ церкви, и на надписи, идущей чрезъ всю стѣну со стороны лѣваго клироса. И надпись, и изображеніе отца не могли не сдѣлать впечатлѣнія, и впечатлѣніе должно было

быть значительное, потому что слова надписи безмолвно говорили, что молъ я, Аракчеевъ, правъ передъ памятью усопшаго, и что сердце мое чисто. Это напоминаніе минувшихъ дней дѣйствовало тяжело и наводило на грустныя думы. Приблизивъ къ себѣ Аракчеева послѣ горячки первыхъ лѣтъ увлеченій преобразованіями, Александръ естественно могъ вблизи убѣдиться въ работоспособности Алексѣя Андреевича и спокойно наблюдать за его дѣйствіями. Вообще Государь обладалъ качествомъ наблюденія и умѣніемъ держать при себѣ результаты видѣннаго и слышаннаго, не сообщая о томъ никому раньше времени. Работая съ Аракчеевымъ въ тѣ годы исключительно по военному дѣлу, Александръ оцѣнилъ его усердіе, неподкупность и исполнительность, а главное, постепенно привыкалъ къ его холодной фигурѣ, мало внушавшей довѣріе кому-либо.

Александръ Павловичъ, будучи по природѣ болѣзненно недовѣрчивымъ вообще ко всѣмъ окружающимъ, дѣлалъ нѣкоторыя исключенія для друзей юности, какъ князь П. М. Волконскій и князь А. Н. Голицынъ, которыхъ онъ вовсе не стѣснялся, уже по одной привычкѣ къ ихъ лицамъ. Сближеніе же съ Аракчеевымъ произошло незамѣтно и послѣдовательно, что только показываетъ умѣніе Грузинскаго помѣщика приноровиться къ характеру Государя. Послѣ Отечественной войны, имѣть Аракчеева около себя стало необходимостью. Императоръ чувствовалъ, что, при совершившейся въ немъ нравственной перемѣнѣ, ему этотъ человѣкъ нуженъ, какъ знавшій его предначертанія по дѣламъ вообще и какъ лицо, на которое онъ могъ всецѣло положиться, что онъ его пойметъ, не выдастъ и не подведетъ. Еще раньше 1812 года, когда мысли Государя уже отдались приготовленіямъ къ борьбѣ съ Наполеономъ, влеченіе его къ Аракчееву обнаружилось въ желаніи увидать то мѣсто, которое облюбовалъ вѣрный слуга его покойнаго батюшки, и куда онъ постоянно удалялся при малѣйшихъ недоразумѣніяхъ съ нимъ самимъ. Словомъ,

хотѣлось увидать загадочное Грузино и пожить тамъ. Въ 1810 году, наконецъ, удалось, послѣ посѣщенія сестры въ Твери, исполнить завѣтную мечту. И вотъ, послѣ первой поѣздки сейчасъ же сказались и результаты. Довѣріе къ Аракчееву еще усилилось, а при содѣйствіи Екатерины Павловны, которая особенно цѣнила Алексѣя Андреевича, вскорѣ удалось свернуть шею Сперанскому и утолить давнишнее чувство ревности къ этому „недостойному“ любимцу. Какъ только окончились Наполеоновскія войны, Александръ, не медля, снова поспѣшилъ въ Грузино, и эти посѣщенія съ годами еще участились. Что-то непонятное влекло благодѣтеля въ уединенное гнѣздо благодарнаго ему человѣка, избравшаго, по желанію Императора Павла, своимъ девизомъ на гербѣ лаконическое сочетаніе: „Безъ лести преданъ“. Но эти три слова относились не только къ нему, а одинаково и къ покойному Павлу. Тамъ, въ Грузинѣ, и въ домѣ, и въ соборѣ, и въ саду—всюду находились предметы почитанія и благоговѣнія къ памяти его родителя; тамъ невольно приходилось вспоминать о погибшемъ отцѣ, а въ лицѣ владѣтеля этого помѣстья видѣть преданнаго слугу покойнаго; другими словами, на воображеніе должно было дѣйствовать нѣчто таинственное, столь близкое къ тому мистическому состоянію, въ которомъ находился недавній освободитель Европы. Словомъ, память о Павлѣ, тѣнь его, влекли Александра, помимо личныхъ чувствъ, къ тусклому облику Алексѣя Андреевича.

И обликъ этотъ воплотился сперва въ чуткомъ воображеніи монарха, а съ годами сдѣлался неотлучной фигурой, слѣдовавшей по его стопамъ. Отказываясь отъ всѣхъ внѣшнихъ отличій, какъ-то отъ знаковъ ордена св. Андрея Первозваннаго, а потомъ и отъ фельдмаршальскаго жезла, предложеннаго ему по занятіи Парижа, Аракчеевъ какъ бы подчеркивалъ передъ Государемъ свое безкорыстіе и свою преданность безъ лести ему одному. Такое отношеніе не только трогало сердце Александра, но заставляло невольно

заблуждаться въ истинныхъ чувствахъ преданнѣйшаго графа и закрывать глаза на всю эту фальшь, приводившую въ негодованіе приближенныхъ и сотрудниковъ, но вовсе не возмущавшую самого Императора. Напротивъ того, съ годами, довѣріе къ Алексѣю Андреевичу росло, и когда религіозное настроеніе овладѣло душой Александра, то ему казалось вполнѣ естественнымъ поручать этому человѣку важнѣйшія дѣла въ Государствѣ, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что лишь одинъ Аракчеевъ вѣрно его понимаетъ, безпрекословно исполняетъ и никогда не измѣняетъ царскихъ велѣній. До исторіи въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку вліяніе графа все же имѣло свои предѣлы и сосредоточивалось, главнымъ образомъ, на дѣлахъ военныхъ поселеній; въ то время имѣли еще голосъ и значеніе князь П. М. Волконскій, А. А. Закревскій, князь А. Н. Голицынъ и нѣкоторые другіе, но по возвращеніи съ Лайбахскаго конгресса и эти люди лишились обычнаго довѣрія и сошли одинъ за другимъ со сцены. Съ 1822 года, по всѣмъ дѣламъ, Государь началъ слушать только одного Аракчеева, принимать исключительно его доклады по всѣмъ отраслямъ управленій; а всесильный графъ окружилъ монарха исключительно своими ставленниками и клевретами, не смѣвшими ему противорѣчить и что-либо предлагать, не посовѣтовавшись предварительно съ нимъ. Послѣдніе четыре года царствованія Александра Павловича стали въ дѣйствительности годами управленія Россіей одного Алексѣя Андреевича Аракчеева.

Онъ издавалъ законы, разсылалъ повелѣнія, наказывалъ, миловалъ, объявлялъ выговоры или высказывалъ неудовольствіе, выдвигалъ разныя бездарности, въ общемъ угнеталъ своимъ безсердечнымъ игомъ Россію и русскихъ подданныхъ, а Александръ молчалъ, страдалъ душевно, недомогалъ часто физически и все покорно подписывалъ. Въ этой главѣ мы разберемъ это тяжелое время. Кто же былъ въ сущности тотъ человѣкъ, который къ концу такого блестящаго царствованія, извѣстнаго въ исторіи подъ

именемъ Александровской эпохи, сталъ почти неограниченнымъ вершителемъ судебъ Россіи?

Аракчеевы были новгородскіе дворяне, ведущіе свой родъ отъ Ивана Степановича Аракчеева, получившаго за службу предковъ въ 1684 году вотчины въ Новгородскомъ уѣздѣ. Дѣдъ графа былъ убитъ турками въ походѣ Миниха, а отецъ не долго служилъ въ преображенцахъ, но въ чинѣ еще поручика вышелъ въ отставку и сталъ жить въ помѣстьѣ, имѣя на свою долю душъ 20 крестьянъ, попавшихъ ему при раздѣлѣ наслѣдія предка. Здѣсь онъ женился, и здѣсь родились у него три сына: Алексѣй (23 сент. 1769 г.), Петръ и Андрей. Отецъ, видимо, отдавалъ предпочтеніе первенцу. Родители жили, какъ вообще помѣщики тѣхъ временъ. Жили скромно, по бѣднымъ средствамъ, но не нуждались. Мать, набожная, учила сама Алексѣя молитвамъ, часто водила его въ церковь, а дьячокъ училъ грамотѣ и ариѳметикѣ. Мальчика пріучали къ труду и порядку, что онъ усвоилъ на всю жизнь; дьячокъ радовался успѣхамъ Алексѣя по ариѳметикѣ, а когда ему пошелъ двѣнадцатый годъ, отецъ хотѣлъ послать сына въ Москву въ школу, но, благодаря дѣтямъ сосѣда Корсакова, пріѣзжавшимъ на каникулы изъ корпуса, рѣшили Алексѣя отдать въ Петербургѣ въ кадеты. Это было не легко, пришлось долго скитаться по столицѣ, пока случайно генералъ Мелиссино не обратилъ вниманія на мальчика, и 19 іюля 1783 г. Алексѣя опредѣлили въ Артиллерійскій шляхетскій корпусъ. Повезло еще въ томъ, что Мелиссино, изъ временныхъ начальниковъ корпуса, попалъ въ настоящіе, по смерти генерала Мордвинова.

Петръ Ивановичъ Мелиссино, по тогдашнимъ временамъ, былъ очень начитанъ и образованъ, родомъ греко-итальянецъ, всюду побывалъ и избралъ для себя военную карьеру, доведшую его до высшихъ чиновъ. Въ петербургскомъ обществѣ сумѣлъ занять независимое положеніе, хотя дворянская знать его недолюбливала, называя въ насмѣшку то panier percé, то grand seigneur

manqué. Императрица Екатерина цѣнила въ немъ энергичнаго человѣка и сдѣлала директоромъ корпуса за нѣсколько мѣсяцевъ до поступленія въ него Алексѣя Аракчеева. Порядки въ школахъ были тогда суровые, но и ученики часто бывали полувзрослые, буйные, требовавшіе дисциплины, а чтобы держать эту компанію въ повиновеніи тогда не было другихъ средствъ, кромѣ розги, которая воспѣвалась даже въ стихахъ:

„Розга умъ остритъ, память возбуждаетъ
И волю злую во благо прелагаетъ......
Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте;
Та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте,
И рукъ, яже вамъ язвы налагаютъ,
Ибо не зла, а добра желаютъ“.

Маленькій Аракчеевъ сразу сумѣлъ обратить на себя вниманіе корпуснаго начальства по прилежанію, выдержкѣ и успѣхамъ въ математикѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ, при слабой домашней подготовкѣ, перебрался въ высшіе классы, 9 февраля 1784 г. сталъ капраломъ, 21 апрѣля фурьеромъ, а 27 сентября произведенъ въ сержанты, получалъ награды и уже въ 1787 году попалъ въ офицеры. Счастіе не оставляло юноши. Мелиссино рекомендовалъ его учителемъ къ сыновьямъ графа Н. И. Салтыкова, въ 1791 году его избрали преподавателемъ артиллеріи въ родномъ ему корпусѣ. Это совпало со временемъ, когда Наслѣдникъ Русскаго престола, Павелъ, искалъ артиллерійскаго инструктора для гатчинскихъ войскъ, и Мелиссино не замедлилъ назначить на эту должность молодого Аракчеева, прибывшаго въ Гатчину 4 сентября 1792 года. Тутъ, въ Гатчинѣ, въ теченіе четырехъ лѣтъ Аракчеевъ неутомимо обучалъ войска, старался усовершенствовать артиллерію, работалъ съ неимовѣрнымъ усердіемъ и окончательно пріобрѣлъ расположеніе Павла Петровича, выражавшееся то въ похвалахъ, то

въ награжденіяхъ отличіями. Гораздо позднѣе Алексѣй Андреевичъ разсказывалъ про эту эпоху, что „служба въ Гатчинѣ была тяжелая, но пріятная, потому что усердіе всегда отмѣчалось, а знаніе дѣла и исправность въ особенности. Наслѣдникъ престола жаловалъ меня, но иногда и журилъ крѣпко, всегда почти за неисправность другихъ". Зато самъ Аракчеевъ на службѣ былъ невыносимъ и отличался не только требовательностью, но и жестокостью, которую онъ уже раньше проявлялъ, состоя преподавателемъ въ корпусѣ, гдѣ сѣченіе розгами воспитанниковъ было его излюбленнымъ занятіемъ. Впрочемъ, и съ солдатами онъ не признавалъ другихъ способовъ взысканія, развѣ только еще безжалостно билъ людей по лицу, чѣмъ попало. Хотя въ тѣ времена другихъ наказаній не знали, но и тогда Аракчеевъ поражалъ своихъ сослуживцевъ и начальство особымъ, свойственнымъ ему одному, звѣрствомъ. Когда скончалась Императрица Екатерина, и Павелъ вступилъ на престолъ, на Аракчеева посыпались милости новаго Императора. Уже 7 ноября 1796 года полковникъ Аракчеевъ назначенъ Петербургскимъ городскимъ комендантомъ, зачисленъ въ Преображенскій полкъ, а 8 ноября произведенъ въ генералъ-майоры. Ему отведено помѣщеніе въ Зимнемъ дворцѣ, а именно бывшіе аппартаменты князя П. А. Зубова, что вправо отъ Комендантскаго подъѣзда. 12 декабря Аракчеевъ получилъ 2000 крестьянскихъ душъ, а имѣніе, по предоставленному ему выбору, получилъ въ Новгородской губерніи, Грузинской волости. Во время коронаціи въ Москвѣ, куда Аракчеевъ послѣдовалъ за Государемъ, ему даны Александровская лента и баронскій титулъ. Къ поднесенному на утвержденіе гербу, Императоръ Павелъ собственноручно прибавилъ надпись: „Безъ лести преданъ".

Кромѣ должности коменданта, Аракчеевъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ, а немного позже и командиромъ Преображенскаго полка. По всѣмъ тремъ должностямъ онъ сумѣлъ

возбудить неудовольствія, вслѣдствіе чрезмѣрной требовательности. Аракчеевъ, при ежедневныхъ сношеніяхъ съ Павломъ, докладывалъ лично Императору о всякомъ упущеніи по службѣ и о всякой мелочи, подчеркивая свое безпристрастіе и особое рвеніе къ занимаемымъ должностямъ. Такимъ образомъ двадцатисемилѣтній генералъ пріобрѣталъ, понемногу, все большее значеніе и незамѣтно вмѣшивался въ дѣла, прямо его не касающіяся. Такія личности, какъ безсмертный Суворовъ, не могли избѣжать интригъ гатчинскаго капрала. Находимъ такую записку *), адресованную Императоромъ Аракчееву: „Объ отставкѣ Суворова, по отзыву, что теперь войны нѣтъ", а въ приказѣ отъ 6 февраля 1797 г. сказано: „Фельдмаршалъ графъ Суворовъ, относясь Его Императорскому Величеству, что такъ какъ войны нѣтъ, и ему дѣлать нечего, за подобный отзывъ отставляется отъ службы". По этому поводу другой Павловскій любимецъ, Ростопчинъ, замѣчаетъ: „Стопобѣдный Суворовъ попался въ когти гатчинскаго капрала, который, въ числѣ прочихъ, взялся смирить высокомѣріе Екатерининскихъ героевъ". Словомъ, Аракчеевъ не признавалъ никакихъ заслугъ отечеству, внѣ бывшей гатчинской службы, а на сановниковъ вѣка Екатерины II смотрѣлъ какъ на людей, награжденныхъ слишкомъ милостиво.

За это время произошло сближеніе между Александромъ Павловичемъ и Аракчеевымъ, въ виду совмѣстной ихъ службы. Императоръ Павелъ поручилъ Аракчееву преподать всѣ тонкости военной службы, принятой въ Гатчинѣ, Наслѣднику престола. 24 ноября 1796 года великій князь Александръ былъ назначенъ С.-Петербургскимъ губернаторомъ и инспекторомъ Петербургской дивизіи, а 1 января 1798 года, предсѣдателемъ Военной коллегіи. Всѣ приказы, отдаваемые при паролѣ въ Петербургѣ, были

*) См. „Свѣдѣнія о графѣ А. А. Аракчеевѣ", часть I, по 1798 г., Василія Ратчъ. Петербургъ, 1864.

подписываемы Александромъ, какъ губернаторомъ, а скрѣплялись подписью Аракчеева, сперва по званію коменданта, а потомъ генералъ-квартирмейстера. Сношенія завязались ежедневныя, но, къ сожалѣнію, подробныя свѣдѣнія отсутствуютъ, а документами лишь могутъ служить сохраненныя Аракчеевымъ записочки Наслѣдника престола.

При кратковременномъ правленіи Императора Павла, Аракчеевъ впадалъ въ опалу: первый разъ за подполковника Лена, застрѣлившагося изъ-за аракчеевской брани, при чемъ Аракчеевъ былъ уволенъ въ отпускъ, сохранивъ званіе генералъ-квартирмейстера (1 февраля 1798 года), а по прошествіи полутора мѣсяца, вѣроятно, вслѣдствіе недоразумѣній съ Преображенскимъ полкомъ, Аракчеевъ лишился послѣдней должности генералъ-квартирмейстера (его замѣнилъ генералъ-лейтенантъ Германъ) и 18 марта уволенъ въ чистую отставку, съ награжденіемъ чиномъ генералъ-лейтенанта. Но уже 11 августа 1798 года Павелъ смилостивился и приказалъ Аракчееву вернуться изъ Грузина въ столицу, гдѣ въ началѣ 1799 года осчастливилъ его назначеніемъ инспекторомъ всей артиллеріи, пожаловалъ командоромъ ордена Іоанна Іерусалимскаго, а 5 мая возвелъ въ графское достоинство.

Но на этотъ разъ могущество гатчинскаго капрала было кратковременно, такъ какъ Аракчеевъ попался въ ложныхъ донесеніяхъ о кражѣ въ арсеналѣ, и 1 октября 1799 года снова былъ отставленъ отъ службы; за Павловское время болѣе никакихъ должностей не занималъ. Сохранилась всего 41 записка Александра Павловича, Наслѣдника, къ его будущему другу за періодъ отъ 23 сентября 1796 года до 12 декабря 1799 года; за 1800 и 1801 года мы не нашли ни одной записки, переписка возобновилась лишь 10 мая 1802 года, т.-е. болѣе года спустя послѣ восшествія Александра на престолъ. Нѣкоторыя сохранившіяся письма, хотя и короткія по содержанію, интересны для характеристики Александра въ Павловскую эпоху. Такъ,

1 октября 1796 года Наслѣдникъ писалъ: „Алексѣй Андреевичъ, имѣлъ я удовольствіе получить письмо ваше, а сожалѣю весьма, что майоръ и офицеры мои подвергаются наказаніямъ, особливо въ столь легкихъ вещахъ. Надѣюсь, что впредь будутъ рачительнѣе. Чувствительно васъ благодарю, Алексѣй Андреевичъ, за стараніе, которое вы приложили къ моей просьбѣ; мнѣ отмѣнно сіе лестно. Пребываю къ вамъ доброжелательнымъ, Александръ“. Тутъ просвѣчиваетъ въ словахъ Александра какъ будто нота неодобренія за излишнюю строгость, но рядомъ другая записка безъ даты, изъ Москвы (вѣроятно, за время коронаціи Павла) уже другого тона: „Другъ мой Алексѣй Андреевичъ, что тебѣ сдѣлалось? Отпиши мнѣ подробно о твоемъ здоровіи. Мнѣ всегда грустно безъ тебя, и если бы не праздники, я бы къ тебѣ заѣхалъ. Дѣла вчера вечеромъ всѣ кончилъ“. Вотъ и еще одна записка изъ Москвы же: „Другъ мой Алексѣй Андреевичъ, я пересказать тебѣ не могу, какъ я радъ, что ты съ нами будешь. Это будетъ для меня великое утѣшеніе и загладитъ нѣкоторымъ образомъ печаль разлуки съ женой, которую мнѣ, признаться— жаль покинуть“. Выходилѳ, слѣдовательно, что еще въ 1797 году разлука съ супругой замѣнялась удовольствіемъ проводить время съ Аракчеевымъ!

Отъ того же года, безъ даты, другое письмо посвящено исключительно службѣ: „...У насъ чудеса дѣлаются. Тревога за тревогой; вчерашняя имѣла дурныя послѣдствія: два офицера преображенскіе были разжалованы въ солдаты, но послѣ, слава Богу, снова прощены. Государь мнѣ также приказалъ тебѣ сказать, чтобы ты изобрѣлъ, что удобнѣе будетъ: присоединить гвардейскій батальонъ артиллерійскій къ большому ученію всей артиллеріи, или особо Каннабиху заставить сдѣлать въ Гатчинѣ для одного онаго батальона? Теперь, другъ мой, у меня есть моя просьба до тебя. Пожалуй, пиши ко мнѣ, каковы бываютъ мои разводы и ученья, и въ чемъ ошибки и неисправности состоятъ?

Я слышалъ, что Голицынъ не сумѣлъ сдѣлать каре; я объ ономъ уже писалъ Корсакову, чтобы впредь сего не случалось. Отпиши мнѣ о семъ приключеніи и, пожалуй, впредь *муштруй ихъ хорошенько* въ ученіяхъ, чѣмъ ты крайне обяжешь того, который на *весь вѣкъ свой останется твоимъ истиннымъ другомъ,* и который желаетъ нетерпѣливо, чтобы ты пріѣхалъ въ Павловское". Здѣсь уже военный микробъ гатчинскихъ экзерцицій сказывается вполнѣ наглядно, а выраженіе „муштруй ихъ хорошенько" является первымъ зачаткомъ будущихъ требованій для дисциплины и порядка.

Совершенно вѣрно замѣчаетъ А. А. Кизеветтеръ: „Если Аракчееву не удалось окончательно закрѣпить расположенія Павла, зато онъ достигъ за это время другой цѣли: онъ сумѣлъ стать необходимымъ человѣкомъ для Александра. Именно здѣсь, въ условіяхъ Павловскаго режима, таились, по моему убѣжденію, первоначальныя сѣмена интимной близости этихъ двухъ людей, давшія впослѣдствіи такой пышный цвѣтъ. Вся дальнѣйшая исторія отношеній между Александромъ и Аракчеевымъ была предрѣшена и можетъ быть объяснена обстоятельствами Павловскаго времени". За 1799 годъ записки Александра уже отличаются большею любовностью, и довѣріе къ человѣку, видимо, растетъ. „.... Итакъ, я всегда тебѣ буду благодаренъ, когда въ свободный часъ ты мнѣ что-нибудь напишешь. Еще я могу тебѣ попрекъ сдѣлать въ томъ, что ты не отвѣчалъ на мой вопросъ, касательно ошибки въ строеніи каре. Я признаюсь тебѣ, что похвала, которую ты дѣлаешь о моемъ полку, походитъ немного на критику. Итакъ, по дружбѣ прошу тебя, объясни мнѣ подробнѣе о недостаткахъ и неисправностяхъ. Завтра у насъ маневръ. Богъ знаетъ, какъ пойдетъ?! Я сумнѣваюсь, чтобы хорошо было. Я хромой. Въ проклятой фальшивой тревогѣ помялъ опять ту ногу, которая была уже помята въ Москвѣ, и только что могу на лошади сидѣть, а ходить способу нѣтъ; итакъ, я съ постели на лошадь, а съ лошади на постель. Ты говоришь, другъ мой, что

отъ меня зависитъ пріѣздъ твой въ Павловское. Если такъ, то пріѣзжай неотмѣнно и скорѣе. Пребываю навѣкъ тебѣ вѣрнымъ другомъ". Затѣмъ Александръ сообщаетъ о рожденіи первой своей дочери Маріи: „Другъ мой, Алексѣй Андреевичъ, Богъ мнѣ даровалъ дочь, и очень счастливо". Наконецъ, послѣ второй и окончательной опалы, 15 октября 1799 года, Александръ старается утѣшить пріятеля: „Я надѣюсь, другъ мой, что мнѣ нужды нѣтъ тебѣ при семъ несчастномъ случаѣ возобновить увѣреніе о моей непрестанной дружбѣ; ты имѣлъ довольно опытовъ объ ней, и я увѣренъ, что ты объ ней и не сумнѣваешься. Повѣрь, что она никогда не перемѣнится. Я справлялся вездѣ о помянутомъ твоемъ ложномъ донесеніи, но никто о немъ ничего не знаетъ, и никакой бумаги такого рода ни отъ кого совсѣмъ въ Государеву канцелярію и не входило; а Государь, призвавши Ливена, продиктовалъ ему самъ тѣ слова, которыя стоятъ въ приказѣ. Если что-нибудь было, то съ побочной стороны. Но я вижу по всему дѣлу, что Государь воображалъ, что покража въ арсеналѣ была сдѣлана по иностраннымъ наущеніямъ. И такъ какъ уже воры сысканы, какъ уже, я думаю, тебѣ и извѣстно, то онъ ужасно удивился, что обманулся въ своихъ догадкахъ. Онъ за мною тотчасъ прислалъ и заставилъ пересказать, какъ покража сдѣлалась, послѣ чего сказалъ мнѣ: „Я былъ все увѣренъ, что это по иностраннымъ проискамъ". Я ему на это отвѣчалъ, что иностраннымъ мало пользы будетъ въ 5 старыхъ штандартахъ,—тѣмъ и кончилось. Про тебя онъ ни слова мнѣ не говорилъ, и видно, что ему сильныя внушенія на тебя сдѣланы, потому что я два раза просилъ за Апрѣлева, который и дѣла совсѣмъ съ тѣмъ не имѣлъ, но онъ ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ согласиться, не почему иному, кажется, какъ потому, что Апрѣлевъ отъ тебя шелъ. Прощай, другъ мой Алексѣй Андреевичъ, не забывай меня, будь здоровъ и думай, что у тебя вѣрный во мнѣ другъ остается". Послѣ этого письма имѣется лишь одно отъ 12 декабря 1799 г.,

гдѣ Александръ благодаритъ Аракчеева за поздравленіе со днемъ рожденія и еще разъ завѣряетъ его въ дружбѣ навѣки.

На два года корреспонденція прекращается, по крайней мѣрѣ письма съ обѣихъ сторонъ отсутствуютъ во всѣхъ архивахъ, и это правдоподобно, потому что въ эти годы уже шли переговоры съ графомъ Панинымъ и Паленомъ о заговорѣ, гдѣ вовсе не нуждались въ содѣйствіи Грузинскаго помѣщика.

Но письмо Наслѣдника престола, послѣ вторичнаго паденія Аракчеева, показываетъ, насколько удаленіе его озабочивало Александра, потому что, лишившись особы доселѣ всемощнаго графа, юноша опасался проявленій гнѣва своего отца, и теперь некому было при трудныхъ обстоятельствахъ оберегать Наслѣдника. Врядъ ли выраженія любви и дружбы относились къ личности Аракчеева, просто онъ былъ необходимъ Александру, чтобы заслонять себя отъ всевозможныхъ порывовъ батюшки, никогда не оказывавшаго довѣрія сыну-первенцу.

Въ этомъ предположеніи мы снова сходимся съ точкой зрѣнія г. Кизеветтера, который говоритъ: „Александръ заслонялся Аракчеевымъ отъ отца, и для того-то, чтобы обезпечить себѣ это, столь необходимое и надежное прикрытіе, онъ всячески цѣплялся за Аракчеева, расточалъ ему нѣжныя признанія въ любви и дружбѣ и не хотѣлъ вѣрить очевиднымъ фактамъ, которые бросали тѣнь на нравственную личность Аракчеева. Здѣсь было не ослѣпленіе личностью Аракчеева, а расчетливое использованіе его услугъ въ интересахъ самосохраненія". Такъ же и далѣе: „Не доказываетъ ли колебаніе въ служебной карьерѣ Аракчеева, что и во все время своего царствованія, такъ же какъ и въ бытность свою Наслѣдникомъ престола, Александръ являлся въ своихъ отношеніяхъ къ Аракчееву не жертвой безотчетнаго увлеченія личностью послѣдняго, а, наоборотъ, господиномъ, сознательно употреблявшимъ Аракчеева, въ качествѣ орудія, для осуществленія своихъ самостоятельныхъ плановъ. Когда Александръ былъ Наслѣд-

никомъ, Аракчеевъ былъ нуженъ, чтобы заслониться имъ отъ отца; когда Александръ началъ царствовать, онъ приближалъ къ себѣ Аракчеева каждый разъ, когда считалъ необходимымъ заслониться имъ отъ своихъ подданныхъ".

Всѣ эти выводы переданы вѣрно, но мы, однако, должны добавить, что не малую роль сыграли въ отношеніяхъ между этими столь противоположными натурами и результаты трагическаго исчезновенія Императора Павла, гдѣ Аракчеевъ остался въ сторонѣ, а Александръ былъ причастенъ, давъ разрѣшеніе дѣйствовать заговорщикамъ. Постоянный гнетъ событія 11 марта 1801 года не оставлялъ Александра во всю его жизнь, а когда душевныя тревоги стали превращаться въ религіозно-мистическое настроеніе, то его влекло именно къ тому человѣку, который былъ когда-то посредникомъ между нимъ и покойнымъ отцомъ, тѣнь котораго преслѣдовала столь назойливо Александра, что онъ не могъ отъ нея отдѣлаться. И въ этомъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ самъ Аракчеевъ, который при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ напоминалъ державному покровителю о его незабвенномъ батюшкѣ. Даже подъ стѣнами Парижа, въ 1814 году, Аракчеевъ отмѣтилъ рядомъ съ совмѣстнымъ говѣніемъ съ Александромъ и панихиду (11 марта) по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Павлѣ Петровичѣ, что рельефно подчеркнуто въ его журналѣ за этотъ годъ. Позднѣе, а именно 29 іюня 1823 года, Аракчеевъ писалъ Александру въ день именинъ его покойнаго родителя: „Отдавъ въ храмѣ Божіемъ чувства душевной благодарности памяти сегодняшняго именинника, который, предстоя у престола Божія, конечно, видитъ истинную любовь и преданность къ Августѣйшему его преемнику того подданнаго, котораго угодно ему было еще при жизни своей къ нему приблизить, съ приказаніемъ быть ему вѣрнымъ слугой, я исполняю оное въ полной мѣрѣ душевнаго моего расположенія и благодарю ежедневно Бога, за милостивое Вашего Величества ко мнѣ расположеніе".

Послѣ восшествія на престолъ, Александръ первые два года не тревожилъ Аракчеева, занимаясь съ усердіемъ, но безъ убѣжденія въ засѣданіяхъ негласнаго комитета либеральными новшествами. Какъ только интересъ къ реформамъ сталъ ослабѣвать, былъ вызванъ изъ Грузина Алексѣй Андреевичъ, и ему снова приказано быть инспекторомъ всей артиллеріи. Здѣсь, въ теченіе пяти лѣтъ, Аракчеевъ проявилъ самую кипучую дѣятельность и на почвѣ чисто артиллерійской сдѣлалъ много существеннаго. Заслуги его были отмѣчены разными благодарностями, а 28 іюня 1807 года, изъ Таурогена, онъ получилъ такого рода рескриптъ: „Господинъ генералъ-лейтенантъ графъ Аракчеевъ! Доведеніе до превосходнаго состоянія артиллеріи и успѣшное дѣйствіе оной въ продолженіе сей войны, также исправное снабженіе оной всѣмъ нужнымъ, обязываетъ меня сдѣлать достойное воздаяніе заслугамъ вашимъ; посему приказомъ моимъ вчерашняго дня произведены вы въ генералы-отъ-артиллеріи. Примите сей знакъ моей признательности и особаго моего благоволенія, съ коимъ пребываю къ вамъ благосклонный“. Затѣмъ, 1 іюля того же 1807 года Аракчеевъ получилъ другой рескриптъ, весьма милостивый, гдѣ въ девяти пунктахъ предписывались различныя новыя усовершенствованія по артиллеріи, а 13 января 1808 года Аракчеевъ назначенъ военнымъ министромъ. Опять назначеніе не случайное, а вызванное обстоятельствами, изъ которыхъ ближайшимъ была война съ Швеціей на финляндской территоріи, гдѣ требовалась энергичная рука. Аракчеевъ былъ вскорѣ командированъ въ Финляндію, чтобы лично руководить дѣйствіями военноначальниковъ и не затягивать кампаніи. Тутъ вліяніе его оказалось полезнымъ, и шведская война закончилась сравнительно быстро. Государь былъ отвлеченъ поѣздкой въ Эрфуртъ на свиданіе съ Наполеономъ, и ему нужна была твердая рука на время своего отсутствія.

Обращаемъ вниманіе на письмо Александра Павловича изъ Лейпцига отъ 5 октября, на обратномъ пути изъ Эрфурта: „Всѣ

заключенія и по онымъ предписанія послѣдовавшія нахожу совершенно основательными. Буксгевденъ продолжаетъ все дѣлать глупости. Поступокъ Тучкова противъ М. Долгорукаго подлъ до крайности и доказываетъ завистливую душу. Мнѣ кажется, полезно бы было въ награду за одержанныя побѣды произвести Н. М. Каменскаго въ генералы-отъ-инфантеріи, равномѣрно и Багратіона, который старше его и, кажется, хорошо исполнилъ ему препорученное. Долгорукаго произвести въ генералъ-лейтенанты *). Такимъ образомъ, мы бы подвинули людей, отличающихся отъ прочихъ, и которые принесутъ несомнѣнную пользу, бывъ начальниками. Тучкова **) я бы думалъ смѣнить, а весь его корпусъ препоручить Долгорукому, который лучше все исполнитъ. Если въ душѣ своей ты согласенъ съ симъ мнѣніемъ, прикажи тотчасъ отдать въ приказѣ; если же имѣешь какое возраженіе на оное, то погоди моего пріѣзда, я не замедлю долѣе трехъ или четырехъ дней послѣ сего курьера. Впрочемъ, я довольно не могу нахвалиться тобою, и имѣю отличнаго въ тебѣ помощника". Въ этихъ строкахъ ясно выражено и довѣріе, и благоволеніе къ военному министру, а также вполнѣ правильное мнѣніе о боевыхъ заслугахъ генераловъ.

За періодъ управленія Военнымъ министерствомъ Аракчеевымъ получено отъ Императора 56 писемъ или записокъ, и всѣ они свидѣтельствуютъ о большомъ довѣріи къ нему.

Когда былъ заключенъ миръ съ Швеціей, на будущаго временщика посыпались щедрыя награды, но знаковъ ордена св. апостола Андрея Первозваннаго Аракчеевъ все же не принялъ, несмотря на то, что Его Величество удостоилъ его присылкой имъ лично носимаго ордена. Этимъ Аракчеевъ хотѣлъ подчеркнуть

---

*) Князь М. П. Долгорукій былъ убитъ ядромъ 15 октября 1808 года въ сраженіи при Иденсальми.

**) Николай Алексѣевичъ Тучковъ 1, умеръ отъ раны, полученной въ 1812 году на поляхъ Бородина.

свое безкорыстіе и преданность Государю, основанныя не на знакахъ внѣшняго отличія. Способъ извѣстный, но тѣмъ не менѣе производившій впечатлѣніе, правда, только на Государя, а не на прочихъ сослуживцевъ графа. А вотъ и наглядные примѣры царскихъ милостей: 30 августа 1808 года: „Въ доказаніе признательности Его Императорскаго Величества къ ревностной службѣ и неусыпной дѣятельности военнаго министра, графа Аракчеева, повелѣваемъ Ростовскому мушкетерскому полку носить его имя".

Годъ спустя, 6 сентября 1809 года, другой знакъ признательности: „Миръ, Слава Всевышнему, заключенъ на мною предложенныхъ основаніяхъ. Чтобы не терять времени, я отступилъ отъ порядка, приказалъ адъютанту заѣхать въ крѣпость съ повелѣніемъ выстрѣлить 101 пушку (т.-е. выстрѣловъ). При семъ прилагаю то, что по всей справедливости тебѣ слѣдуетъ, а чтобы болѣе изъявить мою благодарность за всю твою службу, и чтобы пріятнѣе тебѣ было оную носить, прилагаю здѣсь мой собственный, который я носилъ (т.-е. знаки ордена св. Андрея Первозваннаго)". На этомъ письмѣ Аракчеевымъ сдѣлана помѣтка: „Получено 6 IX 1809 года съ флигель-адъютантомъ Твороговымъ, въ 12 час. дня. При ономъ приложенъ былъ орденъ св. Андрея, который и находился у графа до 7 час. вечера". На другой день, т.-е. 7 сентября 1809 года, полученъ графомъ еще рескриптъ: „Въ воздаяніе ревностной и усердной службы военнаго министра графа Аракчеева, войскамъ отдавать слѣдующія ему почести и въ мѣстахъ Высочайшаго пребыванія Его Императорскаго Величества". Казалось, чего еще оставалось желать счастливому царскому избраннику?! А между тѣмъ Аракчеевъ позволялъ себѣ часто показывать то недовольство, то просто капризы, если Государь ему чего-либо не сообщалъ или оказывалъ довѣріе и расположеніе другимъ. И всѣ эти выходки сходили для него благополучно. Особенно рѣзко выразилось дурное расположеніе графа при образованіи Государственнаго Совѣта, когда ему не показали проекта реформы.

Графъ страшно обидѣлся и взбѣшенный уѣхалъ къ себѣ въ Грузино; Александръ старался всѣми средствами смягчить гнѣвъ своего любимца, но въ концѣ концовъ Аракчеевъ настоялъ на своемъ и сдалъ управленіе Военнымъ министерствомъ Барклаю. Что Аракчеевъ поступилъ обдуманно, свидѣтельствуетъ надпись на поляхъ Грузинскаго Евангелія отъ 1 января 1810 года, гласящая: „Въ сей день сдалъ званіе военнаго министра. Совѣтую всѣмъ, кто будетъ имѣть сію книгу послѣ меня, помнить, что честному человѣку всегда трудно занимать важныя мѣста въ государствѣ". А между тѣмъ, Александръ Павловичъ сдѣлалъ все, чтобы удержать графа отъ нахальнаго поступка, написавъ ему такого рода знаменательныя слова: „При первомъ свиданіи нашемъ вы мнѣ рѣшительно объявите, могу ли я въ васъ видѣть того же графа Аракчеева, на привязанность котораго я думалъ, что твердо могъ надѣяться, или необходимо мнѣ будетъ заняться выборомъ новаго военнаго министра".

И что же? Александру пришлось искать новаго человѣка на эту должность, а Аракчеевъ самодовольно сѣлъ на предсѣдательское мѣсто въ Военномъ департаментѣ Государственнаго Совѣта!

Вышло, что Аракчеевъ какъ бы остался побѣдителемъ въ домашней распрѣ съ Государемъ, а Александръ удовольствовался быть побѣжденнымъ и ничѣмъ не выразилъ вполнѣ естественнаго недовольства. Напротивъ того, Императоръ лѣтомъ впервые посѣтилъ Грузино, точно этой поѣздкой онъ желалъ подчеркнуть свое раскаяніе или самобичеваніе. Слѣдовательно, Аракчеевъ могъ только радоваться результатамъ своихъ непозволительныхъ пріёмовъ въ обращеніи съ Русскимъ царемъ, и пріёмы эти повторялъ также и въ будущемъ, все съ тѣмъ же успѣхомъ. Какія же объясненія можетъ искать историкъ въ такого рода проявленіяхъ униженія паче гордости? Мы допускаемъ только одно: смиреніе предъ тѣмъ человѣкомъ, котораго „сердце было чисто и духъ правъ предъ нимъ", то-есть предъ Императоромъ Павломъ.

Другихъ аргументовъ нельзя найти. Вѣдь и нахальству, и дерзостямъ есть предѣлъ, а въ отношеніяхъ этихъ двухъ людей оставалось что-то непонятное, потому что, по природѣ, они были рѣзко противоположны другъ другу.

Кизеветтеръ говоритъ: „...Аракчеевъ могъ мѣнять направленіе своей дѣятельности въ какой угодно степени, но онъ не могъ съ этого момента примириться лишь съ однимъ: чтобы у Государя явилась мысль, что кто-нибудь другой можетъ выполнять функціи тѣлохранителя и личнаго пѣстуна лучше или хотя бы даже хуже, нежели Аракчеевъ. Этого Аракчеевъ допустить не могъ, ибо онъ отлично понималъ, что именно здѣсь—единственная опора всего великолѣпнаго зданія его безграничнаго всевластія“. Можемъ завѣрить автора этихъ строкъ, что у Александра Павловича никогда не являлось мысли о замѣнѣ Аракчеева кѣмъ-либо другимъ, и что едва ли опасенія Аракчеева были чистосердечны, когда они проявлялись наружу, а просто это былъ пріёмъ, имъ усвоенный, для лучшаго обузданія разныхъ страстей своего покровителя. Что же касается до „функцій тѣлохранителя“, то Александръ именно желалъ имѣть такого человѣка, какъ Алексѣй Андреевичъ, а Аракчеевъ находилъ эту функцію только выгодной для себя.

Надо отдать безпристрастно должное Аракчееву, что иногда онъ находился на высотѣ порученнаго ему дѣла и, имѣя способность работать безъ устали, исполнялъ успѣшно все то, что ему было поручено. Сдавъ должность военнаго министра, онъ, какъ предсѣдатель Военнаго департамента въ Государственномъ Совѣтѣ, не мѣшалъ Барклаю приводить армію въ надлежащій видъ и помогалъ ему въ работахъ въ теченіе 1810 и 1811 годовъ для подготовки борьбы съ Наполеономъ, будучи посвященъ во всѣ детали громадныхъ подготовленій. Эта освѣдомленность Аракчеева помогла ему исполнять должность почти единственнаго секретаря Государя во время Отечественной войны. Оставшіяся

80 записокъ Александра къ нему за этотъ періодъ наглядно доказываютъ справедливость нашей точки зрѣнія, а нѣкоторыя записки свидѣтельствуютъ не только о неограниченномъ довѣріи къ нему Императора, но и о замѣчательной прозорливости Государя въ ту годину. Въ приложеніяхъ помѣщены всѣ записки; здѣсь же приведемъ только самыя характерныя *):

Отъ 7 сентября 1812 года: „Чтобы нѣсколько публику приготовить къ печальнымъ извѣстіямъ, мнѣ кажется нужно напечатать сего же дня послѣдній рапортъ Кутузова, котораго печатаніе было оставлено; но пошли тотчасъ же, чтобы могъ разойтись онъ въ публикѣ сегодня". Печальное извѣстіе касалось сдачи Москвы непріятелю, послѣ Бородина.

9 сентября: „Письмо къ генералъ-адъютанту Волконскому я распечаталъ, оно по службѣ, и нужно все сдѣлать, какъ требуетъ Винценгероде. Другія два письма, къ женѣ его и отъ Сергѣя Волконскаго къ сестрѣ его, я читалъ, и должно ихъ отослать. Я еще написалъ письмо къ Винценгероде, которое при семъ же приложено".

14 сентября: „Прочтя бумаги къ Балашову, пришли назадъ ко мнѣ для доставленія матушкѣ".

17 сентября: „У меня рескриптъ къ Кутузову написанъ въ сходствіе нашего разговора. Но, по внимательному разсмотрѣнію на картѣ, я нахожу, что дѣло сіе, дабы могло быть полезнымъ, требуетъ точнѣйшаго соображенія, особливо по неравнымъ дистанціямъ, въ коемъ окружныя губерніи лежатъ отъ Москвы. Для сего необходимо сей проектъ обдѣлать внимательнѣе, чего сегодня успѣть нельзя. А потому я полагаю курьера отправить, а съ симъ планомъ пошлемъ другого".

*) Возможно, что приводимыя тутъ записки утомятъ вниманіе читателя, но для пониманія отношеній между Императоромъ Александромъ и графомъ Аракчеевымъ онѣ представляютъ безцѣнный кладъ и многое объясняютъ.

29 сентября: „Прикажи переписать снова, я забылъ поправить одно слово, безъ котораго и смысла не было. Хотѣлъ на чистомъ выскоблить, продралъ бумагу".

Сентября (безъ даты): „Всего короче сказаться тебѣ больнымъ, или сказать, что я звалъ тебя къ себѣ обѣдать, а мой обѣдъ, право, лучше тамошняго".

26 октября: „Мнѣ пришло на умъ, лучше не посылать сего письма, чтобы не произвести напраснаго раздора".

29 октября: „Я имѣлъ терпѣніе прочесть всѣ сіи бумаги. Много весьма интереснаго, и я желаю, чтобы самъ ты ихъ прочелъ".

1 ноября: „Прочтя, вороти ко мнѣ всѣ сіи бумаги на имена разныхъ министровъ; я самъ ихъ разошлю, а то на тебя еще въ состояніи будутъ сердиться".

2 ноября: „Вороти мнѣ письмо къ Нессельроде. Хорошо бы мнѣ съ тобой повидаться передъ твоимъ отъѣздомъ завтра. Я въ семь часовъ и даже въ седьмомъ часу уже одѣтъ".

9 ноября: „Кажется, Всемогущій обратилъ на главу сего изверга всѣ тѣ бѣдствія, которыя онъ намъ готовилъ" (про Наполеона).

11 ноября: „Я видѣлъ, что Чернышевъ будетъ огорченъ, если его сдѣлать просто генералъ-маіоромъ; то онъ, кажется, заслуживаетъ, чтобы его произвести прямо въ генералъ-адъютанты, что и исполнить".

14 ноября: „Прикажи списать точныя копіи съ писемъ вице-короля (Евгенія Богарне), даже до подписи. Мнѣ надобно ихъ отослать въ Швецію (къ Бернадотту)".

21 ноября. „Помнится мнѣ, что во вчерашнемъ рапортѣ Витгенштейна, говоря о своей побѣдѣ, называетъ онъ ее неслыханной. То, если это такъ, и еще есть время сіе слово выкинуть изъ печатныхъ листковъ, то прикажи оное исправить".

6 декабря: „За стужею, для сбереженія людей, можно отмѣнить отвозъ трофей въ Казанскую".

Всѣ эти записки наглядно доказываютъ степень довѣрія Императора къ Аракчееву, а также, что за Отечественную войну никто иной, какъ Аракчеевъ былъ въ дѣйствительности секретаремъ Государя по всѣмъ военнымъ дѣламъ. То же самое происходило во время кампаній 1813 и 1814 годовъ, а записокъ за этотъ періодъ сохранилось болѣе ста. Изъ нихъ приведу только двѣ или три, такъ какъ остальныя въ томъ же духѣ, какъ за Отечественную войну.

9 февраля 1813 года: „Съ семи часовъ до сихъ поръ я не зажималъ, по несчастію, рта своего съ этой проклятой политикой. Мочи нѣтъ! Если ничего необходимаго у тебя нѣтъ, то я завтра поутру съ тобой увижусь". Эти строки доказываютъ, до чего добросовѣстно Государь велъ лично дѣла внѣшней политики, и до какой степени онъ иногда утомлялся разговорами и всякими переговорами въ этой области.

Когда лѣтомъ 1814 года, изъ Парижа, Его Величество отправился въ Англію, то Аракчеевъ его не сопровождалъ, а оставался на нѣмецкихъ водахъ для лѣченія. 22 мая Государь ему написалъ такого рода исповѣдь:

„...Съ крайнимъ сокрушеніемъ я разстаюсь съ тобой. Пріими еще разъ всю мою благодарность за столь многія услуги, тобою мнѣ оказанныя, и воспоминаніе о которыхъ останется навѣкъ въ душѣ моей.

„Я скученъ и огорченъ до крайности. Я себя вижу послѣ 14-лѣтняго тяжелаго управленія, послѣ двухлѣтней разорительной и опаснѣйшей войны лишеннымъ того человѣка, къ которому моя довѣренность была всегда неограниченна.

„Я могу сказать, что ни къ кому я не имѣлъ подобной, и ничье удаленіе мнѣ столь ни тягостно, какъ твое. Навѣкъ тебѣ вѣрный другъ". Въ этихъ словахъ вылилось все, что могъ Александръ высказать вѣрному служакѣ и точному исполнителю всѣхъ предначертаній. Думается, что въ тяжелые годы борьбы

съ Наполеономъ Аракчеевъ былъ, дѣйствительно, тѣмъ неотлучнымъ и необходимымъ лицомъ, на работу котораго монархъ могъ положиться при своихъ сложныхъ и разностороннихъ занятіяхъ и обязанностяхъ. Былъ ли выборъ Государя удаченъ, или нѣтъ — другой вопросъ; но намъ кажется, что за эпоху войнъ врядъ ли Александръ Павловичъ нашелъ бы другого человѣка для такой сложной и кропотливой работы, который все исполнялъ бы быстро и точно. Рядомъ съ нимъ находился при Государѣ другой довѣренный пріятель, князь П. М. Волконскій, ненавидѣвшій Аракчеева, но исполнявшій столь же добросовѣстно возложенное на него дѣло.

Безспорно, у Александра былъ особый талантъ соединять на общую пользу для занятій совсѣмъ противоположные элементы, которые ему безропотно подчинялись и добросовѣстно исполняли все имъ порученное.

Несмотря на милостивыя слова Государя передъ отъѣздомъ въ Англію, между нимъ и Аракчеевымъ въ Парижѣ еще произошли недоразумѣнія на почвѣ обидъ, что, молъ, Его Величество въ немъ болѣе не нуждается. Марченко, бывшій въ то время тоже въ Парижѣ, говоритъ: „Аракчеевъ, не будучи спрашиванъ пять недѣль съ докладами, огорчился и рѣшился остаться два года за границей. Передъ выѣздомъ изъ Парижа отправилъ онъ письмо Государю, чтобы онъ позволилъ ему остаться на водахъ, и указъ, на мое имя заготовленный, но безъ моего вѣдома, чтобы, по прибытіи въ Петербургъ, разсортировалъ я дѣла канцеляріи и сдалъ по принадлежности въ министерства и Иностранную коллегію затѣя совершенно пустая и невозможная къ исполненію. Государь послѣ этого позвалъ къ себѣ Аракчеева и, какъ сказывалъ мнѣ графъ, были большія объясненія. Предложено ему было званіе фельдмаршала; только кончилось тѣмъ, что онъ получилъ отпускъ“. При обратномъ проѣздѣ Императора изъ Англіи черезъ Германію, Аракчеевъ видѣлся съ нимъ въ Аахенѣ и перемѣнилъ намѣреніе: отправился просто на просто въ Петербургъ

А. И. Чернышевъ

Графъ К. В. Нессельроде

Р. А. Кошелевъ

Князь А. Н. Голицынъ

и съ такимъ расчетомъ, чтобы быть тамъ раньше Государя. Спрашивается, къ чему была вся эта комедія отпуска и лѣченія?

Но, видимо, такіе пріемы онъ считалъ необходимыми въ своихъ отношеніяхъ съ Александромъ Павловичемъ. Послѣ заключенія Священнаго союза и въ разгаръ мистицизма, Государь всецѣло поручилъ Аракчееву введеніе дѣла военныхъ поселеній. По этому поводу между ними завязалась нескончаемая переписка, и въ приложеніяхъ даны какъ записки Александра, такъ и донесенія графа на эту тему. Переписка не прекращалась и во время конгрессовъ. Такимъ образомъ, въ 1822 году, исподволь и незамѣтно, Аракчеевъ дошелъ до апогея своего могущества, воспользовавшись умѣло и ловко окончательнымъ переломомъ въ характерѣ Благословеннаго монарха *).

Мы остановили наше повѣствованіе на окончаніи Лайбахскаго конгресса. Греческое возстаніе привлекало тогда взоры Европы. Каподистріа убѣждалъ всячески Императора Александра оказать

---

*) Въ запискахъ Греча приведено стихотвореніе, написанное на Аракчеева.

„К. Ѳ. Рылѣевъ, будущій декабристъ, въ посланіи къ князю Вяземскому, написанномъ будто бы въ подражаніе Персіевой сатирѣ къ Рубелліи и напечатанномъ въ „Невскомъ Вѣстникѣ", говорилъ очень явно объ Аракчеевѣ:

„Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ высшій санъ пронырствами злодѣй,
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь,
И въ грозномъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь!
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!"

Александръ Михайловичъ Тургеневъ, въ своихъ запискахъ, произноситъ такой приговоръ надъ Аракчеевымъ: „Исторія—неумолимый судія событій—на страницѣ (начало царствованія Александра Павловича) сыщетъ еще къ смягченію, къ снисхожденію относительно его личности достаточно основательныхъ доказательствъ... Но, ставъ царемъ, судіей посреди царей, Александръ предался (апатіи) и ввѣрилъ правленіе обширнѣйшаго своего Государства Аракчееву, человѣку невѣждѣ, дышащему злобою и ненавистью, котораго, кромѣ гнуснѣйшихъ льстецовъ, никто терпѣть не могъ, не произносилъ безъ презрѣнія его имени. Народъ, да и во всѣхъ сословіяхъ общества, Аракчеева называли змѣемъ-горынычемъ! Въ извиненіе сего ни словъ, ни доказательствъ не сыщется".

содѣйствіе грекамъ, но тщетно; того же добивалась и баронесса Крюденеръ, но также безъ всякаго успѣха. Тѣмъ временемъ князь Меттернихъ настаивалъ на созывѣ новаго конгресса въ Веронѣ, и предварительно просилъ Русскаго Государя заѣхать въ Вѣну, чтобы лично переговорить о положеніи дѣлъ въ Греціи и въ Испаніи съ императоромъ Францемъ и сговориться съ нимъ о планѣ дѣйствій на будущемъ конгрессѣ. Александръ не колебался и пожертвовалъ Каподистріа, съ которымъ привыкъ совмѣстно работать послѣ 1815 г., въ теченіе семи лѣтъ, а оставилъ для управленія внѣшней политикой одного Нессельроде.

Въ августѣ 1822 года Каподистріа выѣхалъ навсегда изъ Россіи, а турецкія дѣла, которыми со времени Екатерины вѣдали русскіе государи, сносясь непосредственно со Стамбуломъ, перешли на обсужденіе Европы. Этимъ совершена роковая ошибка, чреватая послѣдствіями, и она всецѣло лежитъ на отвѣтственности Александра Павловича, поддавшагося вліянію князя Меттерниха. Шильдеръ справедливо замѣчаетъ: „Дѣйствительно, для Россіи потеря Каподистріа была важнѣе проиграннаго сраженія“. Самъ Меттернихъ сознавалъ всю важность ухода греческаго патріота и писалъ императору Францу: „Русскій кабинетъ однимъ ударомъ ниспровергъ великое твореніе Петра Великаго и всѣхъ его преемниковъ“, а въ разговорѣ съ англійскимъ генераломъ Майтландомъ (Maitland) сказалъ ему: „Eh bien, général, le principe du mal est déraciné, le comte de Capodistria est enterré pour le reste de ses jours. Vous vivrez en paix dans les îles, et l'Europe sera délivrée de grands dangers, dont l'influence de cet homme la menaçait“. Понимали создавшуюся обстановку и многіе русскіе, и въ числѣ ихъ Карамзинъ, а заблуждался лишь Русскій Государь. 15 мая 1822 г. онъ выѣхалъ въ Вильну, гдѣ дѣлалъ смотры гвардейскому корпусу, уже долгое время тамъ находившемуся, будто бы, въ боевой готовности, для выступленія въ походъ за границу, а въ сущности удаленному изъ столицы послѣ Семеновской

исторіи для избѣжанія вредныхъ вліяній тайныхъ обществъ на офицерскій составъ гвардіи. Затѣмъ Государь въ іюнѣ совершилъ обычную экскурсію по военнымъ поселеніямъ, побывалъ снова въ Грузинѣ у больного Аракчеева, въ началѣ августа прибылъ въ Варшаву, а 26 августа явился въ Вѣну на зовъ князя Меттерниха. Австрійскій канцлеръ могъ самодовольно говорить: „Je suis dans les meilleurs termes avec lui (l'Empereur Alexandre), et il n'est guère à craindre que ces relations viennent à s'altérer. Le tour de force que j'ai accompli n'est pas commun“ *). Такъ, впослѣдствіи выражался въ своихъ воспоминаніяхъ Меттернихъ, и дѣйствительно его ходы для пріобрѣтенія вліянія на Русскаго Императора не прошли даромъ (le tour de force n'est pas commun): ему удалось вполнѣ одурманить Александра.

Шильдеръ говоритъ, что, при этой новой поѣздкѣ сына за границу, Императрица Марія Θеодоровна будто бы взяла съ него слово не заѣзжать въ Римъ для свиданія съ папой. Намъ не удалось провѣрить вѣрность этого разсказа, но существуетъ записка сардинскаго графа Лескерена (Lescarena) къ королю Карлу-Альберту такого содержанія: „La tendance de l'Empereur Alexandre vers le catholicisme était soupçonnée dans la famille impériale; l'Impératrice-Mère craignait qu'un entretien avec le Saint Père ne déterminât son fils à rentrer dans le sein de l'Eglise, et elle le pria avec instance de ne pas aller à Rome. L'Empereur Alexandre, toujours plein de déférence envers sa mère, le promit et tint parole“ **). Не такъ давно, другой историкъ, Пирлингъ, старался доказать, на основаніи разговоровъ Мишо-де-Боретуръ на эту тему съ кѣмъ-то изъ современниковъ, что если Александръ тайкомъ и не принялъ католической вѣры, то онъ былъ сильно расположенъ къ этому.

*) Metternich, Mémoires, t. III, p. 563.

**) Lettre du comte de Leskarène au roi Charles-Albert, publiée par la „Civiltà Catholica“, 1876.

Дѣло въ томъ, что Мишо, будучи флигель-адъютантомъ, а потомъ и генералъ-адъютантомъ Александра I, вышелъ въ отставку, жилъ въ Италіи, гдѣ и скончался въ 1841 г. Мишо оставилъ запечатанную шкатулку на имя Императора Николая, которая и была ему передана родственниками послѣ кончины Мишо. Удалось найти только расписки князя П. М. Волконскаго въ полученіи этой шкатулки съ бумагами, но сами бумаги исчезли и, вѣроятно, были сожжены Николаемъ Павловичемъ. Несмотря на мое глубокое уваженіе къ трудамъ Пирлинга, я не могу согласиться съ мнѣніями почтеннаго ученаго. Въ такого рода вопросахъ—однихъ догадокъ и предположеній не достаточно, а какіе-либо документы для доказательства симпатій Александра къ католицизму отсутствуютъ, и врядъ ли, при образѣ мыслей Государя, они вообще могли существовать. Вся переписка Благословеннаго монарха съ княземъ А. Н. Голицынымъ и Р. А. Кошелевымъ—даетъ совсѣмъ другіе выводы. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ сохранившимися документами, а потому можемъ на нихъ и ссылаться. Ни въ запискахъ, ни въ письмахъ нѣтъ ни малѣйшаго намёка на какое-либо расположеніе Александра къ католичеству, а потому мы положительно отрицаемъ всѣ высказанныя догадки по этому вопросу. Когда, въ концѣ августа 1822 г., Императоръ Александръ прибылъ въ Вѣну, гдѣ оставался не долго, онъ пожелалъ видѣть нѣкоего аббата князя Гогенлоэ (Hohenlohe), находившагося въ родствѣ съ большинствомъ австрійской аристократіи, хорошо знакомой Государю еще со временъ Вѣнскаго конгресса. Мы ничего удивительнаго не видимъ въ этой встрѣчѣ, а Шильдеръ, видимо, придавалъ ей особое значеніе, потому что подробно описалъ это свиданіе, закончивъ слѣдующими словами: „Выслушавъ рѣчь аббата, Александръ опустился передъ нимъ на колѣни и просилъ благословенія; растроганный аббатъ исполнилъ его желаніе и прижалъ благочестиваго монарха къ своему трепещущему сердцу. Затѣмъ между ними началась бесѣда, продолжавшаяся болѣе двухъ часовъ;

содержаніе этой бесѣды осталось тайной". Опять, если вдумаешься въ эти строки, историкъ Александра искалъ въ свиданіи съ аббатомъ Гогенлоэ чего-то таинственнаго. Въ сущности, ничего особеннаго не было, а Государь, зная благочестіе князя-аббата, желалъ съ нимъ повидаться и побесѣдовать.

Едва ли можно предположить, что Александръ повѣрилъ ему какія-либо тайны, кромѣ, конечно, духовныхъ, на которыя онъ былъ особенно щедръ въ своихъ изъясненіяхъ; въ тотъ же проѣздъ черезъ Вѣну Александръ Павловичъ видѣлся съ квэкеромъ Алленомъ, своимъ давнишнимъ знакомымъ, и имѣлъ съ нимъ тоже религіозные разговоры. Князь Гогенлоэ оставилъ книжку, озаглавленную: „Mémoires et expériences dans la vie sacerdotale et dans le commerce avec le monde, recueillis dans les années 1815—1834", par le prince Alexandre Hohenlohe. Paris, 1835.

Въ ней мы находимъ краткую передачу разговора его съ Русскимъ Императоромъ: „Il fut ensuite question de différents événements que je ne saurais confier à la plume, les communications que Sa Majesté daigna me faire m'imposant un silence sacré sur ces objets".

Вѣроятно, Шильдеръ, прочитавъ эту выдержку, нашелъ въ ней достаточное указаніе на таинственность, потому что аббатъ не желалъ оглашать перомъ содержанія бесѣды. Находимъ, что аббатъ проявилъ лишь тактъ, какъ духовное лицо, но дѣлать изъ этого иные выводы, прямо-таки непонятно. Вѣдь Шильдеръ, на той же страницѣ, говоритъ о двухъ бесѣдахъ Александра въ Вѣнѣ за то же время съ квэкеромъ Алленомъ, прибавляя, что „Императоръ не удовольствовался духовной бесѣдой съ аббатомъ Гогенлоэ и пожелалъ также видѣть квэкера Аллена".

Оказывается, что въ двухъ разговорахъ съ англичаниномъ не было ничего таинственнаго, а простое влеченіе сердца къ подобнаго рода разговорамъ; отчего же искать другого въ бесѣдѣ съ католическимъ аббатомъ?

И вообще, подробно изслѣдуя характеръ отношеній Императора Александра къ лицамъ духовнаго званія Православной церкви, къ мистикамъ и т. д., нигдѣ положительно нельзя найти какихъ-либо симпатій къ католичеству.

Дипломатическіе переговоры продолжались въ Вѣнѣ три недѣли. Оттуда, чрезъ Зальцбургъ и Тегернзее, Русскій Императоръ направился чрезъ Тироль въ Верхнюю Италію, въ Верону. Кромѣ него, собрались здѣсь монархи Австріи и Пруссіи, мелкіе итальянскіе правители и всѣ министры соотвѣтствующихъ державъ. Отъ Россіи, кромѣ графа Нессельроде, были приглашены русскіе послы въ Парижѣ и Лондонѣ, Поццо-ди-Борго и графъ Ливенъ. На первой очереди былъ поставленъ вопросъ о дѣлахъ испанскихъ. Франціи поручалось оружіемъ возстановить порядокъ въ Испаніи. Это было первое довѣріе, оказанное Бурбонамъ послѣ ихъ воцаренія союзниками.

Что касается дѣлъ турецкихъ, то на конгрессѣ не пришли къ опредѣленному рѣшенію, а относительно грековъ Англія, въ лицѣ Каннинга (Canning), не замедлила занять то положеніе, которое до этого принадлежало Россіи, и съ этого момента Англія не переставала оказывать протекцію грекамъ и вліять также въ Константинополѣ въ желанномъ для нея смыслѣ. Всѣ, бывшіе въ Веронѣ на конгрессѣ, замѣтили ту перемѣну, которая произошла въ характерѣ Русскаго монарха. По этому поводу толковали на всѣ лады и дипломаты, и сановники, а многіе изъ нихъ занесли свои впечатлѣнія въ изданные потомъ мемуары.

То лицо, съ которымъ Александръ наиболѣе сблизился въ Веронѣ, былъ, несомнѣнно, Меттернихъ. Ему любовно и довѣрчиво Благословенный передавалъ веденіе европейскихъ дѣлъ на принципахъ, основанныхъ Священнымъ союзомъ. Такимъ образомъ, единовременно, усталый побѣдитель Наполеона вручалъ бразды внутренняго управленія Россіей Аракчееву, а внѣшнюю политику отдавалъ на попеченіе Меттерниха. Вотъ къ чему привели при-

ступы меланхоліи, какъ результаты занятій съ разными экзальтированными проповѣдниками, мистиками, неуравновѣшенными лицами женскаго пола и всякими духовными мечтателями!

Князь Меттернихъ записалъ въ своихъ воспоминаніяхъ почти всѣ разговоры съ Русскимъ Императоромъ за Веронскіе дни. Они поучительны, правдивы и доказываютъ лишь наблюдательность тонкаго австрійскаго дипломата. Извѣстная формула, примѣненная въ то время къ душевному состоянію Александра, „утомленіе жизнью", была также утверждена въ понятіяхъ Меттерниха и занесена имъ торжественно на скрижали исторіи.

Другой политическій дѣятель, историкъ и литераторъ, извѣстный французъ Шатобріанъ (Chateaubriand), прахъ котораго покоится на скалѣ надъ моремъ въ Сенъ-Мало, тоже изощрялъ свое перо для распознанія личности симпатичнаго повелителя Россіи. Онъ даже посвятилъ особую книгу: „Le congrès de Vérone", гдѣ съ восторгомъ повѣствуетъ о бесѣдахъ своихъ съ Императоромъ Александромъ и дѣлаетъ рядъ фантастическихъ заключеній по поводу характера нашего Государя. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя фразы изъ разговоровъ его съ Александромъ даютъ вѣрную ноту того духовно-политическаго сумбура, въ которомъ, къ сожалѣнію, пребывалъ Русскій Царь. Его Величество сказывалъ Шатобріану: „Il ne peut plus y avoir de politique anglaise, française, russe, prussienne, autrichienne; il n'y a plus qu'une politique générale, qui doit, pour le salut de tous, être admise en commun par les peuples et par les rois.

„C'est à moi à me montrer le premier convaincu des principes sur lesquels j'ai fondé l'alliance. Une occasion s'est présentée: le soulèvement de la Grèce. Rien, sans doute, ne paraissait être plus dans mes intérêts, dans ceux de mes peuples, dans l'opinion de mon pays, qu'une guerre religieuse avec la Turquie; mais j'ai cru remarquer dans les troubles du Péloponèse le signe révolutionnaire. Dès lors, je me suis abstenu. Que n'a-t-on pas fait pour rompre l'alliance?

On a cherché tour à tour à me donner des préventions et à blesser mon amour-propre; on m'a outragé ouvertement. On me connaissait bien mal si on a cru que mes principes ne tenaient qu'à des vanités ou pouvaient céder à des ressentiments. Non, je ne me séparerai jamais des monarques auxquels je suis uni. Il doit être permis aux rois d'avoir des alliances publiques pour se défendre contre les sociétés secrètes. Qu'est-ce qui pourrait me tenter? Qu'ai-je besoin d'accroître mon empire? La Providence n'a pas mis à mes ordres huit cent mille soldats pour satisfaire mon ambition, mais pour protéger la religion, la morale et la justice, et pour faire régner les principes d'ordre sur lesquels repose la société humaine".

Слѣдовательно, въ греческомъ вопросѣ страхъ передъ революціей и тайными обществами затмилъ въ Александрѣ всѣ благія намѣренія и чувство справедливости, всѣ интересы Россіи и его личные, лишь бы не нарушились принципы Священнаго союза. Такая теорія врядъ ли можетъ выдержать критику, она только свидѣтельствуетъ наглядно, до чего могло дойти затменіе Русскаго Императора, говорившаго открыто, что „мнѣ надлежитъ, какъ основателю Священнаго союза, показать примѣръ примѣненія на практикѣ его принциповъ".

Роковые Веронскіе дни закончились посѣщеніемъ Венеціи; страшные холода неожиданно посѣтили тогда Италію, и въ декабрѣ Александръ Павловичъ, опять чрезъ Тироль, предпринялъ обратный путь на родину; посѣтивъ сестру, великую княгиню Марію Павловну, въ Пильзенѣ, Государь чрезъ Варшаву вернулся, наконецъ, въ Царское Село 20 января 1823 года.

Теперь мы разсмотримъ то злосчастное время, получившее именованіе аракчеевщины, которое составляетъ самую печальную страницу двадцатичетырехлѣтняго царствованія Александра I. Покойный Пыпинъ въ нѣсколькихъ строкахъ такъ характеризовалъ это время: „... Наступали послѣдніе годы царствованія Императора Александра, печальные годы, въ которые должны

были мало-по-малу разрушиться всѣ надежды, какія возникали и отъ начала царствованія, и отъ временъ національныхъ войнъ, и могли уцѣлѣть. Теперь уже едва ли кто ожидалъ широкихъ благотворныхъ реформъ, едва ли кто надѣялся на исправленіе государственнаго зданія. Очевидно становилось, что старые порядки возрождаются съ прежней силой, не опасаясь болѣе никакихъ либеральныхъ нововведеній. Императоръ Александръ не выдержалъ тѣхъ принциповъ, въ которые нѣкогда вѣрилъ. Мистическій піэтизмъ проложилъ въ его умѣ дорогу къ совершенной реакціи; онъ сталъ считать своимъ долгомъ поддерживать патріархальный абсолютизмъ и защищать отъ воображаемыхъ опасностей алтари и престолы. Всѣ дурныя стороны прошедшаго, олицетворявшіяся въ Аракчеевѣ, поддерживали въ немъ извѣстный эгоизмъ власти, который долженъ былъ окончательно подавить прежнія лучшія намѣренія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ наскучалъ правленіемъ, которое при всемъ могуществѣ власти было безсильно противъ безпорядка, злоупотребленій и произвола, своими размѣрами напоминавшихъ давнопрошедшія времена. Нѣтъ сомнѣнія, что Александръ самъ страдалъ отъ того противорѣчія, въ которое его все больше и больше увлекало безсиліе воли и недостатокъ вниманія къ дѣйствительному положенію вещей" *).

Еще до отъѣзда Государя на конгрессъ въ Верону, 1 августа 1822 года послѣдовалъ рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, князя Кочубея, гласящій: „Всѣ тайныя общества, подъ какимъ бы наименованіемъ они ни существовали, какъ-то, масонскихъ ложъ или другими, закрыть, и учрежденія ихъ впредь не дозволять, а всѣхъ членовъ сихъ обществъ обязать подписками, что они впредь, ни подъ какимъ видомъ, ни масонскихъ, ни другихъ тайныхъ обществъ, ни внутри Имперіи, ни внѣ ея, составлять не будутъ".

*) См. „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ" А. Н. Пыпина, 1890 г., стр. 430 и 431.

Эта мѣра на дѣлѣ врядъ ли была дѣйствительна и, можетъ-быть, только отчасти отразилась на масонскихъ ложахъ; что же касается разныхъ обществъ, и именно тайныхъ, то они продолжали существовать и мало-по-малу начали принимать политическій характеръ. Но самый фактъ опубликованія такого рескрипта возбудилъ надежды всѣхъ тѣхъ, которые возмущались дѣятельностью князя А. Н. Голицына, Кошелева, разныхъ другихъ мистиковъ и проповѣдниковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, и всѣ враги ихъ встрепенулись. Во главѣ интриги сталъ архимандритъ Фотій, сумѣвшій переманить на свою сторону Петербургскаго митрополита Серафима, а также заручиться поддержкой Аракчеева. Хотя сломать шею князю Голицыну было не такъ легко, но подорвать его вліяніе удалось сравнительно быстро, потому что расположеніе къ нему Александра начало замѣтно ослабѣвать. Наивный и набожный князь Александръ Николаевичъ попалъ на удочку и благодушно содѣйствовалъ устройству аудіенціи для Фотія у Государя, которая была дана 5 іюня того же года, а 26 августа уже послѣдовало назначеніе Фотія настоятелемъ Новгородскаго Юрьева монастыря. Несомнѣнно, что рескриптъ 1 августа былъ написанъ подъ вліяніемъ Фотія, и въ тотъ же день онъ получилъ награду — алмазный крестъ, торжественно возложенный на него митрополитомъ Серафимомъ во время богослуженія въ церкви Петропавловской крѣпости. Послѣ возвращенія Александра Павловича изъ-за границы въ 1823 году, Фотій не переставалъ быть въ сношеніяхъ съ Государемъ, чему содѣйствовали графиня Анна Орлова, вдова Державина, старикъ Шишковъ, а также и Магницкій, дѣйствовавшій за кулисами чрезъ Аракчеева.

Интрига была мастерски подготовлена. Весною 1824 года Фотій написалъ Государю два очень рѣзкія посланія. Въ одномъ изъ нихъ говорилось, что „въ наше время о многихъ книгахъ сказуется и многими обществами и частными людьми возвѣщается

о какой-то *новой религіи,* яко бы предоставленной для послѣднихъ временъ. Сія новая религія, проповѣдуемая въ разныхъ видахъ, то подъ видомъ новаго свѣта, то новаго ученія, то пришествія Христа въ Духѣ, то соединенія церквей, то подъ видомъ какого-то обновленія и яко-бы Христова тысячелѣтняго царствованія, то внушаемая подъ видомъ какой-то новой истины, есть *отступленіе* отъ вѣры Божіей, апостольской, отеческой, православной. Эта новая религія есть вѣра въ грядущаго антихриста, двигающая революціею, жаждущая кровопролитія, исполненная духа сатанина. Ложные пророки ея и апостолы Юнгъ-Штиллингъ, Эккартсгаузенъ, Гіонъ, Бемъ, Лабзинъ, Госнеръ, Феслеръ, методисты, гернгутеры". Далѣе идетъ воззваніе къ царю: „Да воскреснетъ Богъ и десницею твоею и духомъ, на тебѣ сущимъ, да расточатся враги Бога отцовъ нашихъ и да изсчезнутъ со всѣми ложными ученіями отъ лица земли нашея" *). Какъ это ни странно, но Государь отнесся благосклонно къ Фотіевскому посланію, несмотря на то, что въ немъ сквозила критика всѣхъ его недавнихъ друзей и лицъ, пользовавшихся его покровительствомъ. Вѣроятно, ссылка на революціонное движеніе произвела наибольшее впечатлѣніе. Почти одновременно появилась въ русскомъ переводѣ книга нѣмецкаго моднаго проповѣдника Госнера: „Geist des Lebens und der Lehre Jesu Christi in Betrachtungen und Bemerkungen über das ganze Neue Testament". До свѣдѣнія Государя дошло о вредномъ направленіи этой книги, а митрополитъ Серафимъ лично доложилъ 17 апрѣля 1824 года о вредѣ Госнеровскаго произведенія Его Величеству. Государь передалъ книгу на разсмотрѣніе Комитета министровъ, а Комитетъ поручилъ Шишкову и В. С. Ланскому подробно ознакомиться съ ея содержаніемъ.

---

*) См. И. А. Чистовичъ: „Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи". С.-Петербургъ, 1891 годъ.

20 апрѣля Александръ принялъ архимандрита Фотія, которому было повелѣно: „Явиться съ секретнаго входа и тайной лѣстницею въ кабинетъ къ Государю, дабы сіе не было всѣмъ гласно". Бесѣда ихъ продолжалась три часа, а 7 мая Фотій послалъ свое второе посланіе съ титуломъ: „Дѣло Божіе всецѣло исправи" и „Планъ революціи, обнародываемый тайно, или тайна беззаконія, дѣлаемая тайнымъ обществомъ въ Россіи и вездѣ". Результатомъ всего этого было паденіе князя А. Н. Голицына, послѣдовавшее 15 мая 1824 года; ему оставлено лишь завѣдываніе почтовымъ вѣдомствомъ, что скорѣе было насмѣшкой, чѣмъ утѣшеніемъ, при полной потерѣ вліянія и почетныхъ должностей. Не довольствуясь уходомъ Голицына, Фотій и Аракчеевъ повели аттаку на Библейское общество; имъ содѣйствовали Шишковъ, замѣнившій Голицына въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія, и митрополитъ Серафимъ. Но, несмотря на всѣ ихъ выпады, Александръ не далъ согласія на закрытіе Библейскаго общества, а только утвердилъ представленіе о пріостановленіи выпуска краткихъ катихизисовъ. Фотій съ своей стороны представилъ Государю записку: „О дѣйствіяхъ тайныхъ обществъ въ Россіи чрезъ Библейское общество". Все это, вмѣстѣ взятое, должно было волновать тревожную душу Александра; онъ сознавалъ всю передержку въ обвиненіяхъ, направленныхъ на своего друга дѣтства и того человѣка, съ кѣмъ онъ читалъ священное писаніе, но утомленіе жизнью было столь велико, что онъ болѣе не чувствовалъ силы бороться и уступалъ. Но, какъ всегда, уступая, онъ пощадилъ Библейское общество, а также не прекращалъ отношеній съ Голицынымъ, продолжая съ нимъ видѣться, хотя и рѣже, чѣмъ раньше. Этимъ нравственнымъ упадкомъ силъ и энергіи пользовались Аракчеевъ и его разные низкопоклонные избранники; а Государь почти всегда соглашался съ мнѣніемъ Алексѣя Андреевича и дозволялъ ему приводить въ исполненіе разныя мѣропріятія, которымъ онъ едва-ли сочувствовалъ, а также и назначать мини-

стровъ, которые почти всѣ перемѣнились за послѣдніе годы царствованія и были обязаны своимъ выборомъ исключительно вліянію графа Аракчеева, какъ вѣрные его клевреты. Такъ послѣдовательно были назначены: министромъ внутреннихъ дѣлъ бездарнѣйшій нѣмецкій чиновникъ баронъ Б. Б. Кампенгаузенъ, замѣнившій графа В. П. Кочубея; военнымъ министромъ А. И. Татищевъ, отличавшійся лишь отсутствіемъ всякихъ способностей и своей тучностью; вмѣсто князя П. М. Волконскаго, былъ сдѣланъ начальникомъ главнаго штаба Его Величества пруссакъ Дибичъ, давно уже заискивавшій аракчеевскихъ милостей. Вмѣсто умнаго, дѣловитаго и способнаго А. А. Закревскаго *), получившаго постъ Финляндскаго генералъ-губернатора, былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ безличный и ничѣмъ себя не проявившій генералъ Потаповъ; адмиралъ Шишковъ, дряхлый и разочарованный, сталъ неожиданно министромъ народнаго просвѣщенія; наконецъ, еще нѣмецъ Канкринъ, получилъ, вмѣсто графа Гурьева, портфель министра финансовъ и оказался, случайно, вполнѣ на мѣстѣ, чѣмъ основательно гордился его покровитель, Аракчеевъ. Кампенгаузенъ оставался министромъ всего нѣсколько мѣсяцевъ: онъ умеръ вслѣдствіе ушибовъ, полученныхъ при паденіи изъ кареты, а на его мѣсто назначенъ малозначащій В. С. Ланской, знакомый хорошо съ польскими дѣлами по службѣ въ Польшѣ, но вовсе не подготовленный управлять дѣлами Россіи. Викторъ Павловичъ Кочубей сошелъ со сцены въ 1823 году, еще до назначенія Кампенгаузена, предпочтя покой въ Диканькѣ труднымъ занятіямъ по министерству, судьбы котораго зависѣли больше отъ прихоти

*) Князь П. М. Волконскій писалъ А. Закревскому 23 сентября 1823 г., по поводу его ухода: „Вчера получилъ я приказъ 30 августа, который меня совершенно поразилъ вашимъ назначеніемъ въ Финляндію. Такое удаленіе изъ столь важнаго мѣста, безъ малѣйшаго предваренія главнаго начальника (т.-е. самого Волконскаго), ясно мнѣ доказываетъ, что всячески ищутъ и желаютъ отъ него избавиться; но вы спросите меня, за что? Право, не знаю, можетъ-быть, за излишнее усердіе, Богу одному извѣстно....“

Аракчеева, чѣмъ отъ какихъ-либо указаній со стороны Императора. Но даже богатый и самостоятельный Кочубей подчасъ заискивалъ у Аракчеева, что не говоритъ въ его пользу, а налагаетъ тѣнь на память этого симпатичнаго государственнаго дѣятеля, сумѣвшаго во̀-время оцѣнить дарованіе Сперанскаго.

Такъ, 17 мая 1823 года графъ Кочубей написалъ Аракчееву слѣдующаго рода письмо: „Сколько ни уклонялся я всегда безпокоить кого бы то ни было просьбами моими, но, въ надеждѣ на снисхожденіе вашего сіятельства ко мнѣ, рѣшаюсь нынѣ обратиться къ вамъ съ таковою. Въ продолженіе почти четырехлѣтняго управленія моего Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ, чиновники онаго не получали наградъ. Сіе ставитъ меня въ непріятное положеніе. На меня жалуются, и жалуются справедливо, ибо дѣлаютъ сравненіе. Многіе чиновники вышли и выходятъ; а между тѣмъ должно, однакожъ, сказать правду, трудовъ ихъ не меньше другихъ. Представленія мои, Комитету Министровъ въ 1821 году сдѣланныя, разсмотрѣны, и ваше сіятельство лично величайшее одолженіе окажете, если изволите ускорить испрошеніемъ Высочайшаго разрѣшенія. Въ горестной участи, Всевышнимъ Промысломъ мнѣ предопредѣленной, мнѣ нужны нѣкоторыя утѣшенія, и я найду особенное удовольствіе и въ семъ отношеніи быть вашему сіятельству обязаннымъ“. —Конечно, по тону это письмо болѣе сдержанно, чѣмъ письма другихъ государственныхъ дѣятелей Александровской эпохи, но все же и въ немъ замѣтно низкопоклонство, которымъ особенно отличались нѣмцы, состоявшіе на русской службѣ. Влеченіе Императора Александра къ иностранцамъ, вообще, и въ частности къ нѣмцамъ, было извѣстно и сказывалось во всѣ годы царствованія. Такъ, въ числѣ лицъ, болѣе приближенныхъ, въ качествѣ генералъ-адъютантовъ были назначены: нѣмецъ изъ Гессена Винцингероде (дважды, такъ какъ онъ выходилъ въ отставку); пруссакъ Дибичъ; остзейцы: графы Бенкендорфъ и Толь, бароны Корфъ, Розенъ и Меллеръ-Закомельскій; кор-

сиканецъ Поццо-ди-Борго; два сардинца: маркизъ Паулуччи и графъ Мишо, и три француза: графъ Сенъ-При, графъ Ламбертъ и Жомини (уроженецъ Швейцаріи, принявшій французское подданство). Въ виду того, что за все время правленія было назначено 45 генералъ-адъютантовъ, иностранцы заняли весьма почетное мѣсто (13 на 45). Военнымъ изъ русскихъ это пристрастіе не нравилось. Хотя не роптали, но критиковали многіе. Группа любителей всего исключительно русскаго состояла изъ такихъ лицъ, какъ Ермоловъ, Закревскій и графъ М. С. Воронцовъ. Къ нимъ примыкали другіе, а именно: князь П. М. Волконскій, Н. Н. Раевскій, Д. Давыдовъ, П. Киселевъ, братья Вельяминовы, Сабанѣевъ, Рудзевичъ, и еще другіе. Изъ переписки между этими лицами, на каждомъ шагу, видны критика и порицаніе какъ Александра, такъ и всесильнаго Аракчеева, за ихъ особое покровительство нѣмцамъ. Ермоловъ писалъ изъ Тифлиса, 8 іюня 1823 года, Закревскому: „.... Весьма искусно развели Толя съ Дибичемъ, но лучше еще, что дали ему званіе генералъ-адъютанта, ибо по крайней мѣрѣ будетъ онъ себѣ подобныхъ болѣе уважать и во дворцѣ воздержится ругаться непристойно. Хорошо замѣнили и Желтухина. Нейдгардтъ, точно, офицеръ отличный и понравиться умѣетъ не менѣе предмѣстника, имѣя, сверхъ того, ту неоцѣненную выгоду, что онъ нѣмецъ и любимецъ Дибича. Теперь только прочнымъ образомъ основалось „царство нѣмцевъ, и, конечно, попользуются они случаемъ“. Денисъ Давыдовъ писалъ тому же Закревскому: „Наконецъ, я свободенъ: учебный шагъ, ружейные пріемы, стойка, размѣръ пуговицъ изгоняются изъ головы моей! Шварцы, Гурки и Нейдгардты, торжествуйте, я не срамлю вашего сословія! Слава Богу, я свободенъ! Еще не задохся, теперь я на чистомъ воздухѣ!“

И, дѣйствительно, если взять списки генераловъ двадцатыхъ годовъ, то въ нихъ пестрятъ фамиліи разныхъ Паленовъ, Эссеновъ, Гельфрейховъ, Ротовъ, Шварцевъ, Нейдгардтовъ, Розеновъ,

Корфовъ, Кноррринговъ, Оппермановъ, Бистромовъ, Пейкеровъ, Ольдекоповъ, Штейнгелей, Крейцовъ и т. д. Они получали и полки, и бригады, дивизіи и корпуса; отличались строгостью, любили фронтовыя упражненія и нерѣдко попадали въ сотрудники Аракчеева по службѣ въ военныхъ поселеніяхъ, которыя восхваляли на всѣ лады. Два вышеприведенныхъ письма наглядно показываютъ отношеніе такихъ людей, какъ Ермоловъ *) и Д. Давыдовъ, къ „царству нѣмцевъ", и нельзя не подивиться такому пристрастію со стороны Александра Павловича. Что же касается Аракчеева, то онъ и не скрывалъ своихъ вкусовъ и своего увлеченія прусскими порядками, а въ Грузинѣ и понынѣ красуются разные богатые подарки, полученные имъ отъ короля Фридриха-Вильгельма III за оказанныя королю услуги. Въ арміи же сѣтовали на то, что нѣмцамъ давали предпочтеніе и что ихъ осыпали наградами гораздо болѣе щедро, чѣмъ русскихъ. То же было и при назначеніяхъ въ гвардію.

Еще 30 марта 1820 года Закревскій писалъ Киселеву: „Посылаю тебѣ три Высочайшіе приказа съ 11 числа; изъ приказа 19 увидишь порядочное производство въ генералы; не знаю, куда мы ихъ готовимъ и что съ ними будемъ дѣлать.

„Признаться тебѣ долженъ, что не понимаю нынѣшняго назначенія полковыхъ командировъ въ гвардію: въ Семеновскій — Шварца, въ Преображенскій — Пирха, въ Измайловскій — Мартынова, въ Московскій Фридерикса, а въ Лейбъ-Гренадерскій — Стюрлера. Я говорилъ о семъ Васильчикову, и онъ мнѣ ничего не могъ отвѣтить, кромѣ, что Государю такъ угодно".

Наконецъ, удаленіе стариннаго слуги Государя, князя Петра Михайловича Волконскаго, и замѣна его въ роли начальника главнаго штаба Дибичемъ ясно указывали на новый курсъ и на измѣнившееся теченіе касательно военныхъ вопросовъ въ умѣ

---

*) Еще въ 1814 году Ермоловъ писалъ М. С. Воронцову: „.... Не понимаю, почему не должны покидать меня всѣ непріятности и оскорбленія. Проклятая нѣмецкая шайка меня вся ненавидитъ, и я, безъ сумлѣнія, не уклонюсь отъ безпрерывныхъ обидъ".

Императора. Назначеніе Дибича состоялось 30 апрѣля 1823 года. Шильдеръ, по обыкновенію, подробно излагаетъ всю исторію паденія князя Волконскаго исключительно словами Михайловскаго-Данилевскаго. Онъ развязно повѣствуетъ въ своихъ запискахъ, что князь Петръ Михайловичъ удалился вслѣдствіе недоразумѣнія изъ-за сокращенія военной смѣты. „Онъ занимался симъ предметомъ нѣкоторое время съ директорами разныхъ департаментовъ военнаго управленія и нашелъ, что можно убавить на 800/т. рублей требуемое количество; но такъ какъ сіе показалось мало значущимъ Императору, то Его Величество передалъ это дѣло графу Аракчееву, который, призвавъ къ себѣ генералъ-кригсъ-комиссара Татищева, работалъ съ нимъ 5 дней и сбавилъ изъ смѣты 18 милліоновъ. Когда Государь о семъ узналъ, то сказалъ князю Волконскому, что „послѣ сего онъ видитъ, что князь окруженъ или дураками, или плутами, которые или не умѣли, или не хотѣли найти средствъ сбавить смѣты". Сей упрекъ заставилъ князя ѣхать въ отпускъ, а Татищева сдѣлали военнымъ министромъ".

Причина, выставленная Михайловскимъ-Данилевскимъ весьма далека отъ истины, и мы приведемъ выдержки изъ писемъ князя П. М. Волконскаго къ Закревскому, которыя опредѣленно указываютъ на то, что, при возрастающемъ вліяніи Аракчеева, князь находилъ для себя болѣе невозможнымъ продолжать свою многолѣтнюю работу.

3 октября 1823 года, изъ Парижа, князь Волконскій писалъ:

„...... Прощайте, любезный другъ, пишите ко мнѣ почаще, черезъ Булгакова, или по оказіи, ибо, навѣрное, наши письма распечатываютъ на почтѣ; хотя Булгаковъ намъ и пріятель, но обязанность его и, вѣроятно, приказанія сіе дѣлать заставляютъ. Впрочемъ, у кого совѣсть чиста, тотъ покоенъ и ничего не боится. Сожалѣю только о томъ, что современемъ, конечно, Государь узнаетъ всѣ *неистовства злодья* (Аракчеева), коихъ честному человѣку переносить нельзя, открыть же ихъ—нѣтъ

возможности по непонятному ослѣпленію его къ нему; между тѣмъ растеряетъ много честныхъ людей, и возстановятся прежніе лихоимство и безпорядокъ въ ходѣ дѣла".

Въ этихъ строкахъ, во-первыхъ, поражаетъ тотъ фактъ, что самъ ежедневный сотрудникъ Государя въ теченіе столькихъ лѣтъ убѣжденъ, что его письма вскрываются и читаются на почтѣ, а слова: „вѣроятно, приказанія" даютъ поводъ думать, что это дѣлалось по повелѣнію Его Величества. Во-вторыхъ, Волконскій немилосердно и вполнѣ сознательно бичуетъ Аракчеева, заклеймивъ его дѣянія выраженіемъ „неистовства злодѣя", и подтверждаетъ недвусмысленно, что ослѣпленіе къ этому человѣку „непонятное" и что „нѣтъ возможности" открыть глаза Государю. Въ устахъ князя Петра Михайловича такое заявленіе весьма важно, потому что никто изъ окружающихъ не былъ такъ близокъ къ Александру, какъ именно Волконскій. Между тѣмъ и онъ ошибся, предполагая, что „Государь современемъ все узнаетъ", напротивъ того, все такъ и осталось до кончины Императора въ Таганрогѣ.

Въ другомъ письмѣ князь Волконскій возвращается къ вопросу о своемъ уходѣ и сообщаетъ Закревскому интересное разсужденіе на эту тему (3 ноября 1823 г.): „...... Вы пишете и просите, чтобы я возвратился, но зачѣмъ? чтобы совершенно себя убить, ибо до сихъ поръ не могу поправить своего здоровья; къ тому же весьма непріятно видѣть, что всѣ мои труды пропали даромъ. Устройство, которое стоило мнѣ здоровья, все разрушено, надобно снова знакомиться съ чиновниками, работать, какъ лошадь, не имѣя довѣренности ни къ военному министру (Татищеву), ни къ дежурному генералу (Потапову), на коихъ лежитъ основаніе всего штаба, заниматься каждой бездѣлицей самому, къ тому же еще быть задавлену побочными дѣлами и не имѣть нисколько времени для себя. Вы признаетесь, что никому не можетъ быть пріятна сія жизнь. Вы говорите, что Государь и соотечественники увидятъ, сколько я жертвую собою. Я весьма сожалѣю, ежели въ 27 лѣтъ,

что я былъ при Его Величествѣ, сего еще не замѣтили, ибо, кажется, во все сіе время довольно было случаевъ, гдѣ я жертвовалъ жизнью и здоровьемъ, не говоря уже о состояніи, о которомъ никогда и не помышлялъ. Теперь же нахожу даже безчестнымъ занимать мѣсто такое, котораго труды здоровье мое не позволяетъ мнѣ переносить“ ..... *). Очень вѣроятно, что Александру Павловичу было тяжело разстаться съ другомъ, принесеннымъ въ жертву въ угоду Аракчееву.

Говорятъ, что передъ отъѣздомъ князя въ Парижъ, Государь особенно приласкалъ Петра Михайловича и наканунѣ его выѣзда изъ Петербурга провелъ съ нимъ въ бесѣдѣ весь вечеръ, до трехъ часовъ утра. Жаль, что князь Волконскій не оставилъ воспоминаній, гдѣ бы подробно изложилъ это свиданіе, но письма князя достаточно ясно рисуютъ тогдашнія положеніе и обстановку. Такъ, на протяженіи одного года, Императоръ Александръ рѣшился разстаться и съ княземъ Волконскимъ, и съ княземъ Голицынымъ, конечно, не прерывая съ ними частныхъ отношеній, но удаливъ отъ участія въ дѣлахъ. Петру Михайловичу пришлось, однако, быть свидѣтелемъ кончины обожаемаго имъ монарха, а также и его супруги.

Вотъ когда явилась потребность въ постоянныхъ передвиженіяхъ и вояжахъ, для успокоенія безотраднаго душевнаго состоянія и гнёта разочарованія. Хроникеромъ этихъ путешествій, медикомъ Тарасовымъ, занесены интересныя подробности странствованій по Россіи. Цѣлая половина 1823 года прошла въ такого рода поѣздкахъ, а до этого еще дважды Государь посѣтилъ Грузино. 16 августа онъ покинулъ Царское Село, направляясь на Москву, черезъ Ижору, Тихвинъ, Мологу, Рыбинскъ, Ярославль и Ростовъ Великій. Здѣсь онъ долго молился у гроба

---

*) Въ 1823 году князь Волконскій страдалъ только отъ чиріевъ; никакихъ болѣзней не имѣлъ, кромѣ горечи потери довѣрія у Государя, и жилъ до 1852 года, скончавшись министромъ двора Императора Николая I, въ Петергофѣ.

Димитрія Ростовскаго, а затѣмъ посѣтилъ монаха о. Амфилохія и настоятеля Иннокентія, съ которыми провелъ наединѣ нѣсколько часовъ въ оживленной бесѣдѣ. Въ Москвѣ Его Величество пробылъ недолго, жилъ въ Кремлѣ, производилъ смотры, посѣщалъ госпитали и больницы, и осчастливилъ своимъ присутствіемъ балъ въ Благородномъ собраніи. Покинувъ Москву, прожилъ три дня въ Орлѣ, гдѣ продолжались смотры войскамъ; потомъ чрезъ Брянскъ проѣхалъ въ военныя поселенія въ Засельѣ, Могилевской губерніи, гдѣ флигель-адъютантъ Клейнмихель встрѣтилъ Государя и показывалъ ему всѣ новшества, произведенныя здѣсь, на очень песчаной и неприглядной мѣстности. Врачъ Тарасовъ дѣлаетъ такого рода замѣчаніе объ этомъ посѣщеніи: „Здѣсь повсюду видна твердость воли графа Аракчеева — основателя военныхъ поселеній. Въ короткое время здѣсь воздвигнуты огромныя зданія, въ коихъ помѣщаются штабы полковъ, лазареты и дома для полковыхъ и батальонныхъ командировъ. На воздвигнутыхъ зданіяхъ и на поляхъ виденъ отпечатокъ: „Improbus labor omnia vincit“. Это путешествіе ознаменовалось рядомъ маленькихъ приключеній: на одномъ изъ смотровъ близъ Брестъ-Литовска лошадь одного польскаго офицера ударила въ ногу Государя, отъ боли онъ довольно долго страдалъ; фельдмаршалъ князь Витгенштейнъ, при паденіи съ лошади, вывихнулъ руку; наконецъ, тяжко заболѣлъ лейбъ-медикъ Вилліе и долгое время былъ почти при смерти. Смотрами подъ Брестъ-Литовскомъ Государь остался доволенъ и оттуда направился въ Волынскую губернію, Каменецъ-Подольскъ, Хотинъ и на австрійскую границу, въ мѣстечко Черновицы. Тутъ оставался два дня въ сообществѣ императора Франца, 25 и 26 сентября, съ которымъ обсуждалъ разные политическіе вопросы, но безъ князя Меттерниха, оставшагося больнымъ въ Вѣнѣ. Но и безъ его присутствія, все было рѣшено согласно его планамъ, а именно Александръ обѣщалъ возобновить отношенія съ Турціей, такъ какъ турки вывели

войска изъ Придунайскихъ княжествъ, а этимъ миръ становился обезпеченнымъ еще на нѣкоторое время на Балканахъ, несмотря на то, что греческій вопросъ ни на іоту не подвинулся впередъ. Тѣмъ не менѣе, Россія обязалась не вмѣшиваться вооруженно въ греческія дѣла, а этого только и добивался австрійскій канцлеръ.

27 сентября Его Величество отбылъ въ Бессарабію и переправился черезъ Днѣстръ въ Могилевъ, гдѣ остановился въ домѣ мѣстнаго богача-еврея, а оттуда поѣхалъ въ Тульчинъ. Здѣсь Государь пробылъ нѣсколько дней для подробнаго обзора 2-й арміи, которой въ общемъ остался отмѣнно доволенъ, кромѣ 15 дивизіи Михаила Орлова, пробывшей долгое время во Франціи, въ составѣ оккупаціоннаго корпуса. Императоръ нашелъ духъ чиновъ этой дивизіи неподходящимъ, отсутствіе фронтовой выправки, упадокъ дисциплины и не скрылъ своего неудовольствія. Причины тому были доносы, говорившіе о революціонномъ направленіи офицерства, что и подтвердилось позже, когда многіе изъ чиновъ этой дивизіи были замѣшаны въ заговорѣ 14 декабря 1825 года, и во главѣ ихъ самъ М. Ѳ. Орловъ. Но въ общемъ — Александръ Павловичъ остался доволенъ состояніемъ 2-й арміи, что и выразилось въ назначеніи Киселева, начальника штаба этой арміи, генералъ-адъютантомъ. Впечатлѣніе, сдѣланное царскимъ пребываніемъ на войска, было тоже отличное, что наглядно выражено въ одномъ изъ писемъ Киселева къ Закревскому (напечатано у Шильдера). Конецъ этого письма обращаетъ на себя вниманіе: „Государь обѣдалъ посреди 65.000 человѣкъ, которые тоже обѣдали и пили за здоровіе монарха съ непринужденными восклицаніями, и коихъ чистосердечіе и пылкость вызвали слезы радости изъ глазъ Его Величества. Вотъ плоды нѣсколько настоятельнаго нрава моего, который со всѣхъ сторонъ и всѣми былъ столь часто и столь много обезохоченъ. Всѣ раздѣляли радость общаго торжества, и всѣ, кажется, забыли, что большая изъ нихъ часть противилась пять лѣтъ тѣмъ введеніямъ,

которыя возвели армію на степень отличной“. Такіе люди, какъ Киселевъ, были немногочисленны, и Государь умѣлъ цѣнить характеръ и способности Павла Дмитріевича, не только цѣнить, но и отличать, несмотря на самостоятельность личности Киселева и его враждебное отношеніе къ дѣйствіямъ Аракчеева. Отмѣчаемъ снова эту черту характера Императора Александра, проблески которой обнаруживались и въ тѣ годы, когда утомленіе жизнью и маразмъ уже омрачили дѣятельность Государя, отдавшагося всецѣло прихотямъ Грузинскаго временщика. А между тѣмъ еще бывали моменты, когда Александръ умѣлъ отдавать должное, возвышать и довѣрять людямъ независимымъ и талантливымъ, какъ Киселевъ, Закревскій, Ермоловъ и графъ М. С. Воронцовъ, назначенный въ томъ же году Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. Но эти минуты отрезвленія были кратковременны и преходящи, чутье подсказывало поддерживать и отличать достойныхъ дѣятелей, но болѣе не хватало воли ознаменовать свое расположеніе на практикѣ, и все снова погружалось въ тотъ мракъ аракчеевщины, который оставилъ столь тяжелый отпечатокъ на послѣднихъ годахъ правленія.

Осмотрѣвъ еще часть военныхъ поселеній, Императоръ посѣтилъ крѣпость Замостье, гдѣ ему представилась блестящая конница польскихъ войскъ, послѣ чего послѣдовало возвращеніе въ Царское Село (3 ноября 1823 г.). Здѣсь ожидала его съ нетерпѣніемъ спутница его жизни, Императрица Елисавета, сближеніе съ которой начало обнаруживаться съ начала двадцатыхъ годовъ и шло, повышаясь, до скорбной развязки въ Таганрогѣ.

Въ небольшіе промежутки времени, между частыми путешествіями за границу и по Россіи, Государь сталъ любовно относиться къ заброшенной имъ супругѣ. Вниманію Александра къ нервной, больной и впечатлительной Елисаветѣ не было предѣловъ; онъ всячески старался приласкать и утѣшить ее въ различныхъ печальныхъ случаяхъ, происшедшихъ за послѣднее время въ Баденской семьѣ, и особенно, когда скончалась любимая сестра

Императрицы, принцесса Амалія, такъ долго проживавшая при русскомъ дворѣ. Елисавета была весьма чувствительна къ такимъ проявленіямъ нѣжности своего супруга, котораго она не переставала обожать и считать кумиромъ. И въ эти недѣли кратковременныхъ пребываній Государя въ столицѣ, на Каменномъ островѣ и, особенно, въ Царскомъ Селѣ, и Александръ, и Елисавета снова сходились и привыкали другъ къ другу, изъясняясь съ полной откровенностью о всѣхъ злобахъ дня и о давнишнихъ воспоминаніяхъ, откровенно говоря о всемъ томъ, что могло въ былое время тревожить ихъ чуткія сердца. Письма Императрицы къ маркграфинѣ матери носятъ отпечатокъ этихъ свиданій. Иногда просвѣчиваютъ жгучая боль и всегдашнее неудовлетвореніе судьбой у Государыни. Какъ трогательны эти немногія слова письмеца, написанныя изъ Каменноостровскаго дворца матери, во время пребыванія Александра, въ 1823 году, въ Москвѣ: „....J'ai eu aussi une lettre de l'Empereur de Moscou, qui s'y est beaucoup plu pendant le peu de jours qu'il y a passé et me dit *qu'il m'y avait désirée*. Hélas! je n'aurais pas demandé mieux, et c'eût été bien facile!...“ Это, что-то недосказанное, составляло обыкновенную черту ея нрава, и въ эти минуты она особенно страдала душевно. А между тѣмъ, эти нѣсколько дней, проведенные Александромъ въ Москвѣ, были посвящены вопросу, оказавшемуся важнымъ послѣдствіями.

Какъ извѣстно, еще 20 марта 1820 года появился манифестъ, въ которомъ объявлялось, что бракъ цесаревича Константина Павловича съ великой княгиней Анной Ѳеодоровной былъ расторгнутъ, а 12 мая того же года цесаревичъ вступилъ въ новый бракъ съ графиней Іоанной Грудзинской, получившей титулъ княгини Ловичъ. 14 января 1822 года Константинъ Павловичъ обратился съ письмомъ на имя Государя, въ которомъ категорически отказывался отъ престолонаслѣдія, „передавъ сіе право тому, кому оно принадлежитъ послѣ меня, и тѣмъ самымъ

утвердить навсегда непоколебимое положеніе нашего государства". Отвѣтъ Государя на это письмо напечатанъ у Шильдера *).

Историкъ Александра говоритъ: „На этомъ пока дѣло остановилось. Только въ 1823 году, Императоръ Александръ, томимый предчувствіемъ близкой кончины, пожелалъ облечь силою закона семейное распоряженіе, условленное имъ съ цесаревичемъ". Какъ всегда, Шильдеръ даетъ своеобразную окраску всему этому дѣлу, которое было вполнѣ естественно, даже безъ „предчувствія близской кончины", которой въ сущности въ 1823 году мы не могли замѣтить ни въ настроеніи, ни въ дѣйствіяхъ монарха. Вѣдь разговоры въ царской семьѣ о перемѣнѣ престолонаслѣдія шли уже давно, одинаково озабочивая обѣихъ Императрицъ и Государя. Императрица Елисавета даетъ особое освѣщеніе этому дѣлу въ письмахъ къ матери, гдѣ между прочимъ прорывается такая фраза: „Nicolas n'a qu'une idée en tête, c'est de régner". Это написано тотчасъ же послѣ вступленія въ бракъ Николая Павловича. Оно могло быть отголоскомъ тѣхъ холодныхъ отношеній, которыя существовали между Елисаветой и великимъ княземъ, но тѣмъ не менѣе сорвавшееся выраженіе крайне характерно.

Также извѣстно, что первые разговоры между Государемъ и Николаемъ Павловичемъ произошли еще въ 1819 году, и что принцъ Вильгельмъ Прусскій былъ посвященъ во всѣ подробности переговоровъ, какъ тогда, такъ и въ позднѣйшее время. Слѣдовательно, вопросъ назрѣвалъ постепенно, а послѣ брака цесаревича съ полькой сталъ на очереди и подвергся всестороннему семейному обсужденію, хотя и тайному. Отчего Императоръ Александръ облекъ весь этотъ актъ такою тайною—вопросъ уже другой. По нашему разумѣнію и это объясняется просто. Было вовсе нежелательно разглашать, прежде времени, отреченіе отъ престола цесаревича Константина, давать поводъ къ массѣ лишнихъ

*) Т. IV, стр. 278 и 279.

толковъ и разговоровъ, словомъ, доводить до всеобщаго свѣдѣнія такого рода деликатный вопросъ. Александръ Павловичъ, вѣроятно, не могъ предвидѣть всего того, что повлекло къ событіямъ 14 декабря 1825 года, и намъ кажется, что онъ былъ въ 1823 году далекъ отъ мысли о близости своей смерти. Собственно говоря, все было сдѣлано, чтобы придать дѣлу законный ходъ, и приняты всѣ мѣры для избѣжанія случайностей. Если послѣ кончины произошли памятныя недоразумѣнія, то, право, трудно винить его за такого рода событія. Все было обдумано вполнѣ ясно и логично. Проектъ манифеста было поручено составить архіепископу Филарету (будущему митрополиту Московскому), потомъ Государемъ сдѣланы нѣкоторыя поправки и измѣненія, а 16 августа 1823 года манифестъ былъ утвержденъ и подписанъ въ Царскомъ Селѣ. 27 августа, будучи въ Москвѣ, Императоръ Александръ прислалъ утвержденный манифестъ въ конвертѣ архіепископу Филарету, съ собственноручною надписью: „Хранить въ Успенскомъ соборѣ съ государственными актами до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины открыть Московскому епархіальному архіерею и Московскому генералъ-губернатору въ Успенскомъ соборѣ, прежде всякаго другого дѣйствія".

Шильдеръ дѣлаетъ слѣдующее разсужденіе: „Мысль о тайнѣ тотчасъ родила въ умѣ Филарета вопросъ: какимъ же образомъ восшествіе на престолъ, естественнѣе всего могущее произойти въ Петербургѣ, согласовать съ манифестомъ, тайно хранящимся въ Москвѣ? Онъ не скрылъ своего недоумѣнія и представилъ, чтобы списки съ составленнаго акта хранились также въ Петербургѣ въ Государственномъ Совѣтѣ, въ Синодѣ и въ Сенатѣ. Предложеніе Филарета было одобрено Императоромъ Александромъ".

Все это весьма голословно, врядъ ли вполнѣ вѣрно, а подтверждается, вѣроятно, неизданной запиской митрополита Филарета: „Воспоминанія, относящіяся къ восшествію на престолъ Императора

Николая Павловича", какъ указано въ примѣчаніи 334-мъ къ IV тому Исторіи Александра I. Возможно, что Филаретъ говорилъ о своихъ недоумѣніяхъ Государю, а Его Величество немедленно одобрилъ его предположеніе, что доказываетъ, что и самъ Александръ Павловичъ имѣлъ ту же мысль, которую, безъ сомнѣнія, привелъ бы въ исполненіе и безъ бесѣды съ Филаретомъ. Другое недоразумѣніе тоже особо отмѣчено Шильдеромъ. Въ виду надписи на переданномъ конвертѣ, Филаретъ предполагалъ, что Московскій генералъ-губернаторъ, князь Д. В. Голицынъ, освѣдомленъ объ этомъ актѣ. Оказалось, послѣ кончины Императора Александра, что князь Голицынъ ничего не зналъ о хранящемся манифестѣ въ Успенскомъ соборѣ. Опять-таки не видимъ здѣсь ничего удивительнаго, потому что на конвертѣ не было указано фамиліи князя Голицына, который могъ быть замѣщенъ другимъ лицомъ, а сказано, что немедленно послѣ „моей кончины открыть Московскому епархіальному архіерею и Московскому генералъ-губернатору", очевидно, кто бы онъ ни былъ.

Слѣдовательно, Филаретъ, какъ лицо, получившее на храненіе этотъ манифестъ и вложившее оный въ ковчегъ государственныхъ актовъ, въ Успенскомъ соборѣ, долженъ былъ оповѣстить о томъ Московскаго генералъ-губернатора, князя Голицына, тотчасъ же по полученіи извѣстія о кончинѣ Государя. Филаретъ этого не сдѣлалъ, и ошибка его очевидна. О степени освѣдомленности по этому вопросу великаго князя Николая Павловича, Шильдеръ говоритъ: „Николаю Павловичу только изъ словъ Маріи Θеодоровны извѣстно было о существованіи какого-то акта отреченія, составленнаго въ его пользу; объ этомъ Императрица упоминала иногда вскользь въ разговорѣ. Вотъ какимъ страннымъ образомъ Императоръ Александръ обставилъ измѣненіе важнѣйшаго основного закона Имперіи". Мнѣ кажется, откуда бы Николай Павловичъ ни зналъ объ отреченіи, это—дѣло второстепенное; но фактъ безусловный, что онъ былъ освѣдомленъ объ этомъ, равно какъ

и Филаретъ, князь А. Н. Голицынъ, графъ Аракчеевъ, а также обѣ Императрицы.

Повторяемъ, ничего „страннаго“ мы не видимъ въ обстановкѣ всего этого дѣла, а что касается впечатлѣнія тайны, то оно скорѣе понятно, въ виду важности самаго акта. Въ Петербургѣ манифестъ хранился въ трехъ главныхъ государственныхъ учрежденіяхъ: въ Государственномъ Совѣтѣ, Св. Синодѣ и Сенатѣ. Чего же больше? Въ нашу задачу не входятъ подробности восшествія на престолъ Императора Николая I, а потому мы воздержимся отъ разсужденій о дальнѣйшей судьбѣ и о послѣдствіяхъ манифеста, подписаннаго 16 августа 1823 года.

Послѣ возвращенія Александра Павловича въ столицу, состоялся пріѣздъ родной племянницы вдовствующей Императрицы, принцессы вюртембергской, невѣсты великаго князя Михаила Павловича, и 5 декабря было совершено мvропомазаніе. Принцесса Шарлотта получила имя Елены; ей, современемъ, было суждено сыграть такую выдающуюся роль въ дни царствованія Императора Александра II, въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Бракосочетаніе молодыхъ совершилось только 8 февраля 1824 года и въ походной церкви, рядомъ съ комнатой выздоравливающаго Благословеннаго монарха, простудившагося послѣ Крещенскаго парада и прохворавшаго цѣлый мѣсяцъ. Къ сильной лихорадкѣ присоединилось рожистое воспаленіе ноги, и были дни, когда состояніе больного внушало серьезныя опасенія, настолько тревожныя, что изъ Варшавы былъ вызванъ цесаревичъ Константинъ. Но когда онъ прибылъ въ Петербургъ, то засталъ уже брата выздоравливающимъ. Шильдеръ приводитъ разговоръ Императора Александра, только-что оправившагося отъ тяжкаго недуга, съ Иларіономъ Васильевичемъ Васильчиковымъ, и со словъ послѣдняго вводитъ такую фразу въ уста Государя: „...Je n'aurais pas été fâché, au fond, de me débarrasser de ce fardeau de la couronne qui me pèse terriblement“. Историкъ какъ будто подчеркиваетъ эти слова, намекая

на желаніе Александра отречься отъ престола и удалиться куда-нибудь *). Что Императоръ Александръ былъ уже давно утомленъ бременемъ правленія, извѣстно было не только многимъ въ Россіи, но и за границей; этой утомленностью умѣло воспользовался Аракчеевъ, а по дѣламъ внѣшней политики—кн. Меттернихъ, но чтобы Государь серьезно думалъ объ отреченіи отъ престола, едва ли такъ, и мы къ этому вопросу еще вернемся.

Вполнѣ оправившись отъ болѣзни, Императоръ Александръ съ новымъ рвеніемъ отдался своему любимому дѣтищу—военнымъ поселеніямъ. Новою заботою Государя явилось желаніе закрыть кабаки въ поселеніяхъ. Для этой цѣли Аракчеевъ лично направился на мѣста, чтобы исполнить волю Государя. Изъ писемъ Его Величества виденъ интересъ къ этому дѣлу. 2 марта 1824 г. онъ спрашиваетъ Аракчеева: „Имѣешь ли ты также извѣстіе изъ Старой Руссы, и какое дѣйствіе произвело уничтоженіе кабаковъ?“ Другой разъ: „Надѣюсь на Всемогущаго, что позволитъ и поможетъ привести сіе дѣло къ желаемому концу“. Въ свою очередь, Аракчеевъ обнадеживалъ обычнымъ своимъ рвеніемъ и обѣщалъ возможно скорѣе исполнить всѣ новыя требованія. „Всякое трудное для меня дѣло“, писалъ онъ, „легко мнѣ выполнять, если я оное исполняю по препорученію Вашему“. Вниманіе Государя обраща-

---

*) Изъ дневника князя А. С. Меншикова: „Князь П. М. Волконскій полагаетъ, что у покойнаго Государя дѣйствительно приходило на умъ отреченіе отъ престола. Заключеніе свое выводитъ изъ вырвавшихся словъ о будущихъ предположеніяхъ и между прочимъ о разборѣ библіотеки, когда отдѣлается отъ занятій. Ежели бы кончина Императрицы Елисаветы Алексѣевны послѣдовала бы при Его жизни, князь Волконскій полагаетъ, что Государь не только отрекся бы отъ царствованія, но въ состояніи былъ удалиться въ монастырь. Таганрогъ, 27 февраля 1826 года“.

Это свидѣтельство курьезно, но оно теряетъ значеніе, такъ какъ Императрица скончалась послѣ Государя, и разговоры, а также высказанныя предположенія князя Волконскаго, могли быть плодомъ угнетеннаго душевнаго состоянія самого князя Петра Михайловича, неотлучно находившагося при Императрицѣ послѣ кончины Государя въ Таганрогѣ и вспоминавшаго о различныхъ бесѣдахъ съ покойнымъ Государемъ, что весьма естественно. Между тѣмъ, князь Меншиковъ, видимо, придавалъ извѣстное значеніе этимъ впечатлѣніямъ князя Волконскаго и записалъ ихъ для памяти.

лось на всякія мелочи, и даже на праздныя посѣщенія поселеній посторонними лицами, что, видимо, сердило гатчинскаго капрала, потому что въ отвѣтахъ онъ жаловался на „петербургское праздноглаголаніе“. Но Императоръ продолжалъ выражать безпокойство, которое обнаружилось въ одномъ изъ писемъ, отправленномъ въ первыхъ числахъ марта: „Обращая вниманіе бдительное на все, что относится до нашихъ военныхъ поселеній, глаза мои нынѣ прилежно просматриваютъ записки о проѣзжающихъ. Всѣ выѣзжающіе въ Старую Руссу дѣлаются мнѣ замѣчательными. Такъ, 2 марта отправились туда: отставной генералъ-маіоръ Веригинъ; 47 Егерскаго полка полковникъ Аклечеевъ; служащій въ Департаментѣ государственныхъ имуществъ форштмейстеръ 14 класса Рейнгартенъ для описи лѣсовъ; Инженернаго корпуса штабсъ-капитанъ Кроль. Можетъ-быть они поѣхали и по своимъ дѣламъ, но въ нынѣшнемъ вѣкѣ осторожность не безполезна. Если сей Веригинъ есть тотъ самый, котораго я знаю, то-есть братъ Плещеевой и Донауровой, то я въ него вѣры большой не имѣю, человѣкъ весьма надменный“. Въ такомъ же родѣ продолжаются распросы объ остальныхъ упомянутыхъ лицахъ и особенно о Рейнгартенѣ: „Объ форштмейстерѣ нужно узнать, по твоему ли требованію или губернаторскому, присланъ онъ описывать лѣса въ теперешнюю пору, или по распоряженію министерства финансовъ, что довольно странно будетъ“.

Кромѣ того, въ 1824 году Императоръ Александръ пожелалъ еще расширить Новгородскія военныя поселенія, и въ этомъ духѣ было предложено дѣйствовать графу Аракчееву. 2 и 3 гренадерскія дивизіи вошли въ составъ новыхъ 12 округовъ, распредѣленныхъ въ десяти волостяхъ Новгородской губерніи. Аракчеевъ быстро исполнилъ волю своего благодѣтеля, такъ что могъ скоро донести объ этомъ Государю: „Воля Вашего Величества во всѣхъ оныхъ волостяхъ мною была растолкована, и равно и собственная польза ихъ, состоявшая въ сохраненіи при себѣ безотлучно

семействъ своихъ, послѣ чего я не имѣлъ надобности употребить какое-либо военное принужденіе, но даже и сдѣлать строгаго выговора добрымъ русскимъ подданнымъ..." Читая эти строки, подумаешь — какая идиллія, а между тѣмъ населеніе вовсе не было обрадовано такого рода милостями и продолжало скрытно ворчать на эти непрошенныя благодѣянія. Государь же былъ особенно обрадованъ быстрымъ исполненіемъ его предначертаній и 16 марта высказалъ свое удовольствіе усердному графу въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Съ наиживѣйшей благодарностью къ Всемогущему Богу получилъ я, Алексѣй Андреевичъ, письмо твое съ извѣщеніемъ о благополучномъ окончаніи начатаго дѣла и о благоустройствѣ, при ономъ сохраненномъ. Умѣю я цѣнить всѣ твои труды и неусыпныя попеченія, и благодарность моя къ тебѣ столь же искренна, какъ и неограничена..."

Если мы приводимъ выдержки изъ такого рода писемъ, то для того только, чтобы убѣдить читателя, что монархъ, входившій въ детали, столь своеобразныя, относительно проѣзжавшихъ черезъ военныя поселенія и мечтавшій о расширеніи послѣднихъ, едва ли думалъ объ отреченіи отъ престола Всероссійскаго или объ удаленіи въ уединенныя мѣста.

Мы вообще не признаемъ въ исторической наукѣ догадокъ и предположеній, которыя умѣстны развѣ въ романахъ, а предпочитаемъ опираться на факты, засвидѣтельствованные документами. Этимъ избѣгаются недоразумѣнія и лишнія разсужденія.

Какъ раньше было нами разсказано, весною того же года произошло паденіе князя А. Н. Голицына, которому въ утѣшеніе было оставлено завѣдываніе почтовымъ департаментомъ послѣ долгаго управленія духовными дѣлами и народнымъ просвѣщеніемъ. Государь пожелалъ тоже утѣшить другого сотрудника многихъ лѣтъ, а именно вернувшагося изъ заграничнаго отпуска князя П. М. Волконскаго, которому была пожалована Андреевская лента при милостивомъ рескриптѣ. Но на старую должность

начальника главнаго штаба князь не былъ допущенъ, а Дибичъ, напротивъ того, утвержденъ въ новой должности приказомъ по арміямъ. Словомъ, бывшихъ друзей только утѣшали, но болѣе не слушали, а графа Аракчеева поощряли въ усердіи и совѣтовались съ нимъ обо всемъ. Даже, когда лѣтомъ того же 1824 года скончалась любимая дочь Государя отъ М. А. Нарышкиной, на другой день послѣ этого несчастія, столь поразившаго монарха, Александръ внезапно выѣхалъ одинъ въ Грузино, чтобы найти утѣшеніе въ сообществѣ графа Алексѣя Андреевича.

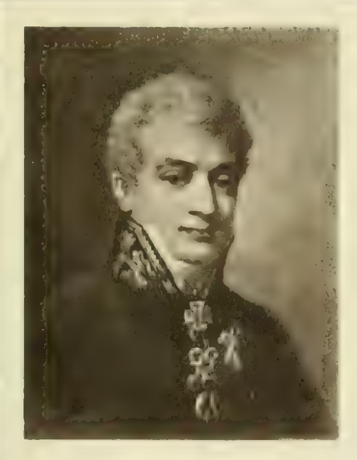
Передъ выѣздомъ въ Грузино, Его Величество успѣлъ, несмотря на всю горесть отъ потери любимаго существа, написать нѣсколько словъ Аракчееву: „Не безпокойся обо мнѣ! Воля Божія, и я умѣю покоряться. Съ терпѣніемъ переношу я мое сокрушеніе и прошу Бога, чтобы Онъ подкрѣпилъ силы мои душевныя. Съ нетерпѣніемъ ожидаю я удовольствія съ тобой увидѣться завтра и надѣюсь, что поѣздка моя и предметы, коими въ оной заниматься буду, разсѣятъ нѣсколько печальныя мои мысли". (Царское Село, 23 іюня 1824 года.)

Откровенно говоря, мы недоумѣваемъ, каково могло быть утѣшеніе въ сообществѣ холоднаго и безсердечнаго Грузинскаго помѣщика, а такого рода психологія чувствъ Александра Павловича прямо-таки вызываетъ одно лишь удивленіе и не поддается болѣе анализу. Но фактъ остается во всей своей наготѣ, и мы не могли его не отмѣтить. Врачъ Тарасовъ, сопровождавшій Государя въ поѣздкѣ въ Грузино, подробно разсказываетъ въ воспоминаніяхъ объ этомъ пребываніи и свидѣтельствуетъ о благодушномъ состояніи монарха, а также покорности его судьбѣ послѣ перенесеннаго потрясенія. Александръ, видимо, отдыхалъ въ уединенномъ помѣстьѣ графа и вполнѣ удовлетворялся царившей тамъ обстановкой. Еще до отъѣзда въ Грузино, Тарасовъ наблюдалъ за нимъ и старался угадать нравственное состояніе Государя. Тарасовъ передаетъ свои впечатлѣнія просто. Вотъ, что онъ

писалъ: „При выходѣ Императора въ пріемный залъ, я внимательно наблюдалъ лицо его, на которомъ, къ величайшему моему удивленію, я не могъ замѣтить ни малѣйшей черты, обличающей внутреннее положеніе растерзанной такою важною потерею великой души его. Онъ обычно былъ привѣтливъ ко всѣмъ, нѣкоторымъ дѣлалъ вопросы, пояснялъ отвѣты и до того сохранилъ присутствіе духа, что, кромѣ насъ троихъ, бывшихъ въ кабинетѣ его, никто не могъ знать о его внутреннемъ состояніи души". Это самообладаніе и умѣніе скрывать свои чувства было основной чертой характера Александра Павловича во всю его жизнь.

Въ концѣ лѣта Императоръ снова совершилъ большую поѣздку по Россіи, съ 16 августа по 24 октября 1824 года, но не заѣзжалъ въ Москву, хотя посѣтилъ всѣ прилегавшія губерніи. На этотъ разъ многіе губернскіе города были осчастливлены царскимъ пріѣздомъ, какъ-то Пенза, Тамбовъ, Самара, Симбирскъ, а также Оренбургъ, Уфа, Златоустовскіе заводы, Пермь, Екатеринбургъ, Вятка и Вологда. Путешествіе вовсе не утомило Государя, несмотря на перенесенную зимою болѣзнь, напротивъ того, всѣ были поражены бодрымъ его видомъ и интересомъ, который онъ проявлялъ при посѣщеніяхъ больницъ, тюремъ, заводовъ и другихъ учрежденій; Его Величество былъ ласковъ и особенно привѣтливъ ко всѣмъ, и посѣщенія Государя произвели глубокое впечатлѣніе на населеніе этихъ мѣстъ. Къ сожалѣнію, скоро послѣ возвращенія Его Величества въ столицу, на Петербургъ нагрянула неожиданная бѣда, а именно 7 ноября ознаменовалось небывалымъ наводненіемъ вышедшей изъ береговъ Невы, которая затопила многія мѣстности и поглотила массу человѣческихъ жизней.

Это бѣдствіе, случившееся почти на глазахъ Императора, страшно его поразило, но онъ не растерялся и принялъ цѣлый рядъ энергичныхъ мѣръ, чтобы прійти на помощь населенію. Столица была раздѣлена на три временныхъ генералъ-губернаторства: Васильевскій островъ, Петербургская и Выборгская стороны,

Князь Меттернихъ

Таллейранъ

Графъ К. О. Поццо-ди-Борго

Бернадоттъ

надзоръ надъ которыми былъ порученъ тремъ генералъ-адъютантамъ: графу Бенкендорфу, графу Комаровскому и Депрерадовичу, подъ общимъ руководствомъ Петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича. Образовались комитеты для оказанія помощи пострадавшимъ, а самъ Государь лично всюду ѣздилъ, провѣрялъ работу подчиненныхъ и своимъ появленіемъ старался облегчить участь главнымъ образомъ бѣднѣйшаго класса населенія. Мѣсяцъ спустя послѣ наводненія, серьезно захворала Императрица Елисавета Алексѣевна, давно уже проявлявшая большую слабость и частыя недомоганія. Болѣзнь супруги еще болѣе омрачила настроеніе Государя, и зима 1824/1825 года началась при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Вотъ когда, дѣйствительно, началось проявленіе полнаго маразма, и обнаружилось это настроеніе въ стремленіи къ уединенію и въ постоянныхъ молитвахъ. Александръ, будучи вообще очень набожнымъ, искалъ себѣ утѣшенія въ чтеніи священныхъ книгъ, стараясь заглушить житейскія тревоги и невзгоды. Тарасовъ замѣчаетъ: „Императоръ былъ очень религіозенъ и истинный христіанинъ. Вечернія и утреннія свои молитвы совершалъ на колѣняхъ и продолжительно, отъ чего у него наверху берца у обѣихъ ногъ образовалось очень обширное омозоленіе общихъ покрововъ, которое у него оставалось до его кончины“. Тѣмъ не менѣе, наружно Государь старался не показывать своего истиннаго душевнаго состоянія и продолжалъ обычныя занятія, конечно, болѣе всего съ однимъ Аракчеевымъ, котораго онъ продолжалъ считать своимъ ангеломъ хранителемъ, именно въ тяжелыя минуты, что, повторяемъ, достойно глубочайшаго удивленія. Остальные люди и приближенные не удовлетворяли его, а больше утомляли, и бесѣды, напримѣръ, съ Карамзинымъ, котораго за послѣдніе годы Его Величество видывалъ часто, вовсе не доставляли ему удовольствія, а были скорѣе ему въ тягость. Когда Аракчеевъ выдвигалъ Магницкаго, испрашивая для него аудіенцію, то Государь изъявлялъ на это согласіе, но какъ бы совѣстился,

чтобы кто-либо не встрѣтилъ у него такого недостойнаго человѣка. Это можно заключить изъ нѣсколькихъ строкъ, написанныхъ къ Аракчееву въ іюлѣ 1825 года: „Я неудобства никакого не вижу принять Магницкаго, только надобно такъ распорядиться, чтобы не вмѣстѣ было съ Карамзинымъ, и лучше, ежели бы и не встрѣчались. Карамзинъ готовится просить дозволенія пріѣхать; то Магницкому можно назначить время послѣ отъѣзда Карамзина“.

До чего доходила заботливость Александра въ такого рода посѣщеніяхъ!

1825 годъ начался, какъ и всѣ предыдущіе, обычными пріёмами, выходомъ и поздравленіями. Въ числѣ другихъ, графъ Аракчеевъ, пребывавшій въ Новгородской губерніи, получилъ нѣсколько милостивыхъ словъ, кончавшихся выраженіемъ: „не испрося на тебя истиннаго благополучія Божія“; на что графъ отвѣчалъ въ томъ же родѣ, говоря: „и да ниспошлетъ Онъ Духа Святаго съ новымъ увѣреніемъ о нелицемѣрной преданности стараго слуги“. Ни бѣдствія наводненія, ни болѣзнь супруги, ни приступы маразма не поколебали всегдашнихъ проявленій дружбы. Уже въ началѣ апрѣля Государь снова собрался въ путь, на этотъ разъ въ Польшу для открытія третьяго сейма, а за два мѣсяца до этого былъ изданъ acte additionnel, возвѣщавшій, что публичныя засѣданія сейма могутъ происходить исключительно при открытіи и закрытіи сейма и въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ, а въ остальное время только при закрытыхъ дверяхъ. Это нововведеніе казалось бы излишнимъ, но цесаревичъ Константинъ находилъ эту мѣру желательной, и было уступлено его желанію. Послѣ прибытія въ Варшаву 15 апрѣля, двѣ недѣли прошли въ смотрахъ войскъ, а 1 мая, при самой торжественной обстановкѣ, былъ открытъ лично Государемъ третій польскій сеймъ. Его Величество ровнымъ и пріятнымъ голосомъ прочелъ на французскомъ языкѣ привѣтственную рѣчь, а вслѣдъ за нимъ статсъ-секретарь графъ Грабовскій передалъ ее сейму на польскомъ языкѣ. Всѣ лица,

присутствовавшія на этомъ открытіи, оставили единогласныя показанія о томъ чарующемъ впечатлѣніи, которое произвелъ Русскій Императоръ простотой и величіемъ своего обращенія, а также физической свѣжестью всей своей осанки и благодушіемъ выраженія лица и глазъ. Даже самые заклятые изъ польскихъ государевыхъ недоброжелателей должны были сознаться, что ихъ король никогда не былъ такъ въ ударѣ и въ такомъ блескѣ, какъ именно при открытіи третьяго сейма, а польскія дамы навзрыдъ рыдали отъ умиленія во время рѣчи Александра.

То же впечатлѣніе получилось и при закрытіи этого сейма 1 іюня, опять таки лично самимъ Императоромъ, произнесшимъ нѣсколько словъ, которыя вызвали живѣйшее одобреніе польской публики. „Вѣрьте", сказалъ Александръ, „что я сумѣю отдать справедливость тому довѣрію, которымъ ознаменовалось нынѣшнее ваше собраніе. Оно не останется втуне. Я сохраню о немъ память, соединенную съ неизмѣннымъ желаніемъ убѣдить васъ, какъ искренна моя къ вамъ привязанность, и какое вліяніе окажетъ ваше поведеніе на вашу будущность".

Аракчееву, который оставался въ Грузинѣ, Его Величество не замедлилъ сообщить о своихъ варшавскихъ впечатлѣніяхъ: „Здѣсь, благодаря Всевышняго, идетъ все по желанію, и я отмѣнно доволенъ общимъ расположеніемъ" *). По возвращеніи въ Царское Село 13 іюня, Александра потянуло снова въ Грузино, куда онъ отбылъ 26 и оставался у Алексѣя Андреевича цѣлыхъ десять дней. По возвращеніи въ столицу, начались приготовленія къ поѣздкѣ на югъ, потому что здоровье Елисаветы Алексѣевны все ухудшалось. Мысль о поѣздкѣ въ Италію была оставлена, въ виду нежеланія Императрицы уѣзжать изъ предѣловъ Россіи, и послѣ долгихъ совѣщаній медиковъ мѣстомъ жительства былъ избранъ Таганрогъ, о которомъ до этого никто никогда не говорилъ, какъ

*) Выраженія этого письма приводитъ и Шильдеръ, IV т., стр. 334.

о климатическомъ курортѣ. Поэтому не удивительно, что выборъ такого пункта для поправленія здоровья одинаково поразилъ всѣхъ, многіе даже терялись въ догадкахъ о причинѣ такого рѣшенія. Между тѣмъ все объяснялось просто. Императрица Елисавета чувствовала себя настолько слабой и нервной, что одна мысль о возможности удаленія куда-либо за границу приводила ее въ разстройство, и тогда доктора должны были рѣшиться выбрать наименѣе удаленное мѣсто, куда путешествіе было бы не такъ утомительно, и гдѣ по пути можно было подыскать удобныя остановки для ночлеговъ или дневокъ. Въ этотъ промежутокъ времени Императоромъ Александромъ было получено знаменитое письмо Шервуда, унтеръ-офицера 3 Украинскаго уланскаго полка, говорившее о готовящемся заговорѣ въ арміяхъ (особенно во 2); состоялся пріёмъ, наединѣ, въ Каменноостровскомъ дворцѣ этого унтеръ-офицера, и ему поручено было открыть нити всего этого преступнаго замысла. Весь этотъ эпизодъ разсказанъ Шильдеромъ во всѣхъ подробностяхъ. Но далѣе, историкъ Александра обычно настолько увлекается, что дѣлаетъ рядъ предположеній, которыя мы не можемъ не опровергнуть. Шильдеръ передаетъ разговоръ Государя съ княземъ А. Н. Голицынымъ, которому онъ поручилъ привести въ порядокъ свои бумаги. Намъ кажется, что, уѣзжая въ долгое путешествіе съ больной супругой и не зная, когда придется ему вернуться, Александръ поступилъ вполнѣ логично. Далѣе покойный историкъ разсказываетъ, какъ князь Голицынъ умолялъ Александра обнародовать актъ о престолонаслѣдіи и отвѣтъ Его Величества, который неоднократно вызывалъ уже пренія и всякія догадки: „Remettons-nous en à Dieu: Il saura mieux ordonner les choses que nous autres, faibles mortels“. Прежде всего обращаемъ вниманіе на то, что единственное свидѣтельство объ этомъ разговорѣ исходитъ отъ самого князя А. Н. Голицына, записавшаго эту бесѣду *нѣсколько лѣтъ спустя* и, главное, *послѣ* разыгравшейся трагедіи 14 декабря 1825 года.

Князь Голицынъ могъ забыть разныя подробности разговора, а въ виду своего характера, недавней обиды послѣ удаленія отъ дѣлъ, легко могъ постараться быть въ роли пророка всего происшедшаго, и этимъ обратить на себя вниманіе Императора Николая. Въ дѣйствительности такъ и было. Николай Павловичъ всегда ссылался на показаніе князя Голицына, говоря о событіяхъ 14 декабря, и всячески ласкалъ князя до самой его кончины въ Крыму (1844 г.).

Однако, Шильдеръ дѣлаетъ слѣдующее предположеніе: „Невольно представляется вопросъ, почему Императоръ Александръ рѣшилъ хранить эти акты въ столь глубокой тайнѣ отъ назначеннаго имъ наслѣдника, а также и отъ Россіи? Трудно найти для подобнаго образа дѣйствій разумное объясненіе, и тайну свою Александръ унесъ съ собою въ могилу. Нѣкоторые полагаютъ, что Государь, одновременно съ манифестомъ объ измѣненіи порядка престолонаслѣдія, намѣревался объявить и о собственномъ отреченіи отъ престола. Странная надпись на пакетѣ: „хранить до моего востребованія“, можетъ-быть, дѣйствительно, указываетъ на намѣреніе Александра осуществить, согласно прежнимъ мыслямъ, отреченіе отъ престола....“

Относительно великаго князя Николая Павловича мы уже высказались раньше, и для него эта тайна могла быть лишь относительной, т.-е. онъ могъ не знать о сохраненіи актовъ въ Успенскомъ соборѣ и въ высшихъ учрежденіяхъ Петербурга. Мы вполнѣ это допускаемъ и убѣждены, что Императоръ Александръ сдѣлалъ это не спроста, а обдумавши, предполагая, что цесаревичъ Константинъ могъ перемѣнить свое намѣреніе объ отреченіи, а, кромѣ того, Государь, вѣроятно, опасался возможныхъ недоразумѣній между братьями, могущихъ обнаружиться преждевременно, если бы они оба стали говорить на эту тему. Что касается Россіи, то Александръ находилъ опаснымъ разглашать актъ при своей жизни, избѣгалъ лишнихъ толковъ и разговоровъ, что мы также уже отмѣтили раньше.

Отчего надпись на пакетѣ, отданномъ на храненіе въ Успенскій соборъ, Шильдеръ находитъ „странной", еще менѣе понятно. Если Государь допускалъ возможность измѣненія взглядовъ брата Константина, то надпись станетъ вполнѣ понятной. Наконецъ, вѣдь Николай Павловичъ могъ умереть раньше Константина, а такъ какъ великій князь Александръ Николаевичъ былъ малолѣтнимъ, то до его совершеннолѣтія должно было бы быть регентство, а регентами тогда могли быть только Константинъ или Михаилъ Павловичи. Словомъ, „хранить до востребованія" — была надпись предупредительная, а вовсе не относящаяся до его собственнаго отреченія, о которомъ онъ и не думалъ.

Также, изъ переданнаго Шильдеромъ разговора Государя съ княземъ Голицынымъ явствуетъ, что о возможности преждевременной кончины Александра Павловича предполагалъ князь, но вовсе не Государь, а потому Голицынъ и высказывалъ свои опасенія на счетъ акта о престолонаслѣдіи, на которыя Александръ отвѣтилъ въ извѣстной туманной формѣ, столь ему свойственной. Такимъ образомъ, все Шильдеровское предположеніе должно отпасть.

Въ дальнѣйшемъ повѣствованіи историкъ Александра подробно останавливается на послѣднихъ дняхъ пребыванія Императора въ столицѣ, до выѣзда его въ Таганрогъ. Фантазія Шильдера настолько разыгрывается, что самыя обычныя явленія въ его глазахъ пріобрѣтаютъ какое-то особое значеніе. Напримѣръ, послѣднее посѣщеніе матушки въ Павловскѣ, въ Розовомъ павильонѣ, въ сырую и сѣрую погоду, при осеннемъ колоритѣ всей природы, вызвало будто бы у Александра особую грусть, а также воспоминаніе того же павильона 11 лѣтъ назадъ, при побѣдоносномъ возвращеніи изъ Парижа, тоже навлекло пасмурное настроеніе. Затѣмъ, передъ самымъ выѣздомъ изъ Петербурга, Государь посѣтилъ Александро-Невскую лавру, отслужилъ молебенъ, приложился къ мощамъ св. Александра Невскаго, бесѣдовалъ съ митрополитомъ Серафимомъ, а также въ кельѣ съ схимникомъ

все это, по мнѣнію Шильдера, означало предчувствіе скорой кончины. Не можемъ мы никакъ согласиться съ такою точкою зрѣнія. Вовсе не отрицая мрачнаго настроенія, тяжелыхъ думъ, накопившихся за послѣдніе годы, общаго разочарованія и даже нѣкотораго пресыщенія жизнью, мы положительно отказываемся найти признаки предчувствія близкой смерти и вообще какихъ-либо намековъ на скорое исчезновеніе съ земного поприща. Все это могло явиться въ воображеніи, въ связи съ неминуемыми народными толками послѣ кончины Александра Павловича, но мы недоумѣваемъ, зачѣмъ понадобилось почтенному и симпатичному Николаю Карловичу подводить всѣ обстоятельства отъѣзда Государя въ Таганрогъ, а также и подробности его смерти, подъ извѣстную спеціальную призму, завершенную таинственными словами самого Шильдера въ послѣднихъ строкахъ его историческаго труда, а также изображеніемъ сибирскаго старца Ѳеодора Кузьмича, не имѣвшаго ничего общаго съ Благословеннымъ монархомъ.

Въ серьезной исторической работѣ такія гипотезы лишь смущаютъ читающихъ и могутъ порождать легенды, ничего не имѣющія общаго съ исторіей. Жалѣю, что именно мнѣ, почитателю и пріятелю покойнаго, приходится прійти къ такого рода заключеніямъ.

Ихъ Величества покинули Петербургъ въ началѣ сентября 1825 года: Государь—перваго, а Государыня—третьяго. Каждаго изъ нихъ сопровождала небольшая свита и врачи. Александръ пожелалъ быть раньше своей супруги въ Таганрогѣ, чтобы лично все подготовить къ ея прибытію, съ возможнымъ удобствомъ и комфортомъ. Для этой же цѣли заблаговременно былъ командированъ архитекторъ Шарлемань.

Вниманію Александра къ больной Елисаветѣ не было предѣловъ, и все время на пути онъ писалъ ей письма и записочки, самыя трогательныя и задушевныя, случайно дошедшія до насъ послѣ кончины Императрицы и уцѣлѣвшія отъ сожженія. Больная Государыня, ѣхавшая съ остановками и ночлегами, была особенно

тронута такимъ отношеніемъ къ ней ея супруга и уже на пути чувствовала нравственное облегченіе, будучи въ восторгѣ, что, наконецъ, она могла выбраться изъ Петербурга и изъ той гнетущей для нея обстановки, которая создалась годами и отчасти благодаря враждебному къ ней отношенію вдовствующей Императрицы.

Елисавета прибыла въ Таганрогъ 23 сентября, на десять дней позже Александра, и была встрѣчена Государемъ на послѣдней станціи. До въѣзда въ приготовленный для нея домикъ, оба супруга заѣхали въ греческій Александровскій монастырь, гдѣ слушали краткій молебенъ съ многолѣтіемъ. Затѣмъ жизнь пошла совсѣмъ помѣщичья, безъ всякаго церемоніала и этикета: Ихъ Величества дѣлали частыя экскурсіи въ экипажѣ, вдвоемъ, по окрестностямъ, оба восхищались видомъ моря и наслаждались уединеніемъ. Государь совершалъ, кромѣ того, ежедневныя прогулки пѣшкомъ; трапезы тоже обыкновенно происходили безъ лицъ свиты, словомъ, все время протекало такъ, что супруги оставались часами вмѣстѣ и могли непринужденно бесѣдовать между собой, такъ какъ это было имъ пріятно. Казалось, наступила пора вторичной lune de miel, и всѣ окружающіе были поражены такимъ отношеніемъ между супругами, котораго никому изъ лицъ свиты, кромѣ старыхъ врачей, Вилліе и Штофрегена, и князя П. М. Волконскаго, не привелось раньше наблюдать. И Александръ, и Елисавета наслаждались такимъ образомъ жизнью и только сожалѣли, что не приходилось имъ до этого такъ проводить время въ загородныхъ дворцахъ и дачахъ окрестностей Петербурга.

Безмятежно жилось при этой новой для нихъ обстановкѣ цѣлый мѣсяцъ, послѣ чего, по настоянію новороссійскаго генералъ-губернатора графа М. С. Воронцова, Александръ рѣшилъ совершить кратковременную, но роковую для него поѣздку по южному берегу Крыма.

Лучшимъ свидѣтелемъ этого мѣсяца пребыванія въ Таганрогѣ служитъ сама Императрица Елисавета Алексѣевна. Настроеніе ея

отражается въ ея письмахъ къ матери, гдѣ постоянно встрѣчаются такія выраженія испытываемаго ею счастія: „...On voit la mer presque de toutes les rues, et mon établissement, que l'Empereur a soigné dans tous ses détails avec tant de sollicitude, est joli et „heimlich"; je ne trouve à redire qu'au „trop". Но есть и другое свидѣтельство Елисаветы, которое для насъ пріобрѣтаетъ особенную цѣнность. Дѣло касается настроенія Александра и его дальнѣйшихъ плановъ. Въ одномъ изъ писемъ ея къ матери, 8 октября, мы читаемъ слѣдующія строки: „Je Lui ai demandé dernièrement de me dire quand il comptait retourner à Pétersbourg, parce que j'aimais mieux le savoir afin de me préparer à l'idée de son départ, comme à une opération. Il m'a répondu: „Le plus tard possible, je verrai encore: mais dans tous les cas pas avant la nouvelle année". Cela m'a mise de belle humeur pour toute la journée..." Слѣдовательно, Александръ былъ вполнѣ удовлетворенъ пребываніемъ въ Таганрогѣ и вовсе не помышлялъ вернуться въ столицу, во всякомъ случаѣ раньше новаго года, т.-е. еще трехъ мѣсяцевъ. А между тѣмъ случились два обстоятельства, которыя могли бы принудить Государя вернуться въ Петербургъ. Мы говоримъ о драмѣ, случившейся въ Грузинѣ, гдѣ умертвили любовницу Аракчеева, послѣ чего графъ, убитый горемъ и разъяренный противъ крестьянъ, не сталъ болѣе заниматься государственными дѣлами; а потомъ получились такія донесенія, которыя не оставляли больше сомнѣнія въ существованіи заговора среди офицерства.

Его Величество сдѣлалъ все, отъ него зависящее, чтобы утѣшить своего зловреднаго друга, и настойчиво звалъ его въ Таганрогъ къ себѣ, чтобы лично имѣть возможность разсѣять жгучую скорбь Грузинскаго изверга. Но напрасно; Аракчеевъ остался глухъ къ зову своего покровителя, ища утѣшенія въ объятіяхъ архимандрита Фотія, а великое развлеченіе доставили ему тѣ пытки и истязанія, которымъ подверглись не только участники убійства Минкиной, но и всѣ заподозрѣнные въ сочувствіи къ этому

убійству. Эгоизмъ и неблагодарность Аракчеева къ Александру особенно сказались именно въ эти дни. У Шильдера приведена вся переписка между ними и всѣ прочія подробности этого дѣла. Мы же только обратимъ вниманіе на нѣкоторыя выраженія изъ писемъ Государя, на которыя графъ Алексѣй Андреевичъ не соблаговолилъ отозваться.

„...Ты мнѣ пишешь, что хочешь удалиться изъ Грузина, но не знаешь, куда ѣхать. Пріѣзжай ко мнѣ: у тебя нѣтъ друга, который тебя бы искреннѣе любилъ. Мѣсто здѣсь уединенное. Будешь здѣсь жить, какъ ты самъ расположишь. Бесѣда же съ другомъ, раздѣляющимъ твою скорбь, нѣсколько ее смягчитъ. Но заклинаю тебя всѣмъ, что есть святого, вспомни отечество, сколь служба твоя ему полезна и, могу сказать, необходима, а съ отечествомъ и я не разлученъ....“

И эти строки писалъ не простой пріятель или добрый знакомый, а самъ Государь, тотъ Благословенный монархъ, который такъ возвысилъ Аракчеева и показывалъ ему не только одно расположеніе, но и необъяснимую любовь! Наконецъ, тутъ мы читаемъ и призывъ къ долгу, къ службѣ отечеству, олицетворенному также въ особѣ царской.... и что же? Аракчеевъ не шевельнулся, отписывался пошлыми письмами, доказавшими лишь одно, что онъ человѣкъ не только низкій, но и неблагодарный.

Конечно, такое отношеніе Грузинскаго графа къ нему, сильно огорчившее Александра, могло бы раскрыть ему окончательно глаза, на что такъ упорно надѣялся князь Петръ Михайловичъ Волконскій, а на дѣлѣ огорченіе осталось, но и симпатіи къ Аракчееву остались тоже неизмѣнными. Ослѣпленіе чувствъ было полнѣйшее, и съ ними сошелъ въ могилу Александръ, „сей сфинксъ, не разгаданный до гроба“, какъ его любилъ называть боготворившій его историкъ, Н. К. Шильдеръ!

Что же касается дѣлъ заговора, то отношеніе Аракчеева къ такому вопросу было прямо преступно. „По причинѣ сильнаго

разстройства", графъ не счелъ нужнымъ ни отвѣтить на письма Шервуда, ни принять и выслушать его лично, что составляло его священную обязанность. Въ своихъ запискахъ Шервудъ высказался совершенно опредѣленно по поводу этихъ дней: „....Эти десять дней разницы" (т.-е. не полученіе отвѣта на письма) „имѣли большія послѣдствія: никогда бы возмущеніе гвардіи 14 декабря на Исакіевской площади не случилось; затѣявшіе бунтъ были бы заблаговременно арестованы. Не знаю, чему приписать, что такой государственный человѣкъ, какъ графъ Аракчеевъ, которому столько оказано благодѣяній Императоромъ Александромъ, и которому онъ былъ такъ преданъ (!!), пренебрегъ опасностью, въ которой находились жизнь Государя и спокойствіе государства, для пьяной, толстой, рябой, необразованной, дурного поведенія и злой женщины: есть надъ чѣмъ задуматься".

Если унтеръ-офицеръ Шервудъ, родомъ англичанинъ, пришелъ къ такого рода заключеніямъ, то пишущій нынѣ эти строки только можетъ добавить чувство глубокаго негодованія и отвращенія къ роли Аракчеева въ дѣлѣ безопасности личности его благодѣтеля и вообще къ его отношенію къ особѣ Государя. Здѣсь вполнѣ отчетливо выразилась вся подлая фигура Грузинскаго помѣщика, и онъ самъ себѣ подписалъ приговоръ быть заклейменнымъ не только современниками, но и всѣми послѣдующими поколѣніями.

Хотя всѣ эти обстоятельства не могли не огорчить Александра Павловича, но въ общемъ онъ продолжалъ безмятежно свой образъ жизни; съѣздилъ на четыре дня въ Новочеркасскъ, посѣтивъ нѣкоторыя мѣстности Войска Донского, снова на шесть дней вернулся въ Таганрогъ, а 20 октября съ немногочисленной свитой отправился путешествовать по Крыму. По свидѣтельству всѣхъ его сопровождавшихъ, Государь былъ въ рѣдкомъ, радостномъ настроеніи духа, восхищался прелестями природы южнаго побережья Крыма, посѣщалъ всѣ достопримѣчательности то въ экипажѣ, то верхомъ, пока не простудился отъ собственной

неосторожности. Произошло это на пути изъ Балаклавы въ Георгіевскій монастырь. Былъ теплый день, Его Величество ѣхалъ верхомъ въ одномъ мундирѣ, безъ шинели, въ сопровожденіи одного фельдъегеря, такъ какъ свиту отпустилъ заранѣе; прогулка казалась прелестной, солнце парило во всю, Государь незамѣтно вспотѣлъ, какъ вдругъ подъ вечеръ подулъ свѣжій, порывистый вѣтеръ; Его Величество сильно продрогъ и, не успѣвъ заблаговременно доѣхать до Севастополя, прибылъ туда только послѣ восьми часовъ вечера. Какъ извѣстно, въ южныхъ странахъ время заката солнца считается самымъ опаснымъ; необходимо одѣвать что-либо теплое, а у Государя ничего подходящаго не оказалось, и онъ доѣхалъ до мѣста ночлега въ томъ же одѣяніи, какъ выѣхалъ изъ Балаклавы, съ явными признаками сильной простуды, отказавшись отъ обѣда и попросивъ только стаканъ чаю. Къ медицинской помощи Его Величество не обращался и на другой день, 28 октября, продолжалъ поѣздку въ коляскѣ на Бахчисарай. Здѣсь онъ приказалъ Тарасову приготовить какой-то согрѣвательный напитокъ, но ѣлъ мало и чувствовалъ уже недомоганіе.

Даже Шильдеръ принужденъ заявить о хорошемъ расположеніи духа Александра, несмотря на его начинающееся нездоровье. „Государь не далъ себѣ покоя и между прочимъ совершилъ поѣздку верхомъ въ Чуфутъ-Кале и на обратномъ пути посѣтилъ Успенскій монастырь; онъ казался совершенно здоровымъ, былъ весьма веселъ и со всѣми обращался съ обычной своей благосклонностью“. Слѣдовательно, за нѣсколько недѣль до кончины Государь, повидимому, не помышлялъ уже болѣе объ отреченіи отъ престола или объ удаленіи въ уединенныя мѣста, о чемъ, по завѣренію Шильдера, онъ серьезно подумывалъ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга. Такого рода свидѣтельство историка Александра очень цѣнно для насъ, потому что вся легенда о мечтахъ отреченія отпадаетъ сама собою.

1 и 2 ноября Императоръ Александръ посѣтилъ еще Евпаторію и Перекопъ; все время не жаловался на нездоровье, но справлялся у врачей о крымской лихорадкѣ и о средствахъ противъ этого недуга. При переѣздѣ изъ Орѣхова въ Маріуполь, 4 ноября, у Государя сдѣлался сильнѣйшій ознобъ, и онъ впервые прибѣгъ къ помощи Вилліе, рѣшивъ продолжать дорогу, несмотря на слабость послѣ пароксизма, а подъ вечеръ 5 ноября Его Величество прибылъ въ Таганрогъ, гдѣ съ нетерпѣніемъ ждала его Императрица послѣ двухнедѣльной разлуки, во время которой она получила извѣстіе о кончинѣ мужа сестры своей Каролины, короля Баварскаго. Нѣсколько дней Александру было какъ будто лучше, въ ночь съ 8 на 9 ноября показался обильный потъ, и врачи начали надѣяться на благополучный исходъ болѣзни. Но улучшеніе было только кажущееся, и въ послѣдующіе дни лихорадка усилилась, слабость стала проявляться еще нагляднѣе при общемъ упадкѣ силъ, сонъ сдѣлался тревожнымъ, и замѣчалась сонливость въ теченіе всѣхъ этихъ дней, очень смущавшая Вилліе. 14 числа Государь всталъ, хотѣлъ бриться, но съ нимъ сдѣлался обморокъ, продолжавшійся довольно долго. Врачи перепугались, а еще болѣе Елисавета Алексѣевна; больного окончательно уложили въ кровать, съ которой онъ болѣе не подымался. 15 числа Государь пожелалъ пріобщиться Св. Тайнъ, которыя были ему даны священникомъ Ѳедотовымъ, съ которымъ онъ оставался больше часа наединѣ во время исповѣди и причащенія. Послѣ этого, Государыня и священникъ убѣждали Александра болѣе не отказываться отъ лѣкарствъ и подчиниться требованіямъ медиковъ. Тарасовъ говоритъ, что Государь обѣщалъ это исполнить и сказалъ врачамъ: „Теперь, господа, ваше дѣло; употребите ваши средства, какія вы находите для меня нужными“. Но врачи ясно сознавали, что спасти больного уже поздно, такъ какъ появились мозговыя явленія, осложнявшія ходъ болѣзни, при постоянно возвышенной температурѣ;

17 числа снова появился лучъ надежды, такъ какъ за ночь положенная на затылокъ шпанская мушка облегчила больного, и день прошелъ сравнительно хорошо, но съ вечера на 18 число мозговыя явленія повторились съ бо́льшею интенсивностью, и Вилліе потерялъ всякую надежду на возможность спасенія. Всю ночь Государь пролежалъ въ безпамятствѣ, не приходя болѣе въ себя; Императрица Елисавета безотлучно оставалась при умирающемъ; къ утру 19-го положеніе ухудшилось, силы оставляли больного, дыханіе было затрудненное, и все постепенно готовилось къ окончательной печальной развязкѣ. Около 11 часовъ утра Александра I не стало. Онъ отошелъ въ вѣчность спокойно, безъ видимыхъ страданій, и лицо его, при разставаніи со всѣмъ земнымъ, озарилось какимъ-то особымъ райскимъ сіяніемъ. Горе царственной вдовы и окружающихъ было безутѣшно. Александръ скончался 47 лѣтъ 11 мѣсяцевъ и 7 дней; его правленіе Россіей продолжалось 24 года 8 мѣсяцевъ и 7 дней. Онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ физическихъ въ 1825 году, и никто не могъ предвидѣть такого рокового исхода, и менѣе другихъ —пользовавшіе обыкновенно его врачи. Вскрытіе тѣла показало, что почти всѣ органы были въ полной исправности, а болѣзнь, которая свела его въ могилу, была специфическая форма горячки (тифозный видъ запущенной лихорадки, по нынѣшнимъ понятіямъ); лѣченіе оказалось запоздалымъ, а до 14 числа Государь отказывался отъ всякихъ лѣкарствъ и не желалъ подчиняться требованіямъ медиковъ. Тѣло Императора было тщательно набальзамировано, но, по недостатку всего необходимаго для этой сложной операціи, оно быстро почернѣло, и черты лица сильно измѣнились. Сперва останки Благословеннаго монарха находились въ одной изъ комнатъ таганрогскаго дома, гдѣ онъ почилъ, и гдѣ совершались ежедневныя панихиды, а послѣ были перенесены въ Александровскій монастырь, до перенесенія тѣла въ Петербургъ.

Какъ актъ о кончинѣ Александра I, такъ и протоколъ вскрытія тѣла были подписаны находившимися при его кончинѣ лицами, съ тою разницею, что первый актъ былъ подписанъ генералъ-адъютантами княземъ Волконскимъ и Дибичемъ и только двумя медиками, Виллie и Штофрегеномъ, а протоколъ девятью врачами и скрѣпленъ подписью генералъ-адъютанта Чернышева. При долгомъ слѣдованіи тѣла Государя по Россіи до Петербурга, нѣсколько разъ осматривали положеніе усопшаго въ гробу, каждый разъ съ особаго разрѣшенія генералъ-адъютанта графа Орлова-Денисова, на котораго было возложено сопровождать останки Императора, и въ присутствіи всѣхъ сопровождавшихъ лицъ Государевой свиты, а также медиковъ. Погребеніе въ Петропавловскомъ соборѣ состоялось лишь 13 марта 1826 года.

Обращалъ ли когда-нибудь любезный читатель вниманіе на то, съ кѣмъ только не приходилось Александру Павловичу встрѣчаться за 48 лѣтъ его жизни? А на этомъ слѣдуетъ остановиться. Въ дѣтствѣ и отрочествѣ онъ видѣлъ весь блескъ двора своей бабки Екатерины, и передъ нимъ промелькнули такія фигуры, какъ Потемкинъ, Румянцевъ, Алексѣй Орловъ, Суворовъ, Безбородко, братья Зубовы... словомъ, почти всѣ Екатерининскіе орлы. За кратковременное царствованіе отца пришлось встрѣтиться съ людьми уже другого калибра, отъ Ростопчина, Беклешова, Н. П. Панина, графа Палена, Аракчеева до ничтожнаго Кутайсова включительно. Затѣмъ пошли сношенія съ людьми уже новыми и съ нѣкоторыми сотрудниками бабки и отца. Кого только Александръ не встрѣчалъ на Руси за 24 года правленія, съ кѣмъ только не велъ онъ продолжительныхъ бесѣдъ, и съ военными, и съ гражданскими, и съ дипломатами, и съ учеными, съ профессорами, съ художниками, съ мистиками, съ масонами, съ сектантами, съ лицами духовнаго званія, какъ бѣлаго, такъ и чернаго духовенства, съ поляками, съ балтійскими нѣмцами, съ восточными людьми, и всѣхъ умѣлъ очаровать, приласкать, а главное, заинтересовать

своей собственной личностью. А что касается иностранцевъ, то опять-таки нѣтъ почти ни одного мало-мальски извѣстнаго на любомъ поприщѣ человѣка, котораго не знавалъ бы Государь. Ему были извѣстны почти всѣ австрійцы, отъ полковника Вейротера до эрцгерцога Карла и отъ Стадіона до Меттерниха. Изъ нѣмцевъ передъ нимъ прошли всѣ эти Гаугвицы, Гарденберги, Фули, Штейны, Шарнгорсты, Гнейзенау, Блюхеры, Іорки, Гумбольдты, а сколько ихъ переходило и перешло на русскую службу, подчасъ непрошенными гостями. А что сказать о знакомыхъ во Франціи, начиная съ Наполеона и его братьевъ до Людовика XVIII и герцога Орлеанскаго (Луи-Филиппа); Таллейранъ, Фуше, Сіесъ имѣли честь говорить и не разъ, а долго, съ Русскимъ Императоромъ. Александръ зналъ почти всѣхъ маршаловъ Наполеона: Ланнъ, Бертье, Мюратъ, Бернадоттъ, Ней, Даву, Лефевръ, Макдональдъ, Ожеро, Удино, Мармонъ, изъ коихъ четверо первыхъ имѣли знаки ордена св. Андрея Первозваннаго; и далѣе генералы: Коленкуръ, Лористонъ, Эдувиль, Дюрокъ, Жомини, Моро; наконецъ, артисты, художники: Тальма, Жераръ, Изабей, и всѣ извѣстнѣйшія тогда женщины, какъ императрица Жозефина, королева Гортензія, г-жа Сталь, г-жа Рекамье; всѣ красавицы парижскихъ салоновъ, большинство актрисъ всѣ онѣ удостоились вниманія Русскаго монарха. Также и англичане: Регентъ (Георгъ IV), лордъ Ливерпуль, Веллингтонъ, Касльри, Стюартъ, Каткартъ, Нугентъ, и лондонскія дамы, и квэкеры, и т. д.

Почти всѣ проповѣдники, мыслители были представлены Государю (епископъ Эйлертъ, Парротъ, Юнгъ-Штиллингъ, г-жа Крюденеръ). Наконецъ, во Франціи именитые легитимисты: герцогъ Ришельё, Блака, Деказъ, также греческіе патріоты Каподистріа, Ипсиланти и разные политическіе авантюристы: князь де-Линь, Генцъ, Ланжеронъ, Поццо, Паулуччи, Кристинъ, изъ которыхъ нѣкоторые перешли на русскую службу. Въ общемъ, рѣдко кому въ жизни приходилось имѣть такое пестрое знакомство

съ различными представителями человѣчества, какъ именно Александру I.

Заканчивая наше историческое изслѣдованіе, гдѣ мы старались выяснить, насколько возможно, сложную личность Императора Александра, перемѣны, совершившіяся въ его характерѣ за различные періоды его бурнаго царствованія, отношенія съ людьми, какъ русскими, такъ и чужеземными, взгляды Государя на событія, вообще, и на дѣла управленія Россіи, въ частности, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о немъ самомъ, какъ правителѣ большой страны, какъ Русскомъ Царѣ и какъ человѣкѣ.

Какія обстоятельства повліяли на даровитую натуру Александра Павловича, что онъ вылился въ зрѣломъ возрастѣ въ такія сложныя, а подчасъ и мало понятныя формы. Двуличность, хотя, можетъ-быть, и была природнымъ свойствомъ его характера, но годы дѣтства и отрочества, несомнѣнно, оказали на эту склонность самое пагубное вліяніе. Съ одной стороны, геніальная бабка Екатерина, до безумія любившая внука первенца, съ другой— полусумасшедшій отецъ и честолюбивая мать, оба недовольные и обиженные Императрицей и устраненные ею отъ воспитанія ребенка. Слѣдовательно, съ ранняго возраста чуткій мальчикъ уже могъ замѣтить скрытую борьбу вокругъ себя. Потомъ появились воспитатели: во-первыхъ, лукавый князь Салтыковъ, все время игравшій на два фронта, потомъ ворчливый дядька Протасовъ и, наконецъ, мечтательный республиканецъ, швейцарецъ Цезарь Лагарпъ.

Пока Салтыковъ училъ ребенка ладить съ бабкой и родителями одновременно, Лагарпъ вселялъ въ голову мальчика начала свободы и равенства, столь мало сходныя съ общей обстановкой, при которой росъ Александръ. Поэтому, сразу получилась та путаница понятій и идей, при которой развивался Наслѣдникъ Россійскаго престола. Какъ только мальчикъ окрѣпъ, отецъ сталъ требовать военной выправки и обученія тонкостямъ военнаго

искусства, а Императрица Екатерина рѣшила женить 16-лѣтняго юношу-подростка и составила для молодыхъ дѣтей-супруговъ особый дворъ, куда вошли самые различные элементы, одни поставленные Екатериной, другіе—родителями. Какъ сверстники, кромѣ брата Константина, были приглашены два поляка, братья Чарторыжскіе, и князь А. Н. Голицынъ. Немного позднѣе появились и офицеры, въ лицѣ князя П. М. Волконскаго, графа Комаровскаго, князя П. П. Долгорукаго и еще нѣкоторыхъ другихъ.

Скончалась Екатерина II. Пошли томительные годы правленія Павла, и юношѣ-наслѣднику пришлось, въ теченіе почти пяти лѣтъ, исключительно предаваться военнымъ упражненіямъ, при строгомъ наблюденіи за нимъ батюшки, обращавшаго вниманіе на малѣйшія упущенія, и при любезномъ содѣйствіи новаго человѣка, артиллерійскаго офицера Аракчеева. Одновременно, Александру было хорошо извѣстно, что бабка хотѣла лишить престола Павла и передать оный ему; такая мысль не могла не тревожить частенько, особенно при характерѣ воцарившагося его отца, и нужно было обладать большимъ тактомъ и выдержкой, чтобы безропотно покоряться фантазіямъ Павла Петровича. Получалась такая картина: Александръ не могъ наслаждаться супружеской жизнью, будучи постоянно отвлекаемъ военными обязанностями и проводя время на плацахъ съ солдатами; онъ усталый возвращался домой, всегда въ тревогѣ и безпокойствѣ за слѣдующій день; ничего не успѣвалъ читать, ничѣмъ не могъ серьезно заниматься и терялъ часто терпѣніе, приходя въ отчаяніе отъ скуки общаго неприглядного режима.

А завѣты Лагарпа сидѣли въ головѣ, не успѣвъ еще испариться, воображеніе и мечтанія наводили на грустныя мысли, и именно тогда, вѣроятно, являлось какое-то стремленіе удалиться, бѣжать съ женою за границу и даже отказаться отъ престола. Но пока мысли только бродили, не успѣвъ принять опредѣленной формы, какъ вдругъ начались толки о готовящемся заговорѣ.

Сперва Александръ твердо рѣшилъ не вмѣшиваться въ это дѣло, но, какъ извѣстно, Паленъ увлекъ его, и онъ далъ роковое согласіе на исполненіе замысла, при непремѣнномъ условіи пощадить жизнь отца. Когда драма свершилась, и Александръ сталъ неожиданно самодержцемъ Россіи, онъ встрепенулся и понялъ, что не такъ-то легко быть Русскимъ Царемъ. Встрѣченный восторгами народа и всѣхъ подданныхъ, Александръ обѣщалъ править Россіей въ духѣ своей бабки Екатерины. Началась всеобщая ломка и влеченіе къ самымъ либеральнымъ реформамъ, къ которымъ поощрялъ Александра вернувшійся Лагарпъ и молодые, пылкіе сотрудники. Эра реформъ продолжалась недолго, и вскорѣ интересъ къ внѣшнимъ событіямъ и къ восходящей звѣздѣ Наполеона Бонапарта поглотили все вниманіе. Началась борьба, закончившаяся на поляхъ Аустерлица и Фридланда. Затѣмъ свершилось что-то совсѣмъ новое и необычное. Русскій Государь заключилъ союзъ съ сыномъ великой революціи, съ геніальнымъ корсиканцемъ! Россія сперва недоумѣвала, а вскорѣ стали слышаться голоса негодованія и почти всеобщей критики. Александръ остался глухъ къ этому понятному ропоту и продолжалъ дружбу съ новымъ союзникомъ, по крайней мѣрѣ наружно. И это время пролетѣло весьма быстро. Вскорѣ, одна лишь мысль твердо засѣла въ вожделѣніяхъ Александра низвергнуть могущество и первенство непрошеннаго друга. Союзъ началъ ослабѣвать и постепенно испарился, приведя къ разрыву въ 1812 году.

Началась година Отечественной войны. Это была пора расцвѣта недюжинныхъ способностей Александра Павловича, умѣвшаго примѣниться къ обстоятельствамъ и приблизиться къ духу русскаго народа. Государь выказалъ напряженіе всѣхъ силъ мозговой работы, принесъ въ жертву личныя симпатіи къ людямъ, предоставивъ играть первыя роли Кутузову и Ростопчину, что было противно его природѣ и высказалось наглядно впослѣдствіи, но въ данную минуту эти два имени вселяли довѣріе большинству

подданныхъ. Написанные манифесты и воззванія къ русскому народу перомъ Шишкова, понятнымъ слогомъ, дѣлали громадное впечатлѣніе и появлялись своевременно. Императоръ находилъ время входить во всѣ мелочи при возникшей борьбѣ за честь и спасеніе родины отъ ига Наполеоновскихъ полчищъ; онъ не брезгалъ никакими средствами, чтобы сломать мощь геніальнаго врага, увлекшагося бывшими успѣхами и вѣрившаго въ свою побѣдоносную звѣзду. Словомъ, 1812 годъ сблизилъ Царя съ народомъ, и какъ жаль, что Александръ не отдалъ себѣ въ этомъ настроеніи вполнѣ яснаго отчета и слишкомъ быстро забылъ все то, что можно было создать на этой благодарной почвѣ. Увлеченія успѣхами политики и внѣшней славой привели къ продолженію борьбы на чужихъ земляхъ, гдѣ русскія войска всюду являлись освободителями угнетенныхъ владычествомъ Наполеона. Роль Русскаго Государя была возвышенная и благородная, но и только. Интересы Россіи не требовали такого вмѣшательства, оказавшагося не соотвѣтствующимъ благу родины и приведшаго только къ выгодѣ чужеземцевъ, а вовсе не русскихъ. Нескончаемая война продолжалась еще цѣлыхъ три года, потребовала громадныхъ издержекъ и множества человѣческихъ силъ, которыя можно было сохранить въ цѣлости, и они пригодились бы впослѣдствіи. Эти три года войнъ за освобожденіе Европы были роковыми во всѣхъ отношеніяхъ и для личности монарха. Александръ скоро пресытился благами величія и славы, впалъ въ настроеніе, заглушившее въ немъ чувства патріотизма, и отдался всецѣло зловредному мистицизму въ области недостигаемаго на землѣ блаженства, которое высказалось въ примѣненіи на практикѣ идеи Священнаго союза, столь невыгоднаго и вреднаго для интересовъ Россіи. А Священный союзъ породилъ никому ненужные конгрессы, завязалъ постоянныя отношенія между Александромъ и Меттернихомъ, въ которыхъ послѣдній оказался ловчѣе и предусмотрительнѣе, оставшись побѣдителемъ на дипло-

матической аренѣ, окончательно сбившимъ съ толку довѣрившагося ему такъ неосторожно Русскаго Императора. Рядомъ съ этимъ, Священный союзъ и мистицизмъ породили на Руси аракчеевщину.

Александръ, невольно отдавшись религіозно-мистическимъ утопіямъ, не могъ уже заниматься дѣлами съ такимъ же увлеченіемъ, какъ раньше, онъ началъ тяготиться всѣмъ тѣмъ, что входило въ атрибуты царской власти и мало-по-малу окончательно отстранился отъ заботъ по внутреннему управленію, довѣрившись одному только человѣку Аракчееву. Между тѣмъ, Государь не могъ временами не сознавать своей ошибки; постоянныя путешествія по Россіи доказываютъ стремленіе знать и видѣть, что дѣлается на мѣстахъ, но не хватало болѣе силы воли лично руководить сложной машиной управленія, и Александръ впадалъ самъ съ собой въ противорѣчіе, любовно подчиняясь другой волѣ, Грузинскаго помѣщика. Два вопроса, тѣмъ не менѣе, ни на минуту не потеряли ни интереса, ни полной послѣдовательности въ дѣйствіяхъ. Мы говоримъ о Польшѣ и о военныхъ поселеніяхъ. Здѣсь работа кипѣла и не ослабѣвала. Воплощеніе идей либерализма годовъ юности и лагарповскихъ завѣтовъ нашли для себя примѣненіе въ устройствѣ Польскаго королевства, столь противномъ опять-таки для интересовъ Россіи. На этой почвѣ не помогли ни совѣты, ни увѣщанія приближенныхъ людей, даже иностраннаго происхожденія. Александръ, начиная съ злополучныхъ дней Вѣнскаго конгресса, шелъ твердою поступью и добился своего, не удовлетворивъ надеждъ неутолимыхъ поляковъ и глубоко огорчивъ всѣхъ русскихъ. То же самое случилось и съ военными поселеніями.

И здѣсь, большинство голосовъ не одобряло этой мѣры и малопонятнаго нововведенія; даже Аракчеевъ осмѣлился вначалѣ противиться такого рода фантазіи, но Александръ настоялъ на своемъ и до самой кончины нервно слѣдилъ за мнимыми

успѣхами цѣлой сѣти военныхъ поселеній, которыя онъ лично навѣщалъ, когда только могъ. Собственно говоря, въ жизни Александра Павловича совершилось только два рѣзкихъ перелома въ характерѣ. Первый обратилъ всеобщее вниманіе при началѣ борьбы съ Наполеономъ еще въ 1810 и 11 годахъ, второй совершился въ Парижѣ въ 1815 году и шелъ по нисходящей вплоть до самой кончины Государя.

Теперь постараемся разсмотрѣть фигуру Императора Александра I съ другой точки зрѣнія. Заслуживаетъ ли онъ быть причисленнымъ къ *великимъ* государямъ и правителямъ?

Въ исторіи, государи, признанные всенародно великими, имѣли тоже свои слабости, и нравственныя, и физическія. Заслуживаетъ ли Александръ наименованія великаго государя и правителя? Смѣемъ думать, что да. Весьма немногіе удостоились такого почетнаго прилагательнаго по отношенію къ ихъ дѣятельности на пользу своей родины; такъ, въ Россіи заслужили наименованія Великихъ Петръ I и Екатерина II, въ Пруссіи — Фридрихъ II, въ Австріи — Марія-Терезія, во Франціи — Людовикъ XIV и Наполеонъ I. Всѣ они сдѣлали по различнымъ отраслямъ много полезнаго, оставившаго слѣды и послѣ ихъ кончины, и вели успѣшныя войны, сдѣлавъ цѣнныя земельныя пріобрѣтенія. О степени ихъ геніальности мы не говоримъ, такъ какъ это понятіе уже имѣетъ значеніе всемірное. Лучшимъ примѣромъ служитъ Наполеонъ. Его геніальности никто не оспаривалъ и не будетъ оспаривать.

Для Россіи Александръ не былъ великимъ, хотя его царствованіе дало многое, но ему не хватало знанія ни русскаго человѣка, ни русскаго народа. Какъ правитель громаднаго государства вообще, благодаря геніальности сперва его союзника, а потомъ врага, Наполеона, онъ навсегда займетъ совсѣмъ особое положеніе въ исторіи Европы начала XIX столѣтія, получивъ и отъ мнимой дружбы, и отъ соперничества съ Наполеономъ то нимбъ, которое составляетъ необходимый атрибутъ Великаго монарха. Его обликъ

сталъ какъ бы необходимымъ дополненіемъ образа Наполеона, до того эти два человѣка антиподы умѣли, каждый на свой ладъ, обворожить и подчинить своей волѣ окружавшихъ ихъ людей. Оба нашли противодѣйствіе только въ одной націи, а именно въ странѣ Альбіона, которая вообще не признаетъ и рѣдко признавала міровое значеніе личности, особенно другого народа. Кромѣ англичанъ, всѣ остальныя народности Европы сперва подчинялись власти и вліянію Наполеона, а послѣ него—Александра. Если бы была въ ту эпоху хоть одна фигура, напоминавшая Бисмарка, то обстановка измѣнилась бы и для Наполеона, и для Александра, но ни Меттернихи, ни Таллейраны не могли, какъ они ни старались, затмить вліянія и обаянія ни того, ни другого.

Что же касается Александра, то геніальность Наполеона отразилась, какъ на водѣ, на немъ и придала ему то значеніе, котораго онъ не имѣлъ бы, не будь этого отраженія. Можетъ-быть, это парадоксъ, но мы его допускаемъ.

Если обратиться къ дѣятельности Императора Александра I по отношенію къ Россіи, то время его правленія нельзя причислить къ счастливымъ для русскаго народа, но весьма чреватымъ по послѣдствіямъ въ исторіи нашей родины. Послѣ долголѣтнихъ царствованій императрицъ Елисаветы Петровны и Екатерины II, которыя шли по стопамъ Великаго Петра, Россія развивалась быстро и заняла въ концѣ XVIII столѣтія уже вполнѣ опредѣленное положеніе среди странъ Европы. Кратковременный Павловскій режимъ, кромѣ общаго раздраженія, не оставилъ другихъ слѣдовъ.

Для Александра, вступившаго на русскій престолъ при общемъ восторгѣ, открывалось широкое поле дѣятельности. Вначалѣ, увлеченный реформами, онъ, казалось, понялъ свою задачу и хотѣлъ что-то создать прочное, но это мимолетное стремленіе не успѣло пустить корней, несмотря на сравнительно долгій періодъ общей ломки. Сперва молодые сотрудники, а потомъ Сперанскій, сдѣлали,

что могли, чтобы положить основы обновленія внутренняго строя и порядковъ. Фундаментъ, какъ ни говори, а былъ положенъ, но далеко не прочный. Но тутъ явился Бонапартъ, и этотъ человѣкъ сразу измѣнилъ весь ходъ мыслей и всю намѣченную работу Русскаго Государя.

Можно было ожидать, что время соперничества и борьбы, такъ успѣшно законченной, вернетъ снова въ русло начатую, съ такимъ рвеніемъ, работу первыхъ лѣтъ. Но надежда оказалась напрасной. Напротивъ того, все добытое на поляхъ брани кровью русскихъ воиновъ было принесено въ жертву идеѣ Священнаго союза, а Россія продолжала пребывать въ глубокомъ снѣ, въ которомъ военныя поселенія не могли дать живой струи, а покровительство, оказанное разнымъ сектамъ и масонству, только породило насажденіе тайныхъ обществъ, которыя, благодаря событіямъ 14 декабря 1825 года, надолго отвели Россію на путь самой убѣжденной реакціи Николаевскаго режима. Случилось нѣчто неожиданное: послѣ блеска вступленія на престолъ и міровой славы побѣдъ русскаго оружія Александръ Павловичъ оставилъ брату тяжелое наслѣдство, страну, изнеможенную отъ прошлыхъ войнъ, а еще болѣе отъ аракчеевщины, и весь организмъ больнымъ и утомленнымъ, а внутри полнѣйшую дезорганизацію власти и всякаго порядка, при полномъ отсутствіи какой-либо опредѣленной системы управленія. Приходилось преемнику снова укрѣпить своды расшатаннаго зданія.

Опредѣлить характеръ Александра I, какъ человѣка, задача не изъ легкихъ. Въ немъ было что-то врожденное, которое привлекало къ нему людей. Французы называютъ это качество— „le charme“. Это врожденное свойство творило чудеса и обворожало всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться. Если присоединить ко всему симпатичную фигуру Государя, его чарующую улыбку, выраженіе его глазъ и манеру обращенія, то получалось то общее, что покоряло сердца. Не даромъ въ соб-

ственной царской семьѣ и мать, и супруга, и братья, съ ихъ женами, называли Александра нашимъ ангеломъ, „notre ange“, а Императрица Елисавета Алексѣевна увѣковѣчила это прозвище въ письмѣ о его кончинѣ: „Notre ange est au Ciel, et moi malheureuse sur la terre“... Тотъ же образъ ангела украшаетъ Александровскую колонну на площади Зимняго дворца. Возможно, что въ душѣ Александра Павловича и было нѣчто ангельское, потому что его доброта и благожелательство къ ближнему не подлежатъ сомнѣнію, но, къ сожалѣнію, эта черта нерѣдко омрачалась и другими порывами. Рядомъ съ этой добротой, иногда проявлялось и злопамятство, никогда вполнѣ не угасавшее, а, кромѣ того, чувствовалась частенько и двуличность, которую сразу не каждому удавалось подмѣтить. Двуличность никогда не оставляла Александра, составляя коренную черту его нрава, уже ранѣе объясненную. Она давала ему возможность одновременно работать съ Сперанскимъ и Аракчеевымъ, съ Аракчеевымъ и А. Н. Голицынымъ, а также и съ Волконскимъ; онъ могъ слушать и подчиняться совѣтамъ Меттерниха и заниматься часами съ Каподистріей; пока Александръ обвораживалъ Наполеона въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, онъ спокойно писалъ матушкѣ о тѣхъ способахъ, какими возможно сломать его мощь; въ одну дверь входилъ къ нему довѣрчиво канцлеръ Румянцевъ, а въ другую тайкомъ впускался Кошелевъ; съ одного подъѣзда подъѣзжалъ англійскій квэкеръ или другой сектантъ, а съ другого входилъ убогій монахъ или самъ митрополитъ; въ одинъ часъ шла бесѣда о возвышенныхъ чувствахъ долга монарха къ своей родинѣ съ Карамзинымъ, а въ другое время Александръ могъ выслушивать спокойно какого-нибудь Магницкаго, и что болѣе всего замѣчательно, что всѣ эти люди выходили очарованными изъ кабинета Государя и часто воображали, что Его Величество соблаговолилъ раздѣлять ихъ образъ мыслей.

Одинаково съ этимъ, Александръ обладалъ замѣчательною работоспособностью, особенно въ эпоху Отечественной войны и

послѣдующихъ кампаній за освобожденіе Европы. Онъ имѣлъ даръ, входя во всѣ мелочи, быстро схватывать суть дѣла и принимать соотвѣтствующее рѣшеніе. Иногда примѣшивалась извѣстная доля упрямства, особенно когда Александръ предполагалъ или замѣчалъ желаніе другого лица настоять на своемъ мнѣніи и какъ бы подчинить себѣ волю Государя; въ этихъ случаяхъ Императоръ становился непреклоннымъ въ проведеніи собственныхъ предначертаній. Умомъ Александръ могъ всегда похвастаться, и умомъ тонкимъ, чуткимъ и вполнѣ природнымъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ даръ особаго чутья познавать скоро людей, играть на ихъ слабостяхъ и всегда подчинять своимъ требованіямъ. Не мудрено, что Наполеонъ на островѣ св. Елены, въ порывѣ горечи, написалъ про него, „que c'était un grec du Bas-Empire“, другими словами, „византіецъ смутныхъ временъ“, и что разные мудрецы изъ дипломатовъ, какъ Таллейранъ, Меттернихъ или Касльри, смущались при бесѣдахъ съ Александромъ и должны были напрягать всѣ свои способности, чтобы не попасть впросакъ. Необходимо также отмѣтить, что при всѣхъ эволюціяхъ, совершившихся въ характерѣ Александра, основныя черты его нрава сохранились, и очевидцы, видѣвшіе и говорившіе съ нимъ въ годы юности, также восторженно отзывались о его способностяхъ, какъ и тѣ, которые встрѣчались съ нимъ въ послѣдніе годы его жизни. Если мужчины поражались его дарованіями, то что сказать о женщинахъ? Супруга Александра, несмотря на всѣ измѣны мужа, сохранила къ нему чувство особой привязанности и любви даже тогда, когда Александръ какъ бы забылъ о существованіи первой спутницы и подруги своей на землѣ. Сестра Екатерина, прямо-таки, молилась на брата и не могла удержаться отъ проявленій къ нему любви и дружбы. Суровая и надменная Марія Ѳеодоровна, никогда не обнаруживавшая внѣшнихъ проявленій нѣжности въ чувствахъ, и она боготворила и гордилась своимъ сыномъ. Мы сказали нѣсколько словъ о ближайшихъ родственни-

цахъ, но почти всѣ женщины, имѣвшія общеніе съ Государемъ, сохранили о немъ самую свѣтлую память.

Что же касается лицъ ближайшей свиты, докторовъ, всей прислуги, т.-е. тѣхъ, которымъ пришлось быть ежедневными свидѣтелями обычнаго домашняго обихода Его Величества, то всѣ они души не чаяли въ своемъ повелителѣ и готовы были умереть за него.

Очевидно, что въ Александрѣ, дѣйствительно, таилось то рѣдкое качество притяженія къ себѣ людей, дававшее себя знать въ проявленіяхъ къ нему любви и привязанности. И подумать, тотъ же Александръ могъ съ легкимъ сердцемъ подписывать лютые приговоры къ наказанію солдатъ розгами и къ проведенію сквозь строй по нѣскольку разъ! Здѣсь психика должна невольно наткнуться на непонятную загадку, и такого рода загадку, которая должна смутить не одного изслѣдователя историческихъ личностей. Вѣдь каждый день, начиная съ 1812 года, Государь читалъ по одной главѣ или изъ св. Евангелія, или изъ Библіи; зналъ многія цитаты священнаго писанія наизусть, постоянно въ письмахъ ссылался на слово Христово, и тотъ же человѣкъ могъ поощрять такого рода взысканія и смотрѣть сквозь пальцы на всѣ изувѣрства Аракчеева въ военныхъ поселеніяхъ, въ теченіе многихъ непрерывныхъ лѣтъ. Вѣроятно, нѣкоторые критики были бы склонны видѣть въ этомъ невѣроятномъ противорѣчіи ту двуличность его характера, о которой мы только-что говорили, но мы убѣждены, что въ этихъ случаяхъ не было этой двуличности, а скорѣе результатъ особаго рода религіознаго фанатизма, отчасти связаннаго съ тѣмъ временемъ, съ тѣми нравами и обычаями, при которыхъ протекла жизнь Александра Павловича. Другого объясненія мы не находимъ.

Если разсмотрѣть еще отношенія его къ сотрудникамъ, то здѣсь мы наткнемся на другую загадку, а именно на неограниченное довѣріе къ Аракчееву, которымъ, кромѣ него, никто

другой не пользовался. Но по этому вопросу мы уже высказались съ достаточною ясностью, а потому не будемъ возвращаться къ нему.

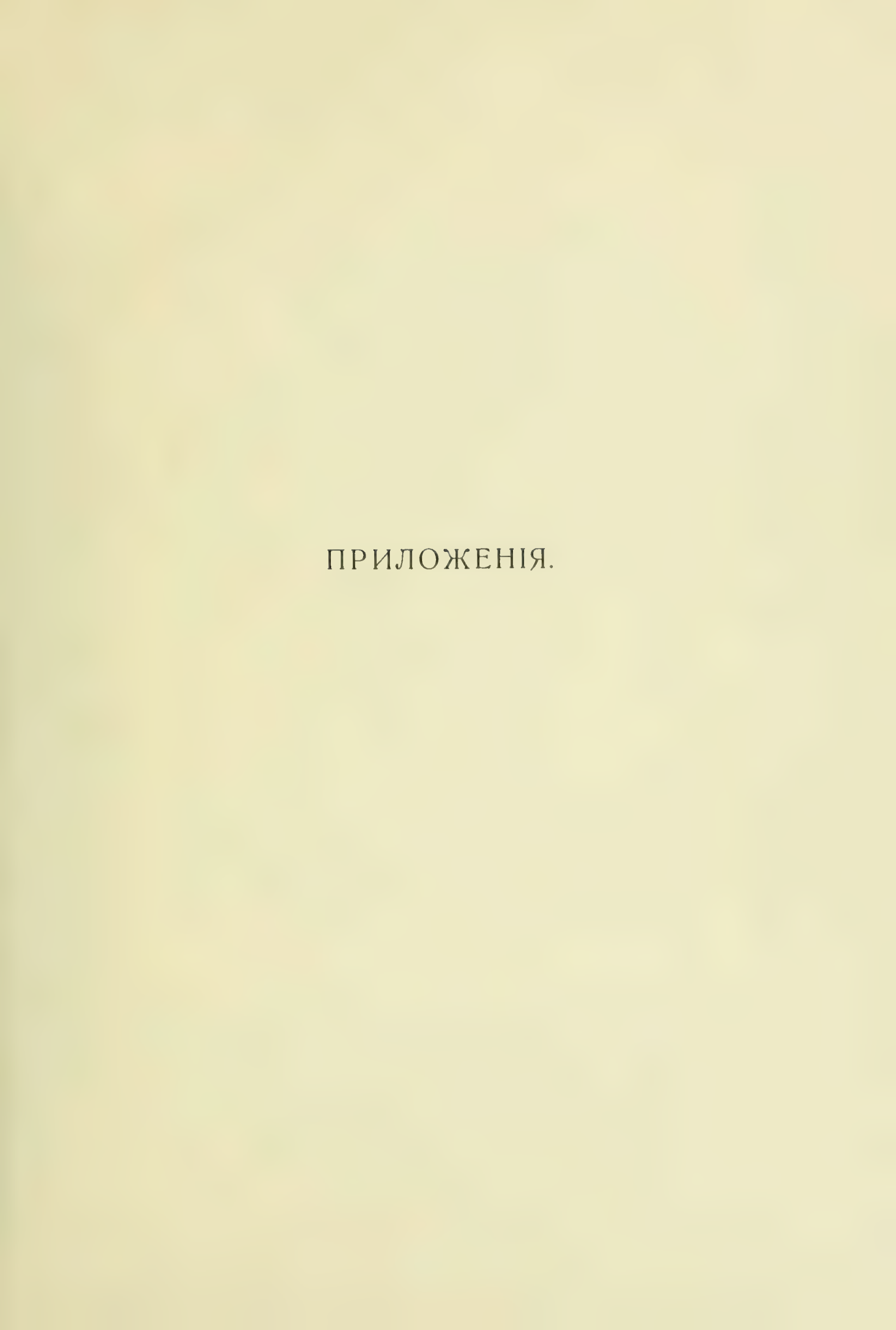
Остается сказать нѣсколько словъ о связанной съ именемъ Благословеннаго монарха легендѣ о сибирскомъ старцѣ Ѳеодорѣ Кузьмичѣ. Безъ сомнѣнія, легенда весьма поэтичная и настолько заманчивая для воображенія, что она могла увлечь такихъ мыслителей и писателей, какъ Левъ Николаевичъ Толстой. Сознаюсь откровенно, что и пишущій эти строки много лѣтъ увлекался той же легендой.

Скажу больше, увлекался настолько, что сдѣлалъ все, что только было возможно, чтобы разгадать тайну старца, опредѣлить его личность и собрать о немъ всѣ подробности. Удалось только болѣе или менѣе опредѣлить его образъ жизни въ Сибири и собрать свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ, которыя его посѣщали. Въ особой статьѣ мы подробно изложили результаты нашихъ изслѣдованій и розысковъ. Но эти результаты были обратны тому, на что мы возлагали надежды; выяснилось только одно, а именно, что старецъ не былъ и не могъ быть Императоромъ Александромъ I, а личности самого Ѳеодора Кузьмича такъ-таки и не удалось установить. Позволимъ себѣ еще высказать нѣкоторыя соображенія по этому вопросу. Если вдуматься въ характеръ и наклонности Александра Павловича, то нельзя найти въ нихъ ни малѣйшей склонности къ такого рода превращенію, а тѣмъ болѣе къ добровольной рѣшимости итти на такого рода лишенія въ зрѣломъ возрастѣ, при совсѣмъ исключительной обстановкѣ. Вѣдь, по разсказамъ старца, его, какъ бродягу, на пути въ Сибирь подвергли тѣлесному наказанію розгами. Ну неужели можно допустить, чтобы такой человѣкъ, какъ Императоръ Александръ, могъ добровольно согласиться на такого рода публичное истязаніе. Даже зарвавшаяся фантазія должна имѣть предѣлы! Повторяемъ, что если бы Государю могла прійти на умъ мысль о замѣнѣ себя въ гробу

другимъ покойникомъ, то для исполненія какъ и этой выдумки, такъ и для способовъ исчезновенія его, Государя земли Русской, понадобилось бы имѣть подъ рукой цѣлую группу сообщниковъ, не считая Императрицы Елисаветы; неужели возможно допустить, что на такого рода комбинацію нашлось бы достаточное количество исполнителей?! Поэтому, мы окончательно пришли къ убѣжденію, что не только противна всякой логикѣ возможность правдоподобія легенды, но и нѣтъ ни малѣйшаго аргумента или доказательства въ пользу такого предположенія.

Оканчивая наше повѣствованіе, остается сказать, что мы старались опираться, по возможности, на достовѣрные документы, внесли въ нашу работу все то, что не было еще напечатано для выясненія личности Благословеннаго монарха, и хотѣли приблизиться къ дѣйствительной фигурѣ этого Государя.

Не знаемъ, удалось ли намъ достаточно рельефно оттѣнить различныя черты сложной натуры Александра Павловича; возможно, что мы что-либо опустили или недостаточно выяснили нѣкоторыя подробности. Еще разъ выражаемъ надежду, что болѣе юныя силы на Руси возьмутся написать болѣе обширную работу, посвященную исторіи царствованія Александра I; мы же даемъ ту канву, тѣ данныя, которыя подлежатъ всестороннему освѣщенію при изложеніи всѣхъ тѣхъ фактовъ, которые волновали и Россію, и Европу въ первой четверти XIX столѣтія.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ

I.

Письма Александра I къ Лагарпу *).

1.

Au Citoyen de La Harpe,
ci-devant membre
du Directoire Helvétique.

St-Pétersbourg, le 9/21 mai 1801.

Le premier moment de vrai plaisir que j'ai ressenti depuis que je me trouve à la tête des affaires de mon malheureux pays, c'est celui que j'ai éprouvé en recevant votre lettre, mon cher et vrai ami. Je ne puis vous rendre tout ce que j'ai senti, et surtout en voyant que vous me conservez toujours les mêmes sentiments qui sont si chers à mon cœur, et que ni l'absence ni l'interruption de relations n'a pu altérer.

Croyez, mon cher ami, que rien au monde n'a pu aussi porter atteinte à mon attachement inviolable pour vous et à toute ma reconnaissance pour les soins que vous avez eus pour moi, pour les connaissances que je vous dois, et, plus que tout cela, pour les principes que vous m'avez inspirés et de la vérité desquels j'ai eu les occasions de me convaincre bien des fois.

Il n'est pas en mon pouvoir de reconnaître tout ce que vous avez fait pour moi, et jamais je ne pourrai m'acquitter de cette dette sacrée.

Je tâcherai de me rendre digne d'avoir été votre élève, et je m'en glorifierai toute ma vie; aussi, ce n'est qu'en obéissant aux ordres les plus positifs que j'ai cessé de vous écrire **), sans cesser pourtant de penser à vous et aux moments que nous avons passés ensemble. Il me serait bien doux d'espérer qu'ils pourront revenir, et cela serait me rendre bien heureux que

*) Изъ Собственной Его Императорскаго Величества Библіотеки, Рукописный отдѣлъ, № 395, шк. 1, п. 3, к. 8.

**) J'ai eu depuis la jouissance d'apprendre que les motifs de cette interdiction n'existaient plus au commencement de 1801, S. M. I. l'Empereur Paul Ier ayant daigné s'expliquer à cette époque d'une manière honorable pour moi, et s'étant rappelé *la manière touchante* dont j'avais eu l'honneur de prendre congé d'Elle. En me rapportant cette conversation, en 1801, S. M. I. Alexandre Ier désira savoir ce que ces mots pouvaient signifier, ce qui m'obligea de lui faire part de l'entretien que j'avais eu en avril 1795 à Gatchina avec son auguste père. La certitude que ce monarque infortuné, dont le cœur était si noble, avait conservé le souvenir de cet entretien me toucha vivement. *(Прим. Лагарпа).*

de l'effectuer. Là-dessus je m'en remets absolument à vous et à vos convenances domestiques; car il n'y en a aucunes autres qui pourraient jamais s'y opposer *). Mais une grâce que je vous demande, c'est de m'écrire de temps en temps et de me donner vos conseils, qui me seront si salutaires dans un poste comme le mien, et *dont je ne me suis chargé que pour pouvoir être utile à mon pays et le préserver pour l'avenir de nouveaux malheurs.* Que ne pouvez-vous être là pour me guider de votre expérience et me garantir *des pièges auxquels je suis exposé par ma jeunesse, et peut-être l'ignorance dans laquelle je suis de la noirceur des âmes perverties!* On juge si souvent d'après soi-même, et, désirant le bien, on se flatte trop que les autres sont dans les mêmes intentions, jusqu'à ce que l'expérience vienne prouver le contraire: alors on se trouve détrompé, mais peut-être trop tard, et le mal se trouve fait. Voilà, mon cher ami, pourquoi un ami éclairé et expérimenté est le trésor le plus grand qu'on puisse avoir.

Mes occupations m'empêchent de vous en écrire davantage. Je finis par vous dire que ce qui me donne le plus de peine et de travail, c'est de concilier les intérêts et les haines particulières, et de faire coopérer les autres au seul et unique but, *l'utilité générale.*

Adieu, mon cher ami. Votre amitié sera ma consolation dans mes peines. Dites mille choses de ma part à votre femme, et recevez les compliments de la mienne. Si je puis vous être utile, disposez de moi, et mandez-moi ce que je puis faire **).

2.

Записки Александра I къ Лагарпу во время пребыванія послѣдняго въ Петербургѣ въ 1801 и 1802 гг.

St-Pétersbourg, décembre 1801.

Je saisis, mon cher, le premier moment libre qui se présente pour vous remercier de votre dernière lettre, et pour vous dire que vous ne pouvez pas m'écrire assez souvent, que c'est la plus grande marque d'amitié que vous pouvez me donner, et que vous ne faites par là qu'ajouter à toute la reconnaissance que je vous ai vouée pour la vie.

*) En montrant cette lettre aux envoyés russes, ils m'eussent tous délivré un passeport, et tous me le refusèrent. J'appris enfin qu'une circulaire du ministère des affaires étrangères leur avait ordonné d'en agir ainsi. *(Прим. Лагарпа).*

**) C'est cette lettre que le célèbre orateur Erskine, depuis Grand Chancelier d'Angleterre, arrosa de ses larmes après l'avoir lue au Plessis-Piquet, et à laquelle il fit allusion avec son admirable faconde en portant la parole dans une affaire où le nom de l'Empereur avait été prononcé. En lui montrant cette lettre, j'avais voulu lui montrer en déshabillé celui que la Providence avait placé à la tête de 50 millions d'hommes, et qu'en qualité d'homme d'Etat ami du genre humain, il lui importait de connaître. *(Прим. Лагарпа).*

Je ne conçois pas d'où a pu naître le bruit de la création d'un chancelier. Jamais il n'en a été question, et jamais cela ne se fera. Votre façon de juger l'individu s'accorde parfaitement avec la mienne. Le temps fera tomber ces bruits. Adieu, mon cher, je vous salue.

St-Pétersbourg, décembre 1801.

Mille grâces, mon cher ami, pour votre billet et pour la brochure y incluse *). Je suis bien fâché que vous ne m'ayez pas fait avertir le soir que vous aviez passé chez moi. Je compte un de ces jours être assez bien pour passer chez vous. Adieu, mon cher, je vous salue.

St-Pétersbourg, 1er janvier 1802.

Mon cher ami, Je viens de finir mon travail dans ce moment, et il est neuf heures passées. Je suis donc obligé de me priver de la satisfaction de venir vous souhaiter la bonne année, comme je me l'étais proposé. Adieu, mon cher, j'espère être plus heureux après-demain.

St-Pétersbourg, janvier 1802.

Je joins ici, mon cher, le mémoire bien insuffisant dont je vous ai parlé **). Je ne crois pas que vous puissiez en tirer un grand parti. Au moins, il vous donnera l'idée de la nullité actuelle d'une institution aussi importante pour la nation.

Janvier 1802.

Recevez, mon cher, mes remerciements pour le mémoire que vous avez bien voulu m'adresser ***).

J'ai voulu passer moi-même chez vous l'un de ces jours; les affaires m'en ont empêché. J'espère être plus....... En attendant, je vous dirai que j'ai lu avec bien de l'intérêt le détail sur vos affaires domestiques, et je me ferai un

*) C'était une description statistique de l'un des départements de la France, très bien faite, et pouvant offrir un modèle pour les travaux pareils qu'on se proposait d'entreprendre en Russie. *(Прим. Лагарпа).*

**) C'était le rapport présenté le 4 mars 1801 à S. M. I. l'Empereur Paul Ier par la Commission Impériale des écoles, que j'avais désiré connaître, et qui servait de base à mon Mémoire du 4 mars 1802. *(Прим. Лагарпа).*

***) Il consistait surtout dans un tableau des résultats que la Russie pouvait retirer des découvertes faites par Lapeyrouse et par Vancouver. *(Прим. Лагарпа).*

devoir, et en même temps un plaisir bien cher pour moi, de vous mettre hors de tout souci sur ce sujet. Adieu, mon cher, je vous salue *).

St-Pétersbourg, du commencement de février 1802.

Ayant un moment à moi, mon cher, je l'emploie à vous répondre sur votre dernière lettre.

Je ne vous avais pas offert une arende, dans l'idée qu'elle ne pouvait vous convenir, ne pouvant la régir vous-même, et croyant qu'une pension fixe était préférable, car les revenus des arendes varient souvent, selon la fertilité de l'année. Mon intention avait été de porter votre pension, de 2000 R. qu'elle est dans ce moment, à 5000 R. Je ne crois pas que l'arende dont vous me parlez puisse fournir à ce revenu. J'ai fait prendre, en attendant, tous les renseignements nécessaires, et, dès que je les aurai, je vous en ferai part.

En attendant, croyez que mon premier désir est de vous témoigner, autant qu'il est en mon pouvoir, ma reconnaissance pour tout ce que je vous dois, et c'est un vrai plaisir pour moi d'en avoir l'occasion. Un de ces jours, je compte passer chez vous; en attendant, je vous salue.

St-Pétersbourg, 11 avril 1802, au soir.

Mon cher ami, J'ai voulu venir chez vous pour vous remercier de l'envoi que vous m'avez fait, surtout pour le mémoire **). C'est une nouvelle obligation que vous joignez à toutes celles que je vous dois déjà, et vous n'avez pu me donner une idée plus vraie de votre amitié. On m'a retenu jusqu'à ce moment: ainsi je dois remettre ma visite, soit à Dimanche ou Lundi. Bonsoir, mon cher. Tout à vous.

St-Pétersbourg, 29 avril 1802.

Mon cher ami, M. Vitovtoff, qui est chargé de la partie qui devra soigner l'indigence et toutes les institutions y relatives, voudrait vous communiquer quelques essais de ses travaux, pour vous consulter. C'est un homme rempli du bonne volonté et de zèle, surtout pour la partie qui lui est confiée et qui demande encore dans ce pays-ci un grand perfectionnement.

---

*) S. M. I. m'avait invité à Lui faire connaître l'état de mes affaires. Je La priai de permettre que ce fût par écrit. Elle y consentit, et j'eus l'honneur de Lui écrire trois fois à ce sujet. La générosité de S. M. I. termina tout par un gracieux Oukaze du 5 mai 1802. *(Прим. Лагарпа).*

**) C'est du mémoire du 7 avril 1802 dont il s'agit. Il était destiné à récapituler les principaux sujets dont il avait été question pendant l'hiver. *(Прим. Лагарпа).*

St-Pétersbourg, mai 1802.

Mon cher ami, Je joins ici les frais de votre voyage, tout en vous invitant cependant à ne pas l'entreprendre, ou à en reculer du moins le moment autant que possible. Tout à vous pour la vie *).

Письма къ Лагарпу послѣ его отъѣзда изъ Петербурга.

3.

Au Citoyen La Harpe,
ci-devant membre du Directoire Exécutif
de la République Helvétique,
au Plessis-Piquet, près Paris.

St-Pétersbourg, 26 octobre 1802.

Mon cher et vrai ami, J'ai tardé bien longtemps à vous écrire. Ne m'en voulez pas de mal; j'ai été si surchargé de besogne, que peu de moments me restent libres.

J'ai reçu maintenant vos trois bien intéressantes lettres de Königsberg, de Francfort et du Plessis-Piquet. Elles m'ont fait un plaisir bien réel. Vous connaissez, mon cher, mon amitié sincère pour vous: vous savez qu'elle est basée d'abord sur l'estime la plus vraie pour votre caractère, ensuite sur toute la reconnaissance que je vous devrai jusqu'au tombeau. Vous n'y avez pas peu ajouté par votre voyage à Pétersbourg. Je sens et reconnais encore jusqu'ici toute l'utilité que j'en ai retirée, même sans parler de tout l'agrément que j'en ai eu, en vous revoyant après une si longue absence.

Bien des grâces pour tous les détails dans lesquels vous entrez, dans votre lettre de Francfort. Je l'ai lue avec un grand intérêt, et je m'efforcerai sûrement de mettre à profit les conseils que votre amitié me donne.

La mesure dont nous avons si souvent parlé ensemble se trouve en pleine activité **). Le ministère est organisé, et va assez bien, depuis plus d'un mois. Les affaires en ont acquis beaucoup plus de clarté et de méthode, et je sais à qui m'en prendre, si quelque chose cloche. Lamsdorf est de

*) Les billets ci-dessus sont les seuls que j'aie conservés de tous ceux que S. M. I. me faisait l'honneur de m'adresser pendant mon second séjour à St-Pétersbourg, en 1801 et 1802.
(Прим. Лагарпа).

**) Il s'agit ici de la grande opération de la création des ministères et de la classification des affaires à répartir entre eux. Qu'il me soit permis de citer ici une anecdote qui s'y rapporte. Un soir, je vis entrer chez moi S. M. I. dans une affliction que je n'oublierai jamais. Depuis plusieurs jours, cet excellent prince avait été occupé à rechercher les causes et les auteurs des désordres affreux qui avaient fait quelques centaines de malheureux dans le gouvernement d'Irkoutsk, sans avoir pu les découvrir, le contrôle imparfait subsistant à cette époque n'en fournissant pas les moyens. Après avoir fait mes efforts pour rappeler son courage, nous cherchâmes de concert quelles mesures pourraient prévenir à l'avenir de pareils malheurs, et il fut reconnu que la création des ministères et l'établissement d'un *Contrôle* bien réel offraient la perspective du succès.
(Прим. Лагарпа).

retour depuis quelques jours; il est à Gatschina avec ma mère; j'attends son retour pour lui parler au sujet de Ludwig, dont je crois l'acquisition très utile.

Adieu, mon cher et bon ami. Ma femme vous dit mille choses. Présentez mes hommages à la vôtre, et conservez-moi toujours votre amitié et votre souvenir, qui me resteront éternellement précieux. Dans quelques jours je vous adresserai une autre lettre, dans laquelle je vous parlerai en détail de Miss Williams. Votre sincère ami.

4.

A Monsieur de la Harpe,
en mains propres.

Kamennoï Ostrof, 7 juillet 1803,
à minuit et demi.

Mon cher, mon vrai ami, c'est par M. Baïkoff que je vous écris.

J'ai gardé bien longtemps le silence, mais, n'aimant pas confier mes lettres pour vous à la poste et, la plupart du temps, n'ayant pas un moment à moi, j'ai manqué plusieurs courriers qui auraient pu vous les porter. Ma besogne journalière est si forte, qu'à peine je puis suffire pour l'expédier: ne voulant pas remettre au lendemain, elle absorbe tout mon temps. Mais trêve à mon apologie: j'aime mieux recourir à votre amitié et à votre indulgence.

Vos lettres, mon cher ami, me font le plus sensible plaisir. Si vous n'êtes pas rebuté d'écrire à quelqu'un qui vous répond si rarement, de grâce, continuez-les moi; c'est une des plus grandes marques d'amitié que vous pouvez me donner. Les conseils que j'y trouve sont autant de nouvelles obligations que vous ajoutez à celles que je vous dois déjà, et dont ma reconnaissance durera autant que ma vie; je me fais et me ferai toujours gloire d'être votre débiteur.

Je suis bien revenu avec vous, mon cher, de notre opinion sur le Premier Consul. Depuis son Consulat à vie, le voile est tombé, et depuis lors, c'est allé de mal en pis. Il a commencé par se priver lui-même de la plus belle gloire réservée à un homme, et qui seule lui restait à cueillir, celle de prouver qu'il avait travaillé sans aucune vue personnelle, uniquement pour le bonheur et la gloire de sa patrie, et, fidèle à la constitution qu'il avait jurée lui-même, de remettre après les 10 ans le pouvoir qu'il avait en mains. Au lieu de cela, il a préféré singer les Cours, tout en violant la constitution de son pays. Maintenant c'est l'un des tyrans les plus fameux que l'histoire ait produits.

J'ai lu avec admiration les passages des fragments que vous m'avez envoyé du *Vrai sens du Vote sur le Consulat à vie* *).

La justice que vos compatriotes vous ont enfin rendue m'a fait un plaisir sensible; elle vous était due depuis longtemps. Je n'ai pu qu'approuver votre réponse: les circonstances n'en permettaient pas d'autre.

*) Brochure de Camille Jordan, qui faisait grand bruit. *(Прим. Лагарпа).*

J'ai vu avec peine qu'on a pu supposer que je fusse pour quelque chose dans les dissensions des Suisses, surtout que je sois pour le parti des anciens gouvernants. *Vous rendez trop justice à mes principes pour croire jamais que je soutiendrais l'oppression.*

Quant à Christin, il se trouve en Suisse, parce que j'ai ordonné à M. de Morkoff de le renvoyer de son service, ne voulant avoir rien à faire avec les intrigants.

J'ai rempli, mon cher, vos désirs sur Hallvill, et l'ai placé dans le bataillon d'artillerie des Gardes. J'espère qu'il est content, et moi bien charmé d'avoir pu faire quelque chose qui vous soit agréable.

Vous me parlez dans plusieurs de vos lettres du désir que plusieurs individus vous témoignent d'entrer au service de la Russie. Je vous répondrai là-dessus que, si vous connaissez personnellement le mérite distingué des individus et que vous me les recommandiez comme tels, je ne ferai certainement pas difficulté de les recevoir, pourvu que vous m'annonciez clairement leurs prétentions, et qu'elles se trouvent compatibles avec nos usages. Du reste vous connaissez la grande quantité de nationaux qui se trouvent chez nous sans places, par la difficulté d'en trouver: ainsi, je ne voudrais prendre de l'étranger que ceux qui sont vraiment distingués par leur mérite et leur caractère moral. Communiquez-moi franchement toujours votre façon de penser, quand les cas se présenteront.

L'opinion que vous prétendez qu'on veut bien avoir de moi me touche beaucoup. Tout mon désir est de pouvoir un jour la justifier, et tous mes soins y sont voués. Mon but restera constamment le même, et mes efforts ne se ralentissent pas, malgré les obstacles. La doctrine professée là où vous êtes ne gagne pas heureusement jusqu'ici. Nous restons fidèles à nos principes et tâchons peu à peu de les mettre en pratique.

Je vous suis bien reconnaissant pour tous les papiers et livres que vous m'avez envoyés, et qui sont du plus grand intérêt. Je vous charge une fois pour toutes de souscrire en mon nom pour tel ouvrage que vous jugerez bon. Ayez soin seulement de m'envoyer avec vos lettres le compte de la dépense, que je rembourserai toujours à la maison de votre beau-frère, à St-Pétersbourg.

Vos regrets sur la nomination de Zavadowsky à la place de ministre de l'instruction publique seraient diminués, si vous étiez au fait de l'organisation de son ministère. Il est nul. C'est un conseil, composé de Mouravief, Klinger, Czartorysky, Novossiltzoff, etc., etc., qui régit tout: il n'y a pas un papier qui ne soit travaillé par eux. La fréquence de mes rapports avec les deux derniers surtout empêche le ministre d'opposer le moindre obstacle au bien que nous tâchons de faire. Au reste, nous l'avons rendu coulant au possible, un vrai mouton: enfin il est nul, et n'est dans le ministère que pour ne pas crier s'il en eût été exclus.

Vous m'avez glissé quelques mots sur la Phillis et les prétendus beaux cadeaux que je lui ai faits. Ah! je vous assure, *parole d'honneur*, qu'on a bien tort si l'on me suppose la moindre chose de commun avec elle. Le cadeau n'était autre que celui qu'il est d'usage de faire à tout débutant.

A présent, j'ai à vous parler sur Miss Williams; je m'avoue coupable d'avoir tardé si longtemps. Je suis parfaitement content de ses conditions. Quant à l'émolument, je m'en remets à celui que vous jugerez vous-même être convenable, comme par exemple 2000 ou 3000 roubles *). Enfin, je m'en rapporte à vous, comme aussi je vous prie, en grâce, faites-moi connaître ceux à qui vous désirez que je témoigne ma reconnaissance pour les différents envois que vous m'avez faits, et en quoi elle doit consister; mais, de grâce, marquez-moi définitivement votre opinion là-dessus, et, à l'instant, tout sera exécuté.

Je ne puis finir ma lettre sans vous exprimer toute ma sensibilité sur l'intérêt tendre que vous m'avez témoigné à l'occasion de cet événement de prétendu assassinat arrivé au Jardin d'Eté. Vous avez dû apprendre que ce n'était qu'un mauvais sujet qui voulait se rendre intéressant en prétendant avoir été blessé par attachement pour moi, afin que je payasse ses dettes.

Quant à l'affaire du Sénat dont vous me parlez dans votre dernière lettre, il serait trop long de vous en parler ici; mais tant est qu'il n'y a pas un mot de vrai dans la manière dont elle vous est parvenue.

Il est bien tard, et je meurs de sommeil. Adieu, mon cher et vrai ami, continuez-moi votre amitié, qui me sera éternellement précieuse, et croyez à celle qui ne finira qu'avec ma vie.

Je vous serais bien reconnaissant, si vous pouviez me faire faire connaissance de plus près avec Erskine et Jefferson; je m'en estimerais vraiment honoré.

Ma femme vous dit mille choses, de même qu'à la vôtre, et je lui présente aussi mes respectueux hommages. Tous les amis de l'humanité d'ici se rappellent à votre souvenir. Adieu, mon cher, tout à vous pour la vie.

5.

A M. de la Harpe, ci-devant colonel au service de Russie.

St-Pétersbourg, 15 janvier 1808.

(Apportée par M. le colonel Tchernycheff.)

Mon cher et respectable ami, J'ai des torts réels à me reprocher vis-à-vis de vous, mais des torts de procédés, et non de cœur: ce cœur vous chérit, et vous chérira tant qu'il aura un souffle de vie. Ce n'est ni une diminution de confiance, ni une suite des effets de la calomnie qui m'a fait interrompre ma correspondance avec vous.

Il serait trop long de vous détailler ici mes raisons, cette lettre-ci n'étant que pour la renouer, et pour vous accuser la réception des vôtres, jusqu'au № 45 inclusivement. Le seul № 44 me manque, et j'en suis d'autant

*) Cet arrangement ne fut pas conclu. Tout se réduisit à un seul envoi, à titre d'échantillon. *(Прим. Лагарпа).*

plus fâché, que, par votre dernière, je vois qu'elle devait être d'un intérêt majeur. Toutefois je ne puis que vous savoir gré de la bonne intention que vous avez eue.

Répétez-vous bien que son accomplissement, quand vous le jugerez *possible pour vous*, me causera une joie réelle. Tout à vous de cœur et d'âme.

Aucune réforme de pension ne peut jamais tomber sur vous: je vous dois le peu de ce que je sais.

6.

12 mars 1811.

(Transmise par M. le colonel Tchernycheff.)

Vous me faites toujours le plus grand tort, mon cher ami, quand vous doutez de mon attachement et de ma reconnaissance pour vous.

Ces sentiments *sont inaltérables, comme les principes que je vous dois, et auxquels je reste fermement attaché, en dépit de la pente qu'on s'efforce à donner aux opinions là où vous êtes. Ici, nous* marchons peu à peu, *mais toujours en s'approchant davantage des idées libérales.* Que j'aurais donné, cher ami, pour m'entretenir avec vous quelques heures! Peut-être la fantaisie vous prendra-t-elle une fois de venir voir vos amis d'ici, et je n'ai pas besoin de vous dire que vous serez reçu à bras ouverts. Si ma correspondance n'est pas plus active, c'est qu'il m'est toujours pénible de ne vous parler que de lieux communs. Mon travail de douze heures par jour, *joint aux autres devoirs de ma place* qui m'emportent les quatre restantes, de manière à m'en laisser à peine une avant de me coucher, m'ôte toute possibilité d'entrer dans les discussions que devraient faire naître vos lettres; mais elles ne sont pas moins reçues avec avidité et le plus vif intérêt. Je suis charmé que le porteur de celle-ci vous ait plu. C'est un excellent jeune homme et qui donne de l'espérance; je le recommande à vos conseils. Ne me les épargnez pas de même, et quand parfois je vous trouve injuste à mon égard, je ne suis pas moins docile à les écouter. Tout à vous de cœur et d'âme pour la vie. Mille respects à votre épouse.

7.

A M. de la Harpe
en mains propres.

Fribourg-en-Brisgau.
22 Décembre 1813/3 janvier 1814.

Enfin, mon cher, mon respectable ami, je puis vous parler sans que mon écriture puisse vous compromettre et sans qu'elle passe par l'indiscrète inquisition des postes.

C'est M. Monod qui vous remettra ces lignes. J'ai éprouvé une véritable jouissance à faire sa connaissance, d'après la place que je sais qu'il occupe

dans votre estime; aussi il ne lui en a pas beaucoup coûté pour gagner ma confiance. Je lui ai parlé avec un entier abandon sur tout ce qui tient à votre patrie, sur les efforts que j'ai faits pour en faire respecter la neutralité, sur les promesses que j'avais obtenues de l'Autriche à cet égard, et enfin sur la circonstance qui a servi de prétexte pour éluder ces promesses, et que *vous devez à vos Messieurs de Berne et à leurs méprisables intrigues.*

On a profité du moment où de Francfort je me rendais à Fribourg, et où je m'étais arrêté quelques jours à Karlsruhe pour rendre mes devoirs aux parents de ma femme, pour violer le territoire suisse, *à l'invitation soi-disant, de vos Messieurs de Berne.* M. Monod a pu juger lui-même de *toute l'indignation qu'une conduite pareille, soit de la part de mes alliés, soit de la part de vos intrigants, avait produite sur moi.*

Mais venons au fait. Le mal était constant: il fallait le corriger au plus tôt. Voici sommairement ce que j'ai obtenu à force d'instances, et de la chaleur avec laquelle j'ai soutenu la cause de votre patrie.

Les changements survenus à Berne ne seront pas soutenus, et les intrigants qui les ont produits seront désavoués *). On ne souffrira pas que l'existence des cantons de Vaud et d'Argovie soit compromise ou inquiétée par celui de Berne. La Diète va être rassemblée, et c'est elle seule qui réglera constitutionnellement les changements qu'elle jugera nécessaire d'apporter à l'acte de médiation. Les cantons seront maîtres d'apporter remède à ce qui peut manquer à leur organisation intérieure, toutefois en n'étendant pas leurs droits les uns sur les autres. Les puissances alliées ne se mêleront pas de tout ce qui tient aux affaires intérieures de la Suisse, et se contenteront d'empêcher par leurs conseils toute désunion et toute rixe. Ce sont là les principes irrévocablement arrêtés pour notre conduite.

Le plénipotentiaire que j'ai envoyé auprès du Landamman et de la Diète est un M. de Capo d'Istria, homme très recommandable par sa probité, sa délicatesse, ses lumières et ses vues libérales. Il est de Corfou, par conséquent républicain, et c'est la connaissance de ses principes qui me l'a fait choisir. Je vous le recommande particulièrement; il a ordre de se concerter avec M. Monod et avec vous. Je vous prie instamment de le guider, et je vous garantis qu'il professe une profonde estime pour vous, vous connaissant non pas simplement de nom, mais par vos ouvrages, ayant eu l'occasion à St-Pétersbourg de lire tous les cahiers que vous nous aviez dictés pendant notre éducation. Il a beaucoup aidé à faire sentir au ministère autrichien tout l'odieux de sa conduite et les conséquences fâcheuses que peut avoir pour la cause des Alliés une manière pareille de se souiller.

Avant de finir cette épître, *laissez-moi vous dire que si, à côté de l'œuvre de la Providence, quelque persévérance et énergie que j'ai eu l'occasion de déployer depuis deux ans ont été utiles à la cause de l'indépendance de*

*) Malheureusement l'influence des autres Cabinets l'emporta au Congrès de Vienne. Les troubles des années 1828, 1829, 1830 et 1831 en ont été les conséquences inévitables.

(Прим. Лагарпа).

l'Europe, c'est à vous et à vos instructions que je les dois. Votre souvenir, dans les moments difficiles, a été constamment présent à ma pensée, et le désir d'être digne de vos soins, de mériter votre estime, m'a soutenu.

Nous voici, des bords de la Moskva, sur ceux du Rhin que nous allons franchir ces jours-ci. Si près de vous, je nourris la douce consolation que je pourrai vous serrer dans mes bras et vous réitérer de bouche toute la gratitude que mon cœur vous portera jusqu'au tombeau. Ce sera un des jours les plus heureux de ma vie.

Je vais, dans quatre à cinq jours, voir ma sœur *) à Schafhouse, où je compte m'arrêter jusqu'au 10 janvier. Ensuite, je serai dans le cas de passer quelques jours à Bâle avant de continuer notre marche dans l'intérieur de la France. Vous serez le bienvenu partout où vous pourrez me joindre, et dites-vous que vous êtes attendu avec la plus vive impatience **).

Adieu, mon cher, mon vrai ami; de cœur et d'âme tout à vous pour la vie. J'ai reçu exactement toutes vos lettres numérotées.

8.

Langres, à 9 heures 3/4 du soir.
Fin de janvier.

Mon cher, mon respectable ami, je n'ai pas de mots pour vous rendre tout le bonheur que j'éprouve à l'idée de pouvoir enfin vous serrer dans mes bras et vous renouveler de bouche ma gratitude pour tout ce que je vous dois; car, dans tous mes moments pénibles, c'est l'idée de n'être pas indigne de vos soins qui m'a soutenu et a ranimé mon courage.

Je vous ai attendu toute cette après-dînée avec la plus vive impatience, et la fatalité veut que, depuis une heure, il me soit survenu tant de rapports et d'expéditions de courriers à faire, que je crains bien que cela ne me retienne bien avant dans la nuit. Je vous engage donc à vous coucher maintenant, et de venir chez moi à 7 heures précises du matin ***). Nous pouvons avoir alors de trois à quatre heures de tranquillité pour causer ensemble. Tout à vous, de cœur et d'âme, pour la vie.

---

*) Великая Княгиня Екатерина Павловна.

**) Je partis de Paris le 19 janvier 1814 avec un passeport que le ministre de la police (duc de Rovigo) m'accorda par l'ordre de Napoléon, et joignis quelques jours après S. M. I. à Langres. *(Прим. Лагарпа).*

***) Le lendemain, j'étais à 7 heures du matin chez S. M. I. *(Прим. Лагарпа)*

9.

Billet écrit au crayon et adressé à Chaumont.

Du champ de bataille de la Rothière,
le 1 ou 2 février.

Mon cher et respectable ami, je vous annonce une victoire complète. L'ennemi a été culbuté sur tous les points, et on lui a enlevé 56 canons et quantité de prisonniers. Je vous écris à la pointe du jour. Je vais monter à cheval, et, si la journée d'aujourd'hui est aussi heureuse que celle d'hier, nous aurons obtenu notre grand résultat. Tout à vous.

10.

Troyes, février.

Je vous envoie les dépêches de Capo d'Istria. Vous y remarquerez une nuance très distincte entre celles signées en commun avec son collègue Lebzeltern et celles écrites pour moi tout seul *).

11.

Mai 1815, de Vienne.

Mille grâces pour l'incluse **). Il y aurait beaucoup à pérorer sur tout cela. Mercredi, quand vous viendrez chez moi, je vous donnerai ma lettre pour Munich. Wolkonsky va vous remettre le passeport. Tout à vous.

12.

29 mai/10 juin 1815, de Heidelberg.

J'ai reçu vos deux lettres. Pardonnez-moi ma franchise, mais je diffère totalement d'opinion. Même, il me semble que la vôtre a subi une altération depuis nos conversations à Vienne.

Se plier au génie du mal, c'est consolider sa puissance, c'est lui offrir les moyens d'établir sa tyrannie d'une manière plus terrible que la première fois. Il faut avoir le courage de la combattre, et, avec l'aide de la Providence Divine, de l'union et de la persévérance, nous arriverons à un résultat heureux. Telle est ma conviction!

*) Il s'agissait des affaires de la Suisse.
**) C'était un mémoire du 17 mai, destiné au développement de dix observations principales.

N'ayant pas le temps de vous répondre en détail, je joins ici un petit mémoire que j'ai fait faire sous mes yeux, comme réponse au contenu de vos deux lettres *).

Tout à vous de cœur et d'âme pour la vie. Mille choses à Madame.

13.

Weimar, 23 novembre/5 décembre 1818.

Je ne puis laisser partir Michel sans me rappeler par quelques lignes à votre souvenir, cher et respectable ami.

Ai-je besoin de vous parler des sentiments indestructibles qui m'unissent à vous? Vous les connaissez depuis longtemps, et leur sincérité, ainsi que leur force ne peuvent s'attiédir. Mais j'ai besoin de vous remercier pour tout ce que vos lettres contiennent de si intéressant, et souvent de si précieux pour moi. Croyez que l'approbation de mon respectable Instituteur a un prix infini pour moi, que son souvenir m'occupe constamment, et que bien des fois je *me place, en pensée, en présence et vis-à-vis de lui, et tâche de préjuger les conseils qu'il pourrait me donner.*

Si vous avez été content de mon langage ou de ma conduite dans des circonstances délicates ou épineuses, comme pendant la Diète à Varsovie, lors de cette dernière réunion à Aix-la-Chapelle, ou dans d'autres moments difficiles plus anciens, un *hommage à la vérité* me force à dire que je le dois *à cet appui qui ne nous manque jamais quand on le réclame avec confiance entière dans son efficacité.* Voici une assertion de la justesse de laquelle *je réponds.* Mon cœur qui vous chérit tendrement a eu besoin de vous faire cet épanchement, à vous, cher ami, de qui je tiens la presque totalité des notions et des connaissances que je possède.

Je recommande à vos soins et à votre amitié mon frère Michel. C'est un excellent jeune homme, réunissant à de bonnes intentions les meilleures qualités et beaucoup d'intelligence. Je lui envie le temps qu'il passera avec vous. Ma mère m'a dit vous avoir écrit sur ses intentions à son égard. A son départ de Russie, je l'ai muni de quelques réflexions générales que je désire qu'il vous montre. Je vous serai très obligé si vous faites remettre à la Légation à Berne, à mon adresse, le manuscrit dont vous m'avez parlé **). Soyez sans inquiétude sur ma santé; elle est excellente. Tout en menant une

*) Il s'agit ici des observations adressées au Cte Capo d'Istria le 20 avril *relativement à la situation de la Suisse*, et de la lettre que j'avais eu l'honneur d'adresser à S. M. I. le 1er juin, sur le même sujet. *(Прим. Лагарпа).*

**) C'était le Mémoire sur *Rio de la Plata* que M. Ribadavia m'avait promis et qu'il m'avait adressé d'abord à Aix-la-Chapelle, où je n'étais pas. *(Прим. Лагарпа).*

vie active et laborieuse, je n'abuse pas de mes forces; ma sobriété très rigide les soutient et les conserve.

Ne m'en voulez pas pour la rareté de mes lettres. Ne voulant avoir que de bons instruments auprès de moi, j'en ai très peu: cela m'oblige à un travail personnel très étendu, et qui m'enlève tout mon temps. Mais j'en ai toujours pour penser à vous, vous chérir et vous porter dans mon cœur cette reconnaissance que je vous dois à tant de titres, et qui ne finira qu'avec ma vie.

Mille choses aimables de ma part à Madame, dont le souvenir m'a été bien précieux. Que je serais heureux, quand une fois je pourrais vous faire visite dans votre charmante habitation! Tout à vous, de cœur et d'âme, pour la vie.

II.

Письма Лагарпа къ Императору Александру I *).

1.

A S. M. l'Empereur Alexandre Ier,
à Moscou.

St-Pétersbourg, 30 août 1801.

Sire, J'avais espéré pouvoir vous présenter un précis de ce qui s'est passé en Helvétie. Désirant le rendre concis, je n'ai pu le terminer encore. Si V. M. I. désire que je le Lui adresse à Moscou, Elle le recevra dans peu de jours; néanmoins, s'il n'y a pas d'urgence, je pourrais attendre Son retour, afin de donner les explications ultérieures. Au reste, tout ceci devant être subordonné à la supposition qu'il n'est pas indifférent pour la Russie que l'Helvétie devienne la proie de l'étranger, je viens, Sire, vous demander une grâce, celle de permettre que je réponde à ce qui vous sera présenté à ce sujet, dès que les intérêts particuliers de votre Empire vous permettront d'y mettre quelque importance.

Sa Majesté l'Empereur défunt n'eut jamais des données justes sur cette matière; vous trouverez sans doute convenable, Sire, de les rectifier par des faits, et de comparer les dires réciproques. Ainsi que je le disais à V. M. I., Elle doit tenir tribunal dans Son cabinet sur ce qui Lui est présenté chaque jour, *quelle que soit la personne qui ait parlé.*

L'extrait № 1 vous donnera déjà, Sire, une idée de la situation des affaires: il me vient d'un ami sûr. La présentation officielle au Roi d'Angleterre de l'ancien gouvernant bernois Freudenreich comme agent de l'ancien gouvernement, dont il y est fait mention, est de nature à aliéner plus que jamais les esprits, et peut forcer nos gouvernants provisoires, tout maladroits qu'ils sont, à se jeter plus que jamais dans les bras du gouvernement français, à l'influence duquel une politique sage devrait les soustraire, en faisant luire à leurs yeux l'espoir de n'être pas abandonnés à eux-mêmes.

*) Изъ Собственной Его Императорскаго Величества библіотеки, Рукописный отдѣлъ, № 536, шк. I, п. 3, к. 8.

V. M. I. trouvera sous le № 2 quelques résultats d'observations qui m'ont été faites en conversation. Il doit exister un mémoire intéressant sur cette matière importante: *A word to the wise.* Permettez encore, Sire, qu'usant des droits que votre amitié m'accorde, je vous présente les réflexions suivantes.

Il me semble d'abord qu'il est pour vous de la plus haute importance *de faire l'Empereur,* soit lorsque vous paraissez en public, soit lorsque vous traitez avec les hommes auxquels vous avez confié un département quelconque. Je ne suis point l'aveugle panégyriste de l'étiquette, mais lorsque le Chef d'une nation se présente, parle ou agit comme tel, il doit, suivant l'expression pittoresque de Démosthène, *revêtir la dignité de son pays.* Votre nation y est accoutumée depuis longtemps, surtout dans l'intérieur de l'Empire, elle y attache beaucoup d'importance, et je crois qu'elle en a besoin. Votre jeunesse, Sire, vous commande peut-être encore plus impérieusement de ne pas vous relâcher sur ce point. Accoutumé comme vous l'êtes à estimer les hommes ce qu'ils valent, et convaincu que l'instruction ne finit qu'avec la vie, vous accueillerez sans doute toujours avec empressement les lumières et ceux qui vous les transmettront, à quelque classe qu'ils appartiennent: mais, je vous en conjure, Sire, ne souffrez pas que sous aucun prétexte on exerce sur vous une influence quelconque. Ecoutez avec votre affabilité ordinaire, mais dirigez les conversations, et, après avoir recueilli les données, pesez les opinions dans la balance impartiale de votre judiciaire, prononcez ensuite et faites connaître *votre volonté.* Je dis *votre volonté* parce que les constitutions de votre pays et les intérêts de votre peuple ne donnent qu'à vous le droit de vouloir en dernier ressort: ils vous commandent même d'en user. Que ceux que vous avez placés à la tête des départements de l'administration publique, ministres ou autres, s'accoutument à l'idée qu'*ils ne sont que vos délégués,* que vous avez le droit de savoir tout, de tout connaître et que *vous voulez en faire usage.* Sur cela, point de partage! Les chefs de divers départements, je me rappelle, exerçaient jadis une autorité despotique; on eût dit que chacun d'eux était empereur. Cela déchargeait le Souverain, et il n'était pas de sa dignité de voir par lui-même! Tels étaient les motifs dont on étayait ce bel usage; mais que de maux innombrables en ont été les résultats, et qui eût osé les faire connaître! Je ne puis trop le répéter, Sire, traitez les chefs de divers départements avec les égards qui leur sont dus, écoutez-les, *mais jugez seul* et *sans eux:* faites-leur ensuite connaître avec calme que, votre décision une fois prise, il ne leur reste plus qu'à s'y conformer. Votre affabilité naturelle saura tempérer la gravité sévère du monarque, et le calme avec lequel vous émettrez vos ordres fera sentir la nécessité d'obéir sans que vous ayez besoin de recourir à votre autorité. Je n'insisterais pas tant sur ce point, Sire, si je ne connaissais pas la tendance universelle des chefs de départements et de la bureaucratie à devenir *exclusifs.* Permettez-moi de vous citer mon expérience. Pendant les dix-huit mois de mon administration, il fallut m'astreindre à une surveillance quotidienne pour retenir nos ministres dans l'ornière qui leur avait été tracée, et dont ils sortaient à chaque instant: et remarquez que c'était dans une république. La connivence ou la faiblesse de plusieurs de mes collègues leur ayant enfin

fourni les moyens de se soustraire à cette surveillance, ils se coalisèrent contre les directeurs qui s'étaient montrés peu complaisants, en particulier contre moi qui ne pouvais agir seul, et renversèrent le Directoire, en mettant à la disposition de ses ennemis les moyens d'exécution dont ils étaient dépositaires. Vous, Sire, qui ne partagez le pouvoir avec personne, vous pouvez donc sans efforts ramener dans la bonne route ceux qui s'en écarteraient; il ne faut pour cela que contracter l'habitude de la surveillance.

Une seconde réflexion que je fais, serait que vous fixassiez une ou deux heures par semaine pendant lesquelles ceux qu'on appelle *Grands* seraient admis à vous approcher et à jouir de votre présence. Ces heures, Sire, ne seraient point perdues: elles vous gagneraient les cœurs en prouvant que vous rendez à l'âge et aux dignités ce qui leur appartient.

Une troisième réflexion serait d'exiger péremptoirement qu'on vous remît *de suite, par écrit,* les faits allégués pour ou contre les individus qu'on recommande ou qu'on inculpe, afin de pouvoir aller aux informations et de savoir à qui vous en prendre. Il serait même essentiel d'avoir dans votre cabinet un livre destiné à recevoir les données relatives aux individus qu'on vous indique, et de l'accompagner d'un registre des noms et des matières. Cette pratique serait surtout très utile pour choisir les hommes que V. M. I. charge de La représenter en pays étranger, et qui doivent être en premier *des hommes de Son choix,* aussi capables d'exécuter avec fidélité et intelligence les instructions émanées d'Elle que peu disposés à devenir les instruments d'autres volontés que la Sienne. La société des Jésuites, qui fut si bien servie, le dut à une pratique semblable. Comme gouvernant, j'en éprouvai jadis les bons effets et je me conforme à cette règle dans la note № 3 *).

Une dernière réflexion enfin, serait d'exiger que toute demande un peu importante vous fût adressée *par écrit et d'une manière concise.* Mais il faudrait aussi que V. M. I. répondît *catégoriquement* et aussi vite que possible. On se console d'un *Non;* les renvois et l'attente donnent de l'humeur, font des mécontents. Qui oserait se plaindre d'un monarque agissant comme administrateur de l'Etat?

Sire, vous allez recevoir les hommages d'un peuple immense; je sais qu'ils ne vous enorgueilliront pas, mais lorsque la couronne sera placée sur votre tête aux acclamations publiques, et certes elle est très signifiante, cette cérémonie, rappelez-vous les sublimes paroles de Joad dans *Athalie,* et répétez tout bas l'engagement que vous prîtes dès votre treizième année de travailler à fonder le bonheur de la Russie sur des bases inébranlables. Vos concitoyens et les étrangers ont les yeux fixés sur votre règne. Vous remplirez leur attente et mériterez d'immortels éloges en usant de vos moyens avec prudence,

*) Les trois pièces, № 1, 2 et 3, étaient des annexes que je ne retrouve ni parmi les originaux ni parmi les copies. Plus tard j'adressai à S. M. l'Empereur un modèle de registre pareil à celui dont je m'étais bien trouvé lorsque j'avais été gouvernant: je l'ai retrouvé dans le recueil de mes lettres qui m'a été envoyé. *(Прим. Лагарпа).*

courage, persévérance et énergie. *Tous les obstacles cèdent devant une volonté ferme et bien prononcée, que la sagesse dirige.*

Il me reste, Sire, à faire des vœux pour votre heureux voyage. Puissiez-vous y puiser de nouvelles forces, comme j'espère qu'il vous procurera de nouveaux moyens. Agréez, Sire, l'assurance de mon respect et de l'attachement inviolable que je vous ai voué pour la vie.

2.

A S. M. l'Empereur Alexandre Ier, à Moscou, à l'époque de son couronnement.

St-Pétersbourg, 3 septembre 1801.

Sire, Lorsqu'il existe dans un Etat des codes de lois dignes de ce nom, bien connus de chacun, et un mode de procéder usité depuis longtemps et réunissant à l'avantage de conduire vite et sûrement à la connaissance de la vérité celui de garantir de l'arbitraire, lorsque les emplois de judicature y sont le partage exclusif d'hommes destinés de bonne heure à remplir cette noble tâche et éprouvés quant à la probité, l'administration de la justice peut être considérée comme aussi parfaite que les œuvres humaines peuvent l'être.

L'intervention du Souverain dans les matières judiciaires serait, dans un pareil Etat, une monstruosité. Sa prérogative ne peut lui donner que le droit de veiller à ce que les tribunaux, toujours bien composés, ne franchissent pas les limites de leurs attributions. Avec une pareille organisation du *pouvoir judiciaire,* tous peuvent reposer en paix, *puisque gouvernants et gouvernés ont une commune garantie.* Mais, dans un pays dépourvu de ces avantages, où il n'existe ni codes de lois ni procédure judiciaire dignes de ce nom, dans un pays où, à l'exception de quelques obscurs rabulistes, nul n'étudie les lois, dans un pays où les tribunaux, *sans en excepter un seul,* composés en majeure partie d'hommes étrangers à leur vocation, n'ont aucune marche certaine, dans un pays où presque tout ce qui tient à cette intéressante branche de l'administration publique est incohérent et imparfait, le Souverain doit exercer des attributions supérieures à une simple surveillance.

Assurément, toute intervention semblable de la prérogative souveraine peut entraîner les plus graves inconvénients. Mais ces derniers seraient encore bien plus graves, si le Souverain abandonnait son peuple à des tribunaux composés comme il a été dit et dépourvus d'un fil pour se conduire. L'éminence de ces tribunaux serait même un motif de plus pour les soumettre à une *surveillance sévère,* qui leur ôtât la fantaisie d'abuser du désordre et de franchir les limites de leurs fonctions. S'il existait donc un pays auquel ce qui précède pût s'appliquer, je conseillerais au Souverain:

1) de conserver son droit d'intervention avec le plus grand soin, pour ne pas s'exposer à voir les tribunaux, et en particulier les plus éminents, travailler à perpétuer les abus ou à étendre leur autorité aux dépens de la sienne;

2) de s'occuper sérieusement et avec urgence d'une autre organisation de ce qu'on appelle le *Pouvoir judiciaire*, et de garder pour l'achèvement de cette salutaire entreprise l'exercice tout entier de sa prérogative. Par exemple, il pourrait: *a)* faire recueillir d'abord les lois et les usages de divers peuples dont il est le chef et provoquer tout homme capable à seconder ce travail; *b)* charger une commission de mettre en ordre ces données, de rédiger soit *les Codes particuliers* que la prudence commande peut-être d'accorder à diverses tribus, soit *un Code général*, et de présenter de plus une organisation des tribunaux concordante avec les lois nouvelles;

3) ces travaux méritoires étant terminés, et la nouvelle organisation ayant subi la critique des hommes qui pensent que les lois ne méritent le nom de bonnes qu'autant qu'on les adapte aux circonstances dans lesquelles se trouvent les gouvernants et les gouvernés, il serait digne d'un Souverain que la destinée appelle à préserver son peuple du despotisme, de sanctionner ce grand ouvrage et d'assurer par là aux gouvernés les bienfaits de *la liberté civile*, en même temps qu'il diminuerait sa propre responsabilité, et procurerait à sa prérogative une garantie qu'elle n'avait pas eue jusqu'alors *).

Il importe tant d'avoir des données pour être en état de prendre des mesures, que je ne puis m'abstenir de toucher encore ce point, instruit par les écoles d'autrui et par ma propre expérience. L'administration est subdivisée en divers départements, dont il est indispensable que le Souverain connaisse parfaitement l'organisation, la composition et les travaux. Cette connaissance indispensable pourrait s'obtenir en demandant à chaque ministre ou chef de département des mémoires clairs et concis, tant sur le personnel du département, sur les attributions et les travaux de celui-ci que sur son *état de situation* à une époque donnée: complets ou incomplets, ces mémoires fourniront des moyens d'aller aux informations et de recueillir de nouvelles données **). Mais pour les obtenir, il faut introduire *de fait* un usage différent de celui qui a eu lieu jusqu'ici et qui rend tout chef d'un département, tout président d'une commission, tellement arbitre de tout ce qui s'y traite ***), que rien ne peut être porté au Souverain sans son aveu, et que la voix du mérite obscur et timide demeure étouffée, au détriment de la chose publique.

Maintenant, Sire, la subordination, mais d'un bras ferme, tenez les portes ouvertes à la vérité, et ne souffrez pas que les dépositaires de votre autorité

---

*) Il s'ensuit qu'avant l'époque de ces réformes préparées par des travaux et par l'opinion publique, il serait dangereux de se lier les mains en augmentant ou changeant seulement les attributions actuelles des tribunaux. On n'embarrasserait pas peu ceux qui désirent cette augmentation, ou qui voudraient soustraire les cours de justice à l'influence actuelle de la prérogative, en les invitant à expliquer ce qu'ils entendent par ces mots, *Pouvoir judiciaire*, *Pouvoir législatif*, *Pouvoir exécutif*, sources de tant d'erreurs. *(Прим. Лагарпа къ самому подлиннику).*

**) Il faut convenir du jour auquel ces mémoires seront remis. Fussent-ils pour la première fois des *contes bleus*, ils ne le seraient plus une seconde fois si le Souverain montrait une volonté bien décidée de *voir clair dans les affaires*. *(Прим. Лагарпа къ самому подлиннику).*

***) Entre autres exemples, je citerai la *Commission des écoles normales*, dont les travaux furent neutralisés, sous Catherine II, par une suite de cet usage.

(Прим. Лагарпа къ самому подлиннику).

en fassent un monopole à votre préjudice, en ne laissant passer que *leurs clients,* en éloignant quiconque ne fléchit pas devant eux. Si la calomnie et la méchanceté arrivent à vous par la même porte, et vous pouvez y compter, Sire, vous ne tarderez pas à les reconnaître. Mais portes et fenêtres ouvertes à quiconque apporte des vérités utiles, à quiconque veut et peut seconder Alexandre travaillant à éclairer son peuple et voulant lui donner une patrie à aimer, en lui assurant les avantages de *la liberté civile!*

Au nom de votre peuple, Sire, gardez intacte l'autorité dont vous êtes revêtu, et dont vous ne voulez user que pour son plus grand bien. Ne vous laissez point entraîner par *l'aversion que le pouvoir absolu vous inspire. Ayez le courage de le conserver tout entier et sans partage,* puisque la constitution de votre pays vous l'accorde légitimement, jusqu'au moment où, les travaux nécessaires pour lui fixer les limites étant terminés sous vos auspices, vous pourrez n'en retenir que ce que les besoins d'un gouvernement énergique exigeront *).

Cet ouvrage est de longue haleine. J'espère que vous vivrez pour le voir terminé et pour en jouir, mais que les chances de la durée de la vie ne vous engagent pas à précipiter les temps: ce serait le moyen de tout perdre.

Enfin, Sire, pardonnez à ma sollicitude cette nouvelle épître, dont voici le sommaire: *Prendre* **ad referendum** *les propositions tendantes à borner l'exercice de vos facultés, et ne contracter d'engagements que ceux que vous devez et pouvez tenir.* Ces avis vous seront superflus, sans doute, mais il m'est impossible de ne pas vous les transmettre **).

---

*) Vous savez, Sire, que le conseil aristocratique qui s'était emparé de l'autorité après la mort de Pierre II, fut regardé de mauvais œil par la nation. Toute limitation de votre autorité au profit d'une assemblée d'hommes organisée comme aujourd'hui le serait bien davantage, à moins d'avoir été amenée *par vous lentement,* et par *des institutions préparatoires* qui n'existent pas encore. Observez les vieux renards et les vieux courtisans.

(Прим. Лагарпа къ самому подлиннику).

**) Le rapport présenté à l'Empereur sur le Sénat n'eût laissé au Monarque qu'un vain nom si on lui eût accordé tout ce que des ambitieux lui faisaient réclamer. Plusieurs mémoires avaient aussi été remis dans le but de profiter du libéralisme d'un jeune Prince pour l'engager à promettre ce qu'il n'eût pu tenir. La connaissance que j'avais de toutes ces menées fut ce qui me dicta cette lettre. *(Прим. Лагарпа).*

III.

Изъ переписки Императора Александра I съ княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ.

A) Письма князя Чарторыжскаго къ Александру I *).

1.

Pulawy, 28 février/12 mars 1811.

Sire, Je me disposais déjà à rendre compte à V. M. I. de mon séjour à Varsovie, lorsque je reçus la seconde lettre qu'Elle a daigné m'écrire en date du 31 janvier. La force du raisonnement qu'elle contient, l'image d'un avenir heureux et tranquille qui, sous vos auspices, Sire, pourrait s'ouvrir pour mon pays, et la manière franche et bienveillante dont vous nous l'offrez, m'ont fait éprouver à sa lecture une profonde émotion.

Depuis la réception de cette dernière lettre, il coûte m'en encore davantage de ne pouvoir dès à présent annoncer à V. M. I. des résultats qui répondent complètement à Son attente.

Je ne trouve rien à changer ni à rétracter dans le contenu de ma lettre précédente. La difficulté du plan et les moyens qu'il faudrait employer pour la surmonter y sont exactement indiqués. Mais il y manquait une conclusion, qui restait à faire après une inspection plus immédiate des choses, et cette conclusion n'est pas telle que je l'eusse souhaitée, puisqu'elle laisse et vos désirs et la destinée de mon pays dans une fâcheuse incertitude.

Le rétablissement de la Pologne dans son étendue passée, sous un régime national et constitutionnel, fait toujours le vœu unanime, le but unique des Polonais du Duché. Mais dans ce moment on ne saurait encore, surtout dans l'armée, produire subitement la conviction que ces vœux puissent se réaliser, que ce but puisse être atteint en abandonnant la France et en s'unissant à la Russie. Ce changement total dans les opinions, les idées, les sentiments et tous les rapports existants ne peut s'opérer immédiatement et d'un jour à l'autre. Pour le produire, on aurait besoin de temps et de circonstances qui préparent les voies et facilitent l'exécution.

*) Изъ Собственной Его Императорскаго Величества библіотеки, Рукописный отдѣлъ, № 831, шк. II, п. 3, к. 23.

La Russie et la France étant les deux puissances qui en mal ou en bien peuvent seules influer sur le sort de la Pologne, il m'était facile d'amener la conversation sur cette matière délicate et d'entendre comparer les avantages et les inconvénients à prévoir de part et d'autre. Dans ces conversations, les arguments très forts dont le précis se trouve renfermé dans les lettres de V. M. I. ne manquaient jamais de faire la plus vive impression. Mais en dernière analyse c'était la confiance et la crainte aveugles qu'inspirent le génie, le savoir-faire et le bonheur de Napoléon qui semblaient l'emporter; qu'il puisse être vaincu, que les Alliés ne retombent pas dans les fautes qu'ils ont commises précédemment, sont deux suppositions dont la possibilité est difficilement admise. La confiance dans les moyens et dans les intentions de la Russie ne peut se ranimer instantanément; on ne saurait se familiariser que peu à peu avec l'idée que la Russie puisse jamais vouloir du bien à la Pologne, et lui offrir sincèrement sa régénération. Tout en reconnaissant les qualités qui distinguent V. M. I., on s'imagine qu'il faut séparer Sa Personne de la politique de Son Cabinet et de l'esprit qui règne dans Son armée. Ces derniers, on les suppose à jamais hostiles au nom polonais; de sorte que l'idée d'une entrée des troupes russes s'est confondue dans beaucoup de têtes avec celle de dévastation et de joug humiliant. Malheureusement les événements passés, la conduite et surtout les discours des militaires russes pendant la campagne de Galicie a fourni des arguments à cette opinion. „S'il se forme une nouvelle coalition contre la France, quels que soient les risques que nous courrions dans ce terrible conflit, il vaut pourtant mieux nous en tenir au plus habile, et à celui qui a déjà prouvé par des faits l'intérêt qu'il prend à la cause de la Pologne: l'expérience du passé doit nous éclairer sur l'avenir". Voilà les raisonnements que j'ai entendu faire. Ce n'est pas, je le répète, que la pluralité ne réfléchisse sur le sort qui attend ce pays, qu'elle ne sente tous les avantages qui résulteraient pour la Pologne si elle renaissait du gré de la Russie: je n'ai rencontré personne qui ne sache rendre justice à V. M. I., et dans la discussion Elle entendrait énoncer des opinions qu'Elle trouverait conformes à Ses vues. Mais ces discussions se terminent d'ordinaire par un regret de ce que V. M. n'a pas profité des occasions qu'Elle a eues pour créer et s'attacher la Pologne, et par le souhait qu'Elle ne laisse pas échapper cette même occasion si jamais elle se présentait de nouveau.

Nous n'en sommes pas encore au point de pouvoir dépasser cette limite; les difficultés de loyauté, de reconnaissance, de confiance, de crainte, en un mot toutes celles que j'ai énumérées, ont encore trop de pouvoir, parce qu'il n'y a dans le passé aucun *trait* à leur opposer. Tout le monde est d'accord tant qu'il ne s'agit que de raisonnements et de vœux à former pour l'avenir; mais dès qu'on touche à l'action, dès qu'on suppose une détermination à prendre immédiatement, l'ascendant de Napoléon, qu'aucun événement arrivé, aucun travail suivi n'a miné jusqu'à présent, reprend naturellement le dessus.

Le germe des opinions et des sentiments qui peuvent convenir aux vues de V. M. I. existe donc et existera, car on sera toujours ici polonais et pas

français, mais ce germe trop constamment étouffé par les événements passés, pour reprendre du ressort et produire des effets, aurait besoin ou d'être ranimé par un système de conduite différent de celui que la Russie a suivi jusqu'à présent, ou bien d'être développé instantanément par un nouvel aspect des choses déjà existant.

Il faudrait donc que le gouvernement russe puisse pendant quelque temps chercher les moyens de prouver sa bonne volonté non seulement aux Polonais de sa domination, mais aussi au Duché de Varsovie, se montrer moins opposé à la cause de la Pologne, profiter des occasions qui peuvent s'offrir pour faire apercevoir de plus en plus, et par des exemples à citer, que les intentions véritables de Napoléon sont beaucoup moins généreuses et moins bienveillantes que celles de V. M. I.

Ou bien il faudrait que de premiers succès marquants aient brisé le prisme dont Napoléon a fasciné tous les yeux, et que la conduite de vos armées lors de leur entrée dans le pays et d'autres faits analogues aient donné naissance à une juste confiance dans les moyens et les intentions de la Russie: pour lors, sans doute, la proclamation de V. M. I. serait reçue avec joie et enthousiasme, et produirait tout l'effet qu'Elle a droit d'en attendre. Comme, dans les guerres contre Napoléon, les commencements sont pour la plupart brillants, mais le point difficile est de les soutenir, il semble que ce serait un avantage important et un grand résultat des premières victoires, si elles servaient à conquérir l'attachement unanime d'une nation guerrière et nombreuse qui, par son adhésion à la cause commune, contribuerait beaucoup à assurer le succès final. Car, dans ce cas, cette même armée qui aujourd'hui balancerait d'abandonner les drapeaux de Napoléon, refusera pour sûr de marcher contre ses propres foyers, et finira par se réunir à ses frères. Mais tant que rien de pareil n'aura précédé, le pouvoir moral de la France, l'ascendant que des succès constants d'une part et des fautes accumulées de l'autre ont assuré à Napoléon, conservera probablement son influence tout aussi bien ici qu'en Bavière, dans le Würtemberg et en Saxe.

Les choses changeraient aussi du tout au tout si Napoléon venait à mourir. Comme le charme tient à sa personne, il cesserait avec lui; alors on considérerait la position du pays avec calme et sans illusion, et l'on se porterait du côté où des avantages plus solides seraient assurés.

Tels sont les résultats de mes observations sur les lieux; je me suis fait une loi de vous les soumettre, Sire, avec toute la véracité et la franchise possible. Elles se réduisent à ce qui suit: qu'il a existé plusieurs circonstances où il ne dépendait que de la Russie de relever la Pologne et de se l'attacher à jamais, que, ces occasions ayant échappé sans que V. M. ait pu ou voulu en profiter, la situation actuelle des choses ne se prête pas à satisfaire instantanément à Ses vues, surtout de la manière dont Elle l'exige dans Sa dernière lettre, mais que l'occasion qui a passé, qui n'existe pas encore, peut aisément revenir et amener les résultats désirés. Dans les temps où nous vivons, les événements marchent si vite et font varier si promptement les opinions, que ce changement peut s'opérer beaucoup plus tôt que nous ne l'imaginons.

Au reste, Sire, dans aucun cas je n'aurais été en état de vous procurer les signatures que vous croyez indispensables pour être certain de la coopération du Duché. En prenant même les choses au mieux, j'aurais trouvé des difficultés à obtenir beaucoup de ces signatures, et j'aurais craint en les exigeant de faire éventer tout le plan. Mais j'aurais cherché à vous offrir d'autres sûretés moins sujettes à inconvénients, et j'ose dire que la meilleure de toutes eût été si j'eusse positivement assuré V. M. I. qu'Elle peut compter sur la réunion des habitants et la coopération de l'armée.

Il ne m'appartient pas de débattre la question s'il convient à V. M. de prendre ou non le caractère d'agresseur, de hâter ou de retarder une rupture avec la France. Me trouvant à près de trois cents lieues, ayant perdu le fil des affaires et ne les voyant que d'une seule face, je ne puis avancer un avis à ce sujet.

En bornant mes raisonnements à ce qui a rapport à la Pologne, si j'avais des conclusions à tirer des observations que je viens de fournir, elles consisteraient dans les points suivants:

1° Dans le cas que V. M. I. jugera à propos de laisser filer le temps sans rien entreprendre d'hostile, Elle devrait profiter de ce temps pour se mettre pour ainsi dire en coquetterie non seulement vis-à-vis des Polonais de Sa province, mais particulièrement vis-à-vis du Duché. L'accueil favorable que V. M. a fait dernièrement à quelques-uns des premiers circule déjà, et ne sera pas perdu; mais c'est surtout ce qui regarde le bien général des provinces et leur nationalité séparée qui ferait effet. D'un autre côté, le règlement qui fixe en Russie pour seules douanes d'entrée Polangen et Radzivilow est cité comme preuve d'une prédilection marquée pour les pays prussiens et autrichiens et d'une volonté décidée de ruiner le Duché. Les vues bienfaisantes de V. M. sur la Pologne ne pourraient-elles devenir matière à négociation, servir à accorder les intérêts des deux Empires, et empêcher une guerre sanglante en Europe? Ce serait peut-être une manière d'éclairer préalablement l'opinion sur les véritables intentions des deux Souverains qui s'apprêtent à rentrer en lice.

Il me vient une idée à cet égard que je vais soumettre à V. M. I. et dont Elle fera tel usage que l'ensemble de Ses combinaisons politiques Lui permettra. V. M., ayant une fois rassemblé Ses forces de manière à être également prête à l'offensive comme à la défensive, mais décidée pour le moment à garder cette dernière, pourrait tenir à Napoléon ce langage: que l'accroissement inquiétant de la puissance française par l'incorporation de la Hollande, d'une grande partie de l'Allemagne et par l'élévation au trône de Suède d'un Prince français, et l'augmentation successive des armées de Napoléon dans les nouveaux départements allemands vous avaient forcé de votre côté à augmenter votre armée et à réunir la plus grande partie sur vos frontières occidentales afin d'être prêt à tout événement; que cependant il vous était impossible de faire des efforts aussi dispendieux et de tenir longtemps sur pied des forces aussi considérables si vos finances restaient dans leur état actuel; que par conséquent, si la sûreté de votre Empire exigeait que vous gardassiez

cette attitude, vous seriez en même temps obligé de vous mettre à même de la soutenir, et que, dans ce cas, vous ne pourriez faire autrement que d'ouvrir incessamment vos ports au commerce anglais et de vous séparer du Système appelé Continental, car c'était le seul moyen de soutenir un état militaire aussi nombreux; qu'il ne se présentait qu'une manière d'arranger la chose à la satisfaction des parties, c'était de rétablir la Pologne dans sa grandeur passée, à laquelle vous garantissiez solennellement une constitution, un gouvernement et une existence séparée sous la condition que la couronne de Pologne soit réunie à celle de Russie; que de cette manière toute raison de défiance et de brouillerie cesserait entre les deux Empires et que la Russie acquerrait un surcroît de forces approchant de celui que la France venait de se donner, et, gagnant un degré de sécurité de plus, pourrait dans ce cas persévérer encore dans le système de Napoléon; que ce serait d'ailleurs contenter les vœux d'une nation à laquelle Napoléon dit prendre intérêt et exécuter ce que lui-même vous avait déjà proposé à Tilsit.

Si Napoléon consent, la position de la Russie se renforce du double. Ayant dans la Pologne un boulevard assuré, elle ne sera plus obligée, au grand détriment de ses finances, de tenir sur pied une masse de troupes aussi énorme. Si Napoléon ne consent pas, vous êtes libre d'ouvrir vos ports, et vous tenez en main le moyen le plus sûr de dévoiler ses véritables intentions relativement à la Pologne et de faire connaître combien les vôtres en comparaison sont plus sincères, plus sages, plus bienveillantes.

2° Dans le cas que V. M. jugeât à propos de rompre la première, ou qu'Elle fût forcée à se défendre, en tout état de choses dès que la guerre commencera, il paraîtrait convenable de procéder à l'exécution du plan de V. M. I., et de proclamer la Pologne sous les conditions les plus attrayantes, dans le moment qui, vu les circonstances d'alors, sera jugé le plus propice, et nommément aussitôt que la marche des troupes russes vous aurait mis en possession du Duché et de la ville de Varsovie.

La peine et les regrets que j'éprouve de ce que les vues sages et généreuses de V. M. I., qui sont faites pour devenir une source de gloire pour son règne et de bonheur pour mon pays, ne puissent être remplies dès à présent de la manière dont Elle le désire, ces regrets, dis-je, ne sont diminués que par l'espoir que V. M. ne se laissera pas décourager par un premier essai, qu'Elle persévérera dans Ses nobles intentions, et qu'un avenir peut-être prochain indiquera le moment où elles pourront encore s'effectuer avec succès.

Lorsque, dans ma lettre précédente, j'élevais un doute que Napoléon ne fût pas informé du changement qui s'opérait dans les idées du Cabinet de Pétersbourg, mon seul but était d'engager V. M. à ne pas baser Ses calculs sur une ignorance qui me paraissait très improbable. Je soupçonne même que Napoléon est à la piste des plans de V. M. relativement à la Pologne, à quoi les discours du public de Pétersbourg doivent nécessairement contribuer.

Avant d'avoir lu l'avis que vous daignez, Sire, me donner sur la police de Paris, j'avais su qu'un agent de M. de Savary était arrivé à Varsovie, chargé spécialement de surveiller s'il ne se formait pas un parti russe dans le

Duché, et d'avoir l'œil à cet égard sur ma famille, et sur moi en particulier. V. M. n'a-t-Elle pas fait quelques confidences à M. d'Oginski, car il était fort suspecté à Paris à cause de différentes phrases qui lui étaient échappées? On savait aussi que l'ex-maréchal Rovinski, demeurant à Breslau, homme généralement mésestimé et taré dans l'opinion publique, qui est regardé comme une espèce d'agent intermédiaire entre la Russie et la Prusse, avait tenu des propos sur les projets que les Alliés avaient en faveur de la Pologne. Toutes ces notions m'ont convaincu que l'on était aux aguets et que je pouvais facilement être compromis. C'est ce qui m'a fait redoubler de précautions et hâter mon départ de Varsovie, d'autant qu'après y avoir passé près d'un mois, un plus long séjour devenait pour le moment inutile, et ne pouvait m'apprendre rien au delà de ce que je viens de soumettre à V. M. I.

Je joins ici une traduction de la Constitution du 3 mai. Les additions et les modifications qu'il faudrait y faire seraient un travail qui prendrait trop de temps pour l'entamer dans ce moment et retarder cette expédition.

Il ne me reste plus que d'ajouter quelques mots sur moi-même. Vous avez daigné, Sire, m'accorder un semestre indéfini et la permission d'aller dans l'étranger. Cependant cette permission n'est énoncée que dans la lettre de V. M.: ne jugera-t-Elle pas convenable de la confirmer par l'oukaze usité?

Mes projets particuliers sont toujours de partir pour l'étranger à la belle saison, d'autant que ma sœur aînée veut faire le même voyage à cause de sa santé et qu'elle désire que je l'accompagne. Après avoir été aux eaux, nous voudrions visiter la Suisse, pays qui, entre tous ceux qui sont sous l'influence française, est le seul que l'on puisse regarder comme toujours neutre et celui où l'on peut rester le plus tranquillement. Cependant, jusqu'à la belle saison établie, je veux dire jusque vers la fin de Mai, j'aurai tout le temps d'attendre et de recevoir les ordres ultérieurs de V. M., si Elle juge à propos de m'en donner. Peut-être qu'après avoir laissé passer quelques semaines, je ferai encore une course à Varsovie, pourvu que j'en trouve un prétexte plausible. Je me déciderais même plus tard à ne pas m'éloigner de ses environs si j'imaginais pouvoir être de quelque utilité à la chose commune. Mais au cas que la tournure des circonstances me persuade du contraire, je désirerais ne pas remettre un voyage dont ma santé a besoin.

Permettez, Sire, qu'à cette place je vous réitère ma prière pour un congé absolu. L'avenir est si incertain et les événements ont un cours si précipité que je ne saurais ne pas désirer ma démission. Cette formalité ne changera rien à mes rapports et à mon dévouement pour V. M. I., et pourra ou me sauver de cruels embarras, ou me rendre plus capable d'être utile à votre cause. J'ai toujours ardemment désiré de réunir la gloire et les intérêts de V. M. à ceux de mon pays: je serai toujours prêt à travailler avec tout le zèle possible à ces deux buts. Toutefois, aucun de mes sentiments n'étant caché à V. M. depuis quinze ans, Elle sait que mon premier intérêt, mes premiers vœux doivent être pour ma patrie.

Par une bizarrerie tout à fait singulière, V. M. I. connaît à cet égard la pureté de mes sentiments beaucoup mieux que divers de mes compatriotes

qui supposent que les opinions que j'ai souvent énoncées relativement aux affaires de Pologne sont motivées par des vues d'intérêt personnel et d'ambition qu'ils croient pouvoir être plus facilement contentées lorsque nous aurons été redevables à V. M. de la renaissance de notre patrie. Voilà pourquoi, si les circonstances le permettent, et que ce soit par la Russie que la Pologne obtienne son rétablissement, je pense que, dans ce cas surtout, il serait très à propos que je sois hors du service, car cela me donnerait bien plus de moyens d'agir et d'être utile au but commun.

Je ne répéterai plus ma demande, Sire, mais daignez vous rappeler que je ne cesse de vous l'adresser, parce que, même abstraction faite de toute considération publique, mes circonstances particulières m'y obligent. Du reste, je m'en remets à V. M. I.; Elle n'a qu'à décider de la manière et du moment où Elle voudra me l'accorder.

Je suis avec le plus profond respect, Sire, de Votre Majesté Impériale le fidèle sujet, A. Czartoryski *).

Apostille. On m'avait promis pour sûr la traduction de la Constitution du 3 mai. Ne l'ayant pas reçue jusqu'à présent, je ne retarderai pas davantage l'envoi de cette lettre, et la traduction suivra plus tard.

2.

Pulawy, 28 février 12 mars 1811.

C'est pour la première fois de ma vie que je m'adresse à V. M. I. pour une affaire d'argent, et je me flatte qu'Elle approuvera les motifs qui m'y décident. Mon père avait emprunté pour huit ans deux cent cinquante mille roubles à la Banque. Au terme du payement, nous eûmes l'espoir d'obtenir cette même somme pour huit autres années. Cet espoir manqua, à cause des mesures prises dans toutes les banques publiques pour arrêter la baisse des assignations. J'étais déjà parti de Pétersbourg. M. Rall nous rendit le service important de payer notre dette à la Banque, sans quoi la terre hypothéquée, comme d'usage, eût été séquestrée. Par l'extrême inexactitude des postes et peut-être par la négligence de mes gens d'affaires et celle de M. Rall lui-même, ce ne fut que le 12 janvier que je reçus le premier avis, encore très imparfait, de cette transaction. Jugez, Sire, de ce que j'éprouvais lorsqu'à mon retour de Varsovie je trouvais ici deux lettres arrivées coup sur coup par des estafettes, dont je prends la liberté de joindre ici des copies **).

Depuis ce moment je n'ai ni paix ni repos, je me donne tous les soins imaginables pour rassembler et faire parvenir la somme de 40.000 ducats à Pétersbourg dans le plus court délai possible. Les arrangements que j'ai pris me donnent la certitude qu'elle sera payée en totalité vers la fin du mois

*) Этой формулою и кончаются всѣ письма князя А. Чарторыжскаго къ Александру I.
**) См. ниже стр. 380 и 381.

de juin. Mais je tremble que jusque-là M. Rall, malgré les envois que je m'efforcerai de lui faire entre temps, ne se trouve dans la nécessité de suspendre ses payements.

Daignez, Sire, s'il est possible, faire en sorte que je n'aie pas à me reprocher d'avoir été la cause, quoiqu'involontaire, de la ruine de cette famille, et que Rall ne soit pas perdu pour m'avoir rendu service. M. Rall a toujours des comptes à régler avec la Couronne. Ne pourrait-on pas le sauver en n'exigeant pas trop sévèrement des payements qu'il doit faire, ou bien en l'aidant de quelque somme dans le moment critique?

Pour ma part, tout ce que je solliciterai, c'est que V. M. I. veuille l'aider de quelque manière que ce soit, jusqu'à la concurrence de 40.000 ducats sur lesquels, nous venons, mon père et moi, de lui donner une obligation dans les formes requises, promettant de le payer à la fin de juin cette année, sous l'hypothèque de nos terres.

V. M. I., en tendant une main secourable à Rall, sauverait une famille intéressante de sa perte, me sauverait moi-même d'une cruelle situation et ne risquerait rien pour Ses avances, car si même il était possible qu'elles ne fussent pas remboursées au mois de juin prochain, nos terres seraient une sûreté plus que suffisante pour cette somme.

Si V. M. ordonnait de faire quelque avance à M. Rall en fondant leur rentrée sur ma dette, je supplierais dans ce cas de faire présenter à qui il appartiendrait notre obligation originale, afin qu'il y soit inscrit quelle partie de la somme sera due à la Couronne. Nous risquerions autrement de payer deux fois: il se pourrait d'ailleurs que d'autres eussent déjà avancé des fonds sur cette même sûreté.

Si V. M. I. veut m'accorder la grâce que je sollicite, et qu'Elle soit disposée à aider Rall, daignez, Sire, le faire chercher et lui parler à ce sujet, car, comme il n'est pas prévenu de ma lettre à V. M., je doute qu'il ose s'adresser à Elle dans sa détresse.

Veuillez, Sire, excuser mon importunité. C'est avec une crainte et une anxiété extrême que j'attendrai les premières nouvelles de Pétersbourg. Je ne me serais pas permis d'importuner V. M. s'il ne s'agissait d'empêcher la ruine de toute une famille.

Письмо банкира Раль къ князю Чарторыжскому.

St-Pétersbourg, ce 7 février 1811.

Les malheurs m'accablent, ma réputation est compromise, et je péris si vous ne venez promptement à mon secours. J'ai payé votre dette à la Banque pour vous sauver des désagréments, et je me suis par là attiré des malheurs sans fin! Je l'avais prévu et néanmoins je me suis exposé sur l'assurance solennelle de M. de Witzki que je serai remboursé sans faute

vers le 20 janvier. J'ai besoin sans le moindre retard de 40 mille ducats qui ne font qu'une partie de votre dette: je suis sacrifié, et par vous, mon Prince, si vous différez un moment.

Письмо Г-жи Раль.

Ce 10 février.

Votre bonté connue, la noblesse de vos sentiments, et le désespoir dans lequel l'état de mon mari me met, sont de sûres garanties que vous pardonnerez la liberté que je prends de vous écrire pour vous supplier de venir à notre secours.

Depuis plusieurs semaines, je vois mon mari dans les plus vives inquiétudes, et je viens enfin d'apprendre qu'il vous a expédié une estafette pour vous demander 40 mille ducats qu'il attendait déjà de vous, mon Prince, en janvier. Sa situation ne peut se dépeindre, elle devient plus cruelle de jour en jour, et si vous ne lui envoyez pas incessamment les 40 mille ducats sur ce que vous lui devez, il sera réduit à suspendre ses payements.

Au nom de Dieu, mon Prince, sauvez-nous de ce malheur affreux, qui non seulement entraînerait notre ruine totale, mais qui nous ferait à moi et à mes huit enfants éprouver le malheur plus grand encore de perdre mon pauvre mari, qui, par la véhémence de son désespoir, n'y survivrait certainement pas.

Il vous suffira sans doute, mon Prince, de penser que le sort d'une famille entière dépend de vous, pour vous animer à employer tous vos efforts pour éloigner d'elle le terrible malheur dont elle est menacée.

J'ai encore une grâce à vous demander, c'est que mon mari ne soit jamais informé de la démarche que j'ai faite auprès de vous.

C'est avec les sentiments de la plus haute considération que j'ai l'honneur d'être, etc.

3.

Pulawy, 21 mars/2 avril 1811.

J'ai pris la liberté dans une de mes précédentes de confier à V. M. I. les embarras dont le banquier Rall était menacé. L'envoi que je lui ai fait des fonds que j'ai été en état de ramasser ici me donne l'occasion de vous adresser, Sire, la présente. Quoique je n'aie rien de nouveau à mander à V. M., je n'ai pas voulu manquer d'en profiter.

V. M. I. sera étonnée d'apprendre que, quoiqu'on parle chez nous sans cesse de la Constitution du 3 mai, et qu'on déplore sa chute, il soit cependant presque impossible d'en trouver le texte, dont jadis on a fait une édition en plusieurs langues et qui maintenant est devenu un ouvrage rare. Je n'ai pu encore me le procurer. J'y trouve surtout de la difficulté à cause que dans

ce moment tous les yeux sont ouverts, la moindre circonstance est remarquée, et qu'une recherche trop insistante de cet ouvrage ferait naître des soupçons. Mais je me rappelle que, dans les *Constitutions des principaux Etats de l'Europe* par M. de la Croix *), on trouve celle du 3 mai, textuellement ou par extrait, si je ne me trompe, dans le 4ᵉ et dernier volume. J'engage donc V. M. I. de se faire apporter cet ouvrage, que les libraires de St-Pétersbourg ne manqueront pas d'avoir.

Le rassemblement des troupes russes sur les frontières du Duché et de la Prusse met en mouvement toutes les têtes. Des négociants de Pétersbourg ont mandé à leurs correspondants de Varsovie qu'il était question que V. M. voulait se faire proclamer Roi de Pologne. Des lettres du cordon russe font mention du même bruit: il commence donc à se répandre. Peut-être que les conversations que j'ai engagées sur ce sujet y auront contribué; cependant je ne le crois pas, parce qu'il ne m'est pas encore revenu qu'on m'ait jamais nommé comme étant pour quelque chose dans ces bruits. L'idée de la réunion des couronnes de Russie et de Pologne sur votre tête a été tant de fois reproduite et si généralement connue, qu'il n'est pas étonnant que la moindre apparence la réveille et la propage.

Ceci a l'avantage pour le moment que les esprits s'accoutument de nouveau à considérer ce dénouement comme possible et à peser les avantages qui en résulteraient, sans que V. M. puisse aucunement être compromise par là vis-à-vis de Napoléon: car, puisqu'il ne Lui est pas possible d'arrêter les propos vagues qui circulent dans le public de Pétersbourg, comment pourrait-Elle empêcher ceux dont le public de Varsovie s'entretient? Cependant, je le répète, pour qu'il s'en suive une opinion réellement favorable à la Russie, susceptible de résultats effectifs et analogues aux désirs de V. M., il faudrait du temps, il faudrait une conduite soutenue de Sa part et des succès qui prouvent que les Français peuvent avoir le dessous.

En attendant que j'apprenne, Sire, vos résolutions ultérieures, j'essaie, par le peu de moyens qui peuvent ne pas me compromettre, d'influencer l'opinion. Il serait nécessaire de lui donner l'assiette qu'elle doit avoir, d'élever l'esprit public à sa hauteur véritable et de faire sentir qu'une nation, pour renaître, ne doit pas être l'instrument d'autrui, mais doit agir par elle-même et pour elle-même, doit être capable de chercher sans prévention ses propres avantages partout où il lui seront offerts. Cette impulsion conforme au bien de ce pays-ci, si on parvenait à la donner, pourrait seule favoriser les projets de V. M.

Ayant appris que M. d'Oginski s'est rendu à Pétersbourg, je crois de mon devoir d'avertir V. M. I. qu'il ne jouit pas d'un grand crédit et d'une estime générale chez nous. On le croit léger et inconséquent: la tournure de son esprit et plusieurs traits de sa vie lui ont donné cette réputation. Au

---

*) *De la Croix, Constitutions des principaux Etats de l'Europe et des Etats-Unis d'Amérique,* T. I-V 1793, T. VI 1801. См. T. III, стр. 279—336, XXXVIIᵉ discours, Constitution de Pologne.

reste, si jamais V. M. procède à l'exécution de son projet, sa réussite dépendra en grande partie du choix qu'Elle fera des gens qu'Elle emploiera: je crois donc d'obligation absolue de Lui parler toujours à ce sujet avec la plus grande franchise. Je supplie surtout V. M. de ne faire aucune mention au comte Oginski de votre correspondance avec moi, car je craindrais, sans mauvaise intention de sa part, que de confidence en confidence je ne finisse par beaucoup risquer ici.

Je suis coupable de n'avoir pas jusqu'à présent parlé à V. M. I. de la reconnaissance dont mes parents et le reste de ma famille sont pénétrés pour le souvenir dont vous les honorez, Sire, et de ne m'être pas acquitté de la commission qu'ils ne cessent de me donner de les mettre à vos pieds.

Daignez, Sire, avant qu'il plaise à V. M. de décider plus définitivement sur mes demandes, ne pas oublier l'oukaze nécessaire pour la continuation indéfinie de mon semestre.

4.

Pulawy, 12/24 juillet 1811.

Sire, n'ayant reçu depuis longtemps aucun ordre de la part de V. M. I., et ne voyant pas revenir la personne que j'ai envoyée à Pétersbourg, je me suis décidé à partir incessamment pour les eaux de Silésie. La belle saison est déjà si avancée qu'en retardant plus longtemps mon départ, je perdrais cette année toute possibilité d'y aller avec ma sœur, qui en a plus besoin que moi et qui difficilement se résoudrait à entreprendre ce voyage si je ne l'y accompagnais. Privé de tout avis de la part de V. M., je crois ne rien omettre par cette course et ne point manquer à ce que Ses intentions pourraient exiger. Je n'ai pas beaucoup à ajouter à mes lettres précédentes. L'opinion que la Pologne n'a rien à attendre des promesses de Napoléon, et qu'il ne pense pas sincèrement à la rétablir sous une forme qui puisse convenir aux Polonais, commence à circuler et à pénétrer même dans l'armée. Les progrès de cette opinion sont déjà visibles, mais sa marche est lente et craintive; car, les bruits qui venaient de Lithuanie et qui annonçaient vos vues bienveillantes ayant aussi cessé, l'on a peine à asseoir ses idées d'une manière quelconque et l'on ne sait pas où rattacher ses espérances. L'on est abattu, obéré d'impôts et sans moyens de les payer. L'habitude du train adopté, la terreur d'un changement en pire, plutôt qu'une véritable conviction, retiennent encore les Polonais du Duché dans la voie où tant de circonstances les ont forcés à entrer. Mais cet état de choses ne peut guère durer; il est moralement et physiquement impossible de le supporter pendant longtemps. Le changement d'opinion qui s'opère dans l'armée, et qui est déjà sensible, peut devenir très marquant, si l'accablante situation du moment continue et si V. M. garde toujours Ses intentions précédentes.

Il paraît que la France, s'obstinant à la conquête de l'Espagne, met un grand prix à conserver la paix avec la Russie. Les préparatifs guerriers dans

le Duché n'en sont pas moins poussés avec activité. Je sais de très bonne part que Napoléon a tenu dernièrement le propos suivant: „Qu'un seul Kozak „pénètre dans la frontière du Duché de Varsovie, et je proclame la Pologne. „On dit que l'Empereur Alexandre a le même projet, et qu'il désire devenir „Roi de Pologne. Si c'est de gré à gré, je ne m'y oppose pas: au contraire, „j'y accéderai volontiers. Moi-même je lui en avais déjà fait l'offre, mais alors „il n'a pas voulu l'accepter. Je consentirais même que son frère devienne „Roi de Pologne". Voilà ses propres paroles! V. M. I. en fera son profit, mais sans citer le propos, car cela pourrait compromettre la source d'où je le tiens.

L'idée que j'ai soumise à V. M. dans une de mes lettres d'entrer en négociation directement avec Napoléon sur le Royaume de Pologne en présentant sa formation comme moyen de régler les différends, d'empêcher la guerre et de consolider la bonne harmonie entre les deux Empires, cette idée, dis-je, me paraît toujours une des plus acceptables. La situation présente des affaires de l'Europe semble s'y prêter et lui être très propice, et je n'aperçois pas les inconvénients qui pourraient en résulter pour V. M. I.

Б) Письмо Александра I къ князю Чарторыжскому *).

1er avril 1812.

Je ne sais, mon cher ami, si vous avez pénétré la cause de mon silence? Vos précédentes lettres m'ont laissé trop peu d'espoir de réussite pour m'autoriser à agir, à quoi je n'aurais pu me résoudre raisonnablement qu'ayant quelque probabilité de succès. J'ai donc dû me résigner à voir venir les événements et à ne pas provoquer une lutte dont j'apprécie toute l'importance et le danger, sans croire cependant pour cela y échapper.

Une seconde cause aussi a mis obstacle à notre correspondance. J'ai su de source certaine que tous vos pas étaient épiés et que l'espionnage le plus adroit se trouvait organisé autour de vous. Je ne voulais donc pas vous exposer au moindre danger, et j'ai cru que, par une interruption de communication totale pendant un temps assez considérable, les soupçons qu'on avait sur vous se calmeraient et qu'alors, en y mettant encore plus de prudence et de circonspection que par le passé, nous pourrions la reprendre sans risque pour vous.

Finalement les projets qui nous ont occupés, soit par leur probabilité, qui ne pouvait échapper à tous les êtres pensants, soit par l'indiscrétion de quelques-uns de vos compatriotes, qui, dans de bonnes intentions, ont répandu

---

*) Изъ Собственной Его Императорскаго Величества библіотеки, Рукописный отдѣлъ, № 831, шк. II, п. 3, к. 23. Съ черновика, написаннаго карандашомъ рукой Императора Александра I.

Князь П. М. Волконскій

Графъ П. А. Толстой

Баронетъ Я. В. Виллie

А. Д. Соломка

imprudemment leurs propres idées, ces projets, dis-je, ont pris une publicité qui ne pouvait que leur être très désavantageuse, de manière qu'on en a parlé même à Dresde et à Paris.

Toutes ces considérations m'ont fait garder ce long silence, mais ni l'intérêt que m'ont inspiré les idées qui nous ont occupés, ni la résolution de les mettre en œuvre *quand les circonstances s'y prêteront,* ne m'ont abandonné un instant. Les papiers ci-joints peuvent vous en convaincre mieux que tout ce que je pourrais vous en dire.

La rupture avec la France est inévitable, à ce qu'il paraît. Le but de Napoléon est d'anéantir, ou d'abaisser du moins, la dernière puissance qui reste sur pied en Europe, et, pour y parvenir, il met en avant des prétentions inadmissibles et incompatibles avec l'honneur de la Russie. 1° Il veut que tout commerce avec les neutres soit interrompu: c'est nous priver du seul encore qui nous reste. 2° En même temps il exige que, privés de tout moyen d'exporter nos propres productions, nous ne mettions aucune entrave à l'importation des produits de luxe français, que nous avons prohibés n'étant plus assez riches pour les payer.

Comme jamais je ne puis consentir à des propositions pareilles, il est probable que la guerre doit s'en suivre, malgré tout ce que la Russie a fait pour l'éviter. Elle va faire couler des flots de sang, et cette pauvre humanité va être encore sacrifiée à l'ambition insatiable d'un homme créé, à ce qu'il me semble, pour son malheur.

Vous êtes trop éclairé pour ne pas voir combien de sa part les idées libérales envers votre patrie y sont étrangères. Napoléon a eu à ce sujet des conversations très confidentielles avec les envoyés d'Autriche et de Prusse, et le ton dans lequel il s'y est expliqué peint très bien et son caractère et le peu d'affection qu'il porte envers vos compatriotes, qu'il ne regarde que comme des instruments de sa haine envers la Russie.

Cette guerre, que je ne puis plus éviter, me dégage de tous les ménagements que j'ai eu à garder envers la France, et me laisse la liberté de travailler à mes idées favorites sur la régénération de votre patrie. Il ne s'agit donc que de déterminer la marche la plus avantageuse à suivre pour assurer le succès de nos plans, et, pour que vous soyez mieux à même d'asseoir votre jugement, je crois utile de vous donner quelques indications sur les opérations militaires. Quoiqu'il n'est pas impossible que nous puissions nous porter avec nos forces jusqu'à la Vistule, même la passer, et par là avoir le moyen d'entrer à Varsovie, il est plus prudent cependant de ne pas baser nos calculs sur des chances aussi avantageuses: de là naît la nécessité d'arranger nos démarches de manière à ne pas compter sur les ressources et l'effet que la possession de Varsovie pourrait nous procurer. C'est dans nos provinces qu'il faudra donc créer le centre d'action.

Il en résulte plusieurs questions très importantes à résoudre. Quel est le moment le plus propre pour prononcer la régénération de la Pologne? Est-ce à l'instant même de la rupture? Est-ce après que les opérations militaires nous auront procuré quelques avantages majeurs? Si le second parti

est préféré, sera-t-il utile au succès de nos plans d'organiser un Grand-Duché de Lithuanie comme mesure préalable et de lui donner une des deux constitutions préparées? Ou faut-il ajourner cette mesure pour la confondre dans celle de la régénération de la Pologne entière?

C'est sur ces questions essentielles que je vous invite à m'énoncer votre opinion franchement. Je désire de même que vous m'en donniez une sur des papiers ci-joints et lequel des deux vous paraît préférable. Peut-être trouverez-vous plus utile d'amalgamer un troisième projet des deux que j'envoie, et je vous engage de vous guider par votre propre conviction.

Je n'entrerai plus ici en discussion sur les deux chances qui se présentent pour la Russie dans cette lutte: il me semble avoir épuisé ce chapitre dans mes précédentes. Je me contenterai de rappeler seulement l'étendue immense de terrain que les armées russes ont derrière elles pour se retirer et ne pas se laisser entourer, et les difficultés qui à mesure augmenteront pour Napoléon en l'éloignant si fort de toutes ses ressources. Si la guerre commence, on est résolu ici à ne plus poser les armes. Les ressources militaires qu'on a rassemblées sont très grandes, et l'esprit public est excellent, en différant essentiellement de celui que vous avez vu les deux premières fois. Il n'y a plus de cette jactance qui faisait mépriser son ennemi: on apprécie au contraire toute sa force, on croit que des revers sont très possibles, mais on est décidé malgré cela à soutenir l'honneur de l'Empire à toute outrance.

Quel effet la jonction des Polonais ne ferait-elle pas dans ces circonstances! C'est immense, et cette masse d'allemands menés par force suivrait très certainement leur exemple. Ne serait-il donc pas possible de produire ce grand résultat? La Suède a conclu une alliance offensive et défensive avec nous. Le Prince Royal brûle du désir de devenir l'antagoniste de Napoléon contre lequel il a une ancienne inimitié personnelle, et, allant sur les traces de Gustave-Adolphe, il ne désire que d'être utile à une cause qui est celle de l'Europe opprimée. Vous qui avez été si zélé de tout temps pour cette même cause, vous sentirez, je n'en doute pas, tous les avantages immenses qui résulteront si elle triomphe, et, comme polonais, vous ne pouvez pas vous aveugler sur tous les malheurs auxquels votre patrie s'expose si, suivant les étendards français, elle donnait à la Russie un droit de se venger d'elle pour tout le mal qu'elle lui aura fait.

Je désire que vous me donniez une liste d'individus sur lesquels nous pourrions compter pour l'exécution de nos plans. Il serait bien avantageux si dans le nombre il y en avait des militaires de l'armée du Duché.

Me conformant à vos conseils, j'ai mis jusqu'ici une grande modération envers ceux de vos compatriotes dans nos provinces qui sont notés pour être très mal intentionnés pour la Russie, espérant que cette modération serait appréciée: cependant elle a produit plutôt l'idée que c'est une sorte de crainte qui oblige à dissimuler envers eux. La guerre une fois commencée, il serait très urgent de déterminer la ligne de conduite qu'on suivra envers eux; la sécurité générale en dépend, et je désire beaucoup que vous me donniez là-dessus vos idées.

C'est à Vilna, mon cher ami, que je vous prie d'adresser votre réponse. J'écrirai toujours par M. Lanskoy, gouverneur de Grodno.

Je m'aperçois que je ne vous ai pas répondu au Post-scriptum de votre dernière lettre du 25 janvier. L'idée d'amener de gré Napoléon à régénérer la Pologne en la mettant sous la domination d'un Roi Empereur de Russie est chimérique: jamais il ne consentira à un résultat aussi avantageux à la Russie, et surtout dans un moment où il n'est occupé que de plans destructeurs contre elle. Il n'envisagera jamais comme une complaisance de la part de la Russie l'impossibilité où elle a été de l'empêcher d'envahir la Prusse, impossibilité qui est résultée d'un manque d'énergie total de la part du Roi de Prusse, qui a voulu voir dans Berlin et son Palais sa Monarchie.

Adieu, mon cher ami. La Providence seule connaît l'issue qui est réservée à tous les grands événements qui se préparent. Il m'aurait été bien doux de vous revoir, ne fût-ce que pour peu de temps, dans ces moments si intéressants, partant dans trois jours pour Vilna, mais je n'ose vous le proposer, sentant parfaitement tout le danger qu'il y aurait pour vous dans cette course.

Ne prenez pour guide dans tout cela que votre prudence, et croyez-moi de cœur et d'âme tout à vous pour la vie. Mille respects de ma part à toute votre famille, à laquelle je porte une sincère affection.

J'ai été empressé de remplir vos désirs envers M. de Rall, et il y a dix à onze mois que je lui ai avancé une somme de 800.000 roubles et lui facilitant encore d'autres remboursements qu'il avait à faire à la Couronne.

B) Письма князя Чарторыжскаго къ Александру I.

5.

Siniawa, ce 23 mai/4 juin 1812.

Sire, Ce n'est qu'hier que Kluczewski est arrivé ici et que je suis en possession de la lettre de V. M. I. du 1er avril et des papiers volumineux qui y sont annexés. Le porteur s'est heureusement tiré des diverses difficultés qu'il a rencontrées, mais il n'a pu arriver plus tôt. Je suis bien au regret du retard forcé que sa course a éprouvée, craignant que V. M. n'ait attendu tout ce temps avec inquiétude et déplaisir une réponse de ma part. Une occasion unique se présente pour vous la faire parvenir, Sire: c'est le passage de M. de Novossiltzoff, dont j'attends l'avis à toute heure, et que je compte aller voir à quelques postes d'ici, afin d'éviter, s'il est possible, l'esclandre que notre entrevue pourrait causer. Les difficultés de communications avec la Russie augmentent journellement; il devient même dangereux de les surmonter, et j'en ai été particulièrement averti: l'article de la lettre de V. M., par lequel Elle veut bien m'informer de l'espionnage qui m'entoure, m'oblige de redoubler de prudence à l'avenir. Novossiltzoff passera aujourd'hui ou demain: il ne me reste que quelques heures pour rassembler mes idées et les exprimer

à la hâte. Il faut me presser et toucher seulement les points principaux de la lettre de V. M., sans m'étendre sur les objets dont elle traite avec tout le détail qu'ils exigeraient.

Quand on est hors du centre des affaires, étranger à leur ensemble, quand c'est de si loin qu'on se parle et qu'entre la question et la réponse il s'écoule des six semaines et plus d'intervalle, tandis que chaque jour amène de nouveaux incidents et des changements continuels à la situation des choses, il est bien difficile, Sire, de hasarder des conseils. Cette difficulté augmente lorsqu'il faut les donner dans un moment aussi décisif: une seule erreur, un mot mal compris portent avec soi un si grand poids de responsabilité, et ma position particulière me la fait craindre plus qu'à tout autre! Ce ne sera donc pas des conseils positifs que j'oserai donner; mais, puisque vous l'ordonnez, Sire, j'énoncerai des opinions, des raisonnements. Ce sera à V. M. I. à faire Ses conclusions.

L'attachement invincible des Polonais pour leur Patrie fait qu'ils tendront éternellement à se réunir et à ravoir une existence nationale. Cette volonté, qui ne cesse d'agir et qui ne se décourage jamais, et les circonstances actuelles semblent conduire nécessairement à une réintégration quelconque de la Pologne, dont le partage fut la première source de toutes les calamités qui depuis ont assailli l'Europe. La lutte qui s'entame, entre autres grands résultats, ne finira pas probablement sans que la Pologne ne renaisse d'une manière ou d'une autre. Le Souverain qui voudra gagner l'affection des habitants devra leur promettre les biens qu'ils désirent; celui qui tiendra sa promesse pourra compter sur leur attachement inviolable. Une constitution basée sur celle du 3 mai, des mesures qui fassent cesser la misère excessive et générale, en réunissant tout ce que l'intérêt public et particulier peuvent faire désirer, seraient sans doute de nature à remplir le vœu de la majorité.

La création d'un Grand-Duché de Lithuanie dont V. M. I. a conçu le projet, eût été, il y a quelque temps, un préalable fort à désirer; mais il eût fallu y procéder il y a un an, lorsque cette œuvre, jusqu'à une rupture probable, pouvait encore produire ses effets et prendre forme et consistance. A l'instant même où le canon va gronder, au milieu des embarras, des désordres, des incertitudes de la guerre, il est difficile et presque impossible d'organiser un nouvel ordre de choses et de le mettre en exécution. Mais si, lors de la déclaration de la guerre, il paraissait un manifeste contenant la promesse solennelle faite à la nation des avantages qu'elle aurait à espérer du Souverain qui lui parlerait, cette publication pourrait produire un grand effet sur les esprits. Si même cet effet ne se manifestait pas par des avantages immédiats, ce serait un germe qui ne manquerait pas de fructifier selon les circonstances. Les événements de la guerre décideraient du moment où l'on pourrait mettre en exécution les intentions bienfaisantes proclamées par le Souverain.

J'ai parcouru les deux projets de Constitution. Il m'est impossible en si peu de temps d'énoncer un avis définitif sur aucune d'elles. Leur fond est à peu près le même, et la majeure partie des articles me paraît bonne. Le projet plus volumineux annonce plus de connaissances locales, mais, à mon avis,

contient quelques détails qui paraissent superflus dans un acte constitutif. Je crois en effet qu'on pourrait amalgamer ces deux projets et qu'il en résulterait un troisième qui vaudrait mieux; mais ce travail demanderait un temps qui me manque. Je doute, je le répète, que dans ce moment-ci vous puissiez vous occuper, Sire, à introduire la nouvelle forme de gouvernement dans celles de vos provinces où s'établira probablement le théâtre de la guerre. Mais si des avantages remportés vous indiquaient le moment d'y procéder, une réunion de quelques personnes éclairées et bien pensantes du pays jouissant de l'estime publique vous fournirait les lumières dont V. M. aura besoin pour choisir entre les deux projets et y faire les changements nécessaires. Ce travail pourrait même se préparer d'avance.

Le choix des personnes employées et consultées influera toujours essentiellement sur le succès des affaires en Pologne. V. M. est surtout intéressée de porter une attention particulière sur ce point afin d'éviter toute ressemblance avec les anciennes opérations de la Cour de Russie dans lesquelles on voyait d'ordinaire figurer les hommes les plus mal famés du pays. Le nom même de M. d'Oginski placé en tête inspirerait de la méfiance sur la solidité et le succès de l'entreprise à cause de la légèreté dont on l'accuse. Ilinski et Worcell ne peuvent du tout être employés chez nous, car ils jouissent d'une trop mauvaise réputation. M. de Wawrzecki serait en état de fournir des renseignements justes sur les individus de marque dignes d'être employés ou consultés.

La bonhomie, la sensibilité, le courage sont les qualités caractéristiques de ma Nation. Au milieu d'une longue anarchie, suite de la plus mauvaise forme de gouvernement, jamais le trône de Pologne n'a été ensanglanté. Les Polonais sont donc incapables d'ingratitude pour des bienfaits reçus. D'un autre côté, la bienveillance et la générosité sont le genre que V. M. a adopté et qui Lui sied le mieux. L'on peut, ce me semble, prendre des mesures propres à assurer la sécurité générale, sans que la bonté qui vous est naturelle cesse d'agir. Il se commettra à l'insu de V. M. assez d'actes de rigueur: pourquoi en augmenter le nombre en les autorisant? Il faudrait au contraire, par la ligne de conduite adoptée, chercher à détruire toute animosité entre les deux nations que l'on prétend réunir. Le parti dont l'armée foulera le moins les habitants se les attachera à coup sûr. D'ailleurs V. M. I. est-Elle bien certaine de la véracité des rapports sur les personnes qu'on Lui rend suspectes? J'ai à citer une preuve frappante du peu de foi qu'ils méritent souvent, par le nombre de dénonciations auxquelles M. de Czacki a été en butte, le plus honnête homme possible, incapable d'aucune action à laquelle l'honneur ou le devoir répugnerait. En général, si les traits de générosité et de bienveillance personnels à V. M. I. n'ont pas produit tout leur effet, c'est qu'ils étaient sans cesse contredits par les dispositions tout opposées du gouvernement et par les vexations continuelles de ses agents subalternes.

Daignez, Sire, vous rappeler qu'il y aura bientôt sept ans que je proposai à V. M. I. pour la première fois de prendre l'avance dans les affaires de Pologne et de s'assurer à jamais de l'attachement de mes compatriotes. Plusieurs circonstances à différentes époques ont depuis lors présenté la facilité

de reprendre ce projet. A mesure qu'elles ont échappé, les difficultés de l'entreprise ont augmenté. Il n'y a que de grands succès militaires qui puissent réparer le défaut des mesures trop tardives, et je ne saurais à cet égard que répéter ce que j'en ai dit dans mes lettres précédentes.

Pardon, Sire, si celle-ci a du décousu et si je n'ai pas su répondre comme V. M. l'aurait désiré aux questions qu'Elle a bien voulu m'adresser. Je crains que Novossiltsoff ne vienne à tout moment me prendre au dépourvu. Comme je compte passer quelques heures avec lui, nous les emploierons à causer sur la crise aux résultats de laquelle tant de pays et d'individus ont attaché leurs espérances et leurs craintes. Je ne crois pas commettre une indiscrétion en ne lui cachant pas les vues de V. M. sur la Pologne, objet dont il est instruit depuis si longtemps. Permettez, Sire, que je me réfère d'avance au compte qu'il vous rendra de notre conversation et qui deviendra un supplément nécessaire à ma lettre.

Avant de la finir, je dois traiter un sujet qui n'est que personnel et dans lequel je voudrais savoir faire parler mon cœur. C'est celui de mon extrême reconnaissance pour la bonté avec laquelle vous daignez vous mettre à ma place et prendre intérêt à la situation cruelle dans laquelle je me trouve. J'ai lu avec une émotion profonde les raisons qui ont engagé V. M. à suspendre la correspondance avec moi, et la manière dont Elle veut bien ne pas insister sur mon arrivée à Vilno. J'ai senti jusqu'au fond de l'âme toute la valeur de cette condescendance, et j'y ai reconnu la preuve de l'ancienne amitié dont vous m'avez honoré, et une délicatesse de sentiment dont, parmi les souverains de nos jours, V. M. est peut-être La Seule capable de donner l'exemple. Tandis que d'immenses armées déjà rassemblées et prêtes à en venir aux mains vont devenir les arbitres de nos destinées, je n'aurais été d'aucune utilité à V. M. et j'aurais cruellement compromis toute ma famille. Grâce vous soit rendue, Sire, de m'avoir permis de rester dans ma retraite! Je m'efforce dans cet asile d'échapper au conflit de sentiments et de devoirs auquel je suis exposé. L'aspect des événements, loin de me tranquilliser sur ce sujet, redouble mes craintes. Patrie, famille, amitié, reconnaissance, opinion publique d'un côté ou de l'autre, tout ce que l'homme doit aimer et révérer dans la vie vont être en jeu, et probablement devenir contradictoires. Depuis le moment où le sort me plaça auprès de V. M. I., Elle connaît à fond toute ma façon de penser, qui, de Son aveu, est devenue la restriction de mon service. Si donc j'avais le temps de L'importuner par tant de détails, vous seul, Sire, apprécieriez complètement les mille circonstances qui rendent ma position et plus difficile et plus douloureuse. Mon seul soulagement est de pouvoir en parler avec un entier abandon à V. M. I. Souvent je me perds dans ce labyrinthe de motifs et d'inquiétudes opposées qui me donnent une fièvre pénible. Déjà je prévois le moment où mes parents seront obligés de se rendre à Varsovie! V. M. croit que Napoléon ne fera jamais rien de grand et de généreux en faveur de la Pologne. Mais si le contraire arrivait! Que faire alors? Quelle position envers sa famille et ses concitoyens, d'être non seulement étranger à leurs efforts, mais d'être même marqué à leurs yeux d'un cachet

hostile!... Peut-être aussi les événements tourneront tout autrement que mes diverses inquiétudes ne me le représentent quelquefois. Je m'en suis d'ailleurs remis à V. M. de décider du moment où Elle trouvera juste de me libérer du service, et je m'en suis remis non comme au Souverain, mais comme à celui qui, dans tant d'occasions importantes de ma vie, m'a permis de placer en lui toute ma confiance.

La Providence prononcera sur la lutte terrible qui s'engage. Elle vous inspirera. Quels que soient Ses décrets, je souhaite que V. M. I. ne se départisse pas de la modération et de la bonté généreuse qui forment la base de Son caractère. Ces nobles qualités ne peuvent jamais nuire, et prêtent souvent à qui les exerce l'aide et l'appui le plus assurés. Je fais des vœux pour votre bonheur, j'en fais pour ma patrie. Que je serais heureux si ces vœux pouvaient se concilier! Quoi qu'il en soit, rien n'empêchera que la reconnaissance et l'attachement que je dois à la Personne de Votre Majesté ne soient à jamais gravés dans mon cœur.

Siniawa, 1/13 juin 1812.

Post-Scriptum. Il y a huit jours que cette lettre a été écrite dans l'attente du passage de M. de Novosiltsoff. Je désespérais déjà de le voir, lorsqu'un billet de sa part m'apprend qu'il se trouve à l'endroit convenu: je n'ai que peu d'instants pour ajouter cette apostille.

J'expédie à V. M. I. ma lettre telle qu'elle est, afin que vous y voyiez, Sire, l'explication du retard de ma réponse et mon désir invariable de remplir vos volontés et de répondre à votre confiance. Mais depuis que cette lettre a été terminée, les événements, comme il arrive communément dans des temps de crise, ont marché d'un pas rapide et les choses ont pris un nouvel aspect quant aux affaires de Pologne.

Napoléon, arrivé à Posen, n'a rien négligé pour gagner les cœurs des Polonais: on leur fait espérer un avenir brillant et heureux; une diète va, dit-on, se rassembler. On met surtout de l'intérêt à rassembler les personnages les plus marquants et les plus considérés dans la nation. Mon père, comme je le prévoyais, a été sommé de se rendre à Varsovie; s'il se fût refusé à cette invitation, il eût encouru le blâme général et des dangers graves pour sa fortune et sa famille. La coopération, avouée maintenant, de l'Autriche aux plans de Napoléon ôtait à mon père toute possibilité d'excuse: il est donc parti hier.

D'après cette tournure donnée aux opérations relatives à la Pologne, il faut s'attendre à tout moment à quelque mesure éclatante dont ma patrie sera l'objet, et, selon toutes les apparences, elle aura eu lieu avant que cette lettre ne parvienne à V. M. I. Toute proclamation ou opération de Sa part tendant au même but me paraîtrait dans ce cas tardive et manquant absolument le but. Cela ne semblerait qu'une invitation faite après coup: je n'en prévois la possibilité et la convenance que dans le cas où des victoires et des conquêtes auraient mis V. M. à même de parler avec la certitude d'être écouté et de produire l'effet désiré.

Je suis resté seul ici en proie à une angoisse inexprimable. V. M. I. sait combien je suis attaché à ma patrie, et combien je lui désire ardemment toutes les prospérités possibles: Elle sait tout aussi bien mon extrême attachement à Sa Personne.

Daignez vous rappeler les sentiments que je dois à mon père, ceux qui m'unissent à toute ma famille, à tant d'amis qui se sont prononcés: déjà, parce que je n'ai pas fait de même, l'on me méjuge et l'on m'en veut. Comment se partager entre tant de sentiments et de devoirs différents et opposés, ou comment les combiner? Quelle peine peut être plus poignante que celle d'être suspect aux siens et regardé comme un apostat de ses premiers sentiments et de ses premiers devoirs! Je confie à V. M. ma pensée tout entière, comme Elle a daigné m'y accoutumer jadis. Vous pourriez, Sire, diminuer en partie le martyre de ma position en m'accordant ma démission absolue. J'adresse cette demande non au Souverain, mais à la Personne dont l'amitié m'a été si souvent secourable et que j'invoque dans le moment le plus important et le plus difficile de ma vie. Si V. M. pouvait me voir ici et juger en détail de ma position, Elle me plaindrait et serait convaincue de la nécessité où je suis de solliciter ma démission. Quel que soit le succès de ma demande, daignez m'en instruire en adressant un mot de réponse par M. Bienkowski, administrateur de nos terres à Mieczybor avec ordre de la faire parvenir par une voie sûre. J'espère que le Ciel aura pitié de moi, et que la force des événements me tirera de cette tourmente d'une manière conforme à mon devoir. Le remplir est mon seul désir.

J'ai dit en hâte et sans réserve tout ce que le cœur m'a dicté: je sais qu'on ne risque pas, à le laisser parler avec V. M. I. Daignez, Sire, recevoir encore une fois l'hommage de mon attachement et de ma reconnaissance.

---

6 *).

Siniawa en Galicie, ce 15 27 décembre 1812.

Sire, j'ai adressé le 6 de ce mois une lettre sans signature à V. M. I. qui Lui sera probablement parvenue, dont cependant je mets ci-joint une copie.

Les événements de la guerre ayant pris une tournure qui semble décisive, je crains que personne ne veuille à présent plaider auprès de V. M. les intérêts de ma patrie, et je me suis décidé d'expédier M. Kluczewski avec les papiers ci-joints. Puissent-ils contribuer à vous convaincre, Sire!

Je redoute, d'une part, les insinuations des puissances continentales, qui voudront vous détourner d'une idée qui leur fera ombrage et qui est trop belle pour que leurs Cabinets puisse la comprendre. Ce qui me rassure, c'est que l'Angleterre, vu ses intérêts bien entendus et vu la façon de penser du Prince Régent, ne peut manquer de la goûter. D'un autre côté, je crains les

*) Съ черновика, написаннаго карандашомъ рукою князя Чарторыжскаго.

conseils des personnes qui vous entourent, et qui, pour des considérations particulières, seront peut-être contraires au projet, ou bien qui, exaltées par vos succès, oublieront que ce sera la manière la plus avantageuse et la plus glorieuse de les assurer.

Au fond, tout mon espoir est dans vos propres sentiments, Sire. Vous êtes plus que personne maître du sujet. Il serait donc inutile d'entrer dans de plus longs développements et de prévoir des objections pour y répondre. Je ne saurais m'imaginer que V. M. I., après avoir voulu quand Elle ne pouvait pas, ne veuille plus à présent quand Elle peut tout ce qu'Elle voudra. Ce sont des moments qui ne reviennent pas dans la vie.

Si V. M., au moment où la nation polonaise s'attend à la vengeance d'un conquérant, lui tend la main et lui offre de plein gré ce qui pour elle faisait l'objet du combat, l'effet en sera magique: c'est de quoi je vous réponds, Sire. Il surpassera votre attente; vous en serez étonné et touché.

S'il vous convenait de suivre l'idée relative au Grand-Duc Michel, je prendrais sur moi de tout signer sans retard et de répondre que tout ce que vous exigeriez serait rempli.

Je crois qu'il est de mon devoir de ne pas cacher à V. M. I. qu'une source continuelle d'inquiétude et de frayeur pour les Polonais, c'est le Grand-Duc Constantin, qui est votre successeur apparent. Et c'est pourquoi ils préféreraient une autre tige. En effet, un Roi de Pologne qui aura trois cent mille Russes à ses ordres, dès qu'il voudra ne pas respecter les lois, ne pas tenir ses promesses, dès qu'il voudra détruire ce que son prédécesseur aura statué, en sera toujours le maître. C'est cet avenir qui rendra aussi les Polonais si insistants à obtenir une Constitution bien réglée; quoique dans le fond les précautions de ce genre les mieux prises ne pourront pas garantir d'une violence décidée, ni même d'un changement de principe et de volonté dans un Souverain futur de la Russie.

Quel que soit au reste l'arrangement que vous préférerez, Sire, d'après les bases que je vous ai soumises, je crois ne pas trop m'avancer en assurant qu'il se terminera à votre pleine satisfaction.

C'est à V. M. I. à présent à donner l'impulsion, à expliquer Ses désirs, à indiquer les moyens de s'entendre, en un mot, à finir l'œuvre. Je pense avoir tout fait comme polonais pour la préparer.

Pour ce qui est de moi en particulier, quoique, dans l'attente, Sire, d'une réponse de votre part, j'aie refusé jusqu'à présent d'envoyer mon accession à la Confédération, cependant je m'y suis joint par sentiment, j'y ai adhéré de tous mes vœux pour ma patrie, ainsi que les trois lettres que j'ai adressées à V. M. I. le témoignent. Ce n'est pas sans doute tandis que mes compatriotes croient voir approcher le moment où leurs intentions les plus droites, leurs sacrifices les plus héroïques, leurs pertes les plus sensibles ne seront suivis que par des malheurs plus grands encore; ce n'est pas, dis-je, lorsque toutes les espérances de mon pays semblent péricliter, que j'irai me rétracter et renier devant V. M. une cause sacrée pour tout polonais et qui restera belle et juste si même elle ne cesse d'être malheureuse. Si vous nous tendez la

main, Sire, je veux éprouver en plein le ravissement de mes compatriotes; si vous nous rejetez, je partagerai leur affliction et leur désespoir.

Je supplie de nouveau V. M. I. de m'accorder mon congé absolu, que j'ai demandé bien avant la guerre pour des raisons particulières et que tous les motifs réunis me font solliciter aujourd'hui. V. M. ne peut plus en avoir pour me refuser ma demande, quelque tournure qu'Elle veuille donner aux affaires. Cependant s'il faut me rendre auprès de vous, Sire, pour défendre la cause de mon pays, si vous croyez que ma présence pourrait lui être utile, je suis prêt à entreprendre ce voyage.

V. M. ne se rapprochera-t-Elle pas du théâtre des événements pour être plus à même de les diriger? Voulez-vous, Sire, que je fasse de premières ouvertures à la Confédération et au Gouvernement de Varsovie? Voulez-vous y employer quelque autre? Ne vous conviendrait-il pas que je sois chargé de leur part à conclure l'arrangement? Dans ce cas, j'enverrais bien vite mon accession à la Confédération, et, muni de leur confiance, je leur obtiendrais bientôt la vôtre.

Si vos intentions sont favorables, Sire, daignez me les faire connaître en toute hâte; mais surtout et avant tout, donnez vos ordres en conséquence à vos généraux *). *En tardant de traiter et en ne s'y prenant pas bien, on risque que l'armée polonaise, qui déjà se réorganise, et une foule de militaires distingués ne suivent la retraite des Français et leurs drapeaux. Outre que ce serait une perte très réelle, ce corps deviendrait un nouveau noyau pour les entreprises futures de Napoléon.* Mon conseil serait que V. M. I. donne au plus tôt à Son armée des instructions analogues à ce que contient l'annexe A, et qu'en même temps vous me fassiez parvenir les articles préliminaires que vous croyez, Sire, pouvoir accorder, signés de votre main. D'autres points qui demanderaient une discussion ultérieure pourraient être réglés à la suite de cette première démarche. Fort éloigné en toute occasion de prendre sur moi au delà de mes moyens, je crois dans celle-ci que personne n'en aura davantage que moi pour combiner les choses et les finir promptement d'accord avec les désirs des deux parties: veuillez seulement m'instruire des vôtres. Si V. M. fait appeler le porteur de ces paquets, il sera en état de répondre à Ses questions et de donner des éclaircissements sur plusieurs points.

Quelles que soient vos dispositions, Sire, je supplie V. M. de se rappeler que c'est à Elle seule que je me confie; je La conjure de ne pas me compromettre, ce qui pourrait m'attirer les désagréments les plus sérieux.

V. M. est dans ce moment au comble du bonheur et de la gloire. Quelque attachement que je porte à Votre Personne, il ne me reste, pour ainsi dire, aucun souhait à former pour vous.

Apostille.

J'ajouterai encore que mon expédition se réduit à vous engager, Sire, à m'instruire de vos intentions actuelles relativement à la Pologne, et à vous

*) Курсивъ означаетъ пропуски въ изданіи Мазада переписки князя Чарторыжскаго съ Императоромъ Александромъ I.

prouver la nécessité d'arrêter conditionnellement sans retard des articles préliminaires conformes aux bases indiquées, tout au moins au projet de l'annexe A. Dès que j'aurai appris à quoi vous consentez, ce que vous offrez et ce que vous désirez, je serai en état de m'avancer et je saurai agir. Pour ne pas perdre un temps d'autant plus précieux que les communications sont longues et difficiles, je propose que V. M. I. m'envoie de suite lesdits articles préliminaires signés, afin que j'aie en main de quoi inspirer de la confiance. Le reste marcherait de soi-même et serait convenu successivement.

Elle voudra bien aussi me marquer si les troupes russes pourront continuer la campagne d'hiver, comment elles la dirigeront, jusqu'où elles comptent la pousser; et combien de troupes sont destinées à la faire? Etes-vous décidé à continuer la guerre jusqu'à la paix générale? A quoi vous attendez-vous de la part de l'Autriche? V. M. I. ne me donnera des éclaircissements sur ces points qu'autant que vous croirez qu'ils pourront être nécessaires pour concerter un plan d'exécution aussitôt que les articles préliminaires auraient été éventuellement arrêtés.

Il y aura sans doute des personnes qui auront le droit de demander que leur situation, leur rang, soient assurés. Sur cela, en temps et lieux, je prendrai sur moi de promettre ce qui sera convenable et indispensable pour arriver au but. V. M. I. ne me désavouera pas.

La conquête du Duché ne pourrait pas s'opérer sans peine et sans perte: les Français veulent absolument conserver ce point. L'armée et les habitants voient leur position, mais ne sont pas abattus: ils sont décidés à soutenir les plus dures extrémités, plutôt que de délaisser la cause de la Patrie. Il dépend de V. M. de tourner à son profit ce patriotisme noble et courageux.

Le mouvement Jacobinique qui a eu lieu à Paris doit aussi faire naître de sérieuses réflexions. S'il y avait une révolution en France, il est très probable qu'elle s'étendrait sur une grande partie de l'Allemagne, où les esprits sont fort montés dans ce sens. N'est-ce pas encore une très forte raison d'arranger le Nord de manière à n'avoir à craindre aucune vicissitude, aucun orage?

Si les choses peuvent s'arranger, je pense que je serai beaucoup plus utile en ne bougeant pas d'ici, que si je me rendais auprès de V. M., ce qui ne manquerait pas de donner l'éveil. Il est important de l'éviter: les Français vont redoubler de surveillance et de sévérité. Si V. M. est décidée à donner aux affaires de Pologne une tournure malheureuse, je me flatte qu'Elle m'a conservé assez de bonté pour ne pas me faire entreprendre inutilement un voyage dispendieux et très pénible pour ma santé. Dans tous les cas, je supplie encore une fois V. M. I. de ne pas me compromettre d'aucune manière, et de couvrir toute cette affaire d'un voile impénétrable.

IV.

Донесенія графа Сенъ-Жюльена графу Меттерниху *).

1809 — 1812.

1.

28 novembre 1809.

J'arrivai à Pétersbourg la nuit du 22 au 23. J'écrivis à M. le comte de Romanzoff pour lui donner part de l'objet de ma mission; il me répondit fort obligeamment, et je fus chez lui dans la même matinée. La conversation s'engagea par les phrases d'usage; puis S. E. me fit l'honneur de me dire que, la paix étant faite à la grande satisfaction de S. M. l'Empereur de Russie, qui aurait bien désiré que la guerre ne se fût jamais faite, Elle s'empresserait de renouveler les liens de l'ancienne amitié entre les deux Cours, que S. M. ne tarderait pas d'envoyer quelqu'un de distinction avec une lettre en réponse à celle dont j'étais porteur, que S. M. me donnait l'heure à 7 et demie du soir à son lever de table, que, quoique ce ne fût pas d'après l'usage établi, Elle ne voulait pas différer au lendemain le plaisir qu'Elle se promettait d'un renouvellement de correspondance avec S. M. l'Empereur d'Autriche, pour Laquelle Elle entretenait des sentiments d'estime toute particulière.

M. le comte de Romanzoff me demanda ensuite si j'avais un caractère diplomatique, parce que, disait-il, nous sommes accoutumés à observer avec rigueur les convenances d'usage entre les Cours. Passant par la suite de la conversation à l'objet immédiat de ma mission, il dit que cette cession de 400 mille âmes stipulée par le traité de Vienne s'arrangerait facilement; il plaisanta sur ce mode inusité et embarrassant de calcul par âmes, ajouta qu'il ne connaissait pas le local et qu'il faudra avoir recours à des tables statistiques. Lorsque, pour aller au fait, j'abordai la question de la renonciation entière à la cession stipulée et que je lui dis que nous nous flattions qu'en vertu de cette bonne intelligence qui depuis près d'un siècle régnait entre les deux Cours et qui allait si heureusement se renouveler, le Cabinet de St-Pétersbourg se désisterait de ses prétentions, le comte de Romanzoff se récria qu'il n'était pas possible de changer quelque chose à un traité devenu public, qu'on attirerait

*) Изъ Вѣнскаго Государственнаго Архива.

le blâme de toute l'Europe, que S. M. avait déjà annoncé cette acquisition à Ses sujets, etc., et puis, pour éluder une discussion ultérieure, S. E. jugea à propos de passer à un autre sujet de conversation.

J'interromps ici le fil de ma narration pour dire un mot de la manière toute particulière de causer de M. le comte Romanzoff: il peut devenir utile à tel individu qui aurait à traiter d'affaires avec lui d'être prévenu que ce ministre, qui possède à un suprême degré l'art de phraser, qui avec le plus heureux choix des expressions sait dire les choses les plus obligeantes, enfin qui possède à fond ce qu'on appelle le jargon diplomatique, a encore un talent particulier pour passer inopinément d'un sujet à l'autre et échapper ainsi à un adversaire dont les arguments sont de force à ne pouvoir être victorieusement combattus.

Comme cependant je réussis de ramener la conversation au point d'où nous étions partis, j'eus occasion de dire à S. E. que S. M. l'Empereur, notre Gracieux Souverain, ne s'était déterminé à la paix qu'après la conviction plénière d'une agression hostile de l'armée du prince Galitzine. Sur quoi M. le ministre des affaires étrangères fut pressé de m'assurer que jamais le prince n'avait eu ordre d'entrer en Hongrie, et, comme j'eus l'honneur de lui dire que je savais le jour et l'heure à laquelle tel aide de camp du prince de Neuchatel avait été à Tarnow avec le plan de coopération de la part des armées russes et varsoviennes, il parut un peu déconcerté, disant que pourtant S. M. ne lui cachait aucun ordre de ce genre donné à Ses armées.

Ce trait de duplicité de la part de M. le comte Romanzoff, et qui par la confidence du prince Galitzine devenait évidente, me prouva d'abord et la faiblesse de ce Cabinet, tel que M. le prince Schwarzenberg l'a dépeint, et combien il lui importe que le public attribue la paix onéreuse que nous avons faite à ce caractère de versatilité qu'il veut très gratuitement nous donner et par lequel il cherche à se justifier de ne s'être pas joint à nous, espérant éloigner le blâme d'avoir sacrifié contre ses propres intérêts la puissance qui aurait pu un jour lui servir de boulevard.

A l'heure indiquée, rendu à la Cour, je fus introduit par un huissier dans une pièce où bientôt le prince Gagarine *), aide de camp de S. M., puis le comte Tolstoï **) vinrent me tenir compagnie. On me fit entrer dans le cabinet de travail de S. M., qui vint à moi, appuya Sa main sur mon bras, m'éloigna de la porte (précaution assez nécessaire par le défaut d'organe qui force de parler très haut à S. M.) et commença par me faire des questions sur la santé de S. M. l'Empereur, notre Auguste Maître, et celle de S. M. l'Impératrice. Puis S. M. me dit que c'était de bien bon cœur qu'Elle renouerait les anciens rapports d'amitié avec l'Empereur d'Autriche, qu'Elle nous avait loyalement avertis des engagements qu'Elle avait pris, qu'Elle s'en rapportait à cet égard au prince de Schwarzenberg, que sans doute je devais savoir par lui que S. M. avait proposé une triple alliance, que ce n'était que par là que

---

*) Князь Павелъ Гавриловичъ, † 1850 г.
**) Графъ Николай Александровичъ, † 1816 г.

l'on aurait pu assurer la paix à l'Europe, parce que cette alliance, en cas de rupture volontaire de la France, eût réuni les forces des deux autres monarchies pour lui imposer, qu'enfin si le prince eût pu venir deux mois plus tôt, cette malheureuse guerre n'eût pas eu lieu. Je me gardai bien de répliquer à cette assertion, qui me rappelait que M. de Romanzoff m'avait dit regretter n'avoir pas pris sur lui d'aller à son départ de Paris à Vienne, où il aurait été encore temps de calmer les esprits; je crus plus convenable de ne pas revenir sur le passé, ce qui aurait occasionné une discussion très oiseuse et ne menait à rien. L'Empereur, qui parla beaucoup et avec cette espèce de bredouillement qui fait péniblement attendre la fin de la phrase, sans me donner le temps de placer le moindre mot, ajouta que son système à lui était de ne pas provoquer un état de guerre, dans lequel les grands talents, le génie vraiment extraordinaire de *cet homme* (ce fut le mot dont, à ma grande surprise, S. M. se servit plus d'une fois) lui donnaient une si éminente prépondérance: „C'est „le seul métier qu'il sait", ajouta l'Empereur; „il l'a appris dès les grades „subalternes, et il y a acquis d'aussi grands talents qu'il en montre peu dans „la partie administrative". Puis S. M. dit qu'il aurait mieux valu laisser achever à Napoléon la conquête de l'Espagne, guerre ruineuse qui durera quelques années et l'affaiblira en hommes et en moyens de toute espèce. Ici je crus pouvoir me permettre de l'interrompre pour faire à S. M. la question de ce qu'il y aurait à faire à cette époque? — „Ah", dit l'Empereur, „je l'avoue, il „faut de la prudence, il a une humeur très irascible, mais cependant on peut „se tenir en mesure avec lui". Puis, sentant apparemment qu'il trahissait par cette seule phrase le secret de la faible condescendance de son Cabinet, l'Empereur fit tout à coup une sortie contre les Anglais, qui ont, dit-il, toutes les raisons à éterniser la guerre du continent, qu'il était fâché qu'ils eussent eu assez d'influence sur notre Cabinet pour nous porter à une détermination directement opposée aux conseils que S. M. nous avait donnés et qui avaient été dictés par le plus vif intérêt, qu'à l'heure qu'il est, heureusement, n'y ayant plus lieu à une guerre du continent quelconque, l'Angleterre serait forcée à changer de système, que des officiers de la marine de S. M. lui avaient unanimement fait le rapport que la cherté excessive et le mécontentement général du public excité par le système prohibitif adopté par tout le continent, forcerait dans peu le gouvernement à accéder à la paix. „Je ne puis", dit l'Empereur, „fixer cette époque au juste, sera-ce dans 6 mois, sera-ce dans 12, mais „faites compte, cher Général, que cela se fera". S. M., après cette longue tirade, qui me parut mot pour mot être tirée du *Journal de l'Empire* revint à me faire des questions sur S. M. l'Empereur, me répéta qu'Elle avait la plus haute estime de son caractère personnel et combien un renouvellement d'amitié avec son ancien ami le soulageait d'un grand poids, car, dit S. M., „je puis vous „assurer que rien au monde ne m'a encore tant peiné que de faire marcher „mes troupes contre vous; mais en homme loyal je n'ai pu me dispenser de „tenir parole".

Je crus que ce moment d'effusion serait celui où convenablement je pourrais aborder la grande question, celle de la renonciation à la cession des

400 mille âmes. Je répliquai donc que S. M. l'Empereur mon Maître était persuadé de ses sentiments à son égard, et que certainement ils étaient bien réciproques, que conséquemment, basant mon opinion sur ce rapport d'affections réciproques que je n'ignorais pas, je croyais pouvoir proposer à S. M. de se désister du droit à la cession stipulée par le traité de Vienne. Là-dessus l'Empereur, sur la physionomie duquel je lus que cette idée de renonciation totale l'affectait bien moins qu'elle n'avait déplu à son ministre des affaires étrangères, me prit par le bras: „Tenez", dit-il, „tenez, Général, je vous „parlerai avec franchise sur cet objet. Je suis à la tête d'une nation dont je „me fais un devoir de ménager l'amour-propre national; la marche des troupes „auxquelles j'ai donné les ordres les plus sévères de ménager le pays qu'elles „occuperont, cette marche et leur séjour en Galicie ont occasionné des dépenses „dont je suis responsable à la nation, et je lui dois un dédommagement pour „ce nouveau sacrifice". Puis S. M. ajouta que, pour l'arrangement définitif des limites, j'aurais affaire à M. le comte de Romanzoff, et que le tout s'arrangerait d'une manière satisfaisante pour mon Maître. Comme il m'importait de savoir au juste ce qui en était relativement à la coopération du prince Galitzine, je me permis, par manière de conversation, de dire à S. M. combien les officiers de l'armée autrichienne, qui se souvenaient avec complaisance de la brillante campagne qu'ils avaient faite avec leurs anciens frères d'armes russes en Italie, avaient été peinés d'apprendre que c'était uniquement par la conviction d'une agression hostile sur notre flanc droit d'une armée jadis notre alliée, que S. M. l'Empereur s'était déterminé à faire la paix! S. M. l'Empereur Alexandre changea dans le moment visiblement de couleur, et avoua franchement qu'Elle avait dû donner cet ordre pour mettre fin à la guerre, et qu'il fallait bien que nous nous y attendions.

Et c'est ainsi que finit mon audience qui dura plus d'un gros quart d'heure, et dans laquelle l'Empereur, tout en m'accueillant très gracieusement, tout en parlant beaucoup et se répétant souvent, cachait assez mal l'embarras dans lequel le mettait le tort que volontairement il s'était fait à ses intérêts et à sa réputation par une condescendance pour la France nullement motivée par une raison d'état ni par l'estime personnelle, mais uniquement par la peur, sentiment mal déguisé sous le masque de la prudence et qui contraste plaisamment avec ces formes chevaleresques, cette imposante figure et cette manie belliqueuse qui absorbe les revenus de l'Etat. Car, à en juger d'après le cri public, la conquête de la Finlande a coûté 80 millions en frais de guerre et en succès achetés argent comptant.

Le résultat de tout ce que je viens d'avoir l'honneur de dire à V. E. et de ce que j'ai pu jusqu'à présent rassembler dans les sociétés se réduit à ceci:

1° que l'Empereur de Russie, dominé par la peur que l'on peut dire être ici à l'ordre du jour, était vrai lorsqu'il a dit au prince Schwarzenberg qu'il faisait des vœux pour le succès de nos armes, que sa condescendance pour les projets de l'Empereur Napoléon, dont, malgré l'illusion qu'il voudrait se faire, il est intérieurement forcé de s'avouer être le complice, n'est ni la suite d'une estime personnelle ni d'un engouement commandé par de grands

succès, que l'Empereur sait que sa conduite à cet égard est désapprouvée par le public, qu'il aime à se flatter que la stagnation du commerce, qui appauvrit ses Etats bien plus qu'elle ne gêne les Anglais, finira par une paix générale, à laquelle il ne croit pas réellement, et enfin que, flottant sans système, il vit, comme on dit, du jour à la journée;

2° que le ministre des affaires étrangères, talonné non seulement par la crainte des suites d'une brouillerie avec la France, l'est encore par celle qui lui est personnelle de perdre sa place par un changement de système; sachant bien qu'en valetant vis-à-vis du Cabinet des Tuileries (chose qu'il fait comme le ministre du plus petit Prince d'Empire), il sera soutenu contre le vœu de la nation, qui improuve ses mœurs, ridiculise sa manie de se vanter avec affectation de la considération dont il jouit à Paris, et qui ne peut encore lui pardonner l'abandon de l'Autriche;

3° que ce que le prince de Schwarzenberg et M. le baron de Binder ont mandé d'ici sur la manière dont la société et le public sont stylés envers nous, n'est rien moins qu'exagéré.

Il suffira à V. E. à savoir que dans ce pays, où de tout temps un souhait du Souverain devint une loi, l'ambassadeur de la Cour de France, distingué par la Cour, n'est reçu que dans une seule maison, que la noblesse et la bourgeoisie, souffrant également de la pénurie du numéraire et de la baisse des assignations qui sont à 8 roubles 35 kop. le ducat impérial, sont désolées de cette adoption du Système Continental, que les grands possesseurs voient d'un œil inquiet arriver le moment où une guerre malheureuse peut les exposer à tous les bouleversements de fortune que menacent les principes subversifs des Français, que le petit peuple, qui souffre le plus, murmure de cet état de choses et ne prend qu'un faible intérêt à cette acquisition tant prônée de la Finlande, qui a tant mangé d'hommes et d'où l'armée vient dénuée de tout;

4° que S. M. l'Impératrice-Mère, dont les sentiments pour la Maison d'Autriche ont été invariables, a rendu public son mécontentement en se retirant à Gatchina sous prétexte de soigner l'éducation de ses petits-enfants, et d'où elle ne vient en ville que de loin en loin;

5° enfin que l'armée partage le mécontentement de la nation, au point que l'on m'a cité le mot hardi d'un général, qui dit en parlant des Gardes: „Ces janissaires sauront faire raison à la nation de cet homme faible qui se „plaît à l'avilir!"

2.

29 mars/10 avril 1810.

Quelque désir que j'aie de remplir les ordres de V. E., et quoique convaincu de l'utilité que l'on pourrait retirer par des insinuations à S. M. l'Impératrice-Mère, cependant je dois avouer que je n'ai nul moyen à ma disposition à cet égard. J'ai eu l'honneur de mander à V. E. dans une de

mes premières dépêches, que S. M. me fit dire qu'Elle regrettait que mon caractère diplomatique L'empêchât de me voir. Elle daigna me répéter la même chose de bouche, et quoique dans toutes les occasions Elle me distingue particulièrement, cependant comme ce ne peut être qu'en public, il est impossible d'y traiter d'affaires. Ce n'est donc que très indirectement, par le canal du comte Litta, que je puis espérer de Lui faire passer quelques notions.

S. M. vient de faire un séjour à Tver chez la Grande-Duchesse Catherine; il y a des personnes qui supposent qu'il se forme là un parti, et que celui de l'Impératrice-Mère consistant en quelques personnes de grande distinction, mais que l'âge et l'éloignement des affaires ont mises hors de toute influence, se joindrait à celui de Tver. Il est sûr que les attachés à la France s'en méfient; ils m'ont même assez naïvement recommandé d'observer à Tver avec attention: j'en profiterai pour tâcher de tirer d'eux ce qu'ils peuvent savoir ou conjecturer. Il y a encore le parti de l'Impératrice Elisabeth, qui, quoique extrêmement en mesure, a pourtant quelques individus qui lui paraissent très dévoués et qui, touchés du peu de bonheur dont elle jouit dans son intérieur, déclament hautement contre l'Impératrice Marie, qui est mal avec sa belle-fille, et improuvent la conduite de l'Empereur vis-à-vis de son épouse. La princesse Amélie, sœur et amie tendre de l'Impératrice Elisabeth, réunit autour d'elle quelque peu de personnes, qui semblent être le noyau d'un parti que la grande circonspection de l'Impératrice assujettit à beaucoup de prudence. Les français dépeignent la Grande-Duchesse d'Oldenbourg comme une princesse ambitieuse, et qui veut singer la grande Catherine par son application studieuse par laquelle elle se prépare à régner un jour; ces messieurs voudraient persuader que l'Empereur ne lui pardonne pas son mariage précipité avec le Prince d'Oldenbourg, et qu'on lui a fait contracter pour échapper au projet médité à Erfurth. Cependant personne n'ignore que la Grande-Duchesse a beaucoup d'empire sur l'esprit de son Auguste frère. A Moscou, on semble pencher pour elle, et, à raison de la crainte qu'inspirent les manières brusques, des discours outrageants pour la nation et la *caporalomanie* du Grand-Duc Constantin, qui rappellent le règne de Paul, il n'y a pas de doute qu'en cas d'événement, il n'y eût un mouvement général pour la Grande-Duchesse: et je penche à croire qu'il n'en coûterait pas beaucoup de gagner les troupes, toujours maltraitées de lui. Le Prince d'Oldenbourg est, dit-on, instruit, studieux, attaché à son épouse, qui l'aime tendrement; il a des emplois qui lui donnent une grande latitude, surtout la direction générale de toutes les communications hydrauliques dans l'Empire. Cependant rien jusqu'à présent ne fait présager une catastrophe qui placerait la couronne sur une autre tête. L'Empereur est connu pour être bon; plusieurs actes de justice dès son avènement au trône ont établi sa réputation à cet égard. Nul vice ne donne lieu à un reproche, et cette pusillanimité, cette faiblesse, cette indolence à redresser les abus ou à réprimer les vénalités, ne lui promettent pas à la vérité l'admiration de ses contemporains ni l'admiration de la postérité; mais de tels défauts inspirent la pitié, et non la haine, et n'armeront jamais un bras régicide, à moins peut-être qu'à la suite de quelque grand événement

politique qui menaçât l'existence du clergé ou les fortunes des nobles, une faction excitée par des agents étrangers, renforcée par le fanatisme du peuple ou devenue suspecte par des propos indiscrets ne se portât pour sa propre conservation à un acte violent: encore devrait-il être suivi d'un second pour faire succéder immédiatement au règne actuel une régence entre les mains de la Grande-Duchesse Catherine. Il est vrai que plusieurs choses, entre autres l'affection de S. M. de n'accoster dans Ses promenades journalières que les femmes de négociants, indisposent beaucoup la noblesse. Il est vrai aussi que le manque de numéraire, les impôts dont on vient de surcharger le pays, la stagnation du commerce, donnent lieu à bien des murmures dans le public; il est vrai encore que l'amour-propre national se sent froissé par cette condescendance humiliante vis-à-vis du Cabinet des Tuileries: mais il y a loin d'un mécontentement à une conjuration, et je suis persuadé que pour le moment il n'y a aucun soupçon à former à cet égard. Celui que les français jettent sur ce qui peut se passer à Tver me paraît relatif à une détermination divergente du système politique actuel qu'ils semblent appréhender qu'on y ait résolu de faire prendre à l'Empereur. Mme de Narychkine, sans la moindre influence et que l'on ne va voir que par procédé, part au mois de mai; elle va à Vienne et de là en Suisse.

Le voyage de V. E. à Paris, dont le chancelier d'Empire a été informé par le général Schouvaloff en même temps que moi, a été quelque temps ignoré du public; quoique je ne me sois pas pressé d'en parler et que j'eusse l'air de n'y mettre d'autre importance que sous le rapport de l'agrément que S. M. la jeune Impératrice de France en retirerait d'avoir à son début un guide en V. E. qui peut lui donner des renseignements et des conseils précieux, cependant il était aisé de voir que cette nouvelle ne faisait pas peu sensation. La plus heureuse tournure que j'ai pu donner à cette course à Paris, et qui m'a été suggérée par des personnes du pays, c'est de supposer que vous vous concertez avec le Cabinet des Tuileries pour renouveler des propositions conciliatrices aux Anglais: par là toute l'attention est détournée de ce qui pourrait s'y traiter des affaires du continent. Le chancelier d'Empire m'a dit à ce sujet que, quoiqu'il fût convaincu que nous perdrions nos peines, cependant il désirait que l'on pût amener les choses à un congrès, qu'il serait à souhaiter que ce projet se réalisât, qu'il servirait à attiédir les esprits encore en fermentation, que les puissances du continent pourraient y convenir entre elles de leurs intérêts, sur lesquels elles ne lui semblent encore nullement s'entendre. Cette idée paraissait lui tenir fort à cœur; le comte Romanzoff employa beaucoup de temps à m'en persuader l'utilité, quoique convaincu, disait-il, qu'il n'en résulterait rien pour la paix générale. Cette contradiction évidente dans la pose de son projet ne me laisse aucun doute que le Cabinet de St-Pétersbourg craint un arrangement quelconque entre les trois Cours fait sans intervention de la Russie, qui se trouverait par là complètement isolée; et c'est ainsi que, sans se flatter de quelques heureux résultats, le gouvernement russe insiste sur un projet de congrès, pour s'assurer au moins qu'il ne se fait rien sans son intervention.

3.

3/15 mai 1810.

En attendant qu'une seconde conférence que le comte de Romanzoff m'a promise au plus tôt me mette à même de transmettre à V. E. le résultat des démarches que j'ai faites en suite des ordres de S. M. du 18 avril, je profite de cette occasion que l'on m'annonce dans ce moment pour avoir l'honneur de vous informer qu'après avoir demandé par le chancelier de l'Empire une audience, S. M. m'invita à dîner. Après table, Elle me tira à part, et me débita les phrases d'usage en suite des lettres de notification remises par le comte de Romanzoff d'après l'usage établi sous ce règne, et, croyant devoir saisir cette occasion, j'abordai la question de la créance *).

M'étant conformé ponctuellement dans ce que j'avais à dire aux ordres que j'ai reçus, je remarquai que cet appel à la loyauté de l'Empereur le mit dans un très grand embarras. Il chercha longtemps une réponse, et ne trouva à me dire que quelques propos entrecoupés et presque inintelligibles. Je crus devoir alors lui dire que je priais S. M. de me donner une réponse positive, que je pusse transmettre à ma Cour, ainsi que j'en avais reçu l'ordre. L'Empereur me répondit: „J'en parlerai au comte de Romanzoff, et cela pourra s'ar-„ranger". Je répliquai: „Le comte de Romanzoff a sans doute informé V. M. „que l'Empereur mon Maître était intentionné de soustraire ces prétentions à „toute discussion ultérieure. S. M. préfère de traiter cette affaire, qui n'a rien de „commun avec la politique, de Souverain à Souverain; et cette manière de „terminer la question Lui paraît d'autant plus convenable, qu'elle prouve à V. M. „la haute confiance que mon Auguste Maître met dans la loyauté de Son carac-„tère et l'amitié sincère qu'il Lui porte. Je prie donc V. M. de m'indiquer „Elle-même la réponse que je dois mander à ma Cour". L'Empereur daigna me répondre: „Je chargerai mon chancelier de conférer avec vous: parlez-lui, et „vous verrez que tout cela s'arrangera". S. M. s'étant retirée, M. le comte de Romanzoff m'aborda d'un air riant. Je lui rendis la réponse de l'Empereur, et il me dit qu'il prendrait ses ordres, qu'il me priait d'être persuadé que tout cela pourra s'arranger, que de son côté il y mettra la meilleure volonté.

D'après ces données, d'après l'embarras de l'Empereur au-dessus de tout ce que je puis en dire, et le ton que le chancelier s'efforçait à rendre confidentiel, mais plus encore d'après ce que je sais que M. Kochéleff avait

---

*) Au printemps de l'année 1810, le comte de Saint-Julien avait l'ordre de poursuivre la liquidation de deux dettes, dont la première se fondait sur le traité conclu le 13 du mois d'août 1808 entre les empereurs Alexandre Ier et François, touchant l'indemnisation de l'Autriche, qui avait pendant la guerre de 1805 rendu des livraisons à l'armée russe. La Russie s'obligea au payement de 12 millions en *Bancozettel*, de manière qu'elle payerait cette somme en douze termes à 4 mois, c'est-à-dire chaque fois un million en *Bancozettel*.

La seconde dette se fondait sur un arrangement fait par les comtes Mouravieff et Szápáry au nom des deux Empereurs. Elle visait à la somme de 25.000 roubles que l'Empereur Alexandre Ier s'était obligé à payer annuellement à l'Archiduc Palatin Joseph, veuf de feu la Grande-Duchesse Alexandrine Pavlowna.

dit la veille à l'Empereur sur la nécessité absolue de l'acquittement de cette dette, je crois pouvoir me flatter d'une issue telle que nous la désirons. L'envoi du courrier ayant été différé par la raison que l'Empereur s'est déterminé, m'a-t-on dit, à écrire une lettre autographe à notre Auguste Maître, j'ai le plaisir de mander à V. E. que tout récemment un des plus zélés agents de notre cause dans le Conseil m'a fait avertir sous main que, si l'on me proposait un arrangement qui tendît au désistement d'une partie de la somme due, je devais tenir ferme, puisque le vœu général portait à nous la faire payer en entier. L'on ne m'a fait encore aucune communication, et je n'attends que le résultat de mon colloque avec l'Empereur pour expédier tout de suite un courrier.

4.

(Litt. A.) *17/29 mai 1810.*

La dépêche chiffrée envoyée par courrier russe a informé préalablement V. E. de la conversation que j'eus avec S. M. sur le sujet de la créance des douze millions. Sans répéter ce que j'eus l'honneur de mander à V. E. dans cette dépêche, j'ajouterai seulement qu'autant que M. le chancelier d'Empire me parut intrigué du contenu de cette note, que je lui avais remise cachetée le lendemain de l'arrivée du courrier, autant à l'issue de ma conversation avec l'Empereur qui eut lieu le 7 du même mois, trois jours après, je le vis rayonnant et redoublant de formes amicales. Je lui répétai ce que j'avais eu l'honneur de dire à l'Empereur, et il parut deviner l'embarras de S. M., qu'il connaît d'ailleurs, dans les réponses presqu'inintelligibles que j'en avais reçues. Pourtant, comme S. M. m'avait dit expressément qu'Elle chargerait Son chancelier de me parler sur cet objet, il m'assura qu'il prendrait Ses ordres et qu'il croyait que tout pourrait s'arranger. J'appris que l'Empereur l'avait fait venir le même soir à une heure peu accoutumée, et, sachant que je pouvais faire compte sur Mordvinoff, membre de la section des finances, sur M. de Kochéleff, membre du Conseil, et même sur M. de Gourieff, ministre des finances, dont les deux premiers ont parlé à l'Empereur et ont appuyé fortement sur la nécessité d'acquitter cette créance, et sous le rapport de la politique, et sous celui du crédit à établir en pays étranger, je crus pouvoir me flatter qu'au moins la créance en question serait reconnue, sauf ensuite à me faire des propositions pour le mode de payement. Quelques jours après, attendant toujours d'être invité à une conférence chez le comte de Romanzoff, je fus averti par Mordvinoff que l'on était d'accord pour le payement, et que si le chancelier voulait me faire quelques difficultés ou des propositions contraires à l'acquittement total en entier de la somme, je devais tenir bon, ne me relâcher sur rien et le lui faire savoir tout de suite. Sous d'aussi favorables auspices, je pouvais croire que les plus grandes difficultés étaient levées et que l'on n'était embarrassé qu'à trouver le moyen de revenir sur la première énonciation de ne pas reconnaître la légitimité de la créance, sous

le prétexte de son annulement par la circonstance de la guerre survenue. Enfin, le 20, le capitaine Marschal étant arrivé comme courrier avec les dépêches du 8 mai, je demandai sur-le-champ une conférence au comte Romanzoff. Après lui avoir remis la boîte dont S. M. l'Empereur, notre Auguste Souverain, l'a gratifié, et lui avoir donné, d'après les instructions de V. E. contenues dans la dépêche du 9 mai, la réponse qui me fut prescrite, voyant que le chancelier ne me parlait pas de la créance, je lui demandai ce que S. M. avait décidé à cet égard. Il me répondit que, l'Empereur sachant par M. de Schouvaloff que le prince de Metternich lui avait promis une note à ce sujet, il attendait cette note pour donner une réponse. Je répliquai que j'avais eu l'honneur de prévenir S. E. dans une première conversation sur ce sujet que cette note ne pouvait être que la même que je lui avais remise moi-même, qu'il ne pouvait plus être question d'une note ultérieure, puisqu'il se rappelait que je lui avais déclaré que S. M. l'Empereur d'Autriche avait résolu de ne plus soumettre cet état de question à une discussion ministérielle ultérieure, et qu'une seconde note ne pouvait qu'être une répétition oiseuse de celle qu'il avait déjà en mains ou une reprise d'une discussion qui ne menait à rien et que l'Empereur mon Maître était déterminé à ne plus continuer, après que je ne lui avais pas caché ce que j'avais eu l'honneur de dire à ce sujet à S. M. au nom de mon Auguste Maître et dans les mêmes expressions qui m'avaient été prescrites. Le comte Romanzoff répliqua assez sèchement qu'il ne pouvait me dire autre chose, sinon qu'une note ayant été annoncée à Vienne sur cet objet, il convenait au ministère russe d'attendre qu'elle fût remise. Indigné de ce subterfuge puéril pour gagner du temps et pour ne pas devoir répondre catégoriquement à un appel à la loyauté du Souverain même, je dis que, dans ce cas, je réputais de mon devoir d'envoyer sur-le-champ un courrier à Vienne pour en informer ma Cour. M. de Romanzoff répliqua qu'il était d'avis que rien ne pressait, que, dans une affaire d'importance majeure comme celle-ci, cinq ou six semaines ne faisaient pas de différence, et qu'entre temps la note pouvait arriver. Je répliquai que, persuadé qu'il n'y avait qu'un mésentendu du comte Schouvaloff qui pût lui avoir suggéré l'idée d'une note qui ne pouvait être que celle que j'avais déjà donnée à ce sujet, je ne pouvais pas m'exposer à la responsabilité d'une perte de temps inutile et à la prolongation d'un malentendu qui s'éclaircirait tout de suite. Nous nous quittâmes après cette explication très froidement de part et d'autre.

Le même individu susnommé m'ayant pendant ce temps fait prier de retarder de quelques jours l'envoi de mon courrier, parce qu'il comptait faire encore une tentative sur l'Empereur, auquel il voulait parler vertement sur la nécessité de déclarer au moins reconnaître la validité de la créance, entre temps M. le chancelier d'Empire me pria de passer chez lui. Après m'avoir chargé de l'expression respectueuse de sa gratitude vis-à-vis de S. M. notre Auguste Souverain pour la boîte, que son Maître lui avait permis d'accepter, il me parla de la nomination de M. de Stackelberg et des autres objets que j'ai eu l'honneur de mander à V. E. dans la dépêche suivante *(Litt. B)*. Je crus pouvoir saisir le moment où le chancelier finissait une belle phrase

déclamatoire au sujet de la nécessité de s'entendre réciproquement sur les intérêts si chers à toutes les puissances, le repos de l'Europe, pour glisser un mot sur l'impression défavorable que le refus de l'acquittement de la créance des douze millions avait faite sur l'esprit de mon Souverain, et, prenant le ton confiant de particulier à particulier, je lui demandai si lui-même n'était pas d'avis qu'il était très important de ne pas laisser germer un levain de mésintelligence entre deux Souverains entre lesquels l'Europe entière voyait avec confiance se renouveler des liens d'amitié qui lui assuraient sa tranquillité future, que confidentiellement je ne lui cachais pas qu'une reconnaissance préalable de la créance en question rétablirait cette confiance, base de toutes les négociations à faire dans l'avenir, et j'ajoutai que, outrepassant dans ce moment mes instructions, je prenais sur moi de lui représenter l'utilité majeure qui en pourrait résulter un jour pour les deux Souverains que nous servons, si nous pouvions réussir à terminer à l'amiable une affaire qui ne pouvait qu'influencer désavantageusement sur cette parfaite réunion d'intérêts, si nécessaire, comme il venait de le dire, à la prospérité future de l'Europe.

Le comte de Romanzoff me répondit qu'il me remerciait de ce ton de confidence sur lequel je lui parlais, qu'il voyait comme moi là-dessus, qu'il en parlerait à l'Empereur, qu'il me confiait que plusieurs raisons avaient encore arrêté la détermination de S. M., la difficulté de revenir sur Sa première déclaration, la conviction du droit de Son côté et l'embarras du payement, qu'il dépasserait ses pouvoirs s'il m'autorisait de mander à ma Cour quelque chose de positif à cet égard, mais que je pouvais faire compte sur sa bonne volonté à nous être utile également sur ce point-là.

Il n'y a pas de doute, comme V. E. en jugera par ce que j'ai l'honneur de Lui mander, qu'il y a dans ce nouvel échappatoire bien autant d'embarras que d'entêtement de la part du ministère russe, et, j'ose ajouter, de la part de l'Empereur lui-même, qui est tourmenté du besoin de créer des ressources pour subvenir aux dépenses urgentes de l'Etat, et qui cependant ne peut se résoudre à accepter aucun des différents plans qu'on lui met sous les yeux. A en juger par l'embarras incroyable que S. M. ne put cacher dans Sa conversation avec moi, l'appel à Sa loyauté a dû Lui faire une impression bien vive, et je doute que S. M. soit aussi convaincue que le chancelier le dit de la légitimité de son droit à récuser la créance. Je me rappelle qu'en articulant à voix haute les mots *de gentilhomme à gentilhomme,* je le vis rougir, et il avait l'air si décontenancé que je baissai ensuite un peu la voix par ménagement, parce que Tolstoï *) et le petit prince Galitzine **) se trouvaient dans le fond de l'appartement; car l'étiquette que S. M. s'est prescrite pour éviter de parler aux diplomates étrangers, plus encore la peur de se rendre suspect à la surveillance de l'ambassadeur de France, ne me permirent pas d'avoir comme à mon début une audience particulière de S. M., quoique je ne puis dire qu'elle m'ait été formellement refusée.

*) Графъ Н. А. Толстой.
**) Князь А. Н. Голицынъ.

Je me permettrai d'après ces données de hasarder mon avis sur la manière de mettre enfin un terme à cette discussion de la créance en question. Persuadé, d'après la connaissance que je crois avoir acquise du caractère de l'Empereur Alexandre, que la peur en est la nuance dominante, il me paraît que, dès que l'on croirait avoir acquis ici la certitude d'une identité de système politique avec le Cabinet des Tuileries, par peur d'être la victime des projets de l'Empereur Napoléon sur la récupération de la Finlande pour la Suède, et des anciennes provinces polonaises, projets sur lesquels on ne cesse ici d'avoir la plus grande méfiance, l'on souscrirait à tout plutôt que de s'exposer à une explosion qu'un refus pourrait hâter. Mais comme j'ai travaillé avec succès à tranquilliser les esprits sur la défiance qu'inspiraient le mariage de l'Empereur Napoléon et le séjour de V. E. à Paris, et que les déclarations que vous y avez données au prince Kourakine et au ministre de Prusse ont parfaitement réussi à calmer toute méfiance à cet égard, je crois que, si S. M. notre Auguste Maître jugeait à propos, dans une réponse autographe à celle que le chancelier d'Empire m'a annoncé avoir été écrite par S. M. I. de Russie, de répéter à peu près ce que j'ai été chargé de Lui dire de bouche, surtout de le rassurer sur la nécessité d'un payement instantané des arrérages (chose physiquement impossible), je crois, dis-je, que nous gagnerions au moins pour le moment la reconnaissance de la créance et un commencement des payements à terme. Cet avis est motivé par la persuasion que, cette discussion étant déjà devenue publique, ce moyen de traiter par écrit de Souverain à Souverain, et dont le comte Romanzoff et moi serions censés ne pas être instruits, sauverait à l'Empereur Alexandre la confusion de se rétracter en public et ferait rejaillir sur nous deux, le chancelier et moi, l'inhabilité de n'avoir pu représenter la chose sous un point de vue acceptable pour les deux Souverains. Il est pourtant possible, quoique peu probable, que l'individu susnommé, et qui prend la chose extrêmement à cœur à raison que vis-à-vis de moi son crédit sur l'esprit de l'Empereur se trouve bien compromis, réussisse à faire changer de détermination à S. M. En ce cas, j'aurai l'honneur d'en faire tout de suite mon rapport à V. E. par courrier. Sinon, j'attendrai les ordres que S. M. jugera à propos de me donner pour me régler en conséquence.

5.

(Litt. B.) *17/29 mai 1810.*

Le chancelier d'Empire m'ayant prié de passer chez lui hier matin, il me fit la communication qu'il venait de recevoir l'ordre de me notifier que S. M. avait nommé le comte de Stackelberg Son envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire près de S. M. l'Empereur, notre Auguste Maître, et qu'on allait lui expédier les ordres en conséquence à Turin où il se trouve actuellement, que S. M., par cette nomination, ne voulait que manifester le désir de rétablir le plus tôt possible les anciennes relations d'amitié dans toute leur étendue,

que, sans préjuger des motifs qui pouvaient déterminer S. M. l'Empereur d'Autriche à préférer pour la mission à cette Cour telle qualification à une autre, le chancelier me répétait que son Souverain en laissait absolument le choix à notre Cabinet, de façon que si, dans ce moment-ci ou à une autre époque, il nous convenait d'envoyer un ambassadeur, M. de Stackelberg recevrait tout de suite ses lettres de créance en conséquence, et que, si nous préférions de nommer un ministre de second ordre, Stackelberg était déjà nommé comme tel, qu'il me priait de passer cette déclaration à ma Cour, avec le renouvellement de l'assurance de l'amitié la plus sincère que l'Empereur Alexandre porte à notre Gracieux Souverain. En continuant de parler sur ce thème favori, le chancelier revint à un état de question qu'il avait déjà touché quelquefois, celui du projet de la triple alliance, dont S. M., dit-il, s'était si fortement occupée avant notre dernière guerre contre les Français; qu'il m'avouait en confidence que, lorsqu'il en avait parlé dans le temps à l'Empereur Napoléon, il lui avait répondu que c'était le moyen de mettre deux contre un, qu'il s'était donné beaucoup de peine pour faire revenir ce Souverain de cette idée, qui lui parut être motivée par la circonstance du moment, celui qui précéda notre dernière guerre, mais que le moment actuel promettait de la part de l'Empereur des Français une toute autre manière d'envisager les choses, qu'il était persuadé que le vœu unanime de tous les Cabinets, celui de tous les individus bien pensants, le maintien de la paix de l'Europe, ne pouvait être plus solidement basé que par cette réunion d'intérêts communs des trois Empires, que, d'après ce vœu bien prononcé et constant du ministère de Russie, nous le trouverions toujours prêt à accéder à tout ce qui pourrait contribuer à effacer le souvenir des anciennes mésintelligences et rétablir une confiance parfaite entre les deux Cours. Je crus suivre les intentions de V. E. en répondant à ce discours par des propos vagues, mais toujours d'après le principe que j'ai soin de mettre en avant dans toutes les occasions, que S. M. l'Empereur mon Maître a adopté le système d'assurer le repos de l'Europe en entretenant la paix avec toutes les puissances voisines.

Je ne crois pas hors de saison d'avertir V. E., au sujet de la nomination itérative du comte Stackelberg, que le chancelier m'avait à une autre occasion fait lecture d'une dépêche du prince Kourakine qui lui mandait le sujet d'une conversation avec V. E. à Paris, dans laquelle vous lui aviez fait la confidence que plusieurs raisons invitaient votre Cour à préférer l'envoi d'un ministre du second ordre à Pétersbourg; cette déclaration a déterminé l'Empereur de ne plus tarder à faire connaître officiellement la nomination de Stackelberg, qu'on lui notifie tout de suite.

Je crois avoir réussi de me ménager un point de contact avec S. M. l'Impératrice-Mère, le seul dont j'ai pu essayer: c'est moyennant le comte Litta, dont l'épouse est très en faveur; ils vont passer tous deux la belle saison à Pavlowsky avec S. M. Quoique ce ne soit qu'avec de grands ménagements qu'il peut de loin en loin hasarder de parler politique avec l'Impératrice, et que S. M. Elle-même doit se donner de garde de ne pas éveiller la jalousie des Spéransky et Tolstoï, qui l'éloignent et craignent son influence, cependant

le comte Litta, sur la sincérité duquel je puis faire compte, m'a promis de parler dans le sens que nous désirons.

Le baron de Schlaten m'a dit avec beaucoup de satisfaction avoir appris les assurances d'amitié que V. E. avait données au nom de notre Auguste Maître au Roi par son ministre à Paris, ainsi que la promesse de l'interposition de nos bons offices auprès de l'Empereur pour le déterminer à mettre des formes plus douces dans la manière d'exiger le payement de ses prétentions pécuniaires; il avait fait la même communication au ministère russe, ainsi que de l'éloignement des troupes françaises de l'Elbe. Le comte Romanzoff en parut enchanté, et il se hâta d'en faire sa cour à l'Empereur.

L'ambassadeur de France a donné le 23 de ce mois une belle fête, à laquelle toute la Cour a paru, à l'occasion du mariage de son Souverain avec l'Impératrice Marie-Louise. L'Empereur m'y parla à plusieurs reprises, entre autres, de la campagne prochaine contre les Turcs. S. M. s'exprima avec plus de modestie que Son chancelier sur les succès qu'Elle espérait des talents du général Kamensky *), dont Elle a une très haute idée: S. M. voulut bien m'expliquer en détail l'opération militaire en Finlande qui valut une grande réputation à ce général. L'Impératrice-Mère prit la plus vive part à l'amélioration de la santé de l'Auguste Epouse de S. M. l'Empereur notre Maître. Le public a, comme il fait toujours, tiré les inductions d'une parfaite intelligence entre les Cours de Vienne et de Paris, de la circonstance que, ce même jour où tous les ministres des Cours alliées de la France avaient illuminé leurs hôtels, j'avais également fait illuminer le mien, ce que, même en qualité de simple particulier, j'avais jugé convenable.

La nouvelle qui nous vient de Paris de la déclaration de la fille du sénateur Lucien comme Princesse du Sang, a fait sensation ici. Le public et même les ministres étrangers ont été très intrigués de savoir à quel Prince on la destinait pour épouse; j'ai été questionné avec une inquiète curiosité, à raison des différents projets de mariage avec divers Princes de l'Auguste Maison Impériale auxquels les gazettes l'ont successivement donnée, car la plupart des ministres sont réduits ici à tirer leurs conjectures politiques de cette source impure, ne recevant jamais de courrier de leurs Cours, inconvénient auquel le duc de Vicence lui-même est exposé quelquefois, ayant été maintenant 51 jours sans courrier.

6.

(Litt. A.) *10/22 février 1811.*

J'ai l'honneur de transmettre à V. E. le précis de deux conversations que j'eus avec S. M. l'Empereur, et dont l'objet, d'une importance majeure, motive l'expédition du courrier Beck chargé de la présente dépêche.

---

*) Графъ Н. М. Каменскій, † 1811 г.

Ce fut le 3 février/22 janvier qu'après la parade de garde, à laquelle je fus spécialement invité par le comte Branitzky, aide de camp de S. M., qu'Elle me fit inviter à dîner. Après table, l'Empereur m'appela à lui à la cheminée et, après quelques mots insignifiants, il me dit à l'oreille qu'il voulait me parler en particulier, que je devais venir le lendemain soir à 7 heures chez le grand maréchal Tolstoï, qui a un appartement contigu à celui de l'Empereur, et qu'il exigeait que j'y parusse en frac. Je me rendis le jour et l'heure marqués chez M. de Tolstoï, mais, ce dernier étant malade, je fus reçu par l'aide de camp général prince Wolkonsky et peu après introduit dans le cabinet de l'Empereur, le même où j'avais eu ma première audience. Ce Souverain m'accueillit avec affabilité, me fit asseoir à côté et très près de lui à cause de sa surdité et me parla à peu près en ces termes: „Votre Souverain n'ignore pas que, bien loin d'avoir fait aucune démarche qui puisse troubler „la tranquillité de l'Europe, je me suis appliqué tout particulièrement, depuis ma „paix avec la France, à éviter tout ce qui le plus indirectement aurait pu donner „lieu à une nouvelle explosion; néanmoins les événements récents semblent conduire à une crise, dont les résultats, quoiqu'incertains encore, pourraient bien „être d'un genre à amener la guerre. Je l'éviterai aussi longtemps que je le „pourrai, mais si la dignité de mon Empire l'exige, si l'on m'y force, ce sera à „regret, mais je tirerai le sabre. Comme il paraît que l'on croit à Vienne que „la guerre avec les Turcs occupe tous mes moyens, j'ai cru devoir à la bonne „amitié que j'ai toujours soin d'entretenir avec votre Empereur, de lui communiquer les moyens de défense que j'ai à ma disposition en cas d'agression „étrangère. Voyez-vous, Général, je vous parle avec confiance, et je crois vous „donner une grande preuve d'estime en m'ouvrant avec vous sur des choses „qui, j'espère, resteront de vous à moi". Je répondis qu'honoré de la confiance que S. M. me témoignait, je La priais d'être persuadée que je n'en abuserais jamais et que ce qu'Elle daignerait me confier serait gardé avec un secret inviolable. „J'ai", continua l'Empereur, „200.000 hommes rassemblés sur celles „des frontières de mon Empire qui pourraient être menacées, derrière lesquels „encore, tant en régiments de garnison qu'en dépôts, 130.000 toujours prêts à „recruter l'armée active. Vous voyez, Général, qu'indépendamment de ce que „j'emploie sur le Danube, il me reste des forces suffisantes pour tenir tête à une „agression. Je n'avais pas à beaucoup près la même force dans d'autres temps, „et néanmoins je soutenais toujours la guerre contre les Turcs. Je le répète, je „ne provoquerai pas la guerre, mais si l'on m'attaque, je saurai me défendre „et je désire que votre Souverain soit informé au juste de ce que je puis opposer „à un ennemi. Je suis loin de proposer à votre Cour une transaction quelconque, sachant fort bien que la situation de l'Autriche est telle, que tout l'invite „à se tenir dans un état de tranquillité parfaite; d'ailleurs ce ne sont pas des „engagements par écrit, quelque nom qu'on leur donne, qui tiennent réellement „les Cours entre elles, ce sont leurs intérêts: or, je ne doute pas que la vôtre „ne soit persuadée du principe que si la Russie, la dernière puissance qui „puisse encore tenir tête à l'orage, est culbutée, l'Autriche aura son tour, „et alors, ma foi, c'en est fait de l'Europe. Ainsi donc, loin d'être soucieux

„du parti que votre Cour prendra en cas de guerre, je suis tranquille sur son „compte“.

La conversation s'était engagée à la suite de cette déclaration; elle tomba sur la célérité des préparatifs de défense dont l'Empereur avait eu la précaution de se prémunir, sur la sécurité qu'avait donnée jusqu'à présent l'emploi de toutes les forces de la France contre l'Espagne et sur les mauvais résultats que, malgré tous les efforts de la première, cette guerre avait donnés jusqu'à présent. Comme l'Empereur semblait baser sur cet emploi de grands moyens de la France en Espagne, qu'il disait ruineux pour elle, et qu'il me demandait mon avis à cet égard, je lui dis que je prenais la liberté de lui faire observer qu'indépendamment de ses forces militaires de ce côté-là, la France avait toutes les troupes de la Confédération Rhénane à sa disposition, l'armée varsovienne et une armée française sur l'Elbe. S. M. me répondit: „Voulez-vous savoir à quoi se monte tout cela? A 118 mille Allemands, „60 mille Varsoviens et peut-être encore 40 mille Français, ce qui ne ferait pas „au delà de 210 à 220 mille hommes; vous voyez que j'ai ce qu'il faut pour „opposer à cela“. L'Empereur me dit ensuite: „Ah! çà, en qualité de général, „car laissons la diplomatie de côté, dites-moi votre avis: si je suis attaqué, „quel côté croyez-vous le plus menacé?“ Ne perdant pas de vue l'occasion de lui conseiller la paix avec les Turcs, je n'hésitai pas à répondre qu'indubitablement ce serait par l'Ukraine et du côté de Kieff, pour premièrement percer par le centre sa ligne de défense d'après la tactique ordinaire française, et surtout pour donner la main aux Turcs, forcer le général Kamensky à quitter le Danube et évacuer les Principautés pour ne pas se trouver entre deux feux, et enfin pour faciliter par là aux Turcs une puissante diversion à son avantage. Après un moment de silence, l'Empereur dit: „J'espère bien que nous empê-„cherons cette opération-là: il faudra savoir la prévenir!“ Curieux de voir si je pourrais tirer au clair si le conseil qui, je sais, lui a été donné d'entrer brusquement dans le Duché et de paralyser, peut-être même utiliser, les moyens de toute espèce de ce pays, avait été agréé, je dis: „Sans doute, en „faisant un mouvement rapide en avant et en éloignant de vos Etats, Sire, le „théâtre de la guerre, vous obviez à cet inconvénient“. L'Empereur eut l'air de quelqu'un qui craint d'être deviné et répliqua: „Reste à savoir si l'Autriche „ne tirerait pas ombrage d'un mouvement pareil“. Je ne répondis rien, n'osant, faute d'instructions quelconques, lâcher un mot qui eût l'air d'un assentiment, ou même d'une approbation tacite: „Mais votre flanc“, continuai-je, „celui-là „me paraît bien en l'air!“—„Je sais ce que vous voulez dire“, répondit l'Empereur, „j'y ai bien pensé, et quoique la constitution suédoise se refuse à une „agression non motivée, cependant il ne faut pas se faire illusion, et il est „probable que les voisins voudront récupérer la Finlande: mais j'y ai trois di-„visions, le pays est coupé et aisé à défendre, et le golfe Botnique est une „rivière qui n'est pas facile à passer“. Cette tournure de conversation me parut une occasion favorable pour tâcher de pénétrer si S. M., qui me paraissait voir la guerre avec la France plus que simplement probable, n'avait déjà pensé à quelque engagement avec l'Angleterre, et je dis: „Quant au golfe Botnique,

„les forces navales de V. M. sont bien satisfaisantes pour opposer une résis„tance à celles de la Suède et du Danemark; d'ailleurs, en cas de rupture „avec la France, il n'y a pas de doute qu'Elle n'ait encore à sa disposition „une marine étrangère et trop formidable pour avoir le moindre souci de ce „côté-là". L'Empereur ne répondit rien. „D'ailleurs", reprit-il ensuite, „il faut que „je dise que les Finnois sont bien stylés: je leur ai laissé leurs privilèges, et „ils n'ont aucune raison de regretter leur ancien Souverain".

Il revint de là à ses relations d'amitié avec notre Auguste Souverain, à cette triple alliance qu'il avait proposée au prince Schwarzenberg, que, dans un moment d'embarras que donnait à l'Empereur Napoléon l'emploi de ses troupes, il avait imaginée comme un moyen d'éloigner encore le moment d'une rupture, mais que le prince avait déclaré ne pas convenir à sa Cour. Nous convînmes qu'une pareille alliance, si elle eût existé, eût pu détourner bien des maux: „Tenez", dit-il, „je m'en vais vous parler en bon autrichien. Une „pareille proposition ne saurait vous convenir dans ce moment, où tout vous in„vite à un système de neutralité parfaite". Il ajouta qu'il savait que l'incorporation à la France des pays du nord de l'Allemagne avait fait grande sensation à Vienne, qu'il y avait quelque temps déjà qu'il avait fait faire des propositions de rapprochement à notre Cour, que le prince de Schwarzenberg les avait accueillies avec des marques d'intérêt, mais que le comte de Metternich *revenu de Paris* (il appuya sur ce mot et me fixa) y avait mis plus de froideur, qu'au fond il ne pouvait donner tort à V. E. de mettre beaucoup de circonspection à des offres d'engagement quelconques qui pourraient donner de l'ombrage à un aussi puissant voisin que la France, qu'il répétait que ce n'étaient pas les écrits qui rassuraient réciproquement, mais les intérêts respectifs des Cours, et qu'il se reposait là-dessus sur notre manière de bien envisager les choses. Il fit l'éloge de la loyauté à lui connue du caractère de notre Auguste Souverain et prit occasion de revenir de là sur le chagrin que lui avait causé d'être paru brouillé avec nous en 1809, qu'il ne l'avait jamais été réellement et que certainement son armée ne se serait jamais battue contre nous, que si alors nous avions accédé à cette triple alliance, il eût été dégagé de tous ses engagements antécédents et la chance eût tourné autrement, qu'il fallait oublier le passé et ne plus y revenir, que son amitié pour S. M. l'Empereur d'Autriche était aussi sincère qu'il était persuadé qu'était celle de notre Auguste Souverain envers lui. Comme je ne répondis rien à cette tirade très oiseuse, l'Empereur, continuant à me parler, me répéta ce que le comte Romanzoff m'avait déjà dit par rapport à l'occupation de Belgrade, que, loin d'avoir des vues sur ce pays, il était prêt, au contraire, à nous prouver sa bonne volonté, et de nous en assurer la possession, si elle pouvait être à notre convenance; il prononça ces derniers mots avec un sourire de finesse, qui semblait indiquer qu'il n'ignorait pas qu'il fut un temps où nous avions eu des projets sur cette province. S. M. me congédia avec des démonstrations de bienveillance, en me répétant qu'Elle se remettait entièrement à ma discrétion sur tout ce qui avait formé le sujet de cet entretien.

Le lendemain de cette conversation, arriva le baron de Lebzeltern, et, d'après les ordres de V. E., je me rendis chez M. le chancelier; je lui fis la

lecture de la dépêche ostensible et de la copie de la lettre de Sa Hautesse. Le comte Romanzoff l'écouta avec beaucoup d'attention, me pria d'en faire une seconde lecture, puis il dit qu'il en ferait le rapport à son Maître, et, après que je lui eus rapporté le sujet de ma conférence avec l'Empereur, le chancelier me répéta ce que son Maître m'avait exprimé relativement à notre attitude en cas de guerre; quoique touchant cette corde très légèrement, il ajouta que, d'après le courrier qu'il avait reçu cette nuit de Paris, il semblait que tout se calmerait, que l'Empereur Napoléon avait donné des assurances très tranquillisantes à Tchernycheff, qu'il croyait, pour sa personne, que l'on jugeait l'Empereur Napoléon faussement et qu'il ne lui supposait aucuns plans d'agression vers le Nord, qu'à Paris on n'ignorait pas, même dans le public, le peu de progrès des armées françaises en Espagne, que la Suède ne donnait aucune inquiétude et qu'on pourrait au besoin retirer les troupes de Finlande. Il me fit entendre que l'Empereur Napoléon n'était pas bien sûr d'être obéi en Allemagne et que les esprits y étaient exaspérés contre le gouvernement français par les grandes pertes que la *brûlure* des productions anglaises y avait occasionnées, que d'ailleurs il avait été à même d'étudier ce Prince, qu'à la vérité il était d'un caractère très irascible, mais qu'il croyait qu'on lui faisait tort en le supposant insatiable de conquêtes, enfin que la position géographique de la Russie lui donnait l'avantage d'être environnée du côté de l'Asie par des peuples pacifiques, que les derniers succès lui donnaient au sud le Danube pour limite, et qu'il n'y avait que sa frontière occidentale qui pût être menacée. Ce sujet mena M. le chancelier à plusieurs détails sur les relations de commerce avec la Chine, la dernière ambassade de M. de Golovkine et autres sujets étrangers à l'état de la question.

Je comptais avoir l'honneur de mander à V. E. le récit de ces deux conversations en même temps que la réponse sur la communication de la lettre du Sultan, que j'attendais d'un jour à l'autre, lorsqu'au bout de onze jours, M. de Kochéleff me fit prier de passer chez lui. Il me dit que S. M. était extrêmement satisfaite de la conversation qu'Elle avait eue avec moi, que je lui inspirais beaucoup de confiance, qu'Elle désirerait me parler souvent, mais que je voyais bien qu'il y avait des raisons qui ne le permettaient pas, qu'Elle l'avait autorisé, lui, Kochéleff, à parler d'affaires avec moi, ayant prouvé à l'Empereur que le comte Romanzoff éloignait de lui tous les Cabinets et inspirait de la méfiance à tous les ministres, et il me pria de m'ouvrir vis-à-vis de lui avec confiance. Je lui répondis qu'il me suffisait que S. M. plaçât la sienne en M. de Kochéleff pour ne pas hésiter à conférer avec lui toutes et quantes fois l'occasion s'en présenterait, mais que je le priais de réfléchir que, de mon côté, je n'avais aucune communication à lui faire et que je n'étais venu que pour écouter ce qu'il avait à me dire.

Là-dessus M. de Kochéleff me fit des reproches d'amitié sur mon manque de confiance et exposa les preuves de celle que son Maître lui accordait, et qu'il méritait eu égard à son attachement au système d'union avec la Maison d'Autriche. Il me conjura, au nom de la bonne cause et du salut de l'Europe dont il s'agissait actuellement, de ne pas faire le réservé envers lui, de

m'épancher entièrement et de lui dire ce que ma Cour comptait faire en cas de guerre avec la France, puisque l'Empereur désirait traiter les affaires majeures ici entre S. M. et moi. Je répliquai à M. de Kochéleff qu'il se trompait très fort s'il croyait que j'avais quelque ouverture à faire à cet égard, qu'il me serait aisé de lui prouver que même je ne pouvais en avoir, vu que la nouvelle d'une apparence de brouillerie entre la Russie et la France pouvait à peine être connue à Vienne, tandis que le départ de M. de Lebzeltern, porteur de mes dernières dépêches, datait du 3/15 janvier. Un peu démonté de cette déclaration, Kochéleff me pria de dire la même chose à S. M., qui m'inviterait aujourd'hui à dîner, et il me répéta de parler à l'Empereur avec pleine franchise, ajoutant que ses relations avec le duc de Serra-Capriola ne devaient point m'engager à une réserve superflue, puisque, malgré son ancienne amitié pour lui, il ne se dissimulait pas qu'en qualité de sujet du Roi Ferdinand, il devait souhaiter la guerre, remuer ciel et terre pour former une coalition et faire des rapports à sa Cour qui pourraient nous compromettre. Tout à fait d'accord avec lui sur ce point, nous convînmes que tout ce qui s'était dit ou pourrait se dire par la suite resterait tout à fait entre nous.

La conversation roula ensuite sur le compte de M. de Stackelberg. Il apprit avec plaisir que mon Auguste Maître était très content de ce choix et que V. E. n'eût qu'à se louer de lui, et me pria de répéter la même chose à l'Empereur. Puis, après bien des invectives contre le chancelier, il m'assura avoir ordre de S. M. de me dire qu'Elle ne provoquerait pas la guerre, mais qu'Elle s'était mise en mesure pour repousser toute agression et soutenir la dignité de Sa Couronne, qu'Elle m'avait informé en bloc des forces qu'Elle avait à opposer à la France, mais que, pour ne pas avoir l'air fanfaron, Elle m'en avait accusé moins qu'Elle n'en avait réellement, et là-dessus il me montra le billet dont je fais mention dans ma dépêche *Litt. C.*, et que lui, Kochéleff, ayant oublié chez l'Empereur, S. M. lui renvoie pour me le montrer. Il me répéta que son Maître n'exigeait rien de nous, mais qu'il désirait savoir à quoi s'en tenir à notre égard en cas d'explosion, que la Russie ne se flattait pas que nous prendrions une part active à cette guerre, mais bien que nous prendrions une attitude imposante, que lui, Kochéleff, quelque antagoniste qu'il eût toujours été de la sujétion à la Cour des Tuileries, ne conseillait pas la guerre, qu'il croyait même que l'Empereur ne la voulait pas dans ce moment-ci, parce qu'il ne s'était pas attendu à des moyens de défense si promptement développés. Je revins à mon ignorance complète sur les projets de ma Cour dans le cas non prévu jusqu'à présent d'une guerre entre les deux puissances, mais j'ajoutai que, connaissant la situation de mon pays et le système pacifique de mon Auguste Souverain, je croyais pouvoir pressentir que nous nous tiendrions dans une parfaite neutralité, que cependant je le priais de ne tirer aucune induction de ce que je venais de dire, puisque c'était de mon chef que je parlais, n'ayant et ne pouvant avoir aucune donnée sur les déterminations que les nouvelles, à peine parvenues à V. E. dans le moment actuel, pouvaient exciter. Plus loin, en me parlant des Turcs, je lui dis que certainement mon Souverain devait souhaiter que le calme se rétablît sur cette frontière de son

Empire; Kochéleff m'invita à dire la même chose à l'Empereur. Lui demandant quel était le point jusqu'auquel son Souverain voulait laisser venir le Cabinet français pour se décider à la guerre, il me répondit que S. M. s'ouvrirait là-dessus avec moi, mais qu'il pouvait m'assurer que, quant à la proposition faite par l'ambassadeur d'engager les Turcs par un traité de paix à accéder sans restriction au Système Continental, Elle avait répondu explicitement qu'Elle ne proposerait pas cette condition à la Porte, que difficilement Elle pouvait se flatter que le Divan y acquiesçât en même temps qu'à la cession des Principautés, qui étaient l'unique but de la continuation de la guerre. M. de Kochéleff finit par me faire entendre que, de ce côté-là comme sous tout autre aspect, en cas de succès contre les Français, l'Empereur Alexandre s'entendrait en tout avec nous pour nous dédommager des pertes que nous avons faites par le traité de paix de Vienne. Ce fut là-dessus que nous nous séparâmes, en convenant du mode de nous voir dorénavant sans fixer sur nous l'attention des curieux.

Le même jour, 3/15 février, je dînai à la Cour, et l'Empereur me dit après dîner qu'il désirait me parler. Je fus introduit dans le cabinet de S. M.; Elle m'accueillit avec plus d'affabilité encore que de coutume, me fit asseoir comme l'autre fois, et me dit que, croyant que Kochéleff m'inspirerait toute la confiance qu'il méritait et qu'Elle-même avait en lui, il l'avait autorisé à me parler. Je répondis que je me félicitais de me trouver en relation avec un individu auquel je portais la plus haute estime, et que je n'avais pas hésité de répondre à la question qu'il m'avait adressée au nom de S. M., que je n'avais nulle instruction à cet égard, que je lui avais même prouvé à l'évidence que je ne pouvais en avoir, puisque la première nouvelle que j'avais eue à la suite d'un bruit vague répandu dans le public ne datait que de peu de jours, et que la communication que S. M. avait daigné m'en faire Elle-même était trop récente pour en avoir encore fait mon rapport à ma Cour; cependant, qu'à en juger de la position dans laquelle se trouvait l'Autriche et le désir bien prononcé que je connaissais à mon Auguste Maître de ne plus s'immiscer dans aucune guerre, mais de contribuer de tout son pouvoir à conserver le calme si nécessaire à l'Europe, je me permettais de prévoir qu'en cas de guerre, nous nous tiendrions absolument passifs. L'Empereur, sans me paraître du tout affecté, m'assura qu'il ne s'attendait pas à autre chose, et qu'il ne demandait pas autre chose, mais qu'il désirait savoir de moi, et qu'il en appelait à la franchise qu'il était en droit d'attendre de la confiance avec laquelle il s'ouvrait à moi, ce que nous comptions faire au cas où la chance tournât à son avantage: „En cas", dit-il, „que je repousse les armées françaises et que „l'Allemagne, que je sais être très mal disposée contre l'Empereur Napoléon, „se portât à une réaction que l'on peut espérer, feriez-vous une diversion en „Illyrie pour en chasser Marmont et récupérer vos provinces?" Je me rabattis encore une fois sur une parfaite ignorance des intentions de ma Cour, dans une circonstance qui ne pouvait être qu'un résultat d'une guerre encore incertaine dont la probabilité était à peine parvenue à la connaissance de mon Auguste Maître; mais, tirant parti de ce que S. M. m'avait dit dans la dernière audience

que c'étaient les intérêts des Cours, et non les assurances, qui garantissaient la confiance que l'on pouvait avoir dans des promesses quelconques, je Lui exprimai que je me flattais que S. M. nous rendrait la justice de croire que nous ne prendrions pas le change sur nos véritables intérêts, et que ceux-ci ne pouvaient nous porter à désirer de voir la Russie abaissée, que, quant au parti que nous prendrions en cas de succès de la part de cette puissance, il me paraissait superflu de donner, dans un moment où tout nous engage à désirer la continuation de la paix, des assurances prématurées sur des événements, et que S. M. Elle-même ne considérait obligatives qu'autant qu'elles correspondaient avec nos vrais intérêts. „Je conçois", dit l'Empereur, „d'après „ce que vous me dites, que vous ne pouvez point avoir d'informations; écrivez „à votre Cour ce que je vous ai confié".

L'entretien s'engagea ensuite sur la probabilité de cette guerre. L'Empereur me dit qu'il était possible que tout s'accommodât, que l'Empereur Napoléon avait très bien accueilli Tchernycheff et avait paru ne pas insister absolument sur les propositions qu'il avait faites: „Mais moi", continua l'Empereur, „qui juge „non d'après les paroles, mais d'après les faits, je ne m'endors pas; j'ai des „renseignements positifs que l'armée de l'Elbe se renforce en conscrits sous le „nom de semestriers rappelés, que l'on fait filer de l'artillerie et que des pré„paratifs continuent; je sais même, par l'indiscrétion de telles Cours d'Allemagne, „que l'on a déjà reçu des avis préalables pour se tenir prêt". S. M. convint avec moi que, si l'Empereur Napoléon a le plan d'abandonner la conquête de l'Espagne et de ne garder que la rive gauche de l'Ebre, ce Prince ne demandait peut-être pas mieux que d'avoir un prétexte de paraître sacrifier à une nouvelle querelle inattendue la réussite d'une conquête dont il s'était si exclusivement occupé, et qu'alors il ne fallait pas spontanément attirer un orage que la tournure des affaires en Espagne laissait espérer pouvoir être ajourné encore quelque temps. „J'y ai bien pensé", observa l'Empereur, „aussi „me garderai-je bien de commencer". Très intrigué d'apprendre au juste ce que S. M. appelait commencer et quelle était l'époque ou l'événement qui La déterminerait à agir hostilement, je Lui demandai la permission de Lui faire une question indiscrète, à laquelle m'enhardissait la confiance dont Elle daignait m'honorer, et je Lui dis: „Qu'entendez-vous, Sire, par être le premier „agresseur? Car il y a des agressions de fait, et il y en a qui consistent en „des lésions d'anciens traités, ou d'empiétements quelconques?" — „Je vais vous „mettre au fait de la marche de cette affaire", répondit l'Empereur, et alors il m'expliqua comment, depuis la paix de Tilsit où il avait garanti les changements que l'Empereur Napoléon jugerait à propos de faire en Allemagne, les deux Souverains s'étaient mutuellement promis de ne point s'immiscer dans leurs administrations intérieures, que jusqu'à présent ce Souverain ne lui avait pas donné sujet de plainte à cet égard, mais que la proposition d'adopter *ce système de brûlure* lui avait paru n'être pas convenable à ses intérêts et qu'il s'y était refusé, qu'ensuite on lui avait proposé de menacer la Suède en cas qu'elle ne voulût pas déclarer la guerre aux Anglais, à quoi il avait répondu qu'étant en paix avec la Suède, il n'avait aucun motif de lui faire

Императоръ Александръ I въ соборѣ Александро-Невской лавры
1 сентября 1825 года

prendre par force cette résolution: „Depuis que l'occupation d'une partie du „nord de l'Allemagne, et celle du Duché d'Oldenbourg, qui est positivement une „infraction à la paix de Tilsit et que je ne puis permettre, parce que, comme „vous savez, c'est une donation de ma Maison et qu'elle peut me revenir un „jour, m'a porté à me mettre en mesure contre une puissance qui vise à des „agrandissements continuels, je compte me prononcer à ce sujet, non pas d'une „manière provocante, mais je ne puis oublier ce que je dois à la dignité de „ma Couronne; il se peut que tout s'arrange encore, je ne demande pas mieux, „mais je me tiens prêt à tout. Pour en venir à votre question, Général, voici „ce que je compte faire: dès qu'une armée française passe l'Oder, car je ne „puis plus établir l'Elbe, puisqu'ils sont déjà à cheval sur cette rivière, je me „crois en droit de considérer la guerre comme commencée, et la Providence „décidera quelle issue elle prendra". Je Lui dis: „Sire, permettez-vous à un „homme qui n'a pas l'honneur d'être à votre service, mais qui éprouve pour „Votre Personne le respectueux attachement que vous inspirez à tous ceux qui „ont le bonheur de vous approcher, de vous représenter que vous êtes à la „veille de commencer une terrible lutte et dont l'issue influera sur le sort futur „de la Russie et de l'Europe". Il me prit par le bras: „Général, ne dites pas „commencer, car ce n'est pas moi qui commencerai; je l'attends et vous voyez „par mes préparatifs que je ne me fais pas illusion sur l'importance de la crise „actuelle". Je répondis qu'assurément, si une contenance imposante et telle que S. M. l'avait prise, pouvait contribuer à détourner l'orage, je ne pouvais que La féliciter sur la célérité avec laquelle tous ces moyens avaient été mis en mouvement, et je m'aperçus sur la physionomie, combien cette petite cajolerie avait fait fortune: „Mais", continuai-je, „parmi ces moyens que votre vaste „Empire a mis à votre disposition, j'aurais désiré apprendre, Sire, la conclusion „de la paix avec les Turcs, comme mettant encore à votre disposition une „armée entière"; que d'ailleurs, outre cet avantage, il n'y avait pas de doute que, par des conditions généreuses et propres à valoir à S. M. l'admiration de l'Europe, Elle gagnerait encore un allié puissant, qui, en cas d'événement, pourrait faire une belle diversion par la Bosnie, qui touche à l'Illyrie. L'Empereur, un peu embarrassé, me dit: „Je vois tout autrement à cet égard. Le Divan est „si versatile dans ses résolutions, si vénal, que je croirais plutôt nécessaire de „mettre la Porte, de tout temps influencée par la France, dans l'impossibilité de „me nuire pendant cette guerre, et je ne puis mieux y réussir qu'en mettant le „Danube entre les Turcs et moi".—„Sire, ils ne céderont jamais!"—„N'importe, „je l'occupe de fait, il ne me faut que 3 divisions pour en empêcher le passage, „et j'ai encore 6 divisions, comme vous avez vu par le papier que j'ai envoyé „à Kochéleff, à ma disposition". L'Empereur continua à m'assurer que tout ce qui pourrait être à notre convenance de ce côté-là lui conviendrait aussi, et que nous n'aurions qu'à nous louer de ce nouveau voisinage; ensuite il ajouta qu'il n'y avait pas de doute qu'en cas de guerre, l'Empereur Napoléon nous proposerait un échange de la Galicie contre d'autres pays et ferait des proclamations tendantes à soulever les Galiciens et leur donner l'espoir de se réunir à la Pologne, et que S. M. serait charmée de savoir ce que nous ferions en cas pareil.

Le discours tomba ensuite sur le comte de Stackelberg. Je ne manquai pas de dire combien l'Empereur mon Maître était content du choix que S. M. avait fait de sa personne et combien il inspirait de confiance à V. E., que sans doute nous n'avions pas à nous plaindre du comte de Schouvaloff, qui, au contraire, avait toujours mis les formes les plus agréables dans toutes ses relations, mais que je faisais S. M. juge Elle-même, si deux négociateurs d'une même Cour suivant peut-être tous deux des lignes divergentes ne devaient pas retarder plutôt qu'accélérer la marche des affaires. L'Empereur répondit qu'il goûtait fort ce que je lui disais, qu'il n'avait laissé Schouvaloff à Vienne que parce qu'il croyait que l'habitude des affaires pourrait l'y rendre utile, mais que, satisfait de savoir que Stackelberg était agréé à Vienne, il rappellerait incessamment Schouvaloff. Cette conversation finit par des témoignages d'affabilité et en me disant qu'il me chargeait de mander à ma Cour au plus tôt ce dont il avait été question entre nous, et qu'il s'attendait à la plus parfaite discrétion.

Le même soir à l'Hermitage, Kochéleff me dit à l'oreille de passer chez lui le lendemain soir. J'y fus à pied. Il se hâta de me réitérer les sentiments de bienveillance de son Maître pour ma personne, et me dit qu'il approuvait beaucoup ma délicatesse de vouloir ne pas cacher mon entrevue à M. de Romanzoff, que je lui parlerais vaguement là-dessus et sans entrer en détail, et que je me bornerais à l'entretenir de la réponse qu'il était chargé de me faire par rapport à la communication de la lettre de Sa Hautesse. Cette réponse est, que S. M. reconnaissait la participation de la lettre du Sultan comme une preuve de l'amitié de notre Auguste Cour à son égard, que sous ce rapport Elle l'appréciait infiniment, mais que les propositions y annoncées étaient les mêmes qui furent transmises à ce Cabinet par la voie de la mission de Berlin, et qu'au contraire la Sublime Porte ayant jugé à propos d'y ajouter une nouvelle clause relative à l'acquiescement aux négociations pour la Perse, l'Empereur son Maître ne pouvait les accepter, et que ses succès militaires, qui lui donnaient le Danube et même des places fortes au delà, l'autorisaient à ne plus se désister de la possession des provinces que les Turcs n'étaient plus en mesure de lui arracher.

Passant ensuite de cet entretien à un autre objet que Kochéleff m'annonça être bien plus important, il me dit avoir l'ordre de son Maître de me charger de faire passer à ma Cour que, l'Empereur Alexandre, en cas de guerre avec la France, devant nécessairement se porter en avant, il nous déclarait qu'afin que cette occupation ne nous donnât pas le moindre ombrage, il ne voulait des provinces conquises sur les Turcs que la Bessarabie et la Moldavie jusqu'au Séreth, et qu'il nous céderait toute la Valachie et la petite partie de la Moldavie jusqu'à ce fleuve avec l'importante position de Braïla, et qu'indépendamment encore de cette cession, l'Empereur nous garantissait toutes les occupations que nous jugerions à propos de faire en Servie. Je répondis que je ne manquerais pas de transmettre ces propositions à mon Auguste Cour immédiatement, mais que je priais M. de Kochéleff de s'expliquer si cette cession était obligatoire ou conditionnelle: il me répliqua que son Maître

n'y mettait aucune condition, et qu'elle ne devait servir qu'à nous prouver combien il importait à S. M. que l'Autriche se trouve tôt ou tard dans le même état de force dans lequel elle avait été avant la paix de Vienne.

Je ne veux pas passer sous silence que M. de Kochéleff me fit la confidence que l'Angleterre avait déjà fait des propositions par le canal du duc de Serra-Capriola, mais que l'Empereur y avait répondu évasivement: je crois qu'il a eu peur d'être compromis par quelque indiscrétion.

7.

(Litt. B.) *10/22 février 1811.*

Je crois de mon devoir de faire suivre au récit détaillé de ces différentes conversations avec S. M. ou avec la personne qui était autorisée à me parler en Son nom, les réflexions qui naissent du sujet même et de la manière dont ces entretiens eurent lieu. Les phrases soulignées*) dans mon rapport sont souvent mot pour mot les propres expressions dont l'Empereur s'est servi. Ce qui frappera sans doute V. E. est qu'après m'avoir invité à dîner, au lieu de me faire passer dans son cabinet, ainsi qu'il a coutume de faire avec le duc de Vicence et comme il en usa dans d'autres occasions avec moi, l'Empereur ait préféré ce mode de rendez-vous secret dans l'appartement du grand maréchal**). Assurément cette cachotterie devant l'ambassadeur de France, outre qu'elle porte le type d'une sujétion puérile, paraîtra d'autant déplacée, qu'elle devait manquer son but, celui du mystère, car qui répond que le seul domestique dont je fusse accompagné, le fourrier de la Cour, qui m'attendait dans les corridors, les valets de pied allants et venants, n'avaient fait leur petite histoire, qui probablement est revenue à M. de Caulaincourt? Cependant je ne pouvais me refuser à cette invitation, et je suivis ponctuellement les indications que l'Empereur m'avait données.

Dans le courant du premier entretien, je le trouvai peu embarrassé, coulant, l'air ouvert, au seul moment près où il fut question de la triple alliance proposée et manquée et de la guerre de 1809: comme toujours, une certaine rougeur, l'expression involontaire de la honte, trahit la conscience de ses torts et les reproches qu'il s'en fait. Le but apparent de cette conférence, qui était de déclarer confidentiellement sa position actuelle vis-à-vis de la France et les moyens défensifs à lui opposer, couvrait assez visiblement le but secret de sonder nos dispositions en cas d'événement. Il se peut aussi qu'il y entrât un peu de cette jactance qui est tout à fait dans le genre de l'Empereur, de faire parade des forces imposantes que la Providence, disait-il, avait mises à sa disposition, et de la célérité inouïe, incroyable même dans ce pays, avec laquelle ce changement d'organisation et cette augmentation

*) Въ настоящемъ изданіи въ кавычкахъ.
**) Графъ Н. А. Толстой.

dans l'armée ainsi que le charroi de l'artillerie ont été effectués. Aussi ne manquai-je pas de lui en faire ma cour, et ce peut bien être en partie à cette petite cajolerie, à laquelle l'Empereur est extrêmement sensible, que je dus ce laisser-aller avec lequel il me parla par la suite. Il est vrai que, dans les différentes occasions à table, où, à côté de lui, l'Empereur veut bien exclusivement s'occuper de moi, j'ai été suffisamment dans le cas d'encenser son amour-propre; le défaut de la cuirasse est facile à découvrir. Quant à moi, prenant le ton et l'attitude franche d'un militaire, celle qui lui inspire le plus de confiance, celle qui me convient le mieux pour ne pas me compromettre, je me donnai l'avantage de ne considérer le sujet de la conversation que simplement sous le rapport d'une discussion militaire, et à laquelle mes connaissances dans ce métier me donnaient le droit de vouer quelque intérêt. C'est ainsi que la discussion sur le plus ou moins de force de la ligne de défense me fournit l'occasion de faire parler l'Empereur sur la Suède, sur ce qu'il en attendait, et sur la Turquie, où, sous le prétexte d'un avis puisé dans la connaissance de la tactique française, je cherchai à trouver des arguments pour l'effrayer sur le danger de soutenir une double guerre et lui faire naître l'envie d'une pacification avec les Turcs, fût-ce même au prix de renoncer aux provinces conquises. Je vis clairement dans cette première conversation que l'Empereur avait une arrière-pensée sur l'article de la paix avec la Porte; je vis à n'en pas douter qu'il était parfaitement tranquille sur nos intentions de neutralité en cas de rupture, qu'avec pleine confiance dans la loyauté de notre Cabinet, l'assurance que V. E. avait donnée que nous n'avions avec la France d'autres relations que celles de bon voisinage et celles d'une alliance de famille, donnait à S. M. une parfaite sécurité pour le moment, mais que l'idée d'une possibilité d'un échange de la Galicie contre d'autres pays, idée que le long séjour de V. E. à Paris et surtout la froideur avec laquelle vous avez accueilli les propositions du comte de Schouvaloff nourrit encore davantage, tracasse beaucoup ce Prince, parce qu'en allongeant sa ligne de défense, cette cession rapproche les provinces du théâtre de la guerre avec les Turcs, et détournerait ces derniers de l'envie d'acheter la paix au prix de la cession des Principautés. Je vis encore par cette première conversation que ce n'est rien moins qu'un accès d'humeur belliqueuse qui a porté l'Empereur à défier, pour ainsi dire, un si puissant antagoniste, pour lequel naguère il avait une sujétion si notoire, mais que, depuis plusieurs mois, inquiet sur le sort de la Pologne, sur laquelle l'Empereur Napoléon s'abstenait de répondre catégoriquement, il avait cédé aux instigations de ceux qui l'avertissaient de ne pas se fier à la droiture des intentions de ce Cabinet, que les propos tenus à Essen, ceux à l'ambassadeur de Perse, dont j'ai fait mention il y a quelque temps à V. E., et quelques autres indices venant directement de Paris, entre autres, à ce qu'on m'assure, la copie d'un plan d'opérations contre la Russie escamoté du Bureau de la Guerre, sont autant de motifs qui l'ont porté à prendre une attitude militaire imposante, que, flatté et peut-être enorgueilli des succès inattendus du travail ayant trait au rétablissement des finances et des moyens de défense militaires que lui-même

ne croyait pas posséder, l'Empereur a repris un peu de cet aplomb qui, depuis l'affaire de Friedland, l'avait totalement abandonné, et qu'enfin, effrayé des propos personnellement inquiétants de ses sujets, surtout à Moscou, et excité d'un autre côté par l'expression de l'esprit public, qui promet les plus grands sacrifices volontaires en hommes et en argent s'il veut secouer le joug, humiliant pour cette nation fière, de la dépendance aux plans de la Cour des Tuileries, l'Empereur, environné, à Romanzoff, Tolstoï et le petit Galitzyne près, de personnes qui sont dans le système antigallican, s'est vu entraîné depuis les derniers six mois, d'événement en événement, de refus en refus aux propositions françaises, vers une crise dont il craint l'issue, crise qu'il désirerait pouvoir éviter, que tout le monde lui annonce devoir être tôt ou tard infaillible et que la bonne disposition de ses troupes, l'attachement vraiment touchant de la majorité de ses peuples et l'embarras de la guerre d'Espagne, lui donnent un espoir de terminer glorieusement, et même la perspective de rendre à l'Autriche cet état de puissance qui lui donne les moyens d'opposer une résistance à l'ambition toujours menaçante de son puissant voisin, car je le crois de bonne foi sur cet article; l'Empereur a en même temps les reproches de sa conscience, bourrelée par le souvenir de la paix de Vienne, à étouffer, et le désir de voir une digue établie entre lui et la France à contenter: quant au cri de sa conscience, des confidences de femme à femme ne me laissent pas douter de ce que j'ose avancer.

Je prie V. E. de remarquer que, dans ce premier entretien, qui eut lieu précisément la veille de l'arrivée de M. de Lebzeltern, j'ai été assez heureux pour éviter tout conseil qui pût avoir l'air d'une instigation à la guerre et qui compromettrait ou mon Auguste Cour ou mon individu personnel, et que, si je n'ai pu tirer au clair du premier jet ce qui m'importait le plus de savoir, c'est-à-dire ce qui positivement est la pomme de discorde entre les Souverains et quelle est l'époque de la rupture, au moins j'ai pu sonder l'Empereur sur la confiance à notre égard, et, par mes manières franches et opposées à tout ce qui a l'air de finasserie, j'ai su lui inspirer le goût de renouveler ces conversations; par conséquent j'obtiens de le faire parler davantage. J'avais outre cela l'air et la contenance d'un homme qui, loin de le monter pour la guerre, comme le font suffisamment tous les membres du Conseil, ne lui a pas caché l'importance de la crise actuelle, les chances redoutables qu'il court, et, quoique sans m'expliquer positivement, l'improbabilité de faire compte sur une coopération de notre côté.

Après l'arrivée de M. de Lebzeltern, fort des lumières qu'il a pu me donner sur l'attitude qu'il nous convenait de prendre, mon rôle ne fut plus difficile à me dicter, et, m'enveloppant vis-à-vis de l'Empereur et de M. de Kochéleff dans cette ignorance parfaite où le manque évident d'instructions me mettait, j'eus tout le loisir de les laisser venir l'un et l'autre, toute la facilité de les faire expliquer, vu l'urgence des circonstances, qui talonnent l'impatience et les irrésolutions de l'Empereur, et tout l'avantage d'écouter sans pouvoir me compromettre et de tirer parti de ce que l'un et l'autre avaient à me dire.

La conférence avec le chancelier d'Empire, qui suivit de deux jours celle avec S. M., me fit voir du premier coup d'œil que la proposition de la Porte était jugée non acceptable, qu'elle ne serait point acceptée, et que l'on y répondrait avec les égards dus à l'Auguste médiateur, mais d'une façon toute opposée à nos souhaits. Mais ce que cette conversation avait de piquant pour moi, c'était de voir le même homme dans le même cabinet, qui, il y a huit mois encore, se pavanait de l'amitié de l'Empereur Napoléon pour son Maître et de la conflance flatteuse de ce Souverain envers lui-même, devoir décliner l'embarras que lui cause à cette heure cette aveugle confiance dans les témoignages d'amitié du Cabinet français, et mendier, pour ainsi dire, sinon notre appui, au moins notre neutralité, à nous, que cet homme faible, si fier de sa paix de Friedrichshamn et des Te Deum sur le Danube, s'était accoutumé à ne plus considérer que comme puissance du second ordre.

V. E. ne croira pas qu'en causant avec moi des forces du Grand-Duché de Varsovie, il prétendit être informé qu'elles ne dépassaient pas 36 mille hommes, tandis que M. de Watzdorf dit à qui veut l'entendre qu'elles montent à 60 mille hommes. Cette ignorance est incroyable.

L'idée de S. M. de me faire parler par Kochéleff ne lui est venue sans doute que parce que, dans la conviction que je devais avoir reçu par la voie de M. le conseiller de Lebzeltern des instructions plus étendues et plus adaptées à l'état des choses actuelles, Elle renonçait à pouvoir me sonder par M. de Romanzoff, qui, ainsi que tout le monde le Lui répète journellement, n'inspire de la confiance à personne. Il est très probable même que M. de Kochéleff, mal avec le chancelier et ami intime de Stackelberg, piqué de ce que le comte Romanzoff fait prolonger le séjour du comte Schouvaloff à Vienne en dépit de la confiance due à M. de Stackelberg, a imaginé et suggéré ce moyen pour accoutumer insensiblement son Maître à traiter d'affaires à l'insu de son chancelier et pour faire perdre peu à peu à celui-ci tout son crédit, et finalement sa place.

L'ambition d'un russe n'est comparable à rien, et, aussi longtemps qu'il y a encore une plaque ou une charge qu'il n'a point, il se croit malheureux. Au reste, il se pourrait que Kochéleff, grand maître de la Cour (charge correspondante à la nôtre de Oberst Bau-Inspector), membre du Conseil, membre de la surveillance secrète, etc., désire voir le comte de Saltykoff *) au poste de chancelier: ils sont liés ensemble d'amitié et de rapports d'opinion; le parti anglais le met en avant. Quoi qu'il en soit, M. de Kochéleff, zélé partisan de notre cause relativement au payement de la créance des 12 millions, me parut rien moins qu'un politique profond, pas même un politique rusé, mais un homme qui a de l'attachement sincère au bien de son pays, beaucoup de zèle, infiniment de prudence et de réserve, et qui, aux anges de voir son ami Stackelberg bien vu à notre Cour, ne connaît d'autre salut pour la Russie que dans un rapprochement avec l'Autriche, qu'il sera toujours prêt à conseiller au prix de tous les sacrifices possibles. D'ailleurs, confiant en notre

*) Графъ Александръ Салтыковъ.

probité, chaque déclaration de notre Cabinet est un mot sacré pour lui; haïssant la France et sa politique, plein d'une confiance religieuse dans sa Providence, qui ne peut que protéger la bonne cause, il n'est anglomane qu'autant que le commerce et les subsides de la Grande-Bretagne peuvent être utiles à la Russie.

Ce fut donc avec cet homme, qui n'a pas le don de la parole et qui, distrait et diffus, a besoin d'être souvent ramené à l'état de la question, que j'eus à parler d'affaires. Sa vivacité et son impatiente curiosité m'imposèrent la loi de la plus exacte réserve; elle le démonta, mais bientôt je lui prouvai que ma Cour, à peine informée des circonstances qui ont eu lieu récemment, n'avait pris ni n'avait pu prendre un parti et encore moins me donner des instructions. Cette ouverture franche changea du tout au tout nos positions respectives; ce fut à lui de s'expliquer, ce fut à lui à engager l'Empereur à s'ouvrir à moi, et c'est ainsi que, sans me compromettre, sans m'engager à rien, mettant surtout en avant que tout ce que je pourrais dire n'avait pas même la valeur de simples conjectures, je tirai au clair les trois choses importantes, à savoir: premièrement, ce qui a réellement amené l'état de tension entre les deux Cours; deuxièmement, le fait que l'Empereur considère comme agression réelle et l'époque jusqu'où il veut attendre à mettre ses troupes en mouvement; enfin troisièmement, les propositions que l'Empereur veut nous faire pour s'assurer de notre neutralité au commencement et de notre coopération en cas de succès. Autorisé et pressé même itérativement de transmettre ces propositions à mon Auguste Souverain, j'ai cru ne plus devoir différer l'envoi de ce courrier et je supplie V. E. de me transmettre le plus tôt possible Ses ordres relatifs à cet objet.

Je m'abstiens de toute réflexion sur ma seconde conférence avec l'Empereur. Son air au commencement était moins ouvert que la première fois; il me fixait beaucoup, écoutait attentivement et attendait toujours quelque ouverture de ma part, car il soupçonnait visiblement M. de Lebzeltern porteur de quelque communication dans ce genre. S. M. parut se rendre à l'évidence de mon ignorance absolue et Elle parut me croire sincère à cet égard; dès lors Elle n'hésita plus à énoncer clairement la question qu'Elle voulait traiter, c'est-à-dire la détermination éventuelle de notre Cour en cas de succès des armes russes. Mais comme l'article de la paix avec les Turcs lui paraissait me tenir fort à cœur, l'Empereur entra non seulement avec moi dans une explication sur les motifs d'avoir le Danube pour frontière entre lui et la Porte Ottomane, motifs que j'écoutai d'un air désapprobateur, mais ce fut encore pour nous mettre de moitié dans ses intérêts d'agrandissement de ce côté, pour nous procurer son amitié, mais, plus que tout le reste, pour se donner l'espoir d'obtenir un puissant allié en nous en cas de lutte avantageuse, qu'il m'a fait faire les dernières propositions par M. de Kochéleff, propositions que j'eus soin de faire expliquer au dernier aussi clairement que possible, qui furent faites sans restrictions, plusieurs fois répétées et avec injonction de les tenir secrètes sous parole d'honneur de part et d'autre, et de les mander le plus tôt possible à mon Auguste Souverain.

Dans l'espoir de me rendre plus clair dans l'exposé que j'ai cru devoir transmettre détaillément à V. E. de ces différents entretiens, je Lui demande la permission de récapituler et réduire à quelques points principaux ce qu'ils me valurent de plus important en notices intéressantes.

1° La marche progressive des causes de refroidissement entre la Cour de Russie et la France.

2° L'effectif des armées russes et leur emploi éventuel.

3° Ce que l'Empereur Alexandre considère comme premier acte d'hostilité de la part de la France.

4° La sécurité de cette Cour au sujet de nos relations avec le Cabinet des Tuileries.

5° Le désir prononcé, l'impatience même de l'Empereur, d'acheter la perspective d'une coopération éventuelle de notre côté par des cessions et des garanties de toute espèce.

6° La crainte très réelle de nous voir échanger la Galicie contre nos anciennes possessions méridionales.

7° Le plan, en cas de guerre, de faire entrer l'armée dans le Duché et peut-être de s'y faire proclamer Roi, ainsi que je sais qu'il le lui fut conseillé il y a quelque temps.

8° Enfin la persuasion que, dans l'état où en sont les choses actuellement, il ne tient qu'à la France que la guerre ait lieu. L'Empereur Alexandre ne peut plus reculer vis-à-vis de ses propres sujets, il le sent, et s'éloigne de ceux qui peuvent l'intimider. D'un autre côté, il est difficile d'avancer ce que fera la Russie, supposant que l'Empereur Napoléon n'insiste pas sur les propositions du système commercial. L'Empereur Alexandre ne demanderait pas mieux, mais la nation a une volonté prononcée de faire la guerre; la nation a ou se croit un besoin si réel de voir la mer libre, elle a une manière si menaçante en donnant des conseils à son Souverain, que je ne puis répondre quelles seront les résolutions auxquelles l'Empereur se portera, si l'esprit public et l'influence de l'Angleterre se soutiennent tels que je les vois dans ce moment.

8.

10/22 février 1811.

J'avais déjà signé les précédentes dépêches et elles allaient être expédiées, lorsque M. de Kochéleff me pria de passer chez lui. Il me dit avoir reçu l'ordre de l'Empereur de me faire lire la lettre autographe qu'il écrivait à notre Auguste Maître, et que S. M. jugeait à propos de me donner encore ce témoignage de Sa grande confiance en moi. La lettre est le précis des différentes conversations dont j'ai eu l'honneur de faire mon rapport à V. E. dans ma dépêche *Litt. A.* L'Empereur offre la Valachie, la Moldavie jusqu'au Séreth et son assentiment à l'occupation de la Servie, et paraît être très inquiet de notre résolution en cas que la France nous propose un échange de la Galicie.

Kochéleff avait en outre ordre de me dire que, quoiqu'il fût de l'intérêt commun de ménager au commencement la Bavière, cependant si la récupération du Tyrol nous convenait, il y coopérerait en offrant à cette Cour des dédommagements en Westphalie, ainsi qu'au Grand-Duc de Wurzbourg *) une transposition de ses Etats, si cela pouvait être agréé par notre Auguste Maître.

Je m'acquitte littéralement de la commission dont je suis chargé; dans cet empressement de partager le gâteau avant qu'il soit entamé, avant encore qu'on sache s'il sera dans le cas de l'être, je ne vois qu'une grande anxiété de devoir soutenir à soi seul une lutte dont on ne se cache pas les dangers. L'Empereur a dit il y a deux jours que, d'après ses dernières nouvelles, rien ne faisait soupçonner encore des vues hostiles sérieuses, mais qu'il ne s'y fiait pas, et qu'il était sur ses gardes. Il est arrivé ici une feuille du *Times,* d'après ce que m'a dit Kochéleff, où il est fait mention d'une dépêche française interceptée qui annoncerait la réunion de l'Espagne entière à la France et la formule d'abdication du Roi Joseph, lequel, dit cette même gazette, a dû quitter Madrid à cause de l'approche de l'armée de Murcie, commandée par Blake.

9.

28 février/12 mars 1811.

Le 8 courant (de notre style), un courrier arrivé à M. de Caulaincourt lui apporta la nouvelle qu'il serait incessamment relevé par M. de Lauriston. L'ambassadeur prétend avoir déjà depuis longtemps demandé à être rappelé à cause de sa mauvaise santé, mais, dans la maison qu'il fréquente habituellement, il a assuré le contraire, ajoutant ces propres mots: „Si l'on m'avait cru encore bon à quelque chose ici, on m'y aurait assurément laissé, dussé-je y crever!“ Il m'a dit qu'il dépendait de lui de partir d'abord, mais qu'il préférait attendre le général Lauriston, pour l'aider à concilier les différends qui semblaient causer un refroidissement entre les deux Cours. Ce fut la première fois qu'il aborda ce sujet, moi présent: encore était-ce en société de plusieurs personnes **). Depuis l'arrivée de ce dernier courrier, toute la mission française, qui auparavant gardait le silence sur les discussions récemment élevées entre les deux Cabinets, affecte de mettre en avant qu'il y a plus de probabilité que jamais que tout s'arrangera à l'amiable.

On prétend savoir ici de Paris qu'en général les affaires en Portugal n'y tournent pas à l'avantage de la France. On dit qu'un agent français

*) Братъ императора Франца.

**) (Шифровано). On croit généralement ici dans le public que son Maître est mécontent de ce qu'il n'a pas assez de vigueur dans l'affaire du Tarif, ou qu'ayant toujours été sur un pied confidentiel avec l'Empereur, on veut lui épargner le désagrément d'être l'instrument de la rupture.

(Labouchère) a été envoyé à Londres pour sonder les dispositions de la Régence relativement à une pacification *).

J'ai chargé Kochéleff, toujours bien disposé à l'égard de notre créance, d'en parler en mon nom à l'Empereur. Mordvinoff y travaille avec zèle. Le grand besoin qu'on a de gagner notre amitié amènera peut-être une résolution favorable, mais je ne le garantis pas; j'ai toutefois bien clairement énoncé et répété que l'acquittement de cette dette d'honneur ne devait entrer en rien dans le calcul que l'on pouvait faire ici sur notre attitude en cas de guerre, et que j'avais les ordres les plus précis de traiter cet objet comme indépendant de tous les autres rapports politiques.

M. Champagny a eu, dit-on, avec Nesselrode une explication orageuse à cause du Tarif, dont Napoléon est si mécontent.

On dit savoir positivement l'arrivée de deux trains d'artillerie à Varsovie et à Francfort.

A la dernière parade, l'Empereur parla peu à l'ambassadeur, qui fut tout le temps rêveur. Le dernier passa de là chez le chancelier; la conférence fut longue, et l'on lui entendit dire: „Je suis fâché de devoir vous répéter „que mon Maître ne se départira pas de ce qu'il vous a dit avoir pris".

J'ai eu dernièrement encore un entretien avec l'Empereur. Il me parla de la lettre qu'il a envoyée à S. M., des quatre divisions qu'il retirait du Danube pour renforcer son intérieur, de nouveaux bataillons de matelots qu'on organise en infanterie (qui, me dit-on, peuvent monter moyennant un léger recrutement à 60 mille hommes, total qui me paraît exagéré), des troupes franco-napolitaines, que l'Empereur de Russie croit destinées à observer notre frontière méridionale. S. M. récapitula enfin Ses offres avantageuses, et je puis dire illimitées en cas de succès et d'adhésion de notre part. A cette époque, je me suis tenu sur la plus exacte réserve, comme aux audiences précédentes. Le public demande la guerre à grands cris; il y a des provinces qui ont déclaré ne pouvoir plus payer d'impôts sans l'ouverture des ports au commerce. Il a été question d'une espèce de manifeste par lequel ce gouvernement, en facilitant le commerce des neutres, donnerait toute la latitude possible au débit des produits territoriaux par mer.

M. Ouvaroff, aide de camp de l'Empereur, arrivé récemment de l'armée de Turquie, a fait les plus fortes représentations sur l'impossibilité d'attaquer Schumla et de pénétrer au delà du Balkan; on dit qu'un courrier a été expédié avec l'ordre de se tenir sur la défensive.

(Шифровано). *Post-scriptum.* Je rouvre mon paquet pour informer que le temps ne me permet point de remettre aujourd'hui le contenu de ma conversation avec M. de Kochéleff; j'ai de l'espoir relativement à notre créance. L'Empereur vient de me confier qu'il est très mécontent de ce que Kourakine ait repris la protestation à cause du Duché d'Oldenbourg, et qu'il était décidé à la publier et à l'envoyer à toutes les Cours.

*) Отсюда до конца шифровано.

10.

14/26 avril 1811.

Je me suis d'abord abouché avec M. de Kochéleff pour savoir quelles étaient les intentions de S. M. relativement à la remise de la lettre autographe de notre Auguste Maître; l'Empereur m'ayant fait dire que j'avais à la donner au chancelier, mais qu'il désirait que je ne lui parlasse sur tout le reste que vaguement, je me conformai à ses intentions. Hier enfin S. M. me fit inviter à dîner, et, après table, Elle me fit passer dans Son cabinet. Je Lui fis lecture de la dépêche ostensible; il l'écouta avec beaucoup d'attention et ne m'interrompit qu'à l'article où il est dit: *L'alliance des deux grands Etats entre lesquels se trouve placée l'Autriche, une marche politique entièrement ignorée et indépendante de nous, les rapports établis à Tilsit et à Erfurth ont déterminé la guerre de 1809.*— „Je ne puis", interrompit l'Empereur, „passer ceci avec „indifférence: le prince Schwarzenberg est mon témoin, que j'ai déconseillé „cette guerre, que je vous ai avertis que j'avais des engagements avec la „France, et soyez persuadés que, si vous n'aviez pas été les agresseurs, si „vous aviez accédé à cette espèce de triple garantie réciproque des trois „Empires, vous m'auriez dégagé des obligations contractées et les choses auraient „tourné tout autrement. Faites-moi le plaisir d'écrire cela à votre Cour".

Je répondis comme je le devais, et j'achevai ma lecture. Ensuite je me résumai en lui disant que, par ce que je venais d'avoir l'honneur de lui communiquer et par la lettre de l'Empereur mon Maître, S. M. avait pu se convaincre de la manière franche avec laquelle nous répondions aux propositions qu'Elle nous avait faites, que le caractère de loyauté de mon Souverain lui était trop connu pour que S. M. pût concevoir le moindre doute de la véracité de ses sentiments, que d'ailleurs il nous importait trop que l'équilibre de l'Europe, déjà si fortement ébranlé, ne fût pas complètement dérangé, pour que nous ne prissions pas le plus vif intérêt au bien-être de la Russie, que notre situation nous invitait à une neutralité nullement en contradiction avec ce même intérêt qui nous faisait souhaiter qu'une explication amicale prévînt des voies de fait, que c'était à titre d'ami de S. M. et à la suite de cette confiance qu'Elle avait témoignée à mon Auguste Souverain, qu'il croyait avoir acquis le droit de lui représenter vivement toutes les chances auxquelles une guerre avec la France exposait la Russie, et surtout combien S. M. accumulait d'embarras en persévérant à continuer la guerre avec la Porte, que, quant aux propositions qui nous avaient été faites, elles n'étaient pas compatibles avec la sévérité des principes de l'Empereur mon Maître, qui croirait, par une adhésion quelconque, léser sa stricte neutralité envers la Porte, de la probité et fidélité de laquelle nous n'avions eu qu'à nous louer dans les moments les plus critiques et contre laquelle nous eussions embrassé la cause de la Russie son ennemie en nous enrichissant de ses dépouilles, que S. M. l'Empereur François se refusait de croire à la possibilité que la Porte, heureuse de sortir d'embarras d'une manière honorable, voulût, en cas de guerre entre

la Russie et la France, renouveler des hostilités auxquelles l'intervention de l'Autriche eût mis un terme.

L'Empereur me répondit qu'il ne me cachait pas qu'il existait dans ce moment des pourparlers, que peut-être ils mèneraient à des résultats satisfaisants, qu'il ne demandait pas mieux que d'en finir, et qu'il m'autorisait d'écrire à ma Cour que, si l'Empereur mon Maître voulait interposer ses bons offices, il considérerait cette démarche comme une preuve d'amitié. Je crus devoir lui faire observer qu'il serait toutefois nécessaire que S. M. voulût m'indiquer les bases sur lesquelles on pourrait établir cette négociation. L'Empereur ne me répondit rien de positif, quoique je l'assurai itérativement que, s'il ne se désistait pas de la prétention de garder la rive gauche du Danube, il fallait renoncer à la conclusion de la paix. Il se borna à me dire que notre Cabinet n'avait qu'à lui communiquer ses idées et que, si elles étaient compatibles avec ce qu'il devait au succès de ses armes, il s'y prêterait avec plaisir.

Enfin je tâchai d'amener l'entretien sur les nouvelles récentes des mouvements de troupes dans le Duché et en Allemagne, et finalement sur la protestation relative à l'occupation du Duché d'Oldenbourg, dont l'Empereur n'hésita pas à me confirmer l'envoi à toutes les Cours. „Cette protestation", ajouta-t-il, *„n'est pas une déclaration de guerre; je devais cette démarche „à ma Maison, dont je suis le chef, et à la dignité du poste que j'occupe"* (S. M. évite dans toutes les occasions avec affectation de dire: *mon Trône, ma Couronne, mes sujets, mon Empire).* „Il n'est plus question entre la France „et moi de Tarif ni de rien de ce qui a rapport au commerce. Je ne provoque „pas la guerre; si elle la veut, je suis prêt, et la Providence décidera".

Je fis l'observation à S. M. que, même avant que nous eussions connaissance de cette protestation, les nouvelles que nous avions de la France et de l'Allemagne, des mouvements des troupes et autres préparatifs militaires, ne nous laissaient plus douter que les choses étaient trop avancées pour pouvoir espérer un accommodement, et qu'en mon particulier je voyais la guerre inévitable. Je lus distinctement sur sa physionomie que ce mot le frappait. S. M. me répondit que l'Empereur Napoléon avait l'habitude de ne commencer la guerre qu'en automne; à quoi je répliquai qu'en 99 et en 1809 la France l'avait commencée dès le printemps. Puis, laissant toute discussion diplomatique de côté, tous deux appuyés sur la carte de la Pologne, nous raisonnâmes en militaires sur les difficultés que le cours des rivières, la position de Sirock bien fortifiée et d'autres empêchements de localités offraient à une invasion hostile dans le Duché. Il toucha la corde du renforcement de Danzig; je lui parlai de l'armée varsovienne, qu'aujourd'hui enfin l'Empereur admet être de 60 mille hommes, et la conversation roula sur d'autres objets de tactique que l'inspection de la carte nous suggérait.

Je lui répétai plusieurs fois que j'avais les ordres les plus positifs de déconseiller la guerre s'il en était encore temps, que je craignais bien que la protestation publiée dans toute l'Europe ne permît plus à aucun des deux Cabinets de reculer, mais que, s'il voulait savoir mon avis comme militaire, j'étais forcé d'avouer qu'une fois persuadé que la guerre ne pourrait plus s'éviter,

je n'aurais pas tardé jusqu'aujourd'hui d'occuper la position de Sirock et de me placer sur la Vistule, opération que j'aurais faite le jour même où j'eusse expédié mes courriers avec cette protestation, que je considérais comme une vraie déclaration de guerre. L'Empereur me dit que cette thèse avait été suffisamment débattue, qu'il tenait à sa résolution de ne pas provoquer la guerre, qu'il considérait comme le plus grand fléau pour l'humanité, que Sirock était trop bien fortifié et déjà occupé par trop de troupes pour être pris par un coup de main, et que, s'il fallait en faire le siège en règle, l'Empereur Napoléon aurait le temps d'arriver avec son armée, qu'il tenait pour plus avantageux d'attirer les armées françaises et de les tenir éloignées de leurs communications. La conversation retomba ensuite sur cette ennuyeuse répétition des bons conseils que S. M. nous avait donnés en 1809 de ne pas être les agresseurs, répétition que j'écoutai dans le respectueux silence qui me convenait envers S. M. Je réussis à le ramener sur les Turcs, et je pris la liberté de lui représenter que, malgré la bonne volonté que je supposais aux Anglais de vouloir porter le Divan à la paix, ils ne pouvaient se compromettre au point de changer tout de suite de langage vis-à-vis de lui. L'Empereur me répondit qu'il ne faisait aucun compte sur les Anglais, que d'ailleurs ils n'avaient aucun motif de soupçonner une probabilité de guerre entre la Russie et la France. Je m'appliquai à faire concevoir à S. M. que les Anglais assurément n'ignoraient pas le cantonnement des 280 mille Russes sur les frontières ni les mouvements en Allemagne et en France, ni qu'il y avait des pourparlers entre les deux Cours. S. M. m'assura qu'Elle n'avait parlé à personne de la correspondance autographe avec mon Souverain, à quoi je répondis qu'Elle pouvait être assurée du plus religieux silence de notre Cabinet, mais qu'il y avait des choses qui se devinaient, que d'ailleurs il importait trop au ministère britannique de savoir ce qui se passait sur le continent, pour que nous ne dussions supposer qu'il était bien informé. Alors l'Empereur répliqua que, pour me donner une preuve de confiance, il ne me cachait pas qu'il n'y avait pas la moindre ouverture de faite entre lui et l'Angleterre, *qu'il ne voulait pas même avoir cette apparence de tort envers la France,* qu'à propos de cela, il lui était revenu par une mission d'une Cour subalterne que nous avions donné l'éveil à la France sur des relations renouvelées entre la Russie et l'Angleterre. J'assurai l'Empereur que je me flattais que cette méchanceté pour brouiller les deux Souverains était trop maladroite pour faire quelque impression sur lui, que je le conjurais de n'ajouter foi qu'à ce que V. E. communiquerait directement à M. de Stackelberg ou à ce que j'aurais l'honneur de déclarer à S. M. au nom et par ordre de mon Auguste Maître, et que tous les commérages dont on ne manquerait pas de l'assaillir tant que durerait cet état de tension entre la Russie et la France étaient indignes d'être écoutés par un Souverain qui a toutes les raisons de croire aveuglément à la loyauté de notre Cabinet. L'Empereur me protesta être tout à fait tranquille à cet égard, et qu'il se reposait entièrement sur l'amitié de notre Auguste Souverain.

En prenant congé de S. M., je La priai de se rappeler que mes instructions les plus positives portaient de lui déclarer le vœu que nous faisions pour la

continuation de la tranquillité sur le continent, et les justes appréhensions que nous avions des chances désastreuses pour la Russie que cette lutte menaçait d'amener, chances d'autant plus alarmantes pour nous, que les intérêts de cet Empire étaient étroitement liés avec le maintien de l'équilibre en Europe.

Cette longue conversation, qui me donna occasion de lire sur la physionomie de l'Empereur les différentes impressions que faisaient sur lui les matières que je traitais, me donna les résultats suivants:

1° L'Empereur est convaincu que notre situation ne nous permet plus de prendre une part active quelconque en cas de guerre, et je lui dois la justice qu'il pressentit cette détermination de notre part.

2° L'Empereur est, je n'en doute pas, persuadé, ainsi qu'il me l'a répété plusieurs fois, de la sincérité de nos intentions, et il est rassuré sur l'appréhension qu'il existât un traité obligatoire quelconque entre nous et la France.

3° Quoique vivement travaillé par un parti prédominant dans le moment actuel, et stimulé par la présence du vieux Duc d'Oldenbourg et de la Grande-Duchesse Catherine, plus que jamais ennemie irréconciliable de la France, l'Empereur n'en est pas moins inébranlable dans la résolution de ne pas être l'agresseur, et, quoiqu'il y ait déjà six semaines qu'il m'ait dit positivement que le passage de l'Oder par des troupes françaises serait à ses yeux un acte d'agression, cependant, aujourd'hui que le danger approche, l'énergie nécessaire lui manque: et je crois ne pas me tromper en assurant V. E. que des troupes prussiennes, allemandes, françaises même, se placeront jusque sur la Vistule, et les armées russes ne bougeront pas. L'Empereur Alexandre a une crainte de la guerre qu'il ne peut cacher; il semble encore vivement frappé de cette terreur qu'il eut après l'affaire de Friedland, et cette terreur augmente à mesure que les nouvelles des préparatifs progressifs de la France lui parviennent. La honte de l'humiliation qu'il éprouve devant ses propres sujets par l'acte arbitraire de l'occupation d'Oldenbourg, et la crainte que lui ont inspirée les propos menaçants dans l'intérieur de l'Empire qu'on ne lui a pas ménagés, lui ont fait prendre une détermination qu'il se flatte encore toujours ne pas devoir entraîner nécessairement un état de guerre, dont les conséquences funestes sont toujours présentes à sa pensée. En un mot, ce Souverain désirerait satisfaire à la fois au cri de la nation, qui veut la mer ouverte, et à la dignité de sa Couronne, qui l'a engagé à cette protestation, et en même temps à cette voix secrète qui lui présage des revers, pour lesquels il ne se sent pas l'âme assez forte. Un coup d'œil dans l'avenir incertain l'effraie, le souvenir des appréhensions qui l'accablèrent après la défaite de Friedland le tourmente; d'un autre côté, la crainte du blâme de ses propres sujets l'agite, et cet état de fluctuation est vraiment pénible pour ce Prince, qui n'est aucunement pas à la hauteur des circonstances.

4° L'Empereur se flatte quelquefois que la France, trop occupée en Espagne, trouvera un mode de conciliation, et je suis porté à croire que, si notre Cabinet voulait offrir ses bons offices, ils seraient acceptés avec reconnaissance. Je n'ai pas cru le moment favorable d'en parler dans cette audience,

mais comme je suis invité à une conférence pour demain avec Kochéleff, j'en ferai mention dans le sens de l'instruction que V. E. m'a donnée.

5° L'Empereur veut la paix avec la Turquie, il la souhaite de bonne foi, et à mesure que l'époque d'une rupture avec la France semble s'approcher, il la désire plus vivement. Il est de fait, et je le tiens de Kochéleff même, qui en écrivit à Adair, que, dès le mois de juillet passé, l'Empereur a fait l'offre du Pruth pour frontière. S. M. se croyait alors, au dire de Kochéleff, si sûre de la paix, qu'Elle crut pouvoir en fixer l'époque à six semaines pour sa conclusion définitive. Il se pourrait bien que l'Empereur se trompât encore une fois dans la négociation actuelle. Au reste, si notre Auguste Maître jugeait à propos de coopérer à hâter la conclusion de cette négociation, je crois d'après Kochéleff, qu'en sondant le Divan sur la cession du terrain au delà du Pruth, on rencontrerait les idées de l'Empereur Alexandre. Jusqu'à présent, c'est Italinsky et Koutouzoff qui correspondent directement avec lui sur cet objet.

6° Je crois l'Empereur tout à fait vrai lorsqu'il assure qu'il n'y a eu encore aucune proposition faite à la Cour de Londres de sa part; la manière dont le duc de Serra-Capriola s'en plaint me le confirme.

7° Finalement j'induis de toutes les notices que cette conversation m'a values, que l'Empereur Alexandre néglige les avantages précieux que lui avait donnés la célérité du rassemblement de ses moyens vis-à-vis d'un adversaire qui ne s'y attendait pas et qui ne lui faisait pas l'honneur de supposer possible cette promptitude d'organisation, que l'Empereur Napoléon cherche par toutes sortes de protestations fallacieuses de l'endormir dans une espèce de sécurité, et que, dès que les moyens de la France et de ses alliés seront prêts, il fondra comme l'éclair sur la Russie, transportera le théâtre de la guerre dans ce pays et se préparera des succès inévitables. Jusqu'à hier, je nourrissais encore quelque espoir; mais, depuis que j'ai vu de la jactance au lieu d'énergie, des irrésolutions où j'espérais des déterminations promptes, et des anxiétés dans un moment où il faut un dévouement héroïque, je désespère de l'issue de cette lutte et je vois un avenir très malheureux.

11.

14/26 avril 1811.

Dans la dépêche datée du 30 mars, V. E. me recommande beaucoup de mesure eu égard à mes relations avec M. Kochéleff. Je crois l'avoir dépeint à V. E. comme un homme d'assez peu de moyens: plusieurs conférences avec lui m'ont confirmé dans le jugement que j'en avais porté d'abord. Kochéleff n'a ni une grande facilité à s'énoncer, ni ce talent de savoir éviter une question qu'il pourrait craindre qu'on abordât, ni cette séduction qui invite à des épanchements, ni surtout ce degré de finesse nécessaire pour arracher aux autres leur secret. Au contraire, c'est un de ces hommes peu exercés aux colloques ministériels, un homme qu'il faut aider quelquefois à retrouver le fil de son narré, qui s'appesantit sur des détails et répète avec une complaisance puérile

les marques de confiance que lui donne son Souverain, et cache assez mal la vanité qu'il tire à être initié dans des secrets que l'on fait ignorer à son antagoniste Romanzoff. C'est tout simplement un bon homme, intègre de l'aveu de tout le monde, attaché à son Souverain, qui l'estime à titre d'honnête homme, partageant avec tous les Russes et l'indignation d'avoir accepté aux dépens de l'honneur les 400.000 âmes cédées par le traité de Vienne, et le dépit de voir plier la fierté nationale au système de pusillanimité du comte Romanzoff, dont il est en outre l'ennemi personnel et dont il se flatte (quoique très à tort) de devenir le successeur. Il est un de ceux qui ont représenté à l'Empereur avec le plus de chaleur combien il était urgent de satisfaire à la créance de l'Autriche, et les rapports que j'ai eus avec lui sur cet objet, ainsi que son intimité avec Stackelberg, ont peut-être décidé S. M., déjà disposée à retirer sa confiance au chancelier, à me proposer de conférer avec Kochéleff. Je dois la justice à Kochéleff que jamais il ne m'a rien dit au nom de son Maître qui ne m'eût été, ou confirmé par l'Empereur lui-même, ou que S. M. ne m'eût dit encore avant que celui-ci m'en eût parlé. Il n'est donc au pied de la lettre que l'organe des déterminations de son Souverain, qui, pour ne pas donner de l'ombrage, ainsi que S. M. m'a dit Elle-même, m'a adressé à lui, ne voulant pas trop multiplier les audiences dans Son cabinet, et pouvant se fier sur la plus parfaite discrétion de cet homme, d'ailleurs vivant très isolé. Il me semble donc que je n'ai aucune raison de méfiance particulière vis-à-vis de Kochéleff, aussi peu qu'il a dépendu de moi de me refuser à conférer avec lui. Stackelberg, son ancien ami, a reçu un ordre de l'Empereur (qui, pour en éviter le soupçon à Romanzoff, le lui a expédié par un courrier du département de la guerre) de communiquer directement sur toutes les affaires importantes avec Kochéleff; c'est par le même principe que S. M. m'avait fait insinuer que je me bornasse, en remettant la lettre autographe de notre Gracieux Souverain à Romanzoff, de ne lui parler que vaguement sur les affaires, se réservant d'en traiter lui-même en détails avec moi.

V. E. jugera par tout ce que j'ai l'honneur de Lui dire à ce sujet que Kochéleff est moins que personne que je connaisse à Pétersbourg l'homme devant lequel il faut un redoublement de mesures autres que celles que l'importance des affaires exige généralement, et que cette cachotterie devant Romanzoff, dont l'Empereur, Kochéleff, Stackelberg et moi avons le secret, n'est que la suite de l'influence des personnes qui dans ce moment agissent sur l'esprit de leur Maître, qui tous, ou ennemis personnels du chancelier, ou déterminés à vouloir la guerre, cherchent à l'écarter des affaires, à accoutumer l'Empereur à agir sans le consulter et à le préparer peu à peu à lui assigner la place de Chef du Sénat, à laquelle on le destine sans lui ôter la charge de chancelier, mais sans lui confier dorénavant le portefeuille. D'ailleurs, il est de fait, et j'ai pu m'en apercevoir depuis quelque temps, que l'Empereur n'avait pas ce degré de confiance en M. de Romanzoff qu'on lui supposait. Lui-même s'est plaint une fois à moi que l'Empereur gardait des papiers des mois entiers sans les lui communiquer; et cette vanité de faire les affaires lui-même que l'on connaît à l'Empereur, cette crainte de paraître mené, ne me laissent

aucun doute que le comte Romanzoff n'a souvent été informé de bien des choses que très après coup. A la vérité, il a longtemps réussi à flatter le sentiment dominant de son Maître, la peur; il a longtemps réussi à le bercer de l'espérance de forcer les Turcs à la cession des Principautés, et même il y eut un temps qu'il réussit à lui persuader qu'on jugeait l'Empereur des Français à tort en lui supposant un désir de conquêtes sans bornes. Mais depuis que l'Empereur s'aperçut que la nation le soupçonnait d'être mené par lui, il déclara à plusieurs personnes qu'il était son propre ministre des affaires étrangères, et que Romanzoff n'était que pour la grosse besogne et que pour conférer avec les ministres étrangers.

Kochéleff, par sa place au Comité de surveillance, a eu beau jeu à intimider son Maître par les bruits et les propos menaçants qui couraient dans le pays; il ne lui a caché le mépris que la nation a pour Romanzoff et sa politique, et cette méthode, infaillible avec l'Empereur Alexandre, a perdu tout à fait le chancelier dans l'esprit de son Maître. Je puis assurer V. E. que, pour les grandes déterminations, c'est comme s'il avait déjà cessé d'être en place; il faut être lui, il faut tenir à cette gloriole de fantôme de chancelier, pour ne pas demander sa démission. S'il sait qu'un ministre étranger est de moitié dans le secret de la pièce qu'on lui joue, c'est un homme vil; s'il l'ignore, c'est un homme nul. D'ailleurs je prie V. E. d'être persuadée que je me donne bien de garde de ne travailler d'aucune manière à amoindrir le crédit du chancelier. De l'Empereur à moi, il n'est jamais question de Romanzoff pas plus que s'il n'existait pas, et, quand Kochéleff fait des sorties contre lui, je garde toujours cette mesure qui me convient. D'ailleurs, outre que je n'ai qu'à me louer de ses formes amicales, je suis persuadé avec V. E. que son renvoi serait le signal de la guerre.

. . . .

12.

25 avril/7 mai 1811.

(Шифровано). Nous pouvons être parfaitement rassurés sur la détermination inébranlable de l'Empereur de ne pas être l'agresseur. Les préparatifs continuent avec vigueur; on se flatte que les hostilités, auxquelles toutefois l'Empereur s'attend toujours, ne commenceront point avant la fin d'août. Je suis chargé de mander que l'Empereur reconnaît enfin sa dette des douze millions, qu'il promet de payer en entier l'année prochaine en deux termes, sur lesquels il veut consulter son ministre des finances. S. M., pour ne pas entraver la marche des négociations déjà entamées, désire que nous nous bornions à sonder la Porte sur les sacrifices qu'elle compte définitivement faire et sur ses dispositions à devenir non seulement l'amie, mais même l'alliée de la Russie. L'Empereur reconnaîtra comme preuve d'amitié que l'Autriche porte à la Cour de France des paroles conciliatrices; mais, ne voulant pas avoir l'air de craindre la guerre, il souhaite que ce fût en notre nom et en vertu de notre système pacifique, et non comme chargés de la part de la Russie,

que nous fissions ces insinuations. M. Kochéleff m'a fait entendre que V. E. avait donné au comte de Stackelberg l'espoir que, dans le cas où l'explosion de la guerre fût ajournée à une époque plus reculée, l'Autriche pourrait donner des preuves de son amitié à la Russie d'une manière plus active qu'elle n'est en état de le faire actuellement; à quoi je répondis que mes instructions, sans contredire une pareille insinuation, ne la confirment en aucune manière (Конецъ шифра).

M. de Lauriston, qui a pris sa route par Berlin et Danzig et que l'on dit être arrivé à Riga depuis deux jours, est attendu ici d'un moment à l'autre.

L'on a la nouvelle que le rédacteur du *Journal de l'Empire*, M. Esmenard, a été puni par S. M. l'Empereur Napoléon, pour avoir inséré dans la feuille du 12 avril l'absurde article où il était fait mention indirecte de M. de Tchernycheff et de ses courses fréquentes.

Le gouvernement reçut hier un courrier de Paris, mais rien ne perce dans le public sur les objets dont il peut avoir été porteur. Il y a tout à espérer néanmoins que les discussions qui subsistent entre les deux Cours prendront une tournure satisfaisante, et que la haute sagesse et la modération de S. M. l'Empereur Alexandre et de son ministère parviendront à éloigner des complications qui auraient pu rallumer une nouvelle guerre meurtrière dans le nord de l'Europe, et à maintenir la tranquillité dont les peuples ont un si pressant besoin.

13.

11/23 juillet 1811.

M. le comte de Romanzoff, ayant eu la bonté de m'avertir qu'un courrier russe allait se rendre à Vienne, m'ayant offert de se charger de mes paquets pour V. E., je profite de cette occasion pour Lui accuser la réception de la dépêche chiffrée en date du 21 juin.

Avant-hier il y eut Te Deum à la Tauride, pour célébrer la victoire que le général Koutouzoff remporta sur le grand vizir; j'ai l'honneur d'en remettre ci-joint les détails publiés dans la *Gazette de Pétersbourg*.

Le général Paulucci, qui passa du service du Piémont au nôtre, où il fut nommé chambellan, et qui se trouve actuellement général de division, vient de recevoir le commandement civil et militaire de la Géorgie.

(Отсюда шифровано). On parle derechef du voyage de l'Empereur en Crimée. J'ai rappelé à M. Kochéleff la promesse de l'acquittement de la dette; il m'a prié d'être rassuré à cet égard, mais n'a pu me donner une assurance plus positive que sa conviction de l'exactitude du payement. Il ne m'a pas caché que l'éloignement de Romanzoff était ajourné au mois de septembre. Je ne crois pas me tromper en avançant que le porteur de celle-ci a fait quelque confidence au duc de Serra-Capriola sur la négociation dont le comte Schouvaloff avait été chargé; l'offre de la Valachie est un de ces articles secrets que le duc communique à ses amis. Le courrier arrivé à Lauriston a

donné lieu a une conférence que Romanzoff m'a dit s'être réduite à des phrases et des offres de dédommagement. On prétend que la Cour de France, quoiqu'elle eût mis cet objet de côté, revient sur les articles du Tarif, dont assurément on ne se désistera point ici. Beaucoup de vaisseaux soi-disant americains sont arrivés chargés d'une immensité de denrées coloniales; ils emporteront des productions du pays.

14.

1er/13 août 1811.

Il y a à peu près quinze jours qu'à la parade l'Empereur me fit l'honneur de m'inviter lui-même à dîner. S. M., qui à table me parut être d'une humeur très enjouée et particulièrement disposée à la confiance, me dit qu'Elle désirerait me parler en particulier; on me fit entrer dans son cabinet. L'Empereur entama la conversation par me dire que, depuis qu'il ne m'avait vu, il avait reçu des nouvelles de France; au fond rien que des phrases, des protestations d'amitié et des offres d'indemnité pour le Duché d'Oldenbourg: „Mais“, dit S. M., „ce n'est pas ce que nous voulons; la Russie tient à „l'accomplissement des traités, qu'elle a observés religieusement et que la „France a violés. C'est elle qui est l'agresseur, c'est à elle à remettre les „choses sur l'ancien pied: puis on pourra convenir d'un équivalent, car il ne „nous convient pas d'en prendre aux dépens d'un tiers que l'on dépouillerait, „et, en Allemagne, tout est à peu près déjà donné à des puissances amies „de la France. Je sais bien un équivalent qui pourrait nous convenir“, ajouta l'Empereur avec un air de réticence, „mais il n'en peut pas être question „encore“. Après cela, S. M. me demanda si je pensais qu'on tirerait le canon encore cette année-ci; je crus pouvoir sans hésiter lui répondre que je croyais que non, appuyant mon opinion et sur l'embarras que causait la guerre en Espagne et sur la saison déjà avancée. L'Empereur m'écoutait avec cet air satisfait que je lui connais aussi souvent qu'il semble rassuré sur le danger instantané d'un commencement d'hostilité. „Mais“, continua-t-il, „il ne faut „pas se laisser endormir pour cela; je mets à profit le temps qu'on me laisse „pour achever l'organisation de mes armées“. S. M. voulut bien m'expliquer en détail sur quoi portaient ces changements, et nommément sur la remonte et le charriage, dont l'organisation va être en partie imitée d'après celle des armées autrichiennes.

L'Empereur me parut avoir sur tous ces objets de détail des idées très claires; il n'y a pas de doute que le ministère de la guerre met une activité étonnante dans la réforme de mille abus que les anciennes administrations vicieuses avaient introduits. L'Empereur me parla encore avec complaisance du complet parfait de tous les corps, des quatre bataillons qui, composés de gens dressés depuis un an, sont destinés à remplacer promptement les pertes à l'armée, et enfin d'une levée de cent mille hommes qui se fera au moment de l'explosion de la guerre, et qui recomplètera à fur et mesure cette réserve

des quatre bataillons. „Ce n'est qu'ainsi", disait l'Empereur, „qu'on pouvait „espérer de soutenir une guerre avec la France"; qu'il ne fallait pas se cacher qu'on n'avait personne à opposer au génie extraordinaire du plus heureux ainsi que du plus entreprenant capitaine de notre siècle, et qu'il fallait renoncer à l'égaler. „Quant à ses généraux", ajouta-t-il, „on voit qu'ils ne sont „pas invincibles; mais s'il commande lui-même, ce n'est qu'en étant préparé „à soutenir une guerre de dix ans, s'il le faut, qu'on peut espérer de lasser „ses troupes et d'épuiser ses moyens". Cette idée l'occupait fortement, et ce fut en abondant dans ce sens que l'Empereur m'expliqua pourquoi, entre autres raisons, il préférait de faire la guerre sur ses frontières que d'aller au devant de l'ennemi.

Je voyais, au ton de conviction dont il m'en parlait, que cette thèse souvent discutée devant lui n'avait fait que l'affermir dans sa résolution de se tenir sur la défensive. La Russie, selon l'Empereur, a de grands moyens, mais elle est gênée par l'immensité des distances dans l'intérieur; elle doit donc réparer ce qu'elle perd de ce côté en usant de célérité et en éloignant les armées aussi peu que possible, au lieu que, les armées loin de leur pays, le soldat, exposé à un climat âpre, à une nourriture mal assurée, à la ressource de l'eau-de-vie qui ne lui convient pas, aurait mille chances à son désavantage. „Je sais bien", dit S. M., „qu'on ne cesse de crier qu'il faut aller à la „rencontre de l'ennemi et porter la guerre dans ses Etats: je connais toutes „ces grandes phrases sur l'avantage de l'offensive; mais ce sont d'anciens „lieux communs, et qui s'appliquent mal à la conjoncture actuelle". Trouvant S. M. plus disposée que jamais à me parler avec abandon, je pris la liberté de lui demander si peut-être la Cour de France ne s'était pas fait un système d'entretenir pendant un temps indéfini cet état de tension dans l'espoir de déranger les plans de réforme de finances de la Russie, en lui causant de grandes dépenses par ce cordon de troupes réunies sur une même frontière et mises sur un parfait état de guerre. „On se trompe fort", me répondit l'Empereur, „si l'on croit que l'armée me coûte plus que de coutume; il est vrai „que cette amélioration dont je vous ai parlé dans l'organisation des remontes „et du charriage m'a fait débourser six millions de roubles, mais ces messieurs „avaient beau dire ce qu'ils voulaient" (apparemment S. M. indiquait l'opposition dans le Conseil), „cette dépense était absolument nécessaire, et j'aurais „toujours dû la faire, parce qu'elle manquait à ce perfectionnement d'organi- „sation que l'état actuel de l'Europe exige de moi". S. M. m'expliqua ensuite comme les circonstances avaient favorisé la formation des magasins à peu de frais et comment on avait adopté un système d'alimentation de l'armée en plaçant les magasins par échelons, „pour pouvoir", répéta l'Empereur, „faire „la guerre de manière à la soutenir longtemps et à une distance qui nous „en facilite les moyens et aggrave les difficultés à l'ennemi".

La conversation s'étant épuisée sur ce sujet, je dis à S. M. que je saisissais cette occasion pour lui faire mon compliment sur la victoire que le général Koutouzoff venait de remporter, mais qu'avec ma franchise accoutumée j'osais lui dire que j'aurais de bien meilleur cœur assisté à un Te Deum pour

la paix conclue avec les Turcs. — „Et moi donc!“ m'interrompit l'Empereur; „mais que voulez-vous? On ne peut plus faire entendre raison à ces gens-là: „le Divan est travaillé par la France, et il ne faut pas les enorgueillir davan- „tage en lui faisant de trop bonnes propositions. Les Turcs ont entendu parler „d'un“ ici S. M. fut quelque temps à chercher le mot „d'un refroidissement „entre la Russie et la France, et ne voilà-t-il pas qu'ils ne veulent plus rien „céder du tout!“ Puis, revenant sur la France et ses préparatifs, l'Empereur me dit savoir qu'on organisait huit régiments de lanciers; ce n'est point une augmentation de cavalerie, ce n'est qu'une transmutation d'armes pour opposer à nos cosaques qui leur firent beaucoup de mal.

L'Empereur jugea à propos de faire semblant vis-à-vis de moi de faire l'apologie des opérations du général Koutouzoff, dont je sais qu'il fut très mécontent en apprenant son retour en deçà du Danube, au point de regretter de s'être trop hâté de lui envoyer son portrait à la boutonnière. Cela me donna occasion de parler de la Servie, sur laquelle je lui dis avoir quelques sollicitudes, à cette heure que cette province était plus exposée que jamais à une vengeance toujours cruelle des Turcs. L'Empereur me répondit que, pour le moment, il y avait suffisamment de troupes russes, que la communication restait toujours ouverte, et que dans le besoin on y pouvait faire filer des renforts. „Au reste“, ajouta l'Empereur avec un sourire de finesse, „la con- „servation de la Servie est plus intéressante à l'Autriche qu'à la Russie“. Je me tus, et, au bout de quelques moments de silence, l'Empereur continua d'un ton confidentiel: „De deux choses l'une, ou la Providence veut que, „par de malheureux événements, l'Europe soit subjuguée, ou tout retournera „à peu près à l'ancien ordre des choses, et alors la Servie est un des arron- „dissements qui sera tout à la convenance de l'Autriche“. Je répondis que je voyais avec plaisir que les sentiments d'amitié que S. M. éprouvait pour notre Auguste Maître La portaient à nous souhaiter des acquisitions dont le Cabinet de Vienne est bien loin de s'occuper.

Pendant cette longue conversation, l'Empereur avait toujours un air riant, s'énonçait avec cette facilité qu'il ne perd que lorsque la méfiance lui donne de l'embarras, et il paraissait me parler avec un abandon qui m'invitait à la confiance.

Je crois pouvoir induire de ce que je viens d'avoir l'honneur de mander à V. E.:

1° que l'Empereur est plus méfiant que jamais sur les intentions futures du Cabinet des Tuileries, et qu'il sent qu'on veut l'endormir jusqu'au moment propice d'une explosion subite;

2° que cependant, pour le moment actuel, il est parfaitement tranquille sur une agression qu'il croit ajournée à l'année prochaine;

3° qu'il ne cesse de se flatter de la possibilité d'une coopération de notre part, au moins en cas de succès brillant;

4° que, malgré toutes ces démonstrations guerrières, préférant la paix à la guerre, dont il craint intérieurement les conséquences, l'Empereur ne ferait pas de difficulté d'accepter comme dédommagement au nom du Duc d'Olden-

bourg la partie du Duché de Varsovie située sur la rive droite de la Vistule. Quoique sur ce plan d'échange je ne sache rien ni de la bouche de S. M. ni de celle de Kochéleff, cependant j'ai appris sous main que le chancelier en avait lâché quelques mots au comte Lauriston. Au reste, si S. M. a nourri un moment quelque espoir d'un rapprochement par le canal du duc de Vicence, je suis persuadé que, depuis la lettre que celui-ci écrivit par ordre de son Maître au maréchal de la Cour et à laquelle Tolstoï en répondit une dictée par l'Empereur, cet espoir est tout à fait évanoui;

5° que ce sursis momentané à une rupture que d'abord l'on appréhendait pour cette saison et qu'on est forcé de s'avouer être inévitable à la longue, a rendu à l'Empereur ce calme qui visiblement diminuait à l'approche de la saison qui présageait une explosion, calme que je prévois bien vite dissipé à l'époque où les armées combinées françaises seront prêtes à entrer en campagne: alors les alarmes, les incertitudes, les fluctuations reprendront; on ne le voit que trop, l'idée de la prépondérante supériorité des talents militaires de l'Empereur Napoléon a frappé l'Empereur d'une manière qui ne peut qu'augmenter ses inquiétudes au moment de la crise;

6° finalement, que les offres faites jusqu'ici à la Turquie ne portent à rien moins qu'à une restitution plénière du *status ante bellum*, et que l'Empereur nourrit encore toujours cette arrière-pensée de nous voir posséder un jour la Servie, peut-être même la Valachie: Kochéleff encore tout récemment ne s'en cacha pas, quoique lui ne cesse de conseiller la restitution plénière, mais il n'est pas beaucoup écouté.

En somme rien ne décidera jamais l'Empereur Alexandre à être l'agresseur vis-à-vis de la France. Peut-être essayera-t-il de transmettre au Divan des propositions plus acceptables. Quant à l'Angleterre, le mécontentement constant du parti anglais, qui fronde plus que jamais, m'est garant que de ce côté-là aucune négociation n'a été entamée. Enfin je persiste dans la conviction que M. de Lauriston ne réussira jamais à rétablir dans l'esprit de l'Empereur Alexandre cette confiance dans la sincérité de l'amitié de l'Empereur Napoléon, que M. de Caulaincourt avait si bien et si longtemps su entretenir.

15.

(Litt. B.) *20 août/1er septembre 1811.*

Deux jours après la conversation avec le chancelier qui forme le sujet de mon rapport précédent, sous *Litt. A* *), je fus invité à dîner chez S. M., et, après table, appelé dans son cabinet. Je lui fis lecture de la dépêche ostensible du 23 juillet, et il l'écouta avec une attention soutenue. Dès le début je remarquai sur la physionomie de l'Empereur une altération sensible; il prit

*) Этого донесенія не оказалось въ Вѣнскомъ Государственномъ Архивѣ.

un air fâché, qu'il garda pendant tout le temps de la lecture et qu'il reprit même quelquefois dans le cours de l'entretien: il n'était pas douteux que l'improbation de la marche du Cabinet de St-Pétersbourg n'eût fort choqué son amour-propre. S. M. m'interrompit lorsque j'en vins à ce passage: *l'esprit des armées russes ne s'use pas moins par une attente infructueuse, que ses moyens matériels par la concentration de ses forces.* L'Empereur me dit que mon gouvernement se trompait, que c'était au contraire la France qui avait des dépenses extraordinaires à faire en achats de chevaux, etc., et par le déplacement des troupes, dépenses auxquelles la Russie ne devait pas subvenir, ayant son armée depuis longtemps sur un pied parfait de guerre, que, par rapport à l'esprit de la troupe, le soldat russe, l'officier même, était purement passif et toujours prêt à se battre contre l'ennemi vis-à-vis duquel il se trouverait. Je continuai, et, la lecture finie, je demandai à S. M. la permission de lui parler point à point sur les différents objets que contenaient mes dernières dépêches.

Je commençai par l'attitude actuelle de la Russie envers la France, que je lui dépeignis comme alarmante pour toutes les puissances voisines des deux Empires et doublement inquiétante pour l'Autriche; je lui dis qu'en raison de l'intérêt majeur que nous mettions à ce que la Russie puisse toujours servir de barrière à l'ambition de toute puissance qui pourrait vouloir menacer la tranquillité du continent, nous faisions les vœux les plus sincères pour lui voir éviter une lutte dont l'issue malheureuse ajouterait à la grande prépondérance de son adversaire. Je pris occasion du sujet que je traitais pour faire valoir les heureux résultats de notre système de modération, dont la France a dû se convaincre dès l'époque du mariage de notre Archiduchesse, et qui, je l'assurai, n'avait pas peu contribué à suspendre encore l'explosion d'une guerre qui excitait toutes nos sollicitudes.

L'Empereur, sans me contredire directement, ne me parut nullement porté à admettre l'évidence de cette assertion. Tout en déclarant qu'il rendait justice aux sentiments de notre Auguste Maître, il me dit d'un ton piqué que, quant à lui, il avait la conviction que ce n'était que la célérité avec laquelle il avait rassemblé ce respectable cordon qui en avait imposé à la France. Sa petite gloriole était visiblement heurtée de ce que nous eussions l'air de ne point assez rendre hommage à l'avantage que la Russie avait tiré du développement de si grands moyens, et le langage sévère de la vérité qui avait dicté la dépêche précitée l'étonnait, à raison qu'il contrastait avec les flagorneries habituelles du comte de Tolstoï et d'autres courtisans pareils.

Quelque soin que je me sois donné pour rendre concevable à S. M. que, si notre système politique, calculé avant tout sur le besoin de rétablir nos finances, et l'attitude calme et ferme que nous avions prise n'avaient pas enlevé à la France tout espoir de nous entraîner dans ses intérêts, elle n'aurait pas manqué d'ajouter à ses ressources des moyens suffisants pour commencer, malgré les événements en Espagne, une guerre avec la Russie, quoi que j'aie pu dire, je ne réussis jamais à persuader l'Empereur; sa vanité répugnait trop à avoir ce genre d'obligation envers nous. Peu à peu la discussion s'engagea

sur l'utilité et les moyens de se réconcilier avec la France: ici, je rencontrai de nouveaux obstacles.

Dans tout ce que l'Empereur me dit (et il me répéta en détail et dans un ordre historique tout ce qui s'était passé depuis l'envahissement du Duché d'Oldenbourg), je me persuadai que non seulement il n'imaginait aucune manière conciliable avec la prudence de sortir de cet état de tension réciproque, mais même qu'il n'en avait nulle envie. L'Empereur me réitérait toujours que ce n'était pas à lui à proposer une indemnité, qu'il ne voulait autre chose que le rétablissement du Duché d'Oldenbourg, qu'au reste il ne valait pas la peine de se battre pour ce petit coin de terre et qu'il serait injuste que la Russie fît la guerre pour rendre à un Duc de Holstein sa petite possession, mais qu'il considérait cet envahissement comme un manque de procédés et une infraction au traité de Tilsit, mais comme un événement, à ces considérations près, étranger aux intérêts de la Russie, que, par cette même raison, après que le prince Kourakine eut inutilement tenté trois fois de faire parvenir sa protestation à la Cour de Paris, „car Kourakine", ajouta l'Empereur, „ne „pouvait livrer bataille au département des affaires étrangères", il l'avait fait circuler à toutes les Cours, qu'il s'y était déterminé simplement afin de pouvoir dire avoir protesté sans que ce différend ou cette protestation pût allumer la guerre.

Enfin, après que j'eus repris la parole et que j'eus bien répété combien ces armements de deux grands Etats étaient alarmants pour les autres puissances voisines, je pris la liberté de demander à l'Empereur comment tout cela finirait et s'il ne valait pas mieux qu'un ami commun fût chargé de rapprocher les partis et d'arranger ce différend. L'Empereur répondit avec un sourire de finesse (dans lequel je crus démêler qu'il croyait connaître le Cabinet des Tuileries mieux que moi), qu'il doutait que l'Empereur Napoléon se souciât qu'un troisième se mêlât de ses différends, que d'ailleurs lui, Empereur Alexandre, ne désignerait jamais une indemnité quelconque, qu'il était persuadé qu'un jour ou l'autre, quand les circonstances paraîtraient favorables à la France, elle l'attaquerait, et qu'alors ce différend aplani ou non, un petit pays en Allemagne accepté ou non, n'y ferait aucune différence, qu'il répétait qu'il n'attaquerait jamais, mais qu'il se tiendrait toujours dans une attitude à pouvoir repousser toute agression. „Mais, Sire", lui dis-je, „où cela conduira-t-il à la „longue?" — „Qui peut le savoir?" répondit l'Empereur; *„il en sera ce que la „Providence voudra"*. Il ajouta ensuite avec précipitation qu'il ne se départirait jamais de son système et qu'il attendrait les événements.

S. M. paraissait ce jour-là plus que de coutume fière de Ses forces militaires; il en faisait l'éloge avec complaisance. Cependant l'Empereur parut pensif un moment lorsque je lui dis: „Sire, veuillez considérer que, si l'Empe- „reur Napoléon a des revers dans cette guerre, sans doute son ambition sera „réprimée et son amour-propre humilié, mais l'équilibre de l'Europe en sera-t-il „rétabli? Au lieu que, si au contraire la Russie a les chances contre elle, „l'Europe se trouve dans le danger le plus éminent". Je profitai de son silence pour le conjurer de croire que le vif intérêt que la Russie nous inspire dictait

uniquement nos expressions en lui déconseillant une guerre où il y a peu à gagner et tout à perdre: „Puis-je changer les choses? Puis-je faire que l'Empe- „reur Napoléon n'abuse pas, quand l'envie lui en prendra, de cette grande „prépondérance que les circonstances lui ont donnée? S'il y avait encore", disait l'Empereur Alexandre, „deux ou trois grandes puissances qu'on pût „lui opposer, cela serait heureux, mais telles que sont les choses, après tant „de raisons de se méfier de l'ambition de cette Cour, je ne puis que me tenir „en mesure, et pour rien au monde je ne changerais de plan. Si cependant „vous croyez que votre gouvernement puisse sans me compromettre contri- „buer à quelque arrangement, je ne m'y oppose pas, mais j'ai la conviction „que cela ne mènera qu'à longtemps marchander un petit Etat en Allemagne, „et à me proposer de retirer mes troupes, et je n'y consentirai jamais". Dans le courant de l'entretien, j'eus l'occasion d'évaluer à peu près ce que la France avait de troupes à destiner à une guerre dans le Nord. S. M. convint avec moi qu'elles pouvaient monter à près de 300 mille hommes. „Ajoutez-y, Sire", répliquai-je, „toutes les forces de la Confédération du Rhin, celles du Duché „de Varsovie et enfin celles de la Prusse peut-être!" A ces mots, la rougeur lui monta au visage: était-ce le souvenir de reproches qu'il avait à se faire, ou la crainte que je ne susse quelque chose sur une résolution de cette Cour opposée à ses intérêts? Je l'ignore.

Nous passâmes ensuite à l'article de la paix avec la Turquie. Je rappelai à l'Empereur de quelle manière le ministère russe avait répondu évasivement aux propositions d'une réconciliation avec la Porte que nous lui avions faites l'hiver passé, tandis qu'alors elle eût été sous tous les rapports bien moins sujette à des difficultés qu'au moment actuel. J'ajoutai que sans doute je devais attribuer le silence complet que V. E. avait tenu envers moi à cet égard, à ce que probablement Elle ne juge pas convenable d'aborder une question sur laquelle nos offres n'avaient point paru agréer dans le temps, que néanmoins je voyais distinctement par les dernières dépêches que, malgré les pertes que nous éprouverions sous le rapport du commerce si les Principautés restaient à la Russie, cependant des considérations majeures nous faisaient souhaiter que cette lutte finisse bientôt d'une manière ou d'autre, et que conséquemment je prenais la liberté de demander à S. M. s'il n'y avait plus d'espoir à un accommodement de ce côté.

L'Empereur me répondit que, depuis la dernière bataille de Ruchtchuk, le grand vizir semblait un peu plus traitable, mais qu'aussi longtemps que les Turcs ne se départiraient pas de la ridicule prétention du *status quo ante bellum,* il n'y avait pas moyen de s'entendre, qu'il serait contre la dignité de la Russie de faire une paix humiliante après de brillants succès, qu'une telle paix dégoûterait les troupes, qu'il n'y avait pas de doute qu'au bout de quelques mois les Turcs se convaincraient qu'ils ne gagnent rien à continuer la guerre, que d'ailleurs, quand même il fallût la faire un jour contre la France et la Porte à la fois, elle ne causerait qu'une diminution de forces de 4 divisions, deux devant rester dans tous les cas sur le Danube pour surveiller cette partie des frontières: „Or, qu'est-ce que c'est que quatre divisions de plus ou de

„moins à deux armées, l'une vers le nord et l'autre vers le centre du Duché?" L'Empereur ajouta à ces observations que, supposant même déjà la paix conclue avec les Turcs, dès l'explosion d'une guerre avec la France il était plus que probable qu'ils recommenceraient la guerre à l'instigation du Cabinet des Tuileries, et que, dans ce cas, il valait mieux avoir le Danube entre deux, qu'il avait des renseignements positifs que le Divan était las de la guerre, que l'on ne pouvait abandonner des chrétiens, des peuples professant le même culte que les Russes, à la vengeance cruelle de ces barbares, et que jamais il ne consentirait à rendre les Principautés en entier, qu'il n'y était déterminé par aucune vue d'agrandissement, que je n'ignorais pas qu'il nous adjugeait des dédommagements dans cette partie, attendant *que les circonstances procurent à l'Autriche des recouvrements plus essentiels de ses anciennes pertes.*

Voyant que l'opiniâtreté de l'Empereur était aussi invincible sur cet article que sur le premier, après avoir épuisé tout ce qu'en qualité de militaire je pus lui dire sur le danger de disséminer ses forces, de s'exposer à voir déranger les calculs les mieux combinés par une attention partagée sur des points opposés, et sur celui de devoir, pour porter des secours d'un côté, exposer ses propres Etats à un envahissement d'un ennemi implacable dans les moments de succès, je me permis encore ce dernier argument, que je croyais sans réplique, je lui dis: „Sire, V. M. ne peut disconvenir que la „France, des intentions de laquelle V. M. avoue devoir très fort se méfier, „désire la continuation de la guerre avec les Turcs: donc il faut la terminer „le plus tôt possible!" L'Empereur répondit qu'au fond j'avais raison, qu'il ne demandait pas mieux, mais qu'il ne voulait la paix que d'une manière qui répondît aux succès de ses armes, que finalement c'était aux Turcs à s'arranger. Bref, il fut inébranlable à ce sujet comme sur tout le reste.

Je passai donc à un point d'un autre genre d'importance, celui de nos griefs contre l'administration russe dans les Principautés. Je dis à l'Empereur qu'ayant l'ordre positif d'appuyer sur les plaintes réitérées de notre agencie, S. M. jugeait bien que, quant à la déclaration qu'Elle avait faite l'année dernière relative à l'incorporation de ces provinces à la Russie, la parfaite neutralité que nous observions entre les deux puissances belligérantes ne nous permettait pas d'en prendre notice: or, comme toutes les réponses que les divers généraux commandant dans les Principautés nous donnent basent sur cette déclaration, il s'ensuivait un échange interminable de notes, de plaintes, de réponses, qui ne menaient à aucun résultat, que j'étais chargé d'inviter S. M. de mettre fin à ces récriminations, et que je me permettais de mon chef de Lui proposer d'ordonner que les sujets autrichiens jouissent des mêmes privilèges qui leur avaient été assurés lors de l'entrée des troupes russes. L'Empereur hésita. Il dit qu'il ordonnerait que l'on employât les formes les plus douces et les plus amicales envers nos sujets, mais que, ce que les circonstances ne permettaient pas, il ne pouvait le promettre. Je vis à cette réponse vague et susceptible de toute espèce d'interprétation et au ton que ce Prince y mit que je ne pouvais faire nul compte sur une résolution de sa part plus favorable ou plus positive.

Enfin, je terminai par l'article de la créance. En entamant cette matière, je m'aperçus qu'il éprouvait quelque embarras. Je lui rappelai en peu de mots ce qu'antérieurement S. M. m'avait chargé d'écrire à ce sujet à ma Cour, qu'à la suite de cette déclaration, j'avais ordre d'inviter ce ministère à me fournir les moyens d'informer ma Cour en détail du mode et des termes du payement que la Russie se proposait de faire. L'Empereur répondit qu'il en était content. Je le priai aussitôt de vouloir bien autoriser le ministre des finances à en conférer avec moi. Il me répondit que cela pourrait se faire, qu'il y consentait volontiers et qu'il verrait ce qu'il y avait à arranger.

Enfin il me congédia avec un air moins affable que de coutume et le teint fort échauffé par la vivacité avec laquelle il avait parlé et la chaleur qu'il avait mise à soutenir ses opinions.

S. M. s'était énoncée, dans cette audience qui dura plus de cinq quarts d'heure, avec plus de feu, plus de facilité, d'une manière plus positive, et en me découvrant plus d'opiniâtreté, que je ne lui en avais jamais vu. La dépêche ostensible lui avait fortement déplu: le contenu froissait son amour-propre, nos reproches, quoique adoucis, choquèrent sa vanité. Je le vis à sa physionomie: l'humeur perçait visiblement; à table il avait été gai et causant comme de coutume. Sans doute plus glorieux que jamais du nombre de ses troupes et de quelques améliorations récentes, sa gloriole ne lui permit pas d'attribuer la modération de la Cour de France à un autre motif qu'au cordon formidable dont ce Souverain se complaît à faire valoir la force imposante. Il ne me dit pas le moindre mot, lui qui aime en toutes occasions à reconnaître l'amitié de notre Auguste Maître, qui pût me faire soupçonner qu'il comptait pour quelque chose notre politique sage et opposée à toute insinuation d'agrandissement, dans ce répit que la France lui laisse, et qui cependant le met si fort à son aise. La reconnaissance pèse aux caractères faibles.

L'Empereur m'a dit trop positivement pour que je puisse en douter qu'il ne demandait point d'indemnité, qu'il n'en accepterait jamais aux dépens d'un tiers, et qu'il rejettera toute proposition tendant à diminuer le nombre de ses troupes sur la frontière de l'Empire limitrophe au duché de Varsovie. Au dire de Kochéleff même, l'Empereur s'était décidé, à la suite de la toute récente proposition de la France, de travailler à augmenter ses forces de ce côté, plutôt que de les diminuer.

L'Empereur est dans la parfaite conviction que tôt ou tard, et il me l'a dit en se servant de ces mêmes mots, il sera attaqué par la France, que tout échange (objet de peu d'importance à ses yeux), tout arrangement à l'amiable, n'empêcherait pas l'Empereur Napoléon de lui intenter une guerre quand il lui conviendra de la faire, et que c'est d'après cette persuasion qu'il ne désarmera pas, quelque temps que puisse durer cette situation.

S. M. l'Empereur espère tout des Espagnols, du temps, du mécontentement des armées françaises et de quelques-uns de ces événements chimériques qui pourraient le débarrasser de son puissant adversaire. Quant aux Turcs, imbu du système de M. de Romanzoff, il ne se désistera jamais en entier de la possession des Principautés; il croirait porter atteinte à sa gloire,

et, quoiqu'il m'ait avoué lui-même que le grand vizir lui avait fait dire qu'il était impolitique de se battre entre voisins et qu'il n'y avait qu'un ennemi commun contre lequel il fallait s'unir, l'Empereur n'en est pas moins d'un aveuglement parfait sur ses vrais intérêts. Il se flatte toujours que, fatigués de la guerre, forcés par des troubles intérieurs, les Turcs se désisteront au moins en partie de leurs prétentions, et qu'au pis-aller la Russie est en état de soutenir la guerre contre la France et la Porte en même temps. Cependant, je n'oserais garantir que, jusqu'au printemps, ce Prince, menacé alors par l'approche des armées françaises, allemandes et varsoviennes, ne soit porté, vraisemblablement trop tard, à faire à la Porte des propositions plus acceptables. La certitude de n'être pas attaqué cette année-ci et le ton cajolant de la France lui donnent un aplomb et une assurance que ce Souverain n'avait pas il y a quatre mois, et que je crains bien qu'il ne perde aussitôt que les armées ennemies se rassembleront vers ses frontières.

Quant à la réclamation de notre agencie à Bucharest, j'ai la conviction que tout se réduira à ordonner au général Koutouzoff d'une manière vague et indéterminée d'avoir des ménagements pour les sujets autrichiens; il ne faut s'attendre à rien de plus. Ainsi que j'eus l'honneur de le dire à V. E., j'ai fait la proposition clairement prononcée de nous maintenir dans nos privilèges: on n'a jamais pensé à y consentir, et la réponse évasive de l'Empereur le prouve suffisamment.

Je désespère un peu moins de la réussite d'un pourparler afin d'établir le mode et les termes du payement de notre créance. Je reviendrai à la charge au bout de quelque temps, et tâcherai de mettre M. de Kochéleff dans nos intérêts, lui qui ne rêve qu'à la coalition des deux Souverains contre la France. J'aurai l'honneur de rendre compte à V. E. du fruit de mes démarches.

Pour réussir à former un aperçu général de cette intéressante conversation avec S. M., je prie V. E. de me permettre de résumer les divers objets essentiels en peu de mots. Il me paraît résulter évidemment de cette conférence que:

1° l'Empereur était piqué et mécontent des vérités contenues dans la dépêche ostensible; il l'était d'autant plus, qu'il avait, à n'en plus douter, tout espoir évanoui de nous engager à faire cause commune avec la Russie;

2° que l'Empereur rejette toutes les propositions tendant à diminuer ses moyens de défense, qu'il ne propose aucun dédommagement, n'accepte aucun équivalent, et que, persuadé d'être un jour attaqué par la France, il n'affaiblira jamais son cordon;

3° que l'Empereur déclare qu'indépendamment de l'occupation de l'Oldenbourg, les projets hostiles de l'Empereur Napoléon contre la Russie ayant fait prendre à la dernière une attitude imposante, elle peut et veut s'y maintenir pendant un temps indéfini, et continuera à augmenter ses moyens de défense;

4° que l'Empereur Alexandre n'attache pas beaucoup d'importance à notre intervention: il la croit au moins infructueuse. Peut-être y entre-t-il de la méfiance; qui peut démêler toutes les nuances secrètes d'un caractère faible, qui, par le plus singulier des contrastes, y réunit une excessive opiniâtreté!

5° que l'Empereur ne cédera jamais aux Turcs plus de terrain que jusqu'au Sireth, peut-être au Pruth, qu'aimant à se flatter sur l'impuissance des Turcs, il méprise cet ennemi aujourd'hui, dont il se méfierait en cas de rupture avec la France et dont il n'évalue aucunement l'amitié. Le comte Romanzoff, par cette fameuse déclaration si impolitique, a ôté à l'Empereur la possibilité d'une restitution: le chancelier connait le faible de son Maître;

6° que l'Empereur se persuade, à cette heure que le danger est éloigné, qu'il a suffisamment de forces pour résister à la France et à ses tributaires: je ne réponds pas qu'au mois de mars il pense de même;

7° que toute tentative de ma part pour faire valoir les réclamations de nos agents dans les Principautés est inutile; cependant, pour ne point m'exposer au juste reproche de n'avoir pas employé tous les moyens, je me propose d'adresser une note officielle au ministère, pour le forcer de faire au moins une réponse qui nous donnera la mesure de ce que nous avons à en attendre;

8° que finalement, quant à la probabilité des conférences à tenir avec le ministre des finances sur l'acquittement de notre créance, je crois pouvoir me flatter que ce travail aura lieu, mais je suis loin de répondre qu'aux termes échus des payements, on veuille y satisfaire: si l'apparence d'une agression se dissipe, on croira pouvoir se passer de nous; si la rupture a lieu, avec la meilleure volonté, on n'aura pas les moyens de nous rembourser.

Je suis fâché d'avoir si peu réussi dans les divers chefs de négociation dont V. E. vient de me charger; mais je La prie de considérer que, lorsqu'on a à combattre un aveuglement complet sur ses vrais intérêts, un entêtement sans pareil, une vanité qui éblouit sur l'évaluation de ses moyens, et une instabilité de principes qui tient à la peur que l'on a d'un adversaire que l'on affecte de braver, mais que pourtant l'on redoute, il est difficile de réussir. Les raisonnements les plus convaincants cessent d'être des armes utiles, et, avec un Souverain qui n'est influencé par aucun ministre, confident, ou autre personne quelconque, il est impossible d'imaginer un moyen plus efficace de persuasion ou de séduction.

Je souhaiterais que V. E. jugeât à propos de revenir sur tous ces objets avec M. le comte de Stackelberg; ce ministre trouvera dans la volonté prononcée de son Maître les mêmes obstacles que j'ai rencontrés, et, quelque bien intentionné qu'il soit, j'ose le défier de faire changer en rien les déterminations de son gouvernement.

16.

(Litt. C.) *20 août/1er septembre 1811.*

Les conversations que successivement je viens d'avoir eues avec S. M., avec le chancelier et M. de Kochéleff, quoique roulant à peu près sur le même objet, ont amené des déclarations si peu conformes, des émissions d'opinion si disparates, que je crois que, pour donner à V. E. la mesure de

la différente manière d'envisager les choses et de pressentir l'issue de la crise actuelle, tant de l'Empereur lui-même que des deux individus avec lesquels il partage sa confiance, il est très important qu'au récit détaillé des conférences qui font le sujet des dépêches *Litt. A* et *Litt. B* *), j'ajoute celui de deux autres conversations plus récentes, dont l'une avec le grand maître de la Cour Kochéleff, et l'autre, en tout dernier lieu, avec le chancelier. Ces deux individus, dont chacun travaille séparément avec l'Empereur, et dont le travail de l'un est censé un secret pour l'autre, trop fin courtisan pour faire éclater la moindre jalousie, ces deux individus sont, comme V. E. n'ignore pas, d'un système tout à fait opposé. Le comte Romanzoff, jusqu'à l'époque de l'occupation de l'Oldenbourg, s'attachait à persuader à son Maître qu'en évitant toute complication avec la Cour de France et en lui prodiguant les attentions les plus recherchées, on pouvait espérer une continuation non interrompue d'un calme politique qui donnerait à la Russie le loisir de forcer les Turcs à la cession des Principautés.

Actuellement, il ne se cache plus vis-à-vis de moi que la France a plusieurs torts consécutifs envers la Russie; celui d'avoir toujours éludé de convenir d'une détermination fixe et immuable de la destinée future du Duché de Varsovie, est un de ceux que le chancelier n'a jamais bien articulés devant moi, mais ce n'en est pas moins celui qui détermina la Russie à commencer les armements dès la fin de l'année 1810, et c'est encore celui que, par amour-propre, le chancelier devrait le moins pardonner au Cabinet des Tuileries, parce que le comte Romanzoff s'était pour ainsi dire fait garant de l'accession de la Cour de France à une détermination que même à plusieurs reprises il s'était offert de me communiquer, et que toujours il se vantait d'être prête à être conclue. Le comte Romanzoff, cependant, persuadé encore de la sincérité des communications de la Cour de France, qui vient d'avouer que les préparatifs qui se font dans le Nord détournent son attention pour la conquête de l'Espagne et lui en diminuent les moyens, calcule que cette guerre dans la Péninsule durera au moins encore deux ans, et il ne doute pas que la Porte, déchirée par des guerres civiles dont il prétend avoir connaissance, et fatiguée de se battre sans succès, accédera enfin à cette cession, l'objet des vœux les plus ardents du chancelier. Malheureusement il est parvenu à persuader son Maître de la faiblesse des moyens de la Porte et du grand besoin qu'elle a de la paix, quelque humiliante qu'elle puisse être. Se flattant, d'un autre côté, que la Suède, qui entend ce que le chancelier appelle ses vrais intérêts, est toute pour la Russie et la France, il ne voit dans la probabilité d'une guerre entre la Russie et la France qu'un seul ennemi à combattre, et le Danube, d'un côté, pour garant de toute invasion des Turcs et, de l'autre, l'inaction parfaite de la Suède.

Le grand maître de la Cour, tout au contraire, partage avec la grande majorité de la nation une haine contre la France que le souvenir de la paix de Tilsit et ses suites désastreuses pour le commerce alimentent encore

*) См. № 15, стр. 438.

davantage. Une ancienne inimitié entre lui et Romanzoff, la nomination du comte Stackelberg, son ancien ami, qui s'est faite contre le gré du chancelier, et quelques autres petits démêlés de courtisans (car ils le sont l'un et l'autre beaucoup plus qu'hommes d'état) ont établi une rivalité parfaite entre eux, et, parmi ceux qui ont travaillé à faire ôter au chancelier le portefeuille, Kochéleff a été certainement un chef de file. Au reste, il faut lui rendre la justice qu'il n'a cessé de conseiller la paix avec la Porte, qu'il a toujours prêché le rapprochement le plus sincère avec l'Auguste Maison d'Autriche, qu'il a mis le plus de chaleur possible à vouloir faire agréer à notre Cabinet l'acquisition de la Servie et de la Valachie comme preuves de bonnes intentions de la Russie, qu'enfin, encore dans ce moment-ci, il travaille à déterminer l'Empereur à une stipulation positive du mode de payement de notre créance. D'ailleurs, quoi que je lui aie dit de l'attitude ferme et passive de notre Cour en cas d'événement quelconque, il ne renonce pas à l'espoir de nous voir prendre par la suite, et de concert avec la Russie, une part active dans cette guerre, dont il croit l'époque très rapprochée.

Dans mes dernières conversations avec lui, je lui annonçai qu'il y avait deux choses sur lesquelles je comptais m'expliquer avec lui, me flattant qu'il me seconderait de son côté. L'une était les réclamations de nos agencies en Valachie et Moldavie. Je lui répétai là-dessus très en détail tout ce que j'avais dit à l'Empereur, et je ne manquai pas de lui faire concevoir que, ne pouvant prendre aucune notice de la notification de l'incorporation des Principautés, nos réclamations ne cessaient de baser sur la déclaration faite lors de l'entrée des armées russes. Il me promit de soutenir ces réclamations de tout son pouvoir; il m'assura être désespéré de ce que des objets d'une si petite importance nuisaient à ce rapprochement d'une utilité majeure: il disait reconnaître dans toutes ces dissensions nuisibles aux grands intérêts des deux Cours l'influence malheureuse des opinions du chancelier, et finalement, il me fit la confidence que, malgré l'opposition du grand nombre de membres du Conseil, la nouvelle organisation du Sénat serait adoptée, mais que cependant, ajoutait-il en soupirant, le chancelier continuerait d'avoir le portefeuille jusqu'au moment de l'explosion de la guerre. A ce sujet, il me dit pouvoir me communiquer confidentiellement que, par différents canaux, il avait la certitude qu'il était question d'une grande augmentation de troupes, que l'on doublait les magasins, que l'on accumulait les munitions, enfin que tout lui annonçait que la guerre ne tarderait à commencer encore cette année-ci. Je lui répondis que cette conjecture ne s'accordait pas avec les communications que l'Empereur avait jugé à propos de me faire, et que, persuadé de la franchise avec laquelle S. M. s'était ouverte à moi sur Ses desseins futurs, je croyais devoir m'en tenir à la lettre à ce qu'Elle avait daigné me dire à cet égard. Kochéleff me répondit qu'il était possible que S. M. eût des réticences vis-à-vis de moi, et une arrière-pensée dont il faisait un mystère même à ses ministres, qu'au reste, il pouvait se tromper, et qu'il ne me donnait tout cela que comme une simple conjecture de sa part. Effectivement je ne doute pas que Kochéleff, que son Maître juge être un homme parfaitement intègre, mais rien de plus,

et auquel il ne dit que ce qui lui est absolument nécessaire à savoir, ne prenne à cet égard ses suppositions assez gratuites pour des aperçus, et des simples probabilités pour des données positives. Je crois pouvoir me fier complètement à ce que l'Empereur m'a dit de son imperturbable résolution à ne pas hâter les événements: ce plan coïncide avec toutes ses déclarations, tant vis-à-vis de la France que vis-à-vis de toutes les autres Cours; il explique la conduite passive à laquelle il s'est condamné depuis le rassemblement de ses troupes jusqu'à présent, et surtout il s'accorde avec son caractère timoré, dont les appréhensions se réveillent dès qu'il s'agit de prendre une grande résolution, qui place ce Souverain dans une situation à ne plus pouvoir reculer, et qui amène immanquablement des événements hostiles dont il redoute les conséquences.

Je m'adressai encore à Kochéleff pour le mettre dans nos intérêts relativement à une détermination plus positive du payement des douze millions. Je lui donnai à entendre que cette pomme de discorde semblait être imaginée par un adversaire intéressé à nous désunir, qu'il était grand temps de faire oublier par l'acquittement de cette dette, sacrée à titre de l'honneur, des souvenirs odieux et si désagréables à retracer. Il entra complètement dans ma pensée, se proposa d'en prévenir Gourieff, ministre des finances, et de préparer les voies pour faciliter cette transaction, dont lui dès longtemps avait démontré la nécessité dans le Conseil. Avant de nous séparer, nous convînmes d'après l'intention de S. M., de ne parler avec le chancelier que des réclamations de nos sujets dans les Principautés, l'Empereur ne jugeant pas à propos de mettre le chancelier dans la confidence parfaite des objets sur lesquels il s'est ouvert à moi.

La réclamation des privilèges des sujets autrichiens fut donc la question que j'abordai dans ma dernière conférence avec le comte Romanzoff. Loin d'avoir cet air ennuyé que je lui connais aussi souvent que je viens à toucher cette corde, je lui vis une physionomie ouverte et riante. Il avait été prévenu par l'Empereur; il m'assura que S. M. ne répugnait pas absolument à admettre ce principe de neutralité, qui, comme je disais, ne nous permettait pas de prendre notice de la déclaration faite dans le temps par sa Cour, qu'il avait sur la table la note que V. E. avait remise à M. de Stackelberg, et qu'il était occupé tout présentement à y répondre, que certainement il obéissait avec plaisir aux ordres de son Maître d'aplanir toutes les difficultés, que l'article de l'exportation du bétail n'aurait nul obstacle, mais que, quant aux chevaux, comme l'Empereur avait la certitude que nos acquéreurs les vendaient dans le Duché de Varsovie où on les cherche à tout prix pour recruter la cavalerie, je pouvais juger moi-même que cette exportation n'était pas faisable dans le moment actuel.

Malgré ces assurances du chancelier, je crus devoir lui faire pressentir qu'indépendamment de la note de V. E. à Stackelberg, qui lui fut envoyée de Vienne, je me croyais obligé de lui en adresser une sur le même sujet en détaillant certains griefs particuliers dont j'avais été chargé de ma Cour. Il me dit que je pouvais faire compte qu'il y répondrait de la manière la plus

Домъ въ Таганрогѣ, гдѣ жилъ и скончался Императоръ Александръ I

satisfaisante, et que l'on ferait droit à toutes les demandes que les circonstances permettraient. Le comte Romanzoff ne laissa pas échapper cette occasion de me débiter, selon son usage, de longues phrases sur l'empressement de son Maître à prouver son amitié vis-à-vis la Cour Impériale de Vienne. A travers cette répétition de compliments usités, je crus pourtant démêler que l'empire des circonstances pourrait déterminer ce Cabinet à prendre enfin en considération des réclamations que depuis un an il s'est accoutumé de ne juger que comme importunes, fondées sur des bases illusoires, ou de trop moindre valeur pour s'en occuper sérieusement. Il n'y a pas de doute que, si V. E. juge à propos d'insister, le Cabinet de St-Pétersbourg ne manquera pas de promettre le rétablissement de quelques-uns de nos anciens privilèges; mais je doute que jamais on tiendra complètement le peu qu'on accordera. Les besoins de l'armée, les déprédations, lors des premières campagnes, qui ont ruiné le bétail dont ce pays jadis abondait, l'intérêt personnel qui guide ici les premiers employés comme les subalternes, mille causes locales imprévues fourniront des faux-fuyants suffisants pour éluder les bonnes intentions que l'Empereur pourrait avoir. Je ne dois pas oublier de soumettre à la connaissance de V. E. que, dans la discussion sur l'objet touchant nos agencies, le comte Romanzoff me fit la confidence que l'Empereur Napoléon avait lâché quelques mots relatifs aux sujets français dans les Principautés, et sans y mettre de l'importance, mais qu'il lui avait insinué que notre Cabinet était très mécontent de cet état des choses et qu'il se proposait d'en faire un sujet de protestations.

Le chancelier, en me parlant des nouvelles qu'il recevait de l'Allemagne, m'assura que l'envoi de vingt mille conscrits n'était qu'un remplissage de cadres qui équivalait à ce qu'on en a retiré pour l'Espagne, que l'ordre donné à quelques régiments de faire halte ne prouvait rien au fond, mais que la nouvelle de l'entrée de cinq mille Français à Varsovie était fausse, qu'il était prouvé du reste que les premiers rapports sur les préparatifs hostiles de la France étaient exagérés, que l'Angleterre faisait des avances de rapprochement avec la Russie, mais que l'Empereur s'abstenait de toute espèce de communication épistolaire, quoique la reddition spontanée de trois cents matelots prisonniers ait pu en fournir l'occasion. Enfin le chancelier, en revenant sur la France et le ton dont toutes ses communications sont stylées, finit par me dire: „Tout cela ne change rien à l'état de la question, aussi peu que les „propositions d'un équivalent. Je ne vous dirai pas que je ne croie pas à la „possibilité d'une guerre un jour, mais je ne puis croire que cela soit actuel„lement: j'espère que le temps usera peu à peu ce germe de discussion".

Je me suis appliqué à répéter les propres expressions du chancelier, pour mettre V. E. à même de juger combien elles contrastent avec les suppositions d'une explosion prochaine de M. de Kochéleff et avec les déclarations positives de S. M. Elle-même. La disparate des opinions de deux individus tous deux honorés de la confiance du Maître et auxquels tour à tour je me suis adressé, leur manière si différente de juger comment la fusée se débrouillera, est vraiment des plus piquantes. J'ai eu l'honneur de soumettre à V. E.

les motifs qui me portent à croire à la lettre ce que l'Empereur m'a dit de sa résolution, dont je suis persuadé qu'on ne le fera pas revenir.

Sa Majesté écoute l'un et l'autre et garde son opinion à soi. Je lui dois la justice que, de tous les trois, c'est l'Empereur qui, sous le rapport de la situation de la Russie avec la France, à mon avis, voit les choses sous le coup d'œil le moins faux. S. M. met en principe qu'Elle sera attaquée tôt ou tard; Elle ne veut entamer aucune négociation d'échange parce qu'Elle est persuadée que l'on commencerait par exiger le déplacement de Ses armées, condition à laquelle Elle est fermement résolue de ne jamais souscrire. L'Empereur veut se tenir en mesure de repousser toute agression, et le redoublement des préparatifs, une levée prochaine de recrues, des ordres relatifs à cette augmentation de moyens, ont pu induire en erreur M. de Kochéleff. Sa haine contre les Français et celle contre Romanzoff, dont l'éloignement ne tient qu'à cette époque, lui font présager des événements très prochains que je me permets de croire absolument dépendants des déterminations de la Cour de France.

Quant à l'obstination de l'Empereur de vouloir espérer de la Porte, quoi qu'on lui dise, une condescendance illimitée pour son système d'agrandissement vers le Danube, il est bien triste que S. M. soit si complètement aveuglée sur Ses vrais intérêts. J'ose avancer que dans toute la Russie il n'y a que Romanzoff et son Maître qui persistent dans cette opinion, et je répète ce que j'ai déjà eu l'honneur de dire à V. E., que je crois prévoir qu'il n'y aura que l'approche des armées françaises et les anxiétés qu'un événement pareil fera naître qui porteront l'Empereur à une détermination tardive à faire avec les Turcs une paix qu'on devra acheter au prix de l'évacuation des Principautés.

17.

(Litt. D.) *20 août/1er septembre 1811.*

Dans ce moment même, je viens d'apprendre par M. de Kochéleff qu'il est arrivé au port de Révél quelques bâtiments anglais chargés de salpêtre pour le compte de la Couronne. Quoique cet achat se soit fait mystérieusement sous le nom d'un négociant d'ici, cependant, les Anglais ayant eu la maladresse de faire escorter le tout par des bâtiments de guerre, il courut d'abord le bruit qu'il était arrivé des munitions de guerre de l'Angleterre pour les armées russes. Le ministère prit des mesures pour déjouer la curiosité du public. M. de Kochéleff crut devoir me donner connaissance que, hors cet achat, fait sous le nom d'un particulier, il n'existait aucune relation quelconque avec l'Angleterre. Il est assez singulier que précisément à cette heure, dans une gazette anglaise nommée le *Englishman*, des transports considérables de munitions de guerre de toute espèce expédiées pour la Russie y sont annoncées comme preuve de la bonne intelligence entre les deux Cabinets.

M. de Kochéleff m'assura encore, lorsque nous vînmes à parler de l'arrivée en Angleterre du jeune prince Casimir Lubomirsky, sujet mixte, ci-devant officier de uhlans au service de Sa Majesté Impériale et Royale Apostolique, que ce n'était de sa part qu'un voyage de plaisir. Il convint pourtant que, pendant son séjour ici, il avait beaucoup été goûté de l'Empereur, qui le voyait souvent chez Mme de Narychkine: il le consultait même sur l'esprit public dans son ancienne patrie, se faisait soumettre par lui plusieurs plans, l'écoutait avec plaisir, lui témoignait beaucoup de confiance, et généralement en faisait grand cas. Ce voyage tenu secret, et qui d'abord avait été annoncé comme une course en Finlande, et ce séjour inattendu en Angleterre, où le prince a d'anciennes relations, pourrait bien, malgré le ton de bonhomie dont Kochéleff m'en parla, avoir pour objet de sonder le gouvernement anglais. On est forcé de convenir qu'il y a un air de mystère à ce voyage, et le public en est très intrigué.

M. de Kochéleff a fait la leçon au ministre des finances, qui attend que l'Empereur lui parle de l'affaire de notre créance. Gourieff est parfaitement stylé pour lever les difficultés.

S. M. travaille peu ou point avec ses ministres dans ce moment; de grandes manœuvres occupent journellement l'Empereur pendant toute cette semaine.

M. de Spéransky, qui réussit à peu près dans tout ce qu'il entreprend (témoin le plan de la nouvelle organisation du Sénat), a dit à M. de Kochéleff que, la guerre une fois déclarée, il ne donnait pas huit jours au comte Romanzoff à se soutenir dans son poste. Celui-ci, dit-on, le gêne beaucoup dans l'influence qu'il désire avoir, même dans la gestion des affaires diplomatiques: M. le chancelier a là un adversaire des plus redoutables. On m'assure que Spéransky a toujours désapprouvé la guerre contre les Turcs.

18.

20 août/1er septembre 1811.

J'eus l'honneur de faire mention à V. E. dans mon rapport *sub Litt. D* de la sensation qu'a dû causer dans le public l'arrivée à Rével de plusieurs navires anglais chargés de plomb et de salpêtre, et escortés par des bâtiments de guerre de S. M. Britannique appartenant à l'escadre de l'amiral Saumarez.

M. de Kochéleff vient dans l'instant même de faire la confidence qu'il y avait eu à ce sujet une explication entre M. de Lauriston et le gouvernement, et que l'ambassadeur de France paraissait attacher une grande importance à l'admission des bâtiments anglais dans un des ports de la Russie, que non seulement on y avait expédié l'ordre aux bâtiments de guerre de quitter la rade, mais qu'il avait entendu dire que l'Empereur avait également fait partir les bâtiments chargés des munitions précitées sans leur permettre de débarquer leurs cargaisons, quoique censées être pour le compte d'un

particulier. Néanmoins M. de Kochéleff se flattait que cette version n'était pas fondée, puisque l'achat en Angleterre du plomb et du salpêtre avait été soumis en son temps au Conseil des ministres et approuvé par l'Empereur. L'on était, ajouta-t-il, très mécontent ici de ce que l'amiral anglais eût ainsi compromis le gouvernement, et on supposait qu'il y avait de l'intention dans le fait. L'opinion ci-dessus rapportée est la même qui circule aujourd'hui parmi plusieurs ministres de la Confédération du Rhin, et, malgré l'avis de M. de Kochéleff, il me paraît assez vraisemblable que ce gouvernement ait eu une condescendance parfaite pour les réclamations de l'ambassadeur, tant à l'égard des bâtiments que des cargaisons.

M. de Kochéleff me dit encore, confidentiellement, être informé que quatre navires chargés de munitions de toute espèce, montés par des officiers français munis de passeports signés par M. de Latour-Maubourg et ayant leur destination pour la Mingrélie, avaient été saisis dans la Mer Noire par les Russes, que M. le comte Romanzoff, en suite de cette information, avait dû adresser une note à S. M. l'Empereur, afin de fixer son attention sur cet objet important. Cette nouvelle, parvenue ici il y a tout au plus deux fois vingt-quatre heures, est postérieure à l'ordre envoyé à Rével.

L'entretien que je viens d'avoir avec M. de Kochéleff m'a encore fourni les données suivantes; elles offrent trop d'intérêt pour ne point les transmettre à V. E., quoique sommairement. Le gouvernement anglais, après s'être convaincu que la Russie avait pris une attitude convenable aux circonstances et à la dignité d'un grand Empire, avait fait des démarches très prononcées envers ce Cabinet, et avait témoigné le désir de renouveler avec lui ses anciennes relations. Mais l'Empereur Alexandre n'avait pas jugé à propos d'y répondre jusqu'à présent d'une manière qui pût faire pressentir quelles sont ses vues à cet égard.

L'Empereur paraissait vouloir la paix avec les Persans, et le général Paulucci doit avoir reçu des instructions en conséquence du ministre de la guerre, au nom de S. M., que le général était tenu de suivre, quoiqu'elles ne cadrassent pas avec celles que le chancelier lui avait données verbalement.

19.

20 août/1er septembre 1811.

Les dernières conférences que j'eus à cette Cour avec S. M. l'Empereur, M. de Kochéleff et le chancelier me paraissant propres à mettre V. E. au fait de la vraie situation politique des affaires ici, j'ai cru ne devoir point tarder d'en porter les résultats à sa haute connaissance, et j'expédie à cet effet M. le baron de Marschal, n'ayant personne près de moi dont j'aurais pu me servir, et ne prévoyant pas qu'il puisse s'offrir de longtemps une occasion assez sûre pour lui faire parvenir mes rapports.

Il me paraissait essentiel que V. E. fût au plus tôt informée du peu d'espérance qu'il y a de voir suivre à cette Cour une ligne de conduite sage,

modérée et conforme à ses intérêts relativement à la Turquie. S'il y a une perspective de changement à cet égard, l'on est fondé à redouter, d'après ce qui passe aujourd'hui, que ce ne sera que forcée par la nécessité, et à une époque où il deviendra peut-être dangereux ou de nul avantage de varier de système.

V. E. peut-être persuadée que je ne m'écarterai pas des points de vue exposés dans Ses dernières instructions et qu'ils serviront de règle à mes démarches et à mon langage.

20.

(Litt. A.) *16/28 septembre 1811.*

Le courrier Nipper m'a remis le 2/14 du courant, de grand matin, l'expédition que V. E. m'a fait l'honneur de m'adresser le 1er de septembre. Je passai le jour même chez M. de Kochéleff, et je lui fis lecture de la dépêche ostensible *sub* № 1 et du rapport de M. le prince Schwarzenberg relatif à l'entretien de S. M. l'Empereur Napoléon avec le prince Kourakine. M. de Kochéleff, de son côté, me communiqua la relation envoyée par cet ambassadeur à M. le comte de Stackelberg et une lettre confidentielle du dernier, où il représente avec force à M. de Kochéleff tous les motifs qui devraient engager la Cour de Russie à une prompte paix avec les Turcs et à ne rien négliger de ce qui pourrait la rapprocher de notre Cour. Le comte de Stackelberg rendait justice dans cette lettre à la saine politique du Cabinet autrichien, et faisait l'éloge de sa modération et de la ligne de conduite qu'il a adoptée.

M. de Kochéleff fit dans la journée même son rapport à l'Empereur sur tout ce que je lui avais communiqué et dit dans le sens des instructions de V. E. Il y joignit ses propres observations, dont il me répéta quelques phrases, où, parmi beaucoup de pathos que je trouvai assez déplacé, je démêlai le zèle d'un bon serviteur dévoué au bien de l'Etat, et qui a le courage de heurter l'opinion de son Maître. Il transmit aussi à l'Empereur la lettre en original de M. de Stackelberg, quoiqu'elle fût remplie de réflexions amères sur la situation actuelle de la Russie, de critiques sévères contre le gouvernement, et d'épigrammes mordantes contre le chancelier.

A la grande parade, le jour de Ste-Elisabeth, l'Empereur me dit de venir dîner chez Lui le 4/16, ajoutant obligeamment qu'il ne pouvait me voir qu'alors, à son retour de Pavlowsky, où l'on célébrait la fête de l'Impératrice.

Placé cette fois à table entre LL. MM., je remarquai un air pensif à l'Empereur, qui ne lui est pas habituel: on lisait distinctement sur sa physionomie qu'il avait de l'humeur, et l'entretien se soutint moins gaiement que de coutume. Après dîner, on me fit entrer dans le cabinet de l'Empereur. Il me demanda ce que m'avait apporté mon courrier. Je lui répondis que V. E. m'avait envoyé le récit de la conversation du 15 août que M. le prince de

Schwarzenberg avait mandée à notre Cour, et que je le priais de me permettre de lui lire ce que V. E. m'avait écrit à ce sujet.

Cette lecture étant faite, j'abordai de suite les deux questions intéressantes auxquelles avaient trait les dépêches que je venais de recevoir. Je dis à l'Empereur que je ne pouvais assez lui répéter combien il importait à ma Cour de convaincre S. M. qu'il était de son plus grand intérêt de finir la guerre avec les Turcs, d'autant plus que les derniers événements sur le Danube et les nouvelles qui sans doute étaient déjà parvenues à Constantinople de l'humeur que l'Empereur Napoléon commençait à témoigner à la Russie, rendraient la Porte tous les jours moins accessible à l'admission des propositions qu'on lui avait faites jusqu'à présent. Je passai ensuite au second objet, et parlai des offres de mon Auguste Maître d'employer ses bons offices pour rapprocher les deux Cours, de St-Pétersbourg et des Tuileries, et rétablir l'ancienne bonne intelligence entre elles.

L'Empereur me répondit en récapitulant, comme il l'avait fait à la dernière audience, la série historique de tous les événements qui ont donné lieu à cet état de tension entre les deux Cours. Il répéta plusieurs fois: „Ecrivez „à votre Maître que je ne veux pas la guerre, que je ne la ferai pas, à moins „que l'on ne m'attaque!“ L'Empereur me dit que la rupture du traité de Tilsit et d'autres motifs graves l'avaient déterminé à prendre une attitude imposante, afin de repousser toute agression quelconque, qu'il ne lui convenait pas de demander un dédommagement pour le Duc d'Oldenbourg, que sa protestation était un acte qu'il avait dû rendre public parce que le ministre des relations extérieures à Paris n'avait pas voulu l'accepter, qu'au reste, les cinq divisions dont la dislocation semblait être aux yeux de l'Empereur Napoléon une preuve d'intentions hostiles étaient placées de façon qu'elles pouvaient également être employées sur le Danube ou sur la frontière occidentale de l'Empire. L'Empereur ajouta qu'il s'était tout particulièrement appliqué à observer rigoureusement le traité de Tilsit, même sous les rapports du commerce, ce dont il pouvait m'offrir une preuve récente par ce qui venait de se passer à Révél, où, au lieu de salpêtre qu'on avait demandé à des négociants anglais, l'on avait envoyé de la poudre sur des navires de la marine Royale et escortés par des bâtiments de guerre, mais qu'il avait déclaré que, dans la situation où il se trouvait envers la Cour d'Angleterre, il ne lui convenait pas d'en accepter ce cadeau.

L'Empereur exprima ensuite qu'il lui semblait que ma Cour s'attendait à ce que l'entretien du 15 août l'irriterait au point de lui faire prendre une autre résolution que celle prononcée par lui dans ses dernières conférences avec moi, mais qu'elle devait être tranquille à cet égard: „On sait que l'Em- „pereur Napoléon a sa manière à lui, et quelques expressions ne me feront „pas exposer la vie de 300 mille hommes“.

Quant aux Turcs, on se trompe, dit-il, lorsqu'on leur croit les moyens et l'envie de continuer la guerre. Il ajouta que le grand vizir, afin de lui prouver le peu de confiance qu'inspiraient à la Porte les insinuations françaises, lui avait envoyé un écrit de M. de Latour-Maubourg dans lequel la duplicité du Cabinet français résultait à évidence.

Je saisis un moment d'interruption pour témoigner à S. M. ma persuasion fondée sur des puissants motifs, que les nouvelles relatives aux moyens et aux dispositions de la Porte que transmet le baron de Hübsch à Pétersbourg étaient apocryphes et devraient paraître suspectes. L'Empereur me répondit à cela que je ne devais pas croire qu'il eût la moindre confiance dans les rapports de cet homme, qu'il savait être l'agent de toutes les Cours.

Je lui exposai que je croyais tout aussi peu aux notions que le comte Romanzoff avait sur la Suède, et que j'avais des données sur ce pays qui m'autorisaient à douter de la sincérité des déclarations d'un prince français et dévoué à son ancienne patrie. L'Empereur me répliqua que la Suède était sans argent et sans moyens, que la Finlande, qu'il connaissait, était un pays difficile à conquérir, mais aisé à défendre, que les habitants, auxquels il avait fait toutes les concessions possibles, étaient animés d'un bon esprit, que d'ailleurs, maître de la mer, ajouta-t-il avec un sourire de finesse (que j'expliquai comme une arrière-pensée relative à la coopération des forces anglaises), il ne craignait pas un débarquement, que le chemin par Tornéo offrait bien des difficultés, et qu'au besoin on pourrait beaucoup incommoder les Suédois dans leur propre pays.

Je développai alors mes idées sur la possibilité d'un passage de troupes françaises par le Danemark, et lui dis que, dans ce pays même, on redoutait de le voir bientôt occupé par une armée française, me servant des notions que V. E. eut la bonté de me faire passer, afin de prouver à S. M. la probabilité d'une diversion opérée par une armée française sur ce point. L'Empereur me répondit qu'il m'accordait que Napoléon pût vouloir s'assurer du Danemark en y plaçant des troupes, mais qu'il se refusait d'admettre la possibilité d'un passage par le Sund en présence d'une flotte anglaise. Ici, j'ai à me reprocher de n'avoir pas rappelé à l'Empereur que la marine anglaise quitte ces parages dès la fin d'octobre à l'approche des glaçons, mais cette idée ne me vint pas à l'esprit: d'ailleurs, ce Souverain parlant vite et beaucoup, j'avais souvent de la peine à me faire écouter, et quelquefois nous parlions tous deux à la fois.

Je lui dis enfin: „Sire, ce n'est pas le seul ennemi que V. M. doit „s'attendre à combattre, outre les Français: quelle assurance avez-vous du „parti que la Prusse prendra dans cette guerre? Sa position géographique, „et l'embarras de se voir déjà actuellement prête à être inondée par des troupes „françaises ne donnent-ils pas lieu de lui supposer l'intention de prendre „parti contre la Russie? Au reste, dans sa position, a-t-elle la faculté d'opter?“ L'Empereur répliqua en hésitant un peu que la Prusse avait toujours tenu une conduite équivoque, et qu'il fallait effectivement avouer que sa position actuelle était embarrassante.

„Si la guerre est heureuse“, ajouta-t-il, „la Suède ne bougera pas; si „elle est malheureuse, on ne peut faire compte sur personne“. Cette expression, dite avec plus d'humeur que tout le reste, pouvait être expliquée comme lancée également contre l'Autriche; je ne la relevai pas: je crus au-dessous de la dignité du Souverain que j'ai l'honneur de servir, de me laisser aller

au soupçon que cette sortie pût être dirigée contre nous. Cependant plus tard, dans le courant de l'entretien, je saisis l'occasion de dire que je me flattais que S. M. ne doutait pas de l'intérêt sincère que mon Auguste Maître prenait à la conservation de la Russie, et que les conseils réitérés que j'étais chargé de donner à S. M. au nom de Son ancien ami et allié prouvaient suffisamment que l'Autriche ne séparait pas ses intérêts de ceux de l'Empire Russe.

L'Empereur répondit: „Ah! Je me flatte que, malgré le mariage, l'Au„triche est plus attachée à la Russie qu'à la France. Moi, de mon côté, je „crois, depuis notre réconciliation, n'avoir donné que des preuves de mon „amitié à votre Empereur. Tenez, Général, voulez-vous que je vous dise ma „pensée tout entière? Je suis persuadé que ce qui le" (Napoléon) „fâche le „plus est cette attitude froide et passive que j'ai prise et à laquelle je ne „changerai rien. Il voudrait que je me déclare; il voudrait que je commence „la guerre ou que je désarme, et je ne ferai ni l'un ni l'autre: mes troupes „sont toujours sur le pied de mobilité et placées derrière la Dwina et le „Dnièper. On ne peut pas dire que la Russie ait des intentions hostiles; les „retranchements que j'ai fait élever sont trop éloignés de la frontière pour „qu'on puisse les faire passer autrement que pour des mesures défensives. „Il n'en est pas de même des mesures prises dans le Duché de Varsovie, qui „ont visiblement l'objet de servir de moyens d'agression".

Je répondis à S. M. qu'assurément tout juge impartial devait tomber d'accord sur ce qu'Elle me faisait l'honneur de me dire, mais que ce n'était pas de quoi il s'agissait, qu'il était question d'ôter à la France tous les arguments dont elle se servira un jour pour prouver à l'Europe, à l'Allemagne surtout, que c'est la Russie qui désire la guerre. „Si je la voulais", interrompit l'Empereur, „je l'aurais faite au mois de mai; j'en avais les moyens, „de son propre aveu: vous le savez aussi bien que lui, vous qui êtes ici et „qui êtes informé de ce qui se passe".—„C'est bien, Sire", répondis-je, „mais „détruisez cette apparence de tort de votre côté que la France pourrait faire „valoir, et acceptez les bons offices que l'Empereur mon Maître vous offre „par mon canal".

Nous disputâmes longtemps sur ce thème, l'Empereur tâchant toujours de me prouver que toute négociation ne mènerait à rien et qu'il était évident de reste qu'il ne voulait pas la guerre, et moi répétant constamment qu'il ne suffisait pas que j'en fusse persuadé en mon particulier, que c'était l'Europe entière qu'il fallait convaincre, et que S. M. ne pouvait mieux le faire qu'en se prêtant à un arrangement qu'une puissance tierce, amie des deux Cours litigeantes, lui proposait afin de les rapprocher. Je dis encore à l'Empereur qu'il ne risquait rien en cas de non-réussite, puisque le temps qui s'écoulerait en négociations pouvait s'employer de son côté à augmenter ses moyens de défense. J'ajoutai que les Turcs verraient que la rupture entre la Russie et la France n'était pas si prochaine qu'ils s'en étaient d'abord flattés, qu'ils comprendraient qu'un commencement de négociation sous l'intervention de l'Autriche rendait même l'explosion d'une guerre peu probable, que cette circonstance faciliterait le grand œuvre de la paix, que je ne pouvais assez recommander.

Après de longs pourparlers, l'Empereur me dit enfin que, si ma Cour voulait interposer ses bons offices, il n'y répugnait point, ainsi qu'il s'en était ouvert envers moi dans la dernière conversation, mais que ce n'était pas à lui à faire les premiers pas. J'observai qu'il me suffisait qu'il me chargeât de transmettre à ma Cour qu'il acquiesçait à ce que nous entamions une négociation, qu'il pouvait être persuadé qu'il ne serait nullement compromis, et que, si cette tentative n'amenait aucun heureux résultat, au moins l'Europe saurait que la Russie ne s'était refusée à rien de ce qui pouvait ramener l'ancienne tranquillité si désirée sur le continent.

L'Empereur me répéta une seconde fois que je pouvais transmettre son consentement à ma Cour, mais qu'il prévoyait que cette démarche n'aboutirait à rien, qu'au reste il semblait que l'humeur de l'Empereur Napoléon s'était un peu calmée, que le duc de Bassano avait donné depuis au prince Kourakine des éclaircissements adoucissant les expressions de son Maître, et qu'il y avait peu de jours, il était arrivé des dépêches au comte de Lauriston par lesquelles il se trouvait chargé d'expliquer l'entretien en question comme tendant à la continuation de la paix. J'assurai S. M. que je ferais partir tout de suite mon courrier, pour informer mon Auguste Maître des dispositions qu'Elle m'avait témoignées.

Cette question une fois établie, le sujet ne fut plus agité, et l'Empereur, en se radoucissant, me dit qu'il voulait me faire une confidence, mais que c'était sous le sceau du secret. „Nous allons renforcer l'armée de 80 mille „hommes, que l'on prendra sur les gris" (expression habituelle de ce Souverain lorsqu'il parle de la grande réserve en uniforme gris, sur laquelle j'eus l'honneur de faire mon rapport dans le temps à V. E.). „Il y a plus d'un an „qu'on les exerce; j'ai sur eux des informations très satisfaisantes. En outre, „la prochaine levée des recrues nous fournira 320 mille hommes, qui joindront „tout de suite la réserve, où vous savez que les 26 divisions de l'armée ont „chacune leur subdivision de réserve particulière".

Après cette espèce de confidence, je fus congédié, et l'Empereur rentra dans ses appartements, la physionomie un peu moins rembrunie qu'elle ne l'avait été pendant l'entretien, et même pendant le dîner. Le récit des détails de l'organisation et de l'augmentation de ses armées, objet sur lequel il s'arrête toujours avec complaisance, avait rendu à S. M. en partie cet air serein qui lui est habituel et que je ne lui avais point remarqué de toute la journée.

Je puis avoir l'honneur d'assurer V. E. que la mémorable conversation du 15 août a fortement blessé l'amour-propre de l'Empereur. La publicité que le Monarque français y a mise, les bruits qui en courent déjà dans les sociétés, les propos qui se tiennent déjà sans doute dans toute l'Europe, et les jugements qu'on en portera à toutes les Cours, donnent beaucoup d'humeur à celle de Pétersbourg. Elle était aisée à observer sur la physionomie de l'Empereur, lorsqu'il entra dans la salle: il avait l'air sombre, pensif et distrait, dans le courant de notre conférence, aussi souvent qu'il parlait de l'Empereur Napoléon; on voyait sur sa figure l'expression très prononcée du dépit. J'avais supposé que S. M. désirerait que je lui fisse lecture de la relation du prince

Schwarzenberg; j'y étais préparé, et M. de Kochéleff le croyait également, mais Elle n'en fit pas mention, et lorsque, pour piquer Sa curiosité, je Lui dis que la relation de notre ambassadeur était beaucoup plus détaillée que celle transmise par M. le prince de Kourakine au comte de Stackelberg, l'Empereur me dit: „Vous sentez bien que celle qu'il m'a envoyée l'est bien plus que „celle qu'a reçue Stackelberg".

Je ne puis douter que la diatribe contre la manie des parades de garde (et c'est, je crois, ce qui a le plus affecté la sensibilité de S. M.) ne lui ait été mandée sans réticence, parce que le vieux Duc d'Oldenbourg en parla à M. de Kochéleff, en relevant les propres expressions de l'Empereur Napoléon. Plusieurs observations d'ailleurs m'ont prouvé que l'Empereur Alexandre n'ignore pas leur nature et qu'il en a été vivement piqué. Cependant j'ose assurer V. E. que ce dépit n'amènera aucun changement au système défensif qu'il a adopté. Quoique outré contre l'Empereur des Français, et même un peu honteux des leçons que ce Souverain, jadis son ami, ne lui ménage pas à la face de l'Europe, il craint trop la guerre pour vouloir en hâter l'explosion. Il redoublera d'activité pour rassembler tous les moyens à sa disposition, mais, persuadé que, de cette année, et dans une saison aussi avancée, la France n'est ni en mesure ni disposée à l'attaquer, ce Prince attend, comme il le dit, les événements, il s'étourdit sur les dangers qu'il prévoit et qu'il redoute par l'énumération fastueuse de ses troupes, par la conviction qu'il nourrit de la difficulté de pénétrer avec une armée ennemie dans l'intérieur de la Russie, par l'espoir que l'Espagne suscitera de grands embarras encore à la France, et enfin par une espèce de sentiment religieux qui l'absout envers sa propre conscience des calamités d'une guerre qu'il n'aura pas à se reprocher d'avoir commencée.

Cette dernière conversation avec l'Empereur me fournit les réflexions suivantes, que j'ai l'honneur de soumettre au jugement de V. E. En premier lieu, quoique l'amour-propre de S. M. ait été vivement blessé par cet oubli de toutes convenances, et surtout par la publicité des leçons que l'Empereur des Français lui a données, Elle ne changera rien à Sa résolution de se tenir sur la défensive, que, se méfiant des intentions hostiles de la France, prévoyant même immanquablement une agression, l'Empereur Alexandre accélérera et augmentera ses moyens de défense, que, quoiqu'il ait consenti aux bons offices dont je lui offris l'emploi au nom de l'Auguste Cour, il n'en est pas moins persuadé que cette négociation n'amènera d'autres résultats que ceux de lui proposer une indemnité en Allemagne pour le Duché d'Oldenbourg sous la condition expresse de retirer ses troupes vers l'intérieur de son Empire, ce qu'il ne fera jamais, qu'entretenant l'opinion que cette attitude inquiétante pour la France la gêne beaucoup, l'Empereur y mettra d'autant plus d'obstination qu'il se complaît secrètement à se venger un peu de l'humeur que lui cause la mémorable conversation et de l'espèce d'humiliation qu'il en éprouve.

Quant à la paix avec la Turquie, il me paraît que l'Empereur, en se relâchant de beaucoup sur les premières propositions faites à la Porte, se flatte, depuis surtout que le grand vizir lui a fait connaître avec franchise les senti-

ments du Grand Seigneur envers la France, que la paix se fera sans obstacle. M. de Kochéleff m'a fait entendre que son Maître se désistait de la Valachie. Je ne garantis pas que cette assertion ne soit un peu hasardée: M. de Kochéleff ne possède pas la confiance de son Souverain au point qu'il voudrait me le faire croire. Toutefois il paraît certain que de nouvelles instructions ont été envoyées à M. d'Italinsky à l'insu du chancelier de l'Empire.

V. E. relèvera sans doute une contradiction entre ce que me dit S. M. relativement au renvoi des bâtiments anglais de Révcl, et ce que m'insinua M. de Kochéleff. Quoique ce dernier ait persisté à me faire croire au débarquement secret des munitions, et quoique l'opinion générale est que ce renvoi n'a été que simulé, je penche néanmoins à n'ajouter foi qu'au fait tel que l'Empereur me l'a présenté. Je ne puis supposer que la Russie ait un besoin si urgent de munitions, que l'Empereur veuille déjà laisser deviner des intelligences entre lui et l'Angleterre et se donner envers la France le tort apparent d'avoir commis une infraction aux traités.

Quant à la Finlande, d'après ce que je tiens d'une personne digne de confiance, devenue sujet de la Russie dans cette province, sur le bon esprit qui y règne, il paraît que l'Empereur ne se fait pas illusion en comptant sur l'attachement sincère que ces peuples témoignent au gouvernement russe. Heureux dans leur situation actuelle, ils ont le bon sens d'entrevoir qu'une nouvelle guerre dont leur pauvre pays serait le théâtre les réduirait à la misère.

Désespérant dans cette audience, à la suite de mes tentatives infructueuses dans les précédentes, de ramener l'Empereur à d'autres principes au sujet de la paix avec la Porte, j'ai cru devoir appuyer à lui faire agréer l'offre de nos bons offices envers la France, et j'ai insisté d'autant plus fortement sur ce point de mes dernières instructions, que, quelle que soit l'issue de cette négociation, il nous en reviendra toujours le précieux avantage d'avoir donné à l'Empereur Napoléon une preuve de la sincérité de nos intentions; ce Souverain ne pourra qu'être persuadé que la ligne de conduite que nous avons suivie envers la Russie ne peut lui causer aucun ombrage, étant basée sur l'impartialité parfaite de nos sentiments dans ce moment de crise. L'Empereur Alexandre ainsi que M. de Kochéleff ne m'ont rien dit qui puisse me faire supposer qu'ils soupçonnent à notre Cabinet un autre but que celui d'empêcher l'explosion d'une guerre, dans laquelle nous voyons des chances très dangereuses pour la Russie; c'est sous ce point de vue que j'ai fait envisager nos intentions à S. M., en chargeant autant que possible les couleurs du tableau que je lui ai tracé des forces réunies de la France et de ses alliés.

Je crois pouvoir assurer d'avance, d'après la connaissance que divers entretiens avec l'Empereur m'ont procurée de son caractère tenace et de la disposition actuelle de son esprit, qu'à moins que la négociation dont il s'agit n'entraîne de la part de la France une marche rétrograde de ses troupes en Allemagne et une diminution presque totale des forces militaires du Duché de Varsovie (qui sont hors de toute proportion, comme me disait l'Empereur), à moins, dis-je, que cette mesure, indépendante de toute proposition d'indemnité, n'ait lieu, rien ne fera résoudre l'Empereur Alexandre à changer la situa-

tion actuelle de ses armées, et, même alors, je suis certain que ce ne serait qu'à regret que ce Prince s'y prêterait: il semble que dès à présent il craint que ce puisse devenir le résultat des pourparlers en question. Ce qui me paraît encore conster est qu'une proposition de dédommager le Duc d'Oldenbourg, quelque brillante qu'elle fût, serait ce qui répugnerait davantage à S. M. à accepter, et surtout elle ne suffirait point à L'engager à diminuer Ses moyens de défense. Elle a trop souvent répété que ce n'avait point été l'occupation du pays d'Oldenbourg qui Lui avait fait prendre l'attitude actuelle.

Je lui dois la justice de confirmer qu'en cela l'Empereur dit l'exacte vérité. V. E. se rappellera que j'eus l'honneur de Lui envoyer des détails sur les armements et les constructions de fortifications sur les frontières dès le mois de janvier, époque antérieure à l'envahissement du Duché, et qu'en mars 1810 j'annonçai que l'on ne discontinuait pas de faire filer des troupes et de l'artillerie vers les frontières occidentales de l'Empire.

Je serais embarrassé d'expliquer ici comment se concilient dans l'esprit de l'Empereur la crainte que je lui remarque toujours d'une guerre avec la France, et en même temps la répugnance si difficile à vaincre de se prêter à des explications qui offrent la probabilité d'un accommodement. Il est vrai que M. de Kochéleff m'a fait entendre à mots couverts que l'on travaillait à persuader l'Empereur d'employer pour l'honneur et l'indépendance de la Russie les ressources immenses que la nation lui soumettait avec plaisir, mais qu'il ne paraissait point encore assez les apprécier; cependant l'on ne désespérait point de réussir à la longue à lui faire changer d'idée à cet égard.

M. de Kochéleff n'a pas l'art de deviner les pensées secrètes de son Maître. Ennemi du chancelier, M. de Kochéleff ne sait plus comment lui nuire que moyennant l'explosion de la guerre; enfin il est exalté contre l'Empereur Napoléon et lui a voué une haine sincère. Ces mobiles et son amour-propre ne lui permettent pas de peser avec sang-froid les immenses moyens que la France avec ses alliés peuvent opposer aux ressources de la Russie, abandonnée à elle-même. Ce que je puis induire des expressions échappées à M. de Kochéleff envers moi est uniquement qu'il existe un parti coalisé pour exciter l'Empereur à commencer la guerre, et que ce parti ne désespère pas de réussir. M. de Kochéleff fut singulièrement frappé lorsque je lui annonçai que S. M. acceptait l'emploi des bons offices de la Cour d'Autriche, et il ne s'en consola que dans la conviction que nos démarches n'aboutiraient à rien. Toutefois son influence sur l'opinion de l'Empereur est presque nulle; j'en ai eu diverses preuves, entre autres à l'occasion des conseils qu'il ne cesse de donner de faire la paix avec les Turcs à tout prix.

Je suppose que le parti précité met en avant le maréchal Saltykoff pour persuader l'Empereur, mais, nonobstant la déférence que ce Souverain peut avoir envers un vieux serviteur qu'il affectionne, je persiste dans mon opinion qu'il n'y réussira point. Je fonde cette croyance sur le caractère personnel de l'Empereur Alexandre, que je me flatte avoir démêlé, et sur la résolution que nous lui avons vu prendre le printemps passé, où, assiégé et pressé par une infinité d'individus qui travaillaient à l'engager à une marche rapide dans

le Duché de Varsovie, ce Prince a préféré de répandre en Europe une faible protestation, laissant échapper un moment avantageux et unique, ainsi que le Lui a reproché l'Empereur Napoléon lui-même dans l'entretien du 15 août.

Avant de terminer, je prie V. E. de m'excuser si je n'ai point mis à profit ma conférence avec l'Empereur pour lui parler du mode à stipuler pour le payement de la créance. J'eus l'honneur de vous dire, Monsieur le Comte, que l'Empereur, parlant beaucoup, quelquefois même avec une nuance d'emportement, me laissait à peine le temps de développer mes idées; il me fallut souvent hausser la voix pour me faire écouter presque malgré lui. Au reste, nous sommes convenus, M. de Kochéleff et moi, qu'au bout de quelques jours, je lui écrirai une lettre ostensible à ce sujet, qu'il fera passer à S. M., en l'appuyant de tous les arguments possibles.

21.

(Litt. B.) *16/28 septembre 1811.*

Je m'empresse de transmettre à V. E. le précis d'une très intéressante conférence que j'ai eue avec M. de Kochéleff quelques jours après l'audience de S. M. dont j'ai eu l'honneur de rendre compte dans le № précédent.

M. de Kochéleff m'avait invité de me rendre chez lui, ayant une bonne nouvelle à me communiquer. Voici ce qu'il me dit: qu'il venait de parler à son Maître, que celui-ci lui avait ordonné d'écrire à M. le comte de Stackelberg que S. M. s'était fait lire par moi la dernière dépêche que je venais de recevoir et qu'il était content de son contenu, mais que, par une autre antécédente à celle-ci (celle du 23 juillet), l'Empereur avait vu avec déplaisir que V. E. le jugeait faussement, que S. M. avait l'intime conviction que, depuis la paix de Vienne, Elle n'avait rien dit ni rien fait qui ne prouvât le plus sincère désir de faire oublier à S. M. l'Empereur notre Auguste Maître le passé, qu'il regrettait très fort, que, s'il ne tenait qu'à lui, dès aujourd'hui la Monarchie Autrichienne se verrait dans le même état de puissance dans lequel elle s'était trouvée avant les derniers malheureux événements, que la base de sa politique était de s'attacher à l'Autriche par tous les moyens possibles et que, d'après sa manière de voir, le salut de l'Europe dépendait de la réunion de volonté et d'intérêt de deux anciennes Cours Impériales. L'Empereur avait ajouté qu'il désirait que notre Cabinet fût bien persuadé de la vérité de ce grand principe. M. de Kochéleff me dit que, saisissant l'à propos, il avait répondu à son Maître qu'il se présentait tout d'abord une occasion favorable pour donner à notre Cour une preuve de ce désir de bonne intelligence: „C'est, Sire“, lui dit-il, „de donner ordre au ministre des finances qu'il confère avec le „comte de Saint-Julien pour concerter les époques du payement des douze „millions“. L'Empereur répondit qu'il y consentait très volontiers, et qu'il le chargeait de me faire savoir qu'il allait en donner l'ordre à M. de Gourieff.

Après une déclaration aussi positive, je ne puis plus douter que ces conférences entre Gourieff et moi n'aient bientôt lieu, et, d'après ce que j'ai

eu l'honneur de mander à V. E. sur la bonne volonté de ce ministre à aplanir toutes les difficultés et sur ce que plusieurs fois il a dit au Conseil et à ses amis de la haute importance de contenter l'Autriche à l'égard de ce payement, je crois pouvoir me flatter que, de son côté, le travail se fera avec célérité et l'intention sincère de régler le tout d'après nos désirs. Cette stipulation, absolument nécessaire pour nous mettre dans la connaissance des termes d'échéance et des sommes à recevoir, est un grand pas en avant pour voir terminer cette affaire, dont je me trouve chargé depuis plus de dix-huit mois et pour la réussite de laquelle je puis dire m'être servi de tous les moyens possibles. Il n'est pas probable que la Cour de St-Pétersbourg veuille ne pas tenir ce nouvel engagement qu'elle prend d'une manière aussi publique avec le ministre d'une Cour qu'heureusement pour nos intérêts elle a de si puissants motifs de ménager et même de lui faire oublier la versatilité habituelle de ses principes, première cause de la position embarrassante et de l'isolement dans lequel elle se trouve actuellement.

Après cette communication, M. de Kochéleff m'en fit une autre non moins importante. Il me confia que, dans la même conversation, l'Empereur, questionné par lui sur ce que l'on pouvait espérer de la paix avec la Porte, lui répondit: „Oui, Monsieur, je la ferai et elle sera *prompte et déshonorante!*" M. de Kochéleff me répéta deux fois cette expression, et ajouta en souriant: „D'après la manière d'envisager les choses que vous connaissez à mon Maître, „vous devez savoir ce que ces mots veulent dire". M. de Kochéleff ne se possédait pas de joie; il me répéta plusieurs fois qu'il se flattait que, cette paix faite, rien ne croiserait plus de la part de la Russie les intérêts de l'Autriche, et que la bonne intelligence serait rétablie dans toute son étendue. Dans ma réponse, je ne manquai pas d'appuyer sur la satisfaction que je ressentais de cette détermination, dans laquelle je voyais les plus grands avantages pour la Russie, et j'y ajoutai de petites cajoleries pour M. de Kochéleff, à qui j'attribuai tout l'honneur de ce changement des principes de son Maître.

Je crois ne pas me tromper en affirmant que l'Empereur entend par le mot *déshonorant* la cession, ou totale ou en très grande majorité, de la Moldavie même. Ce mot de *paix prompte* me semble encore l'indiquer, puisqu'il n'y a pas de doute qu'en cédant les possessions enlevées, la paix ne peut plus avoir d'obstacle; surtout par la conviction que donne des intentions de la Porte la petite trahison que fit le grand vizir vis-à-vis du chargé d'affaires de France, en envoyant à Koutouzoff cet écrit dont j'ai eu l'honneur de faire mention dans la dépêche précédente, démarche qui prouve que le Divan n'est nullement influencé par la France et qu'il ne demande que la restitution des Principautés pour renouer l'ancienne amitié avec la Russie. Le ton piqué avec lequel S. M. semble avoir répondu à M. de Kochéleff me confirme encore dans ma supposition, puisque l'Empereur a l'air d'avouer avoir fait aux instances réitérées de tous ceux qui l'approchent et aux clameurs du public le sacrifice de son amour-propre. V. E. se souviendra que S. M. me répondait constamment *qu'il y allait de Sa gloire, qu'on ne pouvait s'attendre qu'Elle ferait une paix honteuse,* etc., etc.

A l'appui de cette manière d'expliquer le propos de l'Empereur, auquel M. de Kochéleff mettait la plus grande importance, qui paraissait lui faire le plus vif plaisir, et qu'il m'a recommandé comme un profond secret, vient ce que j'ai appris depuis. Sans toutefois garantir le fait, on m'a assuré que Tolstoï *), revenu complètement de son engouement pour la France, avait dit à son Maître dans la chaleur d'une dispute par rapport au vœu général de la nation pour la liberté de la mer et la paix avec la Porte: *„Sire, si vous ne changez „pas de principes politiques, vous finirez par vous faire étrangler comme „votre père“*. V. E. se rappellera qu'en dépeignant le caractère de l'Empereur Alexandre, j'ai toujours mis en avant que c'était la peur qui portait ce Souverain non seulement à des déterminations qui contrastaient avec la bonté de son cœur ou avec la sagacité de son esprit, mais aussi à celles qui répugnent à ses principes ou choquent son amour-propre. Or ce pourrait bien être ici le même cas; ce pourrait bien être le même motif, la peur que lui causent des propos répétés par un homme, borné, il est vrai, mais sur l'attachement duquel il fait compte, qui ait influé sur ce changement subit de détermination. Des propos de cette force tenus à Moscou, où l'on se permet de tout dire, peuvent lui être revenus par le comité secret de surveillance, dont je prie V. E. de se rappeler que le maréchal Saltykoff est le chef, et M. de Kochéleff un des premiers agents. De plus on sait positivement que l'amiral Tchitchagoff, récemment de retour de France, ancien partisan enthousiaste de l'Empereur Napoléon, et qui, depuis le long séjour qu'il a fait à Paris, est radicalement guéri de cette admiration pour le gouvernement français, a fait à son Maître le tableau le plus effrayant de l'immensité des moyens militaires de cette puissance, et qu'il lui a transmis les données les plus positives, et que ses anciennes relations à Paris lui ont procurées, sur la résolution bien prononcée de l'Empereur Napoléon de ravir les provinces polonaises à la Russie et de lui faire rendre même la Crimée. M. de Kochéleff m'a confirmé ce que par d'autres voies j'avais déjà appris là-dessus. J'en tire l'induction que l'Empereur, devenu un peu moins fier de la force de ses armées, persuadé que l'Empereur Napoléon lui fera une guerre à mort, en peine pour les plus importantes acquisitions du règne de Catherine, agité par la crainte d'indisposer la nation, s'est rendu enfin aux conseils de tout ce qui l'approche, qu'il a préféré de ne pas s'exposer aux chances d'une double guerre, et qu'il veut faire le sacrifice de son amour-propre, qui seul s'opposait à la restitution des Principautés.

Avant de nous séparer, M. de Kochéleff me dit encore que l'Empereur lui avait témoigné de l'inquiétude sur ce qu'il apprenait des fréquentes conférences que M. le comte Otto avait avec V. E.; il ajouta qu'il avait répondu qu'il n'y avait pas de doute que la France ne nous travaillât pour nous attirer dans ses intérêts, mais que S. M. pouvait être tranquille sur l'invariabilité des principes du Cabinet autrichien. Je dis à M. de Kochéleff que je le remerciais de la manière dont il avait répondu et de la justice qu'il avait

*) Графъ Н. А. Толстой, оберъ-гофмаршалъ.

su nous rendre, que d'ailleurs il y avait tant de divers intérêts à traiter, tant de transactions, de payements et autres, à terminer, que de fréquentes conférences entre les ministres de deux puissances voisines, amies et alliées par le sang, ne doivent pas étonner. J'ajoutai qu'il était inutile de rappeler à S. M. la loyauté de notre politique, parce que le fait la prouve suffisamment.

22.

16/28 septembre 1811.

Quelques jours après la conversation avec M. de Kochéleff dont j'ai eu l'honneur de rendre compte à V. E. dans ma dépêche *Litt. B,* j'ai eu une conférence avec M. le comte de Romanzoff. J'avais demandé à M. de Kochéleff si S. M. I. désirait que je fisse mention au chancelier de l'assentiment qu'Elle m'avait donné à l'offre que je Lui avais faite de l'interposition de nos bons offices. L'Empereur lui avait répondu: „Je le veux bien, puisque Saint-Julien „m'y force". S. M. se souvenait, à ce que me fit remarquer Kochéleff, que, dans une conversation à la suite des dépêches de V. E. datées du 23 juillet, j'avais témoigné au comte de Romanzoff, en causant sur l'état actuel de tension entre les deux Cours de Russie et de France, le désir que le Cabinet Impérial d'Autriche éprouvait de voir rétablie l'ancienne bonne intelligence, et qu'à cette occasion j'avais énoncé, quoique vaguement, que nous serions très portés à tout ce qui pourrait contribuer à faire cesser l'inquiétude qu'en éprouvait tout le continent. Effectivement j'avais parlé au chancelier et à l'Empereur dans le même sens, et V. E. trouvera dans mon rapport № 48 du 1er septembre*), que dès lors S. M. m'avait dit ne pas absolument se refuser à l'interposition de nos bons offices. Je ne pouvais m'expliquer cette expression: *Saint-Julien m'y force,* dont S. M. avait jugé à propos de se servir, que dans le sens qu'Elle eût désiré que l'on pût en faire un mystère au chancelier. Cependant, comme je n'espérais pas beaucoup de l'effet de l'offre que j'avais faite, par la manière dont elle avait été accueillie à ma dernière audience, je jugeai que nous ne pouvions que gagner à ce que cette bonne volonté de notre Cour acquît un peu de publicité, et je ne fus pas fâché de pouvoir mettre aussi le chancelier dans la confidence des efforts que nous faisions pour empêcher une explosion prochaine.

Je fus assez étonné lorsque le comte Romanzoff me dit avoir appris par l'Empereur qu'à la parade j'avais annoncé à S. M. avoir reçu un courrier et que je La priais de m'accorder une audience. Sans doute S. M. avait ses bonnes raisons pour en parler ainsi à M. le chancelier; mais le fait est que j'allai d'abord chez M. de Kochéleff, que celui-ci me dit en vouloir écrire tout de suite à son Maître, et qu'à la parade, spontanément, l'Empereur me parla bas à l'oreille de mon courrier et que Lui-même (ce qui ne se fait pas communément) m'invita à dîner pour me parler.

---

*) См. № 15, стр. 438.

Je débutai chez le comte Romanzoff par aborder la question de l'offre de nos bons offices, ainsi à peu près que j'en avais parlé à S. M. Je lui dis qu'Elle avait jugé à propos que j'en conférasse avec lui, et que je le priais de m'indiquer les bases sur lesquelles on pourrait établir un commencement de négociation. Le chancelier me répondit qu'il était informé de ce que l'Empereur m'avait dit sur ce sujet, et qu'il ne pouvait m'indiquer aucune base quelconque, puisque la Russie ne demandait rien, ne se plaignait de rien, ne voulait rien.

J'entrai alors en discussion avec lui, et je lui dépeignis combien l'état actuel des relations politiques entre la Russie et la France faisait craindre une rupture prochaine. Le comte de Romanzoff m'observa qu'il ne voyait pas les choses comme moi, que, quant à cette fameuse conversation, l'Empereur l'avait déjà oubliée (il me dit cela d'un ton et d'un air qui me prouvèrent qu'il l'avait aussi peu oubliée que son Maître), que cette manière de traiter les affaires, cette publicité pouvait à la vérité déplaire à la Russie, mais, ajouta-t-il, comme la Russie n'avait pas de secret pour l'Autriche, son ancienne amie, et que la présence des ambassadeurs d'Espagne et de Naples rendait la conversation comme tenue en famille, il se contentait de remarquer simplement que cette forme était inusitée et que probablement elle ne trouverait pas d'imitateurs, qu'au reste, ainsi qu'il l'avait d'abord dit au comte Lauriston, il n'y voyait pas d'inconvénient, qu'il ne concevait pas ce que l'Empereur Napoléon entendait par prétentions sur Danzig, que l'Empereur Alexandre n'en avait jamais eu, que le duc de Bassano avait dès le lendemain pressé le prince Kourakine de retarder l'envoi de son courrier, le prévenant de l'office qu'il désirait lui remettre, que, cet office ayant trop tardé, le prince Kourakine avait fait partir son courrier annonçant simplement une espèce de circulaire du ministère des relations extérieures, dans laquelle il déclarait cette conversation comme de hasard et sans intention et que l'Empereur Napoléon, ayant voulu causer avec l'ambassadeur de Russie, avait été entraîné par le sujet, et que S. M. désirait que le tout fût interprété dans le sens de la paix, que Savary s'était aussi hâté d'expliquer les expressions de l'Empereur comme tendantes à la paix. M. le chancelier ajouta que, d'après ce qu'il venait de me communiquer, je ne pouvais voir, aussi peu que lui, dans cette conversation le moindre motif d'une explosion prochaine, que finalement la Russie ne voulait pas la guerre, mais qu'elle ne la craignait pas, que cependant on s'attendait à tout, et qu'il ne serait pas surpris si un beau matin il me priait de passer chez lui pour me dire que tout est fait et que les hostilités ont commencé, que, comme la Russie n'avançait aucun grief, il ne pouvait concevoir ce que nous entendions par bons offices et à quoi ils pourraient mener.

Je lui expliquai alors, et bien plus en détail que je ne l'avais pu faire vis-à-vis de S. M., combien, indépendamment de la sollicitude que nous donnaient les chances incertaines de guerre pour une puissance dont la conservation est liée avec nos propres intérêts, nous désirions voir terminer cette tension si inquiétante pour l'Europe entière. Le comte de Romanzoff me répondit qu'il n'y avait pas lieu à s'inquiéter, qu'il me répétait que son Maître

ne commencerait pas la guerre et ne la ferait que quand on l'attaquerait, que toute explication avec la France n'aboutirait à rien qu'à faire proposer un déplacement des troupes, que l'Empereur Alexandre n'y consentirait jamais, que ses armées se trouvaient à une distance suffisante des frontières, ainsi que les fortifications, pour que cette attitude ne perdît pas le caractère d'une simple défensive. Alors je vins à parler des armements formidables de la France et de la marche de ses troupes, des dépenses qu'elle avait déjà faites et qu'on devait supposer qu'elle ne faisait pas sans dessein, etc. Le chancelier m'observa qu'il était indifférent pour la Russie comment l'Empereur Napoléon plaçait et déplaçait ses troupes, que les relations de la France avec les pays de la Confédération et même avec le Duché sous sa protection spéciale, ne devaient à cet égard les faire considérer que comme des provinces françaises, dans lesquelles l'Empereur disposait et faisait faire des mouvements à ses forces militaires à volonté et sans que personne pût y trouver un motif de plainte, qu'au fond tout ce qu'on disait ne se réduisait qu'à 72 mille Français qui étaient actuellement en Allemagne, que la garnison de Danzig renforcée, si je voulais, jusqu'à 20 mille hommes était une chose absolument dépendante de l'Empereur Napoléon. Enfin quoique je lui répétai que, si même la négociation ne serait pas couronnée d'un succès tel que nous le désirions, on pourrait sans inconvénient en risquer l'essai, et que, si S. M. I. de Russie jugeait qu'il n'était pas de Sa dignité de demander un dédommagement, une puissance tierce pouvait sonder le terrain sans compromettre la partie lésée, le chancelier ne cessa de me dire que la Russie ne se plaignait pas. Je parlai alors de la protestation, et il me répondit qu'elle ne provoquait pas une explication. Je lui parlai de la marche des troupes françaises, et il me dit que ce n'était que 20 mille recrues ou réfractaires, que tout le reste n'était que ces sempiternels quatre régiments de la Confédération dont tous les jours on lui offrait le rappel, que la garnison de Danzig ne les inquiétait pas, et que cette forteresse était trop éloignée des frontières pour que la Russie eût le droit d'en tirer une conséquence.

Enfin, après de longs débats, dans lesquels je vis parfaitement que le Cabinet de St-Pétersbourg craint d'être compromis en énonçant une proposition quelconque, il me dit, lorsque je le pressai de me donner une réponse que je pusse transmettre à ma Cour, que S. M. I. ne se refusait pas absolument aux démarches que ma Cour jugerait à propos de faire, et comme, pour le faire expliquer, je lui repartis qu'il était de première nécessité que notre ministère sût quel était le vrai sujet du différend actuel pour essayer de lever les difficultés qui s'élevaient de part et d'autre, le chancelier me dit que c'était à la France à parler, que la Russie resterait toujours dans l'état actuel passif et de pure défensive.

Peu à peu il me fit entendre assez distinctement qu'il ne croyait pas que des pourparlers, de quelque genre qu'ils fussent, pussent amener de bons résultats, que le temps userait le ferment actuel, et qu'une discussion quelconque ne ferait que reculer, au lieu d'atteindre, le but que nous semblions désirer. Je lui citai alors des exemples où l'interposition de bons offices d'une puissance voisine et amie avait non seulement retardé l'explosion d'une guerre,

mais même, après des hostilités commencées, avait mené à une réconciliation parfaite. Je citai entre autres un exemple de nos jours, celui de la paix de Teschen, où la Russie elle-même avait contribué par son intervention à nous raccommoder avec la Cour de Berlin: „Monsieur le Comte", me dit le chancelier, „le cas était tout différent. Alors il était question de prétentions, de „faits: ici il s'agit des intentions, et comment les deviner? comment les prévenir? comment en trouver des garants?" Rien de ce que je pus alléguer sur l'effet que ferait sur l'Europe ce témoignage public de la bonne volonté du ministère russe d'entrer en accommodement, ne parut le persuader. „Qu'est-ce „que c'est aujourd'hui que l'Europe?" me disait-il. „La France, l'Italie et l'Allemagne céderont toujours à l'impulsion que leur donnera l'Empereur Napoléon, „et, quant à l'Autriche, elle n'ignore pas que nous ne voulons pas la guerre".

J'essayai de sonder le chancelier sur l'assertion de Napoléon, que ce fut le gouvernement russe qui le premier proposa de retirer les cinq divisions sous condition de diminuer la garnison de Danzig. Le comte Romanzoff n'hésita pas à me confirmer que ce fut la France qui prit l'initiative: „Peut-être", ajouta-t-il, „l'Empereur en a fait une mention verbale au duc de Vicence, „mais moi, je suis censé ne savoir, ne connaître comme fait diplomatique que „ce qui passe par le bureau des affaires étrangères". Je crus devoir laisser tomber le trait, que je sentais bien être lancé contre moi. Enfin en me reconduisant à la porte, le chancelier me dit: „Le duc de Vicence est parti d'ici „avec la Loi et les Prophètes, chargé de tout ce qu'on pouvait dire et écrire „à ce sujet; cela n'a abouti à rien. Par conséquent tout ce qu'on pourrait „encore dire ou écrire de la part de qui que ce soit ne serait qu'une répétition, et n'amènerait nul autre résultat".

Il ajouta par forme de confidence qu'il ne pouvait me donner de plus grande preuve de ce qu'il me disait, que la Russie ne voulait pas la guerre, que par la manière avec laquelle on répondait aux agaceries que de mille façons l'Angleterre faisait, et dont quelques-unes même avaient eu un peu trop d'éclat, que c'était l'affaire d'une après-dînée que de s'arranger avec ce gouvernement, que la Russie y gagnerait sous les rapports du commerce, que c'était le vœu général, mais que S. M. ne changerait pas Son système actuel, et qu'Elle attendrait les événements. Je ne sais pas si cette affectation de me parler de l'éloignement de l'Empereur à répondre aux agaceries de l'Angleterre n'est pas une finesse pour me cacher quelques démarches secrètes tendantes à un rapprochement. Si la conviction d'une agression prochaine peut faire faire à l'Empereur le sacrifice de son amour-propre et lui faire restituer les Principautés, ainsi que la confidence de Kochéleff m'autorise à l'espérer, je ne sais pas pourquoi on ne serait pas parvenu à persuader l'Empereur à vaincre la répugnance qu'il avait toujours à se rapprocher des Anglais. La peur triomphe des aversions personnelles, et l'humeur que cause dans ce moment la conversation du 15 août donne beau jeu au parti anglais de ramener l'Empereur à leurs principes.

Je prie V. E. de remarquer que S. M., le chancelier et Kochéleff répugnent tous les trois à accepter nos bons offices. L'Empereur, qui y a

acquiescé d'assez mauvaise grâce, y répugne intérieurement, parce qu'il craint que des explications et des pourparlers, en aigrissant le caractère irascible de Napoléon, ne hâtent l'explosion d'une guerre qu'il redoute sans l'avouer, le comte Romanzoff parce qu'il se méfie de la sincérité de nos intentions et de nos relations avec la France, et Kochéleff parce qu'il entrevoit la possibilité qu'une négociation empêche la guerre, qu'il désire autant que nous la souhaitons peu. Peut-être aussi une fausse honte, celle du soupçon de paraître craindre cette lutte comme inégale pour la Russie, peut-être cette morgue orientale, la nuance distinctive du caractère national, contribue-t-elle beaucoup à contrarier nos bonnes intentions et à paralyser nos efforts sincères et désintéressés. Il ne sera pas indifférent à V. E. de savoir que, dans le courant de la conversation, M. le chancelier me dit que dès longtemps il était convenu avec le comte de Lauriston de ne plus renouveler des discussions sur l'affaire en question, qu'elles n'amenaient que des répétitions et pourraient produire des aigreurs.

23.

16/28 septembre 1811.

Empressé de transmettre à V. E. les différents rapports que j'ai l'honneur de lui faire dans les dépêches précédentes, je comptais expédier le courrier hier 15/27, lorsque je reçus une invitation de me rendre chez M. de Kochéleff, ce qui, joint à la cérémonie de l'inauguration de l'Eglise de Kazan, où j'eus l'honneur d'accompagner S. M. à cheval, a retardé le départ de Nipper de vingt-quatre heures.

M. de Kochéleff me communiqua la copie de la lettre officielle que par ce même courrier il envoie à M. le comte de Stackelberg; le brouillon fut soumis à S. M., qui en agréa le contenu. Sans doute Stackelberg la communiquera à V. E.: elle est écrite à cette fin. Kochéleff y parle en peu de mots: 1° de l'attitude militaire de la Russie, 2° de son désir de faire la paix avec les Turcs, et 3° de l'assurance positive du payement de la créance dans le courant de l'année 1812. M. le grand maître se rapporte pour les détails à ce que je suis chargé de transmettre à la connaissance de V. E.

Kochéleff a reçu une seconde fois la promesse de l'Empereur que S. M. donnera un ordre au ministre des finances pour qu'il entre en pourparlers avec moi. Quant à la paix turque, j'ai sondé Kochéleff sur ce qu'il suppose que peuvent être les nouvelles propositions que l'Empereur fera à la Porte, et il me répondit: „Soyez sûr que, si mon Maître obtient le Pruth pour „frontière, la paix est faite aujourd'hui; les dispositions ne pourraient pas être „meilleures. Quant au payement, vous voyez que l'Empereur a sanctionné „cet écrit officiel à notre ministre à Vienne par ces mots de sa main: *Fort „bien;* ainsi la promesse acquiert le dernier degré d'authenticité". Puis M. de Kochéleff me fit la confidence que, lorsque l'Empereur lui dit que cette avant-dernière dépêche ostensible du 23 juillet avait affecté sa sensibilité et qu'il

était mécontent de ce que V. E. ne lui rend pas assez de justice. S. M. avait ajouté: „Je vous laisse le soin d'arranger cela; faites le tout de façon qu'il „n'y paraisse pas trop de susceptibilité de ma part". Kochéleff crut devoir me rendre ces mêmes paroles de son Maitre, pour prouver combien il importait à S. M. que ses sentiments ne fussent pas méconnus, et combien il désirait allier avec sa sensibilité son désir constant d'alimenter une intimité parfaite avec notre Cour. Enfin Kochéleff me confia cette petite feuille ci-jointe, qu'il vient de recevoir par le comte de Woronzoff *), ci-devant ministre à Londres, et sur laquelle il m'a prié de ne pas le citer.

Je vous prie, Monsieur le Comte, de me permettre de prendre occasion du récit que je viens de faire de cette dernière conversation avec M. le grand maître pour proposer à V. E. de me charger, quand Elle le jugera à propos, d'un petit compliment flatteur de Sa part pour Kochéleff. Son zèle pour nos intérêts est connu, et la manière confiante dont il en use avec moi peut nous être d'une ressource précieuse, à raison que ce n'est pas un homme très fin et qu'il aime de paraître instruit. Si V. E. permettait que je lui dise quatre mots de gracieux de la part de S. M. notre Auguste Souverain, ils seraient du plus grand effet.

24.

16/28 septembre 1811.

J'ai l'honneur de transmettre à V. E. les renseignements suivants que j'ai reçus de bonne source sur le tout nouvel ordre de bataille des armées sur les frontières du Duché de Varsovie. Le général Wittgenstein commande un corps dont le centre est à Mitau, les généraux Baggohufvud et Essen un autre aux environs de Wilna, et un troisième plus considérable qui forme proprement la Grande Armée sera sous le prince Bagration, qui a reçu ordre de s'y rendre tout de suite de Moscou, où il se trouvait pour des affaires de famille: on a la nouvelle qu'il y est déjà arrivé; cette armée cantonne non loin de Brzesc. Comme, d'après les premières dispositions, le prince devait commander une armée de réserve sous le Grand-Duc Constantin, on croit ici qu'en cas d'événement, S. A. I. se rendra à celle de Bagration. On destinait d'abord Dokhtouroff à commander l'armée de réserve près de Kieff; on dit aujourd'hui que ce général sera envoyé en Finlande, où l'on organise une milice. Les officiers du Grand Etat Général, autrement officiers de la Suite de l'Empereur, ont reçu ordre de joindre leurs corps respectifs, et plusieurs sont déjà partis.

J'ai déjà eu l'honneur de parler à V. E. de la levée de 120.000 hommes. Elle se fera dans les derniers mois de l'année, et on prend pour base le taux de quatre hommes sur cinq cents, ce qui donnerait une population de 15.000.000 de mâles, et de 30.000.000 d'âmes en tout. Les nations tributaires, les Cosaques ne sont jamais compris dans le dénombrement général.

*) Графъ Семенъ Романовичъ.

Le comte de Romanzoff assure avoir des nouvelles de Stockholm, d'après lesquelles M. d'Alquier, après avoir donné une note à M. d'Engestrœm dans laquelle il se plaignait du commerce clandestin avec l'Angleterre, en reçut une réponse très sèche. Le ministre lui marquait son étonnement de ce que la France blâmât un commerce que l'Empereur Napoléon permettait dans ses propres Etats. Alquier doit en avoir porté plainte au Prince Royal, en le priant de lui indiquer quelqu'un avec lequel il pût se mettre en relation, ne pouvant plus traiter avec Engestrœm. Le chancelier croit que le Prince Royal penchait à donner raison à Engestrœm. Tout le monde s'accorde à dire que le Prince Royal a su gagner tous les esprits, mais que son Epouse a aigri les Suédois par les propos les plus inconvenants et les plus déplacés.

Il y eut une promotion de six lieutenants généraux et quatre généraux majors, à l'occasion de la fête de S. M. Le général Langeron a été nommé général en chef (grade qui équivaut à celui de Feldzeugmeister), et un des aides de camp généraux de S. M. On dit qu'il a rendu les plus grands services à la bataille de Ruchtchuk en tenant tête avec l'infanterie, tandis que la cavalerie était en pleine déroute.

La nouvelle organisation du Sénat, qui avait été longtemps et vivement combattue, et que cependant on disait déjà fixée, a été ajournée, au grand déplaisir de Spéransky, qui était l'âme de ce projet; je tiens ce fait de M. de Kochéleff. On a fait de fortes représentations à l'Empereur que ce n'était pas le moment de faire des innovations qui tendaient à saper les fondements de la constitution de l'Empire. D'après le plan en question, l'Empereur se désistait de plusieurs droits tenant à l'essence d'un gouvernement monarchique.

On m'assure que Gourieff a dit à l'Empereur qu'il fallait absolument ouvrir les ports au commerce, que plusieurs provinces devenaient insolvables, que, sans cette mesure, il annonçait un déficit de soixante millions, qui doublerait tous les ans.

Le comte Romanzoff s'est amèrement plaint devant le ministre de Bavière de la publicité que l'Empereur Napoléon a mise aux reproches qu'il faisait à la Russie et aux blâmes qu'il donne à la marche du gouvernement. Il avait l'air très affecté le lendemain de l'arrivée du courrier russe porteur de la dépêche du prince Kourakine.

Le chancelier m'a confié que, dès l'entrevue d'Erfurt, l'Empereur Napoléon avait voulu engager l'Empereur Alexandre de reconnaître tous les changements qu'il ferait par la suite dans le pouvoir suprématique du Pape, mais qu'on s'y refusa constamment, alléguant que la Russie avait des motifs de ne pas alarmer la conscience de ses nombreux sujets catholiques.

Il se répand ici le bruit qu'au passage du Danube par un corps turc non loin de Viddin, les Russes ont éprouvé un sensible échec, que le général Langeron avait déclaré avoir trop peu de troupes pour défendre la Valachie et qu'il se voyait à la veille de devoir évacuer cette province.

D'après les nouvelles du comte Romanzoff, le Prince Royal de Suède, complimenté par la milice bourgeoise de Stockholm sur son rétablissement, leur tint un discours dans lequel il assura que jamais on n'emploierait les

forces militaires pour récupérer les provinces cédées. Le comte Romanzoff vient de me dire qu'il a reçu par le ministre russe à Cassel la nouvelle que le duc de Bassano a envoyé une circulaire à tous les ministres français aux Cours étrangères, qui abrège et tronque tout à fait la fameuse conversation au point d'y omettre toutes les expressions désagréables quelconques, l'Empereur Napoléon désirant bien que cette conversation fût connue, mais ne voulant pas qu'on lui prête des expressions dont il ne s'est pas servi.

A l'occasion de la fête de la consécration de la nouvelle Eglise de Kazan, dont la construction très coûteuse est un vœu de feu l'Empereur Paul et qui s'est faite avec toute la pompe possible le jour de l'anniversaire du Couronnement, S. M. a donné le cordon de St-Wladimir de la 2e classe au ministre de la guerre, et a nommé le général comte Stroganoff un de ses aides de camp généraux. Le vieux comte Stroganoff, son père, grand chambellan, mais qui n'en fait plus les fonctions, que jusqu'à présent son éloignement peut-être trop prononcé vis-à-vis de l'ambassade française et des propos contre le système politique avaient tenu dans une espèce de disgrâce, a été élevé au rang de conseiller privé actuel de la première classe, ce qui équivaut à celui de feld-maréchal. Le prince Wolkonsky, un des aides de camp généraux de S. M., et qui a la partie de l'organisation du Grand Etat Général, a été décoré de l'ordre de St-Alexandre-Newsky.

J'ai appris par le général Barclay-de-Tolly que l'organisation du charriage dont S. M. m'avait parlé il y a quelque temps, n'est pas achevée encore. Il s'agit d'ériger une espèce de gendarmerie qui surveillera la police à l'armée.

25.

(Litt. C.) *15/27 novembre 1811.*

J'ai eu l'honneur de donner connaissance à V. E. par la dépêche № 51 que je lui adressai en date du 1/13 de novembre et dont le baron de Schlaten fut le porteur *), qu'après avoir attendu pendant quelque temps les résultats de la promesse que S. M. m'avait faite, je m'étais enfin adressé à M. le chancelier lui-même pour hâter l'effet de la détermination de l'Empereur rapport au payement de notre créance. Il s'écoula plusieurs jours sans que je reçusse une réponse; M. de Kochéleff me conseilla de rencontrer l'Empereur à la promenade et de faire tomber la conversation sur ce sujet. Ce moyen ne m'ayant pas réussi, et Kochéleff m'ayant confié avoir appris sous main que le chancelier mandait au comte Stackelberg que l'Empereur confirmait à la vérité la promesse du payement de la dette que S. M. reconnaissait, mais qu'Elle désirait que notre Auguste Cour donnât en contre l'assurance de ne pas s'allier avec un ennemi éventuel de la Russie, je proposai à M. le grand maître l'envoi d'une lettre ostensible adressée à lui, et qui lui donnerait la faculté de rappeler cette affaire au souvenir de S. M. Je la lui portai toute

*) Этого донесенія въ Вѣнскомъ Государственномъ Архивѣ не оказалось.

faite, telle que j'ai l'honneur d'en joindre copie à V. E.: M. de Kochéleff la goûta très fort et me promit de la communiquer à l'Empereur. Aujourd'hui il m'a donné l'assurance de l'avoir envoyée tout de suite à S. M., et il n'attend que l'occasion favorable pour presser verbalement l'Empereur de satisfaire le plus tôt possible à ma juste demande. Je ne puis assez le répéter à V. E., M. le grand maître met à la réussite de cette affaire toute la chaleur d'un homme qui est frappé de la légitimité de notre prétention et convaincu de la nécessité d'écarter tout sujet de discussion odieuse entre les deux Cours. M. le grand maître, persuadé par tout ce que je lui ai dit à ce sujet que la Cour Impériale d'Autriche ne se prêterait jamais à un arrangement qui rendrait le payement de cette dette dépendant d'une transaction politique quelconque, se propose de rappeler à l'Empereur la promesse pure et simple qu'il avait donnée de ce payement dans le courant de 1811, et telle que par son ordre Kochéleff l'avait transmise au comte de Stackelberg. J'espère beaucoup des efforts qu'il fait pour traverser le projet du chancelier qui ne tend qu'à traîner l'affaire: cependant lui-même devrait se rappeler la déclaration positive que je lui ai faite et que je lui ai répétée plusieurs fois, que je ne puis admettre aucune complication de discussion politique et que je suis dans la stricte obligation de faire valoir nos prétentions purement et nullement conditionnellement.

26.

21 décembre 1811/2 janvier 1812.

J'ai eu l'honneur de mander à V. E. par l'occasion du prince Dolgorouki, en date du 27/15 novembre, № 52, *Lit. C* *), les démarches que j'avais faites vis-à-vis de M. de Kochéleff relativement à notre créance, et qui aboutirent à la conversation que j'ai eue avec M. le chancelier et dont j'ai eu l'honneur de faire mon rapport à V. E. dans ma dépêche № 54, en date du 10 décembre/28 novembre, envoyée par la poste **).

Dans cette conversation, le comte de Romanzoff m'avait fait la communication, quoique huit jours après le départ du prince Dolgorouki, du sujet de la dépêche qu'il dit avoir expédiée à M. de Stackelberg, c'est-à-dire l'ordre de S. M. de faire savoir à notre Auguste Cour qu'Elle reconnaissait la créance des douze millions. Quelque temps s'étant écoulé depuis sans que Sa Majesté m'ait fait l'honneur de m'inviter chez Elle, et n'ayant pu trouver, pas même au bal de la Cour, le moment propice pour Lui parler d'affaires, je me rendis il y a deux jours chez M. le comte de Romanzoff. Je lui dis qu'après avoir mandé à Vienne la déclaration qu'il m'avait faite de la reconnaissance de la créance, pour ne pas être taxé par ma Cour de tiédeur dans une affaire qui depuis des années faisait l'objet de presque toutes les dépêches que j'en

*) Въ настоящемъ изданіи № 25 (см. стр. 471).
**) Этого донесенія въ Вѣнскомъ Государственномъ Архивѣ не оказалось.

recevais, je croyais de mon devoir de lui rappeler la promesse que S. M. m'a faite de me faire aboucher avec le ministre des finances pour convenir des époques du payement. Le comte de Romanzoff me répondit qu'il n'avait point encore reçu de réponse de Vienne, et qu'avant cette réponse on ne pouvait pas prendre des engagements ultérieurs. Je rappelai à M. le chancelier qu'il m'avait dit lui-même que les intentions de S. M. étaient que cette déclaration fût considérée comme nullement liée à aucune autre détermination politique. Le chancelier me répliqua qu'effectivement on en avait fait le sujet de deux dépêches séparées, que sans doute une affaire d'un intérêt minime, comme celui de quelques millions à payer, ne pouvait être mise en même ligne avec les négociations de haute politique, mais que sa Cour, avant que de procéder à un payement, devait être assurée des intentions de la nôtre. Je lui répondis que je me flattais que S. M. I. de Russie ainsi que M. le chancelier ne pouvaient avoir nul doute que nous considérions les intérêts de la conservation de la Russie comme parfaitement liés avec les nôtres, que ce principe dérivait de la nature de l'état politique actuel de l'Europe et même de sa subdivision géographique, que d'ailleurs notre empressement à offrir nos bons offices à la Cour de Russie et le motif des vœux que nous formions pour la conservation de la paix, que les réductions militaires et le rétablissement de nos finances, dont nous nous occupons exclusivement, étaient les garants de notre politique franche et nullement équivoque. Le comte de Romanzoff répondit qu'il était bien loin de se méfier de nos intentions, qu'observer un Cabinet, ce n'était pas s'en méfier, et que, comme, depuis le retour de M. le comte de Metternich de Paris, notre Cour n'avait encore donné aucune réponse à diverses propositions de rapprochement qui furent faites, que, comme le comte de Stackelberg ne lui mandait rien que des expressions vagues et que tout ce qui s'était dit et écrit depuis un an se réduisait à des affaires de détail peu importantes ou concernant de simples individus, il importait à la Russie d'attendre avant tout que notre Cabinet fît la déclaration qu'on lui demande, savoir, si la Cour Impériale d'Autriche se trouve liée par quelque engagement à fournir en cas de guerre des troupes contre la Russie, ou si Elle comptait prendre de pareils engagements par la suite. Le comte de Romanzoff ajouta que cette proposition était aussi générale que possible, qu'on ne désignait aucune Cour, qu'on laissait au choix du Cabinet de Vienne la détermination du lieu et de la personne qu'on voudrait charger de cette déclaration, qu'il ne concevait pas en quoi cette réponse pouvait embarrasser notre gouvernement, et qu'il était bien juste qu'à la veille d'une grande crise la Russie sût à quoi s'en tenir avec ses voisins, que la Cour de Vienne n'avait jamais répondu sur les différentes questions qu'on lui avait adressées, par exemple, comment elle considérerait un mouvement militaire, en cas d'événement, pour s'assurer de la Prusse.

Je dis au comte de Romanzoff que j'avais été jusqu'à ce moment dans la conviction que V. E., à Son retour de Paris, avait donné des assurances les plus positives et les plus satisfaisantes pour la Russie. Le comte de Romanzoff me répondit que V. E. s'était bornée à des déclarations verbales et très vagues.

Alors je rappelai au comte Romanzoff que S. M. Elle-même m'avait dit une fois que ce n'étaient pas les traités par écrit qui liaient les Etats entre eux, mais bien leurs intérêts respectifs, que si M. le chancelier m'accordait que les intérêts de l'Autriche étaient inséparables de ceux de la Russie, je ne voyais point quelle meilleure sûreté pouvait lui donner la déclaration qu'il attendait. Il répondit qu'elle était absolument nécessaire, qu'elle était motivée par le silence que nous affections de garder, qu'au reste on avait des nouvelles de mouvements de troupes. Je l'interrompis pour opposer à cette assertion ridicule la réduction connue de toute l'Europe de nos armées, la dissémination de nos semestriers dans toutes les provinces de la Monarchie, enfin le calme parfait qui règne dans nos arsenaux. Finalement je lui demandai s'il désirait que je mandasse à ma Cour qu'il attendait la déclaration en question comme condition absolue pour l'effectument du payement. Il me répondit que oui, que dans peu il partait un courrier et qu'il ne manquerait pas de m'en avertir. Avant de nous séparer, le chancelier me promit qu'il porterait à la connaissance de S. M. le résumé de notre conversation.

Il me fut aisé de démêler dans cette conférence la mauvaise volonté du chancelier. Le prétexte d'un mouvement supposé de troupes était si faible que, lorsque je commençai à combattre cette assertion, il eut garde de s'y arrêter. Au reste, M. le chancelier, par défaut de mémoire, ne se rappelle plus que, dans une des conversations précédentes, il était convenu que ces nouvelles, qui se réduisaient à des marches de quelques centaines d'hommes rapportées par des officiers stationnés sur les frontières de l'Empire, n'avaient fait nulle impression sur S. M. Cependant j'ai été averti par Kochéleff, et il m'est revenu par d'autres voies encore, que l'on avait réussi à donner de la méfiance à l'Empereur sur des relations secrètes que l'on suppose à notre Auguste Cour avec la France, et spécialement sur le système politique éventuel de V. E. Ce n'est qu'ainsi que je puis expliquer l'interruption subite et totale des communications verbales que S. M. daignait jusqu'à présent me faire Elle-même ou qu'Elle me faisait faire par Kochéleff: de fait, outre l'affectation remarquée du public de ne plus m'inviter à dîner depuis plus de deux mois, il me parut extraordinaire, au dernier bal de la Cour, que, quoique j'eusse guetté toutes les occasions que le local et la manière de circuler dans les salles m'offraient pour rencontrer et pour parler seul à l'Empereur, ainsi qu'il m'arrivait les autres fois, je ne pus jamais réussir que de lui parler en tiers, ce qu'il fit à diverses reprises et avec son affabilité ordinaire. M. de Kochéleff se plaignit extrêmement à moi de cette interruption inattendue de ses relations avec S. M.: il m'en parut accablé, et je sais qu'il est complètement dégoûté et que ses amis l'ont persuadé à peine de ne pas se retirer des affaires; il jetait la faute de non-réussite de ce payement, dont il s'était occupé avec chaleur, sur l'entêtement du chancelier. Il n'y a pas de doute que, piqué d'avoir vu l'accomplissement de cette affaire prête à être faite à son insu et malgré son avis, cet esprit de vengeance que tout le monde lui connaît ne l'ait porté à faire de fortes représentations à l'Empereur à l'appui de son opinion constante de refuser le payement, et qu'il ne pouvait pas mieux y

réussir qu'en jetant sur nos intentions un ferment de défiance à laquelle S. M. n'est que trop portée par caractère.

Toutefois, après cette démarche vis-à-vis du chancelier par laquelle j'ai cru devoir commencer, j'attendrai encore quelques jours, et puis, ainsi que M. de Kochéleff et moi en sommes convenus, j'adresserai à M. le grand maître une lettre ostensible dans laquelle je lui rappellerai la promesse solennelle de S. M. de me faire conférer avec le ministre des finances; je lui marquerai la réponse évasive que m'a donnée le comte de Romanzoff; je m'appliquerai à détruire les soupçons absurdes que le chancelier affecte d'avoir sur des préparatifs militaires ou sur nos intentions secrètes, et que j'affecterai de ne considérer que comme personnels au chancelier et nullement partagés par l'Empereur; enfin je finirai par le prier de tirer au clair si cette manière d'éluder la promesse faite par S. M. en séparant pour la forme la reconnaissance de la créance avec la déclaration qu'on attend de nous, tandis que par le fait l'on rend l'une dépendante de l'autre, est l'intention personnelle du chancelier, ou si c'est d'après les ordres explicites de S. M. Je le prierai de me donner les éclaircissements nécessaires et de me donner les moyens d'en faire un rapport exact à mon Auguste Maître, pour ne pas m'exposer à la responsabilité d'avoir négligé une affaire dont on ne cesse de recommander l'accomplissement.

Je ne puis encore pressentir l'effet que fera cette lettre que M. de Kochéleff enverra tout de suite à l'Empereur. On a tant d'exemples récents de versatilité dans les déterminations, il y a tant de motifs à croire que les doutes jetés sur notre franchise ont laissé des traces dans l'esprit de S. M., que je ne puis asseoir de jugement sur ce que nous devons attendre. Le chancelier travaillera sans relâche à dissuader son Maître de céder au cri général de tout le Conseil, qui a si souvent opiné pour le prompt payement de cette dette; par entêtement, par amour-propre, et peut-être par cet éloignement qu'il eut toujours pour notre Cour, il fera jouer tous les ressorts à sa disposition: c'est lui qui accrédite le bruit que notre mission à Constantinople a conseillé fortement le Divan de ne pas se relâcher de la prétention au recouvrement des Principautés. Ce grief est des plus graves à ses yeux, parce qu'il détruit son projet favori de donner le Danube comme limite aux deux Empires.

27.

22 décembre 1811/3 janvier 1812.

Il m'est parvenu que l'Empereur avait fait travailler au projet de donner la constitution du 3 mai 1791 aux provinces russes ci-devant polonaises; je connais les deux individus qui avaient été chargés de la besogne, et l'un d'eux ne m'en a pas fait un secret. Ce travail devait être terminé par un Acte, par lequel on voulait que l'Empereur se déclarât Roi de Lithuanie. J'ignore encore si cet Acte ne devait être éventuel qu'en cas de guerre avec la France

ou si sa publication, indépendante de tout événement, devait avoir lieu dès que le travail serait achevé. On pouvait s'attendre à ce que les seigneurs russes grands propriétaires dans ce pays, seraient très mécontents de ce changement dans la constitution actuelle à raison de grands sacrifices que leurs intérêts pécuniaires en éprouveraient. Effectivement il y a peu de jours qu'un des membres du Conseil, sans y être invité par l'Empereur, fit à S. M. à ce sujet les représentations les plus vives, et ne lui cacha même pas les dangers personnels auxquels ces innovations, actuellement hors de saison, L'exposeraient. Je tiens d'un des collaborateurs de ce projet que, depuis ce temps-là, S. M. ne s'en occupe plus du tout; et il m'est revenu d'un autre côté qu'Elle a donné Sa promesse formelle de s'en désister entièrement.

L'Empereur assura à quelqu'un qui me l'a redit, qu'on avait pris les meilleures mesures à Berlin pour que le Roi, en cas d'événements, échappât à la vigilance des Français, que le plan concerté avec le Roi est d'éviter de tenir la campagne avec ses troupes, de se jeter dans les forteresses, qui sont suffisamment dotées, et d'y attendre qu'un corps russe destiné à cela et composé en grande partie de cavalerie, vienne le dégager. Deux autres armées, chacune de cent cinquante mille hommes, sont destinées à agir l'une dans le nord, l'autre vers le sud du Duché. Le cantonnement actuel des troupes est tel, que dans sept jours les têtes des colonnes peuvent atteindre la frontière. Le même individu m'a rapporté que l'Empereur lui a dit s'attendre à la guerre, qu'il ne la provoquerait pas, mais qu'il ne la craignait pas; qu'il ne souffrira jamais qu'on lui fasse la loi dans ses Etats, et que, dût-il être repoussé jusque derrière les montagnes de l'Oural, il lui resterait encore assez de pays pour maintenir son indépendance.

On dit que la signature de la paix, que l'Empereur lui-même avait annoncée comme faite, a été subitement contrariée par la prétention du grand vizir de garder Ismaïl, dont il ne voulait pas se départir. Je sais qu'un personnage marquant, chaud partisan de cette paix, a écrit à l'Empereur pour lui représenter qu'il était de sa dignité de ne point se désister de la demande de l'indépendance de la Servie. On ne devine pas sur cet objet les résolutions finales de S. M. Les nouvelles contradictoires sur les négociations à Giurgevo ont fait éprouver à la bourse des variations étonnantes dans le cours du change. On m'assure que le reis effendi se trouve actuellement à Bucarest pour terminer les négociations avec M. d'Italinsky, et que le général Koutouzoff continue d'avoir son quartier-général à Giurgevo. On m'assure que les difficultés à lever tiennent à si peu de chose que l'Empereur doit avoir dit être mécontent de ce que les négociateurs n'ont pas pris sur eux de les terminer. L'Empereur a avoué avoir fait une faute de n'avoir pas pressé la paix dès le printemps passé: „J'espère“, a-t-il ajouté, „la réparer dans ce moment“.

La nomination du ci-devant ministre de la marine, Tchitchagoff, au Grand Conseil attaché, d'après l'oukaze, à la Personne de l'Empereur, a déplu à la majorité du public. Ses opinions sont très suspectées, il affecte dans ce moment-ci une haine contre le gouvernement français, dont il a été il y a deux ans l'admirateur le plus enthousiaste.

Depuis l'arrivée du dernier courrier à M. le comte de Lauriston il y a plus de vingt jours, il ne cesse de presser le comte de Romanzoff de donner une réponse aux propositions qu'il a été chargé de faire. On dit qu'elles se réduisent: *a)* au désarmement réciproque, *b)* au brûlement des denrées coloniales, *c)* à la révocation du Tarif, *d)* à un arrangement définitif et un dédommagement pour le Duché d'Oldenbourg. Le comte de Romanzoff, me dit-on, diffère sous différents prétextes le départ du comte de Nesselrode, chargé de la réponse à ces propositions. L'Empereur veut attendre la nouvelle de la paix avant de se déclarer vis-à-vis de la France.

Le prince Casimir Lubomirsky, qui avait été envoyé en Angleterre, ainsi que j'eus l'honneur de l'annoncer à V. E. dans le temps, distingué pendant son séjour ici par S. M., comblé d'éloges les plus flatteurs, vient de quitter St-Pétersbourg très mécontent de l'Empereur. Une affaire de galanterie, à laquelle la police a donné de la publicité, a été le motif apparent du refroidissement de S. M. envers lui. Il eut à son audience de congé une explication dans laquelle il ménagea si peu le chancelier, que l'Empereur se crut obligé de le rappeler à la modération. Il s'était engagé à une levée en masse des gentils-hommes de la ci-devant Pologne; longtemps S. M. semblait goûter ce projet, mais, le prince voulant avoir un ordre par écrit, jamais l'Empereur n'y voulut consentir, et le prince est parti très dégoûté de son séjour à St-Pétersbourg et des affaires auxquelles il avait été appelé par S. M. Elle-même. Il croit que Mme de Narychkine, avec laquelle il s'est brouillé, l'a desservi. Pour moi, je suppose que l'exécution de son projet, qui ne pouvait avoir lieu qu'à l'explosion d'une guerre, a été contrariée par des personnes jalouses de la grande confiance que l'Empereur lui a témoignée.

On dit que le prince Adam Czartoryski est appelé, mais qu'il se défend de venir sous prétexte de santé.

Le général Armfelt a achevé son travail avec l'Empereur par lequel S. M. consolide à la Nouvelle Finlande son ancienne constitution, et qu'Elle l'a accordée également à l'Ancienne, au grand mécontentement de beaucoup de russes qui y ont des possessions. Armfelt paraît être en faveur, et a son jour de travail avec S. M. comme les autres ministres.

Le comte de Romanzoff m'a confirmé la nouvelle que l'on travaillait actuellement en Suède à l'organisation de soixante mille hommes, pour lesquels on négociait en Angleterre les secours pécuniaires nécessaires. Il ne m'en dit pas davantage à ce sujet; mais je sais par une voie sûre que les négociations avec la Cour de Londres sont arrêtées par la difficulté que fait cette Cour de garantir à la Suède la possession de la Norvège, qu'il y avait encore en Angleterre un parti puissant pour le Danemark, mais qu'on ne désespérait pas de voir heureusement conclure cette négociation.

28.

13/25 janvier 1812.

J'ai l'honneur de transmettre à V. E. le rapport que m'a fait M. le conseiller de Lebzeltern sur les deux conversations dont j'ai fait mention dans ma dépêche № 4, remise par le baron de Bühler *). V. E. y trouvera, outre les détails d'une conversation très intéressante et qui caractérise l'Auguste Interlocuteur, des réflexions de M. de Lebzeltern sur la politique de ce gouvernement, sur les finances, sur l'état militaire, et qui, je me flatte, vous contenteront, Monsieur le Comte, et auxquelles j'ose prier V. E. de vouer quelque attention. Je me complais à y trouver les mêmes vues sur ce pays, qu'il a eu le temps de connaître, et sur les personnes influentes, qu'il apprécie à leur juste valeur, et, d'après l'opinion avantageuse que j'ai de ses talents et de son habitude à juger les hommes et à pressentir les événements, je me félicite de me rencontrer avec lui à peu près sur tous les objets.

Отчетъ графа Лебцельтерна графу Сенъ-Жюльенъ о разговорѣ съ Императоромъ Александромъ I.

St-Pétersbourg, ce 2/14 janvier 1812.

J'eus l'honneur de vous informer, Monsieur le Comte, de l'entretien qui eut lieu hier à la Cour entre M. le chancelier et moi. Néanmoins, comme il est en liaison avec les objets que j'expose ci-après, je le rapporterai dans son intégrité. Il m'était revenu depuis plusieurs jours que le ministre de Bavière confiait en secret à tout le monde les nouvelles qu'il avait reçues de sa Cour, portant que la France nous offrait des provinces (le Littoral, la Carinthie et la Croatie) pour nous attirer à elle, que notre ministère avait paru enclin à agréer ces propositions et que le seul comte Wallis s'y était fortement opposé, répondant que, si l'on augmentait l'armée d'un homme et si l'on entrait dans un arrangement avec une puissance quelconque qui pût compromettre la tranquillité parfaite de la Monarchie, il ne répondait plus du succès de ses mesures financières. J'appris plus tard que le chevalier de Bray avait reçu et colportait la nouvelle que l'on nous proposait de la part de la France une alliance défensive dans le but de réunir nos efforts à ceux des Français contre le premier attaquant, représentant la même tendance dans notre ministère à entrer dans les vues de Napoléon fortement appuyée par le prince Schwarzenberg et la même opposition de la part de notre ministre des finances.

Outre ces données, la plupart des lettres de Vienne apportées par le dernier courrier annonçaient des nouvelles plus ou moins divergentes quant aux détails, mais abondant dans le même sens, surtout celle de Mme de Rombec à la princesse Dolgorouky. Je dois excepter ici la lettre de la prin-

*) Настоящаго изданія № 29 (см. стр. 495).

cesse Bagration à son père, rédigée avec infiniment de sagesse et parfaitement coïncidente à notre déclaration.

Deux considérations semblaient dériver de ces nouvelles multipliées et répandues avec affectation par les ministres de la Confédération à Vienne, toujours disposés à glaner avec plus de précipitation que de discernement les notions de tout genre dont le pavé de cette capitale leur offre une si riche moisson: 1° qu'il peut y avoir eu des propositions de faites par la France, et, dans l'attitude de cette monarchie, c'était naturel; mais nous ne les connaissons pas et nous nous tenons à la déclaration simple et positive articulée le 22 décembre, que l'indépendance de l'Autriche de tout engagement *„contre* ou *„en faveur* d'une puissance quelconque est complète"; 2° que cette déclaration eût paru très satisfaisante à cette Cour, si toutes ces nouvelles n'étaient venues assaillir à la fois l'esprit naturellement méfiant de l'Empereur. Dès lors il a pesé et analysé ces expressions, et, s'il y a trouvé une garantie de la politique de l'Autriche dans le moment actuel, il n'y a relevé aucune rassurance pour le moment d'après, et, dans son état d'agitation, il les a jugées trop vagues pour pouvoir le calmer.

J'étais certain qu'on accorderait beaucoup moins de valeur à ces expressions, grâce aux circonstances étrangères dont elles ont été accompagnées, et je ne me suis pas trompé. V. E. leur a donné tout le prix qui dépendait d'Elle, sans en altérer l'esprit ou la substance, soit envers M. de Kochéleff, soit envers M. le chancelier, mais il n'était pas en Son pouvoir de balancer l'impression fâcheuse reçue simultanément de plusieurs côtés, et il faudrait peu connaître la carte du pays et les individus pour ne pas juger que ces rapports porteraient coup.

M. le chancelier se répandit envers moi en compliments dont il veut bien être toujours prodigue à mon égard, et il me témoigna le regret de ne pas me voir, „pour les affaires même", dit-il, „puisque je pourrais vous dire „de confiance ce que je ne puis prononcer officiellement". Répéter ces phrases banales et ses compliments serait trop fastidieux et d'aucun intérêt. Il me dit qu'il avait vu V. E. et que vous lui aviez lu une dépêche de la Cour: — „Dont „je me flatte que vous avez été très satisfait", lui répliquai-je. „Mais, pas „trop! C'est bien vague, surtout dans un moment où nous avons tout lieu „de craindre que votre Cour ne soit à la veille de prendre un parti peut-être „contraire à ses propres désirs". — J'affectai une surprise extrême et appuyai sur la précision et la franchise d'une déclaration qui ne devait laisser aucun doute sur notre attitude politique et qui excluait par le fait l'existence de nouveaux engagements quelconques.

— „Oui, mais nos avis portent que la France vous presse infiniment et „que vous n'étiez pas très décidés sur le parti que vous prendriez par la „suite: peut-être vous trouveriez-vous entraînés par les circonstances contre „votre propre inclination".

— „Je ne puis vous répondre à cela que deux choses, Monsieur le Comte: „1° que je regrette beaucoup qu'un homme d'état comme V. E. puisse donner „quelque valeur à ce que des impitoyables écrivailleurs ramassent dans les

„sociétés de Vienne, car nous connaissons leur existence et n'ignorons pas que „ce sont d'infatigables colporteurs des fagots dont cette ville abonde plus que „si c'était un port de mer; 2° qu'il m'est pénible de voir que vous placez tous „ces avis sur la même ligne avec la déclaration positive qui vous a été „faite, quand? Le 22 décembre, date la plus récente que l'on ait ici „de Vienne! J'aperçois dans ce procédé peu de confiance dans la sincérité de „notre Cour".

— „Nous avons une parfaite confiance dans les principes de votre Cour, „nous ne lui avons rien dissimulé sur notre position et nous n'en exigeons „rien, excepté un retour de cette confiance. Nous n'engageons pas les puis-„sances à faire quelque chose pour nous, mais, en leur laissant la liberté d'agir „d'après leurs intérêts, nous leur disons ce que nous ferons et nous leur de-„mandons seulement de nous dire à leur tour avec franchise la ligne qu'elles „suivront".

— „Nous vous avons répondu, Monsieur le Chancelier, avec sincérité, avec „plus de sincérité peut-être que la Cour de Russie n'aurait de justes motifs de „s'y attendre de notre part; mais ou l'on persiste à nous mal comprendre, ou „je vois avec peine que l'on tâche d'affaiblir l'impression que nos ouvertures „auraient dû produire: et sur quoi peut-on s'appuyer? Sur des rapports parti-„culiers envoyés de Vienne et dictés par l'ignorance des affaires et, j'ajoute, „par l'inconsidération? Ou sur des bruits répandus par des personnes tierces, „dont le but ne devrait pas échapper à la pénétration de V. E.?"

— „Je vous prie de croire que ce n'est point de Vienne seulement que „nous parviennent ces rapports, mais d'autre part, et assez détaillés pour qu'ils „excitent quelque doute ou plutôt pour arrêter momentanément notre croyance „et exiger de nous que nous cherchions à voir plus clair dans cette question. „Les intérêts des Cours peuvent varier et les conduire dans des lignes diffé-„rentes: aucun rapport, de quelque côté qu'il vienne, ne devait balancer le „prix de la déclaration que V. E. a reçue si récemment, s'il n'existait déjà des „germes de méfiance et d'inquiétude dans l'esprit de l'Empereur; et c'est là „ce qui me frappe et me peine, après toutes les preuves que, depuis la mémo-„rable époque de 1809, cette Cour n'a cessé de recevoir de notre côté. La „politique de notre Cabinet n'est point versatile, notre système ne varie pas „d'après les circonstances du jour, c'est ce dont j'aurais désiré voir qu'on „entretînt ici la conviction la plus intime. Notre système est fondé sur les inté-„rêts de la nation, sur la dignité du Souverain; la fixité de nos principes n'a „jamais été méconnue et pleine foi doit être ajoutée à ce que nous disons. „Cette Cour a toujours connu toute notre pensée et, entre nous soit dit, Mon-„sieur le Comte, qu'a-t-elle fait pour nous y engager?"

M. le comte de Romanzoff, qui saisit toutes les occasions pour m'assurer que le seul vœu qu'il forme est que l'Autriche reprenne de l'embonpoint, avait pris la parole pour me répondre, lorsque le grand maréchal comte de Tolstoï l'appela pour aller à la rencontre de la Famille Impériale au sortir de la chapelle. J'en eus du regret, puisque je n'aurais pas manqué de lui parler de l'affaire du payement.

Кончина Императора Александра I

Au cercle, S. M. m'adressa la parole, contre l'usage; Elle ne parle ordinairement qu'aux ministres. Le soir, il y eut bal masqué, où 15 mille personnes de toute classe [illegible] furent invités au souper de l'Ermitage ainsi que les consuls de France et de l'Amérique. Je fis quelques observations à des individus de la Cour sur la singulière étiquette qui, admettant les membres subalternes du Corps diplomatique à l'honneur d'être présentés à Leurs Majestés, les excluant du souper très nombreux de l'Ermitage, étiquette qui devenait doublement singulière dès que deux simples agents des relations commerciales y étaient admis.

Ce matin, je revenais de chez le général Pardo; il m'avait confirmé tous les bruits qui couraient en ville à notre égard en m'indiquant leur source; il me dit aussi que le refus fait à Paris de donner les passeports à Labensky, quoiqu'on les eût promis, et surtout le motif allégué par l'Empereur Napoléon, avaient fort indisposé l'Empereur Alexandre, que depuis quelques jours il croyait à une attaque prochaine, etc., etc. Je rencontrai l'Empereur sur le quai devant le Palais d'Hiver. Il m'aborda, comme il daigne le faire constamment, et me dit qu'il n'avait jamais regretté l'étiquette autant qu'hier, puisqu'elle l'avait privé du plaisir de me voir à l'Ermitage, et qu'il y avait pensé avec regret. Je l'assurai que le souvenir bienveillant qu'il daignait m'exprimer me compensait bien de la privation que j'avais éprouvée de lui faire ma cour, etc. Après quelques propos personnellement obligeants, il me demanda si j'avais des nouvelles. Je prévis son intention de me parler d'affaires et lui répondis que je n'en avais point, que c'était à S. M. à m'en donner si Elle daignait me faire cette grâce *).

„Mais vous devez en avoir de Vienne".

— „Pas d'autres que celles communiquées par M. le comte de Saint-„Julien à M. le chancelier et qui étaient, je me flatte, d'une nature à satis-„faire V. M.".

— „Pas trop! Voulez-vous vous promener avec moi, nous en parlerons".

— „Je suis aux ordres de V. M.".

„Pas trop! Vos expressions étaient bien vagues pour le moment actuel „et pas très rassurantes surtout, tandis que nous recevons coup sur coup des „nouvelles qui nous font douter que vous persistiez dans la même attitude".

— „La déclaration que M. de Saint-Julien a articulée à M. de Romanzoff „était à mes yeux bien franche, bien sincère et bien positive, et il est fâcheux „que des fagots ramassés à Vienne et transmis ici soit par un excès de zèle, „soit dans des intentions préméditées, puissent avoir affaibli le prix qu'elle „devait avoir aux yeux de V. M.".

— „Je ne crois pas des fagots. Si j'avais reçu ces nouvelles de Paris, je „n'y aurais fait aucune attention, mais c'est d'autres lieux et de Vienne même „qu'elles me sont parvenues".

---

*) Je savais qu'il était arrivé dans la nuit un courrier à l'ambassadeur de France et que le gouvernement avait reçu par cette voie des dépêches du prince Kourakine.

(Прим. гр. Лебцельтерна).

— „Pardon, Sire! Si V. M. connaissait le parler franc, et j'avoue, le plus „souvent absurde, qui existe dans cette capitale, Elle ne donnerait pas la „moindre valeur à aucun rapport provenant de Vienne, excepté à ceux de „Son ministre. Quant aux nouvelles qui viennent d'autres lieux, V. M. peut „croire qu'elles ont le même but et la même tendance que si elles étaient „mandées de Paris. Mais, Sire, je crains bien qu'à Pétersbourg même il „n'existe soit un parti, soit des individus qui tâchent de donner à V. M. de „fâcheuses impressions sur notre loyauté et notre sincérité, et il me serait „pénible de croire qu'Elle puisse y prêter l'ouïe et que leurs suggestions „l'emportent sur les preuves nombreuses qu'Elle a reçues de l'amitié et de „l'attachement de l'Empereur d'Autriche".

— „Je n'écoute personne. Pour celui qui dirige les affaires, je sais qu'on „ne lui accorde pas de la confiance et que l'on croit qu'il travaille dans un „mauvais sens, mais on se trompe sur ses principes: le fait et le temps „prouveront qu'il n'agit pas dans le sens que l'on suppose *). Au reste, quant „à mes liaisons avec la Cour d'Autriche, ce n'est pas lui assurément qui les „troublerait; il a toujours travaillé au contraire pour le rétablissement de ces „liaisons". (Il avait l'air d'attendre ma réponse).

---

*) Il me revient de plusieurs côtés que M. le chancelier, pressentant le risque qu'il court de perdre sa place et ne se jugeant pas assez fort pour continuer à lutter contre la voix générale et unanime de la nation, a changé tout à coup de langage, qu'il affecte de paraître aux yeux de son Maître et dans ses dernières relations antifrançais, qu'il a exposé à l'Empereur que, puisqu'il voulait à tout prix faire la paix avec la Porte, il suppliait S. M. de lui laisser la direction des négociations et qu'il s'engageait à les conduire sous peu à un heureux terme, que, cette grande œuvre une fois terminée, il priait S. M. de disposer de lui comme Elle le jugerait convenable. Il est certain que ce ministre, après avoir entravé souvent la marche des négociations suivies précédemment par l'Empereur et le général Barclay de Tolly, s'en est emparé.

Persévérant dans son opiniâtreté à se maintenir en place, il obtiendra peut-être ce résultat funeste, puisque c'est à lui seul et à l'animadversion qu'on lui voue que l'on doit principalement attribuer la désunion entre les membres du gouvernement et le décousu dans les diverses parties de l'administration. Si l'Empereur, avec les qualités essentielles qui le distinguent, avait un ministre homme d'Etat, la face des affaires changerait du tout au tout et serait propre à inspirer de la confiance. Mais aujourd'hui l'esprit de parti domine. L'Empereur, qui a lui-même avili son chancelier, veut tout faire seul et tout embrasser; activité pernicieuse, dont il résulte que les grands intérêts sont le plus souvent arrêtés par des objets de détail ou insensiblement subordonnés à ceux-ci. Enfin ce ministre a toujours le degré d'influence que donne l'habitude, insuffisante pour tracer à l'Empereur une ligne de conduite sage et éclairée, supposant que le comte Romanzoff fût homme à la concevoir, mais par contre suffisante pour engrainer la marche des affaires et poser une pierre devant la roue, lorsqu'elle ne tourne pas dans son sens.

Au reste, je dois réitérer ici une supposition que j'exprimai il y a plusieurs mois. L'Empereur n'aura pas été fâché en diverses occasions de se servir du chancelier comme d'un paravent, dans les objets où S. M. craignait de s'attirer quelque blâme ou dont les résultats Lui paraissaient incertains. Elle sait qu'une réussite Lui aurait été attribuée, et le blâme ne pouvait manquer de retomber sur le chancelier.

Quoique ce ministre paraisse reprendre quelque crédit sur l'esprit de son maître, il en reçut il y a deux jours une mortification, le chancelier ayant dû écrire à son corps défendant et sous la dictée de l'Empereur le rescrit honorable qui remettait le cordon de St-Alexandre à M. de Spéransky, son plus mortel ennemi. *(Прим. гр. Лебцельтерна).*

— „Sire, je ne me permets de nommer ni d'indiquer personne, le fait me „prouve que l'on cherche à donner de fâcheuses impressions à V. M., et c'est „ce que je regrette“.

— „Mais non, voyons! quelle est votre réponse? Qu'a dit M. de Saint-Julien „au chancelier?“

Je répétai les expressions de la dépêche.

„Vous m'avouerez“, dit-il, „que c'est très vague, que cela n'exclut pas „que dans quinze jours vous ne vous laissiez entrainer par la France et que, „lorsque je reçois coup sur coup des nouvelles qui me laissent incertain sur „l'avenir, ces expressions ne peuvent guère me rassurer! Je vais vous donner „une grande preuve de confiance: voici ce qu'on m'écrit, jugez vous-même“.

L'Empereur me fit un récit clair et distinct des prétendues démarches de la France. L'Empereur Napoléon nous présentait plusieurs alternatives sur le danger pour nous de rester neutres, sur ce que nous aurions à gagner réunis à la Russie, supposant que la France eût le dessous, sur les avantages qui nous reviendraient si, réunie à la France, la Russie était battue, et sur les risques auxquels nous nous exposerions si, réunis à la France, elle eût cependant du malheur et si, réunis à la Russie, celle-ci fût écrasée. Cette démarche, fortement appuyée par quelqu'un (je présumai que l'incognito était le prince de Schwarzenberg), a été débattue au Conseil: l'Empereur d'Autriche et le comte Metternich penchaient pour les vues de la France, mais le ministre des finances a arrêté les résolutions. (Ce récit, où l'Empereur entra dans des détails fort amples, me prouva que ces notions n'étaient point puisées dans des lettres particulières, mais qu'elles provenaient de dépêches officielles raisonnées; elles en portaient le caractère) *). Ensuite l'Empereur me parla de divers armements faits sur plusieurs points de la Monarchie, qui n'annonçaient pas seulement la formation d'un corps d'observation, mais quelque chose de plus sérieux **):

---

*) Une des notions reçues par l'Empereur, mais dont il ne m'a point parlé, est que la France, en nous offrant la restitution des provinces cédées par le traité, demandait que le prince Schwarzenberg eût le commandement de l'armée autrichienne qui devait agir avec les Français, que M. le comte de Metternich séjournât à Paris comme ambassadeur, que M. le prince de Trautmannsdorf eût pendant cet intervalle le portefeuille, enfin que S. A. I. M. l'Archiduc Charles fût replacé à la tête du Conseil de guerre. *(Прим. гр. Лебцельтерна).*

**) C'est le prince Bagration, commandant l'armée d'avant-garde, qui, sur les rapports de ses espions en Galicie et en autres lieux, a transmis ici des notions qui doivent être fort exagérées sur le nombre de troupes que nous envoyons dans cette province et sur le rassemblement de corps en Bukovine et en Hongrie.

Quant à cet article, notre marche est dictée par la connaissance que nous avons du fait. Il faut nous attendre, à mesure que la crise approchera, à voir les alarmes de la Russie devenir plus vives, à moins que nous ne tenions un langage complètement analogue à ses vues. Mais, quand même nous nous verrions harcelés par des méfiances et des doutes plus injurieux qu'amicals, l'intérêt de notre Cour, jusqu'à nouvel ordre, demande que, sans nous arrêter aux alarmes vraies ou feintes de cette Cour, V. E. s'applique à les détruire patiemment avec l'arme de la bonne foi, sans mettre de refroidissement dans nos relations avec elle. Le succès de cette arme peut être tardif, mais pas douteux, et rien ne doit nous presser ou nous inquiéter.

(Прим. гр. Лебцельтерна).

„Jugez d'après cela si je ne puis être content d'une déclaration qui ne me „rassure que sur le moment où elle a été faite!"

„Sire, je trouve dans cette déclaration même la réfutation de tout, et des „motifs de rassurer complètement V. M. Je n'exclus point que la France voue „tous ses soins à nous attirer à elle, elle joue son jeu: je vous donne ma „parole que nous n'en savons rien, mais je veux admettre le cas comme pro-„bable, comme un fait même. Daignez remarquer l'époque où nous vous disons „avec toute franchise et candeur que nous sommes complètement indépendants „de tout engagement avec une puissance quelconque, et que notre attitude „politique est la même: c'est le 22 décembre, dernière date de Vienne, que „nous vous le déclarons. N'est-ce pas assez vous exprimer que, quelques ten-„tatives qu'on ait faites près de nous jusqu'ici, nous y avons été impassibles, „qu'elles n'ont pu varier notre système? N'est-ce pas prévenir encore, comme „nous l'avons fait constamment, les inquiétudes qu'auraient pu exciter dans „l'esprit de V. M. les bruits qui couraient et que l'on ne pouvait ignorer à „Vienne? Pouvions-nous jamais supposer, après notre conduite franche et loyale „depuis 1809, après tant de preuves réitérées de notre intérêt sincère pour „V. M., qu'Elle pût hésiter un instant à ajouter toute confiance à nos assuran-„ces? Quant au bruit de nos prétendus armements, je puis d'avance assurer „V. M. qu'il est faux. Je suis persuadé qu'il n'y a aucun mouvement de troupes „chez nous: tout au plus enverra-t-on quatre ou cinq régiments en Galicie, ce „qui n'est qu'une mesure purement administrative et précautionnelle sur une „partie de nos frontières dégarnie et qui risque d'un moment à l'autre de voir „les feux de la guerre s'allumer dans son voisinage *). Il y a une politique „loyale qui exclut toute duplicité; c'est celle qui a toujours caractérisé notre „Cabinet, et, si je forme un vœu ardent, c'est que V. M. sente bien tout le „poids de cette vérité, qu'Elle nous accorde de la confiance et bannisse toute „idée désavantageuse et injuste à notre égard".

„J'ai une parfaite confiance en votre Souverain, dont j'admire les vertus. „Je connais personnellement le comte Metternich et j'ai toujours eu une haute „opinion de ses talents et de ses principes, je les ai toujours crus excellents".

---

*) M. le comte de Stackelberg, dans ses dernières dépêches, a représenté l'envoi des régiments en Galicie sous le même aspect que nous. A moins que ce ministre n'adopte un langage différent dans la double correspondance qui suit ici, ce qui n'est aucunement à supposer, il a toujours travaillé dans le meilleur sens, étant pénétré de notre situation et de la sagesse qui dicte les vues et les démarches de notre Cabinet. Il est trop estimable pour que cette assertion ait besoin d'être appuyée par des preuves, sans quoi je citerais les efforts que continue à faire M. le chancelier pour le déplacer. L'on ne pense plus à Alopeus, mais l'on y destine peut-être M. de Liewen, M. de Tatischeff ou le prince Repnine. Aucun de ces individus n'est fait pour cette place, et, persuadé qu'aucun ministre ne pourrait convenir à notre Cour autant que M. de Stackelberg, peut-être V. E. jugera-t-Elle à propos de provoquer près de notre ministère l'autorisation de travailler avec la circonspection et la mesure nécessaires à contrecarrer les intentions de M. le chancelier à cet égard. Le dernier exprime qu'il ne prétend point dire que M. de Stackelberg serve mal l'Empereur à Vienne et qu'il n'ait pas des qualités très estimables, mais qu'il écrit peu et ne travaille pas assez dans le sens de sa Cour.

L'Empereur estime particulièrement le comte de Stackelberg, et jusqu'ici il tient ferme à son égard. *(Прим. гр. Лебцельтерна).*

„J'aimerais entendre que V. M. s'exprimât au présent et non au temps „passé à l'égard de ce ministre".

„Mais oui! j'ai la même opinion et beaucoup d'estime pour lui: cependant il y a des circonstances où quelquefois on se laisse entraîner contre ses „penchants".

„Sire, le ministre de S. M. l'Empereur mon Maître voit bien juste et „clair dans toutes les questions. Il n'est ni français, ni anglais, ni d'aucune „nation: il est zélé autrichien, et agit comme tel. Ses penchants ne peuvent „être qu'analogues aux intérêts de la nation et de son Souverain. Il dit à „V. M. que notre Cabinet est dans une indépendance complète; cette assurance „vous dit tout et caractérise parfaitement ce ministre et sa conduite politique „depuis qu'il a la direction des affaires, si V. M. veut bien y réfléchir. Au reste, „je La supplierai de récapituler la conduite de notre Cabinet depuis 1809, et, „depuis le mariage, la dignité de nos démarches, les preuves de confiance et „d'amitié prodiguées à la Russie, et notre empressement à prévenir ses inquiétudes et ses désirs. Et, il faut l'avouer, Sire, nous n'avons guère à nous „louer de la même confiance de la part de ce ministère, sauf quelques entretiens où V. M. a mis de l'abandon envers M. de Saint-Julien: mon Auguste „Maître y a attaché un prix infini et vous a payé de retour par la franchise de „Ses communications. Notre attitude politique, Sire, est déterminée par la situation où nous a laissés une époque que je répugne à rappeler; elle est basée „sur les intérêts de la nation, sur la crise où nous nous trouvons maintenant, „à la suite d'une mesure vaste, énergique, indispensable, et qui doit réussir, „sans quoi elle aurait compromis la prospérité nationale et le crédit du gouvernement. Nul doute que nous n'ayons joint à ces grandes considérations „celle que nous inspire notre amitié ancienne et constante pour la Russie, et „que ses intérêts n'aient influé puissamment jusqu'ici sur notre marche politique".

— „J'aime à rendre justice aux sentiments de votre Cour à mon égard, et „je sens votre situation: aussi n'ai-je rien exigé de vous qui pût la compromettre. Je ne vous ai pas demandé de vous réunir à moi, mais, vous disant „ma pensée tout entière et vous laissant toute liberté d'agir d'après vos intérêts, j'ai seulement engagé votre Cour à m'ouvrir également sa pensée et à „me dire ce qu'elle se propose de faire. Est-ce donc lui tant demander, et la „confiance que je lui ai témoignée n'exigeait-elle pas plus de retour?"

„V. M. m'excusera si j'observe avec peine que, s'il y a eu des moments „de confiance, il y a eu aussi de Sa part, du moins en apparence, une teinte „marquée de méfiance en plusieurs occasions".

„En quoi? J'ai décrit au comte de Saint-Julien ma position sans réticences. Le comte Schouwaloff fut chargé de proposer à votre Cour un rapprochement et de s'entendre avec moi *). Alors il y eut des difficultés, cela ne put

*) L'Empereur revint plusieurs fois sur l'objet de la mission du comte de Schouwaloff et sur ce qu'on n'avait plus jugé convenable de l'écouter, quoique d'abord on y eût paru disposé. Ce changement de langage chez nous après le retour de S. E. M. le comte de Metternich de Paris excita dès lors des inquiétudes à cette Cour, et je ne doute pas, d'après mes entretiens

„s'arranger, ou l'on crut chez vous ne pouvoir plus l'écouter. Ensuite j'écrivis „à l'Empereur une lettre longue, trop longue peut-être, et qui l'aura ennuyé, „mais il m'importait de lui confier toute ma pensée: mes propositions ne con-„vinrent pas. J'expliquai au comte de Saint-Julien le système auquel je me „suis arrêté"...

— „Pardon, Sire, si j'ose vous interrompre, mais V. M. glissa sur la ré-„ponse que l'Empereur d'Autriche Lui a faite: cependant elle contenait les preuves „les plus évidentes de notre partialité pour les intérêts de la Russie et de nos „désirs de lui être efficacement utiles. Vos propositions, Sire, portaient sur des „objets non admissibles, et l'Empereur d'Autriche répondait à V. M. par de „doubles offres de bons offices qui étaient autant de garants de nos sentiments. „Je fus moi-même porteur d'offres importantes; V. M. les a accueillies avec „indifférence et M. le chancelier y a à peine répondu par quelques phrases „polies, mais inconcluantes".

— „J'ai été sensible à ce procédé de votre part, très sensible, mais la chose „n'aurait pas réussi; cette affaire ne pouvait s'arranger par l'intervention d'un „tiers. J'en dis alors quelque chose à Paris, et l'on y fit sentir que l'on ne „verrait pas volontiers que cette affaire s'arrangeât moyennant une intervention „étrangère, que c'était superflu".

---

avec M. de Schouwaloff à cette époque, qu'afin de s'excuser de la non-réussite de sa mission, dont il avait peut-être exagéré l'heureux début, il en ait rejeté la faute sur les sentiments personnels de M. le comte de Metternich, et se soit mis ainsi à couvert. J'en doute d'autant moins, que M. de Schouwaloff, doué de qualités très estimables, mais n'en ayant aucune nécessaire pour suivre une négociation, avait conçu du dépit de ce que *les assauts réitérés* qu'il livrait au ministre ne lui rendaient pas la place: ses démarches ne pouvaient se comparer qu'à des assauts tentés de vive force.

La méfiance de S. M. à notre égard a encore été nourrie par le sentiment intérieur de Sa conduite pendant la dernière guerre, dont Elle n'a pu croire longtemps que nous eussions déposé tout ressentiment, par la jalousie qu'Elle nous a supposée relativement aux Principautés, et cette jalousie a été entretenue par M. le chancelier, qui nous regardait comme une barrière opposée à la réussite de son projet favori, si heureusement avorté par sa propre faute. Il nous a toujours représentés comme excitant la Porte à la résistance et au maintien du principe de l'intégrité du territoire Ottoman, et aujourd'hui même, afin peut-être de la compromettre avec nous, il nous laisse connaître qu'il doit aux Turcs des confidences de cette nature. Cette méfiance de la Russie s'est accrue par les soupçons qu'elle conçut à notre égard à la suite des liaisons avec la France qui succédèrent aux événements de 1809 et du séjour prolongé de notre ministre des Affaires étrangères à Paris.

De notre côté, le peu de complaisance de la Russie envers nous dans plusieurs affaires, surtout lors de la cession du district de la Galicie qui lui fut accordé par notre traité avec la France, le froid et la méfiance avec lesquels nos communications les plus franches et amicales furent accueillies, le peu d'adresse du ministère russe à nous faire valoir ses sentiments lorsque nous lui offrîmes nos bons offices près de la Porte et de la France (occasions qu'on eût pu mettre avantageusement à profit sous plusieurs rapports), l'insuffisance des ouvertures de ce ministère, qui ne posaient que sur des principes généraux, vagues et point développés, enfin la marche politique des deux Cours, aussi divergente que leur situation était diverse, sont autant de motifs qui ont pu glisser une espèce de tiédeur dans leurs relations. L'amitié rétablie entre elles n'eut *point d'appui*. Il est vrai qu'elles auraient un intérêt commun immense relatif à la conservation de leur indépendance, dont l'avantage est mutuel, mais sur lequel elles ne se sont pas entendues, étant d'ailleurs respectivement dans une attitude sinon équivoque, du moins dont les éléments sont si peu analogues entre eux.

— „Je suis ravi de la communication que me fait V. M., parce que j'ignorais l'existence de cette participation et parce que j'en retire une preuve de „plus qui n'échappera pas à la pénétration de V. M., combien les intérêts de „la Russie et les soins que nous lui avons constamment voués nous ont „exposés alors, et qu'ils l'emportaient sur toute autre considération. V. M. me „parlait de Son système et de ce qu'Elle avait confié au comte de Saint-Julien".

— „Je le répète", dit-il, „je suis persuadé que l'Empereur d'Autriche a de „l'amitié pour moi et qu'il désire du bien à la Russie. D'ailleurs nos intérêts „sont communs: si cet Empire succombe, quelle serait la position de l'Autriche „et à quels dangers ne serait-elle pas livrée? Aussi je sens très bien qu'elle „aurait désiré l'éloignement de la guerre, j'y reconnais sa sagesse et sa modération; je le désire aussi, mais cela ne dépend pas de moi, elle doit „aujourd'hui en être bien convaincue. On croit à Vienne que je suis très „indécis, que mon système n'est point fixé, et l'on se trompe bien, je n'ai „point varié d'une seule ligne dans ma marche et n'en varierai point" *). Ici l'Empereur me répéta avec clarté et précision tout ce qu'il a dit à diverses époques à V. E. sur les atteintes portées par la France au traité de Tilsit, sur la modération qui avait dicté la protestation relative à Oldenbourg, sur sa volonté constante d'éviter la guerre et l'esprit conciliant qu'il avait déployé

La Russie armée, prête à éclater, ne songe depuis une année qu'aux moyens de repousser avec vigueur l'agression de la puissance formidable dont elle se croit imminemment menacée, mais paraissant suivre encore les errements de son ancien système envers la France dont elle ne semblait briser qu'à regret les liens resserrés par l'habitude, et décelant une mollesse ou plutôt une vacillation dans sa marche politique qui contrastait avec son attitude militaire, et qui offrait le doute aux yeux des Cabinets européens si elle voulait recouvrer sérieusement son indépendance, ou si elle persistait au fond dans la même tendance que ci-devant. Les puissances les plus intéressées à sa situation ne surent et ne savent peut-être encore aujourd'hui s'expliquer sa conduite et allier les divers points de vue contradictoires qui ont paru la dicter.

L'Autriche, après avoir soutenu avec honneur et presque seule sur l'arène vingt années d'une lutte terrible et désastreuse, était fatiguée et désarmée; elle avait besoin d'un repos parfait pour se réorganiser, et ne s'appliquait qu'à éloigner une complication dangereuse où sa position dans toutes les alternatives deviendrait bien délicate et où elle risquerait de perdre les fruits de sa politique, de ses soins et de sa marche sage et uniforme.

Telle était en février 1811 l'attitude différente des deux Cours, lorsque les armements de la Russie, préparés de longue main, atteignirent un trop grand degré de développement pour pouvoir rester secrets et qu'elle nous fit une déclaration vague de ses principes politiques. Je ne me permets pas d'ajouter ici d'autres considérations et me borne à observer que, dans cette situation respective, c'était à la Russie à user de tous les ménagements possibles envers l'Autriche, à modifier son propre système politique pour se rapprocher du nôtre, et à vouer tous ses soins à ne pas nous jeter par sa marche accélérée et hors de temps, ou par ses procédés à notre égard, dans une ligne diverse de celle que nous voulions suivre et suivons jusqu'ici avec tant de constance.

La Russie pouvait-elle ou devait-elle modifier son système? Cette question serait susceptible de grands développements, mais il est aisé de prouver qu'elle le pouvait par une politique sage, modérée et simple, mais ferme, telle qu'elle convient à un grand Empire. Il aurait dû paraître en Europe comme un rocher, contre lequel seraient venues se ranger et s'abriter les puissances moins fortes dont l'existence eût été menacée. *(Прим. гр. Лебцельтерна).*

*) L'Empereur appuya souvent et avec l'accent de reproche et du déplaisir sur l'expression, qu'on le croit à Vienne indécis et point fixe dans son système. Il est evident que ses ministres lui ont rapporté cette opinion comme prononcée à Vienne et nous inspirant peu de confiance.

dans ses explications, sur son principe de ne point être l'agresseur et de ne se porter à aucune démarche hostile, etc., etc. „Mais", ajouta l'Empereur, „les intentions de la France étaient trop claires: j'ai dû me préparer, et j'ai „confié à votre Cour l'attitude que j'avais prise. Je suis prêt; si on m'attaque, „je saurai me défendre, je saurai repousser toute agression, enfin je suis prêt „à tout! *) Et, quant aux résultats, je remets les événements entre les mains „de la Providence. L'on ne pourra jamais dire que j'ai provoqué ou désiré la „guerre, et j'espère que votre Cour rendra justice à ma conduite modérée".

— „Mais si la Prusse était attaquée, V. M., qui la regarde peut-être „comme un boulevard de Son Empire, attendrait-Elle cependant que l'ennemi „vînt attaquer Ses frontières?"

Il hésita d'abord à répondre et puis prononça: „Au delà de l'Oder, je „ne puis pas faire davantage aujourd'hui qu'il y a un an. Ils ont Magdebourg „et plusieurs places, ils occupent le Mecklenbourg, etc., etc. Mais en deçà de „l'Oder, s'ils tentaient quelque chose, il est clair que c'est à moi qu'ils en „voudraient, et je l'envisagerais comme un acte hostile commis envers moi".

— „Sire, tout en déplorant l'état de tension qui existe depuis une année „entre V. M. et la France, tout en n'abandonnant pas l'espérance que l'on „puisse encore s'entendre, l'Autriche ne peut que rendre justice aux sentiments „personnels de V. M. et elle regrette peut-être seulement que, dès le commen- „cement, les parties n'aient pu se rapprocher: elle n'a pas omis de soins à „cet effet, V. M. le sait".

„J'ai été très reconnaissant à tous les procédés de votre Cour, mais il „ne dépend pas de moi de changer la nature des choses et de m'arranger. „Je n'ai prononcé aucune plainte contre la conduite de la France, j'ai observé „tous mes engagements: était-ce en les violant et continuant d'immenses pré- „paratifs que la France prétendait en venir à un accommodement?"

— „Ils sont immenses, Sire, et augmentent tous les jours".

— „Je le sais, mais ils ne me trouveront pas au dépourvu, j'y suis préparé. „Je voudrais que vous écriviez tout à votre Cour; loin de me croire de l'indé- „cision et point de fixité dans mon système, elle reconnaîtrait au contraire

---

*) D'après les notions transmises à Vienne par V. E. il y a plusieurs semaines, la Cour de la Russie solde 900 mille hommes, non compris la marine. A en croire les individus les moins exagérés, elle peut compter de 450 à 500 mille hommes effectifs prêts à entrer en campagne, bien armés et équipés. Les flatteurs comptent 600 à 700 mille hommes, mais je préfère de me tenir au minimum. D'après le tableau détaillé que V. E. a envoyé à Vienne en novembre dernier, la force des troupes de ligne montait à 597.580 hommes, les cadres étant au complet. Néanmoins, sans m'écarter du calcul des 450 à 500 mille, j'observerai que la nuée de Cosaques qui est à la disposition de l'Empereur n'y est point comprise. S. M. a beaucoup flatté ces peuples nomades, et le Hetman, outre l'offre de porter à 80 mille le nombre des Cosaques équipés, lui a proposé encore de lever au besoin la nation en masse. L'organisation des commissariats des vivres et fournitures est la partie à laquelle le ministre Barclay de Tolly s'est particulièrement voué, et, dit-on, avec succès; mais c'est de l'application pratique de son système et du choix d'individus intègres que dépendra principalement sa réussite. Ce ministre m'a dit en avoir fait un essai très satisfaisant dans la dernière campagne contre les Turcs, où, les Principautés étant totalement épuisées, les vivres devaient être tirés de l'intérieur de la Russie, et néanmoins l'armée du Danube n'en a jamais manqué. *(Прим. гр. Лебцельтерна).*

„que je n'ai jamais varié dans mes bases, et elle est trop sage et trop juste „pour ne point trouver ma conduite modérée. Après toute la confiance que je „lui ai témoignée, n'exigeant rien d'elle que ce qui convient à ses intérêts et „à sa situation actuelle, je ne lui demande que son opinion et ce qu'elle „compte faire. J'ai écrit à l'Empereur, je lui ai fait témoigner, par Schouwaloff „et en toute occasion, que rien ne me tient autant à cœur que le bien-être „de l'Autriche et qu'elle puisse regagner le degré de prospérité où elle se „trouvait; je le désire pour elle, pour moi et pour le bien de l'Europe".

„Sire, plût à Dieu que V. M. eût toujours nourri à son égard les mêmes „sentiments pour notre bien, pour celui de V. M. et pour celui de l'Europe, „mais, sans revenir sur le passé, croyez, Sire, que nos vœux à votre égard „ne varient pas: nous désirons voir la Russie forte et indépendante *). V. M. „est le pivot sur lequel roulent aujourd'hui les plus hauts intérêts de l'Europe, „dont les yeux sont fixés sur vous, et Elle lui doit le développement de toute „sa sagesse et de sa modération. Les chances que peut amener une guerre „sont innombrables: elles regardent d'autres Etats que ceux de V. M.".

„Je ne me dissimule pas", interrompit l'Empereur, „tous les événe- „ments et les conséquences qui peuvent en résulter. Je ne m'y suis pas exposé „de gaieté de cœur, j'ai fait ce qui a dépendu de moi pour l'éviter, mais, si je „suis attaqué, je suis prêt à me bien défendre". Il me témoigna encore qu'il espérait de la Cour d'Autriche „des rassurances plus explicites, puisque enfin", ajouta-t-il, „dans ma position, elle ne trouvera que juste que j'en demande. „Je ne suis ni ombrageux ni soupçonneux, mais vous m'avouerez que les nou- „velles qui me parviennent de toutes parts sont de nature à suspendre mon „opinion. Qu'elle me dise si elle restera neutre ou si elle agira contre moi, „mais qu'elle me parle avec franchise et loyauté!" **)

---

*) L'Empereur s'est graduellement radouci et sa physionomie offrait plus de sérénité.

(Прим. гр. Лебцельтерна).

**) Il faut avouer que le moindre soupçon que peut concevoir l'Empereur sur notre politique à venir, qu'au fait il ne peut pressentir, doit l'alarmer vivement.

Il a organisé en peu de temps des forces considérables, et, s'il réunissait la force morale à ses forces matérielles, s'il avait des généraux habiles, nul doute qu'il ne fût en état de tenir tête à la France unie à ses alliés et de la repousser loin, surtout avec l'accession de l'armée prussienne, sur laquelle, d'après plusieurs indices quoique encore vagues, la Russie croit pouvoir compter. Mais le plan de l'Empereur, malgré que nous n'en connaissions pas les elements, est évidemment basé sur l'inaction ou la neutralité de l'Autriche. Les armées russes devront agir sur un rayon rétréci, avec une concentration qui constitue leur force principale. Les opérations sont déterminées d'après ce principe, et les Français, supposant qu'ils renversent la première ligne, en trouveront d'autres très fortes à combattre. Les plans portent le caractère défensif, et l'on prend des mesures pour rendre la guerre dans le pays difficile à l'ennemi.

Une incertitude à l'égard de l'Autriche arrêterait l'exécution de tous ces plans. Si l'Autriche se réunissait à la France, la position, aujourd'hui belle, de la Russie deviendrait mauvaise et désastreuse. Plus de concertation, plus de flancs gardés; elle serait vulnérable de plusieurs côtés, son attention, comme ses forces, seraient divisées: tandis que, l'Autriche étant neutre, la Russie, moyennant sa paix avec la Turquie (qui paraît prochaine), peut porter la masse de ses forces vers un seul point, et les trois divisions stationnées en Finlande (de concert avec ses moyens maritimes, excepté en hiver) suffisent effectivement pour observer la Suède jusqu'à ce que la

Je lui opposai les mêmes raisonnements qui se trouvent plus haut sur la valeur et l'époque de notre déclaration, sur la loyauté de notre Cour, ajoutant ces mots: „Au reste, Sire, nous vous avons dit tout ce que nous pou„vions vous dire: c'est à V. M. à exciter notre confiance par la Sienne et „par des procédés plus amicaux que jusqu'ici, car daignez me pardonner, Sire, „mais je ne vois pas trop quel titre a acquis la Russie pour que nous lui „disions non seulement notre pensée actuelle, mais toutes celles qui nous „viendront par la suite".

Ici l'Empereur se fâcha presque pour la troisième ou quatrième fois, et me récapitula toutes les preuves de confiance et d'amitié sincère qu'il croit nous avoir données. Il finit par me dire des expressions très amicales pour notre Auguste Maître.

Nous étions arrivés au Palais de Marbre, nous arrêtant souvent, par 14 degrés de froid. Devant parler très haut et étant fort enrhumé, j'avais une extinction de voix gênante. L'Empereur paraissait disposé à terminer cet entretien, tenu à bâtons rompus et en public: je crus bien faire de lui parler de l'affaire du remboursement et de tirer au clair cette question.

— „L'affaire du payement, Sire, est tout à fait terminée, sans doute, et „j'espère que V. M. a déjà donné des ordres analogues à sa résolution".

— L'Empereur s'embarrassa et chercha ses phrases: „Oui! mais cependant, „dans la situation où nous sommes, il est juste que je sache d'abord à quoi „m'en tenir à votre égard".

---

politique du Cabinet de Stockholm ou sa paix avec la Grande-Bretagne rassureront complètement à son égard.

Or, si l'on considère l'importance majeure que doit attacher l'Empereur Alexandre à être rassuré sur notre attitude future, la nature des nouvelles qui l'assaillent de toutes parts tendant à lui inspirer des soupçons à notre égard, l'urgence du moment, puisqu'il croit à une attaque dès que la France aura rassemblé ses forces, si l'on considère enfin une certaine réserve que nous observons depuis quelque temps envers lui, l'on ne peut que trouver ses inquiétudes naturelles. Elles étaient visibles et perçaient à travers le ton calme et assuré qu'il affectait.

Les alarmes de S. M. se sont communiquées à ses alentours. Les uns redoutent que, gagnés par les amorces qui nous sont présentées par la France, nous n'agissions de concert avec elle, et ils pressentent les désavantages qui en résulteraient pour la Russie exposés plus haut. D'autres, qui sont impatients de voir commencer la guerre, parce qu'ils regardent comme préjudiciel à cette puissance tout retard, qui ne servirait qu'à ménager à l'ennemi le temps de se renforcer et d'améliorer son attitude, *craignent que l'hésitation subsistante à notre égard puisse influer sur les principes établis par l'Empereur et l'induire à entamer une négociation sérieuse avec la France,* dont, en dernière analyse, il ne prévoit aucun heureux résultat, et il regarde des avances de la part de la Russie et une déviation des principes posés comme contraires à sa dignité et comme une faiblesse dangereuse à dévoiler. L'on ne peut nulle part mieux qu'à Vienne calculer sans passion l'époque probable de la crise qui menace le Nord de l'Europe, et c'est à la sagesse de notre ministère à peser s'il convient mieux à nos intérêts de tenir le même langage que jusqu'ici, ou d'amener quelque variation à notre marche, soit pour tranquilliser la Russie, soit pour l'éclairer sur la marche que nous désirerions lui voir prendre, en nous expliquant plus positivement.

Dans tous les cas, l'Autriche pourra toujours dire avec justice et vérité qu'elle n'a pas omis de soins, pour éloigner une si fatale complication, à rapprocher les deux parties, que ses démarches enfin ont constamment porté l'empreinte des sentiments généreux et pacifiques qui caractérisent notre Auguste Monarque. *(Прим. гр. Лебцельтерна).*

— „Sire, vous avez déclaré cet objet indépendant de toute autre question „et avez promis de payer cette dette en 1812. Je serais en peine de m'expli- „quer quelle considération nouvelle peut arrêter le payement d'un objet, d'ail- „leurs si mince pour un grand Empire“.

— „Je sais que vous avez toujours regardé cette affaire comme indépen- „dante et moi aussi, et c'était un objet terminé, mais toutes ces nouvelles „sont d'une teneur à m'y faire réfléchir. Au reste, c'est une bagatelle; néan- „moins je désire de recevoir de votre Cour des assurances plus positives. „Supposez le cas où tout ce qu'on a écrit fût vrai, que vous vous trouviez „engagés ou entraînés, malgré vous-mêmes peut-être, dans une marche contraire „à mes intérêts: dois-je dans ce cas m'empresser de vous payer?“

— „Oui, Sire, V. M. ne peut qu'effectuer ce payement; c'est une dette „sacrée: en la reconnaissant, en donnant votre parole Souveraine de la payer, „V. M. a constaté que c'est un objet de justice, un droit acquis que nous „réclamons, et, supposant le cas hypothétique où nous Lui fissions la guerre, „Elle ne serait pas moins tenue de satisfaire à la promesse“.

— „Ah! si ce cas existait, il ne serait pas juste que je vous donne moi- „même les moyens de me nuire, mais je ne dis pas que je me refuse de vous „satisfaire, je suis prêt à terminer cet objet, mais auparavant il est raisonnable „que je voie clair dans ce qui se passe à Vienne“.

— „Comment V. M. voudrait-Elle rendre aujourd'hui ce payement con- „ditionnel? Pardon, Sire, mais je ne puis attribuer cette idée à Ses propres „sentiments, et j'en éprouve une peine véritable, V. M. voudrait rétracter sa „parole?“

— „Non“, reprit-il avec vivacité, „je ne dis pas cela, mais je demande à la „Cour de Vienne qu'elle me donne des rassurances plus positives et qu'elle „détruise la fâcheuse impression que ces nouvelles ont produite. Ecrivez que „je suis très disposé à payer“.

— „Pardon, Sire, mais je serais l'homme le plus embarrassé d'annoncer à „ma Cour un objet de cette nature, et, si j'étais dans le cas de lui écrire, je „ne saurais jamais rien tracer que de très déplaisant et désobligeant pour elle. „V. M. a promis de payer cette dette en 1812, et Elle a mis fin par là à „d'odieuses contestations sur un objet d'une valeur si secondaire. M. le comte „de Saint-Julien a transmis cette promesse à l'Auguste Cour, l'Empereur en „a remercié V. M. Son ministère a exigé ensuite une déclaration rassurante „sur notre attitude politique, et, quoique la promesse de V. M. était pure, „simple et point conditionnelle, nous vous avons fait, Sire, une déclaration „ample, franche et complètement rassurante. Qu'est-ce que V. M. veut que „cette légation écrive? La matière est épuisée. Pouvons-nous ou devons- „nous écrire que V. M. se rétracte? Pouvons-nous dire que, prêtant Son „attention à des bruits sans fondement, ils ont pu balancer dans Son esprit la „déclaration aussi amicale que satisfaisante de S. M. l'Empereur d'Autriche?“ (L'Empereur, visiblement embarrassé et altéré, tâcha en vain de m'inter- rompre, j'avais pris mon élan). „Nous réclamons cet objet depuis deux ans de „la justice de V. M. Les besoins de nos finances nous rendent essentiel d'être

„remboursés *), mais, Sire, on n'a cessé de le répéter chez nous, c'est une affaire d'une importance „trop secondaire pour qu'elle puisse avoir la plus légère influence „sur un point de vue politique quelconque. Ma Cour a une manière de penser „trop élevée pour qu'une telle bagatelle puisse être évaluée par elle plus „qu'elle ne le mérite, et quelques millions de plus ou de moins n'entreront „jamais en balance chez elle avec d'autres considérations. Pardon, Sire, mais „ce serait à V. M. à dicter la dépêche que devrait écrire M. de Saint-Julien: „à sa place, je ne saurais rien dire qui ne fît une impression très fâcheuse „à Vienne".

— „Je ne vous dis pas que cette affaire ne sera point conclue, c'est comme „si elle l'était, je la regarde moi-même comme une bagatelle. J'écrirais..... „j'écrirais qu'elle n'est que suspendue momentanément, et, de fait, j'ai dit en „1812 et nous ne sommes qu'au 2 janvier: j'ai promis de payer dans le mois „de juin. La preuve que c'est une affaire faite, c'est que les sommes sont déjà „mises de côté. J'écrirais que jusque-là la Cour de Russie s'attend à voir „l'Empereur d'Autriche répondre à sa confiance et lui donner des assurances „moins vagues et plus explicites sur la ligne de conduite qu'il suivra en cas „de guerre".

— „Excusez, Sire, je crois qu'on dresse un budget dans le moment actuel: „cette dette y est-elle portée avec les autres de la Couronne?"

— „C'est comme si elle l'était, l'objet est trop insignifiant et je vous répète „que les sommes sont préparées, je pourrais même vous payer de tout de „suite et d'une fois **). Je vous ai parlé avec toute confiance sur les rapports

---

*) Lorsque le Cabinet prussien, créancier de la Cour de Russie de 5 millions d'écus, apprit il y a deux ans que l'Autriche réclamait le payement dont il est question, il mit une telle activité dans ses démarches, qu'il eut bientôt réglé cet objet avec l'Empereur. Les payements se firent régulièrement dans ces deux années et ne furent interrompus que momentanément. La somme finale fut perçue par le Roi il y a peu et cette affaire a été complètement terminée. Il est à observer que, si la Russie avait des torts à réparer envers nous, elle en avait de plus grands encore à réparer envers la Prusse, et cette dernière fit sans doute valoir la détresse extrême où les sommes qu'elle devait remettre à la France la plongeaient et l'utilité qui résultait pour la Russie comme pour la Prusse d'obtenir par leur acquittement l'évacuation des forteresses prussiennes.

L'on ne peut se dissimuler que la méfiance que plusieurs circonstances excitèrent dans l'esprit de l'Empereur Alexandre envers nous a été calmée, mais non tout à fait dissipée, malgré la franchise de nos communications. La marche que notre Cabinet suivit alors et depuis était assurément la plus convenable à nos premiers et plus grands intérêts et a répondu sous plusieurs rapports à notre attente, mais elle n'a pas été la plus propre à accélérer le payement requis: objet trop secondaire pour balancer d'autres considérations majeures, mais qui aurait pu dès le commencement être poussé avec plus de vigueur.

Rien ne peut justifier la Russie de ne point acquitter une dette légitime et d'avoir employé tant de moyens mesquins et de faux-fuyants pour s'en exempter et éluder sa promesse, mais j'ai tâché d'exposer les raisons qui expliquent sa partialité envers la Prusse dans un objet pareil. *(Прим. гр. Лебцельтерна).*

**) Plus loin l'Empereur me dit que cet article était inséré dans le budget (il n'y a pas été indiqué jusqu'ici, tandis que les dettes gênoise et hollandaise y sont portées). Il est vrai que des sommes considérables sont placées sur le Tableau *pour dépenses extraordinaires et éventuelles*, et il est possible que l'Empereur, entendant nous payer sur ces fonds, ait dit avec vérité que

„qui me sont parvenus coup sur coup; soyez juste et mettez-vous à ma place: „est-ce que vous vous empresseriez de payer avant de voir clair dans cette „question?“ L'Empereur m'adressa plusieurs expressions personnellement obligeantes en se remettant à mon opinion.

„V. M. me permet-Elle de Lui répondre franchement? Car, Sire, je sais „que vous estimez la franchise et que vous la croyez même presque exclusive

---

cet objet était compris dans le budget. Mon doute poserait plutôt sur l'existence de ces sommes *mises de côté*, suivant l'expression de S. M. C'est pour répondre aux besoins urgents de l'année courante, tandis que la dernière présentait un déficit de près de 60 millions (malgré l'annonce pompeuse et illusoire faite au public en février 1811 d'un excédent de 100 millions), qu'il s'agit de nouveaux impôts, et le Grand Conseil s'occupe à délibérer sur les divers projets rédigés par le ministre des finances. *80 millions* doivent revenir au Trésor d'une augmentation du droit de capitation; il frappe principalement le propriétaire et le seigneur, mais, comme en Russie le seigneur est maître de taxer davantage son sujet et de hausser les prix de diverses denrées ou productions, cette imposition retombera en dernier ressort sur le paysan et sur les objets de consommation. Outre cela, on compte *20 millions* provenant de 10 mille licences, à 2000 roubles chacune, distribuées entre les diverses provinces, moyennant quelle somme un certain nombre des individus frappés par le dernier oukaze de recrutement de 120 à 130 mille hommes peut se racheter du service militaire. Les provinces les plus riches ont déjà rempli leurs licences, et ces 20 millions entreront dans les caisses, tandis que 10 mille soldats ne laissent aucun vide sensible dans une armée si nombreuse. L'on imposera encore pour 8 *millions* sur les eaux-de-vie et plusieurs millions sur le sel et on tâchera enfin d'élever les revenus annuels à *200 millions* et même au delà. Les recettes effectives sous Catherine II montaient de 68 à 70 millions. Sous Paul Ier, elles étaient de 78 à 80 millions. Elles furent portées successivement par l'Empereur Alexandre jusqu'en 1807 à 117.377.146 roubles. Il est aussi question d'un don gratuit qui serait satisfait en fournitures pour l'armée de tout genre et même en munitions. Cette mesure me paraît fausse et éloignée de pouvoir remplir le but, dans un pays où l'industrie manufacturière est si arriérée et a besoin de beaucoup de liberté et d'encouragements; d'ailleurs elle ne pourrait avoir du succès que dans le cas où l'Etat fût menacé d'une guerre immédiate, dont on annoncerait le danger à la nation. Mais, dans l'incertitude où le système actuel du gouvernement la laisse, cette mesure serait d'un maigre produit et nuirait aux manufacturiers, qui seraient, dit-on, invités à y concourir pour une certaine quantité déterminée. Cette exigence, que je crois prématurée, exciterait sans doute le mécontentement du public; l'on ne peut éviter que celui qui doit payer ne se plaigne, mais la grande maxime à observer est que l'avantage, que le profit, que le gouvernement retire de ses mesures soit proportionné aux plaintes et qu'on ne les provoque pas pour des objets d'un résultat mesquin ou douteux qui blessent plus l'opinion que la réalité. Je répète ici mon ancienne opinion: les finances de la Russie sont non délabrées, mais en désordre, et ses besoins immenses excèdent ses revenus, mais ses ressources sont très vastes. La guerre avec la France est désirée par la majeure partie de la nation; elle se trompe sans doute dans ses calculs, mais elle la désire: 1° parce que l'orgueil national a été heurté de la marche que le gouvernement a adoptée depuis la paix de Tilsit; 2° parce que la nation croit que le premier coup de canon tiré contre la France signalerait en même temps l'entrée du pavillon anglais dans les ports russes; 3° parce que, sans songer que le commerce anglais a pris une autre direction et s'est rendu à beaucoup d'égards indépendant du continent, la nation se flatte que le commerce avec les Anglais se rétablirait comme jadis, qu'elle pourrait exporter ses productions et voir renaître en Russie l'abondance et les prix modérés qui y régnaient autrefois. La guerre de France répondant aux vœux des peuples (qui ne calculent en général que sur des chances favorables et qui désirent un changement dans l'espoir de passer à une meilleure situation), le gouvernement trouverait en eux de grandes ressources, pour peu qu'il voulût diriger l'esprit public, ce que le caractère national rend fort aisé. Cette matière exigerait de vastes développements dont je m'abstiens ici, fâché de m'être déjà abandonné à une si longue digression. *(Прим. гр. Лебцельтерна).*

„aux militaires; sans l'être, je suis franc, peut-être plus franc qu'une juste „réserve ne l'admettrait".

— „Parlez-moi à cœur ouvert, c'est tout ce que j'aime. Je l'ai été avec „vous et je ne demande à votre Cour sinon qu'elle le soit tout à fait avec „moi".

— „Elle l'est, Sire, et, si V. M. reculait d'une année, combien de preuves „dans cet intervalle n'en a-t-Elle pas reçues? Je le suis aussi, et je ne dis- „simule pas à V. M. que je suivrais une marche toute contraire à la Sienne. „Je croirais convenable à Sa dignité comme à Ses intérêts de commencer par „satisfaire la Cour d'Autriche complètement sur cet objet devenu si désagréable, „et c'est ensuite que je lui ferais valoir cet empressement à le terminer comme „une preuve de votre amitié et comme un moyen d'obtenir d'elle de plus „grands développements".

— L'Empereur me parut frappé et répliqua: „Mais c'est ce que j'ai dit „avec d'autres mots".

— „Pardon, Sire, c'est complètement différent! Je commencerais par rem- „bourser et je ne rendrais pas le remboursement conditionnel, ce qui ne peut „produire à Vienne qu'un effet peut-être contraire à ce que l'on désire, car, „dans la position où en est l'affaire, cela ne peut qu'y exciter de l'humeur, „et l'on s'y tiendra à la parole de V. M.".

— „Eh bien, soit! c'est comme fait, je tiendrai ma parole! Mais, comme „je ne dois payer que dans le mois de juin, j'espère d'ici là recevoir de votre „Cour les assurances que je désire. Ecrivez-le, et je crois pour ma fran- „chise et ma confiance en elle mériter ce retour de sa part".

— „Je ferai le rapport de cette conversation à M. le comte de Saint-Julien". S. M. me congédia.

Tel est l'entretien que j'eus avec l'Empereur. Il n'offre qu'une série de répétitions peu intéressantes sur les mêmes objets dont V. E. a informé l'Auguste Cour en détail, et il peut s'analyser en quatre mots. Vives alarmes sur notre marche future excitées par les rapports parvenus ici, qui ont balancé la valeur de notre déclaration; désir également vif d'être tranquillisés surtout dans un moment où la conscription en France, les immenses préparatifs qui s'y font, et les propositions faites par elle à l'Autriche et à la Prusse font croire à l'Empereur Alexandre que le moment de la crise s'approche; crédit encore existant du chancelier et mieux établi qu'on ne le supposait; mauvaise volonté de nous payer, à moins que les incertitudes à notre égard ne soient dissipées, et embarras que cause à l'Empereur la fausse position où il s'est placé à ce sujet envers nous; petitesses et faux-fuyants inséparables de cette marche vicieuse.

V. E., qui est habituée à approcher ce Prince, sentira mieux que personne les différentes nuances qu'a subies sa physionomie. Je ne crois pas que V. E. désapprouve ma franchise, quoiqu'elle ait pu paraître souvent un peu acerbe à S. M. et qu'elle l'ait visiblement frappée. Ce Prince est très séduisant, il sait adresser sans affectation les propos les plus flatteurs, mais, accoutumé à assigner aux phrases de ce genre leur valeur véritable, je ne me laissai

pas détourner de mon objet et je fus souvent obligé d'interrompre son discours, suivi avec facilité, précision et souvent volubilité. Dans l'affaire du payement, sa cause était trop mauvaise pour qu'il ne fût pas embarrassé et en peine de la défendre: elle devait mettre en défaut son éloquence naturelle. Je ne crois pas que S. M. soit inclinée à me parler encore d'affaires et que cette sonde Lui ait été agréable, à moins qu'Elle n'aime véritablement la franchise. Dans mon cercle d'activité subalterne et interpellé par Elle, j'avais moins de ménagements à garder.

Je n'ai pas craint de rendre ce récit prolixe et fatigant par des répétitions, plus sensibles en écrivant qu'en parlant, parce que mon devoir envers le service et envers V. E. exigeait avant tout la fidélité: tout le reste lui est subordonné.

29.

15/27 janvier 1812.

Avant que le baron de Bühler ne remette à V. E. cette dépêche dont il a bien voulu se charger, Elle aura reçu celles № 1, 2 et 3, en date du 9/21 et 25 décembre/6 janvier, dont la première fut expédiée par un courrier russe et les deux autres furent confiées à un voyageur. Ce fut le 27 décembre/8 janvier que M. le chancelier m'envoya la dépêche que V. E. me fit l'honneur de m'écrire en date du 22 décembre. Je me rendis chez lui et je la lui lus en entier; il semblait prêter une attention toute particulière, quoique certainement il en eût tiré préalablement copie. Le chancelier me promit d'en soumettre le contenu à la connaissance de S. M., et m'assura que l'Empereur Alexandre n'avait jamais mis en doute la loyauté personnelle de notre Auguste Souverain, pour lequel ses sentiments d'estime et d'amitié avaient toujours été invariables. Je pris occasion de dire au comte Romanzoff qu'après une déclaration aussi positive que celle que je venais de lui faire au nom de mon Gracieux Souverain, déclaration qui allait au-devant de tous les doutes que la Cour de Russie aurait pu former sur la marche politique de notre Cabinet, je me flattais que je serais bientôt autorisé à mander à V. E. l'accomplissement de la promesse de S. M. au sujet de la créance. Le comte Romanzoff me répondit qu'il prendrait là-dessus les ordres de l'Empereur. Je répliquai que, comme on disait dans le public que le département des finances s'occupait dans ce moment du budget de l'année 1812, dans lequel sans doute il serait question des sommes destinées au payement de la dette que nous réclamons, je le priais de ne pas tarder à soumettre à S. M. I. mon vif désir de pouvoir bientôt transmettre à mon Auguste Cour le résultat des conférences que l'on m'a promises avec le ministre des finances. Le chancelier se borna à me répondre que la somme en question était un objet de trop petite valeur pour entrer en considération dans le travail du budget. Dans cette courte conversation, le chancelier avait l'air rêveur et préoccupé, et il souffrait d'un gros rhume qui l'empêchait presque de parler.

Depuis le baron de Lebzeltern eut à la Cour une conversation avec le comte Romanzoff, et, quelques jours après, il en eut une très longue et très intéressante à la promenade avec S. M. Elle-même. Il résulte de ces deux conversations que le Cabinet de St-Pétersbourg, alarmé par les nouvelles, que depuis peu il est censé recevoir de tous côtés, d'une négociation tendant à une alliance défensive entre les deux Cours d'Autriche et de France, hésite à effectuer la promesse du payement, jusqu'à ce que l'Empereur Alexandre, qui ne trouve pas dans la déclaration que j'ai faite au chancelier des motifs suffisants pour être complètement rassuré sur nos intentions, ait l'assurance positive que nous ne nous engagerons pas, même pour l'avenir, à des mesures hostiles contre la Russie en cas de rupture avec la France. J'ai l'honneur de transmettre le précis détaillé de ces deux conversations de M. de Lebzeltern ci-joint.

Je ne dois point laisser ignorer à V. E. qu'aussitôt après mon entretien avec le chancelier, je me rendis chez Kochéleff. D'après l'ancienne autorisation de S. M., je lui ai fait également lecture de la susdite dépêche, en y ajoutant tout ce que le sujet me fournissait. Il en prit note et l'envoya le même jour à l'Empereur. M. le grand maître me répéta à cette occasion ce qui m'était déjà parvenu des bruits qui courent dans tout Pétersbourg, d'une négociation actuellement sur le tapis avec la France. Il m'avertit que S. M. était très affectée des nouvelles inquiétantes qu'Elle avait reçues par plus d'une voie, et il déplora très fort que cet état de méfiance, qu'il attribue à des menées de certains individus, menaçât d'éloigner les deux Cours Impériales au moment où leurs intérêts réciproques les invitent si puissamment à se rapprocher. M. de Kochéleff depuis longtemps ne communique plus directement avec l'Empereur; il ne reçoit pas même de réponse sur les différentes notes dont il a accompagné les deux lettres ostensibles que je lui ai adressées. Ce refroidissement apparent de S. M. vis-à-vis de cet ancien et zélé serviteur l'affecte sensiblement: il se considère comme personnellement compromis par ce subterfuge qu'on semble employer pour éluder le payement dont il fut chargé d'annoncer l'acquittement, et il regarde le silence continué de S. M. comme une espèce de disgrâce qui hâte sa détermination à se retirer de la gestion des affaires, dans les différentes emplois dont il est chargé.

J'avais appris qu'un rapport alarmant du prince Bagration sur une formation d'un corps considérable en Galicie avait augmenté les inquiétudes que les différentes nouvelles venant de Vienne même commençaient à répandre. Je crus que c'était le moment de donner là-dessus les explications auxquelles V. E. m'a autorisé, et je me rendis chez M. le chancelier dans cette intention. Après lui avoir rappelé la déclaration satisfaisante sur notre marche politique que je lui avais faite devant peu de jours, après lui avoir fait la déclaration que je savais, par la conversation que S. M. avait eue avec M. de Lebzeltern, qu'Elle avait des nouvelles de mouvements dans nos armées, je m'empressai de lui annoncer la marche de cinq régiments d'infanterie et deux de cavalerie, en tout douze à treize mille hommes, pour renforcer les garnisons en Galicie. J'ajoutai qu'une mesure que la prudence exige absolument dans les circonstances présentes, dans une province limitrophe au Duché de Varsovie, où les

têtes s'échauffent extraordinairement, ne pourrait certainement donner aucun ombrage à la Russie, qui elle-même a rassemblé une force imposante sur cette frontière, puisque, indépendamment de nos liaisons amicales et de l'assurance positive que je venais de donner, une augmentation de troupes si peu conséquente sur une si grande étendue de pays ne pourrait être regardée par le Cabinet de St-Pétersbourg que comme une suite de la nécessité de surveiller une province aussi exposée à la séduction de ses voisins. Le précis de ce que le comte Romanzoff me répondit se réduit à ceci: que la déclaration dont je lui parlais avait effectivement paru trop vague à S. M., que l'Empereur s'attendait à avoir une assurance plus positive qui le tranquillisât sur nos projets futurs en cas de rupture, que l'Empereur était d'autant plus autorisé à recevoir une déclaration complètement satisfaisante à ce sujet, parce qu'il lui revenait *surtout par le Nord* des nouvelles détaillées d'une négociation entre l'Autriche et la France, que le prince Schwarzenberg avait été le porteur de ce projet qu'il appuyait de tout son crédit, que lui-même était à la veille de rentrer dans la carrière militaire et destiné à jouer un grand rôle, qu'il y aurait un changement dans l'administration suprême militaire, que ces nouvelles ne pouvaient pas être suspectées, puisque, loin de venir de Paris ou de Cours germaniques influencées par la France, elles venaient (à ce qu'il me fit entendre) de différents points de l'Allemagne et par des individus disséminés dans plusieurs de ces pays, que ces individus, croyant le moment arrivé pour se libérer de la dépendance française, se trouvaient désespérés de rencontrer un tel revirement de principes à la Cour d'Autriche dont ils attendaient au contraire appui et protection, que, dans le Nord surtout, ces bruits avaient produit une consternation générale et une exaspération extraordinaire contre notre Cabinet, que ces bruits parfaitement coïncidants, quoique dérivants de sources si différentes, ne pouvaient que faire une vive impression sur l'esprit de son Souverain, dont cependant l'amitié vis-à-vis de S. M. l'Empereur François n'en était nullement altérée, *qu'aujourd'hui comme toujours, la Russie désirait que l'Autriche réussît à reprendre de son embonpoint* (le chancelier disait cela avec un sourire de finesse, comme si il voulait indiquer l'offre de la part de la France, d'une restitution des provinces cédées par le dernier traité de paix), qu'il ne lui appartenait pas de juger quels étaient les véritables intérêts de notre gouvernement, que, quant à la Russie, ferme dans ses principes, elle ne provoquerait pas la guerre, mais que, forte de la conviction de ses moyens, elle ne craignait point une agression quelconque, que lui, comte Romanzoff, se flattait plus que jamais *que, lorsqu'on aurait usé de part et d'autre tous les ferments de dissension, on finirait par s'entendre, qu'il mettait le plus haut prix à la continuation de l'amitié de l'Autriche, que la Russie désirait cette amitié, mais qu'elle n'avait pas l'habitude de tourmenter les Cabinets pour extorquer des protestations,* qu'au reste il savait fort bien, et que tous les militaires en tomberaient d'accord, qu'un ennemi ne se résoudrait pas aisément à venir les chercher dans leur propre pays, qu'une conduite sage préviendrait tout éclat prématuré. J'oubliais de dire que le chancelier avait commencé par m'insinuer qu'il était instruit qu'outre un corps d'observation dans la Galicie et un autre

dans la Boukovine, il se formerait une armée en Hongrie, et il ne manqua pas de faire glisser dans le courant de la conversation le reproche déjà souvent répété, que les Turcs eux-mêmes l'avaient averti que dès longtemps nous les dissuadions d'acheter la paix au prix de la renonciation aux Principautés.

Je m'appliquai à détruire toutes ces assertions par tous les raisonnements possibles. Je répondis que, quant au mouvement des troupes, je devais me borner à donner l'explication dont j'avais été chargé, que j'aimais à croire, d'après l'assurance réitérée du chancelier et de S. M. Elle-même de la confiance qu'inspirait la loyauté de notre Cabinet, que l'on ajouterait peu foi à des bruits répandus par des particuliers trop prompts à s'alarmer et aveuglés par l'esprit de parti, lorsque ces bruits se trouvaient en contradiction directe avec une déclaration aussi positive que celle que j'avais donnée au nom de mon Auguste Cour, que d'ailleurs M. de Stackelberg était à même d'avoir à Vienne des renseignements plus convaincants que tout ce que je pourrais alléguer, qu'on ne rassemblait pas et qu'on ne faisait pas marcher trois corps d'armée sans avoir préalablement rappelé les semestriers, rassemblé les chevaux des trains des régiments, fait les accords pour achat de chevaux d'artillerie pesante, pontons et le grand train, et sans avoir fait des préparatifs dispendieux et nécessairement publics pour l'établissement des magasins, que toutes ces mesures, quelques précautions que l'on puisse prendre, ne pouvaient pas être secrètes, qu'elles n'échapperaient pas à l'attention vigilante du comte Stackelberg, que je m'en remettais aux rapports exacts qu'il serait à même d'en faire pour détruire victorieusement des assertions inventées par la malveillance et colportées avec astuce, et qui étaient en parfaite contradiction avec la grande occupation actuelle de notre gouvernement, le rétablissement de nos finances, avec notre système politique, avec les confidences que, dès l'époque du mariage, nous n'avons cessé de faire à la mission russe à Paris, et enfin avec la toute dernière déclaration franche et aussi positive qu'on pouvait la désirer.

Le comte de Romanzoff m'interrompit pour me répéter que ces nouvelles, quoique désagréables, ne changeraient en rien le système de conduite de la Russie envers l'Autriche, *que la conviction d'une nécessité de réunion d'intérêts entre les deux Cours était une pensée mère dont dérivaient toutes les autres qui constituaient la base des relations de la Russie avec nous,* qu'on ne se méfiait pas de nous, mais qu'on nous observait, ainsi qu'il était du grand intérêt de la Russie de le faire, et que les rapports venant de tous côtés, surtout par le Nord, lui en donnaient la plus stricte obligation, enfin, qu'il ferait son rapport à S. M. de tout ce que je venais de lui dire. Il ajouta mille phrases obligeantes, des protestations de non-interruption d'amitié, et qu'il ne désespérait pas de voir le tout arrangé à l'amiable, et qu'alors tout se retrouverait replacé dans l'ancien ordre des choses. Finalement il me fit la confidence que la paix avec les Turcs se ferait, mais qu'il ne pouvait me dire quel jour.

V. E. jugera par le précis de cette conversation, analogue sous plusieurs rapports avec celle qu'eut le conseiller de Lebzeltern avec S. M., que l'alarme sur nos relations avec la France est complète, et qu'elle est plus qu'un simple prétexte, comme je le soupçonnais d'abord, pour éviter l'acquittement de la dette.

Les esprits étant montés de cette manière, je crois inutile de renouveler les démarches pour presser le payement en question. Je n'insisterai pas davantage à démontrer l'invraisemblance des déviations qu'on nous suppose au système politique que nous avons tenu jusqu'à présent, et je crois qu'il est de la dignité de l'Auguste Cour, après avoir fait les communications amicales dont V. E. m'a chargé, d'attendre du temps qu'il détruise des imputations hasardées et dont la source et le motif sont aisés à deviner. Le ministre de Bavière ici est un des plus zélés propagandistes de cette nouvelle de négociation avec la France, dont il prétend savoir tous les détails. Il m'en a fait à moi-même la confidence comme la tenant directement de Vienne, et, présupposant que je l'ignorais, il y a même assez gauchement ajouté qu'il m'en faisait la communication pour me régler en conséquence dans mon attitude vis-à-vis de cette Cour-ci.

J'ajouterai encore à tout ce que j'ai eu l'honneur de mander à V. E. sur les deux conférences avec le chancelier, que je sais par Kochéleff que Stackelberg a détruit l'assertion d'une armée en Hongrie, et que les nouvelles de Berlin (et c'est pourtant cette Cour que le comte Romanzoff a voulu désigner par cette expression répétée: les nouvelles *du Nord*) sont très rassurantes sur les intentions de notre Cabinet, dans lequel celui de Berlin a pleine confiance.

30.

(Litt. A.) *29 janvier/10 février 1812.*

Le baron Marschal est arrivé ici le 14/26 de bon matin et m'a remis les dépêches dont V. E. l'avait chargé. Son arrivée fit grande sensation dans le public, on le supposait porteur d'instructions de la plus haute importance. Le 17/29, je me rendis chez M. de Kochéleff et je lui fis lecture des deux dépêches ostensibles; il m'en demanda copie, s'excusant sur son défaut de mémoire, et je crus ne pas la lui devoir refuser. Je la lui envoyai, avec une note ostensible dont j'ai l'honneur de joindre copie à V. E.: M. de Kochéleff parut extrêmement flatté des expressions obligeantes pour lui que contient cette dépêche; il sait apprécier la confiance que V. E. lui témoigne. Je suis garant qu'il redoublera de zèle pour nous être utile; je tâcherai de tirer tout le parti possible de ses bonnes dispositions. Il m'en donna d'abord des preuves en me confiant que le dernier courrier de Paris avait porté la nouvelle que l'Empereur Napoléon avait pris congé de ses Gardes, qu'ils avaient ordre de se tenir prêts à marcher, qu'on travaillait à la confection d'un grand nombre de chariots pour le transporter, que le prince Kourakine se ressentait déjà des froideurs de la Cour vis-à-vis de lui, et que l'Empereur de Russie dans son intérieur avait laissé échapper ce mot: *„Tout est rompu avec la France“*, qu'au reste M. de Stackelberg avait détruit tous les bruits des marches de nos armées, et qu'à tous égards sa dépêche chiffrée était des plus satisfaisantes. Je crus devoir faire observer à M. de Kochéleff que ce n'était point une médiation que nous offrons, mais que nous ne nous

refuserions pas à porter des paroles conciliantes, et j'insistai à lui bien faire concevoir l'importance que je mettais à ce qu'il ne confondît pas l'un avec l'autre. Le grand maître me promit de faire passer le lendemain le sujet de notre conversation à S. M. l'Empereur.

Deux jours après, j'eus une conférence avec le chancelier. Je fis lecture de la dépêche écrite dans cette intention, et il m'en demanda copie. J'en résumai avec lui le contenu; je commençai par lui faire remarquer que, d'après les données de V. E. et les nouvelles toutes récentes arrivées de Paris, la probabilité de la guerre, que nous calculions sur les préparatifs immenses et dispendieux qui se font en France, est bien plus imminente qu'on ne semble le croire à Pétersbourg. Je dis que le prince Schwarzenberg mandait qu'il s'était persuadé que l'envoi de M. de Nesselrode à Paris serait non seulement vu avec plaisir, mais même qu'il y était attendu avec impatience, que j'avais l'ordre, en suite des relations d'amitié entre nos deux Souverains, de conseiller qu'on hâtât le départ de ce négociateur, sur lequel nous fondions le dernier espoir de conserver la paix, que nous aimions à croire que la Cour de Russie verrait dans ce conseil dicté par le désir d'épargner à l'Europe les convulsions d'une guerre dont il était difficile de prévoir l'issue, une centième preuve de l'amitié sincère de mon Auguste Souverain vis-à-vis l'Empereur Alexandre, qu'enfin j'avais ordre de déclarer qu'en cas que S. M. I. de Russie crût qu'il pouvait être utile que nous intervinssions dans ses explications avec la France, nous ne refuserions pas à porter des paroles conciliantes, mais que je le priais de bien me comprendre, que ce n'était point une médiation que nous proposions, qu'une offre pareille ne convenait pas à l'état actuel des choses, vu que, quelque imminente que nous jugions la proximité d'une guerre, cependant nous ne confondions pas cette situation, quoique critique et inquiétante, avec une brouillerie qui aurait pour conséquence immédiate des actes d'hostilité, mais que nous offrions d'amitié de porter des paroles de paix, si le Cabinet de St-Pétersbourg juge qu'elles peuvent être utiles à empêcher l'explosion d'une guerre que, sans explications franches et non plus retardées, nous croyons infaillible.

Le comte de Romanzoff me répondit que, quoique le langage que l'Empereur Napoléon avait tenu jusqu'à présent et celui de son ministère des relations extérieures fût de nature à ne pas détruire la possibilité d'une continuation de bonne intelligence entre les deux Cours, cependant, par les dépêches du prince Kourakine apportées par le dernier courrier, arrivé ici il y a trois jours, il paraissait que l'Empereur Napoléon laissait deviner des vues hostiles envers la Russie, que, quelque sage et mesurée que soit la conduite d'un Cabinet, il était impossible d'empêcher qu'on ne soit menacé d'une guerre par un autre Etat puissant, *qu'avec un Prince belliqueux tel que l'Empereur Napoléon* il fallait toujours s'attendre qu'un jour ou l'autre on serait avec lui en guerre, et que l'attitude de la Russie, loin de la provoquer, était telle qu'en déployant des moyens que peut-être on ne lui avait pas connus, elle devait se flatter d'éviter une agression plutôt que de s'y voir exposée, que, quant à l'envoi du comte de Nesselrode, il lui paraissait que V. E. était

en erreur sur les vrais sentiments de l'Empereur Napoléon à cet égard, qu'il était parvenu à la connaissance du chancelier que l'Empereur des Français avait dit: „Mais comment donc! Ils n'entendent donc pas leurs intérêts? Ne „savent-ils pas qu'en entamant une négociation, elle ne peut finir que par „la guerre?“ que le comte de Romanzoff ne concevait pas à quoi une négociation pouvait mener, que la Russie n'avait aucun grief contre la France et qu'il ne pouvait deviner ceux de la France contre elle. Ce fut à ce propos que le chancelier me pria de lui dire, confidentiellement, sur quoi je croyais que puissent porter les plaintes de l'Empereur Napoléon.

Je lui répondis que V. E. ne m'avait transmis nulle information à cet égard, que cependant si, du point où je me trouvais, il m'était possible de juger quels seraient les articles sujets à discussion, il me semblait que le renvoi dans l'intérieur du pays et leur dissémination dans les autres provinces de l'Empire des armées dont l'accumulation sur une des frontières de la Russie ne pouvait que gêner la France dans ses plans d'assujettissement de l'Espagne, serait probablement une des premières propositions à mettre sur le tapis, que vraisemblablement encore le Tarif, qui frappait sensiblement le commerce de la France, et puis la facilité qu'on donnait aux pavillons réputés neutres d'importer les denrées coloniales, seraient également soumis à des discussions, et qu'enfin une indemnisation peut-être pour le Duché d'Oldenbourg serait proposée par le Cabinet des Tuileries, qu'au reste je priais M. le chancelier d'être persuadé que ce que je venais de lui dire n'étaient que des idées instantanées que sa question avait provoquées, et que j'étais bien loin d'être autorisé à articuler des griefs ou à les présenter comme venant de la part du gouvernement français, qu'au contraire je répétais que V. E. ne m'avait fait à cet égard la moindre communication.

Le chancelier me répondit qu'à des griefs de cette nature il n'aurait à opposer que ce que depuis longtemps il ne cessait de dire au comte Lauriston, que la Russie n'avait aucune prétention à un dédommagement quelconque; que le placement et déplacement des troupes était une affaire d'administration intérieure, dont disposait librement tout Etat indépendant, surtout lorsqu'il ne se permettait pas de s'immiscer dans les dispositions de ce genre des Etats voisins, que, quant aux pavillons neutres, la France elle-même venait de donner un grand exemple de relâchement dans ses principes, en accordant aux Etats-Unis licence plénière d'importation et exportation sans restrictions quelconques, qu'enfin il ne pouvait s'empêcher de me dire que, persuadé depuis longtemps que tôt ou tard la France ferait la guerre à la Russie, l'Empereur avait cru devoir à la conservation de l'Empire d'employer tous les moyens que ses vastes Etats et l'amour de ses peuples mettaient entre ses mains pour repousser une agression à laquelle on était préparé depuis longtemps, sans se rien permettre qui en hâtât l'explosion, que l'entrée des armées ennemies dans l'intérieur de l'Empire était sujette à de grandes difficultés, que les finances de la Russie ne seraient nullement obérées par les dépenses de la guerre, qu'au contraire le change s'améliorerait, ainsi qu'il s'est amélioré d'après la simple probabilité d'une rupture, *qu'alors de nouvelles relations avec une*

puissance qui ferait refluer le numéraire et le débouché de tous les ports ouverts au commerce répareraient les dépenses extraordinaires, qu'il n'avait en cas de guerre qu'un vœu, celui *qu'elle ne fût pas courte,* que la Russie avait des moyens de la continuer hors de proportion avec ceux de son agresseur, que, persuadée de l'amitié de l'Empereur d'Autriche, la Russie n'avait d'autre sollicitude que celle de la voir *entraînée insensiblement à des démarches qui ne lui laisseraient plus la liberté de consulter ses vrais intérêts et ses affections amicales envers la Russie,* que le voyage du prince Schwarzenberg à Vienne et les bruits que ce séjour avait occasionnés nous avaient fait un grand tort sur l'opinion en Allemagne et un non moins grand sur nos spéculations financières. Enfin le comte Romanzoff, avec des phrases très entortillées et des expressions très mesurées et particulièrement recherchées, se coupant de temps à autre par des réticences, me laissa deviner qu'il soupçonnait notre gouvernement de vouloir *se départir vis-à-vis des Hongrois de l'ancien système si avantageusement suivi par Marie-Thérèse, qui n'avait jamais cessé de traiter ce Royaume en pays constitutionnel,* que, quoique étranger, il se permettait, en causant avec moi sur le pied d'ami, de regretter que nous semblions pencher à laisser entrevenir des moyens pour amener les Hongrois au désir du gouvernement, *qui nous entraîneraient à des complaisances dont il était difficile à prévoir l'issue,* qu'il me répétait qu'il était de l'intérêt de la Russie que l'Autriche recouvrât son ancien état de force, qu'en général il n'était pas trop content de la politique de la plupart des Cours de l'Europe, que la Suède seule entendait ses vrais intérêts, que le Prince Royal avait su porter ses forces militaires à un total excédant de beaucoup ce que l'on s'attendait de ce pays, que cette attitude le rendait indépendant de toute influence étrangère, que ce Prince continuait à donner les assurances les plus satisfaisantes à la Russie, que c'était ainsi qu'il eût désiré que l'Autriche, dans une lutte peut-être probable, eût assuré une neutralité parfaite, *que nous nous trouvions sur le penchant d'un talus glissant sur lequel nous étions à la veille de nous laisser couler, quoique à regret et contre nos vrais intérêts.*

J'opposai à cette assertion la certitude dans laquelle j'étais qu'excepté la marche de ce peu de troupes dont les circonstances nous faisaient la loi de renforcer celles qui antérieurement se trouvaient en Galicie, il n'y avait nul mouvement dans nos armées et nuls préparatifs qui en indiquent la probabilité, qu'au reste je le priais de considérer que toute l'attention du gouvernement était portée sur le rétablissement de nos finances, et que les soins que S. M. vouait à cette branche d'administration si importante contrastaient absolument avec des mesures et des dépenses extraordinaires, dont le soupçon seul ferait baisser les fonds.

Le chancelier, en reprenant la conversation sur le sujet de la dépêche que je lui avais lue, me dit que cette expression: „*L'isolement . . . . . .*" lui paraissait un reproche non mérité, que la Russie nous avait fait des offres d'acquisition sur le Danube auxquelles l'Autriche n'avait pas jugé à propos d'acquiescer, que, quant à la Prusse, il ne pouvait pas me dire au juste quel était le genre de ses relations avec la Russie, que l'Empereur jusqu'à présent

s'était réservé ce travail et qu'il n'en avait pas reçu encore communication. En disant cela, le chancelier avait visiblement l'air de quelqu'un qui craint de dire plus qu'il ne veut. A part cela, dans toute cette longue conversation le comte de Romanzoff avait soutenu un ton affectueux, de l'abandon, des épanchements et les formes les plus séduisantes m'invitaient à la confiance. Il affectait toujours l'assurance d'un homme d'Etat qui a prévu les événements de longue main, et qui n'est nullement effrayé de la crise actuelle, qu'il ne cache pas, mais pour laquelle il croit tout préparé. Il finit par me dire qu'il rendrait compte du sujet de notre conversation à S. M. à son premier travail. Je lui fis la confidence que je comptais envoyer M. de Marschal seulement jusqu'à Brody, que j'y mettais du mystère, parce que l'attente du public de Vienne et la manière dont les agioteurs y savaient profiter, au désavantage de nos finances, de tous les bruits qu'ils se plaisaient à répandre, m'invitaient à cette précaution pour empêcher les variations dans le cours du change.

31.

29 janvier/10 février 1812.

Deux jours après la conversation que j'ai eue avec M. le chancelier et dont j'ai eu l'honneur de faire mon rapport sous même № 6, *Litt. A* *), S. M. me dit à la parade qu'Elle désirait me parler et qu'Elle m'invitait à dîner pour le lendemain. On me fit entrer dans son cabinet. L'Empereur commença par me dire qu'il avait lu les dépêches que par différentes voies je lui avais fait parvenir, qu'il y avait vu que nous lui reprochions qu'il n'avait pas été vis-à-vis de nous *assez communicatif* sur sa situation avec la France, qu'il allait me faire le récit fidèle de tout ce qui s'était passé entre lui et l'Empereur Napoléon, *„et, si ce que je vous dis est conforme à ce que vous avez appris „par Paris ou autrement, vous ne pouvez me taxer de la moindre réticence"*. S. M. commença par récapituler tous les faits depuis la paix de Tilsit, sa protestation contre l'occupation du Duché d'Oldenbourg, et comment Elle fut forcée de la rendre publique, par le refus qui trois fois en fut fait au prince Kourakine, que cette protestation n'engageait aucune discussion ni ne devait mener à une rupture, qu'enfin la France avait voulu lui conseiller d'adopter le tarif français: „Or ce qui convient à un pays", dit l'Empereur, „ne convient pas „à un autre", que jusque-là la France avait respecté l'indépendance de la Russie, mais que, de cette époque, il fut visible que l'Empereur Napoléon perdait peu à peu tous les ménagements, qu'après de justes soupçons sur des vues hostiles de ce gouvernement, l'Empereur avait augmenté ses forces et s'était mis en attitude de repousser une agression, qu'aucune plainte n'avait été portée, aucun grief énoncé, et qu'il défiait le Cabinet des Tuileries de nier l'exactitude de ce qu'il venait de dire, ainsi que d'événement en événement il en avait fait communication à la Cour d'Autriche.

*) См. выше № 30, стр. 499.

Je répondis que le manque de confiance dont nous nous plaignions portait principalement sur l'éloignement que l'on avait témoigné pour l'emploi de nos bons offices, que nous avons proposés et qui, dans le temps que les esprits étaient moins aigris, auraient pu avoir d'heureux résultats.

L'Empereur me dit que j'étais dans l'erreur, que l'Empereur Napoléon s'était expliqué dès ces temps-là même tout différemment, qu'il avait dit: „Quand deux grands Empires comme la France et la Russie ont des explica- „tions à avoir, qu'ont-ils besoin qu'un tiers y intervienne?" L'Empereur ajouta qu'il n'aurait pas mieux demandé que dès lors on eût pu s'entendre, mais que la France n'avait pas discontinué d'armer.

Je répondis que, si l'Empereur des Français (ce dont je n'avais jamais été informé) avait témoigné dans ce temps de l'éloignement pour notre intervention, cependant il paraissait qu'aujourd'hui il ne nous avait pas laissé ignorer qu'il attendait l'arrivée de M. de Nesselrode avec impatience, que nous avons la certitude que ce négociateur y serait très bien accueilli, et que j'avais l'ordre de conseiller à S. M., au nom de l'Empereur mon Maître, de le faire partir sans délai.

L'Empereur dit: „J'avais parlé il y a quelque temps à l'ambassadeur „de l'envoi de Nesselrode, et sans doute Lauriston l'a d'abord fastueusement „annoncé. *Mais on a défiguré mon plan. Voilà quelle avait été mon inten- „tion, et jamais je n'en ai eu d'autre:* je voulais, dès que la nouvelle de la „paix serait venue, que Nesselrode partît pour Paris chargé d'y annoncer cet „événement et déclarer que, quoique débarrassé de cet ennemi et me trouvant „un excédent considérable de moyens, *je garderais toujours envers la France „mes anciennes relations d'amitié, et le désir de la cultiver.* Or, il m'est revenu „de bonne part que dans ce moment, je m'exposais à ce que Nesselrode fût „peut-être mal reçu. D'ailleurs, si même il y avait lieu à une négociation, qu'en „pourrions-nous espérer? *Si la France veut contrôler mes règlements d'admi- „nistration, je ne suis plus puissance indépendante! Le prince Kourakine „a tous les pleins pouvoirs possibles pour entendre et répondre aux commu- „nications qu'à Paris on peut vouloir lui faire: quant à des pleins pouvoirs „illimités, pourquoi voulez-vous que je me désiste du droit naturel à un „Souverain? Au reste, si on a été si longtemps à attendre, les six semaines „qu'il faut à un courrier pour arriver et repartir n'y feront rien. Je ne me „plains de rien, je ne veux pas de dédommagement;* je ne veux pas entamer „des négociations qui amèneraient des aigreurs. Je ne puis cesser de le répéter: *„Je ne veux pas la guerre, mais je me défendrai si on m'attaque. Je ne la „veux pas, et, si même un surcroît d'alliés doublait mes forces, je ne la „commencerais jamais: je la considère comme un fléau destructeur. L'agres- „sion est contre mes principes: la défense est un devoir".*

Je dis à S. M. que, si effectivement Elle ne voulait pas la guerre, l'envoi du comte Nesselrode Lui donnait une belle occasion de prouver à l'Europe et particulièrement à la France que S. M. avait usé tous les moyens à en empêcher l'explosion. J'appuyai cette réflexion de tous les raisonnements que m'offrait la connaissance qu'on a de l'importance que met toujours le gouvernement

français à démontrer à ses armées que ce n'est qu'une guerre défensive qu'on leur fait faire et que le gouvernement y a été provoqué.

„*Ne croyez pas cela*", dit l'Empereur. „*Avec un homme qui a tant de* „*moyens de persuasion*, cela ne servirait qu'à lui donner des armes contre moi. „*D'ailleurs c'est lui qui est l'infracteur des traites:* c'est à lui à s'expliquer. „Je n'accepte point de dédommagement aux dépens d'un tiers; *Erfurth n'est* „*pas un équivalent* et je ne veux dépouiller personne. Après les propos mena- „çants qui me sont parvenus par le dernier courrier de Kourakine, *je ne puis* „*avoir l'air d'implorer sa clémence;* ce serait me dégrader. *J'aurais l'air d'un* „*homme qui est intimidé dès que l'on met la main sur le sabre*".

— „Mais", dis-je, „Sire, si V. M. ne juge pas à propos d'envoyer M. de „Nesselrode, il est de mon devoir de L'avertir que la guerre est immanquable".

— „*Je le sais et je m'y attends,* et, par les communications que je vous „ai faites à Kamenny-Ostroff" (séjour d'été de S. M.), „vous devez savoir qu'il „y a longtemps que je m'y attends. *J'ai rassemblé des forces suffisantes pour* „*espérer de pouvoir repousser une agression avec succès*".

Je dis alors que je me flattais que S. M. verrait dans l'empressement que ma Cour mettait à Lui donner le conseil dont j'avais été chargé la sincérité de nos bonnes intentions et l'intérêt majeur que nous attachons à épargner à la Russie les chances malheureuses d'une guerre que je prévoyais devenir terrible.

L'Empereur me répondit qu'il ne doutait pas des sentiments de S. M. l'Empereur d'Autriche, que cependant il ne pouvait me cacher, ainsi qu'il s'en était expliqué franchement avec M. de Lebzeltern, qu'il ne voyait rien de très rassurant dans la déclaration que j'avais faite au chancelier *que nous parlions du moment présent, mais pas de l'avenir,* et qu'à cet égard, il ne savait pas trop à quoi il en était.

Je répliquai qu'indépendamment de l'amitié de mon Auguste Maître envers S. M., nos intérêts, pas moins que notre situation économique, qui commandait impérieusement le repos, étaient garants de notre ligne de conduite en cas d'événement.

— „Je sais", me dit S. M., „que vos intérêts ne vous portent pas à sou- „haiter que la Russie succombe; *car que deviendrait l'Europe, je vous le* „*demande, Général?*"

— „Je m'en rapporte", répliquai-je, „à ce que S. M. me fait l'honneur de „me dire, et à la conviction qu'Elle doit avoir que nous entendons nos vrais „intérêts trop bien pour que vous pussiez douter, Sire, quelle sera notre ligne „de conduite. D'ailleurs, s'il vous fallait des garants, nous en trouverions „dans la Cour de Berlin, qui, bien autrement intéressée à sonder nos dispo- „sitions, est d'une parfaite sécurité à notre sujet".

— „*Oui*", dit l'Empereur, „*je sais qu'il y a une correspondance très active* „*entre vos deux Cabinets;* je sais que la Prusse n'a eu jusqu'à présent qu'à „se louer de vos procédés".

Je tournai la conversation insensiblement sur des détails militaires et sur le théâtre futur de la guerre; je parlai de la position critique de la Prusse,

exposée aux premières attaques d'un agresseur, et puis, comme d'inspiration, je lui dis: „Mais, Sire, pardonnez-moi cette question, est-il concevable que „vous négligiez les moyens de vous assurer d'un voisin qui a près de cent „mille hommes sur pied?"

„Mais comment m'en assurer, si le Roi n'est pas dans les dispositions „à faire cause commune avec la Russie?"

— „C'est ce que je ne puis croire", répondis-je. „Mettez vos armées en „contact avec les siennes, et vous vous serez assuré de cette première ligne „de défense!"

— „Ecoutez, Général, mais que ceci reste bien entre nous. Il faut diviser „la Prusse en trois parties: celle entre la Russie et la Vistule, puis celle entre „la Vistule et l'Oder et même au delà, et celle-là est trop loin de moi, et enfin „la Silésie, qui est déjà coupée par les Saxons. Je n'ai donc de réflexions à „faire que relativement à la première partie. Et si le Roi et son ministère „persistent dans leurs intentions amicales pour moi, je ne demande pas mieux. *„Je suis l'ami personnel du Roi;* cependant sa situation critique—vous savez „que les Français ne sont qu'à trois marches de Berlin,—ne me rassure pas „sur la persévérance de son ministère. *Que puis-je faire? j'ai dix marches „jusqu'à la Vistule!* Et qui me répond de ce que d'un jour à l'autre il se „passe à Berlin?"

La conversation retomba sur l'Autriche et sur les bruits qui avaient couru. L'Empereur m'assura qu'il avait calmé les alarmes qu'avait prises le prince Bagration, mais que, malgré que ce que Stackelberg manda récemment ne confirmât pas positivement les premières données qu'il avait recueillies à Vienne même, ainsi que Kourakine à Paris, cependant il ne détruisait pas absolument les premiers bruits d'armements: „Vous rappelez les semestriers; „en Galicie, on attend des forces très considérables". L'Empereur ajouta qu'il me chargeait d'écrire à notre Auguste Maître que ces bruits n'altéraient pas son amitié, *qu'il me promettait de suspendre son jugement jusqu'à l'événement,* et que je pouvais faire compte qu'il me communiquerait d'époque en époque tout ce qui lui viendrait de Paris et tout ce qu'il y manderait, que, de quelque façon que les choses tournent, ou en bien ou en mal, S. M. n'aurait pas de secrets pour moi. Je saisis cette occasion pour La remercier de la confidence qu'Elle avait daigné me faire relativement à Ses relations avec la Prusse, dont je n'avais, dis-je, nulle connaissance. *„Ecrivez"*, me dit l'Empereur, *„qu'on a „défiguré mon projet d'envoi de Nesselrode à Paris,* qui devait toujours, et „jamais autrement, y être envoyé pour annoncer la paix avec les Turcs, et „pour prévenir les inquiétudes de la Cour des Tuileries en assurant que ce „nouvel état des choses ne changerait rien aux dispositions pacifiques de la „Russie".

Au moment de prendre congé de S. M., je Lui dis que le chancelier paraissait nous soupçonner de nous vouloir renforcer des moyens que nous fournirait un voisin puissant pour concourir à forcer les Hongrois à entrer dans nos vues d'administration financière, et qu'il penchait à croire que ce projet pourrait nous entraîner à des complaisances qui insensiblement nous

éloigneraient du système politique que nous semblions avoir adopté, que je n'entendais pas trop ce que le comte Romanzoff voulait me dire, et que je suppliais S. M. de m'expliquer sa pensée.

L'Empereur me dit que je n'avais pas bien compris le chancelier, qu'il n'avait pu vouloir dire autre chose, et cela de simple amitié, que son attachement à l'Autriche le portait à souhaiter qu'au lieu de faire de la Hongrie une province autrichienne, l'Empereur François se fît hongrois, et gagnât par sa popularité ce pays si important pour ses ressources financières.

Je ne dois point oublier de dire que, la conversation me fournissant l'occasion de parler du congrès de Bucharest, je la saisis pour sonder le terrain. L'Empereur me parut embarrassé. Il convint que Latour-Maubourg ne discontinuait pas de travailler le Divan, et qu'il y avait des lenteurs fatigantes à essuyer. Je dis à S. M. que j'éprouvais trop de sollicitude de l'embarras que donnerait à la Russie cette double guerre, pour ne pas manifester mon souhait de voir cette paix enfin conclue. L'Empereur balbutia une réponse, et dit enfin qu'il était dans l'attente de la conclusion; S. M. me paraissait peu rassurée.

Je crois pouvoir tirer de tout ce que S. M. me dit à cette très longue audience, dont V. E. trouvera les expressions littéralement rendues toutes soulignées, les conclusions suivantes:

1° L'Empereur désirerait nous persuader qu'en nous offrant la Valachie pour nous entraîner dans la cause de la Russie contre les Turcs, qu'en s'ouvrant à moi dans les conversations de l'été passé sur ses dispositions militaires, qu'en me répétant qu'en cas de succès son premier souhait était que l'Autriche récupérât ses anciennes possessions, enfin qu'en faisant proposer par le général Schouvaloff le payement de la créance conditionnellement pour nous arracher une assurance de neutralité compromettante, S. M. a tout fait pour nous faire oublier Ses torts à l'époque de l'année 1809, et suffisamment pour nous engager à nous déclarer, au risque d'une indiscrétion de la part de ce Cabinet.

2° L'Empereur se complaît à répéter, comme il l'a fait presque à toutes les audiences, la série historique des événements qui insensiblement ont amené l'état de crise actuelle. S. M. met dans ce récit détaillé et très long une exactitude minutieuse et fatigante, il est vrai, mais ce Souverain s'énonce avec une clarté, une netteté d'idées, un choix d'expressions, qui le fait écouter avec intérêt. L'Empereur prend surtout à tâche d'excuser cette démarche contradictoire que les vacillations d'opinions des personnes influentes lui ont fait faire en publiant cette protestation en forme de circulaire motivée par l'occupation du Duché d'Oldenbourg. S. M. ne peut se cacher qu'il y avait de la faiblesse à souffrir le refus trois fois répété d'accepter la note du prince Kourakine et que cette fameuse protestation, terminée par une apologie de la conduite du Cabinet des Tuileries, était un aveu public de cette gaucherie de Kourakine et de l'humeur qu'en prit l'Empereur Alexandre, mais que son chancelier s'efforçait à cacher.

3° L'Empereur est bien décidé de n'envoyer M. de Nesselrode qu'après la nouvelle de la paix du Danube. Je penche à croire que ce n'est pas une

défaite, lorsque S. M. dit qu'Elle n'avait jamais eu d'autres intentions que celles qu'Elle m'a déclarées, et qu'effectivement le ministère russe a des soupçons fondés pour douter, ou du bon accueil que l'on promet au comte Nesselrode, ou de l'issue désirée d'une négociation dans laquelle l'Empereur comme le chancelier voient une amorce pour engager une discussion qui fera le sujet d'une déclaration de guerre.

4° L'Empereur est actuellement revenu de la première impression que lui ont faite les bruits que lui-même n'a pas désavoué avoir été ramassés (comme j'ai pris la liberté de lui dire) sur le pavé de Vienne; contre l'énoncé du chancelier, il est échappé à S. M. de dire que ces bruits étaient également venus de Paris. L'Empereur convient que son ambassadeur s'est mépris sur les prétendues négligences de formes vis-à-vis de lui par le prince Schwarzenberg, mais S. M. n'est nullement rassurée sur l'avenir; peut-être y met-Elle un peu d'affectation: Son avarice y pourrait bien trouver son compte. Je crois que l'Empereur se méfie des sentiments personnels de V. E., que S. M. s'est mis dans l'esprit n'être pas bien intentionnée pour la Russie, quoique j'aie été instruit sous main que le comte Stackelberg a donné à cet égard les rassurances les plus positives: il a parlé de vous, Monsieur le Comte, avec la chaleur d'un ami tout dévoué et la conviction de la sagesse de vos vues politiques. L'Empereur a, comme tous les russes, la conscience de ses anciens torts, et il est tourmenté de l'appréhension de s'en voir puni; c'est moins conviction, dans ce Prince, que crainte: la raison lui parle pour nous, la peur seule alimente ses alarmes.

5° L'Empereur s'attend à la guerre; il la juge inévitable et rien moins qu'éloignée. L'Empereur a peu de confiance dans les talents de ses généraux; il ne me l'a que trop fait entendre dans d'autres occasions, et il s'en est expliqué plusieurs fois sans ménagement avec Armfelt. Mais l'Empereur espère beaucoup de la bravoure de la troupe, de sa discipline et de son obéissance passive, et plus encore des obstacles de localité que dans ses Etats offre le terrain, boisé, marécageux, inculte et peu peuplé. S. M. compte beaucoup sur la difficulté des approvisionnements et la rigueur du climat. L'Empereur se repose sur l'esprit public, sur les sacrifices qu'on lui promet au nom de la nation, et sur la justice de sa cause, à laquelle il attache une confiance religieuse.

L'Empereur est résolu de ne faire qu'une guerre défensive. La conviction de son infériorité en talents militaires, le manque de numéraire métallique, la peur surtout, qui paralyse en ce Souverain toutes les conceptions vastes, toutes les idées grandes, le confirment dans ce système, qui, sous différents rapports, est peut-être le plus applicable à la situation de cet Empire.

Quant au Roi de Prusse, il est évident que l'Empereur se méfie de la faiblesse de ce Prince, de l'influence de son ministère, dans lequel il soupçonne un parti contraire à ses intérêts; et je crois ne pas me tromper en avançant qu'il n'y a pour le moment actuel rien encore de définitivement stipulé entre ces deux Souverains. Je sais que la difficulté de trouver des vivres est venue fort à propos pour servir à S. M. de prétexte de ne pas pousser au delà de

la Vistule; et encore ce mouvement, si tant est qu'il se fasse, ne dépendra, à ce qu'il me paraît, que de la détermination que prendra le Roi au moment de l'explosion de la guerre.

Il est possible que le caractère méfiant de S. M. La porte à nourrir quelques soupçons sur cette correspondance active entre Vienne et Berlin dont Elle m'a fait mention; Kochéleff me l'a presque fait entendre. J'ai gardé la contenance d'un homme absolument ignorant de ce que V. E. a bien voulu me confier sur cette Cour.

6° Quant à la divergence de la manière de s'énoncer de l'Empereur et du chancelier sur leurs opinions relativement aux Hongrois, il me vient une idée que je prends la liberté de présenter à V. E. comme un soupçon, non absolument fondé, mais qu'a fait naître la façon entortillée avec laquelle le chancelier me parla, non sans quelque embarras, sur un sujet tout à fait étranger à la politique. Cet empressement de l'Empereur de me dire que ce n'est que d'ami à ami que le comte Romanzoff a pu m'en parler, enfin cette affectation de m'assurer, dans une conférence postérieure à l'audience, que la Russie n'avait pas l'habitude de prendre notice des affaires d'administration de ses voisins, tout ensemble m'a confirmé dans mon idée que l'Empereur a cru devoir céder aux instances que cette députation secrète des Hongrois mécontents lui a faites probablement, et que, sans absolument les compromettre ni avoir l'air d'y prendre un intérêt qui éveillerait en nous de justes soupçons, le chancelier a cru pouvoir indirectement lâcher quelques paroles en faveur de leur cause, ou peut-être sonder nos dispositions à cet égard. Je ne crois pas que le chancelier revienne à la charge; cependant il est très probable, quoique je n'en aie aucune preuve matérielle, que des mécontents se sont adressés à cette Cour, où l'affinité de religion leur a fait espérer quelque appui, et que, pour les satisfaire en partie, on ait promis de hasarder quelques conseils de bonne amitié, sans se flatter pourtant d'un grand effet. Je n'ai rien pu apprendre à l'égard des individus dont V. E. me recommande la surveillance; il me paraît que le peu que m'a laissé deviner le chancelier motive de justes soupçons.

7° L'Empereur s'efforce de montrer du calme dans l'attente de l'avenir. Les faiseurs, parmi lesquels aujourd'hui le baron Armfelt est le plus écouté, travaillent à lui inspirer cette fermeté si nécessaire à la veille d'une grande crise; ils ne cessent de lui dire qu'on doit s'attendre à de premiers revers, peut-être suivis de quelques autres échecs, mais que la persévérance, en employant les grands moyens que l'Empire offre, développera des talents encore ignorés, formera des généraux, lassera l'ennemi, l'éloignera des sources où il puise ses recrutements, multipliera les difficultés, et rétablira enfin des chances heureuses pour la Russie. Déjà l'Empereur ne parle plus que dans ce sens; surtout il est persuadé que l'Empereur Napoléon tôt ou tard voulait lui faire la guerre, et c'est dans cette conviction que, sans avoir le reproche à se faire de l'avoir provoquée, l'Empereur préfère que les circonstances l'amènent, aujourd'hui que l'Espagne divise les forces de son adversaire et paralyse une partie de ses moyens.

Armfelt s'occupe du projet d'environner l'Empereur, en cas de guerre, d'individus dont la haine personnelle contre le gouvernement français et l'énergie contrebalancent la faiblesse de caractère qu'il connaît à son Maître. Ce Comité devra surtout s'attacher à éloigner l'influence du Grand-Duc Constantin. Son manque de courage, la passion des parades de garde, et l'entourage de ce Prince, qui a de l'esprit, mais nulle application, de gens obscurs et dont on se méfie, fait tout craindre en cas de premier échec. On espère que Monseigneur ne commandera qu'un corps de réserve composé de quelques régiments des Gardes, et qui sera placé loin derrière l'armée. Armfelt désire de voir autour de S. M. ce prince Casimir Lubomirsky dont j'ai déjà eu l'honneur de parler à V. E., puis le général Stroganoff, le même qui avec Novosiltsoff et le prince Czartoryski jouissait de la plus haute faveur au commencement de ce règne, et que des motifs personnels ont rendu l'ennemi le plus implacable des Français, l'aide de camp général Ouvaroff, homme médiocre, mais zélé serviteur de son Maître, et enfin le général Armfelt lui-même qui compte accompagner S. M.: l'Empereur, dans ce moment, lui témoigne une grande confiance; il a avec S. M. son franc parler, et il ne néglige aucune occasion de lui communiquer cette exaltation que les années et les persécutions n'ont fait qu'augmenter dans cet homme, qui a du talent, de la bravoure, un peu de jactance, un esprit remuant et un besoin de faire parler de lui.

8° Je me rends complètement à l'avis de V. E.: je crois comme Elle que le comte Romanzoff est ancré dans sa place plus fortement que jamais; l'empire de l'habitude, la conviction de sa probité, peut-être précisément la réputation plus que douteuse de ses grands talents politiques, réputation qui fait ressortir davantage les talents que l'Empereur aime qu'on lui suppose à lui-même pour la conduite de ses affaires politiques et que S. M. se pique de mener à Elle seule, combattent toutes les informations des nombreux adversaires du chancelier. Eux-mêmes, nullement d'accord entre eux sur les prétentions à cette première place dans l'Etat, le sont à avouer un revirement de bord complet du chancelier, qui, dit-on, a déjà présenté un tableau politique éventuel des nouvelles relations de la Russie en cas de rupture avec la France.

Finalement, je dois avouer que je suis dans la persuasion que S. M. a été vivement piquée des reproches que contenait cette dépêche proprement non ostensible, et qu'à l'instigation de Kochéleff je Lui avais, quoique contre l'intention de V. E., fait la lecture. Je crois aussi que l'embarras de l'Empereur, après s'être rétracté *formellement* de la promesse formelle du payement, et l'humiliation d'avoir cédé aux conseils du comte Romanzoff, ont été peut-être la cause pour laquelle j'ai été près de trois mois sans me voir honoré d'une invitation ni d'une audience dans son cabinet.

Comme j'ai acquis la conviction que ces conversations, malgré le talent de l'Empereur de glisser sur des matières sur lesquelles S. M. ne veut pas être devinée, me donnent pourtant des lumières qu'impossiblement je puis acquérir par de stériles conversations avec le comte Romanzoff, qui délaye tout ce qu'il dit dans un torrent de phrases insignifiantes et des expressions presque inintelligibles, je ne négligerai rien pour les rendre aussi fréquentes que possible.

L'Empereur est extrêmement sensible à la cajolerie; ce moyen de séduction m'a toujours réussi avec succès quand j'ai voulu l'employer pour vaincre sa méfiance habituelle. Au reste, peu maître de sa physionomie, que j'ai eu le loisir d'étudier, elle trahit assez les arrière-pensées quand l'Empereur en a, les petites faussetés qu'il emploie quand il veut cacher ses vraies intentions, et surtout un genre d'embarras, de bredouillement, quand il ne veut pas qu'on le devine.

32.

29 janvier/10 février 1812.

Le lendemain de l'audience de S. M., je fus chez M. le chancelier. Il me donna des détails assez insignifiants sur la manière dont l'envoi du comte Nesselrode avait été projeté, et, abondant dans le sens de ce que l'Empereur m'avait fait l'honneur de me dire, il me raconta que le comte Lauriston ne cessait de presser son départ; à quoi le comte Romanzoff avait toujours répondu de manière à nullement le confirmer dans la fausse idée qu'on avait pu se faire en France du but réel de son envoi à Paris.

Je fus également chez le grand maître Kochéleff. Il me dit qu'il était chargé de la part de l'Empereur son Maître de me dire plusieurs choses fort obligeantes que je me dispense de répéter parce qu'elles me sont personnelles, et qu'il en écrirait dans ce sens à M. de Stackelberg, que l'Empereur s'était plaint à lui qu'il y avait toujours de l'aigreur dans nos expressions. Kochéleff, en me conjurant d'éviter ces piqûres d'épingles, disait-il, qui entretiennent un ferment que le chancelier a soin d'alimenter, me fit entendre qu'il était question d'une expression que le comte Romanzoff avait relevée dans la note relativement aux passeports des sujets russes qui veulent entrer dans nos Etats, dans laquelle nous disions que la nouvelle mesure que nous avions jugé à propos d'adopter n'était nullement applicable à la Moldavie et la Valachie, parce que ce n'étaient pas des provinces russes. Il ajouta que l'Empereur, voyant avec plaisir la confiance que V. E. met dans la personne de Kochéleff, renouvelait l'autorisation de ce modèle de communication avec moi, que S. M. lui avait dit à ce sujet des choses très gracieuses, faites pour réchauffer le zèle d'un vieux serviteur tout dévoué à son Maître, qu'il avait pris occasion de ma dernière lettre ostensible pour parler à S. M. du payement, qu'Elle lui avait déclaré qu'effectivement Elle avait voulu et voulait encore payer, mais que ces nouvelles dont on l'avait assailli de tous côtés avaient fourni des arguments au chancelier pour déconseiller l'acquittement instantané, qu'au reste, il était autorisé à me dire *que l'Empereur separait complètement l'affaire de la créance de toute déclaration politique quelconque, et que S. M. avait fixé le premier terme de payement au mois de juin de cette année 1812*, que lui, Kochéleff, me conseillait de saisir l'occasion d'une rencontre à la promenade pour lui en parler et entrer avec l'Empereur dans des détails sur cette

affaire, que l'Empereur, rassuré sur les bruits d'une négociation entamée avec le Cabinet des Tuileries, mais non pas sur nos déterminations à l'avenir, l'avait chargé de me dire que S. M. se mettait tout à fait dans la position de l'Autriche, que l'Empereur ne s'était jamais attendu et n'avait jamais désiré que nous prissions activement parti pour la Russie, qu'il nous l'eût déconseillé même au besoin, mais que S. M. souhaitait que nous Lui donnions des assurances d'amitié et de parfaite tranquillité en cas de guerre, que ce n'était pas un acte diplomatique que l'Empereur désirait, que, si nous n'avions pas confiance dans la discrétion du comte Romanzoff, il lui suffisait que ce fût par Stackelberg et lui, Kochéleff, ou par moi au moyen du même canal que S. M. reçût cette assurance satisfaisante, et qu'il avait ordre d'écrire la même chose au comte Stackelberg. Il ajouta, quant à la paix avec les Turcs, que malheureusement, au moment où tout était arrangé et la cession du Pruth fixée, le duc de Richelieu avait persuadé le chancelier de l'importance de la possession de la Mingrélie, que, le comte Romanzoff appuyant sur la demande de ce pays, le dernier courrier expédié par l'Empereur était porteur de propositions d'un genre à hâter la conclusion de la paix ou motiver la dissolution du congrès.

Le chancelier ne m'avait pas tout à fait parlé dans ce sens; il s'était borné à dire que, quelques longueurs que les Turcs mettaient dans les négociations, ils en finiraient par conclure au gré de la Russie, que l'Empereur, par déférence pour les intérêts de l'Autriche, se désistait des premières prétentions qu'il m'avait annoncées dans le temps, que les efforts de la Porte et la magie religieuse que le Sultan avait employée pour monter les têtes n'avaient abouti qu'à des efforts stériles, et actuellement démontrés être des moyens insuffisants pour résister aux Russes.

S. M. a eu tout récemment un long entretien avec l'ambassadeur de France, et lui a, m'a-t-on assuré, donné sur l'envoi de Nesselrode les mêmes explications qu'à moi. M. de Lauriston expédia le lendemain un courrier à Paris. Les ministres de la Confédération Germanique, qui ne voient que par les yeux de l'ambassadeur, s'attendent à ne plus rester longtemps à Pétersbourg.

Dans ce moment même, j'apprends que les plénipotentiaires turcs n'ont pas voulu accepter les toutes dernières propositions, et que le séraskier, qui est d'un tout autre bord que le grand vizir, est parti pour Constantinople, sous prétexte de demander de nouvelles instructions; les autres sont restés et attendent son retour. L'Empereur, me dit-on, a paru inquiet de cette nouvelle. Il en a fait un mystère à l'Impératrice Mère, qui ne cesse de le presser pour la conclusion de la paix à quelque prix que ce soit.

Il vient d'arriver par courrier la nouvelle de la prise de possession de la Poméranie Suédoise par les troupes françaises, motivée par le refus du Prince Royal de vouloir accéder au Système Continental. Le ministère russe voit, me dit-on, dans cette occupation l'assurance positive de la sincérité des intentions du Cabinet de Stockholm.

Tout le monde est en campagne pour persuader l'Empereur de se désister de cette prétention de la Mingrélie qui menace de faire recommencer

Императоръ Александръ I на смертномъ одрѣ

les hostilités. Déjà il est question de la prise de Ruchtchuk; l'Empereur se flatte que ce sera porter un grand coup. On a beau lui dire qu'en faisant prisonnier le grand vizir, il se prive du plus grand partisan de la paix: on ne conçoit pas cet entêtement. Le maréchal de Cour Tolstoï a dit hier: „Je commence à me lasser: il n'y a moyen de faire entendre raison à l'Empereur „sur l'article des Turcs; il prétend les mieux connaître que tous ceux qui „l'environnent". Les ennemis du chancelier le soupçonnent d'avoir persuadé S. M. qu'aussi longtemps que la paix avec les Turcs n'est pas conclue, la France tardera encore de se déclarer, et que le comte Romanzoff, qui tient à sa place, qu'il craint de perdre par un revirement de politique, entretient cette idée dans l'esprit de son Maître, que la peur qu'il a de l'Empereur Napoléon lui fait adopter. La dissimulation habituelle de ce Souverain vis-à-vis des personnes avec lesquelles il traite d'affaires pourrait me faire pencher pour cette opinion. Il n'y a que cette peur d'un événement qu'il juge immanquable, mais dont il désire de reculer l'époque, qui pourrait expliquer cette opiniâtreté de ne vouloir écouter ni les conseils de ses alentours ni le vœu de la nation. On a différé l'annonce de l'impôt des 80 millions jusqu'au moment de la publication de la paix, tant on faisait compte sur la joie que cette nouvelle répandrait dans tout l'Empire. On a fait marcher une des deux divisions placées en réserve pour augmenter l'armée du général Koutouzoff; le retour du courrier de Constantinople décidera de la reprise des hostilités.

33.

27 février/10 mars 1812.

S. M. l'Empereur me fit l'honneur de m'inviter hier à dîner; après table, Elle me dit qu'Elle désirait me parler. Introduit dans Son cabinet, l'Empereur me dit qu'il avait plusieurs nouvelles à me communiquer, que la Poméranie Prussienne était à la veille d'être occupée par les troupes françaises, que déjà elles étaient entrées à Auklam et encore une autre ville dans le voisinage, que le Roi en est d'autant plus alarmé qu'il n'en avait pas été prévenu, et que ce Prince n'avait pas encore reçu de réponse aux dernières propositions qu'il a fait faire, que, le chargé d'affaires de Suède à Paris ayant demandé une explication sur l'occupation de Stralsund, le duc de Bassano lui avait demandé si c'était à la suite de quelque ordre de sa Cour, et que, lorsque celui-ci eut répondu que non, le duc lui avait dit qu'il le priait de trouver bon que jusque-là il n'eût rien à lui communiquer sur ce sujet, que le prince Kourakine s'était rendu chez le ministre des relations extérieures pour lui témoigner son étonnement sur ce redoublement d'activité qu'il voyait dans les préparatifs militaires et les bruits du prochain départ de l'Empereur Napoléon, à quoi le duc répondit qu'il l'assurait que tout ce qu'on débitait à ce sujet étaient des bruits de ville, que, nonobstant, S. M. croyait que la bombe allait bientôt éclater, que le comte Stackelberg lui

mandait qu'on commençait à Vienne à se persuader que l'envoi de Nesselrode à Paris aurait été au moins inutile.

Ici j'interrompis S. M. pour Lui dire que cependant tout récemment encore, j'avais reçu les ordres de V. E. d'appuyer autant que possible les conseils que, par ordre de son Souverain, le colonel Knesebeck avait été chargé de donner à S. M. — „Je le sais", répondit l'Empereur: „le chancelier „m'en a parlé. Mais, je vous demande, qu'est-ce que c'est que ce jeune homme „dont on s'est engoué tout d'un coup? Est-ce lui qui a le sort de l'Europe „entre ses mains? Est-ce que la France et moi n'avons aucun autre homme „de confiance? Qu'est donc Kourakine à Paris et Lauriston ici? Non, non! „croyez-moi, cher Général", ajouta l'Empereur en me prenant affectueusement la main, *„la guerre est inévitable! Quand* il *aura ramassé toutes ses „forces,* il *m'enverra un Duroc, que sais-je, avec des propositions inacceptables: c'est à quoi je m'attends, et vous êtes certainement de mon avis".*

— „Mais, Sire", répondis-je, „comment concilier l'opinion de V. M. sur les „intentions de l'Empereur Napoléon, opinion à laquelle je me range volontiers, „avec celle du chancelier, qui m'assura ne point croire à une guerre prochaine?"

— „Allons, allons! le chancelier fait son métier; il fait bien de parler „ainsi! Mais moi, j'y vais rondement; j'ai pleine confiance en vous. Les „chevaux de l'Empereur Napoléon", continua l'Empereur, „sont déjà à Dresde; „les Gardes n'ont pas bougé encore, mais *il* a rappelé tous les maréchaux „en Espagne. Le chancelier vous a-t-il dit que les Anglais ont trouvé à „Ciudad-Rodrigo un amas de munitions de guerre et des vivres pour toute „une campagne, et que l'Empereur est outré contre Marmont?"

J'amenai ensuite la conversation sur l'état approximatif des armées françaises en Allemagne. L'Empereur me dit qu'il était parfaitement informé de toutes les forces françaises en deçà du Rhin. Il y a trois armées, me dit S. M., celle de Davoust de cinq divisions, celle d'Oudinot de trois, et celle de Ney de quatre, ce qui fait douze divisions d'infanterie; la division a douze mille hommes: fait, somme ronde, cent cinquante mille hommes. „Ajoutez", dit l'Empereur, „neuf divisions de cavalerie, chacune à trois mille hommes, „fait vingt-sept mille chevaux. *Je compte donc deux cent mille hommes de „Français; puis cinquante mille des troupes Rhénanes et quarante mille „Varsoviens, et la France aura trois cent mille hommes à m'opposer.* „Je m'attends à de premiers échecs", continua l'Empereur, „mais ils ne me „décourageront pas; en me repliant, je mettrai un désert entre son armée „et la mienne; hommes, femmes, bestiaux, chevaux, j'enlèverai tout, et la „cavalerie légère russe est unique pour cela, j'en réponds. C'est une mesure „bien sévère", ajoutait l'Empereur, „mais le Ciel m'est témoin que ce n'est „pas moi qui suis l'agresseur de tous ces maux". Ensuite S. M. me dit que les Français auraient bien de la peine à faire subsister leurs armées, que la Vistule serait le véhicule dont ils se serviraient pour l'arrivage des vivres, que la Prusse, ce pauvre pays déjà abîmé, ne leur sera que d'une faible ressource, que, quoi qu'il arrive, ce sera toujours la Prusse qui sera le théâtre de la guerre.

„Oui", répliquai-je, espérant de le faire parler; „car une partie du „Royaume de Prusse, au moins celle sur la droite de la Vistule, sera le lieu „du combat". L'Empereur hésita, puis il dit: *„Il faut compter tout ce qui est „derrière les armées comme théâtre de la guerre"*.

Puis, passant de ce sujet à un autre, l'Empereur me dit: „Je suis „tranquille sur votre compte; vous entendez vos intérêts, je n'ai pas de conseil „à vous donner. *Je n'exige, je n'attends rien de l'Autriche; je ne souhaite „autre chose que de la savoir se tenir passive, qu'elle voie comme les choses „tourneront, et qu'elle agisse ensuite d'après ce que ses vrais intérêts „lui inspireront"*.

Là-dessus, l'Empereur, après m'avoir parlé de mes campagnes, de la tactique française, puis de choses indifférentes, de mes relations de société, après m'avoir demandé si je prenais une maison de campagne cet été, S. M., après une petite pause, les yeux fixés en terre, dit: „Dans ce moment, l'on „ne peut faire aucun projet!" et, avec un soupir: „Dieu sait dans quelle maison „de campagne je passerai cet été!" Enfin S. M. me congédia en me prenant par la main et me disant mille choses gracieuses et me répétant qu'Elle se fiait à ma discrétion.

Dans cette audience, où j'ai eu lieu d'admirer la mémoire de S. M., qui, avec une facilité étonnante, récitait sans hésiter les noms de toutes les divisions composant les armées françaises en Allemagne, S. M. paraissait, ainsi qu'à table, d'une humeur très enjouée, au reste calme et résignée. Il n'y a plus de doute que l'Empereur voie la guerre inévitable, très prochaine et terrible dans ses résultats.

L'Empereur ne se méfie plus de nos intentions, du moins pour le moment; S. M. espère que des chances heureuses pour la Russie entraîneront l'Autriche dans ses intérêts. Je n'ai garde de tirer le Cabinet de St-Pétersbourg d'aucun doute à cet égard, et, crainte de me compromettre, je garde toujours un silence qui ne laisse pas d'inquiéter un peu.

Je parlais à l'Empereur de la paix du Danube: „Je n'en désespère pas", me répondit-il; „les négociations ont recommencé, mais, voyez-vous, ces gens „sont comme cela: on leur accorde le doigt et ils veulent d'abord tout le bras. „Ils sont indiscrets à cette heure, ces Messieurs, avec leurs prétentions ridicules, „parce qu'ils voient que je suis à la veille d'avoir une autre guerre sur les „bras. Il faut y aller doucement; au reste, personne n'a quitté Bucharest, et, „comme je vous dis, je n'en désespère pas". J'ai appris sous main, et je penche à y croire, que l'Empereur en dernier lieu a déclaré se contenter du Pruth comme limite entre les deux Empires, ainsi que les Turcs l'avaient d'abord proposé. S. M. m'a assuré savoir que la France ne cesse d'instiguer les Turcs à persister à demander le *status ante bellum*, et que l'Empereur Napoléon leur promet une prochaine diversion, et ne cesse de les entretenir des préparatifs de guerre qu'il fait et de la célérité qu'il y met.

J'oubliais de dire à V. E. que, lorsque S. M. me fit l'énumération détaillée des forces de Ses ennemis, je L'interrompis pour Lui dire qu'Elle oubliait les ci-devant Polonais, qui certainement se mettraient en pleine insurrection. L'Empe-

reur me répondit qu'il y mettrait ordre, et que c'est par eux qu'il commencera à faire un désert. Sans doute l'Empereur désespère de gagner l'affection de ces habitants des provinces acquises sur l'ancienne Pologne; il est vrai que la Cour n'a rien fait pour se les attacher. Les correspondances qu'on intercepte journellement et les émissaires qu'on arrête donnent des preuves plus que suffisantes de leurs mauvaises intentions.

34.

31 mars/12 avril 1812.

Dans la dépêche № 13, en date du 19/31 mars *), expédiée par la voie de la poste, j'eus l'honneur d'annoncer à V. E. l'arrivée du courrier Nipper le 15/27 mars.

Je demandai le surlendemain une conférence à M. le chancelier de l'Empire. Il me dit que je l'avais prévenu en désirant lui parler, et qu'il était chargé de la part de S. M., qu'il venait de quitter dans ce moment, du message suivant pour moi: que S. M. l'Empereur avait appris par la dépêche du comte de Stackelberg que mon courrier lui avait apportée, que V. E. lui avait fait la communication que nous comptions établir un cordon militaire sur nos frontières de la Galicie, qu'à cette annonce M. de Stackelberg avait ajouté la nouvelle que plusieurs trains considérables d'artillerie partaient de Vienne et d'Olmütz, que ces préparatifs faisaient beaucoup de bruit dans le public et donnaient lieu à la supposition que la Cour d'Autriche prendrait une part active à la guerre prochaine, et que le comte de Stackelberg avait cru de son devoir d'en faire son rapport à sa Cour, que l'Empereur avait chargé le comte de Romanzoff de me dire que, persuadé de la loyauté du caractère personnel de l'Empereur d'Autriche, il attendait de sa délicatesse la réciprocité des procédés que S. M. avait eus envers lui lorsque, liée par des traités, Elle s'était vue dans l'obligation de joindre Ses troupes à celles du Duché de Varsovie, que, si des traités ou les circonstances invitaient le Cabinet de Vienne à agir hostilement contre la Russie, S. M. croyait pouvoir s'attendre que l'Empereur François Lui en ferait la déclaration préalable, que je devais me rappeler que toujours il m'avait dit et répété que la Russie ne demandait pas que l'Autriche se joignît à elle, non qu'elle n'eût accepté cette proposition avec plaisir, mais qu'elle se bornait à désirer que l'Autriche consultât bien ses vrais intérêts et qu'elle restât tranquille, et que c'était tout ce que son Souverain attendait de nous.

Je répondis que je ne manquerais pas de transmettre cette communication à mon Auguste Cour, mais que, comme elle ne coïncidait pas du tout à celle que j'étais chargé de lui faire et que je le priais de faire passer à S. M., je lui demandais la permission de lui communiquer la dépêche que je venais de

*) Этого донесенія не оказалось въ Вѣнскомъ Государственномъ Архивѣ.

recevoir, et de suite je lui fis lecture de la dépêche ostensible, ainsi que j'en avais reçu les ordres de V. E., en y ajoutant les réflexions dans le sens des instructions que je venais de recevoir.

Le comte de Romanzoff me dit qu'il transmettrait la déclaration que je lui avais faite à S. M. Puis, la conversation étant tombée sur la probabilité de la guerre, le chancelier me dit que *le comte Lauriston se promettait de si bonne foi qu'il n'y avait pas lieu à la guerre qu'on était presque tenté de croire qu'elle ne se ferait pas,* qu'à la vérité la lettre autographe de l'Empereur Napoléon n'était point écrite dans un style provoquant, et que les expressions en étaient dictées par la plus grande modération et toute la lettre dans le sens d'un dessein positif de maintenir la paix, *mais qu'elle ne contenait rien qui acheminât à un arrangement,* que l'ambassadeur était persuadé que, l'armée française une fois établie sur l'Oder, l'Empereur Napoléon proposerait une ouverture de négociation, et qu'il était possible qu'elle mènerait à un accommodement, que probablement on considérerait le pays intermédiaire entre la Vistule et la frontière russe comme propre à y fixer une ville pour y réunir les négociateurs, qu'au reste la France avait effectivement, comme on me le mandait, 350.000 hommes à porter contre la Russie, mais qu'il était convaincu que la Russie avait des forces suffisantes à leur opposer, qu'il me répétait que l'Empereur Alexandre ne voulait point la guerre, mais que le premier des devoirs, celui de maintenir son indépendance, l'y porterait s'il était attaqué, qu'il semblait que quelque embarras imprévu était survenu à Paris qui éloignait encore le moment de l'explosion, que sans doute V. E. m'avait donné connaissance d'un projet de démembrement d'une partie de l'Espagne réunie à la France, que le Roi Joseph devait dans ce moment-ci être arrivé à Paris, et qu'il lui paraissait que le Souverain de la France était occupé d'une grande pensée. Le comte de Romanzoff ajouta qu'il n'y avait pas de doute qu'au premier jour l'Empereur Napoléon trouverait que la Prusse était mal administrée et qu'il croirait être dans l'obligation de s'en charger, que tous ces envahissements étaient trop inquiétants pour le sort futur de la Russie pour qu'elle ne se servît pas de tous ses moyens pour en empêcher les conséquences désastreuses. Passant ensuite à un autre sujet de conversation, M. le chancelier me dit qu'il pouvait me donner de très bonnes nouvelles sur l'issue des négociations de Bucarest, que, quoiqu'il n'en fût pas chargé par son Souverain, il croyait pouvoir le faire sans indiscrétion, que M. de Latour-Maubourg avait réussi jusqu'à présent de persuader la Porte que la Suède, avec de grands moyens et surtout par l'avantage de posséder un des plus grands capitaines de ce siècle, ferait une puissante diversion, mais qu'un employé de M. de Lœwenhjelm arrivé à Bucarest avait détrompé les négociateurs et leur avait dit qu'il était porteur près de la Porte de l'assurance qu'il n'existait pas d'amitié plus sincère que celle du Roi et du Prince Royal envers l'Empereur de Russie; enfin il ajouta que, d'après le dernier courrier, on pouvait se flatter d'une prochaine conclusion.

Cette conversation eut lieu le 29 mars de notre style; le 3 avril, je pris occasion de la dépêche en date du 17 mars que V. E. m'a fait l'honneur de

me transmettre et qui me fut remise par un courrier russe, pour avoir un entretien avec M. le chancelier de l'Empire. J'espérais obtenir de lui quelque confidence sur la manière dont la lettre autographe de l'Empereur Napoléon avait été accueillie et dans quel sens on y répondrait. Voici sommairement tout ce que je pus en tirer. Le comte Romanzoff commença par me dire qu'il avait sur les forces et la direction des armées françaises les mêmes informations que moi, qu'au reste il était chargé de la part de son Souverain de me dire que la haute idée que S. M. avait du caractère loyal de notre Auguste Maître et la conviction dans laquelle Elle était que nos intérêts ne nous engageaient pas à désirer l'affaiblissement de la Russie laissaient son Souverain dans une parfaite sécurité sur nos intentions, mais qu'il croyait pouvoir se flatter qu'en cas que les circonstances nous fissent prendre une détermination hostile, nous en agirions avec la même franchise à son égard comme lui en avait fait en 1809, où l'Empereur Alexandre nous expédia un courrier d'Erfurth pour nous avertir qu'il avait pris des engagements qui l'obligeaient à se déclarer contre nous, si nous étions les agresseurs. Le comte Romanzoff ajouta qu'il enverrait incessamment un courrier à Vienne, que les propositions dont le colonel Tchernycheff a été porteur se réduisaient à un accommodement pour le Duché d'Oldenbourg, à un arrangement par rapport au Système Continental, ainsi qu'au sujet des relations commerciales avec la France, que lui était porté de croire qu'on pourrait s'entendre sur ces trois points, que, quant au Duché de Varsovie, l'Empereur des Français avait donné sa parole d'honneur qu'il n'avait aucun projet, qu'au reste le prince Kourakine continuait à être traité à Paris avec les mêmes distinctions et marques d'estime comme autrefois, que l'Empereur Napoléon avait dit qu'il ne concevait pas le comte de Romanzoff, qui, en s'éloignant de la France, n'avait encore fait le moindre pas pour se rapprocher de l'Angleterre, qu'effectivement ce prince avait raison, que d'ailleurs les nouvelles relations avec la Suède amèneraient à cet égard les mêmes résultats et que, dès le moment que la guerre serait décidée, ce ne serait plus que l'affaire de vingt-quatre heures pour s'arranger avec le Cabinet de Londres. Puis il me raconta que M. de Suchtelen avait enfin vaincu toutes les difficultés des glaçons et avait touché terre en Suède, que le comte de Lauriston avait envoyé son aide de camp Longuerue à Paris avec ordre de s'aboucher en passant avec le maréchal Davoust pour empêcher, avait-il dit, des mouvements militaires qui pourraient accélérer la rupture, que, quant à lui, il avait peine à concevoir qu'un ambassadeur eût le pouvoir d'entraver des dispositions militaires émanées immédiatement de Paris, que l'Empereur des Français avait désapprouvé les mesures de rigueur employées à Stralsund contre les sujets suédois, et que même les bâtiments confisqués avaient été rendus, que la Cour de Berlin n'avait encore donné au comte de Lieven aucune déclaration sur sa nouvelle alliance avec la France, qu'il y avait en Prusse de grands mécontentements, que plusieurs généraux distingués avaient fait leur déclaration au Roi de ne jamais vouloir servir avec les armées françaises, que tout était dans ce pays dans un état de fermentation complet, que sans aucun doute l'Empereur Napoléon s'emparerait de l'administration de ce Royaume, que, quoique le

prince Kourakine n'eût encore rien mandé de ce congrès de Famille Impériale à Paris, cependant toutes les nouvelles de Cassel et d'autres points de l'Allemagne annonçaient le voyage précipité du Roi de Westphalie, du Vice-Roi d'Italie, etc., que l'Italie renfermait un levain de révolution et de sédition, que le mécontentement y était général, que l'Angleterre se proposait d'inquiéter ce pays par des descentes dans le Littoral et la Calabre. Il ajouta à tous ces récits que le grand vizir avait annoncé au général Koutouzoff avoir reçu de nouveaux pleins pouvoirs beaucoup plus étendus que ceux qu'il avait eus jusqu'à présent. Le comte de Romanzoff me répéta ce qu'il m'avait dit dans la conversation précédente des notions toutes erronées que le chargé d'affaires de France, et, à son instigation, celui de Suède envers la Russie: „Enfin, que „voulez-vous!“ ajouta-t-il, „vous connaissez la marche lente des négociations „avec les Turcs: cela traîne à l'infini“.

Quoique dans cette conférence M. le chancelier de l'Empire ne me parût pas trop communicatif, je crus démêler dans les réponses qu'il faisait aux différentes questions qu'occasionnellement je jugeais pouvoir hasarder, qu'il n'était nullement question d'entrevue entre les deux Empereurs, que la lettre autographe n'amènerait pas même une explication épistolaire, que la Russie s'attend à la guerre, qu'elle considère comme inévitable. En parlant de la Prusse, Romanzoff me répéta que le Cabinet de Berlin avait déclaré avoir été déterminé à cette alliance avec la France par les conseils de l'Autriche. Je répondis que V. E. m'avait mandé avoir dit à M. de Scharnhorst qu'il n'avait qu'à juger par lui-même de la situation gênante dans laquelle nous nous trouvions, et si il nous convenait, dans ce moment-ci, de jouer un autre rôle que celui d'une passivité complète.

J'oubliais de dire à V. E. que le comte de Romanzoff, en me parlant de l'Angleterre, me fit la confidence que ce qui avait surtout engagé les Anglais à un rapprochement bien prompt avec la Suède, c'était le rétablissement de la neutralité armée dans la Baltique, et que, sous ce rapport, les négociations étaient déjà fort avancées.

Après ces deux conférences avec M. le chancelier, je crus ne devoir pas négliger de faire part à M. de Kochéleff de la déclaration de neutralité que je venais de faire. Je le trouvai déjà informé de tout par l'Empereur; cependant je lui lus la dépêche ostensible. Il en parut fort mécontent et ne s'en cacha pas vis-à-vis de moi; il me dit qu'il s'était attendu à ce que nous donnerions une déclaration positive de ne pas agir contre la Russie. Je lui expliquai que la déclaration contenue dans la dépêche était aussi positive que possible et que nous avions fait la même à Paris; je lui rappelai que toujours S. M. avait dit qu'Elle ne s'attendait pas que l'Autriche se déclarât pour la Russie, et que j'étais persuadé que l'Empereur était parfaitement content de la communication que je lui avais fait faire par M. de Romanzoff. M. le grand maître m'interrompit avec humeur, battit la campagne, déraisonna beaucoup, et finit par m'avouer que, s'étant fait garant vis-à-vis de son Souverain d'une déclaration positive et éventuelle de notre part, il ne pouvait plus se charger de parler sur ce sujet avec l'Empereur, que, puisque le chancelier paraissait être content de

notre déclaration, toute communication ministérielle ultérieure entre nous deux lui paraissait superflue, qu'il avait toujours nourri l'espoir de devenir l'instrument de ce rapprochement sincère que son Maître avait droit d'attendre de l'Empereur François; que, d'après ce que je lui disais, il devait se convaincre que nous ne sortirions pas de la ligne que nous nous sommes prescrite et qu'il le souhaitait de tout son cœur. Enfin nous nous quittâmes après que je l'eus un peu apaisé; mais je fus convaincu que M. de Kochéleff, trompé dans sa chimérique attente et déçu de l'espoir de se voir substitué au chancelier par l'heureuse issue d'une négociation dont il se serait attribué tout l'honneur, regrettait de s'être donné tant de mouvement pour l'acquittement de la créance, dont il veut que nous lui ayons exclusivement l'obligation.

35.

31 mars/12 avril 1812.

Je me proposais d'envoyer M. de Sturmer comme courrier à Vienne dès que j'aurais reçu une réponse à la déclaration de notre neutralité que j'avais faite d'après les ordres de V. E. Je différais son départ non seulement dans l'espoir de pouvoir obtenir quelques données plus positives sur l'effet qu'avait produit ici la lettre apportée par M. de Tchernycheff, et quelle pouvait être à peu près la réponse qu'on y ferait, mais encore me flattant que S. M. m'accorderait une audience dans Son cabinet avant Son départ. Je comptais faire remettre à V. E. sur tous ces objets à la fois mon rapport par l'occasion de l'envoi de Sturmer. Entre temps, M. le chancelier me fit prier le 26 mars/7 avril de passer chez lui le soir. J'étais déjà préparé à ce qu'il avait à me dire par quelques mots de conversation que l'Empereur avait eus à la promenade avec M. le conseiller de Lebzeltern, où il lui avait dit qu'il avait reçu des informations positives sur nos intentions hostiles contre la Russie. Le chancelier débuta par me dire que l'Empereur son Maître l'avait chargé de me faire savoir que S. M. *avait appris par le canal d'un voyageur qu'il avait été signé à Paris le 17 février entre le prince Schwarzenberg et le duc de Bassano un traité contenant dix articles et onze articles secrets,* que, par ce traité, nous nous obligions à donner trente mille hommes contre la Russie, lesquels agiraient séparément et sans être réunis aux armées françaises, que, quoique le comte Stackelberg ne mandât rien à ce sujet, *la source en était trop authentique pour admettre le doute le plus léger,* que l'Empereur, qui croyait avoir des moyens suffisants pour résister à la France, ne se cachait pas qu'il ne pourrait tenir tête à l'Europe entière, qu'il ne s'agissait pas de l'augmentation d'un nombre de combattants, mais que la manière de faire la guerre, se trouvant avoir une puissance limitrophe pour ennemie, devenait bien plus embarrassante pour la Russie, que, dans ce cas, l'Empereur se verrait forcé d'entrer en négociation avec la France, ce qui ne serait pas bien difficile et amènerait des résultats tout au plus désagréables à l'amour-propre de S. M., puisque les points de contestation, ne roulant heureusement que sur

des objets de commerce et sur le rétablissement du traité de Tilsit, ne seraient pas de nature à ne pouvoir être aplanis qu'avec de grandes difficultés ou par des concessions onéreuses, qu'au contraire l'exact accomplissement du traité de Tilsit serait suivi d'un désarmement dans le duché de Varsovie, très rassurant sur l'avenir, qu'un arrangement amical quelconque avec l'Empereur des Français ne pourrait être utile sous aucun rapport aux autres puissances, *que ce Souverain avait l'habitude de victimer à ses grands intérêts du moment*, que l'Empereur ne concevait pas quel pouvait être le but de l'Autriche en s'unissant à la France, que certainement des acquisitions sur la Russie ne pouvaient nous convenir parce qu'elles contrarieraient immédiatement le projet de Napoléon d'un rétablissement de l'ancienne Pologne, que, quant à l'Allemagne, il n'était pas probable que l'Empereur des Français voulût dépouiller quelques-uns des Princes de la Confédération, qui tous sont sa création et des secours desquels il a actuellement plus besoin que jamais, qu'il semblait qu'il ne fût pas dans les vrais intérêts de l'Autriche de forcer la Russie à renouveler son alliance avec la France et de la contrarier dans les efforts qu'elle est prête à faire pour rétablir cet équilibre si absolument nécessaire pour la tranquillité future de l'Europe, que ce n'était nullement le plan de l'Empereur Alexandre de vouloir, en cas de succès, borner la France à ses anciennes limites, mais qu'il faisait la guerre pour maintenir son indépendance et pour donner, au prix des plus grands sacrifices et en déployant tous les moyens à sa disposition, un état stable à l'Europe et qui ne l'expose pas à des prétentions toujours renouvelées et conséquemment à une situation toujours inquiétante, que l'Empereur Alexandre était persuadé qu'il était bien mieux des intérêts de l'Autriche d'être spectatrice tranquille de cette grande lutte *dans laquelle la Russie militait pour la cause commune*, que, quelles que soient les chances heureuses de la guerre, l'Empereur de Russie ne se départirait jamais de son opinion invariable, qu'il est de la plus grande nécessité que l'Autriche *reprenne son embonpoint* et se trouve en mesure de contribuer de son côté, par l'emploi de plus grands moyens que ne sont les siens dans ce moment, à consolider un système d'équilibre qui est le grand but de la Russie, que *la réintégration de puissances intermédiaires* ne pouvait que tendre à ce but si désirable pour le retour de l'ordre futur, que cependant si le Cabinet de Vienne avait cru qu'il fût de ses intérêts (qu'il doit mieux connaître qu'il ne compète à celui de St-Pétersbourg d'en juger) de s'unir avec la France, l'Empereur attendait de la franchise et de la loyauté connue de S. M. l'Empereur François cette réciprocité de procédés que lui-même avait eue envers nous lorsque, engagé à faire marcher des troupes en Galicie, il en avait averti la Cour d'Autriche, que si peut-être l'engagement que notre Cour venait de prendre ne portait qu'à une manière arbitraire d'employer ces trente mille hommes *sans être obligé à faire beaucoup de mal à la Russie*, ainsi qu'en avait agi le prince Galitzine envers nous, où tout le sang répandu se bornait à deux blessés, l'Empereur Alexandre avait une si profonde vénération pour la véracité éprouvée de S. M. l'Empereur François, qu'il suffirait qu'il en fût averti pour être tout à fait tranquille à cet égard.

L'air riant et le ton plaisant avec lequel M. le comte Romanzoff me parla de cette nouvelle de voyageur, m'autorisa à lui répliquer que je voyais avec plaisir la grande et juste confiance que S. M. mettait dans la loyauté de notre Cabinet, et combien une déclaration que l'on désirait de notre part avait de crédit sur l'esprit de l'Empereur Alexandre et était propre à le tranquilliser, mais qu'il me paraissait, par la manière et du ton dont M. le chancelier me parlait de cet avis qu'un voyageur lui avait donné, que lui-même n'y ajoutait pas plus de foi que moi, et qu'il classait cette nouvelle avec toutes celles que l'on avait débitées dans le temps sur la formation de trois armées en Hongrie, en Galicie et en Bukowine.

Le chancelier me répartit que je me trompais, que cette nouvelle venait d'une source authentique, qu'il était d'une importance majeure pour son Souverain d'avoir là-dessus des éclaircissements positifs (et dans ce moment le chancelier prit un air sérieux, mais qu'il ne garda pas longtemps), que l'Empereur désirait et attendait impatiemment que S. M. l'Empereur François lui donnât l'assurance qu'il n'avait aucun engagement avec la France, qu'une pareille *déclaration franche et non d'un style qui souffrît des interprétations à double sens* le rassurerait complètement à raison de la parfaite confiance que S. M. avait dans la parole sacrée de notre Auguste Souverain, que cette déclaration était absolument nécessaire pour ses déterminations ultérieures et ne devait rien coûter à un Prince dont S. M. révère la franchise et la loyauté. Puis, passant de ce sujet à la probabilité d'une négociation avec la France et en parlant du genre de propositions qui pourraient être faites lorsque les deux Empereurs se trouveraient en présence à la tête de leurs armées, le comte Romanzoff me dit qu'il était persuadé que l'Empereur Napoléon proposerait des conférences, peut-être même une entrevue dont l'issue amicale ne trouverait pas grand obstacle, parce qu'il s'agissait pour la Russie bien plus de sacrifices d'amour-propre que d'autre chose, et parce que le peu d'envie que Napoléon se sent de faire la guerre faciliterait un arrangement qui ne roule que sur des affaires de commerce. Il ajouta que, quoiqu'il n'y eût point encore de négociations d'entamées avec l'Angleterre, cependant *celles avec la Suède, poussées avec infiniment de chaleur,* mettaient par le fait l'Angleterre en relations amicales avec la Russie, qu'il importait au Cabinet de St-James avant tout d'être compris dans le pacte de navigation dans la Baltique, qu'il n'y avait pas de doute que les Anglais, disposant actuellement de toutes les troupes en Sicile, ne fissent des débarquements sur plusieurs points, entre autres en Istrie, que l'Angleterre avait de trop puissants motifs à vouloir soutenir la lutte actuelle de tout son pouvoir, pour qu'on ait besoin de prendre des arrangements préalables avec elle, que l'Empereur allait écrire une lettre de sa main en réponse à celle de l'Empereur Napoléon. Le chancelier ajouta encore qu'il avait ordre de suivre S. M. le lendemain de Son départ, qu'il ignorait encore qui serait nommé pour conférer en son absence avec les ministres, que le grand vizir témoignait beaucoup d'empressement à renouer les conférences, que l'arrivée de l'employé suédois envoyé ici à Constantinople devait produire un effet désirable, que le Divan et le peuple vou-

laient la paix, que le Sultan seul tenait ferme, que ce que M. de Latour-Maubourg avait dit des forces suédoises et de l'avantage que l'on retirerait des talents militaires du Prince Royal tournait à cette heure tout au profit de la Russie, puisqu'il était prouvé actuellement aux Turcs que ces moyens augmentaient ceux de la Russie contre la France. Enfin, en parlant de la Prusse et des fausses démarches qu'on lui avait fait faire, il me répéta encore une fois que cette Cour avait déclaré y avoir été induite par les conseils du Cabinet de Vienne: à laquelle imputation, si souvent reproduite, je répondis que je ne pouvais le croire, et que certainement notre Cabinet n'avait pu donner d'autre conseil à ce gouvernement que de lui proposer notre exemple à suivre. Là-dessus nous nous séparâmes avec une apparence de belle humeur réciproque et avec des formes les plus obligeantes.

Deux jours après cette importante conférence, S. M. me fit l'honneur de me prier à dîner; à table, je réussis à dissiper un léger nuage que j'observais sur la physionomie de l'Empereur, qui fut vis-à-vis de moi affable comme de coutume. Entré dans son cabinet, S. M. me demanda si le comte Romanzoff m'avait parlé. Je répondis que M. le chancelier m'avait fait une communication sur un prétendu traité auquel je répugnais de croire. L'Empereur, sans me répondre, alla à sa table, prit un papier et me dit de le lire. C'était un traité de dix articles et de onze articles secrets entre l'Autriche et la France: nous y promettons à la France de donner 24 mille hommes d'infanterie et six mille de cavalerie; il y est stipulé que ce corps serait commandé par un général autrichien et agirait indépendamment; nous y promettons ces troupes auxiliaires en cas de guerre contre la Russie, mais la manière dont elles seront employées n'y est pas stipulée, et plusieurs articles ne contiennent que des arrangements de détail pour l'alimentation, etc. Je n'eus que le temps d'en faire une lecture rapide, cependant je me souviens qu'il y était dit que l'existence de ce traité serait tenue secrète réciproquement.

L'Empereur me dit qu'il tenait ce papier de trop bonne source pour pouvoir encore douter *que des individus qui l'avaient toujours très bien servi l'avaient copié sur l'original*, que Stackelberg n'en avait nulle connaissance, mais que cependant il lui avait mandé avoir remarqué des mouvements extraordinaires dans nos arsenaux et nos dépôts d'artillerie, que, quelque douloureux qu'il soit pour lui de se voir un ennemi de plus dans un Souverain pour lequel il se sentait une amitié personnelle, il ne pouvait se refuser à la conviction, qu'il me chargeait d'écrire à ma Cour qu'il attendait des anciennes relations d'amitié qui avaient existé entre les deux Empires que nous lui déclarerions franchement si nous avions quelques engagements avec la France et de quelle nature ils étaient, qu'il en avait agi de même lorsqu'en 1809, forcé par des traités, il nous avait prévenus des obligations qu'il avait contractées, *qu'il nous avait conjurés, qu'il avait demandé en grâce* que nous ne soyons pas les agresseurs, qu'ici le cas était tout différent, qu'il avait augmenté ses forces à raison de celles de son adversaire, que tôt ou tard la guerre aurait dû éclater et qu'il avait pris soin de ne pas être pris au dépourvu, qu'on ne pouvait lui supposer des vues d'agrandissement qui donnassent jalousie à

l'Autriche, puisque toujours son but était de nous rendre notre ancienne splendeur, qu'obligé d'accepter *malgré le vœu de son cœur ce pays de Tarnopol, uniquement parce que la France lui avait reproché la tiédeur avec laquelle il avait pris part à la guerre* (ici S. M. rougit et cherchait avec peine les expressions) et parce que alors la Russie ne se trouvait pas en mesure vis-à-vis de la France, il nous avait d'abord offert une indemnité sur le Danube, mais que nous n'avions pas voulu accepter, que, si l'intention de mon Maître était de ne jouer que la comédie et de se borner à une vaine ostentation de ces trente mille hommes, il lui suffisait qu'on le mît dans le secret; mais que, si tout de bon nous voulions lui faire la guerre, il avait six divisions à nous opposer, indépendamment de l'armée sur le Danube dont il espérait bientôt pouvoir disposer, *qu'à regret il emploierait les moyens que les mécontentements en Hongrie lui fournissaient,* que cependant, ne voulant pas avoir toute l'Europe sur les bras, nous le forcerions à s'arranger avec la France et qu'il ne croyait pas que cet arrangement, très facile et qui tenait à peu de chose, tournât à notre avantage.

Je répondis à S. M. que, quoique l'écrit qu'Elle m'avait fait l'honneur de me communiquer eût, quant à la forme, l'apparence de l'authenticité, cependant je me refusais absolument d'y croire, que j'étais persuadé que nos intérêts ne nous portaient pas à augmenter la grande prépondérance des forces françaises par une adhésion à une cause qui n'était pas la nôtre, que, d'après tout ce que V. E. m'avait écrit sur ce sujet, je ne pouvais conclure autre chose sinon que l'intention pure et simple de mon Souverain était d'établir un cordon très faible encore pour la circonstance, et que mes ordres portaient de déconseiller la guerre si il en était encore temps, que j'étais autorisé à ne pas cacher à S. M. l'embarras dans lequel une guerre dans notre voisinage nous mettait, et que même j'osais Lui avouer que nous ignorions encore comment cette déclaration de neutralité armée serait accueillie à Paris.

L'Empereur me répondit qu'il devait croire à l'évidence et aux preuves matérielles de nos engagements avec la France, que d'ailleurs, même ce cordon, quelque faible qu'il soit, devait lui paraître suspect, puisque tout le long des frontières de la Bohême que rasaient les colonnes françaises nous n'en avions point établi, tandis que c'est précisément en Galicie, dans le voisinage de ses Etats, que nous le formions.

Je répondis que la marche précipitée des armées françaises et leurs contacts passagers avec nos frontières n'avaient ni donné lieu, ni donné le temps d'établir un cordon, d'ailleurs très dispendieux, sur toutes les limites occidentales de la Monarchie, mais que, comme le duché de Varsovie était probablement le théâtre de la guerre future, il nous importait malgré les dépenses, que dans ce moment-ci nous regrettions beaucoup, d'en établir un qui nous garantît de toute insulte et surtout qui arrêtât la propagation de la contagion des opinions, que dans ce pays seule nous avions à craindre.

L'Empereur revint sur plusieurs choses qu'il m'avait déjà dites: S. M. appuya beaucoup sur la haute idée qu'Elle avait des sentiments nobles et élevés de notre Auguste Souverain; Elle répétait qu'Elle ne pouvait s'expliquer cette

association de moyens contre la Russie autrement que comme *la suite des menaces que la France nous avait faites,* que, quant à lui, il s'était mis en mesure pour soutenir la grande lutte qui allait commencer. L'Empereur me raconta ensuite d'un ton confidentiel que l'ambassadeur n'avait pas voulu croire à la formation de ces dix-huit nouvelles divisions que, moins par jactance que pour en informer le public, S. M. avait cru devoir faire connaître dans un oukaze, mais qu'au bout de trois jours, après de meilleures informations, le comte Lauriston s'en était persuadé, qu'étonné de la multiplicité des moyens de la Russie auxquels on se refusait de croire à Paris, il avait tout rejeté sur son prédécesseur, d'autant plus que, n'ayant rien trouvé dans les archives, il s'était persuadé que le duc de Vicence avait été et avait laissé son gouvernement dans l'ignorance complète sur le développement progressif des forces militaires de la Russie, *et par là,* dit l'Empereur, *il fait un mauvais jeu à Caulaincourt.* S. M. finit par me dire qu'Elle me chargeait de transmettre cette conversation à mon Auguste Souverain, de lui témoigner *les regrets qu'Elle éprouvait de voir qu'après qu'en 1805 la défection de la Prusse, qu'après qu'en 1807 sa faible armée de quarante trois mille hommes et notre inaction, enfin qu'en 1809 la nécessité dans laquelle les circonstances nous avaient mis d'être les agresseurs et par conséquent l'avait obligé de remplir ses traités, toujours une fatalité inconcevable et un concours d'événements extraordinaires donnaient constamment les avantages à l'Empereur Napoléon.* L'Empereur avait l'air particulièrement affecté en disant cela; ses yeux étaient humides et il se tut quelque temps, le regard fixé en terre, puis il continua ainsi: „Encore „dans ce moment où des efforts extraordinaires me donnaient l'espoir de sortir „avec succès de cette lutte terrible, lorsque je combats pour la cause générale, „il faut que mon ancien allié se lie d'intérêt avec mon adversaire et contribue „lui-même à la perte de l'Europe; il faut *que l'Empereur François me force „malgré moi à entrer en négociations avec Napoléon;* sans doute elles n'éprou„veront pas beaucoup de difficultés, *mais l'issue pourrait ne pas en être dési„rable pour l'Autriche"*.

Enfin, après que j'eus combattu de tout mon pouvoir l'existence de ce traité, après avoir allégué qu'après tant de raisons que nous avions de souhaiter qu'il n'y eût pas de guerre, il me paraissait probable que nous eussions plutôt prévenu la Russie des démarches que nous allions faire, ne fût-ce que pour l'engager à temps à s'entendre avec la France, ainsi que nous ne cessions de le conseiller, l'Empereur me répondit qu'il était persuadé que je parlais comme je pensais, *qu'il serait trop heureux de pouvoir adopter mon sentiment,* mais que la conviction qu'il avait en main ne le lui permettait pas. S. M. ajouta des choses bien plus flatteuses que tout ce qu'Elle m'ait dit encore et loua beaucoup ma façon de penser personnelle, et lorsque j'eus l'honneur de Lui souhaiter un heureux voyage et que je La remerciai pour toutes les distinctions dont S. M. m'avait honoré et les marques de confiance qu'Elle avait daigné me donner, l'Empereur me prit affectueusement par la main, me dit qu'il était très content de m'avoir connu, qu'il me rendait pleine justice sur la franchise de mon caractère et qu'il m'engageait d'écrire à ma

Cour sans réticence toute notre conversation; S. M. ne me demanda le secret que sur l'indication qu'Elle m'avait donnée de la manière dont la copie du traité Lui était parvenue.

J'oubliais de dire que, dans le nombre des objections que j'alléguais contre l'existence de ce traité mystérieux et de nos apprêts de guerre, il m'en vint une à l'esprit qui parut faire quelque impression sur S. M. Je lui dis que les agioteurs et les gens de négoce, attentifs chez nous comme partout à ce qui se passe et toujours très bien informés, n'admettaient pas par le fait la probabilité d'un armement, puisque le cours du change s'était amélioré tout récemment, preuve évidente, ajoutai-je, que les négociants partagent avec moi la conviction d'une tranquillité parfaite et durable.

A la suite de cette audience, je crus ne devoir plus tarder d'en faire à V. E. mon respectueux rapport, et de La prier de me faire passer les instructions nécessaires et Ses ordres ultérieurs.

36.

9/21 avril 1812.

S. M. l'Empereur est parti aujourd'hui pour Wilna, après avoir assisté d'après l'usage au Te Deum à l'Eglise de Kazan en présence des charges de Cour. Le grand maréchal comte Tolstoï l'accompagna dans sa calèche, suivie d'une autre où se trouvaient un médecin et un valet de chambre. Une foule de peuple était sur la place, qui, au moment où S. M. se mit en voiture, fit retentir l'air de *Hurrahs* longtemps prolongés. L'aide de camp général prince Wolkonsky le suivra demain; toutes les autres personnes de sa Suite ont précédé le départ de S. M.

(Шифровано). La guerre est décidée dans la pensée de l'Empereur; Armfelt a prouvé qu'il y aurait du danger personnel à reculer. Très probablement, il se portera sur la Vistule et se fera proclamer Roi de Pologne *(конецъ шифра).*

V.

Письма и записки Императора Александра I къ князю А. Н. Голицыну *).

1.

Tilsit, le 21 mai 1807.

J'ai reçu votre lettre qui m'annonce l'accident survenu au Père Ozeretzkowsky, et je profite du premier moment de libre que j'ai pour vous en faire mon compliment de condoléance. J'acquiesce à la proposition du Synode de nommer ***ad interim*** le Père confesseur; pour le successeur réel, je m'en remets entièrement à votre choix. Je n'ai pas confirmé le papier du Synode que vous m'avez envoyé, puisque c'est un rapport et non un *Doclad*. Voici la première fois de ma vie que j'écris moi-même relativement à des affaires aussi saintes, et je m'en sens tout édifié. Nous nous portons tous, grâce à Dieu, très bien et tâchons de passer notre temps le moins ennuyeusement possible, ce qui n'est pas mal difficile. L'inaction de l'armée est tuante et me désespère, mais je me suis fait une loi de ne gêner en rien le général **), et c'est pour cela que je me trouve à quelque distance du quartier général.

En vous souhaitant bien du plaisir pour votre course, je suis tout à vous.

Les deux archevêques pour lesquels vous m'avez demandé des congés n'ont qu'à profiter selon leur bon plaisir.

2.

Vilna, le 21 avril 1812.

Воистину воскресъ!

Je vous suis bien reconnaissant, mon cher ami, pour le petit mot qui accompagnait les livres. Je l'ai senti dans toute sa valeur. Je vous sais aussi beaucoup de gré pour tout ce que vous me dites dans votre lettre. C'est

---

*) Изъ Собственной Его Императорскаго Величества библіотеки. Приложенія V и VI заключаютъ все, что удалось найти изъ переписки Императора Александра I съ княземъ А. Н. Голицынымъ.

**) Bennigsen.

me rendre un véritable service que de me parler de la sorte, et je vous prie instamment de continuer avec toute franchise.

Le service divin est plus que pitoyable ici. Les miens ne sont pas arrivés encore; j'en compte faire des instituteurs pour ici.

Chez nous, du reste, rien de nouveau. L'armée est dans le meilleur esprit, l'artillerie superbe. Aucune négociation n'est probable, car les seules bases sur lesquelles je veux traiter ne seront jamais acceptées. Du reste, si honorablement et avantageusement la guerre peut être évitée, cela sera un service essentiel à rendre à notre patrie, car une lutte pareille est un fléau très grand dans les plus heureuses chances même. Mais tout fait croire que la Providence l'a résolu ainsi et nous nous y préparons avec tranquillité d'âme et courage, mettant toute ma confiance dans Dieu et Sa miséricorde.

Adieu, tout à vous.

3.

Vilna, le 5 juin 1812.

Je suis bien charmé de vous avoir fait plaisir en adhérant à votre demande pour l'église. Votre lettre m'en a fait un très grand; j'ai pleine confiance dans les paroles qui la terminent, j'y ai puisé même une véritable consolation et je m'en remets avec abandon à la volonté de notre Créateur.

La bagarre va commencer sous peu, nous nous attendons tous les jours à être attaqués. Nous sommes tout prêts et ferons notre devoir de notre mieux. Dieu décidera du reste.

Tout à vous de cœur et d'âme. Continuez-moi de temps en temps vos lettres. Mes respects à Mme Gourieff et Mme Nesselrode.

4.

Samocha, 23 juin 1812.

Tolstoï a été témoin de la profonde émotion que m'a causée votre lettre du 18. Dans des moments comme ceux dans lesquels nous nous trouvons, le plus endurci éprouve, je crois, un retour vers son Créateur: qu'est-ce donc pour ceux qui, dans les moments les plus calmes et les plus tranquilles, y ont trouvé leurs plus douces jouissances? Dites-vous donc que, pour m'acquitter de ce devoir sacré et en même temps si cher à mon cœur, le temps ne me manque jamais: je me livre à ce sentiment si habituel pour moi, je m'y livre, dis-je, avec une chaleur, un abandon, bien plus grands encore que par le passé. J'y trouve ma seule consolation, mon seul appui. Aussi c'est ce sentiment seul qui me soutient, qui me ranime, qui me fait envisager avec résignation les décrets de la Providence.

Vous, et celle que je regarde comme ma compagne et qui partage mes principes sous ce rapport, sont les seuls êtres avec lesquels je me laisse aller

à l'expression de ce qui se passe dans mon cœur. Aussi je reçois votre lettre avec un véritable contentement.

Grâces à Dieu, tout va chez nous comme cela doit aller; dans quelques jours les événements seront plus marquants et plus décisifs. Adieu; tout à vous de cœur et d'âme.

5.

Vilna, le 18 décembre 1812.

Voici des explications sur l'individu avec l'image. Il serait bon cependant que vous le vissiez. Il est chez Viasmitinof. Tout à vous.

6.

Orany, le 28 décembre 1812.

Mille grâces pour vos vœux. Puissent-ils me porter bonheur! De mon côté, journellement je travaille sur moi pour m'en rendre moins indigne. Grâces au Tout-Puissant, tout va on ne peut mieux. Königsberg est à nous.

Tout à vous. Votre cadeau m'a fait le plus sensible plaisir.

7.

Lyck, le 9 janvier 1813.

Voici une lettre que j'ai reçue de ma femme. Son contenu vous apprendra de quoi il s'agit. Si je m'adresse sur ce sujet à Viazmitinoff, je suis sûr que des maladresses sans fin seront commises et qu'au bout je n'apprendrai rien. N'y a-t-il pas moyen, en montrant cette lettre de ma femme à Lénivtzoff, de l'engager à voir un peu de quoi il peut être question? Ce n'est qu'à titre d'amitié que je le demande, sachant qu'il le connaît. Au reste, plus que jamais je me remets à la volonté de mon Dieu et me soumets aveuglément à Ses décrets. Tout à vous de cœur et d'âme.

A propos de Labzine, je n'ai pas été édifié du choix que Schigorine a fait de ses conseillers: Sacharoff et Labzine me portent à penser que le reste qui m'est inconnu est à peu près dans le même genre. Je crains un peu qu'il ne sorte de tout cela quelque galimatias gênant.

8.

Plotzk, le 25 janvier 1813.

Des marches continuelles m'ont ôté tout moyen de vous remercier pour votre lettre du 1er janvier et pour tous les souhaits qu'elle contient. Puissent-ils se réaliser! J'ai joui véritablement de ce que vous et Lénivtzoff m'avez

compris. Ce qui est exprimé dans les Manifestes est parti du plus pur de mon cœur. Priez notre Sauveur de ce qu'Il me raffermisse dans cette voie, que je suis déjà par conviction plénière.

Votre dernière lettre sans date dans laquelle vous me rendez compte de l'ouverture de la Société de la Bible m'a intéressé et ému au delà de toute expression. Que l'Etre Suprême bénisse cet ouvrage! Je le regarde de la plus haute importance et je crois votre manière d'envisager, que l'Ecriture Sainte elle-même remplacera les Prophètes, parfaitement juste. En général cette tendance de tous les côtés à ce qui peut nous rapprocher du vrai règne de Jésus-Christ me cause une jouissance véritable.

Faites travailler les meilleurs architectes aux projets de mon Temple, et envoyez-moi vos idées sur les Images et l'Autel. Puisse ce Temple être le véritable Temple de notre Sauveur et puisse-t-il servir à réunir les hommes au vrai Culte!

Tout à vous.

Prenez tout l'argent nécessaire pour la publication des Bibles.

9.

Kalich, le 15 février 1813.

J'accepte avec plaisir une place entre les membres de la Société de la Bible. Grâce à Dieu, tout va très bien chez nous, et nous nous reposons et nous réorganisons pendant que les routes sont impraticables.

Tout à vous de cœur et d'âme.

10.

Kalich, le 26 février 1813.

Vous saurez déjà l'occupation de Berlin. Gloire au Tout-Puissant!

Je fais mes dévotions, et avec moi beaucoup de soldats. Nous écoutons les prières ensemble. Notre service divin se fait admirablement. J'ai réussi dans ce que je désirais, et c'est nos musiciens de régiment qui chantent de manière à ne pas céder aux chantres de la Cour. Cette masse de monde priant ensemble avec ferveur et onction est vraiment édifiante, et mon cœur jouit en plein.

Le médecin Muller m'a prié de tenir sur les fonts de baptême chez lui. Remplacez-moi, je vous prie.

Avant de finir, pardonnez-moi ce que j'ai pu commettre vis-à-vis de vous pour que je m'acquitte en paix d'un devoir qui ne m'a jamais paru aussi sacré que cette fois-ci. Tout à vous de cœur et d'âme.

11.

1er mars 1813.

Je viens de finir mes dévotions. Jamais je ne les ai faites avec le sentiment que j'ai éprouvé cette fois-ci.

Je vous envoie les papiers inclus. Il m'est impossible de décider maintenant la place pour l'Eglise à Moscou, n'étant pas assez au fait des localités.

Tout à vous de cœur et d'âme.

12.

Dresde, le 17 avril 1813.

Mille grâces, mon cher ami, pour votre lettre sur Pâques. C'est du fond de mon cœur que je vous réponds: *Воистину воскресъ!* et plût à Dieu que cela ne soit pas une vaine expression!

C'est samedi 12, après la messe, par conséquent après *Воскресни Боже,* que nous avons fait notre entrée à Dresde, et à minuit nous avons chanté sur les bords de l'Elbe *Христосъ воскресъ.* Il me serait difficile de vous rendre l'émotion dont je me sentais pénétré en repassant tout ce qui s'était passé depuis un an et où la Providence Divine nous avait conduits.

A côté cependant de ces sensations de plaisir et de gratitude envers notre Sauveur, nous nous préparons avec soumission à une épreuve difficile. Le maréchal, à la suite d'un appétit souvent immodéré, s'est refroidi très sérieusement, et sa maladie a pris le caractère d'une fièvre nerveuse. C'est vous dire qu'il nous donne les plus vives inquiétudes: Hufeland et Wylie lui prodiguent leurs soins.

Voici une lettre de ma belle-sœur *) avec une incluse. Il me semble que, comme cet homme doit se trouver en Amérique où il passera le reste de ses jours avec ses enfants, s'ils sont élevés dans notre religion, c'est les exposer à manquer des moyens d'en observer le rite. Si donc la chose est faisable, annoncez-la, je vous prie.

M. Spada désire être placé à la censure; il se trouve auprès du comte Kotchubey, où il conservera sa place. Annoncez la chose, et signifiez, après vous être abouché avec lui, les ordres nécessaires à ce sujet à qui il appartient.

Le baron Stroganoff, surnommé le Petit **), celui qui est perclus, a fait venir d'Italie quelques objets d'art. Dites à Gourieff de les laisser passer.

Tout à vous de cœur et d'âme.

---

*) Принцессы Амалін Баденской.

**) Баронъ Александръ Сергѣевичъ (1771—1815).

Письмо Принцессы Амалiи Баденской.

Ce 5 avril 1813.

Mon cher frère, J'ose croire que vous ne m'en voudrez pas de m'être chargée de vous présenter cette lettre. Elle est de M. Fischer, négociant américain, qui, à ce qu'on m'assure, vous est même personnellement connu.

Il désire épouser, comme vous verrez par sa lettre, une demoiselle russe, parente de Mme Krudener, et, comme étant votre sujette, il vous en demande la permission. Mais ce qu'il n'a pas osé ajouter, et ce qui cependant fait l'objet principal de sa sollicitude, c'est qu'il désire que ses enfants à venir puissent être de sa religion à lui, d'autant plus qu'il compte retourner dans sa patrie au bout de quelques années. On lui a dit aussi qu'il serait obligé de se faire naturaliser russe en épousant cette demoiselle, ce qui, avec la religion de ses enfants, s'ils doivent être élevés dans celle de ce pays-ci, l'obligerait à renoncer pour toujours à sa patrie et lui causerait une peine sensible, car tous ses parents s'y trouvent encore. Cela pourrait même, pour cette raison, devenir un obstacle insurmontable au mariage qu'il désire contracter et auquel les deux parties attachent tout leur bonheur. Le prince Galitzine et l'Archevêque, auquel il s'est adressé pour cet objet, lui ont répondu que votre permission seule pourrait lever l'obstacle, et, plein de confiance en votre bonté, il ose par ma voix vous demander une grâce qui peut seule assurer sa félicité. Mme Krudener, dont vous connaissez l'activité pour obliger, a passé ce matin la rivière en bateau pour m'apporter cette lettre en me priant de vous l'envoyer le plus tôt possible. Je ne veux pas abuser plus longtemps de votre complaisance à me lire, et je finis, mon cher frère, en me recommandant à votre souvenir et à la continuation de votre amitié qui est pour moi du plus grand prix.

Amélie.

13.

Peterwaldau, le 3 juillet 1813.

Comment est-il possible, mon cher ami, d'être assez déraisonnable pour chercher des causes à ce que je ne vous ai pas répondu à une ou deux de vos lettres? Je vous donne ma parole d'honneur qu'il n'y en a pas d'autres que l'impossibilité absolue par manque de temps de le faire, surtout depuis la mort du Maréchal. Loin de vous en vouloir pour votre franchise, je vous en sais gré au contraire et vous prie même instamment de continuer, de même que nos entretiens spirituels.

Je tâche tout doucement d'avancer dans une voie qui seule fait toute ma consolation et mon appui.

Tout à vous de cœur et d'âme.

14.

Août 1813.

J'ai reçu votre lettre du 10 août, et j'ai donné tout de suite les ordres à Gourieff pour qu'il vous délivre 5000 r. Grâces au Tout-Puissant, les choses vont bien chez nous, et l'ennemi a déjà perdu 226 pièces d'artillerie sur différents points. Nous, pour notre part, nous en avons eu le 18 de ce mois 81. La Garde s'est couverte de gloire.

Je ne serai pas fâché cependant quand je me trouverai dans votre église à rendre grâce au Créateur pour tous Ses bienfaits. Tout à vous de cœur et d'âme.

15.

Töplitz, le 7 septembre 1813.

Voyez un peu ce que c'est que cet Archimandrite qui s'est adressé à Barclay? Le nom me paraît ressembler à celui de ce mauvais sujet qui a été placé par feu l'Empereur à un couvent dans le Gouvernement de Pskoff qui, je crois, a été affecté à l'ordre de St-Jean-de-Jérusalem, personnage que le Synode a ensuite privé de sa place et renvoyé dans un autre couvent. Chez nous, grâce à Dieu, tout continue à aller à merveille et dans l'espace de ces cinq derniers jours, nous avons pris dans de petites affaires trois généraux français, Paillard, Kreutzer et Brunet. Tout à vous.

16.

Schweinfurt, le 21 octobre 1813.

Demandez au comte Tatichtchef s'il ne désirerait pas que son fils soit placé à la Cour comme gentilhomme de la Chambre, ou bien dans toute autre carrière civile ou diplomatique?

Dieu Tout-Puissant nous a accordé une victoire éclatante à la suite d'une bataille de quatre jours sous les murs de Leipzig sur ce fameux Napoléon. L'Etre Suprême a prouvé que devant Lui rien n'est fort, rien n'est grand sur la terre, que ce qu'Il veut relever Lui-même. 27 généraux, près de 300 canons et 37.000 prisonniers sont les fruits de ces mémorables journées et nous voici à deux marches de Francfort-sur-le-Main. Vous devez vous dire ce qui se passe dans mon cœur!

Tout à vous pour la vie.

17.

Francfort-sur-le-Main, le 6 novembre 1813.

Quant à Méfody, vous savez que je n'ai pas un grand tendre pour lui. Dites-moi ce que vous en pensez, s'il faut lui continuer les gages pour la place au Synode ou non?

18.

Francfort-sur-le-Main, le 11 novembre 1813.

Défendez en mon nom à Théophilacte de faire paraître l'apologie de la traduction. Je déteste les dissensions, et surtout dans le clergé, et je saurai bien les empêcher.

Malheur à celui qui osera agir en contravention de mes intentions! Je vous autorise, si vous le jugez à propos, de lire même cette lettre au prélat en lui conseillant de prendre garde à sa conduite. Tout à vous.

Faites venir l'archevêque de Tchernigoff *).

19.

Francfort-sur-le-Main, le 26 novembre 1813.

D'après la sincérité que j'ai mise toujours dans mes rapports avec vous, j'ai droit de vous dire que vous avez commis une imprudence. Votre intention a pu être très bonne, mais, dans des cas d'une importance aussi majeure, avant de procéder au moindre changement dans les usages jusqu'ici en vigueur, il fallait nécessairement demander mes ordres.

Je joins ici les rapports de Paulucci. La chose doit être redressée tout de suite, et l'ancien ordre de choses qui existe depuis si longtemps et qui est regardé comme un privilège, absolument rétabli sur l'ancien pied. J'ai écrit à Paulucci que je vous en avais donné l'ordre; aussi faites en sorte que la chose ne tarde pas un instant.

Je trouve même ces changements entièrement inutiles, surtout dans des provinces où on tient beaucoup à une marche réglée et consacrée par le temps. Ainsi la petite utilité qu'on pourrait retirer de ces changements ne vaut pas les embarras qu'ils produisent d'ordinaire. Tout à vous.

---

*) Михаилъ, впослѣдствіи митрополитъ Петербургскій.

20.

Freybourg, le 22 décembre 1813.

Je vous envoie, mon cher ami, les papiers inclus, lisez-les avec attention; la personne doit arriver à Pétersbourg. La prochaine fois, je vous en écrirai plus au long, n'ayant pas un instant à moi. Tout à vous.

21.

Vienne, le 5 février 1815.

Je vous envoie une lettre de Mme de Langeron pour que vous me disiez votre avis sur l'objet en question.

Que de grâces j'ai à vous rendre pour *Le Combat Spirituel!* *) J'ai déjà achevé cette lecture et elle m'a causé une jouissance véritable.

Le Tout-Puissant m'a soutenu dans tous les moments difficiles que j'ai eus ici, et nos affaires sont terminées depuis assez longtemps déjà à mon entière satisfaction. Nous achevons le reste de la besogne. Tout à vous.

22.

Le 31 août 1817.

Je vous prie de faire examiner cette affaire avec une sévère attention, en envoyant sur les lieux un employé de confiance. La requête m'a été remise par un des signataires, le lieutenant aux Gardes Douvé, que je connais sous les meilleurs rapports pour avoir servi dans le régiment de Sémenowsky, quand je le commandais moi-même.

23.

Poltava, le 16 septembre 1817.

Je suis très désireux de voir les deux individus dont vous me parlez. Il faut indispensablement les faire venir à Moscou. Mais prenez vos arrangements de manière là-dessus à éviter de fausses interprétations ou des commérages. Tout à vous. Mille choses à M. de Kochéleff.

---

*) Composé en italien vers 1600 par les Théatins et généralement attribué au P. Lorenzo Scupoli.

24.

Spusk, près de Taroutino,
*ce 28 septembre 1817 *).*

Je suis si excédé des plats panégyriques qu'on me débite à chaque ville où se trouve un évêque, que je suis décidé à les défendre par un oukaze au Synode. En attendant, comme nous sommes à la veille d'arriver à Moscou, je voudrais que vous avertissiez de cela l'archevêque pour qu'il réformât son discours et qu'il fasse plutôt une courte invocation à Dieu ou une espèce de bénédiction, aussi très courte, qu'il nous donnerait à l'entrée de l'Eglise au lieu de ces fades louanges, insoutenables à être entendues par tout être qui sent que le bon et le bien ne viennent que de Dieu, et que ce n'est que le mal qui est notre ouvrage.

Tout à vous.

25.

Varsovie, le 26 mars 1818.

Que *le Tri-Un* soit mille et mille fois loué pour l'issue qu'a prise l'affaire du Métropolite! C'est très particulier, que depuis plusieurs jours j'en avais comme le pressentiment dans mon cœur. Rendez-moi la justice d'avouer que toujours je vous ai répété que j'avais la foi complète qu'en temps opportun Dieu arrangera cette affaire, et je l'aime mille fois mieux arrangée par Lui seul que par nous autres humains.

J'ai signé tous les papiers, que je vous renvoie. Demandez de ma part à Michel **) ses bénédictions et ses prières. Je sens pour lui un sentiment qui peut se rendre difficilement.

Mille choses à M. Kochéleff et à la princesse Mestchersky ***). Tout à vous en notre Sauveur.

Ici, grâces à Dieu, les choses vont on ne peut mieux.

26.

Baydary, le 15 mai 1818.

Je joins ici toute la correspondance du général Viazmitinoff sur Mme de Krudener. Malheureusement je l'ai reçue trop tard pour y porter remède, car les rapports, étant du 10 avril, ne m'ont pu parvenir qu'après avoir quitté

---

*) На конвертѣ, съ адресомъ: „Статсъ-Секретарю Князю Голицыну“ и припискою рукою Его Величества: „нужное“, имѣется отмѣтка князя: „Получено въ Клину 29 Сент. 1817 и исполненіе по оному сдѣлано“.

**) Митрополитъ Петербургскій.

***) Княгиня С. Мещерская, сестра Анны Сергѣевны Голицыной.

Varsovie. La conduite qu'on a fait tenir à Paulucci est du dernier ridicule. Je suis sûr que c'est encore l'ouvrage de Fock. Il y a huit jours que j'ai expédié exprès un courrier à Paulucci pour avertir les autorités prussiennes qu'il venait de recevoir la permission d'admettre tous ces individus. J'ai tancé Paulucci parce que moi-même, en le quittant cet hiver à Zarskoé Sélo quand je m'en retournais à Moscou, je lui ai nommément dit de ne pas inquiéter Mme de Krudener. Je désire que vous écriviez à Mme de Krudener que je regrette beaucoup tous les désagréments qui lui sont arrivés, qu'il m'était impossible de les prévoir, car je l'avais supposée instruite des formalités observées en Russie pour l'admission des étrangers, que tout cela était arrivé parce qu'elle avait négligé de s'y conformer, mais que j'avais donné des ordres, dès que j'ai été informé de la chose, d'admettre tous ces individus et d'en faire écrire aux autorités prussiennes.

Tout à vous en Notre Sauveur.

27.

Aix-la-Chapelle, le 28 octobre 1818.

Je vous envoie une lettre adressée à Wolkonsky du couvent de Solovetzkoy. Il faudra faire chercher cet homme. Il paraît qu'il s'y passe des désordres.

Je viens d'être informé que deux quakers des plus estimés de la Société, et que j'ai beaucoup connus à Londres, se nommant M. Allen et M. Grillet, vont arriver à Pétersbourg. Tâchez de les bien recevoir et de leur accorder toute l'hospitalité et la cordialité possibles. Comme de raison, vous vous entendrez à ce sujet avec M. Paterson et avec le quaker chargé des défrichements.

Je vous envoie de même un papier que la perlustration m'a fourni. Voilà encore un homme sur la bonne opinion duquel il faut revenir! Montrez ce papier à M. Kochéleff, auquel vous ferez mille compliments de ma part, et vous lui direz que, grâce à la bonté Divine, tout continue à aller très bien chez nous, et les difficultés qui se présentent parfois sont détournées par l'inépuisable et miséricordieuse assistance de Celui qui ne refuse jamais à ceux qui mettent leur unique confiance et toute leur foi en Lui.

Rendez, je vous prie, l'incluse à la princesse Mestchersky. Tout à vous en Notre Sauveur.

28.

Kargopol, le 4 août 1819.

Je porte des regrets sincères à M. Kozodavleff. Je vous prie de les exprimer de ma part à sa veuve.

J'ai signé les deux rescrits. Mille compliments à M. Kochéleff.

Mon voyage va, grâce à Notre Sauveur, on ne peut mieux. La température est délicieuse, et j'ai trouvé ce pays bien plus beau qu'on ne s'imagine, des habitants excellents, en général beaucoup de très bonnes choses.

Continuez à m'envoyer les papiers de la poste, mais ayez soin de marquer sur l'enveloppe que ce sont *les Papiers de la Poste*. Tout à vous en Notre Sauveur.

29.

Pélignier, le 12 août 1819.

J'ai à peine le moment de vous dire que je suis tout à fait de votre opinion et que, d'après l'Acte de Famille, Maria Nikolaewna doit suivre Michel *). Il semble que nous ne pouvons suivre aucune autre règle que celle prescrite exactement par l'Acte de Famille. Une seule déviation pourrait en entraîner d'autres, et l'ouvrage de feu l'Empereur serait gâté! Tout à vous.

30.

Tchougouef, le 31 juillet 1820.

Je joins ici les papiers que m'a remis M. Lwoff, que j'ai dû envoyer à ma Mère et qu'elle vient de me restituer en me demandant de lui communiquer la copie des deux oukazes que vous aviez préparés. Je ne peux pas me rappeler si vous les avez conservés chez vous, ou bien si vous me les avez rendus. En tout cas, pour ne pas perdre de temps, comme vous devez en avoir les brouillons, faites m'en faire un nouvel exemplaire au net, pour que je puisse les signer et vous les renvoyer. Mais comme cela durera trop longtemps, alors vous pouvez remettre à M. Villamoff des copies certifiées par vous, comme si vous aviez déjà reçu ces papiers signés par moi. Et moi j'aurai soin, quand vous m'enverrez les oukazes pour les signer, d'y mettre la date d'aujourd'hui ainsi que le lieu d'où je vous écris. Cela fera gagner au moins quinze jours.

Bien des choses à M. Kochéleff. Tout à vous en Notre Seigneur.

31.

Varsovie, le 23 août 1820.

Je profite du premier instant de libre que j'ai pour vous adresser ces lignes. C'est avec le plus grand intérêt que j'ai lu tous les papiers que vous

*) Т.-е. по ектиньѣ мѣсто Великой Княжны Маріи Николаевны слѣдуетъ непосредственно послѣ Великаго Князя Михаила Павловича.

m'avez envoyés depuis notre séparation. Remerciez-en, je vous prie, M. Kochéleff, dites-lui que c'est pour ménager ses yeux que c'est à vous que j'adresse ces lignes, mais pour que vous les lui lisiez. Tout ce qu'il m'a écrit ainsi que ce qu'il m'a fait parvenir par vous m'est allé droit au cœur, et j'ai la *conviction* que tout est *venu d'ordre*.

Les temps sont marquants et le deviennent tous les jours davantage. Que Son Règne arrive!

Tout à vous de cœur et d'âme en Notre Seigneur.

32.

Varsovie, le 23 août 1820.

J'ai reçu les papiers, que je joins dans une autre enveloppe, de la part de D. Galitzine *) sur la construction de l'Eglise à Moscou. Vous y verrez qu'il propose un autre moyen. J'ignore si ses calculs sont justes, et surtout si le nombre de travailleurs sera suffisant? Examinez le tout; peut-être même faudra-t-il que vous en écriviez à l'architecte. Je suis au regret du retard que cela met à l'affaire, mais en cela comme en toute chose, que la volonté de Dieu soit faite! Peut-être est-ce en analogie avec le sentiment de M. Kochéleff sur les *Temples construits de mains d'hommes*.

33.

Varsovie, le 22 septembre 1820.

Je vous renvoie les deux papiers que vous m'avez envoyés et que j'ai lus avec le plus grand intérêt. Il me semble qu'il sera inutile de parler à ma Mère sur la quakeresse arrivée, car les écoles pour les filles des soldats de la Garde sont déjà toutes formées. Ce sont les seules que ma Mère se proposait d'établir et dont j'ai parlé dans le temps à M. Allen. Mais cette quakeresse pourra nous être très utile pour l'enseignement des institutrices destinées pour les écoles de femmes, quand une fois nous commencerons à en établir pour les pauvres de la ville, et qui ne doivent relever que du ministère de l'instruction publique. Il faut donc que jusqu'à mon arrivée elle reste chez Willen, et après nous déciderons à l'aide de Dieu comment nous devrons procéder.

Mille choses de ma part à M. Kochéleff. Je m'unis journellement à vous deux et je donne tous les moments que je puis économiser de mes occupations d'affaires à mes lectures spirituelles, pour lesquelles je sens un besoin plus grand que jamais.

Vous saurez déjà qu'une réunion entre les Souverains a été décidée à Troppau. Les circonstances sont bien marquantes. Je prie sans cesse Notre

---

*) Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, московскій генералъ-губернаторъ.

Divin Sauveur qu'Il m'éclaire, qu'Il me guide, qu'Il me donne la consolation de remplir uniquement Sa volonté. Priez vous deux de votre côté. Eclairé *le Tri-Un,* les résultats peuvent être immenses. Sans Son aide, tout sera inutile.
Tout à vous de cœur et d'âme en Notre Sauveur.

34.

Любочня, 6 octobre 1820.

Je vous envoie les papiers sur la bâtisse de l'Eglise à Moscou.

Comme de raison j'ai approuvé l'„Учрежденіе". Mais il faut qu'en l'envoyant au gouverneur militaire de Moscou, vous lui écriviez de ma part que je n'ai pu m'en tenir au plan qu'il me proposait, puisque par ce plan, il aurait fallu de nouvelles sommes exigées pour les matériaux, que le ministère des finances n'est pas en état de fournir.

Ayant demandé à Volkonsky des renseignements sur le colonel Korsakoff, il m'en a dit un bien infini. En conséquence, j'ai fait écrire le Rescrit. Je me suis en même temps arrêté de signer celui sur Rounitch, tant à cause de l'incertitude de ce que le prince Galitzyne prétend exister sur son caractère moral que parce que, d'après l'Etat de la commission que vous avez joint, il ne se trouve d'émoluments d'assignés que pour un seul Совѣтникъ. Si vous tenez que Rounitch fût aussi placé, éclaircissez les doutes qui se présentent sur son caractère avec le prince Galitzyne. Il m'a semblé en outre qu'en rejetant son plan, et en adoptant celui de Witberg, une certaine déférence pour sa présentation sur Korsakoff lui était due.

J'ai lu avec la plus grande émotion les différents papiers que vous et M. Kochéleff m'avez envoyés. Avec l'aide du Sauveur, j'espère en faire le meilleur usage que mon cœur m'indiquera. Les versets que vous avez ouverts m'ont beaucoup frappé et me sont allés droit au cœur.

Dites mille amitiés de ma part à M. Kochéleff. Adieu, cher ami. Tout à vous en Notre Sauveur.

35.

Troppau, le 14 décembre 1820.

Je saisis le premier moment de libre que j'ai pour vous tracer à la hâte ces lignes. La nouvelle sur la maladie de Berckheim, que vous me donnez par votre dernière lettre, m'a vivement affecté. Peut-être est-il prêt à passer dans la véritable vie et d'approcher de Celui qui en est l'unique source. Que la volonté de Notre Sauveur soit faite! Dites à sa femme tout ce que votre cœur, si bon, si compatissant, pour elle en mon nom. J'ai prié et je prie encore journellement pour eux deux.

Vous ne m'avez pas dit un mot de la part de M. de Kochéleff dans votre dernière lettre. Faites-lui mes amitiés. Journellement je me réunis à vous deux aux pieds de Notre Sauveur.

Il a daigné bénir nos premières démarches, et vous verrez par les communications que Kotchubey ou Divoff vous feront, que nous sommes parvenus à tirer le Roi de Naples des mains de véritables assassins. Il s'est embarqué à bord de l'escadre anglo-française et nous arrive par Livourne à Laybach. C'est un résultat majeur, car par là nous avons réuni à nous l'autorité légitime et légale, qui, appuyée par la force armée, et surtout par le secours du Très-Haut, parlera à la partie de la nation qui n'est qu'égarée et se trouve sous la férule de la partie coupable et atroce. Avec l'aide de Dieu, nous espérons éviter même par là une guerre en forme. Ce résultat a été cru impossible pour bien des hommes d'état. Mais tout est possible à Dieu.

Je vis dans une retraite complète. Ma sœur est la seule distraction que j'aie, aux heures des repas ou quand nous avons la possibilité de sortir pour prendre l'air ensemble; le reste du temps au travail ou à mes lectures spirituelles.

Après-demain je pars pour Laybach, m'en remettant complètement dans la volonté du Sauveur pour tout ce qui doit suivre ainsi que pour ce qui me regarde personnellement.

Tout à vous en Notre Seigneur.

36.

Laybach, le 8 janvier 1821.

Je profite du premier moment de libre que j'ai pour vous répondre à votre lettre du 10 décembre et vous remercier pour tous vos vœux que vous faites pour moi. Je n'y ajoute que celui, que Notre Sauveur veuille daigner m'instruire en tout à remplir uniquement Sa volonté.

J'en viens à un sujet qui me peine. Voici la seconde lettre où vous ne me dites pas un mot de la part de M. de Kochéleff: je vois donc que c'est avec intention. J'ignore ce qui cause cette altération dans nos relations de sa part; ce que je puis certifier, c'est que je ne crois pas y avoir donné lieu. Si je puis avoir des torts involontaires, je suis prêt à les reconnaître, pourvu que je les connaisse. Enfin, en cela comme en toute autre chose, je m'en remets entièrement à Dieu et que Sa Sainte volonté se fasse! Je ne me connais pas d'autre désir, d'autre vœu que de la remplir strictement en tout, autant que ma misérable humanité sait la comprendre et me laisse de force pour l'exécuter.

Recevez mes félicitations et mes vœux pour l'année dans laquelle nous venons d'entrer, et puisse *le Tri-Un* éclairer de plus en plus notre marche, en nous épurant toujours davantage de tout ce qui n'est qu'humain en nous. Exprimez les mêmes vœux de ma part à M. de Kochéleff. Au reste tout ce

que je vous écris est toujours comme pour vous deux, et, si je ne lui adresse pas mes lettres, ce n'est que pour ménager sa vue et m'épargner quelques moments, car il faut le double de temps pour écrire dans un caractère tel qu'il faut pour ses yeux. Tout à vous en Notre Seigneur.

Je joins ici un papier sur un désordre scandaleux qui s'est passé à une Eglise à Pétersbourg.

37.

Laybach, le 16 janvier 1821.

Loin de regretter de m'avoir écrit une lettre plus longue que de coutume, vous auriez dû vous dire, cher ami, d'avance tout le plaisir et l'intérêt avec lequel je la lirais. Que le Dieu Tout-Puissant vous éclaire de plus en plus et vous rende de jour en jour plus propre à remplir fidèlement Sa volonté! Il y a longtemps que votre cœur est tout à Lui et il n'a besoin que *d'âmes de bonne volonté,* comme nous dit l'Ecriture.

Je regarde tout ce que vous m'annoncez comme autant de nouvelles miséricordes qu'il Lui plaît de verser sur nous, et surtout sur vous particulièrement. Tout cela aura son but déterminé et toute chose viendra *en son temps,* pourvu que nous soyons fidèles.

Vous connaissez l'intérêt sincère que je prends à tout ce qui vous regarde: je ne saurais donc vous dire, à plus forte raison, le sentiment avec lequel j'ai reçu tout ce qui fait le contenu de votre lettre du 24 décembre. Que Sa volonté soit faite en toute chose! voilà quelle doit être notre devise en toute circonstance, et de remplir cette volonté d'après notre meilleure conviction doit être notre soin perpétuel.

Mille amitiés à M. de Kochéleff. Que Dieu soit avec vous en toute chose! Amen.

38.

Laybach, le 8 février 1821.

J'ai commencé une lettre détaillée pour vous. Mais elle ne pourra être achevée pour ce courrier-ci. Je ne puis pas disposer de beaucoup de moments pour ce travail par jour, avec la multiplicité de mes autres occupations. Bien des choses de ma part à M. de Kochéleff. Je me recommande à vos prières à tous les deux. Tout à vous en Notre Sauveur.

Si Mme Krüdener est arrivée, dites-lui mille choses affectueuses de ma part, ainsi qu'aux Berckheim.

---

39 *).

Начатое 8 и оконченное 15 февраля 1821 г.

Il y a bien longtemps que je porte le désir, cher ami, de vous écrire une lettre longue et détaillée en réponse aux vôtres du 31 décembre, 14 et 19 janvier. Ayant aujourd'hui un moment à moi, je prends la plume en priant Notre Divin Sauveur qu'Il daigne conduire mon cœur et ma main pour vous la tracer, avec ce langage que l'affection pour vous et la vérité m'imposent.

Mais cette même vérité, quand je la sens dans mon cœur, ne me permet pas de composer avec elle, car la vérité est une portion de la Divinité elle-même.

D'après vos lettres et surtout d'après les commissions dont vous vous acquittez de la part de M. de Kochéleff, je crois apercevoir une désapprobation du système politique que nous suivons dans ce moment.

Je ne saurais admettre que cette désapprobation naisse d'une croyance en vous que les principes désorganisateurs qui, dans moins de six mois, ont révolutionné trois pays et qui menacent de s'étendre et d'embrasser l'Europe entière, dussent être tranquillement soufferts. Cette pensée-là ne peut être que contraire à vos sentiments, puisque ces mêmes principes désorganisateurs, tout en étant ennemis des Trônes, sont dirigés plus encore contre la Religion chrétienne et que c'est elle surtout qu'ils poursuivent, ce dont mille et mille documents authentiques peuvent vous être produits. En un mot, ce n'est que la mise en pratique des doctrines prêchées par Voltaire, Mirabeau, Condorcet et par tous les prétendus philosophes connus sous le nom d'encyclopédistes.

Cette désapprobation donc en vous ne saurait provenir que d'un sentiment de crainte ou d'inquiétude sur le succès de la lutte dans laquelle nous nous trouvons engagés. Mais une crainte semblable doit-elle autoriser à composer avec le mal, quand une voix intérieure nous dit que ce mal est l'œuvre de l'ennemi? Ne sommes-nous pas tenus par un devoir de Chrétiens à lutter contre cet ennemi et son œuvre infernale de tout notre pouvoir et par tous les moyens que la Providence Divine a placés dans nos mains? L'inquiétude sur le succès ne doit pas nous arrêter. C'est là où la foi dans le secours Divin doit nous soutenir. L'année 1812, 1813 et 1814, M. Kochéleff ne m'a-t-il pas écrit plus d'une fois de *persévérer jusqu'au bout?* Nous nous trouvons maintenant dans une situation à peu près semblable, et je disais que le mal actuel est d'un genre plus dangereux encore que ne l'était le despotisme dévastateur de Napoléon, puisque les doctrines actuelles sont bien plus séduisantes pour la multitude que le joug militaire sous lequel il la tenait.

Dans mes lectures spirituelles quotidiennes, j'étais justement au *Livre de Judith* ces jours-ci. Les habitants de Béthulie n'étaient certainement pas de force à résister à l'armée immense que conduisait Holoferne. Ils auraient pu

---

*) Изъ Собственной Его Императорскаго Величества библіотеки, Рукописный отдѣлъ, шк. II, п. 5, к. 33, № 1113.

fort bien faire comme le reste des peuples, qui, au lieu de résister, se sont tous soumis. Mais les habitants de Béthulie ont senti en eux que plier sous l'empire de Nabuchodonosor, c'était désespérer dans la Toute-Puissance de Dieu et dans le secours qu'Il accorde à ceux qui mettent *uniquement* leur confiance en Lui *seul*.

Nous avons douté sur la possibilité de l'arrivée du Roi de Naples. Et moi, par contre, j'ai fondé mon espoir qu'elle aura lieu sur les faits suivants. Le Roi s'était ménagé dès le commencement de la Révolution de Naples un moyen de correspondance entièrement secret avec l'Empereur d'Autriche. Cette correspondance m'a été communiquée dès mon arrivée à Troppau. Par elle j'ai vu que tout ce que les journaux avaient débité sur le libre acquiescement du Roi au changement qui venait de se passer était complètement faux, que le Roi était prisonnier et sous le poignard des Carbonaris, qu'à chacun des actes de son autorité qu'on avait exigé et extorqué de lui à peu près le stylet sur la gorge, il avait fait une protestation par écrit, et qu'il l'avait adressée chaque fois par ce canal secret à l'Empereur d'Autriche, ne pouvant la rendre publique sans compromettre sa vie.

Dans une de ces lettres secrètes se trouvait une phrase qui m'a frappé. Il y dit qu'il se trouve au pouvoir de ses ennemis et sous leur poignard, qu'il n'a de secours de personne à attendre; néanmoins *sa confiance en Dieu ne s'était pas affaiblie et ce qui paraissait impossible aux hommes ne l'était pas à Dieu, que, mettant toute sa foi en Lui seul, il conservait l'espoir qu'Il ne l'abandonnerait pas.* Dès que j'ai lu ce passage, il y a quelque chose qui m'a dit intérieurement: *Cet espoir ne sera pas déçu, et Dieu ne l'abandonnera certainement pas!*

Aussi, dès ce moment nous avons conçu l'idée d'appeler le Roi près de nous, et, malgré toutes les chances qui s'opposaient à la réussite de cette démarche, j'ai toujours nourri l'espoir qu'elle réussira. Aussi, comme vous le dites, Dieu a béni nos intentions, parce qu'elles étaient pures et parce qu'elles étaient basées sur la foi en Lui seul.

Mais en même temps je manquerais à cette *vérité* qui doit régner dans nos paroles comme dans nos pensées, si je me taisais sur les suppositions gratuites que vous établissez sur la politique du Cabinet autrichien. Quelles données avez-vous pour l'accuser comme vous le faites? Et n'est-on pas responsable devant *ce Dieu de Vérité* de toute inculpation injuste qu'on fait peser sur le prochain sans y être autorisé par quelque preuve? Le fait est que, dès notre réunion à Troppau, le Cabinet autrichien nous a donné une Déclaration formelle qu'aucune pensée d'envahissement ou d'extension de limites, enfin de changement de l'état de possession actuel et garantis par les Traités n'entraient dans ses vues. C'est là la base sur laquelle nous avons travaillé tout ce temps, et je dirais plus, aucune extension de territoire n'est même possible en Europe depuis les liens qui unissent tous les Etats, car toutes les puissances de l'Europe sont décidées à ne pas tolérer que l'une d'elle s'avisât de changer l'état de possession actuel. Vous voyez donc que vous avez établi une accusation gratuite.

Могила Императора Александра I въ Петропавловскомъ соборѣ

Je vais vous en donner une nouvelle preuve. L'Autriche a poussé la délicatesse au point de donner une Déclaration à la Conférence comme quoi non seulement elle ne demanderait aucune indemnité pécuniaire pour les frais de ses armements actuels, mais qu'elle était décidée à ne pas même l'accepter. Chacun des autres Cabinets a fait une réponse formelle à cette Déclaration pour l'approuver et elle est donc devenue Acte. Cela vous prouvera encore mieux que vos suppositions ont été injustes.

Vous me recommandez de prêcher aux Souverains de livrer leurs cœurs au Seigneur. Cette même *vérité* me commande de vous répondre que le Roi de Prusse et l'Empereur d'Autriche sont religieux du fond de leurs cœurs, qu'ils reconnaissent franchement la Toute-Puissance du Seigneur et en toutes les occasions le confessent hautement. Je n'ai donc aucun mérite de m'entretenir avec eux sur un sujet pareil, puisque c'est une habitude prise entre nous depuis si longtemps. Mais après vous avoir dit cela, je suis également tenu d'ajouter qu'il peut y avoir des nuances dans notre manière d'envisager les choses qui tiennent soit aux différents rites que nous professons, soit au degré d'avancement dans la voie intérieure dans laquelle chacun de nous se trouve, et sur lequel il est bien difficile que chacun de nous s'établisse juge pour les autres.

Bénissons tous plutôt ce Dieu de Bonté, qui a permis que trois êtres placés à des postes comme ceux auxquels nous nous trouvons élevés, s'entendent si franchement, si amicalement sur toutes les questions et soient réunis l'un à l'autre par un lien de cœur fondé sur l'amour que tous trois professent pour le Seigneur. Ensuite abandonnons-nous avec foi à Sa conduite et à Sa direction et *ne gâtons ni le vin ni l'huile* *) en y mêlant de notre propre ouvrage, qui ne serait que tristement humain. Voilà ma profession de foi, je la sens dans mon cœur, et dès lors je ne puis en dévier sans infidélité à Celui auquel je me suis remis en entier.

C'est là la manière dont je puis vous prouver ce que vous me recommandez avec instance, nommément de *me défaire de toute volonté propre.* C'est à quoi toutes mes pensées et mes soins sont voués, autant que ma chétive humanité est capable de le remplir. Je m'abandonne complètement à *Sa direction,* à *Ses déterminations,* et c'est *Lui* qui *amène* et qui *place* les *choses;* je ne fais que suivre en tout abandon, persuadé comme je le suis dans mon cœur qu'Il ne peut mener que vers le but que Son économie a décidé pour le bien commun.

Vous me dites de confesser hautement ce dont je conviens dans mes entretiens avec vous, *que mon unique ressource est le Seigneur.* Mais ai-je tenu un autre langage depuis 1812, époque à laquelle j'ai senti si puissamment dans mon cœur l'appel de mon Sauveur? Avec les Souverains, j'en appelle à tous, tant qu'ils sont, si jamais ils m'ont entendu une autre doctrine, j'en appelle à toute ma correspondance avec eux, qui en fait document. A mes ministres, je ne fais que répéter ce même langage. Questionnez lequel vous

*) *Apocalypse,* chap. VI, v. 6.

voudrez, si jamais ils ont entendu autre chose de ma bouche; enfin aux Peuples, c'est mes Manifestes qui doivent faire preuve que ce n'est encore que ce même et unique langage que je leur ai tenu. Donnez-vous la peine de relire tous ceux qui ont paru, depuis 1812 jusqu'au moment actuel. Ainsi donc, jamais la crainte de l'opinion ne m'a arrêté sur ce sujet et je ne me suis jamais soucié que du tribunal de mon cœur, qui est tout au Seigneur.

Vous me dites de suivre la marche que j'ai suivie depuis 1812 *jusqu'à mon départ pour Vienne.* Vous le dites dans un sens à me faire croire que vous supposez que ce séjour a pu porter quelque atteinte à ma manière de voir ou de sentir! Mais de quel départ pour Vienne parlez-vous? Est-ce celui pour le congrès en 1814, où nous y avons séjourné pendant huit mois. Si telle était votre idée, vous avez oublié en ce cas que l'idée de la Sainte Alliance m'a été inspirée à Vienne, comme je vous l'ai dit plus d'une fois, pour clôturer le Congrès, que ce n'est que le retour de Napoléon de l'île d'Elbe, survenu à la fin de notre séjour à Vienne, qui m'a fait naître la croyance, qu'il fallait encore différer avec l'exécution de cette pensée jusqu'au moment que cette nouvelle lutte serait terminée à l'aide de la Providence, et qu'enfin c'est à Paris, après que Napoléon s'est trouvé terrassé pour la seconde fois par la miséricorde Divine, que Dieu me mit dans le cœur de réaliser ce vœu que je nourrissais depuis le Congrès et me porta à tracer sur le papier l'acte, tel que vous le connaissez. Aussitôt après mon retour à Pétersbourg, parut le Manifeste par lequel l'Acte de la Sainte Alliance a été publié, et ensuite, plus tard, le 1er janvier 1816, parut celui dans lequel j'ai cru devoir énumérer tous les bienfaits que le Seigneur s'est plu de répandre sur nous pendant cette mémorable époque.

Je crois vous avoir prouvé par tout ce que je viens de vous dire que le séjour de huit mois que j'ai fait alors à Vienne est bien loin d'avoir porté atteinte à mes idées religieuses ou à la confession de ces idées devant le monde entier. Au contraire, c'est depuis cette époque que notre politique, étant basée sur un acte aussi solennel, n'a cessé d'avoir cette intimité entre tous les Cabinets et surtout principalement entre les trois qui ont été les premiers à le conclure, intimité qui a été comme la clef de la voûte et qui a résisté à toutes les tentatives qu'ont essayées contre elle tous les révolutionnaires libéraux, niveleurs radicaux et Carbonaris de tous les coins du monde. Car, ne vous faites pas d'illusion sur cela, il y a une conspiration générale de toutes ces sociétés: elles s'entendent et se communiquent toutes, j'en ai des preuves certaines en main, et c'est depuis qu'elles se sont convaincues que la politique établie entre les Cabinets n'est plus comme celle d'autrefois, que tout espoir de les désunir et par conséquent de pêcher en eau trouble ou de diviser pour régner est évanoui, et que surtout la Religion Chrétienne est devenue la base fondamentale des principes qu'ils professent, dès ce moment, dis-je, toutes ces sectes, qui sont anti-chrétiennes et qui sont fondées sur les principes de la soi-disant philosophie de Voltaire et d'autres pareils, ont voué à tous les gouvernements une vengeance la plus acharnée. Nous en avons vu des tentatives en France, en Angleterre, en Prusse, tandis qu'en Espagne, à

Naples et en Portugal ils ont réussi déjà à culbuter les gouvernements. Mais ce qu'ils poursuivent, c'est moins les gouvernements que la Religion du Sauveur. Leur devise est de tuer *l'Inf*......, je n'ose même tracer cet horrible blasphème, trop connu d'ailleurs par les écrits de Voltaire, Mirabeau, Condorcet et de tant d'autres semblables. Pour en revenir à vos lettres, je ne peux pas croire que vous entendiez par mon départ pour Vienne le peu de jours que j'y ai passés à mon retour d'Aix-la-Chapelle en 1818. Là, aucune affaire quelconque ne s'est traitée; toutes ont été terminées à Aix-la-Chapelle, et encore terminées d'après les mêmes principes d'union et d'accord intime qui n'ont pas cessé de diriger les Cabinets. La France a été admise à cette même intimité en y faisant cesser l'occupation militaire sous laquelle elle s'était trouvée jusqu'à cette époque.

Il est encore moins possible de supposer que, par mon départ pour Vienne, vous entendiez désigner mon absence actuelle, parce que cette fois-ci, j'ai à peine vu Vienne, n'y ayant fait que passer et notre travail s'étant fait à Troppau et à Laybach, comme vous le savez très bien. Ainsi, franchement, je n'ai pas pu comprendre ce que vous vouliez désigner par le *départ pour Vienne,* et encore moins me rendre compte quelle espèce d'influence lui avez-vous pu supposer? Ce dont je peux bien vous répondre, c'est que ces suppositions sont complètement gratuites et destituées de toute vérité et qu'aucune espèce de tentative contre mes opinions religieuses n'a été même essayée.

Je suis complètement d'accord avec vous que l'enfer est déchaîné contre notre marche: c'est tout simple, et tout ce que je vous ai dit plus haut tend à le prouver. Mais c'est précisément comme vengeance de ce que sans déguisement et ouvertement nous nous déclarons Chrétiens et professons la Religion du Sauveur, chacun d'après sa meilleure conception, mais ce que je puis bien répondre, chacun de nous trois le fait de cœur et aussi bien qu'il sait le faire. Vous me dites que l'enfer ne peut attaquer ma foi, qui est profondément enracinée dans mon cœur, je cite vos propres paroles. J'aime à l'espérer, mettant toute mon unique confiance, en cela comme en toute autre chose, dans l'aide du Seigneur. Mais dans une autre lettre vous me dites que „M. Kochéleff est réduit au silence jusqu'à ce que l'Elu agisse avec plus „d'abandon et *de foi*“.

Comment concilier ces deux assertions? Tout ce que je puis vous dire, c'est que j'agis complètement d'après *ma foi,* mais il m'est impossible d'agir d'après *la foi d'un autre.* Voilà une vérité qui me semble n'est pas assez sentie. Si j'agissais d'après *la foi d'un autre* et qu'en même temps cette manière d'agir ne serait pas en concordance avec *ma foi,* je crois que je serais criminel.

Cette croyance est, j'ose le dire, d'accord avec St-Paul.

Dans ce moment-ci, j'ai ouvert l'Ecriture pour chercher le passage qui se rapporte à ce que je viens de vous dire, et, en ouvrant le livre, mes yeux se sont portés sur l'*Epître aux Romains,* chap. VIII, depuis le v. 22 jusqu'à la fin du chapitre. Ce n'est pas la citation que je cherchais, mais comme ce

qui s'est ouvert m'a paru si marquant et analogue à ce que je vous écrivais, je vous engage à le lire.

La citation sur laquelle j'appuie ce que je vous ai dit sur *la foi* est dans l'*Epître aux Romains,* chap. XIV, dans le dernier verset 23: *„Il est condamné parce qu'il n'agit pas selon la foi. Or tout ce qui ne se fait pas selon la foi est péché"*. Au reste, tout ce chapitre mériterait d'être lu, puisqu'il explique bien les relations dans lesquelles on se trouve l'un envers l'autre sur tout ce qui a rapport à la foi. D'après ma conviction, je suis bien loin de renfermer la semence pour des prétextes tels que prudence, sagesse, circonspection, etc., mais je sens que je suis dépositaire d'une œuvre sacrée, sainte: je ne dois ni ne puis la compromettre; je dois encore moins être une cause de scandale.

St-Paul dit, *Epître aux Romains,* chap. XIV:

V. 13: *„Ne nous jugeons donc plus les uns les autres,* mais jugez plutôt que *vous ne devez pas donner à votre frère une occasion de chute et de scandale"*.

V. 16: *„Prenez donc garde de ne pas exposer aux médisances des hommes le bien dont nous jouissons"*.

V. 18: „Et celui qui sert Jésus-Christ en cette manière *est agréable à Dieu et approuvé des hommes"*.

V. 19: „Appliquons-nous donc à rechercher ce qui peut *entretenir la paix pour nous,* et observons tout ce qui peut nous édifier les uns les autres".

V. 21: „Et il vaut mieux ne rien faire *de ce qui est à votre frère une occasion de chute ou de scandale, ou qui le blesse parce qu'il est faible"*.

V. 22: „Avez-vous une foi éclairée? *Contentez-vous de l'avoir dans le cœur aux yeux de Dieu.* Heureux celui que *sa conscience ne condamne point en ce qu'il veut faire"*.

V. 23: *„Or tout ce qui ne se fait pas selon la foi est péché"*.

Vous me dites que M. Kochéleff voit qu'il n'y a pas d'harmonie nécessaire dans le lien! Mais en quoi le voit-il? Personne plus que moi ne désire cette harmonie et ne prie Dieu avec plus de ferveur pour l'obtenir. J'ose dire que de mon côté j'ai toujours tout fait pour conserver et maintenir cette harmonie, excepté ce que mon sentiment intérieur me défendait de faire. Encore une fois, il ne dépend pas de moi d'agir contre ce sentiment intérieur; quand il me parle, je dois plier et me soumettre, et il n'y a pas de considération humaine pour laquelle je puisse transgresser ce que ce sentiment intérieur m'indique. Mais, pour revenir à ce que je vous disais sur cette harmonie que M. Kochéleff croit être dérangée, encore une fois, en quoi le voit-il? Est-ce par rapport à Mme Bouche? Car voilà le seul point où nous différons dans la manière de sentir. Eh bien! fidèle à cette *vérité* qui guide ma plume, je vous dirai sur Mme Bouche, que plus d'une fois j'ai été dans le cas de vous dire dans nos conversations que je croyais qu'il entrait parfois beaucoup d'humain dans les paroles de Mme Bouche. J'en ai eu un sentiment très pro-

noncé dans mon cœur. Dépend-il de moi de déraciner ce sentiment intérieur? Ah! bien sûr que non!

Quand il s'agissait de faire partir Dubié pour Berlin, vous vous souviendrez combien j'ai été contre ce voyage: je sentais intérieurement en moi quelque chose qui me disait que cela n'était pas bien. Enfin, par déférence, par soumission à l'opinion de M. Kochéleff et à la vôtre, j'ai fini par ne plus m'opposer à ce départ; cependant j'avais exigé qu'il ne fût pas question de moi dans les pourparlers que Dubié comptait se ménager. En même temps je me suis dit: *Si c'est une œuvre de Dieu, elle se manifestera par sa réussite*, et alors je serai le premier à avouer que mon sentiment intérieur m'a abusé, et dès ce moment je me conformerai avec la plus entière soumission à tout ce qui me sera indiqué. Par des lettres que j'ai reçues de vous à Varsovie, j'ai vu que Dubié se vantait d'avoir été très bien accueilli par le Roi de Prusse, et d'être très content des résultats de ses entretiens avec lui. J'étais donc tout prêt à me croire coupable, et c'est avec ce sentiment que je suis arrivé à Troppau. Mais ma surprise a été complète quand, après un séjour avec le Roi de Prusse de près de quinze jours, me trouvant presque tous les jours avec lui en tête-à-tête et dans des conversations très intimes, je ne lui ai pas entendu me dire un mot sur Dubié ni ses entretiens. Enfin, quelques jours avant le départ du Roi, j'ai rompu la glace moi-même et je lui ai demandé des détails sur ses entrevues avec Dubié. La manière dont il m'en a parlé ne m'a pas laissé le moindre doute que Dubié a transgressé la première condition que j'avais mise à son départ en s'annonçant chez le Roi comme envoyé à lui *par moi*. C'est là la raison pour laquelle le Roi le reçut, mais avec une très grande surprise. Ensuite j'ai eu tout aussi peu de doute que Dubié a été très peu fidèle dans le récit qu'il vous a fait de ses conversations avec le Roi, car, bien loin de pouvoir en être content, le Roi n'a accordé aucune confiance à ce qu'il lui a dit, puisque le Roi lui a demandé quelques preuves de ce qu'il lui avançait et Dubié n'en a jamais pu produire. Le Roi lui a demandé enfin son opinion sur la marche qu'il avait à proposer, et Dubié n'a jamais pu lui rien articuler. Aussi le Roi ne l'a envisagé que comme un aventurier qui n'était pas qualifié à inspirer de la confiance. Cela m'a suffi pour me prouver que mon sentiment intérieur ne m'avait pas trompé quand il s'opposait fortement à ce voyage de Dubié et réprouvait tout autant toutes ces lettres que Mme Bouche a jugé à propos d'écrire et qui n'ont produit plutôt qu'un effet nuisible. C'est là ce que mon sentiment intérieur m'avait dit d'avance, ne m'y faisant envisager qu'une œuvre humaine et non Divine. Celle-ci a au contraire toujours bien marqué par son à-propos et par la manière persuasive avec laquelle elle venait s'adresser à ceux pour lesquels elle est adressée.

Dieu ne se trompe pas en dirigeant Ses missions. Elles sont envoyées là où elles ne peuvent que produire leur effet et elles arrivent avec un caractère à ne pas laisser en suspens ceux auxquels elles sont adressées, quand ce sont surtout des êtres craignant et aimant leur Dieu. Enfin, pour continuer mon sujet, fidèle à ce que je me suis imposé, j'ai attendu que l'Empereur

d'Autriche me dise un mot sur ce qui lui est parvenu de cette affaire, mais jusqu'à ce moment il ne m'en a jamais ouvert la bouche. C'est encore un document de plus pour moi de la vérité de mon sentiment intérieur. J'attendrai encore: si Dieu me met dans le cœur de rompre le silence, je le ferai tout de suite; mais je ne le ferai que si j'éprouve cette impulsion, m'étant complètement remis à Dieu seul pour toutes mes actions et mes pensées.

J'ai été étrangement surpris il y a huit jours à peu près en recevant une lettre incluse dans une autre au prince Wolkonsky de Pétersbourg, signée par une Mme Zebrowsky, née Bystrom, sur une affaire personnelle d'intérêt. Toute cette lettre, avec la note sur l'affaire qui y est jointe, se trouve écrite de la main de Mme Bouche. Je la joins ici. Vous verrez que, d'après ce qui est marqué dans la lettre, elle demeure dans l'hôtel de Londres, par conséquent dans le même local avec Mme Bouche. Je vous demande franchement à vous-même: est-ce un rôle qui convient à Mme Bouche que de transcrire des pétitions sur des affaires d'intérêt, et c'est-il analogue à ce mystère sous lequel il était convenu qu'elle devait continuer de rester, mystère dont elle-même parle sans cesse dans ses réponses? Comment concilier deux marches si opposées? Et n'est-ce pas une preuve nouvelle que beaucoup d'humain entre dans ses mobiles?

Si vous pouviez nourrir quelque doute sur ce que j'avance, vous auriez le moyen de tirer la chose au clair en venant d'une manière inattendue chez cette Mme Zebrowsky, comme ayant été chargé par moi de prendre des éclaircissements sur sa pétition, et vous lui demanderiez en même temps qui lui a écrit cette pétition? que cette écriture nous était connue. Quant à moi, plus je l'ai confrontée et plus j'ai acquis la conviction que c'est Mme Bouche qui l'a écrite.

Tout ce que je vous ai cité plus haut sur elle raffermit encore davantage mon sentiment intérieur, d'agir avec infiniment de mesure vis-à-vis des autres Souverains sur un sujet si peu clair encore et sur le principal personnage duquel, ainsi que sur son aide Dubié, je ne puis *avec vérité* rien dire ni de rassurant ni même de certain. Car soyons vrais: comment les connaissons-nous? Qu'est-ce qui a constaté leur mission? Et admettons même les intentions les plus pures de leur part, admettons même la voie la plus religieuse, par conséquent quelques lumières supérieures: d'après cette intime conviction qu'il ne m'est pas possible d'étouffer en moi, il s'est mêlé tant de fois de l'humain de leur part, qu'en conscience je ne puis, sans trahir la vérité et sans agir en sens inverse de ce que me dit mon sentiment intérieur, les recommander aux Souverains Alliés comme des autorités infaillibles ou comme des intermédiaires avérés entre le Seigneur et nous, et en prendre surtout la responsabilité sur moi.

Vous me dites que M. Kochéleff a été frappé par l'incendie de Bruxelles. Mais pourquoi doit-il être envisagé comme un châtiment ou un avertissement pour moi? *La vérité* me porte encore à vous dire que je ne partage pas cette opinion. Ma sœur *), son mari, leurs enfants sont heureusement

*) La Grande-Duchesse Anna Pavlowna.

sortis de la maison, personne des domestiques n'a été victime; ainsi je n'ai qu'à remercier Dieu, car quelques effets de brûlés sont une chose bien peu conséquente. Ne serait-il pas plus permis d'envisager cet événement comme un de ces sacrifices miséricordieux que le Seigneur impose quelquefois à ceux qu'Il gratifie d'un très grand bonheur? C'est ainsi que mon cœur l'a envisagé. Ma sœur est aussi heureuse qu'il est donné à un être humain de l'être: le bonheur le plus parfait, des enfants charmants, une situation qu'elle affectionne beaucoup. Souvent, je l'avoue, j'avais quelque inquiétude de ce trop de bonheur. Il me paraît donc qu'un événement de ce genre est salutaire pour eux, pour ne pas se laisser aller à une sécurité trop complète et toujours nuisible, et réchauffer leur recours à ce Dieu de miséricorde. Voilà ce que j'ai senti sur ce sujet.

Vous et M. de Kochéleff semblez nourrir quelques inquiétudes sur les influences papales. Rappelez-vous ce que dit Notre Seigneur dans la barque à ses disciples sur leurs craintes: „Pourquoi êtes-vous des hommes de peu de foi?" N'aurais-je pas quelque droit de vous appliquer cette citation? Ce que je puis vous garantir, c'est que j'ai eu bien peu de mérite à résister à ces influences, car pas une syllabe ne m'est parvenue de la part du Pape sur aucune ingérence quelconque de sa part dans les affaires de nos Eglises Catholiques. Mais d'ailleurs, comment mettre cette crainte que vous éprouvez sur le Pape et son influence en harmonie avec les paroles de Mme Bouche, qui prétend qu'il doit nécessairement être une des chevilles ouvrières de la grande œuvre?

J'ai lu avec la plus mûre attention la citation que vous m'appliquez des versets 3, 4, 5 et 6 du chap. X de la IVe *Epître aux Corinthiens*. Ma réponse se trouve dans le même chapitre au verset 7, par conséquent tout de suite après ceux que vous me citez. Lisez-la et méditez-en le contenu.

Sur le juif, je suis parfaitement de votre opinion, que toute cette affaire peut attendre mon retour.

Enfin voici une bien longue lettre. Je n'ai suivi que l'impulsion de mon cœur en vous l'écrivant et je la termine en vous disant que c'est bien ardemment que je désire cette entente harmonique dans notre lien, mais il ne dépendra jamais de moi d'étouffer ce que mon sentiment intérieur me désignera être la vérité et je n'ai pas de force d'agir contre elle.

Faites mes plus tendres amitiés à M. Kochéleff, ainsi qu'à Mme Krudener, à Berckheim et à sa femme. Tout à vous de cœur et d'âme en Notre Sauveur.

Отвѣтъ князя А. Н. Голицына на предыдущее письмо Императора Александра I *).

С.-Петербургъ, 4 марта 1821 г.

Ayant reçu, Sire, votre lettre commencée le 8 et finie le 15 février, je m'empresse d'y répondre avec la franchise que je dois à mon Divin Maître et au lien qui nous unit avec vous en Jésus-Christ. Vous reconnaissez dans mes lettres et surtout dans l'opinion que j'énonce de M. Kochéleff une certaine désapprobation de votre politique. Vous en cherchez la source, et, comme vous dites bien, vous ne pouvez l'attribuer à l'indifférence de notre part pour les principes désorganisateurs qui ont déjà révolutionné trois pays et qui attaquent les Francs, sont dirigés plus encore contre la Religion chrétienne. Vous trouvez donc cette source de désapprobation dans un sentiment de crainte que vous nous supposez sur le succès de la lutte dans laquelle vous vous trouvez engagé, et vous répondez à cette idée, qu'il n'y a pas moyen de composer avec le mal, quand une voix intérieure vous dit que ce mal est l'œuvre de l'ennemi. La réponse de ma part se trouve dans votre lettre même, dans ce qui est dit ci-dessus: si c'est l'œuvre de l'ennemi, que peut la force armée contre l'enfer, et le Christianisme peut-il être soutenu par des armées?

Des Princes qui ont contracté la Sainte Alliance ont des règles fixes de conduite, et, depuis que cet acte fut signé, les Princes ont-ils suivi dans toute leur marche les trois articles qu'ils ont promis au Seigneur? La pratique de ce Manifeste du Règne de Christ sur terre aurait attiré des grâces sur grâces et aurait mené les Souverains à la réorganisation pour que le Verbe régnât en eux et par eux sur la terre, afin de couronner Son Œuvre et remettre tout à Son Père. Voilà à quoi la Providence appelle ses Elus.

Les croix de l'année 1812 ont produit en vous, Sire, cette heureuse préparation, pour que l'Esprit Divin puisse agir par vous, et l'humiliation que vous avez supportée avec résignation et amour a produit les fruits de la première campagne en France. Dieu Seul, comme vous l'avez senti mieux que personne, vous a élevé au pinacle de la gloire humaine, et plus il vous élevait, plus vous vous mettiez dans le néant devant lui. Et quelle fut votre force spirituelle alors! Je l'ai senti par expérience. Vous aviez une douceur angélique, une paix qui m'a souvent donné l'onction, une modestie naturelle et une force dans les paroles avec une sagesse qui montrait les traces de Dieu, qui a habité dans cœur crucifié, qui était comme un vase rempli de bonne odeur et qui, en se vidant même, exhalait la même odeur. Vous aviez besoin alors de conversation pour glorifier Dieu, pour communiquer avec les âmes pénétrées d'amour pour le Seigneur. Ensuite vint le voyage à Vienne pour le congrès (cité dans ma lettre) où l'ennemi, dans la dissipation et les fêtes, très adroitement sème l'ivraie en vous. Cette idée me dispose à porter votre attention

*) Собственная Его Императорскаго Величества библіотека, Рукописный Отдѣлъ, № 961, шк. II, п. 5, к. 33.

sur le passage de l'Evangile où les serviteurs par zèle voulaient arracher l'ivraie et le Seigneur les en empêcha, afin que, l'arrachant, ils ne détruisissent le bon grain, attitude qui par justice fut ainsi accordée au libre arbitre pour son action y relative. Votre fond était toujours resté à Dieu et l'élection étant trop clairement prononcée pour que l'œuvre de l'ennemi ne fût astucieusement voilée. Vous ne pouviez pas même l'apercevoir en produisant par la grâce Divine la Sainte Alliance et d'autres Manifestes, comme vous me le faites remarquer. Tout cela même vous donna l'assurance que vous étiez avancé dans la voie. Vous commençâtes même à prêcher le Christ aux dames et à d'autres personnes, si vous vous en rappelez: à quelle occasion M. Kochéleff vous fit la remarque qu'il ne fallait pas encore dépenser, tandis qu'il s'agissait d'amasser, l'ivraie croissant en attendant avec le bon grain, et le temps vint où à la fin j'ai pu remarquer moi-même que, par considération humaine, vous m'avez fait changer des phrases chrétiennes dans les papiers que je présentais à la signature et nommément dans un rescrit à un certain Бородавка, homme pieux qui a fait quelques donations. Ensuite ces considérations pour l'opinion de quelques catholiques vous mettaient dans l'embarras, et vous étiez prêt de gêner des prédicateurs prêchant le pur Evangile. Même, Sire, j'oserais vous dire une chose dont vous ne conviendrez point, mais que j'ai remarquée par plusieurs indices. Vous aviez honte de moi, parce que j'ai ouvertement rompu avec le monde et que je ne me souciais plus de ce qu'il pouvait dire de moi en bien ou en mal. La dernière année que nous avons passée ensemble, je ne vous voyais plus autrement que les jours de travail, parce qu'apparemment le public ne pouvait pas vous reprocher de voir une fois la semaine un homme qui était avec vous plusieurs fois par jour quand je n'étais qu'amusant et frivole. Examinez, Sire, ce tableau et considérez ensuite si des hommes qui vous sont voués entièrement en Jésus-Christ ne durent pas vous faire part de certaines appréhensions sur votre marche. D'ailleurs, l'engagement que nous avons pris tous les trois en face du Dieu vivant, n'est pas une plaisanterie et celui que vous avez placé péniblement pour lui au haut du Triangle, sans qu'il l'ait voulu, sentant que pour cet effet ce résultat était encore précoce, n'aurait-il pas eu une responsabilité devant le Haut *Tré-Un,* s'il ne vous a pas dit ce que pesait sur son cœur? Et la manière dont vous le reçûtes l'a réduit au silence direct vis-à-vis de vous; mais l'amour qui nous unit me pousse néanmoins à vous écrire ce qui part de son cœur crucifié, produit des états spirituels par lesquels vous passez et que vous avez en perspective.

Vous me citez, Sire, *Judith,* que vous lisiez dans vos lectures journalières et que j'ai fini aussi de lire depuis quelques jours, vous pouvant la citer à mon tour, croyant, Sire, être certain que ce livre est plus à l'appui de mon opinion que de la vôtre. Car les habitants de Béthulie ne s'appuyaient point sur la force des armées, mais sur Dieu seul, et ensuite vous m'avez communiqué, Sire, des citations de l'Ecriture Sainte, qui, permettez-moi de vous dire, ne peuvent nous regarder comme faisant partie d'un lien si spirituel et si sacré que nous devons être comme un seul homme. Et toutes ces citations regardent la prédication à un peuple comme les Romains, que St-Paul prêchait, et nous

ne cherchons pas à être prédicateurs, mais coopérateurs de l'œuvre Divine sur la terre, et nous ne pouvons prendre, dans la position où nous nous sommes trouvés vis-à-vis de vous, que l'ensemble de l'Ecriture Sainte et non partiellement et dans un sens détaché.

Si vous voulez, Sire, vous rappeler ce que je vous ai écrit cet été à Varsovie sur la force de la puissance des Rois, comment Dieu l'a cédée pour ainsi dire à Saül et comment nous sommes parvenus aux temps où le Seigneur veut derechef régner sur la terre et veut que les puissances s'abaissent devant Lui, que leurs cœurs s'ouvrent et que le Saint Esprit agisse en eux. Si les puissances ne veulent pas de ce nouvel ordre de choses, alors l'enfer a la permission de soulever les peuples pour leur ôter cette puissance. La marche de l'Elu est claire dans ces circonstances. Voilà ce qu'a prêché Mme Bouche. Que nous fait la personne, quand même il y aurait de l'humain en elle, comme vous le dites. Il ne faut jamais s'attendre que les instruments dont se sert Dieu soient toujours parfaits, et la plupart du temps ils sont choisis parmi des ignorants et des faibles. Dieu a parlé même par une ânesse: les pierres parleront, si les hommes voudront rester sourds. Enfin, Sire, ne considérons pas celui qui porte la parole Divine, pourvu qu'elle ait le caractère de la vérité et l'analogie avec l'Ecriture Sainte. C'est par cet aspect que nous l'avons envisagé d'après lequel j'ai traité toute l'affaire.

Vous terminez votre lettre, Sire, avec des sentiments en Notre Seigneur, mais son contenu prouve que vous n'avez pas goûté ce que l'amour pour vous de deux êtres qui vous sont entièrement voués, ont constamment cherché à vous mettre au cœur. Vous voulez seulement paraître devant nous juste et avancé dans la voie, puisque vous dites que vous ne faites rien que par les déterminations de Dieu et que vous ne faites que suivre en tout ce qui vous est ordonné par Lui. C'est aussi le seul vœu que nous pouvons former pour vous, mais alors ce serait nous qui serions dans la fausse voie, n'étant pas en entente harmonique avec vous.

Notre troisième, après avoir entendu avec humilité, résignation et soumission toute la lecture de votre lettre, m'a chargé de remercier V. M. pour Son souvenir, et, après une courte prière incontinent faite, il m'a prié de prendre l'Ecriture Sainte, de l'ouvrir et de poser le doigt sur le premier verset qui me tomberait sous la main. Ce verset est le 3me dans le psaume 140 du Psalmiste-Roi. Alors frappé de cette miséricordieuse leçon et plein de gratitude envers Celui de qui il la reçoit, il se voue plus que jamais au plus profond silence, jusqu'à d'autres temps et d'autres ordres. Et dans cette disposition, portant sa croix, il met aux pieds de celle de Notre Sauveur tout ce qu'il a pu jusqu'ici vous faire parvenir directement ou par transmission, comme tout ce qu'il vient de recevoir de vous dans votre dernière lettre du 8 au 15, ne déguisant rien, mais bénissant et louant le Seigneur de tout, en tout et pour tout.

Je dois, Sire, répondre encore au sujet de l'incendie de Bruxelles, que vous qualifiez de châtiment pressenti par notre troisième. Ce n'était au contraire qu'un sentiment d'avertissement, comme celui de Czarsko-Sélo où on frappa

les hochets en montrant le danger que pouvaient courir dans de pareils événements les personnes mêmes. Mais les châtiments pressentis par lui pour l'année 1821 et 1822 se développent déjà dans les famines et mortalités qui en sont le résultat sur plusieurs points de l'Empire, comme dans l'esprit de la force armée et en partie dans celui même de la nation, bien différent de ce qu'il était l'année 1812 et 1813 et 1814 que vous citez, et si, à cette dernière époque, le sentiment d'agir hors des domaines nationaux fut juste, comme fortement prononcé, dans notre troisième, celui du moment actuel pour l'Elu également fortement prononcé de n'être que conseil sage et prépondérant pour l'extérieur, mais opérateur paternellement vigilant pour l'intérieur. C'est à présent à V. M., d'après *sa foi*, qu'il appartient de décider si ce sentiment dans notre troisième, à l'époque où il vous l'exprima, était vrai et si votre action en tout point y a été conforme.

Quant à ce dont les suppôts de Satan, comme Voltaire, Mirabeau et Condorcet, ont profondément pénétré V. M. relativement aux associations infernales, personne ne sait mieux que vous, Sire, combien plus efficacement notre troisième est convaincu de tous ces dangers par une lumière découlée d'une source ineffable et pure, qu'il ne vous a pas laissé ignorer dans le temps, objet sur lequel il lui est arrivé de revenir plus d'une fois vis-à-vis de vous. Cette conversation fut franchement terminée hier entre nous en priant avec ferveur pour l'Elu et en demandant au Seigneur que, dans ma carrière de l'activité en évidence et de celle de notre troisième de silence en soumission, Господь всещедро наградилъ бы насъ для Дѣла Своего, Духомъ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви, во славу Его Господа Нашего, познавая Его ежедневно болѣе и болѣе въ непостижимой Его благости къ тварямъ, предающимся неограниченно Его Святой волѣ.

P. S. Pour ce qui concerne la lettre écrite par Mme Bouche pour Mme Zebrowska, d'après l'aveu que la première nous fit après avoir expédié sa lettre pour vous, vous devez savoir déjà les motifs qui l'ont guidée dans cette affaire; mais comme vous m'avez envoyé la lettre de Mme Zebrowska par laquelle elle vous demande que son affaire soit suspendue jusqu'à votre retour, je demande vos ordres, Sire, sur ce que je dois faire de la lettre.

40.

Laybach, le 24 février 1821.

J'ai reçu, cher ami, vos deux lettres du 28 janvier et du 4 février. Remerciez, je vous prie, M. Kochéleff bien affectueusement pour son souvenir et pour ce qu'il vous a chargé de me dire.

Les deux lettres ci-jointes expliquent le doute sur celle de Mme Zebrowsky que je vous ai envoyée par le dernier courrier. Elles vous prouveront que je ne me suis pas trompé dans mes suppositions: je vous laisse vous-même juge si tout cela est bien correct? Maintenant donc Mme Zebrowsky se trouve initiée dans les rapports de Mme Bouche avec moi, puisque sa lettre

adressée directement à moi a été incluse dans celle de Mme Zebrowsky au prince Wolkonsky, et celle-ci n'a été écrite que pour faire parvenir celle de Mme Bouche directement à moi, comme vous vous en convaincrez vous-même. J'ai souligné quelques passages, soit de cette lettre, soit des réponses ci-jointes, qui constatent que Mme Bouche est contente maintenant de la marche des choses. Même elle avoue avoir eu tort d'attendre des demandes de ma part! Tout cela me prouve, cher ami, qu'en me laissant aller avec un entier abandon à la volonté Divine et au sentiment intérieur qu'Il place Lui-même dans mon cœur, je crois suivre la route la plus sûre, et qui m'a préservé déjà de bien des faux pas. Que Sa volonté seule soit faite en tout! Voilà mon refrain perpétuel.

Je joins ici de même la perlustration d'une lettre de Christin sur laquelle vous et M. de Kochéleff avez fixé mon attention. Je partage complètement votre opinion à tous deux sur cette lettre. Aussi je vous assure bien que c'est là les principes que nous suivons et que jamais nous n'avons voulu entrer dans aucune composition avec les carbonaris et les révolutionnaires, soit de Naples, soit de l'Espagne. Si nous avions suivi une marche différente, il y a longtemps que nous aurions terminé; mais cela n'aurait été qu'un palliatif momentané. Nous avons mieux aimé lutter contre une somme de difficultés plus grandes, mais ne pas composer avec le mal et travailler de toutes nos forces à le détruire en plaçant toute notre foi dans le secours Tout-Puissant du Seigneur.

Maintenant venons aux affaires. La lettre de M. Malan, ministre de l'Eglise de Genève, est excellente. Je vous restitue la vôtre et je vais répondre à la mienne, ensuite je vous l'enverrai de même. Je vous renvoie une de vos *Записки* avec ma résolution. Quant à l'autre sur les Ecoles d'enseignement mutuel, je vous dirai avec ma franchise habituelle que, tout en ayant complètement raison pour le fond de l'affaire, vous avez manqué quant à la forme.

La vente qui se fait par la commission des Ecoles Militaires de tableaux vieux n'a lieu qu'en vertu d'un ordre donné par moi. Avant donc de le révoquer de votre propre autorité, vous auriez dû m'en demander mon assentiment, ou bien en conférer verbalement avec le comte Araktchéeff, sous les ordres duquel elle se trouve. Il vous aurait instruit alors que cette vente est instituée uniquement pour procurer un bénéfice à cette commission, avec lequel elle puisse suffire aux différentes dépenses qui pèsent sur elle, que peu lui importe quels tableaux et quels modèles d'écriture elle imprime, mais ce qui lui est indispensable, c'est qu'elle puisse avoir un revenu avec lequel elle compense ses dépenses, ainsi qu'elle peut parfaitement adopter vos modèles, mais pourvu qu'on lui laisse la faculté de les vendre. Au reste, tout ce que je vous dis là, c'est de mes propres conjectures, car je n'ai pas reçu encore un mot du comte Araktchéeff sur cette affaire. Je lui ai demandé des renseignements.

Faites mes plus tendres amitiés à Mme Krudener, à Mme Berckheim et à son mari. La mort de Véning m'a profondément affligé. Faites-moi le plaisir de dire au frère et à sa femme toute la part que je prends à leur douleur.

Tout à vous de cœur et d'âme en notre Divin Sauveur.

J'ai marqué avec le crayon et avec une oreille une des lettres de Rosenstrauch, qui mérite votre attention. Je fais chorus avec lui sur ce qu'il dit.

41.

Laybach, le 10 mars 1821.

Je commence, cher ami, par vous dire que Samedi de la première semaine du Carême, j'ai eu le bonheur de recevoir la Sainte Communion, et à cette occasion je me suis réuni en pensée et en prières à vous et à M. Kochéleff, ce que je vous prie de lui dire de ma part, en lui exprimant mes sentiments affectueux et de me pardonner, tous les deux, tous les torts que j'ai pu avoir envers vous. Le Seigneur a permis que j'aie éprouvé un sentiment de bien-être cette fois-ci supérieur à ce que j'éprouvais précédemment en remplissant ce Saint Acte, et en même temps, jamais je n'ai senti plus fortement ma chétivité, toute ma misère. J'ai voulu vous écrire par le dernier courrier pour vous annoncer que je m'étais acquitté de ce devoir Sacré, mais j'ai eu tant de travail à expédier que je n'ai pu y réussir.

Vous savez déjà par les nouvelles que le dernier courrier a apportées à Pétersbourg le surcroît d'occupations qui nous est survenu. Le Piémont vient d'être révolutionné d'après le modèle de l'Espagne, de Naples et du Portugal, et par le même comité directeur de Paris qui a produit les trois premiers bouleversements. Mon valet de chambre Maxime va vous remettre des papiers qui vous mettront au fait des détails de toute cette affaire, que je vous prie de lire à M. Kochéleff. Ils sont contenus dans deux enveloppes sous № 1 et 2.

Ces circonstances sont d'une importance extrême. Je les regarde comme plus majeures peut-être que le retour de Napoléon de l'Ile d'Elbe en 1815, car le mal que nous avons à combattre cette fois-ci est plus puissant que n'était le pouvoir de Napoléon. Par conséquent les mesures que nous avions à prendre devaient être proportionnées à l'éminence du danger. C'est maintenant que j'ai compris pourquoi le Seigneur m'a retenu ici jusqu'à ce moment! Que de grâces n'ai-je pas à Lui rendre d'avoir arrangé les choses de manière que je me trouvasse encore réuni à mes Alliés et à leur Cabinet! C'eût été une vraie calamité, si il en fût autrement. Aussi, après avoir imploré le secours du Tout-Puissant, dans vingt-quatre heures toutes les mesures importantes ont été arrêtées et expédiées, et maintenant nous plaçons avec tranquillité tout notre espoir dans l'aide du Seigneur.

En vous écrivant la dernière fois, j'ai oublié de vous parler de la lettre incluse de Christin. A l'heure qu'il est, je vois que cela ne s'est pas fait par hasard et que les événements eux-mêmes devaient servir de meilleure réfutation aux raisonnements qu'il y fait sur l'inutilité des réunions des Souverains, et vous prouver qu'il ne s'agit pas de faire de simples traités comme autrefois, et pour lesquels certainement un ambassadeur suffirait. Il s'agit à cette

époque-ci de lutter contre le règne de Satan; aucun ambassadeur n'y est suffisant: ce ne sont que ceux que le Seigneur a mis à la tête des Nations qui peuvent, *sous Son bon plaisir,* persévérer dans cette lutte et ne pas plier la tête sous ce pouvoir satanique, toujours croissant et se démasquant davantage.

Depuis Troppau j'avais le sentiment intérieur qu'on nous préparait quelques mines et qu'au premier jour elles allaient sauter. Mes conjectures se sont complètement réalisées. Indépendamment de ce qui se passe dans le Piémont, une insurrection contre le pouvoir de la Porte Ottomane a éclaté dans la Petite Valachie, et nous venons de recevoir la nouvelle que le prince Ypsilanti, le même qui a un bras emporté et auquel j'avais donné un semestre depuis un an pour soigner sa blessure qui se rouvre, est arrivé tout à coup à Yassy et a déclaré au Hospodar qu'il se trouvait appelé par les Grecs de l'Epire et de la Morée, ses compatriotes, pour les délivrer de la puissance de la Porte, et qu'il allait se mettre à leur tête. C'est un fou, qui probablement se perdra lui-même, et entraînera dans sa perte beaucoup de victimes, car ils n'ont ni canons, ni moyens, et il est vraisemblable que les Turcs les écraseront. Mais il n'y a pas de doute que l'impulsion à ce mouvement insurrectionnel n'eût été donnée par le même comité central directeur de Paris, dans l'intention de faire une diversion en faveur de Naples et empêcher que nous ne détruisions une de ces synagogues de Satan, établies uniquement pour propager et répandre sa doctrine anti-chrétienne. Ypsilanti, dans la lettre qu'il m'adresse, me dit ouvertement qu'il appartient à une *société secrète,* formée dans le but de la délivrance et de la régénération de la Grèce. Or toutes ces sociétés secrètes ont leur aboutissant au comité central de Paris. La révolution du Piémont n'a de même qu'un but semblable. C'est l'établissement d'un foyer de plus pour prêcher cette même doctrine et l'espoir par là de paralyser les résultats des principes chrétiens professés par la Sainte Alliance.

Or pour lutter contre un mal aussi actif, aussi puissant en moyens, il faut plus que de simples ambassadeurs. Dans des époques de dangers aussi éminents, toute autre considération doit se taire devant l'urgence du danger et la nécessité de lutter contre cet ennemi de la Religion de Notre Sauveur, qui menace de tout engloutir. Il est bon de remarquer que, dans la révolution de Naples et du Piémont, la Providence Divine a empêché que les personnes revêtues de l'autorité légitime restassent dans les mains des insurgés et les a réunies par contre aux Souverains alliés. En voici le second exemple, car le Roi de Sardaigne, n'ayant jamais voulu souscrire à l'acceptation de la constitution espagnole, a abdiqué. Son successeur légitime est son frère le Duc de Genevois, qui, par un pur hasard (ou plutôt par la volonté Divine), s'était rendu avant la révolution à Modène pour y voir le Roi de Naples à son passage. C'est là où la nouvelle de la révolution à Turin l'a trouvé. Placé hors des mains de ses ennemis, il a protesté formellement contre tout ce qui s'est passé et appelé le secours des Souverains Alliés. Cette circonstance, comme vous le verrez par les papiers, a déconcerté le plan des révolutionnaires, et ils se trouvent déjà dans une très grande confusion. Gloire en soit rendue à Dieu!

Le sort de la France est très incertain. Le comité central révolutionnaire réside à Paris. Après avoir allumé tous les incendies au dehors qui ont été en son pouvoir, il est plus que probable qu'il tâchera d'en allumer un en France même, et par là de lier un ensemble avec les révolutionnaires d'Espagne et ceux du Piémont. Je cite exprès ces probabilités pour que vous vous prépariez à ce qui, d'après ma manière de sentir, me paraît très possible. Mais aussi les mesures que le Seigneur a permis que nous prenions, réunis comme nous le sommes heureusement ensemble, avec la protection de Son Bras Tout-Puissant, j'espère, seront proportionnées à la grandeur du danger.

En attendant, grâce à la miséricorde Divine, j'ai les plus heureuses nouvelles à vous donner sur les opérations sur Naples. On peut regarder cette guerre comme finie, et elle n'a pas coûté à l'Empereur d'Autriche 50 hommes. Ce qui paraissait un colosse à combattre, par cet enthousiasme, cette exaltation, dont on disait les Napolitains animés, et tous les armements nombreux qu'ils avaient faits, par la *foi nue* en Dieu et par cette simple confiance en Lui et la conviction qu'Il n'abandonne pas ceux qui *n'espèrent qu'en Lui,* dans moins de quinze jours avec 45.000 hommes s'est trouvé anéanti. Gloire encore en soit mille et mille fois rendue à *ce Dieu* de bonté, à *ce Sauveur* qu'Il nous a donné dans Sa miséricorde et à *cet Esprit Saint* qu'Il nous a destiné pour nous conduire quand nous nous abandonnons à Lui seul! Voilà l'espoir de délivrer Naples par des diversions, à peu près anéanti pour nos ennemis.

Je termine cette lettre, cher ami, par vous dire que, d'après l'ordre habituel que j'ai établi pour mes lectures quotidiennes, j'en suis dans ce moment dans le Vieux Testament au *Livre de Job.* A chaque chapitre que je lis, je lis aussi les explications que Mme Guyon en donne. Dans les quatre premiers chapitres, je trouve une analogie à ma propre situation personnelle, qui me pénètre et qui vibre dans mon cœur. Faites-moi le plaisir de lire ces quatre premiers chapitres dans Sacy, et à chaque chapitre lisez dans le volume VII des *Œuvres* de Mme Guyon l'explication qu'elle en donne sur chacun. Adieu, cher ami, dites mille choses à Mme Krudener, à Mme Berckheim et à son mari. Tout à vous de cœur et d'âme en Notre Seigneur.

J'ai omis de vous dire que j'attendais le résultat des affaires de Naples pour me mettre tout de suite en route pour Pétersbourg. Car dès lors mon rôle était fini et le reste pourrait s'arranger paisiblement par mon plénipotentiaire. Mais apparemment que le Seigneur en a décidé autrement, car cette nouvelle circonstance survenue en Piémont et toutes les mesures qu'elle motive me forcent malgré moi à suspendre mon départ jusqu'à ce que nous apprenions au juste l'effet qui en aura rejailli sur la France.

42.

Laybach, le 18 mars 1821.

Mon valet de chambre Maxime va vous remettre un paquet № 3. C'est la continuation des nouvelles. Vous y verrez les grandes grâces que le Seigneur répand sur nous dans Sa miséricorde. Vous y verrez de même que mes appréhensions sur la France ne sont que trop exactes. Abandonnons-nous complètement à la Sainte Volonté de notre Dieu, et Il fera tout prospérer à l'avancement de Son œuvre.

Je n'ai pas un moment pour vous en dire davantage. Bien des amitiés de ma part à M. de Kochéleff. Tout à vous en Notre Seigneur.

43.

Laybach, le 1er avril 1821.

Mon valet de chambre Maxime vous remettra encore des papiers qui vous prouveront, j'espère, d'une manière palpable ce que la *foi en Dieu seul et Son secours* produisent.

Je n'ai pas un moment pour entrer dans de plus amples détails. Dites bien des choses de ma part à M. Kochéleff. Tout à vous en Notre Seigneur.

44.

Vérone, le 28 octobre 1822.

Je croyais vous avoir dit que je ne voulais plus entretenir aucun rapport avec Mme Bouche. Ainsi je vous prie de lui renvoyer la lettre qu'elle m'a adressée en l'avertissant que, s'il y en aura d'autres, elles seront toutes pareillement renvoyées.

Rappelez-vous ce qui concerne les médaillons et comment nous les avons quittés!!!

Quant à *Ensel,* franchement il m'a paru dérangé, dès le premier moment que je l'ai vu; c'était vis-à-vis de la ferme à Zarsko-Sélo. Cela était tel, que je l'ai fait prendre par l'invalide qui y est préposé et le conduire au Château, mais Galitzyne André, que j'ai rencontré quelques moments après, m'a dit tant de choses de lui que j'ai été curieux de le voir. Quand il est venu avec M. Popoff chez moi, il n'a nullement répondu à tout ce que Galitzyne m'en a dit, et vous devez vous rappeler que j'ai été charmé qu'il partît. Je puis difficilement me mêler de son affaire. Chaque pays a ses règles, et on fait bien de les suivre. D'ailleurs le Roi de Prusse n'est pas ici; il est parti pour Rome et Naples.

Tout à vous en Notre Seigneur.

45.

Pilsen, le 25 decembre 1822.

J'ai besoin, dans ce jour si cher a tout chretien, de vous adresser quelques lignes pour vous dire que votre lettre du 10 decembre a été jusqu'au fond de mon cœur. Remerciez aussi M. Kochéleit pour ce qu'il vous a charge de me dire.

J'ai lu aussi avec sensibilité celle du 3 novembre et je puis vous assurer que mon cœur n'a rien contre vous. Un manque de temps est le seul obstacle à ma correspondance avec vous: ces lignes, je vous les écris après 2 heures du matin et à peine j'ai pu achever mon expédition. Dans quelques semaines j'espère que le Seigneur me ramènera chez vous. Tout à vous en Jésus-Christ.

46.

Taganrog, le 22 septembre 1825.

Grâce à Dieu, je me porte bien et suis arrivé très heureusement à ma destination.

Vos désirs sont remplis, et j'ai envoyé les ordres nécessaires au ministre des finances.

L'histoire qu'on vous mande de Novgorod n'est qu'un conte bleu; les deux personnages qu'on avait mis pour un moment dans le couvent en question ne sont rien moins ce qu'on tâche de les représenter dans votre lettre. Je les juge par leurs propres écrits que j'ai lus moi-même.

Tout à vous.

Vous recevrez de Gourieff du Cabinet 16.000 R. на извѣстныя употребленія. Veuillez les accepter de ma part pour vous mettre à l'aise et prévenir la nécessité de faire des dettes.

47.

Записки Александра I къ князю А. Н. Голицыну [*]).

Faites dire, je vous prie, au vieux Archimandrite de 70 ans que j'ai un moment pour le recevoir aujourd'hui à 6 heures, et faites-le arriver à mon petit escalier comme vous l'avez fait pour le moine d'Archangel. Pour que le froid d'aujourd'hui ne le gèle pas, faites louer une voiture pour le conduire et mettez-la sur mon compte. Tout à vous.

Aussitôt l'Archimandrite sorti, nous travaillerons comme de coutume.

*) Безъ датъ, но почти всѣ двадцатыхъ годовъ.

Je voudrais que vous mettiez la date d'hier, parce que j'ai dit au Métropolite que c'était fait.

Faites, je vous prie, acheter une bonne pelisse au capucin, il gèle très fort, et faites-lui louer une bonne voiture fermée. Tout à vous.

Voici l'ouvrage fait. Si vous n'avez aucune observation, passez tout de suite chez Nesselrode et faites-le copier en russe et en français sur les mêmes feuilles, comme cela se fait toujours pour les traités, et dites-lui de me l'envoyer encore aujourd'hui. Veillez à ce que la ponctuation soit juste.

J'aurai un moment aujourd'hui pour le baptême de Krim-Guirey. Cela pourrait se faire au Palais d'Hiver à 5 heures, dans mon salon bleu, entre la chambre des secrétaires et mon cabinet. Je ne demande pas mieux que d'avoir pour marraine de l'enfant Mme Pitt, et comme elle a son appartement au Palais d'Hiver, elle pourra très bien s'y rendre jusqu'à la cérémonie, et, quand tout sera prêt, je la ferai avertir.

Le prince Wolkonsky va avertir Mme Pitt de ces dispositions, et vous, veuillez vous charger d'en informer Krim-Guirey et de prendre tous les arrangements nécessaires avec le curé anglais. Tout à vous.

J'ai oublié de vous prier d'avertir l'Evêque Jona que je désire qu'il n'y ait ni sermon ni discours de réception. Toute la cérémonie se passant de nuit, il me paraît peu convenable de l'allonger par des additions qui n'y appartiennent pas.

Tout à vous en Notre Seigneur Jésus-Christ.

Faites observer, je vous prie, à M. Kochéleff notre lecture d'aujourd'hui, surtout l'Evangile de St-Luc: c'est justement celui dont j'ai cité hier un verset et lu quelques autres. C'est assez remarquable. L'explication de Mme Guyon est aussi bien essentielle. Tout à vous.

Je fixe votre attention sur notre lecture d'aujourd'hui, surtout sur le chapitre IV de *la Sagesse* et son explication dans Mme Guyon, ainsi que sur *l'Evangile de St-Luc,* chap. XIII. Ils sont remarquables pour moi et m'apprennent à recevoir avec plus d'humilité et de soumission les avis qui me parviennent. Je vous ferai part des développements la première fois que nous nous reverrons. Lisez en attendant ce billet à M. Kochéleff. Tout à vous en Notre Seigneur.

Dimanche matin.

Dites, je vous prie, à M. Kochéleff que je propose de nous réunir demain, à l'heure habituelle, au lieu d'aujourd'hui. Je serai en ville à 6 heures; nous commencerons donc avec vous par notre travail ordinaire. Pour aujourd'hui, je désire rester à Zarsko Sélo et éviter par là le grand dîner de demain, qui même par là n'aura pas lieu du tout, vu mon absence, ce qui, je crois, enragera tout le monde. Tout à vous.

Vous me connaissez assez, j'espère, pour être sûr que, si j'avais la *conviction* que c'est une œuvre de Dieu, je n'hésiterais ni ne balancerais un moment. Je n'aurais besoin d'aucun comité quelconque pour prendre ma décision et j'agirais avec la fermeté qui est dans mon caractère dès que j'agis d'après mon *sentiment intérieur* ou l'impulsion de ma foi. Mais ici il n'y a rien de tout cela. J'y vois, ce qui malheureusement ne se rencontre que trop souvent depuis quelque temps, un masque de religion, une hypocrisie qui se couvre de ce manteau pour être moins aperçue, et au fond, il y a beaucoup d'apparence du moins qu'un principe de radicalisme en est le mobile. Dès ce moment, cela devient une affaire délicate, et selon moi, elle doit être menée avec clarté et publicité. Les papiers de Paulucci d'ailleurs, à mon avis, sont très bien faits. Je désirerais que vous écoutiez *avec calme aujourd'hui*, vous réservant seulement de présenter une opinion pour une séance prochaine, que *vous évitiez les discussions* et qu'ensuite, revenu chez vous, vous *priiez bien*, et puis nous discuterons à nous deux la chose; après quoi vous présenterez votre opinion telle que *votre conscience vous l'indiquera*. Voilà ce qui m'est mis au cœur de vous dire. Tout à vous en Notre Seigneur et Sauveur Jésus-Christ. Que Son Esprit nous éclaire!

Ce que vous venez de m'écrire m'embarrasse beaucoup, car j'ai déjà commencé de parler sur cet objet au général Vasiltchikoff hier, et, ayant été empêché de continuer par l'heure de la messe, je l'ai invité à venir dîner aujourd'hui avec moi pour continuer notre conversation. N'ayant absolument aucune autre affaire à traiter avec lui, je me trouverais dans une étrange position en ne lui disant plus rien. C'est un homme sur la discrétion duquel on peut compter, et il en sera comme si je ne lui avais rien dit. Faites voir tout cela à M. Kochéleff et écrivez-moi ce qu'il aura répondu. Encore une fois, c'est sans aucun inconvénient quelconque, cependant je désire beaucoup la réponse de M. Kochéleff. Tout à vous en Notre Sauveur.

Faites attention, je vous prie, à notre lecture de ce matin, surtout à l'Evangile depuis le verset 14 jusqu'au 24. Surtout après ce qui a été décidé dans notre réunion, c'est marquant. Communiquez mon billet à M. Kochéleff.

Dites, je vous prie, à M. de Kochéleff que c'est chez lui que je compte venir comme l'autre fois.

Ayant justement du temps aujourd'hui, je désirerais voir M. Kochéleff, si lui ne se sent pas trop fatigué de ses dévotions. C'est à 8 heures que je lui propose de venir et c'est à vous que j'adresse ces lignes, pensant que vous êtes ensemble, pour ménager sa vue. Dites-moi bien franchement si ma proposition ne le dérange pas? Tout à vous.

Engagez, je vous prie, M. Kochéleff à être chez vous à 8 heures, et alors je vous ferai chercher tous deux comme l'autre fois par le petit escalier. Tout à vous.

Je n'ai rien contre, que M. Kochéleff sache la destination de cette somme.

Je pourrais recevoir ce soir Alexéeff à 8 heures du soir, comme l'autre jour, et mon valet de chambre sera sur le grand подъѣздъ de la Néva pour le conduire.

Mardi matin.

Ayant aujourd'hui quelques moments à moi, je désire que vous avertissiez de ma part André Golitzyne de venir à Zarsko Sélo aujourd'hui *de la manière convenue entre nous,* et de se présenter chez mon valet de chambre à 8 heures ce soir.

Tout à vous.

Jeudi 15 décembre.

Je vous prie d'avertir André Golitzyne que je serai trop occupé cette fois-ci à Zarsko Sélo pour le recevoir, d'autant plus que ma Mère veut venir m'y voir. Si j'avais quelques moments, je le lui ferais savoir par vous.

Je reçois à l'instant votre lettre et je m'empresse d'y répondre. Dites à André qu'il m'est impossible pendant ce séjour de recevoir ni Alexéeff ni lui-même, parce que ma sœur vient demain dîner chez moi, et le soir ma femme arrive pour passer la journée de vendredi ici; samedi matin je rentre en ville et aujourd'hui j'ai beaucoup trop d'occupations. Mais j'aurais la même facilité, peut-être plus, de recevoir Alexéeff au Palais d'Hiver, car je suis impatient d'en faire la connaissance.

Mercredi matin.

C'est demain que je me propose de recevoir les deux moines du couvent cartousien au Palais d'Hiver, à 7 heures. Vous leur ferez louer une voiture et les ferez conduire au podiesd ordinaire.

A 7 heures et ½ vous inviterez aussi l'Archimandrite Moldave à venir au Palais d'Hiver, mais sur le grand podiesd du côte de la Néva. Il y aura là quelqu'un pour le conduire plus loin. Tout à vous.

Jeudi soir.

C'est demain lundi qu'aura lieu notre travail et notre réunion aux heures habituelles.

Remerciez, je vous prie, M. Kochéleff pour ce qu'il m'a fait dire par vous. Je tâcherai, sous le bon plaisir du Seigneur, d'en faire mon profit.

Répondez au prince André qu'avant de s'absenter, je désire qu'il vienne vous voir; après votre entrevue, il peut partir. Avertissez-le toutefois que je ne puis le recevoir à Zarsko Sélo ces jours-ci, ayant trop d'occupations. Après que vous l'aurez vu, vous pourrez fixer notre entrevue avec Glinka. Tout à vous en Notre Seigneur.

Mardi soir.

Avant-hier soir, des crampes m'avaient saisi à la suite de quelque chose d'indigeste qui s'est trouvé dans mon dîner. Grâce au Tout-Puissant, à la suite de quelques remèdes tout cela a passé, j'ai eu une très bonne nuit et aujourd'hui je me porte à ravir.

Mille remercîments pour tout ce que vous me dites et pour les vœux que vous formez pour moi; j'espère que le Seigneur daignera les exaucer. Tout à vous. Bien des choses à M. Kochéleff, à Mme Krudener et aux Berckheim.

J'ai vu hier le nouvel Archevêque de Kieff *). Sa conversation m'a fait grand plaisir. Il me paraît tout à fait tel à être promu à la dignité de Métropolitain. Préparez donc l'oukase en conséquence et envoyez-le moi pour la signature.

Je consens très volontiers à laisser à M. Berckheim ses appointements.

L'affaire sur mon valet de chambre et Minitzky est tirée au clair, et je vous en parlerai à notre première réunion. Tout à vous en Notre Seigneur.

Mardi soir.

---

*) Митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ) съ 16 марта 1822 г.; † 23 февраля 1837 г.

Je vous envoie la lettre de Golitzyne dont je vous ai parlé. Vous ne lui direz pas, comme de raison, que vous l'avez vue. J'aurais bien des choses à vous dire sur son compte la première fois que nous nous verrons. En attendant, soyez prudent avec lui, écoutez-le, mais ne lui confiez rien, en restant pour les formes extérieures aussi amical que jusqu'ici.

Les endroits soulignés sont des marques que je m'étais faites pour en parler avec Golitzyne. Tout à vous en Notre Seigneur.

VI.

Записки князя А. Н. Голицына къ Императору Александру I, съ отвѣтами Государя.

1.

Czarsko-Sélo, le 1er juillet 1820.

N'espérant pas vous voir, Sire, comme vous partez pour Péterhof, permettez-moi de me rappeler à votre souvenir et vous prier d'avoir la bonté de me mettre du nombre de ceux qui doivent travailler avec vous samedi, si, comme on dit, vous serez de retour à Czarsko-Sélo, parce que j'ai des affaires qui demandent votre décision.

Que le Seigneur Jésus-Christ soit avec vous!

Отвѣтъ Государя.

Comme je suppose que cela vous est égal de travailler avec moi le samedi ou bien le dimanche, il est probable que ce sera ce dernier jour, puisque, d'après toute apparence, j'aurai beaucoup trop d'occupations samedi et que notre soirée sera consacrée comme de coutume à notre réunion. Tout à vous.

2.

Каменный Островъ, 19 августа 1821 г.

Позвольте мнѣ испросить нѣкоторыя разрѣшенія отъ Вашего Величества:

1) Митрополитъ Серафимъ докладывалъ ли вчера лично о своемъ представленіи Императрицамъ; ежели нѣтъ, то когда прикажете ему представиться къ Императрицѣ Елисаветѣ Алексіевнѣ, потомъ уже можно будетъ просить о соизволеніи Императрицы Маріи Θеодоровны, ибо митрополитъ просилъ его увѣдомить.

*Отвѣты Государя *).*

Удобнѣе всего наканунѣ Александрова дня, когда онъ по обычаю пріѣзжаетъ звать Императрицъ въ Лавру.

*) Писаны карандашемъ рукою Государя.

Освящать.

2) Прикажете ли освящать церковь на подворьѣ Валаамскомъ безъ Вашего Величества или нѣтъ, о семъ проситъ Валаамскій игуменъ разрѣшенія.

Въ Соловецкой.

3) О *Шумиловѣ* *) прошу Вашего разрѣшенія, въ Спасоефимьевъ ли монастырь или въ Соловецкой онъ посылается? Графъ Милорадовичъ писалъ мнѣ о доставленіи къ нему письма „архи-„мандриту соловецкому, говоря тутъ же, что онъ „посылается въ тотъ же монастырь, гдѣ начальникъ „скопцовъ находится“.

Видя противорѣчіе, я возвратилъ ему письмо, прося его, чтобы онъ испросилъ повелѣнія Вашего, ежели встрѣтилось какое сомнѣніе, но во всякомъ случаѣ вѣрнѣе мнѣ имѣть Ваше разрѣшеніе въ Спасоефимьевъ или въ Соловецкой, прося графу Милорадовичу не говорить о моемъ вопросѣ, чтобъ ему не показалось то обиднымъ.

Свиданіе съ Сигнеусомъ будетъ въ первый мой пріездъ въ городъ.

4) О Сигнеусѣ **), какъ прикажете?

3.

Le 3 décembre 1821.

Quels sont vos ordres, Sire, pour la journée d'aujourd'hui, à quelle heure je dois venir avec mon travail et s'il y aura après la réunion, pour que je puisse avertir M. Kochéleff en conséquence.

Отвѣтъ Государя.

Il me sera impossible de vous recevoir aujourd'hui, parce que ma sœur arrivera après dîner et que nous allons avec ma Mère à sa rencontre à Strelna. Notre travail ne pourra donc se faire que lundi après dîner, et la réunion à samedi prochain.

4.

Le 24 décembre 1821.

A quelle heure, Sire, dois-je venir travailler aujourd'hui? Entre autres choses j'ai à vous faire mon rapport sur le juif emmené ici par vos ordres.

---

*) Меѳодій Петровичъ Шумиловъ, томскій купецъ, скопецъ, † въ ссылкѣ въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1823 г. (*Русская Старина,* Т. 56, ноябрь, 1887, стр. 615).

**) Евангелическій С.-Петербургскій епископъ.

Отвѣтъ Государя.

C'est demain que nous travaillons ensemble à 6 heures après le dîner, mais j'ai toujours besoin de vous voir aujourd'hui sans papiers, ayant à vous dire plusieurs choses. Ainsi venez chez moi à 6 heures après dîner et par la petite entrée.

5.

Le 5 février 1822.

Je suis chargé, Sire, par M. Kochéleff de demander vos ordres pour ce soir si notre réunion aura lieu comme vous l'avez proposé.

Отвѣтъ Государя.

A cause d'un travail diplomatique et d'une conférence que je dois donner à M. Tatichtcheff qui part, c'est à demain que je dois remettre notre réunion.

6.

Отвѣты Государя.

Матушка желаетъ, чтобы по случаю отъѣзда Александры Θеодоровны и Николая Павловича праздника чтобы не было. О чемъ и объявить бар. Альбедилю.

1) Баронъ Альбедиль испрашиваетъ на устройство иллюминаціи въ Петергофѣ 74.147 руб., откуда прикажете отпустить, изъ казначейства или изъ кабинета?

Здѣсь приложена справка прежнимъ примѣрамъ.

2) Нужны для иллюминаціи сей рабочіе люди изъ адмиралтейства 20-го нынѣшняго мѣсяца; прикажете ли объявить Вашу волю начальнику морского штаба?

Тѣ же, которыя и прошлый годъ отведены были въ обоихъ мѣстахъ.

3) Для пріѣзда главнокомандующаго прикажете ли въ Таврическомъ отвести комнаты и какія? Въ Царскомъ Селѣ Ваше Величество сказали мнѣ что назначаете комнаты у парадной лѣстницы

Исполнить.

также нужно будетъ придворный экипажъ и содержаніе по обычаю.

Выдать.

4) Саблуковъ проситъ меня доложить о приданомъ для дочери его, фрейлины.

О семъ послѣдуетъ повелѣніе впредь.

5) Для свѣдѣнія Вашего Величества краткая записка изъ донесенія Б. Альбедиль о безпорядкѣ, случившемся въ селѣ Путиловѣ — зачинщики уже высланы изъ села и посажены въ С.-Петербургѣ въ тюрьму. Ген.-майоръ Захаржевскій доставилъ

мнѣ просьбу того же села Путилова крестьянъ, подававшихъ просьбу въ Царскомъ Селѣ, а они задержаны въ полиціи Царскаго Села.

Сія просьба съ краткой изъ оной запискою здѣсь приложена.

6) Хотѣлъ я также лично объяснить записку, порученную мнѣ княгинею Мещерскою, о которой она уже Вашему Величеству говорила, которую я оставилъ у себя, ежели до отъѣзда Вашего буду имѣть случай у Васъ быть, ибо она требуетъ поясненія и повелѣнія Вашего министру финансовъ.

7.

Czarsko Sélo, 1822,
dimanche, à 6 heures du matin.

J'ai oublié, Sire, de vous avertir hier soir que Sa Majesté l'Impératrice Elisabeth a ordonné que le Métropolite de Pétersbourg vienne chez Elle aujourd'hui, à une heure après-midi, à Kamennoï Ostroff; ainsi ne voudrez-vous pas le recevoir aussi pour l'invitation d'usage? L'Impératrice Mère le recevra demain, à trois heures, au Palais Taurique. Ma lettre qui annonce cet arrangement part avec le Reitknecht qui accompagne V. M. pour être expédié au Métropolitain.

Отвѣтъ Государя.

Très bien.

8.

Le 9 mars 1822.

Ayant rempli, Sire, vos ordres sur le compte de la baronne Krüdener par le moyen du baron Berckheim, je viens de recevoir une lettre de la princesse Galitzyne *) que je joins ici, en vous priant de me dire deux mots sur ce que j'ai à lui répondre.

Отвѣтъ Государя.

J'y consens volontiers.

---

*) Княгиня Анна Сергѣевна.

9.

Отвѣты Государя — *С.-Петербургъ, 16 марта 1822 г.*

По повелѣнію Вашего Величества препровождаю:

1) указъ о пожалованіи Евгенія митрополитомъ Кіевскимъ.

2) проектъ другой: не угодно ли его сдѣлать и членомъ Св. Синода, какъ и прежніе Кіевскіе митрополиты были. По справкамъ я нашелъ, что митрополиту Серапіону бѣлой клобукъ позволено было носить указомъ, мною объявленнымъ Св. Синоду; ежели соизволите, то я и нынѣ о семъ объявлю.

Митрополитамъ Михаилу и Серафиму писаны были рескрипты при препровожденіи креста на бѣлой клобукъ. Причина тому та, что въ Кіевѣ множество крестовъ брильянтовыхъ, принадлежащихъ Кіевской каѳедрѣ, а въ здѣшней оныхъ нѣтъ, и при пожалованіи митрополита непремѣнно нужно оной пожаловать.

Лучше рескриптомъ сіе исполнить.

Я буду ожидать разрѣшенія Вашего Величества, объявить ли мнѣ указъ или прислать рескриптъ къ Вашему подписанію.

10.

Le 19 avril 1822.

Je viens de recevoir, Sire, une lettre de Mme Tatarinoff que je vous envoie. Elle est au désespoir qu'on ne lui a donné que deux jours pour rester au Palais Michel. Etant malade, et son quartier, quoique loué, n'étant pas encore prêt, elle demande qu'on lui donne quelques jours encore. Je vous prie, Sire, de me dire en deux mots ce que j'ai à lui répondre.

Отвѣтъ Государя.

Vous ayant chargé de trouver un quartier logeable pour Mme Tatarinoff, je ne pouvais pas m'attendre que le choix tomberait sur un quartier qu'on doit repeindre à neuf. Il sera difficile de changer les dispositions prises pour le Palais Michel. C'est donc à Mme Tatarinoff à s'y conformer. Je crois avoir fait ce qui dépendait de moi pour ses convenances, en lui faisant fournir par vous un autre quartier en équivalent de celui qu'elle quitte et qui proprement n'a jamais été donné à elle, mais à sa mère et par conséquent auquel elle

n'avait aucun droit. Elle a écrit à ma femme, mais celle-ci ne veut pas se mêler de la chose, trouvant qu'elle doit être complètement contente de ce qu'on fait pour elle, quand jamais elle n'avait aucun droit à un quartier.

Il est bien étrange que dans tout Pétersbourg, on ne puisse trouver quelques chambres où on puisse loger une femme sans famille, ne fût-ce que comme un *en attendant,* jusqu'à ce que son véritable quartier fût achevé.

11.

Le 29 avril 1822.

Le prince André Golitzyne doit vous avoir donné, Sire, un volume des *Victimes,* et, comme ce livre appartient à Madame Krudener, elle voudrait le ravoir avant son départ.

M. Kochéleff m'a dit que la réunion est pour demain; ainsi je suppose que mon travail est aussi pour demain.

Отвѣтъ Государя.

Le livre se trouve à Zarsko Sélo: j'y compte aller demain, ainsi je vous le renverrai tout de suite en y arrivant. Quant à notre réunion et à notre travail, je vous propose de les fixer à mercredi, puisque je vais dîner demain à la campagne, ayant un travail pressant à y faire, un courrier devant partir ce lundi. Je serai de retour mardi, mais, ce jour étant destiné pour le travail polonais et finlandais, ce sera donc mercredi que nous nous réunirons.

Tout à vous.

12.

Le 13 mai 1822.

J'ai vu, Sire, dans ce moment Alexéeff, qui aurait désiré vous remettre quelque chose qui vous serait utile pour le voyage. Si aujourd'hui vous ne partez pas pour Czarsko Sélo de bonne heure, vous pourriez peut-être le recevoir au Palais d'Hiver; dans ce cas, je vous prie de me donner vos ordres là-dessus. Ou bien demain, il pourrait venir à Czarsko Sélo, en donnant vos ordres où il doit arriver.

Отвѣтъ Государя.

Je pars à l'instant pour Zarsko Sélo. Je serai charmé moi-même de voir Alexéeff: cela pourrait très bien s'arranger si vous venez vous-même demain à Zarsko Sélo pour la messe, comme pour prendre congé, que vous ordonniez

en même temps au courrier par lequel vous envoyez chercher Alexeeff de l'amener à Zarsko Sélo à 8 heures du soir dans vos appartements, ou je le ferais chercher par mon valet de chambre.

13.

Kamennoï Ostroff, le 31 mai 1824.

Je viens de recevoir, Sire, une lettre pour S. M. l'Impératrice Elisabeth, de la part de Mme Tatarinoff par laquelle elle annonce la mort de sa mère. Dois-je la présenter moi-même ou vous l'envoyer pour la remettre à S. M.?

Отвѣтъ Государя.

Vous pouvez la présenter vous-même demain quand vous viendrez chez ma femme.

14.

Kamennoï Ostroff, le 13 juin 1824,
à 7 heures et demie du matin.

Que dois-je répondre, Sire, à Mlle Bounine *)? Par la lettre ci-jointe, elle demande une voiture et un laquais de la cour à 10 heures ce matin pour arriver en ville (de *Тентелева деревня,* à la 3e verste sur le chemin de Péterhof, où elle demeure) et se reposer un peu pour arriver à l'heure marquée à Kamennoï Ostroff.

Отвѣтъ Государя.

Faites-lui donner une voiture de la Cour et un domestique: probablement sans, elle ne saurait pas où arriver. Du reste, dites-lui que, si sa santé l'empêche de venir cette fois-ci, ce n'est que partie remise à un autre jour.

Письмо А. П. Буниной *).

Милостивый Государь
Почтеннѣйшій мой благодѣтель
Князь Александръ Николаевичъ!

Съ сердечною радостью повинуюсь Высоко-Монаршей лестной для меня волѣ. Ваше Сіятельство удивитъ выраженіе мое, не соотвѣтственное

*) Анна Петровна Бунина, писательница, р. 1774 г., † 1829 г.

обстоятельству, когда я скажу, что *постараюсь быть*. Ибо желаніе по духу и препятствіе по тѣлу причина, что не могу сказать рѣшительно. Я сію минуту поѣду въ городъ; но какъ я еще не начинала выѣзжать и, къ сожалѣнію, сегодня на ночь брала ванну, то и не знаю допуститъ ли здоровье. Но ради самого Бога не извольте о томъ докладывать Государю. Я такъ сильно желаю быть, что соберу всѣ силы. Не можно ли будетъ сдѣлать милость прислать за мною придворную карету съ лакеемъ въ 10 часовъ утра, чтобы я могла въ городѣ немного отдохнуть; ибо, не имѣя на разсылки человѣка, я боюсь опоздать и сама себя лишить счастія.

Поручаю себя въ милость вашу Вашего Сіятельства, сіятельнѣйшій князь благодѣтель мой, преданная, покорнѣйшая и благодарная

13 іюня 1824 года. Анна Бунина.

15.

19 іюня 1824 г.

Vous sachant dans la peine *), Sire, je ne puis m'empêcher de vous écrire quelques mots, non de consolation, car c'est le Seigneur seul qui peut consoler, mais j'ai besoin de m'unir à vous en Notre Seigneur pour me tenir en Sa présence et Lui demander qu'Il soutienne votre résignation, que vous m'avez fait entrevoir dans une rencontre au jardin de Czarsko Sélo depuis peu. Vous étiez préparé à cette perte, et la manière dont vous envisagiez ce sacrifice m'a donné l'idée, en recevant la nouvelle de votre chagrin, de vous la communiquer.

Dieu vous a arraché miraculeusement au péché. Humainement vous ne saviez comment aborder la rupture du lien qui faisait le bonheur, quoique illégitimement, de votre existence. A présent Il retire à Lui le fruit de ce lien qui ne devait pas, pour ainsi dire, voir le jour d'après la sainte volonté de Dieu, et, par cet arrêt, corrige la faute de votre propre volonté. Il le retire dans Son sein dans quel état? Dans l'innocence, dans la piété enfin: un ange qui, au lieu de pécher dans ce bas monde en y restant, priera pour vos péchés et ceux de sa mère devant le Trône de l'Agneau. Le vide qui s'est fait dans votre cœur par la perte de cet objet d'affection qui vous est arraché, offrez-le au Seigneur pour qu'Il s'en empare et qu'Il le remplisse par Son Esprit.

Nous ne pouvons pas quelquefois rendre Maître le Sauveur de tout notre cœur, mais c'est bien heureux si nous pouvons peu à peu Lui céder le terrain pour qu'ensuite, possédant le cœur en plein, Il édifie ce Temple Intérieur où Il cherche à régner sans partage.

Je fais des vœux pour que votre cœur résiste le moins possible à ce Bon Maître et qu'Il vous comble de Ses grâces qui sont les seules durables

*) Написано по случаю кончины Софіи Дмитріевны Нарышкиной.

et réelles. Je m'unis à vous le plus étroitement possible en Notre Sauveur et vous recommande à Lui, à la Sainte Mère, à tous les Saints et à la Hiérarchie de tous les Anges et particulièrement à votre Ange Gardien.

Отвѣтъ Государя. *Ce jeudi soir, le 19 juin.*

Je suis bien touché de votre intérêt, et votre lettre m'est allée droit au cœur.

J'ai un service personnel à vous demander, mais cela a besoin de s'expliquer de bouche; je désire donc que vous veniez me voir demain matin, à 10 heures, ici, à Krasnoyé Sélo.

Tout à vous en Notre Sauveur.

16.

Отвѣты Государя. *Каменный Островъ, 5 августа 1824 г.*

1) Шталмейстеръ К. Долгорукой спрашиваетъ о выѣздѣ парадномъ Ихъ Величествъ Императрицъ въ Преображенской соборъ, по порядку ли прошлаго года или иначе?

По прошлогоднему.

Въ прошломъ году съѣзжались въ Таврической дворецъ и тамъ садились въ парадныя кареты: какъ прикажете, Государь?

2) Не назначите ли мѣсто и часъ пріема игумена, бывшаго Валаамскаго, и единовѣрческаго монаха.

Завтра въ Зимнемъ на Невской большой подъѣздъ игумену въ 5-ть, а монаху въ исходѣ 6-го часу.

3) Напомнить считаю долгомъ о К. Алексѣѣ Борис. Куракинѣ, когда и гдѣ ему благодарить за внучку.

Князя приму въ четвертокъ на Каменномъ острову, въ 10-ть часовъ утра.

VII.

„Копія съ копіи письма Н. М. Карамзина (?) Императору Александру Павловичу по поводу заключенія союза съ Наполеономъ послѣ свиданія на Нѣманѣ б. г. (1807 г.)“ *).

Государь!

Время, въ которое я осмѣливаюсь призывать вниманіе Вашего Императорскаго Величества на обозрѣніе пользъ народа, коего вы Отецъ, можетъ быть есть послѣднее, которое вамъ остается для избѣжанія ужаснаго, но неизбѣжнаго паденія, которое угрожаетъ Отечеству и его главѣ, какъ и послѣднему изъ его подданныхъ.

Не время уже, Государь, предпочитать непредвидимое, которое освобождаетъ отъ безпокойства той скучной мудрости, которая занимается опасностью, дабы ее предупредить, не время уже покрывать завѣсою слишкомъ черныя будущія послѣдствія и утѣшаться тѣмъ, что на мгновеніе удаляете судьбы: обозрите происходящее въ Вашемъ государствѣ, въ столицахъ Вашихъ, даже то, что около самой Вашей Особы происходитъ; Вы будете имѣть много горестныхъ случаевъ убѣдиться, что одна токмо измѣна можетъ стараться скрыть пропасть, разверзстую подъ ногами Вашими, и что одними только сопряженными усиліями мудрости, осторожности, патріотизма и ревенія можете вы еще исторгнуть Россію изъ бездны, въ которую ее ввергли неопытность, надменность, невѣжестзо, кабалы и всеобщее развращеніе.

*) Рукописный отдѣлъ Собственной Его Величества библіотеки, № 771, шк. А, п. 4. Анонимное „письмо“ это, существующее въ значительномъ количествѣ списковъ, въ копіи Собственной Его Величества библіотеки приписывается Н. М. Карамзину. „Письмо“ было напечатано Герценомъ, въ Лондонѣ, какъ письмо Мордвинова, позднѣе — С. А. Петровскимъ, подъ названіемъ „Письмо сенатора Теплова“; въ спискѣ, хранящемся въ Военно-Ученомъ Архивѣ, авторство письма приписывается Мордвинову, въ другой копіи — Ростопчину... Въ т. III, стр. 615, „Архива графовъ Мордвиновыхъ“ напечатанъ полный французскій оригиналъ „письма“ подъ заглавіемъ: „Projet de représentation à l'Empereur“, съ точной датой: „Le 25 Août 1807“. Тѣмъ не менѣе, редактировавшій это изданіе покойный В. А. Бильбасовъ положительно утверждаетъ, что „этотъ проектъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ произведеніе Н. С. Мордвинова“. Кто бы ни былъ его авторъ, важно то, что это „письмо“, въ переводѣ, во многихъ спискахъ распространялось въ современномъ обществѣ.

Наконецъ, объявленъ сей миръ, который столь долгое время былъ тайною для народа; новый союзникъ Вашъ поспѣшилъ открыть въ публичныхъ вѣдомостяхъ бѣдствія, которыя преумножилъ онъ на главахъ нашихъ. Сыны Россійскіе, пріобыкшіе чрезъ цѣлый вѣкъ величія и славы предписывать врагамъ своимъ законы, хотя и упали лестнѣйшія и свойственныя лѣтамъ ихъ надежды, но лучше бы пожертвовали послѣднею каплею крови, нежели нести столь постыднымъ образомъ яремъ того, кто не имѣлъ другихъ предъ нами выгодъ, какъ то, что умѣлъ воспользоваться слабостью, невѣжествомъ и измѣною.

Я никогда не осмѣливался бы быть предвозвѣстникомъ сихъ жестокихъ истинъ, если бы, представляя ихъ Вашему Величеству, не имѣлъ вмѣстѣ и тѣ утѣшенія, которыя услаждаютъ то, что въ нихъ есть горестнаго. Всеобщее негодованіе, которое есть вѣрное мѣрило народной бодрости духа, открывая опасность, назначаетъ и способы, показуетъ, Государь, и все то, что Вы можете ожидать отъ столь великодушнаго народа, позволивъ слѣдовать ему за Вами въ славномъ пути, предначертанномъ знаменитыми предшественниками Вашими! Итакъ, благоволите позволить усердію моему исполнить священный долгъ, говоря предъ Вами со всею откровенностію и безпристрастіемъ, коихъ Вы имѣете право ожидать отъ вѣрнаго подданнаго, представить Вашему Императорскому Величеству истинную картину положенія Вашего государства, привесть Вамъ на память тѣ лестныя обѣщанія, Вами отечеству данныя, и показать Вамъ плоды отъ оныхъ, имъ полученныя.

При восшествіи Вашего Императорскаго Величества на престолъ блестящая перспектива открылась очамъ народа; торжественное обѣщаніе управлять по законамъ и сердцу августѣйшей бабки Вашей сосредоточило на Васъ всѣ надежды и сдѣлало Васъ предметомъ всеобщаго обожанія.

И кто бы могъ воздержаться отъ энтузіазма, видя юнаго Монарха, ненавидящаго пышность и роскошь, начавшаго правленіе тѣмъ, что самого себя подчинилъ спасительной власти законовъ, возобновляющаго права ненарушимыя первыхъ столбовъ престола, окружающаго себя правителями, назначенными всеобщимъ движеніемъ, и увѣреннаго, что не можетъ сбиться съ истиннаго пути съ такими подпорами, ступающаго твердыми стопами по стезѣ истиннаго величія! Уничтоженіе тайны, намѣреніе исправленія судебныхъ порядковъ, безпристрастіе въ выборѣ губернаторовъ, подтвержденіе терпимости вѣръ, строгая бережливость въ излишнихъ расходахъ, неограниченная щедрость во всемъ томъ, что имѣло отпечатокъ истинной пользы, прибавокъ жалованья офицерамъ, деньги, взятыя за призы, возвращенныя защитникамъ отечества, созиданія городовъ, портовъ и каналовъ, улучшеніе всѣхъ филантропическихъ заведеній, ободреніе наукъ, торговли и промышленности и великодушный пріемъ, оказанный всѣмъ угнетеннымъ, имѣющимъ прибѣжище къ Вашему правосудію: вотъ, Государь, тѣ дѣянія, которыя дали Вамъ право на любовь Вашихъ народовъ въ первыя лѣта Вашего царствованія! При сихъ-то благополучныхъ признакахъ объявленъ былъ манифестъ 1802 года. Министры, раздѣленные по существу и

разнообразію своихъ департаментовъ, но собранные въ одинъ комитетъ, долженствовавшіе спасительнымъ вліяніемъ верховной власти быть душою правленія и средоточіемъ раздѣленныхъ властей, не обѣщали народу ничего другого, кромѣ лестнаго! Особенныя наставленія, настоятельно объявленныя, истребляли даже малѣйшія сумнѣнія въ непредвидимости.

Но никто, Государь, столько не знаетъ, какъ Вы, сколько сіе постановленіе удалилось отъ духа перваго его изобрѣтенія, и опытъ никогда больше не доказывалъ опасности сихъ недоконченныхъ мѣръ, принятыхъ нерѣшимостью и обезображенныхъ недовѣрчивостію, которыя по несовмѣстности и по недостатку въ соображеніи средствъ вовсе не отвѣтствуютъ первой своей цѣли.

Если отъ пружинъ правленія, Вы благоволите низвесть взоры Ваши на ихъ дѣйствіе, то какое, Государь, для отеческаго сердца Вашего откроется зрѣлище совершеннаго разстройства Государства: чума, достигшая нашихъ границъ и грозящая распространить свое опустошеніе даже до внутрь Имперіи, взволнованіе народа въ Астрахани, внутренняя и внѣшняя торговля въ стѣсненномъ положеніи, товары, задержанные на Макарьевской ярмонкѣ, неповиновеніе черни на Уралѣ, явное непослушаніе работниковъ желѣзныхъ заводовъ въ Перми, крестьяне нѣмецкихъ провинцій, ожидающіе только сигнала къ тревогѣ; жиды, безъ причины утѣсненные въ гражданскомъ ихъ быту и извнѣ подстрекаемые чужеземными интригами, готовые все предпринять противъ правительства, забывающаго въ отношеніи только ихъ однихъ правила терпимости вѣръ, примѣръ которой оно же показало другимъ народамъ; крѣпостные люди въ Польшѣ ободренные, а помѣщики ихъ устрашенные заразительнымъ примѣромъ освобожденія отъ подданства ихъ земляковъ; крымскіе татары, звѣрствующіе и готовые при первомъ знакѣ соединиться съ турками; дороговизна въ столицахъ, оскудѣніе въ жизненныхъ потребностяхъ въ пограничныхъ губерніяхъ; недостатокъ въ работникахъ и въ скотѣ, похищенныхъ отъ селъ рекрутскимъ наборомъ и милиціею – и отъ Сѣвера до Юга всѣ губерніи, всѣ состоянія гражданъ — дворяне, духовные, купцы и землепашцы, обладаемыя однимъ духомъ оскорбленія, отчаянія и мятежа; казна, истощенная двумя несчастными войнами, патріотическія приношенія, безъ всякой пользы расточенныя; ассигнаціи, безъ всякой выгоды умноженныя, безмѣрная роскошь зданій въ столицѣ, которыя какъ будто ругаются надъ нищетою провинціи; источники казенныхъ доходовъ, изсякшіе даже у крестьянъ, не для настоящихъ государственныхъ потребностей, но для удовлетворенія ненасытной жадности грабителей всякаго рода, явно ободренныхъ систематическою потачкою.

Войска, почти совершенно обезохоченныя безполезнымъ пожертвованіемъ своей крови, оскорбленныя, не имѣющія начальника, на котораго могли бъ они точно надѣяться, презирающія тѣхъ, которыхъ пристрастіе упорствуетъ поддерживать, вопреки народному гласу. Новонабранныя—безъ подчиненности въ чинахъ, безъ повиновенія и безъ всякаго правила устройства, и наконецъ попеременно терпящія недостатокъ то въ оружіи, то въ амуниціи, то въ провіантѣ.

Милиція, обманутая въ справедливомъ упованіи на торжественное обѣщаніе своего Монарха, единственно призванная на время войны, безъ всякой жалости вписана въ полевыя войска, какъ въ простые рекруты.

Морскія силы еще въ жалостнѣйшемъ состояніи, нежели сухопутное войско, существующія въ одномъ Сенявинскомъ флотѣ и заслуживающія названіе Департамента только по безмѣрнымъ и безполезнымъ своимъ расходамъ. Сенявинъ, по причинѣ достохвальныхъ своихъ поступковъ и уваженія своей націи, которое онъ умѣлъ заслужить, почитаемый какъ ученикъ адмирала Мордвинова, гонимъ за оное.

Департаментъ иностранныхъ дѣлъ, обозначенный нынѣ заключеннымъ миромъ, но имѣющій по крайней мѣрѣ ту выгоду, что управляемъ иностранцемъ *Будбергъ,* и тѣмъ самымъ избавившій націю отъ горести присоединить къ имени Россіянина посрамленіе, вѣчно съ онымъ сопряженное!

Духовенство, осмѣянное предъ народомъ за религіозную ненависть, которую вытребовали отъ его патріотизма противъ отечественнаго врага, явнымъ отреченіемъ, сдѣланнымъ нынѣ правительствомъ отъ необдуманныхъ осужденій, которыя оно само вынудило *).

Если внутреннее положеніе Россіи должно внушить справедливое опасаніе, то и внѣшнія ея сношенія не представляютъ ничего утѣшительнаго; она уже не имѣетъ союзниковъ, потому что она имъ всѣмъ льстила или запутала тщеславнымъ выказаніемъ своихъ силъ и потомъ оставила, нимало не сберегая и выгоду.

Государи и народы: Англія, Австрія, Швеція, Пруссія, Неаполитанскій король, Сардинія, Бурбонская фамилія, греки, черногорцы, славяне, Семь острововъ, могутъ ее въ томъ же упрекнуть.

Между тѣмъ, война не совсѣмъ еще окончена въ Турціи, она возгорѣлась въ Персіи. Англія, Швеція не оставляютъ ее въ спокойномъ положеніи, а Наполеонъ, методическимъ образомъ дѣйствуя своими происками къ нашему разрушенію, всегда въ готовности открытымъ образомъ напасть на насъ съ средствами, безпрестанно возрастающими, которыя принуждаютъ насъ дѣлить всѣ издержки безъ дѣйственнаго сопротивленія, такъ что мы, отказавшись отъ нашего величія, отъ помощи нашихъ союзниковъ, отъ всѣхъ возможныхъ счастливыхъ случаевъ войны и отъ надежды окончить ее побѣдою, мы увѣковѣчили безпокойства пожертвованій и опасности.

Вотъ, Государь, ужасное, но точное изображеніе критическаго положенія, въ которомъ мы находимся; бѣдствія наши достигли до вышней степени, однакожъ средство къ избавленію въ рукахъ Вашихъ. Главное достоинство того рода, отъ котораго Вы происходите, было всегда показывать себя превыше фортуны. Великій Петръ въ самыхъ злосчастіяхъ умѣлъ

*) Во французскомъ оригиналѣ это мѣсто читается такъ: „Le clergé compromis vis-à-vis du peuple par la haine religieuse qu'on a exigé de son patriotisme contre l'ennemi de l'Etat et par le démenti formel donné aujourd'hui par le gouvernement aux censures hasardées qu'il avait lui même sollicitées“. Архивъ графовъ Мордвиновыхъ, III, 622.

найти начало своей славы и положить настоящія основанія народнаго блаженства.

Вы не должны, Государь, уступить въ великодушіи своимъ предкамъ; и управленіе государства въ сихъ обстоятельствахъ имѣетъ нужду въ героѣ, который могъ бы имъ управлять. Почему бы Вамъ, наученнымъ въ школѣ несчастія, не украсить себя тѣми добродѣтелями, которыя наслѣдственны въ Вашей фамиліи; первѣйшая изъ всѣхъ та, которая Вамъ нынѣ сдѣлалась нужнѣйшею, то, безпрестанный примѣръ которой Вамъ подавала августѣйшая Ваша бабка, есть безпредѣльная приверженность, явное предпочтенье, неограниченная довѣренность къ собственной Вашей націи. — Изгоните, Государь, сію силу иноплеменниковъ, которые, подобно вранамъ, въ день горести питаются язвами Вашего Государства и собираются для пожиранія нашихъ труповъ; Вы ничего не должны ожидать, какъ отъ настоящихъ Россіянъ; составьте одинъ составъ съ Вашею націею, присвойте себѣ ея духъ, будьте сильны ея силами, бодрственны ея бодростію.—Гордитесь ея славою; и благодарность народовъ возможетъ еще поставить Васъ на ряду съ величайшими нашими Монархами!

Болѣе всего обопритесь на совершенные сіи столпы Вашей Имперіи, на сіе дворянство, которое не требуетъ другого преимущества какъ проливать свою кровь за Отечество, признавать покровителя своего въ своемъ же Государѣ и быть удостоеннымъ его довѣренностію; въ сей то взаимной довѣренности Государя къ дворянству, и дворянства къ своему Государю, Вы найдете способы дать намъ правленіе сосредоточенное и совокупное, котораго члены были бы оживлены тѣмъ же духомъ и труды бы ихъ устремлены къ одной цѣли.—Тогда всякій гражданинъ поставитъ себѣ совершенно за долгъ и себѣ въ честь споспѣшествовать всѣми своими силами и всѣми своими средствами государственной пользѣ и правленію, преставъ быть зыблимъ гнусными происками, воспріиметъ ту силу, ту единственность намѣренія въ планѣ и ту счастливую согласность въ подробностяхъ исполненія, безъ которыхъ величайшіе геніи не могутъ ничего выгоднаго предпринять для спасенія Государства.

Великій Князь
Николай Михаиловичъ

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I

Т. I

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 09 12 17 10 021 7